

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

К. М А Р К С

и

Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

тт. I—XVI

ПУБЛИЦИСТИКА - ФИЛОСОФИЯ - ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

тт. XVII—XX

КАПИТАЛ

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

тт. XXI—XXVIII

ИЗМЕНЕНИЯ

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

т. XXIX

УКАЗАТЕЛИ ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. АДОРАТСКОГО

Т О М
XXV

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) 1936

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМА

1844—1868

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящим томом открывается серия томов (всего их будет четыре), куда входят письма Маркса и Энгельса, адресованные к различным лицам, с которыми им в течение их жизни приходилось вступать в те или иные отношения. Необходимо сразу же сказать, что из того огромного количества писем, которые Маркс и Энгельс за свою долголетнюю деятельность написали своим многочисленным корреспондентам, у нас есть, конечно, только небольшая часть. Одним из наглядных доказательств того, как много писем Маркса и Энгельса нехватает, является общее количество сохранившихся у нас писем, адресованных к ним. Таких писем около 9 000. Большинство — это ответы на письма Маркса и Энгельса или такие письма, на которые Маркс и Энгельс в свою очередь должны были отвечать. Писем же Маркса и Энгельса будет менее 2 000.

Разбирая архив Маркса после его смерти, Энгельс писал И. Ф. Беккеру 22 мая 1883 г.: «С домом Маркса нам придется возиться еще до будущего марта, так что с переездом и дальнейшими планами спешить нечего. Привести это наследство в порядок — действительно каторжная работа. Меня удивляет, что Марксу удалось сохранить почти все бумаги, письма и рукописи даже из дореволюционных времен — великолепный материал для биографии, которую я, конечно, напишу и которая, между прочим, будет также и историей «Новой Рейнской Газеты», и движения 1848—49 гг. на Нижнем Рейне, историей паршивой лондонской эмиграции 1849—52 гг. и Интернационала».

Но так хорошо сохранились только те материалы, которые находились в руках самого Маркса: его рукописи, записные тетради, подготовительные работы к его сочинениям, различные документы, которые он считал необходимым хранить, письма, адресованные ему, и т. д. Сохранение же писем, которые Маркс посылал своим корреспондентам, зависело уже не от Маркса, и письма эти не могли, конечно, сохраниться с такой же полнотой. В письме Франкелю и Варлену от 13 мая 1871 г. Маркс говорит, что он

написал в интересах Коммуны «сотни писем во все концы света, где только существуют наши секции» (секции Международного товарищества рабочих). Понятно, как трудно собрать теперь все эти письма. Из этих «сотен писем» у нас теперь сохранились только единицы. Уцелели архивы только небольшого количества корреспондентов Маркса, благодаря чему до нас и дошли более или менее полно адресованные этим лицам письма Маркса и Энгельса. Из числа таких лиц, состоявших в переписке с Марксом, необходимо указать на *И. Вейдемейера, Л. Кугельмана, И. Ф. Беккера, В. Либкнехта, Ф. А. Зорге, Н. Ф. Даниэльсона, Ф. Лассалья, Ф. Фрейлигера, Г. Юнга, П. Лаврова.*

В архивах тех же лиц сохранились и письма Энгельса, который тоже состоял с ними в переписке. Кроме перечисленных, есть еще ряд корреспондентов, с которыми Маркс не переписывался, а переписывался только Энгельс: *Т. Куно, А. Бебель, Э. Бернштейн, К. Каутский, Г. Шлютер, К. Шмидт, В. Адлер* и некоторые другие. Письма к указанным здесь лицам и составляют главную массу находящейся в наших руках корреспонденции Маркса и Энгельса. Кроме того, есть ряд писем, адресованных лицам, с которыми не было такой регулярной переписки.

С сожалением приходится констатировать, что до сих пор не удалось достать писем Маркса к целому ряду корреспондентов, хотя нам определенно известно, что переписка с этими лицами велась. Так, например, отсутствуют письма к ряду лиц, которые состояли в переписке с Марксом и Энгельсом, как, например, *Г. Верту, В. Шили, П. Имандту, Э. Дронке, В. Пилеру, Э. С. Бизли, Карлу Гиршу, Рих. Рейнгардту* (секретарю Гейне), *Руд. Мейеру, Ц. Де Пану, В. Блоссу* и другим. Относительно Шили, например, Маркс писал Зорге 1 сентября 1870 г.: «Шили не только один из моих старейших и наиболее близких личных друзей, но и один из самых дельных, смелых и надежных членов партии». В 50—60-х годах Шили жил в Париже, и Маркс поддерживал с ним связь, как это видно из ответных писем Шили к Марксу. В архиве Института хранится 62 письма Шили к Марксу, из писем же Маркса к Шили у нас сохранилось всего одно письмо от 1867 г.

Нет писем к *Гарни* и *Джонсу*, хотя определенно известно, что Маркс и Энгельс поддерживали с ними отношения в течение продолжительного времени и не мало должны были писать Гарни в 40-х, Джонсу в 50-х годах. С Э. Джонсом Маркс в 50-х годах был в довольно близких отношениях, помогал ему советами в его работе как редактора чартистских газет и как вождя чартистской партии.

Маркс сотрудничал в органах, издававшихся Э. Джонсом: «People's Paper», «Notes to the people» и т. д.

Если не считать писем Маркса и Энгельса к Вейдемейеру и Зорге, которые жили в Америке (Вейдемейер с 1851 г., Зорге с 1852 г.), то из переписки с Америкой сохранилось очень мало. Отсутствует переписка с *Адольфом Клуссом*, который до 1854 г. был активным сторонником Маркса в США. То небольшое количество писем к Клуссу, которое есть у нас, дошло до нас только через Вейдемейера. Нет у нас архива *Дана*, и, таким образом, мы не имеем писем, которые Маркс писал Дана, и нет также и оригиналов статей для «New-York Tribune». Получить последние было бы очень важно ввиду того, что во многих случаях статьи Маркса помещались без подписи, в качестве передовых, и нередко редакция позволяла себе делать в них сокращения и вставки.

Работа по разысканию и собиранию рукописей и писем Маркса и Энгельса продолжается, и несомненно можно рассчитывать, что она даст свои результаты. Однако ряд ценных материалов, повидимому, пропал безвозвратно. Например, Институту удалось установить, что письма Маркса к Г. Веерту уничтожены. Их сжег брат Георга Веерта, вероятно в конце 50-х годов. Институт обращался к сыну Э. Джонса и получил ответ, что писем Маркса у него нет. Где они находятся — неизвестно. Пропало, повидимому, большое количество писем Маркса и Энгельса к Либкнехту; например, совсем нет писем к нему после его переезда в Берлин в 1862 г. Из сохранившихся же писем позднейшего времени видно, что сохранились они с большими пробелами, многое отсутствует.

Отсутствие тех оригиналов писем Маркса и Энгельса, которые не удалось собрать у очень большого количества адресатов, восполняется в некоторой мере сохранившимися в архиве Маркса и Энгельса черновиками и копиями их писем. Но надо сказать, что количество черновиков и копий не очень велико.

Здесь нет необходимости распространяться о громадном политическом и теоретическом значении собрания писем Маркса и Энгельса, а также о значении этих писем для их биографии. Это ясно само собой. Существует не малое количество изданий избранных писем Маркса и Энгельса, содержащих особо ценный материал по теории и политике марксизма. И в дальнейшем необходимо популяризировать и распространять подобные сборники, так как в письмах получает сплошь и рядом блестящее дополнительное освещение и разъяснение ряд важнейших теоретических и практических вопросов. Но наряду со сборниками избранных писем необходимо

полное их собрание. Эту потребность и стремится удовлетворить настоящее издание. В него включены все письма Маркса и Энгельса, которые удалось собрать до сих пор. В виде исключения помещены некоторые письма жены Маркса и его дочерей, главным образом в тех случаях, когда они писались по прямому поручению Маркса. Открытые письма, специально предназначавшиеся для опубликования в печати и опубликованные в свое время в различных органах самими Марксом и Энгельсом, в настоящее собрание, как правило, не входят. Они включены не в тома переписки, а в соответствующие тома Сочинений. Такого рода письма в виде исключения печатаются в томах писем только в том случае, если они по каким-либо причинам в свое время напечатаны не были или если не могли попасть в тома Сочинений, так как были обнаружены Институтом уже после того, как соответствующие тома Сочинений, куда эти письма должны были войти, были уже напечатаны.

К изданию огромного количества писем, адресованных Марксу и Энгельсу (как уже указано выше, их около 9 000), можно будет приступить лишь после того, как в основном будет закончена публикация писем самих Маркса и Энгельса и их рукописей. При подготовке настоящего издания писем Маркса и Энгельса, письма, адресованные к ним, были использованы, когда требовалось выяснить, о чем в том или ином письме идет речь, для установления и проверки отдельных дат, фактов и т. д.

Чтобы сделать собрание писем возможно более полным, в данное издание включены не только те письма, которые хранятся в архиве Института в оригиналах и фотокопиях, но также и те, которые есть у Института только в копиях, сделанных уже после смерти Маркса и Энгельса, переписанных от руки или на машинке. Ряд писем взят из различных органов печати, где они были опубликованы в разное время. Сверка этих копий, ввиду отсутствия в распоряжении Института оригиналов, — невозможна. Все такие случаи соответственно оговорены.

В настоящее собрание входят письма, в значительной мере уже опубликованные раньше. Таковы письма к Вейдемейеру, Кугельману, Лассалю, Беккеру, Даниэльсону и т. д. Но даже и эти письма, собранные воедино, дают читателю нечто новое, потому что в ряде случаев удалось дополнить уже известные прежде собрания новыми письмами, восстановить сделанные при прежних публикациях сокращения и дать, таким образом, более полный текст, чем это было в прежних изданиях. Такое полное собрание писем дает ряд новых данных для биографии Маркса и Энгельса, позволяет полнее

отразить весь облик великих революционеров, гениальных вождей пролетариата, дает больше материала для изучения всех подробностей их революционной деятельности, их теоретической работы и их личной жизни.

Письма расположены в хронологическом порядке. Их разбивка по томам обусловлена только необходимостью считаться с объемом сохранившейся от того или другого периода корреспонденции и с тем, чтобы объем отдельных томов не превышал обычного размера 30—35 печатных листов. Ввиду того, что письма более ранних периодов сохранились хуже, первый том обнимает большее количество годов. По томам письма располагаются следующим образом:

- т. I — 1844—1868,
 т. II — 1869—1877,
 т. III — 1878—1887,
 т. IV — 1888—1895.

* * *

Настоящий XXV том Сочинений, являющийся первым томом данной серии, охватывает четыре больших периода: 1) период до революции 1848 г.; 2) период революции 1848—1849 гг.; 3) период от начала 50-х годов до начала 60-х годов; 4) начало деятельности I Интернационала от его основания до 1868 г. включительно.

От первых двух периодов до нас дошло чрезвычайно мало писем Маркса и Энгельса. В настоящем томе помещены письма, начиная с 1844 г. Письма более ранних лет, дошедшие до нас также в крайне незначительном количестве, напечатаны в первых двух томах Сочинений. В томе I — письма молодого Маркса: письмо к отцу от 10 ноября 1837 г., письма к Руге, письма к Фейербаху. В томе II — письма молодого Энгельса.

Из писем Маркса и Энгельса до 1848 г. почти ничего не сохранилось. Между тем нам известно, что в предреволюционные годы у них была весьма обширная переписка в связи с их широко развернувшейся деятельностью по пропаганде взглядов научного коммунизма.

Маркс пишет в «Господине Фогте» о своей деятельности во второй половине 40-х годов следующее: «В Брюсселе, куда меня выслал Гизо, я основал вместе с Энгельсом, В. Вольфом и другими существующее и поныне Немецкое рабочее просветительное общество. В то же время мы выпускали ряд частью печатных, частью литографированных памфлетов, в которых подвергали беспощадной критике ту смесь французско-английского социализма или коммунизма с немецкой философией, которая составляла тогда тайное учение Союза;

вместо этого мы выдвигали изучение экономической структуры буржуазного общества как единственно твердую теоретическую основу и, наконец, в популярной форме разъясняли, что дело идет не о проведении в жизнь какой-нибудь утопической системы, а о сознательном участии в происходящем на наших глазах историческом процессе революционного преобразования общества» (*Маркс*. «Господин Фогт», Соч., т. XII, ч. I, стр. 302—303).

Нам известно, что Маркс и Энгельс состояли в переписке с рядом деятелей рабочего движения; они были связаны через Гарни с английскими чартистами; у них были также связи с деятелями Союза справедливых (Шаппер, Молль и др.). С целью пропаганды взглядов научного коммунизма они организовали в Брюсселе так называемый «Корреспондентский комитет» или «Комитет связи». Из писем Маркса и Энгельса в связи с деятельностью этого «комитета» до нас дошло очень мало. Сюда относятся три письма Энгельса, написанные им из Парижа в 1846 г. (см. т. XXI Сочинений), и два письма, помещенные в настоящем томе: письмо Прудону от 5 мая 1846 г. и Г. А. Кетгену от 15 июня 1846 г. А между тем существует ряд писем к Марксу и Энгельсу за время от начала 1846 г., показывающих, каким образом деятели Союза справедливых убеждались в правильности взглядов Маркса и Энгельса и каким образом подготовлялся съезд Союза, состоявшийся летом 1847 г., на котором Союз справедливых был переименован в «Союз коммунистов», и другой съезд в ноябре-декабре 1847 г., на котором Марксу было поручено написать программу Союза — «Коммунистический манифест». В архиве Института есть 6 писем Шаппера, Молля и других руководящих работников Союза справедливых от начала 1846 до начала 1848 г.; 5 писем Эвербека — представителя Союза справедливых в Париже; около двух десятков писем из Германии от членов Союза из Кельна (Г. Бюргерс, Р. Даниэльс, А. Готтшалк), из Килия (Георг Вебер), из Вестфалии (И. Вейдемейер) и т. д.

Не лучше сохранились письма, относящиеся к годам революции. За 1848 г. есть всего 10 писем, а за 1849 г. до закрытия «*Neue Rheinische Zeitung*» — только 5. Почти вовсе нет писем за время работы в газете.

Только начиная с 50-х годов писем сохранилось больше. Здесь большую роль играет то обстоятельство, что у нас есть архив Вейдемейера, у которого довольно полно сохранились письма Маркса и Энгельса. В этих письмах получает освещение литературная и научная работа Маркса и его борьба с представителями вульгарной демократии, занимавшая в то время очень важное место. Кроме того, в

письмах получил отражение и ряд других моментов: борьба против интриг и подвохов реакционных правительств (письма на стр. 78—84), бытовые черты тяжелой эмигрантской жизни (например, письма Энгельса Вольфу — 1 мая 1851 г., Дронке — 9 июня 1851 г., письмо Маркса Вейдемейеру — 2 августа 1851 г., Амалии Даниэльс — 6 сентября 1855 г. и т. д.

Все же и в переписке 50-х годов есть большие пробелы. Так, например, у нас совсем нет переписки, которую Маркс и Энгельс вели в 1850—1851 гг. как руководители Союза коммунистов. Те небольшие отрывки, которые помещены в томе, дошли до нас случайно, поскольку они фигурировали в «Кельнском процессе коммунистов». Совсем нет писем Маркса к Микелю, хотя несомненно, что Маркс ему писал.

Сравнительно полно сохранилась переписка, которую Маркс вел в связи с процессом против К. Фогта; она сохранилась в архиве Лас-саля. В этих письмах довольно много дополнительных подробностей к тому, что Марксом опубликовано в его памфлете «Господин Фогт». Переписка эта ценна тем, что рисует Маркса с различных сторон как борца и вождя партии и содержит ряд подробностей, ценных для его биографии.

В письмах периода I Интернационала Маркс особенно ярко выступает как организатор и вождь пролетарской партии. Писем сохранилось здесь значительно больше, но и тут есть не мало пробелов. Некоторым дополнением к рассказу об учреждении Интернационала, содержащемуся в известном письме Маркса Энгельсу от 4 ноября 1864 г., являются письма Маркса Клингсу от 4 октября, Вейдемейеру и Кугельману от 29 ноября 1864 г. Вейдемейеру Маркс пишет, что он принял приглашение участвовать в организации всего этого дела потому, что предвиделась возможность «оказать существенное влияние». Маркс таким путем получал возможность оказывать влияние на рабочие массы тех стран, которые в то время были решающими для развития пролетарской революции — Англии и Франции. Представителю волингенских рабочих Клингсу Маркс дает совет, как провести политическую демонстрацию в интересах развития классового сознания рабочих в Германии, и в том же письме дает отчет о ходе своей теоретической работы по подготовке своего главного сочинения «Капитал», говорит о значении для борьбы рабочих этой книги, которая должна нанести буржуазии «в области теории такой удар, от которого та никогда не оправится». Представителям французских, английских, немецких рабочих Маркс дает советы, директивы, прямые указания, как они должны обеспечивать самостоятельность

политики рабочего класса, как они должны готовить пролетариат к выполнению его исторической роли, чтобы рабочий класс, овладев политической властью, организовав свою диктатуру, стал руководителем всех трудящихся в деле создания бесклассового общества.

Вместе с тем Маркс в ряде писем к Бекнеру, Зигфриду Мейеру, Кугельману и другим дает оценку положения в организации, подводит итоги и дает характеристику работ конгрессов, дает характеристики отдельных деятелей, критику их ошибок и т. д., а также и делает ряд ценнейших указаний по теоретическим вопросам.

В 1866—1867 гг. в центре внимания во многих письмах стоит «Капитал», над первым томом которого происходит в это время работа по окончательной отделке рукописи и печатанию ее.

Ряд корреспондентов Маркса, сохранивших его письма, были ближайшими сотрудниками Маркса; некоторые, как, например, Вейдемейер, — до конца своей жизни (хотя в переписке с ним были и перерывы), другие — в течение довольно продолжительного времени, например Юнг. Несколько особо стоят в ряду этих корреспондентов Лассаль и Фрейлиграт. Отношения Маркса к Лассалю, который был, как о нем выразился однажды Энгельс, «сомнительный друг, а в будущем наверное враг», получают всестороннее освещение в переписке Маркса. Особенно полная и яркая оценка Лассалья дана в письме Маркса к Кугельману от 23 февраля 1865 г. — в письме, которое долго скрывалось оппортунистическими вождями германской социал-демократии. Маркс поддерживал связь с Лассалем как с одной из наиболее крупных политических фигур из среды буржуазной интеллигенции в Германии. Основная причина разрыва Маркса с Лассалем была исключительно политического характера. Это со всей ясностью выступает из всех писем Маркса, где он высказывал свое мнение совершенно свободно и без всяких стеснений. В течение того времени, когда поддерживались отношения с Лассалем, Маркс достаточно ясно высказывал Лассалю свои мнения о его ошибках и недостатках, в частности о недостатках его литературных работ. К большому ущербу для себя, Лассаль не сумел понять и претворить в дело советы и указания Маркса.

Маркс в письме Лассалю по поводу книги о Гераклите (см. письмо от 31 мая 1858 г.) указывает прямо на основной недостаток — неумение Лассалья справиться с гегелевской диалектикой, переработать ее и применить материалистически, без чего невозможно в научном отношении двигаться вперед. В письме от 19 апреля 1859 г. Маркс указывает на серьезнейшую ошибку Лассалья в его «Зикингене», где он «лютеровски-рыцарскую» оппозицию ставит выше «плебейско-

мюнцеровской», т. е. все свое внимание обращает на реакционный класс — дворянство, — и не понимает, где главная революционная сила (крестьянство и плебейские элементы городов). В письме от 22 ноября 1859 г. Маркс со всей резкостью обрушивается на Лассалья за его ошибочный памфлет об итальянской войне. Маркс писал там, что удивляется, как это человек, причисляющий себя к пролетарской партии, может поддерживать «отвратительные контрреволюционные иллюзии либерального мещанства», и предупреждает, что будет полемизировать публично против выступлений Лассалья, относительно содержания которых тот не хочет предварительно договариваться и в которых развивает ошибочные взгляды, наносящие вред интересам пролетариата. Позднее Маркс писал: «В течение 1859 г. он (Лассаль) целиком принадлежал к прусской либеральной буржуазной партии» (письмо Энгельсу от 12 июня 1863 г.). Однако Маркс считал нужным поддерживать сношения с Лассалем ради связи с Германией, хотя близкое сотрудничество с ним для Маркса и Энгельса было невозможно.

Когда летом 1862 г. Лассаль был у Маркса в гостях в Лондоне, он предложил Марксу принять участие в основываемой им в Берлине газете. Маркс ответил, что он согласен быть только английским корреспондентом, «не принимая на себя никакой ответственности и не являясь политически соучастником» газеты. Причину такой своей позиции Маркс сообщил Лассалю прямо и откровенно: «Политически мы решительно ни в чем не сходимся, кроме некоторых весьма отдаленных целей» (письмо Маркса Энгельсу от 7 августа 1862 г.).

Вскоре после свидания Маркса с Лассалем летом 1862 г. прекратилась и их переписка. В упомянутом письме к Кугельману от 23 февраля 1865 г. Маркс говорит: «Как только он (Лассаль) убедился в Лондоне (в конце 1862 г.), что со мной ему не удастся вести свою игру, он решился выступить в качестве «рабочего диктатора» *против* меня и старой партии. Несмотря на все это, я признавал его агитационные заслуги, хотя к концу его короткой карьеры агитация эта стала мне самому казаться все более двусмысленной».

В письмах Маркса Фрейлиграту отражены личные отношения Маркса к одному из крупных представителей германской литературы, бывшему в то же время членом Союза коммунистов. Содержится очень много данных, характеризующих взгляды Маркса на литературу, на ее значение для партии, на задачи партийной борьбы и целый ряд мнений Маркса по теоретическим и политическим вопросам. Охлаждение Маркса по отношению к Фрейлиграту произошло

точно так же по причинам политическим. Об этом со всей ясностью говорит их переписка.

В данном томе необходимо отметить несколько писем, хотя и написанных корреспондентам, не состоявшим с Марксом и Энгельсом в регулярной переписке, но имеющих исключительно большое значение по своему содержанию. К числу таких писем необходимо отнести знаменитое письмо Маркса к Анненкову, где с неподражаемым мастерством изложена историческая теория Маркса и дана блестящая критика взглядов Прудона, и письмо Энгельса Ланге.

Из большого количества писем теоретического характера следует упомянуть о письме Маркса к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. В этом широко известном письме Маркс формулирует свою теорию диктатуры пролетариата. Здесь надо отметить, что Мering допустил один промах в расшифровке: именно он прочел: «historische Entwicklungskämpfe der Production», тогда как у Маркса написано: «historische Entwicklungsphasen der Production», т. е. не «исторические битвы, свойственные развитию производства», а «исторические фазы развития производства».

Особо надо отметить письма Маркса к своим дочерям. Письма эти имеют совершенно своеобразный интерес и ценность, так как рисуют Маркса в его личной жизни, его отношения к близким.

Всем, кто желает серьезно изучить вопросы истории и теории марксизма, необходимо рекомендовать изучать самым внимательным образом наряду с произведениями Маркса и Энгельса и их переписку. Их письма к различным корреспондентам почти всегда дополняются и комментируются перепиской их между собою. Богатейшее содержание этой переписки разворачивается полностью перед тем, кто займется изучением всех писем в целом. Живыми встают как сами авторы писем, так и вся масса лиц, событий, фактов, обсуждаемых теорий и т. д., служащих темой этих писем.

Перевод всех писем заново сверен с оригиналами. Перевод писем Маркса к Кугельману дан по русскому изданию вышедшему под редакцией Ленина в 1907 г. Данные об адресатах писем читатель найдет в указателе имен. При изучении писем необходимо обращаться также к переписке Маркса и Энгельса друг с другом. Известным пособием должна служить выпущенная недавно Институтом, в виде опыта, работа «Карл Маркс, даты его жизни и деятельности».

В сохранившихся оригиналах ряда писем нет прямого указания, кому адресовано данное письмо. Адресата приходилось устанавливать, используя для этой цели имеющиеся в распоряжении Институ-

тута материалы и документы, как то: ответные письма различных лиц, переписку между Марксом и Энгельсом и т. д. Но в некоторых случаях точно установить адресата все же не удалось.

Там, где письма не были датированы самими авторами и время отправления письма приходилось устанавливать, — дата заключена в квадратные скобки.

Огромное большинство писем, вошедших в XXV том, было написано Марксом и Энгельсом на немецком языке. С английского переведено 29 писем, с французского 9 и с итальянского 1¹.

* * *

В отличие от томов переписки между Марксом и Энгельсом, в XXV томе все встречающиеся в немецких письмах французские, английские и латинские фразы и слова переведены на русский язык. На языке оригинала (с переводом в квадратных скобках) даны только отдельные специфические выражения и пословицы.

Все подстрочные примечания являются примечаниями редакции.

К тому приложен только именной указатель. Предметный указатель и указатель упомянутых в тексте произведений и газет будет дан в XXVIII томе, для всех четырех томов писем сразу.

* * *

Настоящий том подготовлен к печати г. И. Арманд.

В подготовке и редактировании тома принимал участие г. Б. Быховский.

2 октября 1934 г.

В. Адоратский.

За время, которое прошло с тех пор, как вышел XXV том, Институтом был приобретен ряд новых писем Маркса и Энгельса, в том числе отыскалось и несколько писем к Либкнехту за период после его переезда в Берлин в 1862 г. Все вновь полученные письма будут опубликованы в качестве дополнения к последнему тому переписки.

Кроме того необходимо сделать следующее исправление: дата письма № 273 была неправильно расшифрована. Письмо относится к 1869 г. и включено в XXVI том.

15 мая 1936 г.

В. Адоратский.

¹ С французского переведены письма №№ 11, 15, 20, 61, 184, 272, 281, 284, 315.

С итальянского — № 28.

С английского: №№ 46, 64, 65, 66, 67, 77, 131, 134, 146, 147, 148, 175, 186, 198, 204, 205, 256, 268, 270, 278, 280, 283, 285, 286, 293, 301, 309, 314, 350.

П И С Ь М А

1844 — 1868

1844 год.

1.

Маркс — Генриху Бернштейну
в Париже.

[Париж, осень 1844 г.]

Милостивый государь!

Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы узнали не позже вторника, согласен ли Франк взять на себя издание брошюры против Бауэра или нет.

Мне совершенно *безразлично*, как он решит. Я в любой день могу найти издателя за границей. Но как раз в отношении этой брошюры, где имеет значение *каждое* слово, было бы приятно, чтобы она печаталась под рукой и можно было самому корректировать. Во всяком случае прошу Вас срочно ответить.

Готовый к взаимным услугам преданный Вам

д-р *Маркс*.

P. S. Так как брошюра направлена против Бауэра и в общем включает в себе мало неприемлемого для цензуры, то я не думаю, чтобы распространение ее в Германии представило большие трудности.

2.

Маркс — Генриху Бернштейну
в Париже¹

[Париж, осень 1844 г.]

Милостивый государь!

Пришлите мне обратно листы Фейербаха немедленно по их напечатании.

Преданный Вам

Маркс.

---

¹ На конверте адрес: г-ну Бернштейну, rue des Moulins 32, Центральное бюро для Германии.

3.

Маркс — Генриху Бернштейну**в Париже.**

[Париж, декабрь 1844 г.]

Милостивый государь!

Я не смогу прислать Вам критику Штирнера раньше следующей недели, поэтому сдайте номер в набор без моего очерка; зато Бюргерс доставит Вам статью.

Мою статью Вы получите на следующей неделе.

Преданный Вам

Маркс.

1845 год.

4.

Маркс — Генриху Гейне

в Париже¹.

[Париж, 1 февраля 1845 г.]

Дорогой друг!

Я надеюсь, что завтра у меня еще будет время увидеться с Вами. Я уезжаю в понедельник. Издатель Леске *только что* был у меня. Он издает в Дармштадте выходящий без цензуры трехмесячник². Я, Энгельс, Гесс, Гервег, Юнг и др. сотрудничаем. Он просил меня переговорить с Вами о Вашем сотрудничестве в области поэзии или прозы. Я уверен, что Вы от этого не откажетесь, нам ведь нужно использовать каждый случай, чтобы обосноваться в самой Германии.

Из всех людей, с которыми мне здесь приходится расставаться, разлука с Гейне для меня тяжелее всего. Мне очень хотелось бы взять Вас с собой. Передайте привет Вашей супруге от меня и моей жены.

Ваш К. Маркс.

5.

Маркс — Генриху Гейне

в Париж.

[Брюссель, 24 марта 1845 г.]

Дорогой Гейне!

Если я пишу Вам сегодня только несколько строк, то оправдание этому — мои бесчисленные таможенные мытарства.

Пютман из Кельна поручил мне попросить Вас прислать все же несколько стихотворений (может быть, также и Ваш «Германский

---

¹ Перевод сделан с текста, взятого из статьи Г. Майера в «Grünberg Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», Jahrgang 9, стр.132, Лейпциг 1920 г.

² «Rheinische Jahrbücher».

флот») для ежегодника ¹, выходящего в Дармштадте *без цензуры*. Вы можете прислать их на мой адрес. Крайний срок — у Вас, конечно, уже сейчас есть что-нибудь наготове — три недели.

Моя жена посылает сердечный привет Вам и Вашей супруге. Третьего дня ходил в здешнее полицейское управление, где я должен был дать письменное обязательство не печатать в Бельгии ничего, относящегося к текущей политике.

Ренуар и Бернштейн напечатали в Париже Вашу «Зимнюю сказку», указав Нью-Йорк как место издания. Это издание, к тому же, говорят, полно опечаток.

В следующий раз напишу больше.

Ваш *Маркс*.

6.

Маркс — д-ру Левенталь
во Франкфурт-на-Майне.

Брюссель, 9 мая [1845 г.]
Rue de l'Alliance 5,
за Лувенскими воротами.
Адресовать М. Рейнгард

Милостивый государь!

Прошу Вас *немедленно* от моего имени и за мой счет (Вы можете снова выдать на меня вексель, включив в него и почтовые расходы по этому письму) выслать в Париж 3 экземпляра «Святого семейства» г. Гервегу, ул. Барбс-Жони, предместье Сен-Жермен; г. Гейне, ул. предместья Пуассоньер, № 46, и г. Бернайсу, ул. Наварен, 12. Ко мне поступают со всех сторон письма с жалобами, что в Париже нельзя достать ни одного экземпляра.

Преданный Вам

д-р *Маркс*.

Вы можете сейчас же выписать на меня вексель, но я еще раз прошу Вас *немедленно* отправить соответствующие экземпляры.

[*Приписка Энгельса:*]

г. Гервег, rue Barbet-Jony, Faubourg St. Germain,

г. Г. Гейне, rue du Faubourg Poissonnière 46;

оба в Париже;

а также г. Бернайсу

Париж, rue de Navarin 12.

¹ «Rheinische Jahrbücher».

7.

Энгельс — своей сестре Марии

в Бармен

Брюссель, суббота, 31 мая 1845 г.

Дорогая Мария!

Я должен, к сожалению, сообщить тебе сегодня, что не смогу присутствовать на твоей свадьбе из-за затруднений с паспортом. В прошлую среду я направился в полицейское управление и потребовал, чтобы мне выдали паспорт в Пруссию. После некоторого ожидания и долгих переговоров по поводу моей эмиграции и того, что от прусского посланника я паспорта получить не могу, мне в конце концов было сказано, что я только что приехал и потому не могу получить паспорта. Если бы я прожил здесь несколько дольше, то он, г. Годи, директор полицейского управления, имел бы право выдать мне паспорт, а при данных условиях он этого сделать не может, тем более, что иностранцы, которые здесь поселяются, обычно приезжают с паспортами, которые действительны по крайней мере еще на год или полгода; согласно инструкциям он может, правда, визировать паспорта, но не может выдавать паспорта вновь прибывшим иностранцам. Впрочем, если бы у меня были кое-какие связи, я несомненно получил бы паспорт в министерстве иностранных дел. Правда, такие связи у меня есть. Здесь есть один немецкий врач, который пообещал мне добыть паспорт, если мне будут чинить какие-либо затруднения. Но этот доктор две недели тому назад женился и уехал в свадебное путешествие по валлонским курортам. Вернулся он в четверг, и мне только вчера вечером удалось повидаться с ним. Он проявил полную готовность помочь мне, но при этом прямо заявил, что в министерство он сможет пойти только сегодня утром, так что раньше, чем послезавтра, в понедельник, я не смогу получить паспорт и, следовательно, свое путешествие я должен отложить до вечера в понедельник или до утра во вторник. Я сказал ему, что не могу так долго ждать, но он еще раз повторил, что раньше он не сможет устроить мне этого; впрочем, он пообещал попытаться еще раз. Сегодня утром он присылает мне записку о том, что он сам наводил справки и что паспорт он сможет достать не раньше понедельника, может быть даже только в понедельник вечером. Я сейчас же ответил, что пусть он в таком случае больше не беспокоится, ибо мне придется вообще отказаться от своего путешествия.

И ты, и остальные прекрасно понимаете, что ввиду всех прочих обстоятельств я навлек бы лишь на себя неприятности, если бы

попытался переехать границу без паспорта. Не советовал мне делать это и г. Годи, так как мое эмиграционное свидетельство действительно для выезда из Пруссии, но не для возвращения в нее. Итак, как мне ни жаль, я вынужден оставаться здесь и отпраздновать твою свадьбу в одиночестве и мысленно. Но ты можешь быть уверена в том, что я весь день буду думать о тебе и Эмиле и что во время вашей свадьбы и вашего путешествия вас будут сопровождать мои наилучшие пожелания, хотя мне и не пришлось выразить их лично. Я больше всего желаю вам, чтобы любовь, которая соединила вас и сделала ваши отношения такими на редкость прекрасными, человечными и нравственными, сопровождала вас в течение всей жизни, помогала вам легко переживать все превратности судьбы, содействовала вашему счастью. Вашему браку я радуюсь от всего сердца, так как я знаю, что ваша совместная жизнь будет счастливой и что после того, как вас соединят узы брака, вы не разочаруетесь друг в друге. Будь уверена, что из тех многочисленных пожеланий, которые вам будут приносить, ни одно не будет искреннее, сердечнее и теплее моего! Ты знаешь, что я всегда любил тебя в семье больше всех, что я доверял тебе больше всех, — ты мне поверишь без дальнейших заверений и объяснений. Еще раз желаю, чтобы *ваша любовь* всегда оставалась неизменной, желаю еще многого другого; чего? — ты сама догадаешься. Будьте счастливы!

Я надеюсь скоро получить письмо от миссис Бланк и рассчитываю на то, что миссис Бланк будет интересоваться мною так же, как фрейлейн Энгельс. Во всяком случае, я надеюсь повидать вас обоих этим летом в Остенде или в Англии — после счастливой свадьбы и счастливого путешествия. А пока — еще раз прощайте!

Передай всем сердечный привет.

Твой верный

Фридрих.

8.

Энгельс — Юлиусу Кампе

в Гамбург.

Брюссель, 14 октября 1845 г.

Rue de l'Alliance 7.

Милостивый государь!

Из Вашего письма я вижу, что у Вас сложилось неверное представление о направлении той работы, которую мы предложили Вам для издания. Мы отнюдь не намереваемся защищать ни покровительственные пошлины, ни свободу торговли, а хотим дать кри-

тику обеих этих систем с нашей точки зрения. Наша точка зрения — коммунистическая; ее мы отстаивали в «Deutsch - Französische Jahrbücher», в «Святом семействе», в «Rheinische Jahrbücher» и т. д.; с этой же точки зрения написана моя книга «Положение рабочего класса в Англии». Как Вы сами понимаете, эта точка зрения не допускает никакой цензуры, и поэтому мы не можем согласиться на нее. Если Вы не будете настаивать на том, чтобы предъявлять книгу цензуре и склонны взять на себя это издание, то мы просим Вас прислать нам соответствующее извещение, пока мы не взяли на себя других обязательств.

С совершенным почтением преданный Вам

Ф. Энгельс.

1846 год.

9.

Энгельс — Эмилю Бланку

в Лондон.

Брюссель, 3 апреля 1846 г.

Rue de l'Alliance 7.

Дорогой Эмиль!

Сделай одолжение, пришли мне немедленно 6 ф. ст., или около 150 фр. Я верну их тебе через неделю или две. Дело в том, что старик не присылает мне денег, которые я должен был получить к 1 апреля, — повидимому, он хочет захватить их с собой, когда поедет на крещение твоего ребенка. А между тем я заложил в ломбарде на 150 фр. вещей и должен их выкупить, прежде чем сюда приедут родные. Поэтому-то я и должен иметь сейчас эту сумму. Вся эта мерзость объясняется тем, что в течение всей этой зимы я своей литературной работой не заработал почти ни гроша и вместе с женой должен был жить почти исключительно на деньги, получаемые мною из дому, а их было не так уж много. Теперь у меня накопилось порядочно рукописей, полностью или наполовину готовых, так что со мной вряд ли повторятся подобные вещи. Итак, пришли мне денег. Я возвращу их тебе, как только получу деньги из дому.

На этих днях здесь был твой брат Фриц. Вчера утром он уехал домой. В заключение еще раз прошу тебя ничего не говорить о содержании этого письма. Привет.

Твой Ф.

10.

Маркс — Генриху Гейне

в Париж.

Брюссель [приблизительно 5 апреля 1846 г.]
Rue de l'Alliance 5, за Лувенскими воротами.

Дорогой Гейне!

Я пользуюсь проездом подателя этих строк, г. Анненкова, очень любезного и образованного русского, чтобы послать Вам мой сердечный привет.

Несколько дней тому назад мне случайно попался небольшой пасквиль против Вас — письма, оставшиеся после Берне. Я бы никогда не поверил, что Берне так безвкусен, мелочен и пошл, если бы не эти черным по белому написанные строки. А добавление Гущкова и прочих — что за жалкая мазня! В одном из немецких журналов я дам подробный разбор Вашей книги о Берне. Вряд ли в какой-либо литературный период книга встречала более тупоумный прием, чем тот, какой оказали Вашей книге христианско-германские ослы, а между тем ни в каком периоде немецкой литературы не ощущалось недостатка в тупоумии.

Может быть, вы хотели бы сообщить мне еще что-нибудь «специальное» относительно Вашей книги, — в таком случае сделайте это поскорее.

Ваш К. Маркс.

II.

Маркс — Пьеру-Жозефу Прудону

в Париж¹.

Брюссель, 5 мая 1846 г.

Дорогой Прудон!

С тех пор, как я покинул Париж, я неоднократно собирался написать Вам, но независимые от моей воли обстоятельства мешали мне до сих пор это сделать. Поверьте, что единственной причиной моего молчания была перегруженность делами, затруднения, связанные с переменой местожительства.

А теперь *прямо к делу!* Вместе с двумя моими друзьями, Фридрихом Энгельсом и Филиппом Жиго (оба живут в Брюсселе), я организовал постоянную переписку с немецкими коммунистами и социалистами, переписку, в которой будет проводиться как обсуждение научных вопросов, так и наблюдение за изданием популярной литературы, а также социалистическая пропаганда, которую можно вести в Германии этим путем. Однако главная цель нашей переписки будет заключаться в том, чтобы установить связь между немецкими социалистами и социалистами французскими и английскими, держать иностранцев в курсе новостей социалистического движения в Германии и осведомлять немцев в Германии о развитии социализма во Франции и в Англии. Этим путем смогут обнаружиться различия мнений; можно будет обмениваться мыслями и давать беспристрастную критику. Это тот шаг, который должно сделать общественное

¹ Письмо написано рукою Жиго.

движение в его *литературном* выражении, чтобы освободиться от *национальной* ограниченности. А в момент действия каждый, конечно, чрезвычайно заинтересован в том, чтобы знать положение вещей за границей так же хорошо, как и в своей стране.

Кроме коммунистов в Германии, наша корреспонденция будет охватывать также и немецких социалистов, проживающих в Париже и Лондоне. Связи с Англией у нас уже налажены. Что касается Франции, то мы все уверены, что не сможем найти там лучшего корреспондента, чем Вы. Вы ведь знаете, что до сих пор англичане и немцы лучше умели ценить Вас, чем Ваши собственные соотечественники.

Итак, Вы видите, что дело идет лишь о том, чтобы установить регулярную переписку и обеспечить возможность следить за общественным движением в различных странах, что приведет к важным и многообразным результатам, которых никогда не добиться силами отдельного человека.

Если Вы согласитесь на наше предложение, то почтовые издержки за письма, адресованные Вам, так же как и за письма, которые Вы нам пошлете, будут оплачиваться отсюда. Произведенные в Германии сборы предназначаются на покрытие издержек корреспонденции.

Вам надо будет писать сюда по адресу г. Филиппа Жиго, rue de Vodembroek 8. Он же будет подписывать письма, посылаемые из Брюсселя.

Излишне добавлять, что вся эта корреспонденция требует соблюдения полнейшей конспирации с Вашей стороны. В Германии нашим друзьям приходится действовать с величайшей осторожностью, чтобы не скомпрометировать себя. Отвечайте поскорее и примите уверения в искренней дружбе глубоко преданного Вам

Карла Маркса.

P. S. Я должен разоблачить здесь живущего в Париже г. Грюна. Этот человек — литературный авантюрист, своего рода шарлатан, желающий торговать новыми идеями. Он пытается скрыть свое невежество под личиной надутых и высокомерных фраз, но он достиг только того, что сделал себя смешным своей *галиматией*. Кроме того, этот человек *опасен*. Он *злоупотребляет* знакомствами, которые он, благодаря своему нахальству, завязал с известными авторами, чтобы создать себе из них пьедестал и таким образом скомпрометировать *их* в глазах немецкой публики. В своей книге о «французских социалистах» он осмеливается именовать себя учителем (Privatdozent — академическое звание в Германии) Прудона, претендует на то, что он

растолковал ему важнейшие аксиомы немецкой науки, и высмеивает его сочинения. Остерегайтесь этого паразита. Впоследствии я, может быть, еще раз вернуться к вопросу об этом субъекте.

[Приписка Жиго:]

Я с удовольствием пользуюсь случаем, который представляется мне благодаря этому письму, чтобы заверить Вас, как приятно мне вступить в сношения с таким выдающимся человеком, как Вы. В ожидании ответа остаюсь глубоко преданный Вам *Филипп Жиго*.

[Приписка Энгельса:]

Что касается меня, то я могу лишь выразить надежду, что Вы, г. Прудон, одобрите предложение, которое мы сделали Вам, и любезно согласитесь оказать нам содействие. Заверяя Вас в глубоком к Вам уважении, которое внушили мне Ваши сочинения, остаюсь преданный Вам

Фридрих Энгельс.

12.

Маркс, Энгельс, Филипп Жиго и Фердинанд Вольф — Густаву-Адольффу Кетгену
в Бармен¹.

Брюссель, 15 июня 1846 г.

Г. А. Кетгену для дальнейшей передачи.

На ваше обращение, пересланное нам несколько дней тому назад, спешим ответить следующее:

Мы совершенно согласны с вашим мнением, что немецкие коммунисты должны покончить со своей нынешней раздробленностью и вступить в постоянное взаимное общение; мы согласны и с тем, что необходимы объединения для лекций и дискуссий, так как коммунисты должны прежде всего добиться ясности в своей среде, чего нельзя в достаточной степени достигнуть без регулярных собраний, созываемых для обсуждения вопросов коммунизма. Мы также целиком согласны с вами, что необходимо распространять дешевые, популярные книги и брошюры коммунистического содержания. И за то, и за другое необходимо взяться быстро и энергично. Вы признаете, что необходимо установить регулярные денежные взносы; мы, со своей стороны, высказываемся, однако, против вашего предложения, чтобы этими взносами поддерживать литераторов и помочь им таким образом удобно устроиться. По нашему мнению, взносы надо расходовать только на печатание дешевых коммунистических листовок и брошюр,

¹ Письмо написано рукою Вольфа; приписка — рукою Энгельса.

а также на покрытие издержек на корреспонденцию, в том числе на корреспонденцию, идущую отсюда за границу. Надо будет установить минимум месячных взносов, чтобы в любое время определенно знать, сколько можно тратить на общие цели. Далее, необходимо, чтобы вы сообщили нам имена членов вашего коммунистического общества, — ведь нам нужно знать, так же, как и вы это знаете относительно нас, с кем имеешь дело. Наконец, мы ждем, что вы укажете нам размер ежемесячных взносов, предназначенных на общие цели, чтобы как можно скорее приступить к печатанию нескольких популярных брошюр. Что эти брошюры не могут выйти в Германии, — ясно само собой и не нуждается в доказательствах.

Что касается Союзного сейма, прусского короля, сословных представительств и т. д., то вы тут очень сильно заблуждаетесь. Меморандум мог бы оказать действие только в том случае, если бы в Германии уже существовала сильная и организованная коммунистическая партия, чего на самом деле нет. Петиция только тогда хороша, когда она является в то же время и угрозой, за которой стоит компактная и организованная масса. Единственное, что вы можете сделать, если только этому благоприятствуют местные условия, это провести петицию, покрытую *многочисленными* внушительными подписями рабочих.

Коммунистический конгресс мы считаем теперь еще несвоевременным. Делегаты отдельных объединений смогут собраться на конгресс с надеждой на успех лишь после того, как по всей Германии будут образованы коммунистические объединения и собраны средства для борьбы; поэтому ранее будущего года это не выйдет.

До тех пор единственное средство совместной деятельности — это письменное обсуждение вопросов и регулярная корреспонденция. Мы переписываемся отсюда время от времени с английскими и французскими коммунистами, а также и с немецкими коммунистами, проживающими за границей. Мы будем информировать вас всякий раз, когда будем получать отчеты о коммунистическом движении в Англии и Франции, и будем сообщать в нашей повседневной переписке все, что доходит до нашего сведения.

Просьба дать нам *надежный* адрес (и больше не ставить на печати полного имени Г. А. Кетгена, что дает возможность сразу узнать и отправителя, и адресата).

Пишите нам по следующему *вполне надежному* адресу:
Господину Ф. Жигу, Rue de Vodembroek 8, Брюссель.

К. Маркс, Ф. Энгельс, Ф. Жигу, Ф. Вольф.

Веерт кланяется Вам, он сейчас в Амьене.

Если вы осуществите ваше намерение относительно петиции, то это приведет только к тому, что коммунистическая партия открыто обнаружит свою слабость и в то же время укажет правительству имена людей, за которыми ему следует особенно следить. Если нельзя собрать под рабочей петицией по меньшей мере 500 подписей, то лучше подавайте петицию о прогрессивном подоходном налоге, как это собираются сделать трирские буржуа, а если тамошние буржуа не примкнут и к этой петиции, — ну что же, тогда присоединяйтесь время от времени к их публичным демонстрациям, ведите себя по-иезуитски, откиньте истинно германскую честность, чистосердечность и искренность и подписывайте и проводите буржуазные петиции о свободе печати, о конституции и т. д. Если удастся этого добиться, начнется новая эра для коммунистической пропаганды. Наши возможности увеличатся, противоречие между буржуазией и пролетариатом обострится. В партии необходимо поддерживать все, что помогает ей идти вперед, и не проявлять при этом скучной моральной щепетильности. Для ведения корреспонденции вам следует избрать постоянный комитет, который разрабатывал бы и обсуждал проекты посылаемых нам писем и регулярно собирался. Иначе не будет порядка в этом деле. Для составления писем вы должны избрать человека, которого считаете наиболее дельным. Личные соображения надо отбросить, они портят все. Имена членов комитета должны быть, конечно, сообщены нам.

Привет.

Вышеподписавшиеся.

13.

Энгельс и Маркс — Моисею Гессу

в Кельн.

Остенде, 27 июля 1846 г.

Rue St. Thomas 11.

Дорогой Гесс!

Как видишь, я пишу тебе уже не из Брюсселя. До 10 августа я остаюсь здесь, а 11-го, по всей вероятности, уеду из Брюсселя в Париж. Твое письмо Маркс переслал мне сюда. Я охотно сделаю все возможное, чтобы переправить твою жену тайком через границу, но все-таки плохо, что у нее нет паспорта. Так как я уехал из Брюсселя за несколько дней до ее приезда, то обо всей этой истории я знаю только то, что ты сообщаешь в письме. Повторяю, я сделаю все возможное.

Твой Энгельс.

Дорогой Гесс!

Пересылая тебе эти строки Энгельса, я должен еще добавить, что жена твоя *весела и здорова*. Зейлер служит ей как верный рыцарь и познакомил ее с Фоглером и его женой, с которыми она почти ежедневно проводит время. Моя жена не в силах многого сделать, так как очень больна и по большей части лежит в постели.

Твой М.

Я уже собирался отправить письмо, как вдруг прочел объявление о твоей статье о Руге в «Kölnische Zeitung». Так как печатание нашего сочинения может еще очень задержаться, то я советую тебе взять обратно свою главу о Руге. Ты сможешь использовать ее почти целиком.

Я написал вестфальцам, чтобы они послали рукопись Даниэльсу. Если ее у него еще нет, попроси, чтобы они послали главу о Руге прямо тебе.

Что это за книга Гейнцена? И что пишет о тебе Dottore Graziano?¹ Напиши мне об этом.

14.

Маркс — Карлу-Вильгельму Леске

в Дармштадт.

[Черновик.]

[Брюссель,] 1 августа [1846 г.]

Милостивый государь!

На Ваше письмо, в котором Вы изложили мне свои сомнения относительно издания, я вам ответил *немедленно*. Что касается Вашего вопроса о «научности», то я отвечал Вам следующее: книга «научна, но она научна не так, как это понимает прусское правительство». В Вашем первом письме, как Вы помните, Вы очень тревожились относительно прусского предостережения и допроса, которому подвергла Вас полиция. Я же написал Вам, что буду искать другое издательство...

Я *получил* от Вас еще второе письмо, где Вы, с одной стороны, отказывались от издания, а с другой стороны, предлагали вернуть Вам аванс в форме векселя на предполагаемого нового издателя.

На это письмо Вы не получили никакого ответа, потому что я рассчитывал, что вскоре смогу дать Вам ответ по существу, т. е.

¹ А. Руге.

сообщить о другом издателе. Почему произошла задержка, Вы сейчас узнаете. Что Ваше предложение о возврате *аванса* я принял как *само собой разумеющееся*, Вы можете видеть из того, что в единственном месте, где я предпринял шаги относительно издания, я сразу же заявил о необходимости уплатить Вам 1 500 фр. в случае принятия рукописи. *Доказательства* этому я могу привести в любой момент. Кроме того, подтвердить это могут *Энгельс* и *Гесс*.

С другой стороны, как Вы помните, во время парижских переговоров, а также в письменном договоре, *никакой* договоренности о том, насколько революционной может быть форма моей работы, не было, — наоборот, я считал в то время необходимым издать одновременно оба тома, так как появление *первого* тома повлекло бы за собою запрещение или конфискацию второго. При этом присутствовал и может это засвидетельствовать *Генрих Бюргерс* из Кельна. Поэтому, *юридически* говоря, Вы не имели *права* ставить новые условия или отказываться от издания, а я, со своей стороны, с *юридической* точки зрения не обязан ни возвращать аванс, ни соглашаться на Ваши новые предложения, ни вносить изменения в мою работу. Но *нечего и говорить*, что я ни минуты не думал руководствоваться в отношениях с Вами *юридическими соображениями*, тем более, что договор не обязывал и Вас давать мне аванс и что эту выплату я должен был рассматривать и рассматривал как *чисто дружескую*. Так же, как до сих пор, несмотря на большие денежные потери, я часто освобождал *издателей* от их *договорных* и имеющих юридическую силу обязательств (например, Виганда и Фребеля, в связи с изданием «*Deutsch-Französische Jahrbücher*», а равно и других издателей, в чем Вы можете убедиться), — так и теперь мне *никогда* не приходило в голову причинить какому-либо издателю убыток хотя бы на один пфенниг, даже и имея на это *юридическое право*. Абсолютно непонятно, почему я стал бы делать исключение как раз в *отношении Вас*, т. е. в отношении того, кто оказал мне большую любезность.

Относительно задержки ответа я должен сказать следующее:

Несколько капиталистов в Германии согласились издать ряд работ: моих, Энгельса и Гесса. Имелось даже в виду образовать настоящее крупное издательство, не считающееся ни с какими полицейскими соображениями. Кроме того, через одного друга этих господ мне было почти обеспечено издание моей *Критики политической экономии* и т. д. Этот человек ¹ оставался до мая в Брюсселе,

¹ Вейдемейер.

чтобы в полной сохранности перевезти через границу рукопись первого тома работы, издаваемой под моей редакцией и при сотрудничестве Энгельса и других. Из Германии он должен был также сообщить окончательный ответ, принята ли к печати *Политическая экономия* или нет. Я не получал никаких известий или получал лишь очень неопределенные, и только совсем недавно, после того, как большая часть рукописи второго тома указанной работы была уже переслана в Германию, эти господа в конце концов написали мне, что из всей этой истории *ничего* не выйдет, так как их капитал вложен в другое дело. Поэтому-то окончательный ответ Вам и задержался. После того как вопрос разрешился, я условился с находящимся здесь г. *Пиршером* из Дармштадта, что он передаст Вам мое письмо.

Из-за издания, о котором я сговорился с немецкими капиталистами, я отложил обработку Политической экономии. Дело в том, что мне казалось крайне важным *предпослать* моему *положительному* изложению предмета полемическую работу, направленную против немецкой философии¹ и против существующего с той поры *немецкого социализма*. Это необходимо для того, чтобы подготовить публику к точке зрения той политической экономии, которая прямо противопоставляет себя существовавшей до сих пор немецкой науке. Между прочим, это то самое полемическое сочинение, о котором я уже писал Вам в одном из моих писем и сообщал, что оно должно быть окончено до издания Политической экономии.

Вот и все по этому поводу.

На Ваше последнее письмо отвечаю следующее:

I) Я считаю *само собой разумеющимся*, что если Вы не издадите работы, то Вы получите обратно аванс *указанным Вами способом*.

Но в то же время само собою разумеется, что если *гонорар*, полученный от другого издателя, будет меньше гонорара, о котором я договорился с Вами, то Вы должны будете взять на себя такую же часть убытков, как и я, так как обращение к другому издателю произошло не по моей, а по Вашей вине.

II) Есть надежда, что мою книгу удастся издать. Третьего дня я получил из Германии письмо, в котором меня извещают, что там хотят на *акционерных началах* учредить *издательство коммунистических сочинений*, которое охотно начнет дело с издания моей работы. Но я считаю вопрос еще настолько невыясненным, что, если понадобится, обращусь также и к другим издателям.

¹ В черновике зачеркнуто: «от Бауэра, Фейербаха до Штирнера».

III) Так как почти законченная рукопись первого тома моей работы пролежала здесь уже долгое время, то я не выпущу ее, не переработав ее еще раз по существу и стилистически. Само собой разумеется, что писатель, продолжающий работать, не может спустя шесть месяцев издавать *без всяких изменений* то, что он написал шесть месяцев назад.

Кроме того, «*Physiocrates*» [«*Физиократы*»] в двух томах *in folio* вышли в свет только в *конце июля* и только через несколько дней будут доставлены сюда, хотя о выходе этой книги было объявлено еще во время моего пребывания в Париже. А ее необходимо теперь принять во внимание.

Моя книга будет теперь настолько переработана, что она сможет появиться даже под *Вашей* фирмой. Но, конечно, Вы имели бы полную возможность, просмотрев рукопись, выпустить ее под чужой фирмой.

IV) Что касается срока, то дело в следующем: плохое состояние моего здоровья вынуждает меня поехать в августе на взморье в Остенде. Кроме того, я занят изданием двух томов вышеупомянутой работы. Поэтому в августе много сделать мне не удастся. Переработка первого тома будет готова для печати в *конце ноября*. Второй том, носящий преимущественно исторический характер, сможет быстро последовать за первым.

V) В одном из предыдущих писем я уже писал Вам, что отчасти благодаря полученному в Англии новому материалу, отчасти благодаря обнаружившейся при обработке необходимости новых дополнений рукопись более чем на двадцать печатных листов превысит условленное количество листов. Но ввиду того, что договор был уже заключен, я решил, как Вы помните из моего предыдущего письма, удовлетвориться *ранее условленной* суммой гонорара, несмотря на то, что число листов увеличилось почти на одну треть. Если бы я издал новый материал отдельным выпуском, то это повредило бы книге. Я, ни минуты не колеблясь, готов был нести коммерческий ущерб ради успеха книги. Я не хотел ни разрывать *договора* ни *вредить* успеху книги.

Но так как, согласно Вашему прежнему письму, мне предоставляется возможность снова возобновить договор, то я должен включить в него новое условие. А именно: за все печатные листы, добавленные сверх условленного количества, мне должно быть уплачено по той же самой расценке. Мне кажется, требование это тем более справедливо, что моя выручка от книги будет очень незначительна благодаря тому, что для работы над ней я ездил в Англию, жил там и покупал большое количество дорого стоящих книг.

В заключение я выражаю пожелание, чтобы моя работа, ¹ — если только это может быть сделано на сколько-нибудь разумных условиях, — появилась в Вашем издательстве, так как Вы выказали по отношению ко мне много предупредительности и дружеского расположения.

Если бы в этом была необходимость, то на основании многочисленных писем, присланных мне из Германии и Франции, я мог бы доказать Вам, что публика ждет этой работы с большим нетерпением¹.

Преданный Вам

д-р *Маркс*.

Прошу Вас срочно написать мне по адресу г. *Ланнуа*: Au Bois Sauvage, Plaine St. Gudule № 12, Брюссель.

---

¹ В этом письме речь идет о следующем договоре Маркса с Леске, заключенном в Париже 1 февраля 1845 г.:

«Между г. д-ром Марксом, проживающим в настоящее время в Париже, с одной стороны, и издательством К. В. Леске в Дармштадте, с другой, сего числа заключен нижеследующий договор.

§ 1. Г-н д-р Маркс предоставляет издательству К. В. Леске исключительное право на издание своего сочинения под заглавием «Критика политики и политической экономии», которое будет состоять из двух томов формата folio, каждый размером свыше двадцати печатных листов.

§ 2. Автор, г. д-р Маркс, обязуется не выпускать в другом издательстве сочинения, которое могло бы конкурировать с вышеназванным.

§ 3. С своей стороны, издательство Леске обязуется уплатить г. д-ру Марксу, в качестве гонорара за все сочинение, 3 000 (три тысячи) франков. Первую половину названной суммы оно уплачивает при представлении полностью рукописи, вторую же — по окончании печатания. Сверх того оно обязуется предоставить г. автору двенадцать экземпляров книги бесплатно.

§ 4. Издательство приступает к печатанию сочинения немедленно по представлении рукописи и прилагает старания к тому, чтобы оно вышло в свет в надлежащем оформлении.

§ 5. Тираж издания «Критики политики и политической экономии» определяется в количестве 2 000 экземпляров.

§ 6. Настоящий договор имеет, однако, силу только для первого издания сочинения. В случае, если окажется необходимым второе издание, на него должен быть заключен новый договор. Само собою разумеется, что при втором издании преимущественное право сохраняется за издательством Леске.

Настоящий договор изготовлен в двух экземплярах и подписывается обеими сторонами.

Д-р *Карл Маркс*.
К. Леске.

15.

Маркс — Павлу Васильевичу Анненкову

в Париж¹.Брюссель, 28 декабря [1846 г.]
Rue d'Orléans 42, Fbg. Namur.

Дорогой Анненков! Вы уже давно получили бы мой ответ на Ваше письмо от 1 ноября, если бы мой книгопродавец не запоздал с присылкой мне книги Прудона «*Philosophie de la Misère*» [«*Философия нищеты*»] до прошлой недели. Я пробежал ее в два дня для того, чтобы сейчас же сообщить Вам мое мнение. Так как я прочел книгу очень быстро, то не могу входить в подробности. Я могу говорить только об общем впечатлении, произведенном ею на меня. Если хотите, я могу написать о ней подробнее во втором письме.

Признаюсь откровенно, что нахожу книгу плохой, очень плохой. Вы сами шутите в своем письме по поводу «печати немецкой философии», которой кичится Прудон в этом незрелом и хвастливом произведении, но Вы полагаете, что философский яд не отравил его экономических исследований. Я тоже далек от того, чтобы причиной ошибок экономических исследований Прудона считать его философию. Прудон не потому дает ложную критику политической экономии, что является обладателем смехотворной философии, но он потому дает смехотворную философию, что не понял современного общественного строя в его сцеплении (*engrènement*), если употребить слово, которое заимствовал Прудон, как и многое другое, у Фурье.

Почему Прудон говорит о боге, о всеобщем разуме, безличном разуме человечества, который никогда не ошибается, который был всегда равен самому себе, о котором нужно иметь только правильное понятие, чтобы обладать истиной? Зачем он прибегает к поверхностному гегелианству, чтобы изображать из себя глубокого мыслителя?

Он сам дает вам ключ к разрешению загадки. Прудон видит в истории известный ряд общественных эволюций. Он находит в истории осуществление прогресса. Он находит, наконец, что люди, взятые как личности, не знали, что они делали, что они ошибочно представляли себе свое собственное движение; что, на первый взгляд, их общественное развитие кажется вещью отличною, отдельною, не зависимою от их индивидуального развития. Он не умеет объяснить этих фактов, и тут-то и появляется гипотеза о проявляющем себя

¹ Перевод сделан с текста, взятого из книги «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», том III, стр. 455, Спб. 1912 г.

всеобщем разуме. Нет ничего легче, как изобретать мистические причины, т. е. фразы, лишённые здравого смысла.

Но Прудон, признаваясь в своем полном непонимании исторического развития человечества, — а он признается в этом, когда пускает в ход звучные слова о всеобщем разуме, о боге и т. п., — не признается ли тем самым неизбежно и в том, что он не способен понять *и экономического развития?*

Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей. Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму общения (*commerce*) и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, общения и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является всего лишь официальным выражением гражданского общества. Вот чего никогда не поймет Прудон, потому что он воображает, что совершает что-то великое, когда апеллирует от государства к гражданскому обществу, т. е. от официального резюме общества к официальному обществу.

Излишне прибавлять к этому, что люди не свободны в выборе *своих производительных сил*, которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия ограничена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существующей до них, которую создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая в тем большей степени становится историей человечества, чем больше развились производительные силы людей, а следовательно и их общественные отношения. Отсюда необходимый вывод: общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это или нет. Их материальные отношения образуют основу

всех их отношений. Эти материальные отношения суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность.

Прудон путает идеи и вещи. Люди никогда не отказываются от того, что они приобрели, но это не значит, что они не откажутся от той общественной формы, в которой они приобрели определенные производительные силы. Наоборот. Для того, чтобы не лишиться достигнутого результата, для того, чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены изменять все традиционные общественные формы в тот момент, когда способ их общения (*commerce*) более уже не соответствует приобретенным производительным силам. Я употребляю здесь слово *commerce* в самом широком смысле, в каком по-немецки употребляется слово *Verkehr*. Пример: привилегия, учреждение цехов и корпораций, весь порядок средневековой регламентации были общественными отношениями, единственно соответствовавшими приобретенным производительным силам и ранее существовавшему состоянию общества, из которого эти учреждения вышли. Под защитой корпоративного строя и его регламентации накоплялись капиталы, развивалась морская торговля, были основаны колонии, и люди лишились бы плодов всего этого, если бы они захотели сохранить формы, под защитой которых созрели эти плоды. Поэтому разразились два громовых удара — революции 1640 и 1688 гг. Все старые экономические формы, соответствующие им общественные отношения, политический строй, бывший официальным выражением старого гражданского общества, — все это в Англии было разрушено. Таким образом, экономические формы, при которых люди производят, потребляют, обменивают, являются *переходящими и историческими* формами. С приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а со способом производства они меняют все экономические отношения, которые были лишь необходимыми отношениями данного определенного способа производства.

Этого Прудон не понял, а еще менее того доказал. Не будучи в состоянии проследить действительный ход истории, Прудон вместо этого дает фантазию, которая имеет претензию быть диалектической фантазией. Он не чувствует потребности говорить о XVII, XVIII и XIX веках, потому что его история совершается в заоблачных высях воображения и поднимается в высь далеко за пределы места и времени. Словом, это — гегелевский хлам, а не история; это не обыденная история — история людей, а священная история — история идей. Согласно его точке зрения человек — это только орудие, которым пользуется идея или вечный разум для того, чтобы развиваться.

Эволюции, о которых говорит Прудон, это—эволюции, совершающиеся в мистическом лоне абсолютной идеи. Если вы сорвете покров этой мистической фразеологии, то вы увидите, что Прудон изображает вам тот порядок, в котором экономические категории расположены внутри его головы. Не надо большого труда, чтобы доказать, что это — порядок очень путаной головы.

Прудон начал свою книгу с рассуждения о *стоимости*, его излюбленном коньке. Я на сей раз не буду разбирать этой части работы.

Ряд экономических эволюций вечного разума начинается с *разделения труда*. Для Прудона разделение труда — вещь совершенно простая. Но кастовый строй разве не был тоже определенным разделением труда? Разве цеховой строй не был другим разделением труда? А разделение труда мануфактурного строя, который начинается в Англии в середине XVII века и заканчивается в конце XVIII века, разве не отличается самым решительным образом от разделения труда в современной крупной промышленности?

Прудон так мало понимает сущность дела, что упускает даже то, чего не забывают обыкновенные экономисты. Говоря о разделении труда, он вовсе не чувствует потребности говорить о мировом *рынке*. А в XIV и XV веках, когда еще не было колоний, когда Америка для Европы еще не существовала, а Восточная Азия существовала лишь через посредство Константинополя, разве тогда разделение труда не было совсем иным по сравнению с разделением труда в XVII веке, когда имелись уже вполне развитые колонии?

Но это не все. Разве вся внутренняя организация народов, все их международные отношения не являются выражением определенного разделения труда? Разве все это не должно измениться вместе с переменой в разделении труда?

Прудон так мало понял вопрос о разделении труда, что даже не упоминает об отделении города от деревни, которое в Германии, например, произошло, начиная с IX по XII столетие. Для Прудона это отделение есть вечный, неизменный закон, потому что он не знает ни его происхождения, ни его развития. На протяжении всей своей книги он говорит в таком духе, будто бы этот продукт определенного способа производства будет продолжать существовать до скончания века. Все, что Прудон говорит о разделении труда, есть лишь резюме, и к тому же очень поверхностное, неполное резюме того, что до него было сказано Адамом Смитом и множеством других.

Вторая эволюция — это *машины*. Связь между разделением труда и машинами у Прудона совершенно мистическая. При каждом способе разделения труда были свои особые орудия производства.

С середины XVII до середины XVIII века, например, люди не делали всего голыми руками. У них были инструменты, и даже очень сложные, как ткацкие станки, корабли, рычаги и т. д.

Таким образом, совершенно нелепо считать машины последствием разделения труда вообще.

Я замечу только мимоходом, что Прудон так же мало понял историю развития машин, как и историю их происхождения. Можно сказать, что до 1825 г. — эпохи первого всеобщего кризиса — потребности потребления вообще росли быстрее производства и развитие машин было неизбежным последствием потребностей рынка. Начиная с 1825 г. изобретение и применение машин было только результатом войны между рабочими и предпринимателями. Но это правильно только для Англии; что же касается европейских наций, то применять машины их заставила конкуренция Англии как на их собственном, внутреннем, так и на мировом рынке. Наконец, в Северной Америке машина была введена как благодаря конкуренции с другими народами, так и благодаря недостатку рабочих рук, т. е. благодаря несоответствию между промышленными потребностями Северной Америки и ее населением. Из этих фактов вы можете заключить, какую пронизательность проявляет Прудон, заклиная призрак конкуренции как третью эволюцию, как антитезу машины!

Наконец, вообще бессмысленно делать из *машины* экономическую категорию наряду с разделением труда, конкуренцией, кредитом и т. д.

Машина так же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Современное *применение* машин есть одно из отношений нашего современного экономического строя, но способ пользоваться машинами — это совсем не то, что сами машины. Порох остается порохом, употребляют ли его для того, чтобы нанести рану человеку, или для того, чтобы вылечить раны того же самого человека.

Прудон превосходит самого себя, создавая в своей голове конкуренцию, монополию, налог или полицию, торговый баланс, кредит и собственность как раз в том порядке, в каком я их сейчас перечисляю. Почти все кредитные учреждения развились в Англии в начале XVIII века, еще до изобретения машин. Общественный кредит был только новым способом повышения налогов и удовлетворения новых потребностей, созданных приходом буржуазии к власти. *Собственность*, наконец, является в системе Прудона последней категорией. В действительном мире, наоборот, разделение труда и все прочие категории Прудона суть общественные отношения, которые в совокупности образуют то, что в настоящее время называют

собственностью; вне этих отношений буржуазная собственность есть не что иное, как метафизическая и юридическая иллюзия. Собственность другой эпохи, феодальная собственность, развивается при совершенно иных общественных отношениях. Определяя собственность как независимое отношение, Прудон делает больше чем методологическую ошибку: он обнаруживает свое непонимание той связи, которая соединяет все формы *буржуазного* производства; он обнаруживает свое непонимание *исторического и преходящего* характера форм производства в определенную эпоху. Прудон, не видя, что наши общественные установления — это продукты исторического развития, не понимая ни их происхождения, ни их развития, может дать только догматическую их критику.

Прудон для того, чтобы объяснить развитие, вынужден прибегнуть к *фигции*. Он воображает, что разделение труда, кредит, машины, и т. д. изобретены для того, чтобы служить его навязчивой идее — идее равенства. Его объяснение крайне наивно. Все эти вещи придуманы для равенства, но, к несчастью, они обратились против равенства. В этом и состоит все его рассуждение, т. е. он берет произвольную гипотезу, но так как действительное развитие на каждом шагу противоречит его фикции, то он из этого делает вывод, что налицо противоречие. В то же время он скрывает, что противоречие-то существует единственно между его идеями и действительным движением.

Таким образом, Прудон, прежде всего из-за отсутствия у него исторических знаний, не понял, что люди, развивая свои производительные силы, т. е. живя, развивают определенные отношения друг к другу и что характер этих отношений неизбежно должен меняться вместе с преобразованием и ростом этих производительных сил. Он не понял, что *экономические категории* — это лишь *абстракции* этих действительных отношений и являются истинами лишь постольку, поскольку существуют эти отношения. Таким образом, он впадает в ошибку буржуазных экономистов, которые считают эти экономические категории вечными, а не исторически изменяющимися законами, законами лишь для определенного исторического развития, для определенного развития производительных сил. Вместо того, следовательно, чтобы считать политико-экономические категории абстракциями действительных, преходящих, исторических общественных отношений, Прудон благодаря мистическому извращению видит в действительных отношениях всего лишь воплощение этих абстракций. Сами эти абстракции являются формулами, дремавшими в лоне бога-отца с самого сотворения мира.

Здесь у нашего доброго Прудона начинаются тяжелые умствен-

ные судороги. Если все эти экономические категории суть эманации божественного сердца, если они являются скрытой и вечной жизнью людей, откуда же происходит, во-первых, развитие и, во-вторых, то обстоятельство, что Прудон не консерватор? Эти явные противоречия он объясняет целой системой антагонизма.

Чтобы осветить эту систему антагонизма, возьмем пример.

Монополия хороша, потому что это — экономическая категория и, стало быть, эманация бога. Конкуренция хороша, потому что и она тоже экономическая категория. Но вот что нехорошо, так это действительность монополии и действительность конкуренции. Еще хуже то, что монополия и конкуренция взаимно пожирают друг друга. Что же делать? Так как эти две вечные мысли бога противоречат друг другу, Прудону кажется очевидным, что в лоне бога имеется равным образом и синтез обеих мыслей, в котором зло монополии уравнивается конкуренцией, и обратно. Борьба между обеими идеями будет иметь то последствие, что наружу выступит только хорошая сторона. Надо вырвать у бога эту тайную мысль, а затем применить ее, и все будет прекрасно. Надо открыть синтетическую формулу, скрытую во мраке безличного разума человечества. Прудон ни минуты не колеблется выступить в качестве лица, открывающего эту тайну.

Но бросьте на миг взгляд на действительную жизнь. В современной экономической жизни вы найдете не только конкуренцию и монополию, но также и их синтез, являющийся не *формулой*, а *движением*. Монополия рождает конкуренцию, конкуренция рождает монополию. И, однако, это уравнение, не устраняя затруднений современного положения, как это воображают буржуазные экономисты, создает в результате еще более трудное и еще более запутанное положение. Таким образом, изменяя основу, на которой покоятся современные экономические отношения, уничтожая современный *способ* производства, вы уничтожаете не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их единство, их синтез, — движение, которое и есть действительное уравнивание конкуренции и монополии.

Теперь я дам Вам образец диалектики Прудона.

Свобода и рабство образуют антагонизм. Мне нет нужды говорить о хороших и о дурных сторонах свободы. Что касается рабства, нечего говорить о его дурных сторонах. Единственно, что надо объяснить, — это хорошую сторону рабства. Речь идет не о косвенном рабстве, не о рабстве пролетариата. Речь идет о прямом рабстве, о рабстве черных в Суринаме, Бразилии, южных областях Северной Америки.

Прямое рабство является такой же основой нашей современной промышленности, как машины, кредит и т. д. Без рабства у вас нет

хлопка, без хлопка нет современной промышленности. Рабство дало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля — необходимое условие крупной машинной промышленности. До работорговли колонии давали Старому Свету очень мало продуктов и не изменяли сколько-нибудь заметно лица мира. Таким образом, рабство — это экономическая категория огромного значения. Без рабства Северная Америка — самый прогрессивный народ — превратилась бы в страну патриархальную. Вычеркните только Северную Америку с географической карты, и получится анархия, полный упадок торговли и современной цивилизации. Но уничтожение рабства означало бы, что Америка стирается с географической карты. Таким образом, рабство, вследствие того, что оно является экономической категорией, встречается с начала мира у всех народов. Современные народы сумели лишь замаскировать рабство у самих себя и ввести его открыто в Новом Свете. Как же будет держать себя Прудон после этих размышлений о рабстве? Он будет искать синтеза свободы и рабства, истинной золотой середины, иначе говоря — равновесия между рабством и свободой.

Прудон очень хорошо понял, что люди производят сукно, холст, шелковые ткани, и не велика заслуга понять такие мелочи. Но Прудон не понял того, что люди сообразно своим способностям производят также *общественные отношения*, в которых они производят сукно и холст. Еще меньше понял Прудон, что люди, производящие общественные отношения соответственно их материальной производительности, создают также и *идеи*, и *категории*, т. е. отвлеченные, идеальные выражения этих самых общественных отношений. Таким образом, категории так же мало являются вечными, как и выражаемые ими отношения. Это — продукты исторические и преходящие. Для Прудона же, совсем наоборот, первоначальной причиной являются абстракции, категории. По его мнению, это они, а не люди, создают историю. *Абстракция, категория*, как таковая, т. е. отделенная от людей и их материальной деятельности, является, конечно, бессмертной, неизменной, неподвижной. Она представляет собой лишь порождение чистого разума, что обозначает просто-напросто, что абстракция, как таковая, абстрактна. Восхитительная *тавтология!*

Таким образом, экономические отношения, рассматриваемые в форме категорий, являются для Прудона формулами вечными, не имеющими ни начала, ни развития.

Другими словами: Прудон не утверждает прямо, что *буржуазная жизнь* является для него *вечной истиной*. Он утверждает это косвенно, обожествляя категории, которые в форме мысли выражают

буржуазные отношения. Коль скоро продукты буржуазного общества представляются ему в форме категорий мышления, он принимает их за возникающие сами по себе существа, вечные, одаренные собственной жизнью. Таким образом, он не выходит за пределы буржуазного горизонта. Так как он имеет дело с буржуазными идеями, считая их вечными истинами, он ищет синтеза этих идей, их равновесия и не видит, что современный способ их уравнивания есть единственно возможный.

В сущности он делает то, что делают все добрые буржуа. Все они говорят вам, что конкуренция, монополия и т. д. в принципе, т. е. если их взять как отвлеченные понятия, являются единственными основами жизни, но что на практике они оставляют желать многого. Все они хотят конкуренции без печальных последствий конкуренции. Все они хотят невозможного, т. е. условий буржуазной жизни без необходимых последствий этих условий. Все они не понимают, что буржуазный способ производства есть историческая и преходящая форма, подобно тому как преходящей была форма феодальная. Эта ошибка происходит оттого, что для них человек-буржуа является единственной основой всякого общества, оттого, что они не представляют себе такого общественного строя, в котором человек перестал бы быть буржуа.

Прудон неизбежно является поэтому *доктринером*. Историческое движение, совершающее переворот в современном мире, сводится для него к задаче открыть правильное равновесие, синтез двух буржуазных мыслей. Таким образом, при помощи ухищрений этот ловкий малый открывает скрытую мысль бога, единство двух отдельных мыслей, которые только потому являются отдельными, что Прудон отделил их от практической жизни, от современного производства, являющегося сочетанием тех реальностей, которые эти мысли выражают. На место великого исторического движения, рождающегося из конфликта между уже приобретенными производительными силами людей и их общественными отношениями, которые не соответствуют больше этим производительным силам, на место страшных войн, которые готовятся между различными классами одной нации и между различными нациями, на место практической и насильственной деятельности масс, которая одна будет в силах разрешить эти столкновения, на место этого обширного, продолжительного и сложного движения Прудон ставит причудливые движения своей головы. Итак, историю делают ученые, люди, способные похитить у бога его сокровенную мысль. А простой народ должен лишь применять на практике их откровения. Вы теперь понимаете, почему Прудон

является отъявленным врагом всякого политического движения. Разрешение современных вопросов заключается для него не в общественном действии, но в диалектических вращениях, совершающихся в его голове. Так как для него категории являются движущими силами, то незачем изменять практическую жизнь для того, чтобы изменить категории. Совсем наоборот. Надо изменить категории, и последствием этого явится изменение действительного общества.

Желая примирить противоречия, Прудон даже не задает себе вопроса — а не надо ли преобразовать самую основу этих противоречий? Он во всем походит на политического доктринера, который желает сохранить и короля, и палату депутатов, и верхнюю палату в качестве составных частей общественной жизни, как вечные категории. Только он ищет новую формулу для того, чтобы уравновесить эти силы, равновесие которых как раз и состоит в современном движении, где одна из этих сил является то победительницей, то рабыней другой. Так, в XVIII веке множество посредственных голов старалось найти истинную формулу, чтобы уравновесить общественные сословия, дворянство, короля, парламенты и т. д., а на другой день не оказалось ни короля, ни парламента, ни дворянства. Истинным равновесием этого антагонизма было ниспровержение всех общественных отношений, служивших основой этим феодальным установлениям и основой антагонизма этих феодальных установлений.

Так как Прудон на одну сторону ставит вечные идеи, категории чистого разума, а на другую сторону людей и их практическую жизнь, являющуюся, по его мнению, применением этих категорий, то вы встретите у него с самого начала *дуализм* между жизнью и идеями, между душой и телом, — дуализм, повторяющийся в различных формах. Вы теперь видите, что этот антагонизм — это только лишь неспособность Прудона понять обыденную историю и происхождение категорий, которые он обожествляет.

Мое письмо слишком затянулось, так что я не могу уже говорить о смешных обвинениях Прудона против коммунизма. Пока Вы согласитесь со мной, что человек, не понявший современного состояния общества, еще меньше может понять то движение, которое стремится разрушить это общество, и литературные выражения этого революционного движения.

Единственный пункт, в котором я вполне согласен с Прудоном, — это его отвращение к социалистической чувствительности. До него я вызвал против себя много вражды своими насмешками над социализмом бараньим, сентиментальным, утопическим. Но сам Прудон разве не создает себе странных иллюзий, противопоставляя свою сенти-

ментальность мелкого буржуа, — я имею в виду его декламации о хозяйстве, супружеской любви и о всех этих банальностях, — социалистической сентиментальности, которая у Фурье, например, гораздо глубже претенциозных пошлостей нашего доброго Прудона. Он сам настолько хорошо чувствует всю ничтожность своих доводов, свою полную неспособность говорить обо всех этих вещах, что вдруг, не помня себя, приходит в ярость, начинает вопить, негодует, как *честный человек (irae hominis probi)*, кипит, ругается, обличает, проклинает, бьет себя в грудь и с гордостью заявляет перед богом и людьми, что он чист от социалистических мерзостей! Он не подвергает критике социалистическую сентиментальность или то, что он считает сентиментальностью. Он, как святой, как папа, предаёт анафеме бедных грешников и поет славу мелкой буржуазии и жалким любовным и патриархальным иллюзиям домашнего очага. И это не случайно. Прудон — с головы до ног философ, экономист мелкой буржуазии. *Мелкий буржуа* в современном передовом обществе, в силу самого своего положения, с одной стороны, делается социалистом, а с другой — экономистом, т. е. он ослеплен великолепием крупной буржуазии и сочувствует страданиям народа. Он в одно и то же время и буржуа, и народ. В глубине своей души он гордится тем, что он беспристрастен, что он нашел истинное равновесие, которое имеет претензию отличаться от золотой середины. Такой мелкий буржуа обожествляет *противоречие*, потому что противоречие есть основа его существа. Он сам — не что иное, как воплощенное общественное противоречие. Он должен оправдать в теории то, чем он является на практике, и Прудону принадлежит заслуга быть научным истолкователем французской мелкой буржуазии; это — действительная заслуга, потому что мелкая буржуазия явится составной частью всех грядущих социальных революций.

Я хотел бы послать Вам с этим письмом мою книгу о политической экономии, но до сих пор я не мог напечатать этой работы и критики германских философов и социалистов, о чем я Вам говорил в Брюсселе. Вы не можете себе представить, какие затруднения такое издание встречает в Германии, во-первых, со стороны полиции, во-вторых — со стороны издателей, являющихся заинтересованными представителями всех тех направлений, на которые я нападаю. А что касается нашей собственной партии, то она не только бедна, но, кроме того, значительная часть немецкой коммунистической партии сердита на меня за то, что я выступаю против их утопий и против их декламаций.

Весь Ваш

Карл Маркс.

P. S. Вы, пожалуй, спросите меня, почему я Вам пишу на плохом французском языке, а не на хорошем немецком. Это потому, что я имею дело с французским автором.

Вы меня очень обяжете, если не слишком задержите свой ответ. Я хочу знать, поняли ли Вы меня под этой оболочкой варварского французского языка.

1847 год.

16.

Маркс — Роланду Даниэльсу
в Кельн.

[Брюссель,] 7 марта [1847 г.]

Дорогой Даниэльс!

Возможно, что *ты* или *кто-либо другой из вас, кельнцев*, получит письмо от Гесса относительно коммунистических дел. Убедительно прошу, чтобы *никто* из *вас* не отвечал, пока я не пришлю вам через В. документы и письма. Во всяком случае, я *настаиваю* на том, чтобы *ты* *приехал сюда*. Мне надо сообщить тебе важные вещи, о которых нельзя писать по почте. Если *ты* не можешь приехать, то пусть приедет на несколько дней Г. Бюргерс. Жду тебя или твоего заместителя у себя.....¹

Итак, нужно, чтобы ты или Г. Б[юргерс] приехали в *Мехельн* возможно скорее.

Передай прилагаемое письмо *Цулауфу* в Эльберфельде, Грюнштрассе.

Приезжай не в *Брюссель*, а в *Мехельн*, и предупреди за день, когда ты или Бюргерс приедете.

...ты можешь на несколько дней пренебречь своими житейскими делами².

Твой *Маркс*.

17.

Маркс — Георгу Гервегу
в Париж.

Брюссель, 27 июля 1847 г.
Faubourg d'Ixelles, rue d'Orléans 42.

Дорогой Гервег!

Сюда только что приехал из Парижа Энгельс, чтобы провести

¹ Продолжение письма отсутствует. Последующие строки добавлены на полях письма сверху. После слов «у себя» Марксом сделано указание: «Смотри наверху».

² Последняя фраза и подпись добавлены на полях сбоку.

здесь несколько недель. Он передает следующий анекдот, по поводу которого я прошу тебя дать мне немедленно объяснения.

Бернайс рассказывает Эвербеку: ко мне заходил Гервег и заявил, что Маркс принял его так дружески, что, очевидно, ему *нужно* было что-то от него. Бернайс сказал также Эвербеку, что он может передавать дальше эту остроу.

Я бы не стал браться за перо из-за этой сплетни, если бы она не получила известное распространение среди моих знакомых в Париже.

Поэтому я прошу тебя дать мне немедленно категорический ответ — правда это или неправда.

Твой Маркс.

18.

Маркс — Георгу Гервегу

в Париж.

Брюссель, 8 августа [1847 г.]

Дорогой Гервег!

Спешу известить тебя о получении твоего письма. В нем я нашел только то, о чем я уже раньше знал, — что все это жалкая чепуха. Мне нужно было получить от тебя эти несколько строчек для того, чтобы показать Энгельсу черным по белому, что представляет собою парижская болтовня немецких мелких буржуа. Уверю тебя, что со времени моего отъезда из Парижа и несмотря на все принятые мною меры предосторожности, направленные к тому, чтобы я стал неуловимым и недоступным, эти старые бабы не переставали преследовать меня одним и тем же вздором. От таких дураков можно отделаться только крайней грубостью.

Я только сожалею, что надоедаю тебе в твоём уединении подобным вздором. Для этих старых баб характерно то, что они стремятся замазать и подсластить всякую действительную партийную борьбу, а старую немецкую привычку сплетничать и подстрекательство они выдают за революционную деятельность. Несчастные! Здесь, в Брюсселе, у нас нет, по крайней мере, этой мрази.

Здесьнее прусское посольство внимательно следило за Борнштедтом, стараясь уличить его в каком-нибудь проступке. Наконец, это ему удалось. Посольство послало на него *донос* и навязало ему три процесса: 1) фискальный процесс, за нарушение закона о гербовых сборах, 2) политический процесс, — за то, что он заявил в своей газете, что Луи-Филиппа нужно было бы убить, 3) процесс о клевете,

возбужденный одним бельгийским аристократом, господином *Ози*, которого Борнштедт обвинил, и правильно, в хлебных спекуляциях.

Все эти три процесса не имеют под собой никаких оснований, и их несомненным исходом будет то, что прусское посольство, и без того мало уважаемое, станет посмешищем. Какое ему дело до Луи-Филиппа, *Ози* и бельгийского закона о гербовом сборе?

Сам следователь заявил, что все эти процессы затеяны зря. Но, с другой стороны, газете «*Brüsseler Zeitung*», — которая, несмотря на все свои слабые стороны, все же имеет некоторые заслуги и как раз теперь, когда Б[орнштедт] готов во всех отношениях идти нам навстречу, могла бы стать еще лучше, — грозит внезапный денежный крах. Как вели себя благородные немцы в этой истории? Издатели *обманывали* Борнштедта, так как он не может преследовать их судом. Оппозиция всех оттенков, вместо того, чтобы оказать хотя бы малейшую литературную или денежную помощь, сочла более удобным заявить, что препятствием для них является имя Борнштедта. Эти люди всегда ведь найдут предлог, чтобы ничего не делать. То им не нравится сам человек, то его жена, то тенденция, то стиль, то формат, то распространение связано с некоторой опасностью и т. д. Эти господа ждут, чтобы жареные голуби сами летели им в рот. Когда есть только *одна* выходящая без цензуры оппозиционная газета, которой правительство ставит большие препятствия и редактор которой, по самой сути своего предприятия, расположен ко всему прогрессивному, — разве не следовало бы прежде всего использовать этот случай и постараться улучшить газету, если ее находят недостаточно хорошей! Но нет. Наши немцы всегда имеют наготове тысячу мудрых изречений для объяснения того, почему они должны оставить эту возможность неиспользованной. Любая возможность что-либо сделать только приводит их в смущение.

С моими рукописями дело обстоит приблизительно так же, как с «*Brüsseler Zeitung*», а эти ослы изо дня в день продолжают писать мне, спрашивая, почему я ничего не печатаю, и даже упрекают меня в том, что я предпочитаю писать по-французски, чем ничего не писать. Еще долго придется расплачиваться за то, что родился тевтоном. Прощай. Привет твоей жене и тебе от нас с женой.

В Париже ты получишь список опечаток, приложенный к моей французской мазне. Без этого списка некоторые места непонятны.

Как только у тебя будет свободное время и не окажется лучшего занятия, пиши твоему

Марксу.

19.

Маркс — Моисею Гессеу

в Брюсселе.

[Брюссель,] 2 сентября [1847 г.]

Дорогой Гесс!

Загляни сегодня в Grand Salon на *Chaussée d'Eberbeck*, именуемый также Palais Royal.

Маркс.

20.

Энгельс — Люсьену Жоттрану

в Брюсселе.

[Брюссель, 30 сентября 1847 г.]

Милостивый государь!

Так как я вынужден покинуть Брюссель на несколько месяцев, я не смогу выполнять те обязанности, которые возложило на меня собрание 27 сентября.

Поэтому я прошу Вас привлечь кого-нибудь из немецких демократов, проживающих в Брюсселе, к работам комиссии, которой поручено организовать всемирное демократическое общество.

Я позволю себе предложить Вам одного из немецких демократов Брюсселя, на которого собрание, если бы он мог на нем присутствовать, возложило бы те обязанности, которые ввиду его отсутствия оно доверило мне. Я имею в виду г. Маркса, который, по моему глубочайшему убеждению, имеет наибольшее право представлять в комиссии немецкую демократию. Таким образом, не г. Маркс будет меня замещать, а, вернее, я замещал г. Маркса на собрании.

Примите уверение в моем глубоком уважении.

Остаюсь преданный Вам

Фридрих Энгельс.

Г-н Маркс, который во время собрания не был в Брюсселе, живет rue d'Orléans 42, Faubourg de Namur.

21.

Маркс — Георгу Гервегу

в Париж.

Брюссель, 26 октября [1847 г.]

Rue d'Orléans 42, Faubourg Namur.

Дорогой Гервег!

Я хотел дать Энгельсу письмо для тебя, но в день его отъезда скопилось так много дел, что мы упустили это из виду и забыли об этом.

Графиня Гатцфельд просила меня написать тебе несколько рекомендательных слов о ней. Я думаю, что теперь ты уже успел с нею познакомиться. В единоборстве со своим мужем женщина эта обнарузила большую энергию, необычную для *немки*.

Здесь в Брюсселе мы основали два публичных демократических общества:

1) немецкое рабочее общество, которое уже насчитывает 100 членов. В этом обществе ведутся совсем по-парламентски дискуссии, а наряду с этим имеются и общие развлечения, как пение, декламация, театральные представления и т. д.;

2) менее многочисленное космополитически-демократическое общество, в котором принимают участие бельгийцы, французы, поляки, швейцарцы и немцы.

Если ты когда-нибудь снова попадешь сюда, то ты увидишь, что даже в маленькой Бельгии для непосредственной пропаганды можно больше сделать, чем в великой Франции. К тому же я считаю, что общественная деятельность, как бы мала она ни была, оказывает на каждого необычайно освежающее действие.

Так как у государственного руля стоит теперь *либеральное* министерство, то вполне возможно, что нас ожидают полицейские подвохи, ибо либералы не оставляют своих проделок.

Но мы с ними справимся. Здесь не то, что в Париже, где иностранцы изолированно противостоят правительству.

Так как при теперешних обстоятельствах в Германии совершенно невозможно использовать существующие издательства, то, по уговору с немцами, живущими в Германии, я решил основать ежемесячный журнал на паях. В Рейнской провинции и Бадене мы уже распространили некоторое количество акций. Мы приступим к делу, как только наберется достаточно денег для издания журнала в течение трех месяцев.

Если бы наши сборы были достаточно велики, можно было бы устроить здесь собственную типографию, используя ее также и для печатания отдельных самостоятельных работ.

От тебя я хотел бы узнать следующее:

1) Не подпишешься ли и ты на несколько акций (каждая акция по 25 талеров).

2) Желает ли ты сотрудничать, а стало быть и фигурировать в качестве сотрудника на титульном листе.

Так как ты и без того давно уже должен был написать мне, то я очень прошу тебя преодолеть на этот раз свое нерасположение к писанию писем и ответить мне *поскорее*. Кроме того, я попросил бы тебя

узнать у *Бакунина*. каким путем, по какому адресу и каким образом я могу переправить письмо *Толстому*?

Моя жена просит передать сердечный привет тебе и твоей жене.

Приключение с пр[усским] посольством в Париже поистине свидетельствует о росте бессильной ярости нашего «отца народа».

Прощай.

Твой *Маркс*.¹

22.

Маркс — Павлу Анненкову
в Париж.

Лондон, 9 декабря [1847 г.]

Дорогой Анненков!

Партийные соображения, на которых я не могу здесь останавливаться, побудили меня поехать в Лондон. Я использовал заодно это путешествие для того, чтобы установить связь между Брюссельским демократическим обществом и английскими чартистами и обратиться с речью к этим последним на публичном митинге. Вы уже, возможно, читали отдельные заметки по этому поводу в английских и французских газетах.

Но, предприняв это путешествие, — а я вынужден остаться здесь еще на несколько дней, — я оставил свою семью в чрезвычайно тяжелом и совершенно безнадежном положении. Дело не только в том, что моя жена и все дети больны. Мое материальное положение в данный момент является настолько критическим, что мою жену буквально осаждают кредиторы и она испытывает отчаянные денежные затруднения.

Как дело дошло до такого кризиса — объяснить легко. Мои немецкие рукописи в общем не печатаются, а то, что печатается, я отдаю даром, чтобы только выпустить их в свет. Моя брошюра против Прудона разошлась очень хорошо. Но я получу часть денег за нее только лишь к пасхе.

Одного того, что получает моя жена, недостаточно, а со своей матерью я уже довольно давно веду переговоры о том чтобы получить хотя бы часть моего состояния. Теперь как будто появились шансы на это. Но в данный момент это мне ничего не дает.

¹ На письме рукою Ж. Маркс написан адрес: «Г-ну доктору Готшалку, практикующему врачу в Кельне».

Этот адрес перечеркнут. под ним рукою Маркса написано: «Дорогой Гервег, по ошибке мы чуть не поставили на данном письме этот неверный адрес».

При таком положении, о котором я без стеснения, откровенно рассказываю Вам, Вы поистине спасли бы меня от величайших неприятностей, если бы могли переслать моей жене 100—200 франков. Уплатить этот долг я, конечно, смогу только после того, как будут урегулированы мои денежные отношения с семьей.

Если Вы можете исполнить мою просьбу, то я прошу Вас послать деньги по моему старому адресу: г. Карлу Марксу, Брюссель, Faubourg Namur, rue d'Orléans 42. Но моя жена не должна догадаться по содержанию письма о том, что я писал Вам из Лондона. Позднее я объясню Вам причину.

Я надеюсь, что в следующий раз смогу написать Вам что-нибудь более приятное.

Ваш *К. Маркс*.

1848 год.

23.

Женни Маркс — Иосифу Вейдемейеру

в Вестфалию.

Париж, четверг [17 марта 1848 г.]
Отель Манчестер, rue Grammon 1.

Дорогой г. Вейдемейер!

Мой муж опять так занят в этом гигантском городе множеством дел и бегом, что поручил мне обратиться к Вам с просьбой поместить в «Westphälisches Dampfboot» следующее сообщение: здесь, о чем подробно осведомлен г. Люнинг, образовалось несколько немецких обществ, но *Немецкий рабочий клуб*, во главе которого стоят лондонские немцы — Шаппер, Бауэр, Молль — и немцы из Брюсселя — Маркс, Вольф, Энгельс, Валлау, Борн (непосредственно связанные через Гарни и Джонса также и с английскими чартистами), — не имеет ничего общего с Немецким демократическим обществом под председательством Бернштейна, Борнштедта, Гервега, Фолька¹, Деккера и т. д., — с обществом, которое подняло черно-красно-золотое знамя (в этом его, впрочем, опередил уже Союзный сейм), заводит речь об отце Блюхере и проводит под командой прусских отставных офицеров военную муштровку по секциям. Перед лицом *Франции* и Германии совершенно необходимо решительно отмежеваться от этого общества, потому что немцев оно опозорит. Если «Dampfboot» выйдет еще не скоро, то составьте на основании этих данных небольшую статью в какие-нибудь немецкие газеты, с которыми Вы там на юге больше связаны. Постарайтесь распространить это возможно шире в немецких газетах.

Мне хотелось бы еще многое написать Вам о происходящем здесь интересном движении, которое нарастает с минуты на минуту (сегодня вечером перед городской ратушей прошло 400 000 рабочих). Массы демонстрантов все растут и растут. Но я так перегружена домашним хозяйством и заботами о трех моих крошках, что у меня остается время только на то, чтобы послать издали сердечный привет Вам и Вашей милой жене.

Привет и братство.

Ваша бездомная гражданка

Женни Маркс.

¹ В оригинале ошибочно: «Ольк».

24.

Энгельс — Эмилю Бланку

в Лондон.

Париж, 26 марта 1848 г.

Дорогой Эмиль!

После славной февральской революции и после так и не разгравшейся бельгийской мартовской революции я на прошлой неделе снова приехал сюда. Я написал матери относительно денег для того, чтобы через несколько дней вернуться отсюда в Германию, где мы собираемся снова издавать «Rheinische Zeitung». Мать очень торопит меня скорее вернуться в Германию, отчасти потому, что, по ее мнению, здесь снова дело дойдет до перестрелки и мне при этом тоже может достаться, а отчасти потому, что она вообще хочет, чтобы я вернулся. Но при этом она тут же пишет: «Как мне прислать тебе денег, я, право, не знаю, потому что Фульд несколько дней тому назад известил отца, что он больше не производит операций, и несколько вполне солидных векселей, посланных ему отцом, были возвращены и опротестованы. Итак, напиши мне, как переслать тебе деньги».

Проще всего было бы, если бы ты прислал мне 20 фунтов банкнотами, которые стоят здесь очень высоко, а мои старики немедленно возместили бы их тебе. Тогда я быстро смогу получить деньги и уехать. В противном случае мне придется просидеть здесь еще с неделю, пока я не получу денег из Бармена или из Энгельс-кирхена. Итак, я сегодня же напишу в Бармен, чтобы тебе возместили 20 ф. ст., и прошу тебя устроить дело так, как я только что сказал, ибо векселя уже ничего не стоят.

Банкноты ты можешь разрезать пополам и одну половину их послать в тот же день по моему адресу — 19, rue de la Victoire, Париж, а другую на следующий день на имя m-lle Фелисите Андре, та же улица и тот же номер. Это — во избежание воровства на почте.

Дела идут здесь очень хорошо. Буржуа, разбитые 24 февраля и 17 марта, снова поднимают голову и страшно ругают республику, но это приведет только к тому, что вскоре над ними разразится уже совсем иного рода гроза, чем до сих пор. Если эти господа будут продолжать вести себя так нагло, то в скором времени народ повесят кое-кого из них. У них есть сторонники во временном правительстве, в частности за них стоит балда Ламартин, которого тоже скоро схватят за глотку. Здешние рабочие — 200—300 тысяч.

человек — не признают никого, кроме Ледрю-Роллена, и они правы. Он решительнее и радикальнее всех. Флокон тоже очень хорош. Я был несколько раз у него и сейчас опять к нему иду. Это честнейший малый.

С великим крестовым походом для установления германской республики, который здесь готовится, мы не имеем ничего общего.

Передай мой сердечный привет Марии и малышам и отвечай немедленно.

Торопшсь,

Твой Фридрих.

25.

Энгельс — Эмилю Блапку

в Лондон.

Париж, 28 марта 1848 г.

Дорогой Эмиль!

Сегодня я получил первые четыре половинки четырех пятифунтовых банкнот и прошу о *немедленной* присылке вторых половинок, так как я должен уехать как можно скорее. Очень благодарен тебе за твою готовность быстро помочь мне в нужде. Твоя подписка на «Rheinische Zeitung» зарегистрирована.

Что касается здешних партий, то здесь имеется, собственно, три крупные партии, не считая мелких партий (легитимистов и бонапартистов, которые занимаются только интригами и являются простыми сектами, не имеющими влияния в народе; часть их богата, но они никоим образом не могут надеяться на победу). Три эти партии — это, во-первых, побежденные 24 февраля, т. е. крупные буржуа, биржевые спекулянты, банкиры, фабриканты и крупные купцы, старые консерваторы и либералы. Во-вторых, мелкие буржуа, среднее сословие, основная масса национальной гвардии, перешедшая 23 и 24 февраля на сторону народа, «благоразумные радикалы», идущие за Ламартином и газетой «National». В-третьих, народ, парижские рабочие, которые держат в своих руках Париж вооруженной силой.

Крупные буржуа и рабочие прямо противостоят друг другу. Мелкие буржуа играют посредническую, но очень жалкую роль. Однако во временном правительстве они имеют большинство (Ламартин, Марраст, Дюпон де-Лер, Мари, Гарнье-Пажес и до некоторой степени Кремье). Они, а вместе с ними и временное правительство, сильно колеблются. Чем спокойней обстановка, тем в большей степени правительство и мелкобуржуазная партия склоняются на сто-

рону крупной буржуазии. Чем тревожнее обстановка, тем ближе они снова стараются примкнуть к рабочим. Недавно, например, когда буржуа опять настолько обнаглели, что даже затеяли шествие к ратуше отряда национальной гвардии в 8 000 человек для протеста против декрета временного правительства, а именно против энергичных мероприятий Ледрю-Роллена, им действительно удалось запугать большинство правительства, и в особенности бесхарактерного Ламартина, так что он публично отмежевался от Ледрю-Роллена. Но на следующий день, 17 марта, 200 000 рабочих отправились к ратуше, выразили Ледрю-Роллену свое безусловное доверие и принудили Ламартина и большинство правительства взять свое решение обратно. Так что в данный момент перевес снова оказался на стороне приверженцев «Réforme» (Ледрю-Роллен, Флокон, Луи Блан, Альбер, Араго). Из всего правительства они больше чем кто-либо другой представляют рабочих и являются коммунистами, сами того не подозревая. К сожалению, маленький Луи Блан очень компрометирует себя своим тщеславием и своими сумасшедшими планами. Он скоро здорово оскандалится. Зато Ледрю-Роллен ведет себя очень хорошо.

Хуже всего то, что правительство, с одной стороны, вынуждено давать рабочим обещания, а с другой — не может сдержать ни одного из них, так как оно не имеет мужества обеспечить себе необходимые для этого денежные средства с помощью революционных мероприятий, направленных против буржуазии: высокого прогрессивного обложения доходов, налогов на наследства, конфискации собственности всех эмигрантов, запрещения вывоза золота, учреждения государственного банка и т. д. Людям из «Réforme» предоставляют давать обещания, а затем, путем нелепейших консервативных решений, их ставят в такое положение, когда они оказываются не в состоянии выполнить обещанное.

В Национальном собрании присоединяется еще новый элемент: крестьяне, составляющие $\frac{5}{7}$ французской нации и стоящие за мелкобуржуазную партию, за «National». Очень вероятно, что эта партия победит, что сторонники «Réforme» падут, и тогда снова произойдет революция. Возможно также, что депутаты, очутившись в Париже, увидят, как обстоят здесь дела, и поймут, что у власти долгое время могут удержаться только сторонники «Réforme». Но это мало вероятно.

Отсрочка выборов на две недели также является победой парижских рабочих над буржуазной партией.

Сторонники «National» — Марраст и его соратники — очень плохо зарекомендовали себя и в других отношениях. Они живут на

широкую ногу и раздобывают для своих друзей дворцы и теплые местечки. Сторонники «Réforme» совсем другие люди. Я раза два был у старика Флокона. Старик попрежнему живет в скверной квартире на пятом этаже, курит обыкновенный дешевый табак из старой глиняной трубки и только купил себе новый халат. Его образ жизни остался таким же республиканским, как и в то время, когда он был еще редактором «Réforme»; он попрежнему радушен, сердечен и искренен. Он один из самых честных людей, каких я только знаю.

Недавно я обедал в Тюильрийском дворце, в комнатах принца Жуанвильского со стариком Эмбером, который жил в Брюсселе изгнанником, а сейчас — комендант Тюильрийского дворца. В покоех Луи-Филиппа лежат теперь на коврах раненые и покуривают короткие трубочки. В тронном зале портреты Сульта и Бюжо сорваны со стен и разодраны, а портрет Груши изрезан на куски.

Сейчас мимо нас проходит похоронная процессия, провожающая под звуки «Марсельезы» тело умершего от ран рабочего. Его сопровождают по крайней мере 10 000 национальных гвардейцев и вооруженных граждан, а в качестве конных национальных гвардейцев за процессией следуют молодые щеголи с Шоссе д'Арти. Буржуа вне себя от того, что какому-то рабочему в такой форме отдают последние почести.

Твой Ф. Э.

26.

Маркс и Энгельс — Адальберту фон-Борнштедту и др.
в Париже¹.

Париж, 1 апреля 1848 г.

В ответ на доставленную сегодня утром Марксу записку гг. Борнштедта и др. считаем нужным заметить следующее:

1) Маркс совершенно не намерен отчитываться перед кем бы то ни было за какую бы то ни было статью, помещенную в немецкой газете.

2) Маркс совершенно не намерен отчитываться перед комитетом или депутацией Немецкого демократического общества, с которым он не имеет ничего общего.

3) Если же гг. Борнштедт и Гервег требуют объяснений *лично от своего имени*, а не в качестве членов какого-либо комитета или какого-либо общества, то г. Борнштедту уже было сказано — один раз в частной беседе и один раз публично, — к кому им следует обратиться.

¹ Копия, написанная рукою Энгельса.

27.

Энгельс — Эмилю Бланку
в Лондон.

Бармен, 15 апреля 1848 г.

Дорогой Эмиль!

Я благополучно добрался сюда. Весь Бармен ждет, что я буду делать. Думают, что я сейчас же объявляю республику. Филистеры дрожат в безотчетном страхе, сами не зная, чего они боятся. Во всяком случае, думают, что с моим приездом многое скоро разрешится. К. и А. Э[рменов] явно в дрожь бросило, когда я сегодня появился в их конторе. Конечно, я ни во что не вмешиваюсь, а спокойно выжидаю событий.

Паника здесь неопишуемая. Буржуа требуют доверия, но доверия нет. Большинство из них, по их словам, само борется за существование. Но от этого рабочие сыты не будут, и время от времени они понемногу бунтуют. Здесь господствует всеобщее разложение, разорение, анархия, отчаяние, страх, ярость, сочувствие к конституции, ненависть к республике и т. д., и поистине в данный момент наиболее богатые измучены и запуганы больше всех. При этом все преувеличивают, лгут, бранятся, неистовствуют до такой степени, что кажется, что сходишь с ума. Самый спокойный бюргер впал в настоящее бешенство. Но по-настоящему они удивятся, когда примутся за дело чартисты. Дело с процессией — это еще пустяки. Мой друг *Дж. Джулиан Гарни* (перешли ему прилагаемое письмо по адресу 9, Queenstreet Brompton) через два месяца будет на месте Пальмерстона. Об этом я готов побиться с тобою об заклад на два пенса и вообще на любую сумму.

У твоей и моей матери все благополучно. Ждут твоего брата Германа, Анна находится в Гамме. Передай привет Марии и детям. До ближайшего письма.

Твой Ф.

28.

Маркс — редактору газеты «Alba»
во Флоренцию¹.

[Кельн, май 1848 г.]

Г-н у редактору газеты «Alba».

Милостивый государь!

1 июня в Кельне начнет выходить, под редакцией г. Карла Маркса, новая ежедневная газета под названием «Neue Rheinische

¹ Перевод сделан с текста, опубликованного в «L'Alba», 1848 г. 29. VI.

Zeitung». Эта газета будет у нас на севере бороться за те же демократические принципы, которые «Alba» представляет в Италии. Не может, следовательно, быть никакого сомнения относительно того, какую позицию «Neue Rheinische Zeitung» займет в спорных вопросах между Италией и Австрией. Мы будем отстаивать дело итальянской независимости, мы будем вести смертельную борьбу против австрийского деспотизма в Италии, равно как и в Германии и в Польше. Братски протягиваем мы руку итальянскому народу и хотим ему доказать, что немецкий народ отвергает какое бы то ни было участие в деле угнетения, которое у вас ведется теми же людьми, которые и у нас постоянно боролись против свободы. Мы сделаем все возможное, чтобы подготовить союз и доброе согласие между обоими великими и свободными народами, которые благодаря гнусному образу правления казались враждебными друг другу. Мы требуем поэтому, чтобы грубая австрийская солдатчина была немедленно отозвана из Италии и чтобы итальянскому народу была дана возможность проявить свою суверенную волю в деле выбора удобной ему формы правления.

Чтобы иметь возможность следить за итальянскими событиями, а Вам дать возможность судить об искренности наших заявлений, предлагаем Вам обмен Вашей газеты на нашу с тем, чтобы мы Вам ежедневно посылали «Neue Rheinische Zeitung», а Вы нам «Alba». Выражаем надежду, что Вы найдете возможным принять это предложение, и просим вас начать присылать «Alba» по возможности скорее, чтобы мы могли использовать ее в наших первых номерах.

Если бы оказалось, что Вы можете присылать нам и другую информацию, мы просим направлять ее нам и заверяем Вас, что всему, что может служить делу демократии в той или другой стране, мы со своей стороны окажем максимальное внимание.

Привет и братство.

Редакция «Neue Rheinische
Zeitung».

Редактор д-р *Карл Маркс*.

29.

Энгельс — Эмилю Бланку
в Лондон.

Кельн, 24 мая 1848 г.
14, Höhle.

Дорогой Эмиль!

В прошлую субботу я приехал сюда в Кельн. [Neue] «Rheinische Zeitung» начнет выходить с 1 июня. Но для того, чтобы не на-

ткнуться сразу же на затруднения, мы должны предварительно сделать в Лондоне кое-какие приготовления, которые, так как там нет никого другого, мы намерены возложить на тебя.

1) Устрой нам у какого-нибудь газетного агента подписку — со дня получения настоящего письма до 1 июля — на «The Telegraph» (ежедневную газету) и «The Economist», еженедельник. Пусть газетный агент (адрес его ты можешь сообщить нам, чтобы мы впоследствии больше тебе не надоедали) посылает нам эти газеты ежедневно в одном пакете или бандероли, как обычно пересылают газеты, и адресуют их: г. В. Клоту, St. Agatha, 12, Кельн, через Остенде.

2) Отправь, пожалуйста, по назначению прилагаемое письмо.

3) Уплати за подписку на обе газеты и пересылку этого письма; счет за расходы немедленно пошли в экспедицию «Neue Rheinische Zeitung», St. Agatha, 12, Кельн, и укажи, кому уплатить эту сумму. Это будет немедленно сделано.

Капитал, необходимый для издания газеты, собран. Все идет хорошо, остановка только за газетами, и тогда мы сможем начать. «Times» мы уже получаем, и на первый месяц из английских газет нам нужны только две вышеупомянутые. Если ты случайно наткнешься в какой-либо другой газете на что-либо, заслуживающее внимания, и пришлешь нам это, мы будем очень рады. Все расходы, разумеется, будут немедленно возмещены. Желательно получать также газеты, дающие подробные сведения о торговле, экономическом положении и т. д. Напиши мне, какие газеты там сейчас существуют, чтобы мы были в курсе дела.

Мария я, конечно, не видел, так как мне пришлось уехать до ее приезда. Но я как-нибудь съезжу туда, после того как мы пустим дело в ход. Между прочим, Бармен скучнее, чем когда-либо, и охвачен всеобщей ненавистью к той жалкой свободе, которой там пользуются. Эти ослы считают, что весь мир существует только для того, чтобы они могли выколачивать хорошие прибыли, а так как сейчас это не выходит, то они и кричат во всю глотку. Если они хотят свободы, то должны заплатить за нее. Вель французам и англичанам также пришлось расплачиваться, но в Бармене думают, что они все получают даром. Здесь дело обстоит несколько лучше, но не на много. Пруссак все еще ведут себя по-старому, поляков ругают последними словами, и в тот момент, когда я пишу это, *они бомбардируют Майнц* из-за того, что гражданская гвардия арестовала нескольких пьяных, бесчинствовавших солдат. Суверенное национальное собрание во Франкфурте слышит стрельбу, и его это, пови-

димому, нисколько не трогает. В Берлине Кампгаузен ничего не делает, а реакция, власть чиновников и дворянства, нагнет с каждым днем, раздражает народ; народ бунтует, и бессилие и трусость Кампгаузена прямым путем ведут нас к новым революциям. Так выглядит сейчас Германия! Прощай.

Твой Ф. Э.

30.

Энгельс — Фридриху Кеппену
в Берлин.

Кельн, 1 сентября 1848 г.

Дорогой Кеппен!

Возвращаю при сем обратно Вашу статью. Я послал бы ее и раньше, но Ваш адрес затерялся в суматохе переезда и благодаря множеству связанных с этим дел.

Маркс, вероятно, уже говорил Вам, что во время «бессонной ночи изгнания» мы очень часто вспоминали о Вас. Уверю Вас, что из берлинцев Вы единственный, о котором мы вспоминали с удовольствием. А все-таки она была хороша, эта «бессонная ночь изгнания», и в этом скучном филистерском закоулке, который называется немецкой революцией, — мне страстно хочется ее вернуть. Но надо уметь приносить жертвы дорогому отечеству, и самая большая жертва заключается в том, что приходится возвращаться в это отечество и писать передовицы для этой тупоголовой публики. Будьте здоровы.

Весь Ваш

Ф. Энгельс.

31.

Энгельс — в Судебно-полицейское управление Бернского кантона
в Берне.

[Черновик].

Берн, 15 ноября 1848 г.
Postgasse 43^B, у г. Геберли.

В Судебно-полицейское управление
Бернского кантона. Берн.

Имею честь подать вам, согласно указанию паспортного бюро, нижеследующее прошение о разрешении мне пребывания в Берне.

Я жил в Кельне (Рейнская Пруссия) в качестве литератора, пока в результате беспорядков, происшедших в этом городе 25 и 26 сентября настоящего года, не оказался вовлеченным в начавшееся

судебное следствие ¹, причем мне грозил арест. Этого ареста я избежал только благодаря бегству. Спустя несколько дней был разослан приказ о моем аресте («Kölnische Zeitung» от 1, 2 и 3 октября), чем устанавливается моя принадлежность к политическим эмигрантам. Если потребуется, я могу доставить в Управление копию этого приказа.

Прибыв в Швейцарию, я предпочел гостеприимство Бернского кантона и города Берна гостеприимству какого-либо другого места по следующим причинам:

1) Берн расположен достаточно далеко от немецкой границы, что лишает немецкие власти всякого повода утруждать швейцарское правительство претензиями и утверждениями, будто я злоупотребляю правом убежища и подготавливаю мятежи ².

2) Берн именно теперь дает мне возможность на примере швейцарского Союзного собрания изучать практическое применение конституции, на которой Германия могла бы многому научиться, особенно в момент, когда немецкий народ может оказаться в таком положении, что сможет ввести у себя конституцию, в том или ином отношении похожую на швейцарскую.

Я надеюсь, что мое изгнание будет не очень продолжительным, ибо, не говоря уже о том, что вряд ли можно рассчитывать на устойчивость современного положения вещей в Пруссии, я имею все основания ожидать оправдательного приговора кельнских присяжных. Бегство мое преследовало главным образом цель избежать тягостного предварительного заключения. Поэтому я рассчитываю уже будущей весной вернуться в свое отечество.

Что касается средств к существованию, то я человек вполне обеспеченный. В случае надобности я могу это доказать.

Согласно указанию паспортного бюро я прилагаю здесь паспорт, который мне выдало по моему требованию французское временное правительство, когда я в апреле настоящего года возвращался из Парижа на родину, и который был мне прислан сюда из Кельна.

Пользуюсь этим случаем, чтобы заверить Управление в моем полном уважении.

Фридрих Энгельс.

¹ Здесь в черновике зачеркнуто: «против меня по обвинению в призыве к мятежу».

² Здесь в черновике зачеркнуто: «призываю к восстанию против немецкого правительства и т. д.».

32.

Маркс — Эдуарду Мюллеру-Теллерингу
в Вену¹.

[Кельн, 5 декабря 1848 г.]

Дорогой Теллеринг!

Вы бы уже получили номера, которых Вам нехватает, но у нас их по большей части нет. Я все еще стараюсь раздобыть для Вас недостающие экземпляры.

Что касается Вашего фельетона, то я прошу извинить меня за то, что вследствие чрезмерной перегруженности работой я до сих пор не прочел его. Если он не подойдет для нашей газеты, Вы получите его обратно.

Что касается *адресов*, то все Ваши письма дошли. Осторожности ради пишите на имя г. *Verrega, Unter Huthmacher, 17*. Этот адрес не внушает никаких подозрений.

Наша газета в настоящее время не имеет ни гроша. Но подписчики.....². Эти ослы наконец поняли, что наши предсказания всегда правильны; если правительство не прихлопнет нас, то в начале января мы выберемся из нынешнего положения, и я сделаю тогда все возможное, чтобы оплатить Вашу работу. Ваши корреспонденции, бесспорно, наилучшие из всех, какие мы получаем; они вполне соответствуют нашему направлению, и так как из нашей газеты они попадают во французские, итальянские и английские газеты, то Вы не мало сделали для просвещения европейской публики.

Я не могу Вам описать, какие денежные жертвы я должен был приносить и какое терпение я должен был проявить, чтобы сохранить газету. Немцы — невероятные дураки.

Передайте от меня Вашей жене сердечный привет и примите уверение в моей неизменной дружбе

Ваш [К. Маркс].

¹ Перевод сделан с текста, опубликованного в «Volksstimme» № 247 за 1897 г. Франкфурт-на-Майне.

² Одно слово текста не расшифровано. В «Volksstimme» здесь стоит в скобках и с вопросительным знаком слово «träumen» [мечтают].

33.

Маркс — полицейскому советнику Вильгельму Штиберу
в Берлин.

[Черновик.]

[Кельн, около 29 декабря 1848 г.]

Редакция получила Ваше письмо и принимает к сведению присланную из Франкфурта поправку. Что касается Вашей угрозы возбудить иск о клевете, то она свидетельствует лишь о Вашем незнании уголовного кодекса, ибо заключающийся в нем параграф о клевете не подходит к помещенной в номере 177 корреспонденции. Для Вашего успокоения сообщаем, что эта корреспонденция была послана нам одним из франкфуртских депутатов, прежде чем «Neue Preussische Zeitung» поместила то же самое сообщение. Мы считали, что Ваша прежняя деятельность в Силезии не опровергает содержания вышеуказанной корреспонденции, хотя, с другой стороны, нам казалось странным, что Вы променяли Ваше более доходное и более почетное положение в Берлине на другое, ненадежное и двусмысленное, хотя и *легальное*.

Что касается Ваших заверений относительно Вашей деятельности в Силезии, то мы постараемся предоставить в Ваше распоряжение соответствующий материал — публично или в частном порядке, как Вам будет угодно.

Содержащиеся в Вашем письме поучения о демократии и демократических органах мы извиняем ввиду новизны для Вас этих вещей.

1849 год.

34.

Маркс — Эрнсту Дронке
в Париж.

Кельн, 3 февраля [1849 г.]

Дорогой Дронке!

На твое письмо, о котором сообщил мне Энгельс, отвечаю вкратце следующее:

1) Относительно твоего приезда. Я тебе написал: «не приезжай в Германию, пока я тебе не напишу», — когда *Кратц* заявил мне, что твое дело еще не выяснилось.

2) Позднее я писал Каппу, а не тебе, потому что Капп осаждал меня угрожающими письмами. Распоряжения об уплате, данного мною Каппу, Корф не выполнил. Еще до этого на собрании акционеров я заявил, что либо Корф, либо я должны уйти из газеты. Кроме того, *Плассман* как раз в это время наложил новый арест на переводимые по почте деньги, и газета ежедневно была на волосок от банкротства, что признал и сам Энгельс, когда он прибыл сюда.

3) Что касается истории с Мейербером, то о ней я *решиительно ничего* не знаю. Ты понимаешь, что при таком положении, когда наборщики ежедневно устраивали нам бунты из-за нескольких талеров, я не пренебрег бы 150 талерами.

4) Что касается моего письма по поводу Каппа, то я был прав. В самый тяжелый момент Капп грозил выступить с публичными нападками на нас. Если ты представишь себя в *нашем* тогдашнем положении, ты поймешь мой гнев. Комментарии Веерта (которые, впрочем, относились *не к тебе, а к Иманту*, который сюда беспрерывно писал) стали мне известны только теперь.

5) Что касается 25 талеров, посланных *14 января*, то они в присутствии свидетелей были тебе посланы по адресу Эвербека. Зде́шняя почта завтра представит нам по этому поводу объяснения. Обрати внимание на то, что *Капп* в это же время получил от меня 15 талеров.

6) Что касается неполучения от меня ответов, то Лупус может подтвердить, что я писал тебе очень часто.

7) Если я иногда писал тебе в раздраженном тоне, то это происходило: а) потому что у меня были величайшие затруднения с газетой и на меня набрасывались все корреспонденты и кредиторы газеты, б) потому что *Имант* в письме к Фрейлиграту уверял, что ты, Капп и пр. без конца ругаете меня, а благородный *Бейст*, — если я не ошибаюсь, *Бейст* (в точности я не знаю), — посылал такие же письма.

Через несколько дней газета либо *погибнет*, либо укрепитя, и тогда мы немедленно пошлем тебе еще денег. Сейчас у нас их *совершенно* нет. Историю же с 25 талерами необходимо выяснить.

Что я все время считал тебя соредктором газеты, видно как из нового объявления, появившегося в различных газетах, так и из того, что я поместил твою статью о высылке франкфуртского эмигранта в качестве передовой.

Твой *Маркс*.

[Приписка Вольфа:]

Со всем вышесказанным вполне согласен.

Твой *Лупус*.

35.

Маркс — полковнику Энгельсу

в Кельне.

[Черновик.]

Кельн, 3 марта [1849 г.]

Г-ну полковнику и второму коменданту Энгельсу.

Милостивый государь!

Третьего дня ко мне на квартиру явились два унтер-офицера 8-й роты 10-го пехотного полка, чтобы частным образом поговорить со мной. Я был в Дюссельдорфе. Поэтому их не приняли. Вчера в послеобеденное время оба эти господина снова явились и потребовали личной беседы со мной.

Я попросил их войти в комнату и тотчас же последовал за ними. Я предложил им сесть и спросил, что им угодно. Они заявили, что хотят знать имя автора статьи (в № 233 «*Neue Rheinische Zeitung*» от 28 февраля) против капитана фон-Уттенгофена. Я им ответил: 1) что упомянутая статья меня не касается, потому что она помещена за чертой и, таким образом, считается объявлением; 2) что они могут бесплатно поместить возражение; 3) что они могут подать в суд на газету. В ответ на их замечание, что вся 8-я рота чувствует

себя обиженной этим объявлением, я возразил, что только подписи всех членов 8-й роты могут меня убедить в правильности этого заявления, которое, впрочем, значения не имеет.

Тогда господа унтер-офицеры заявили мне, что если я не назову имени «этого человека», не «выдам» им его, то они «больше не смогут сдерживать своих людей», и дело может «кончиться плохо».

Я ответил этим господам, что угрозами и запугиванием они меньше всего смогут добиться у меня чего-нибудь. После этого они удалились, бормоча что-то сквозь зубы.

Далеко же зашло ослабление дисциплины и совсем, должно быть, исчезло понимание законного порядка, если роты солдат, подобно разбойничьим бандам, отправляют делегатов к отдельным гражданам, чтобы посредством угроз вынудить у них то или другое признание. В особенности мне непонятно значение фразы: «Мы больше не можем сдерживать своих людей». Разве эти «люди» имеют свою собственную юрисдикцию, разве у этих «людей» есть еще и другие способы защиты, кроме законных?

Прошу Вас, господин полковник, произвести расследование этого происшествия и разъяснить мне это странное требование. Мне бы не хотелось быть вынужденным прибегнуть к гласности.

36.

Маркс — полковнику Энгельсу

в Кельне.

Черновик!

[Кельн, около 5 марта 1849 г.]

Г-ну полковнику и коменданту Энгельсу.

Милостивый государь!

Уверенный в том, что королевско-прусские унтер-офицеры не будут отрицать слов, сказанных ими без свидетелей, я не привлек *никаких свидетелей* к упомянутой беседе. Что касается моего мнимого заявления, что *«суды ничего не могут поделать со мной, в чем не так давно можно было убедиться»*, то даже мои политические противники согласятся, что если я и думаю такую глупость, то не скажу ее третьим лицам. И затем, разве господа унтер-офицеры сами не признают, что я им разъяснил, что напечатанное *за чертой* меня совершенно не касается, что я вообще отвечаю лишь за ту часть газеты, которую подписываю? Стало быть, не было даже повода говорить о *моем* отношении к судам.

Я тем охотнее отказываюсь от требования дальнейшего рас-

следования, что меня не интересовал вопрос о наказании господ унтер-офицеров, а я считал только важным, чтобы через их начальников им были указаны пределы их функций.

Что касается Вашего любезного заключительного замечания, то «*Neue Rheinische Zeitung*» своим молчанием об имевшихся в последнее время трениях среди самих военных показала, насколько она считается «с нынешним возбужденным состоянием умов».

37.

Маркс — в редакцию «*Frankfurter Journal*»
во Франкфурт на-Майне.

Бинген, 31 мая 1849 г.

Прошу уважаемую редакцию «*Frankfurter Journal*» поместить в Вашей газете на видном месте и крупным шрифтом нижеследующее заявление; если это можно сделать только на условиях платного объявления, то соответствующую сумму прошу отнести на счет *И. Вейдемейера*, редактора «*Neue Deutsche Zeitung*».

Д-р *Карл Маркс*.

З а я в л е н и е.

Редакция «*Neue Rheinische Zeitung*» считает нужным сообщить своим корреспондентам и публике, что она не имеет ничего общего с газетой, выходящей в *Кельне* под заглавием «*Westdeutsche Zeitung*». Когда и где будет снова выходить «*Neue Rheinische Zeitung*» — редакцией ее будет сообщено особо.

Редакция «*Neue Rheinische Zeitung*».

Карл Маркс, Эрнст Дронке, Фридрих Энгельс, Ф. Фрейлиграт, Георг Веерт, Ф. Вольф, В. Вольф.

38.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру
во Франкфурт-на-Майне.

Бинген, 1 июня 1849 г.

Дорогой Вейдемейер!

От своего имени и от имени *Фрейлиграта* я прошу тебя привлечь к суду издателя, перепечатавшего стихотворения *Фрейлиграта*, и потребовать возмещения убытков. Моим главным поверенным в

делах является С. А. Наут в Кельне, прошу тебя написать ему об этом деле.

Будь здоров и счастлив.

К. Маркс.

39.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру
во Франкфурт-на-Майне

Париж, 13 июля [1849 г.]
Rue de Lille 45,
Адресовать г. Рамбо.

Дорогой Вейдемейер!

Дронке, надо полагать, уже написал тебе, что ты должен сбыть красные газеты¹ за любую цену.

Я сижу здесь с моей семьей без гроша. И все же мне представился случай, благодаря которому я за несколько недель мог бы заработать 3 000—4 000 франков. Дело в том, что моя брошюра против Прудона, которую последний старался всяческими средствами затереть, начинает здесь иметь успех, и от меня зависит контрабандой протащить рецензии о ней в важнейшие газеты, так, чтобы оказалось необходимым второе издание. Но чтобы это принесло мне выгоду, следовало бы скупить все имеющиеся еще в Брюсселе и Париже экземпляры, чтобы сделаться их единственным владельцем.

С тремя или четырьмястами талеров я мог бы произвести эту операцию и в то же время продержаться здесь первое время. Ты можешь, пожалуй, оказать мне в этом содействие следующим образом. Одна дама в Реда, с которой связан также и Люнинг, послала в свое время 1 000 талеров Карлу Посту для «Neue Rheinische Zeitung», однако взяла их обратно, когда эта газета погибла. Нельзя ли было бы побудить ее через твое посредство выдать эту ссуду? Я считаю себя тем более в праве на такую ссуду, что я вложил в «Neue Rheinische Zeitung», которая была ведь партийным предприятием, свыше 7 000 талеров.

Если можешь, займись этими делами, не сообщая о них, однако, другим. Скажу тебе одно: если я не получу откуда-нибудь помощи, я — погиб, так как здесь находится и моя семья, и уже последняя драгоценность моей жены отправилась в ломбард. Ожидаю немедленного ответа.

Твой К. Маркс.

¹ Имеется в виду последний номер «Neue Rheinische Zeitung» от 19 мая 1849 г., напечатанный красной краской.

40.

Маркс — Фердинанду Фрейлиграту

в Кельн.

Париж 31 июля [1849 г.]

Дорогой Фрейлиграт!

Должен тебе признаться, что поведение Лассалья очень меня удивляет. Я обратился лично к нему, и так как я когда-то сам одолжил графине деньги а, с другой стороны, знаю, как Лассаль ко мне расположен, то я никак не мог ожидать, что буду поставлен в такое неловкое положение. Наоборот, я просил его всячески избегать огласки. Я предпочитаю жесточайшую нужду публичному попрошайничеству. Я ему написал об этом. Вся история злит меня невыразимо.

Поговорим о политике — это отвлекает от этих личных дрязг. В Швейцарии положение все усложняется, а теперь со стороны Италии прибавляется еще вопрос о Савойе. Повидимому, Австрия, в случае нужды, намерена вознаградить себя за свои неудачи в Венгрии за счет Италии. Между тем, включение Савойи в Австрию сломило бы шею нынешнему французскому правительству, если бы оно это допустило. Большинство во французской палате находится в процессе явного разложения. Правые распадаются на чистых филиппистов, легитимистов, голосующих с филиппистами, и чистых легитимистов, которые за последние дни голосовали с левыми. План Тьера и К^о состоит в том, чтобы сделать Луи-Наполеона консулом на десять лет, до совершеннолетия графа Парижского, который тогда его сменил. Если Собрание — что почти несомненно — снова введет налог на напитки, оно восстановит против себя всех виноделов. Каждое из его реакционных мероприятий будет отталкивать от него новую часть населения.

Но основное в настоящий момент — это Англия. Не надо обманываться насчет так называемой партии мира, признанным вождем которой является Кобден. Не надо обманываться также и насчет того «бескорыстного энтузиазма» по отношению к венграм, с которым англичане организовали митинги по всей стране.

Партия мира — это лишь *замаскированная фритредерская партия*: то же содержание, та же цель, те же вожди. Подобно тому как фритредеры атаковали аристократию внутри страны, разрушая ее материальную основу отменой хлебных законов и навигационного закона, так теперь они атакуют ее по линии ее внешней политики,

ее европейских связей и корней, пытаюсь разрушить Священный союз. Английские фритредеры — это радикальные буржуа, которые хотят радикально порвать с аристократией, чтобы неограниченно властвовать. Они только упускают из виду, что таким образом они, против своей воли, выводят на сцену народ и приводят его к власти. Эксплоатация народов не посредством средневековых войн, а лишь путем торговой войны, — таков лозунг партии мира. Поведение Кобдена в венгерском вопросе непосредственно связано с практическими соображениями. Россия в настоящий момент пытается заключить заем. Кобден, представитель промышленной буржуазии, запрещает денежным капиталистам заключать эту сделку, а в Англии промышленность господствует над банком, в то время как во Франции банк господствует над промышленностью.

Кобден дал русским более страшный бой, чем Дембинский и Гергей. Он разоблачил жалкое состояние их финансов. Русские, — говорит он, — это самая ничтожная нация. Сибирские копи дают государству ежегодно лишь 700 000 ф. ст.; питейный сбор дает ему в десять раз больше. Правда, золотой и серебряный запас в подвалах Петербургского банка достигает 14 000 000 ф. ст.; но он служит металлическим резервом бумажного обращения в 80 000 000 ф. ст. Если царь посягнет на подвалы банка, то он обесценит бумажные деньги и вызовет революцию в самой России. Поэтому абсолютистский колосс не может двинуться, — восклицает надменный английский буржуа, — не получив у нас займа, а мы ничего ему не дадим. Мы снова поведем чисто буржуазным путем борьбу буржуазии против феодального абсолютизма. Золотой телец сильнее всех остальных тельцов, сидящих на тронах мира. Разумеется, в вопросе о Венгрии у английских фритредеров имеется и прямая заинтересованность. Вместо существовавшей до сих пор закрытой границы со стороны Австрии — торговый договор и своего рода свобода торговли с Венгрией. Они уверены, что деньги, которыми они теперь тайком бесспорно снабжают венгерцев, вернутся к ним с прибылью и процентами путем торговли.

Эта позиция английской буржуазии по отношению к континентальному деспотизму является обратной стороной похода, который она от 1793 до 1815 г. вела против Франции. Этот процесс развития заслуживает сугубого внимания.

Наилучшие пожелания тебе и твоей супруге от меня и жены.

Твой *К. Маркс*.

41.

Маркс — Поспфу Вейдемейеру

во Франкфурт-на-Майне

(Париж, около 1 августа 1849 г.)

Дорогой Вейдемейер!

Я узнал от Дронке, что с вестфальской дамой ничего не вышло. Ну, не беда.

Теперь скажи мне, каким путем, по-твоему, можно издавать брошюры?

Я хотел бы начать с брошюры о *заработной плате*, начало которой было напечатано в «*Neue Rheinische Zeitung*». К этой брошюре я написал бы небольшое политическое предисловие о теперешнем положении вещей. Думаешь ли ты, что на это согласился бы, например, Леске? Но в таком случае он должен был бы немедленно по получении рукописи заплатить, и притом хорошо заплатить, так как я знаю, что брошюра эта разоидется и что уже и сейчас очень многие готовы заранее на нее подписаться. Мое теперешнее финансовое положение не дает мне возможности рассчитаться с Леске за старое.

Если Леске найдет, что книжка разошлась хорошо, мы сможем продолжать в том же духе.

От Энгельса я получил вчера письмо. Он находится в Швейцарии и в качестве адъютанта Виллиха принимал участие в четырех сражениях.

Над моей головой все еще висит дамоклов меч. Моя высылка и не отменена, и не приводится в исполнение.

Как ни печально в данный момент наше личное положение и общее положение вещей, я все же принадлежу к числу довольных людей. Дела идут очень хорошо, и Ватерлоо, которое потерпела официальная демократия, нужно рассматривать как победу. Правительства божьей милостью берут на себя задачу отомстить за нас буржуазии и наказать ее.

На этих днях я, может быть, пришлю для твоей газеты небольшую статью на тему о положении в Англии. В данный момент тема эта мне слишком надоела, так как я уже развивал ее в нескольких частных письмах.

Пиши *непосредственно* мне и по *моему* адресу: Rue de Lille, г. Рамбо.

Привет тебе и твоей жене от меня и жены. Жена моя чувствует себя неважно — естественное последствие ее «интересного положения». Прощай, мой дорогой, и отвечай мне поскорей.

Твой *К. М.*

42.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру
во Франкфурт-на Майне.

[Париж, середина августа 1849 г.]

Дорогой Вейдемейер!

Я охотно соглашусь на предложение Рюля, если он возьмет на себя всю деловую сторону, для которой я не пригоден, за что он получит комиссионное вознаграждение.

Но, во-первых, у меня нет под рукой владельца типографии, который авансировал бы необходимые средства.

Во-вторых, подписные листы кажутся мне излишними. Объявления в «Westdeutsche [Zeitung]» и других рейнских газетах достигли бы той же цели. В особенности необходимо было бы объявить об этом в берлинских, гамбургских, лейпцигских и бреславльских газетах.

Известие о твоей газете очень печально. Я напишу по этому поводу прежде всего Науту, старому славному управляющему коммерческой частью «Neue Rheinische Zeitung», и сообщу тебе о результатах.

Статья моя была бы уже давно у тебя, но болезнь моей жены и всех детей превратила меня на неделю в своего рода больничную сиделку.

Сердечный привет твоей жене.

Отвечай возможно скорей.

Твой *К. М.*

43.

Энгельс — Жаку Шабелицу
в Базель.

Лозанна, 24 августа 1849 г.

Place de la Palud 8.

Дорогой Шабелиц!

Я очень благодарен тебе за быструю пересылку адресованного мне письма. Так как нельзя посылать письма прямо ко мне, а другого адреса у меня не было, то мне пришлось побеспокоить

тебя. Возможно, что ты получишь для меня еще одно или два письма и, конечно, будешь столь добр и их переслать мне.

Сижу теперь в Лозанне и пишу мемуары о пфальцско-баденском революционном фарсе. Ты слишком хорошо меня знаешь, чтобы допустить, что я участвовал политически в этой с самого начала обреченной на неудачу затее. В Карлсруэ и Кайзерслаутерне я преспокойно потешался над ошибками и нерешительностью временных правительств, отказывался от всех назначений, и лишь когда явились пруссаки, отправился в Оффенбах к Виллиху и в качестве его адъютанта проделал всю кампанию. Находясь то в главной квартире, то перед лицом неприятеля, все время ведя переписку с верховным командованием, в постоянном контакте с Д'Эстером (который, в качестве «красной камарильи», толкал правительство вперед), участвуя в различных схватках и, в конце концов, в сражении при Раштаде, — я имел возможность многое видеть и многое узнать. Ты знаешь, что у меня достаточно критического чутья, чтобы не разделять иллюзий заурядных ура-республиканцев и чтобы разглядеть прикрытое громкими фразами малодушие вождей.

Мое произведение, как и подобает «*Neue Rheinische Zeitung*», даст иное понимание этой истории, нежели другие повествования на эту тему, выход которых ожидается. Оно разоблачит кое-какие грязные делишки и будет содержать особенно много нового о почти неизвестных донныне событиях в Пфальце. Размер его невелик, каких-нибудь 4—6 листов.

До сих пор у меня не было спокойной минуты, чтобы подумать об издателе. Посылать рукопись в Германию мне не хотелось бы; есть риск, что ее выкрадут на почте. Плохо зная книжное дело в Швейцарии, я решил запросить тебя, не принадлежит ли твой старик к числу издателей, подходящих для таких произведений и — заметь хорошенько — таких, которые *платят*. Деньги я должен получить непременно, так как жить ведь надо. Что вещь моя будет легко читаться, об этом едва ли надо тебе говорить, а что в Германии ее будут покупать (ей не грозит конфискация, тема не дает для этого повода), в этом тебе порукой мое имя. Итак, если можно заключить сделку с твоим папашей, то я надеюсь на тебя; если же нет — тоже не беда. В таком случае не откажи посоветовать мне иную комбинацию, в том числе укажи и возможных немецких издателей, так как с немецким книжным делом я также совершенно не знаком.

Итак, напиши мне об этом по возможности немедленно и прими сердечный привет

от твоего Ф. Энгельса.

44.

Энгельс — Иосифу Вейдемейеру
во Франкфурт-на-Майне

Лозанна, 25 августа 1849 г.
Place de la Pâisid 8.

Дорогой Вейдемейер!

После стольких происшествий, после стольких задержек в Гесене и Пфальце, после трех недель праздной жизни в Кайзерслаутерне, после месяца славной кампании, во время которой я, разнообразия ради, прицепил саблю и стал адъютантом Виллиха, после месяца скучной лагерной стоянки вместе с отрядом беглецов в Ваадтском кантоне, я, наконец, достиг того, что добрался сюда, в Лозанну, и стою на своих собственных ногах. Прежде всего я сяду и напишу веселую историю всей этой комической пфальцско-баденской затеи. Но так как я уже не имею никакой связи с Германией и не знаю, какие города находятся на осадном положении, а какие нет, то я не знаю, к какому издателю мне следует обратиться. Я никого из них не знаю. Там на месте тебе виднее, какие издатели были бы склонны начать переговоры об издании подобной истории, которая, конечно, совершенно безопасна и не грозит ни конфискацией, ни процессом. Может быть, во Франкфурте найдется такой издатель. Но у него должны быть деньги. Будь добр, напиши мне об этом возможно скорее, чтобы я мог сейчас же предпринять соответствующие шаги.

Вашего красного Беккера я недавно видел в самом веселом настроении в Женеве. Он проводит время в загородных кабаках со своим земляком Эсселеном и другими добродушными «мелкими знаменитостями».

Искренний привет твоей жене и всем знакомым

от твоего Энгельса.

45.

Маркс — Фердинанду Фрейлиграту
в Кельн.

Лондон, 5 сентября [1849 г.]

Дорогой Фрейлиграт!

Адрес: Карл Блинд, 18 Robertsstreet, кофейня Петерсона, Grosvenor square; письмо для меня вложи в особый конверт.

Пишу тебе только несколько строк, так как уже дня четыре-пять страдаю своего рода холериной и чувствую себя страшно-слабым.

Жена моя писала мне, чтобы я известил тебя о получении твоего письма с вложением 100 франков. Вообрази подлость парижской полиции: стали притеснять и мою жену; ей с трудом удалось добиться разрешения остаться в Париже до 15 сентября, — до этого числа у нас нанята там квартира. Я нахожусь в затруднительном положении. Моя жена должна скоро родить, 15 числа она должна выехать из Парижа, и я не знаю, откуда мне взять денег на ее отъезд и на устройство здесь.

С другой стороны, я имею все основания рассчитывать на то, что мне удастся основать здесь ежемесячный журнал, но время не терпит, и первые недели представляют особые трудности.

Лассаль, очевидно, обижен моим письмом к тебе, а также моим письмом к нему. Я во всяком случае был далек от подобного намерения и опять написал бы ему, но при моем теперешнем состоянии мне очень тяжело писать. Как только я буду в силах, я напишу тебе подробнее о политике. Надеюсь получить от тебя вскоре несколько строк. Кланяйся от меня твоей жене, Даниэльсу и прочим.

Твой *К. Маркс*.

46.

Энгельс — Джорджу-Джулиану Гарни

в Лондон.

Генуя, 5 октября 1849 г.

Мой дорогой Гарни!

Ты, должно быть, получил несколько строк, которые я послал тебе через полковника Виллиха. Пишу, чтобы известить тебя, а через тебя и Маркса, что сегодня утром я прибыл в Геную, и если ветер и погода будут благоприятствовать, я завтра утром отпущу в Лондон на английской шхуне «*Cornish Diamond*», капитаном которой состоит *Стивенс*. Мое путешествие продлится около 4 или 5 недель, так что к середине ноября я буду в Лондоне.

Я очень счастлив, что мне так быстро удалось вырваться из этой проклятой полицейской атмосферы. Я, право, никогда не видел такой хорошо организованной полиции, как здешняя, в Пьемонте.

Всегда преданный тебе

Ф. Энгельс.

47.

Маркс — Носифу Вейдемейеру
во Франкфурт-на-Майне.

Лондон, 19 декабря [1849 г.]

4, Andersonstreet, Kings Road, Chelsea.

Дорогой Вейдемейер!

Я уж забыл, когда писал тебе. Это долгое молчание объясняется всякого рода житейскими мытарствами, всевозможными делами и, наконец, тем, что я вообще тяжел на подъем по части писания писем. Наконец, после стольких превратностей судьбы мне удалось наладить мой журнал¹. Я нашел в Гамбурге типографа и экспедитора. Вообще же все дело будет вестись на наши средства. В Германии плохо то, что проходит уйма времени, прежде чем оказывается возможным приступить к печатанию. Я почти не сомневаюсь, что не успеют выйти в свет три, а может быть и два номера ежемесичника, как разгорится мировой пожар и отпадет возможность хотя бы начерно закончить Политическую экономию.

Так как ты живешь в самой Германии и лучше нас знаешь все подробности, то, может быть, ты найдешь время сжато и коротко, лишь в основных чертах, описать для нашего журнала положение в Южной Германии и все там происходящее.

Далее, я прошу тебя поместить в вашей газете прилагаемое объявление, — но *только после* того, как ты увидишь в «Kölnische Zeitung» объявление, исходящее от гамбургского книжного агента. Копию ты мог бы отослать в *Вестфалию*. Как видно из объявления, наряду с распространением через книжные магазины мы хотим наладить и другой способ распространения: наши партийные товарищи будут проводить подписку и посылать нам списки абонентов. Пока мы вынуждены были назначить довольно высокую цену и определить для каждого номера небольшое количество листов. Если благодаря более широкому распространению наши средства увеличатся, эти недостатки можно будет устранить.

Что ты скажешь относительно склоки между Прудоном, Бланом и Пьером Леру?

Тебе посылает привет Виллих, а также Энгельс, красный Вольф и Веерт.

Здесь, в Англии, в данный момент разворачивается чрезвычайно важное движение. С одной стороны, идет агитация протекционизи-

¹ Здесь и в последующих письмах имеется в виду «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Ökonomische Revue», выходившая в Гамбурге в 1850 г.

стов, опирающаяся на исполненное фанатизма сельское население, — последствия беспощадной торговли хлебом начинают сказываться именно так, как я это предсказывал уже несколько лет тому назад. С другой стороны, фритредеры делают из своей системы дальнейшие политические и экономические выводы, выступая в области внутренней политики в качестве финансовых и парламентских реформаторов, а во внешней политике — в качестве партии мира. И, наконец, чартисты, которые действуют вместе с буржуазией против аристократии, но в то же время с усиленной энергией снова развернули свое собственное партийное движение против буржуа. Если, как я надеюсь, — а надеюсь я на это не без веских оснований, — вместо вигов в министерстве окажутся тори, то конфликт этих партий примет огромные размеры, а внешняя форма агитации станет более бурной и революционной. Другое событие, еще не заметное на континенте, это — приближение сильнейшего промышленного, сельскохозяйственного и торгового кризиса. Если на континенте революция будет отсрочена до того момента, когда вспыхнет этот кризис, то Англия, быть может, с самого начала окажется, хотя и против своей воли, союзником революционного континента. Преждевременная вспышка революции, — если только она не будет вызвана непосредственно русским вмешательством, — по моему мнению, была бы несчастьем, ибо как раз теперь, когда торговля все более и более расширяется во Франции, Германии и т. д., рабочие массы, а равно и все слои мелких лавочников и т. п., может быть, и настроены революционно на словах, но, конечно, не на деле.

Ты, должно быть, знаешь, что моя жена подарила миру нового гражданина. Она просит передать сердечный привет тебе и твоей жене. Передай твоей жене сердечный привет и от меня. Напиши поскорее.

Твой *К. Маркс*.

Между прочим, не можешь ли ты достать мне адрес гражданина *Генце*?

По газетам тебе известны дурацкие выходки преподобного Гейнца. Этого субъекта погубила революция в Германии, — ведь до германской революции его произведения были до некоторой степени в моде, так как мелкому буржуа и коммивояжеру нравилось читать напечатанные черным по белому глупости и хвастливые речи, которые они сами вели с таинственным видом, сидя в винном погребке и закусывая сыром и бисквитами. Теперь он хочет

реабилитировать себя, компрометируя в глазах правительства других эмигрантов, живущих в Швейцарии и Англии и действительно работавших во время революции. Он устраивает скандалы и старается создать себе прибыльный ореол мученика, угрожая, что в самом скором времени он проглотит за завтраком сто тысяч миллионов человек.

48.

Энгельс — Жаку Шабелицу
в Базель.

Лондон, 22 декабря 1849 г.
6, Macclesfield Deanstreet, Soho.

Дорогой Шабелиц!

Письмо твое я получил, и если я не ответил на него из Лозанны, то это объясняется различными причинами, но главным образом моим кругосветным плаванием из Генуи в Лондон, продержавшим меня 5 недель на море. Я не передал тогда свою рукопись Бамбергеру потому, что хотел напечатать ее или в виде отдельной брошюры, или, если бы это не удалось, в нашем журнале, издание которого тогда уже намечалось. В настоящее время журнал этот создан, и в январе в Германии выйдет его первый номер, о чем ты уже, вероятно, знаешь по несколько преждевременному объявлению, появившемуся в «*Berner Zeitung*». Мы были бы очень рады, если бы ты или твой старик занялись распространением журнала в Швейцарии и вели дела непосредственно с нами. Наш гамбургский комиссионер посылал бы вам экземпляры журнала, и вы могли бы взять на себя своего рода главную агентуру по Швейцарии. Мы, конечно, предпочитаем иметь дело только с солидными фирмами, а человека, который дал объявление в Берне, я не знаю. Сообщи мне при случае, можно ли на него положиться. Обдумай, как все это можно устроить, и сообщи мне, на каких условиях. Но, во всяком случае, расчеты и уплата, по крайней мере в отношении постоянных подписчиков, должны производиться через каждые три месяца. На таких условиях работает и наш гамбургский комиссионер.

Прилагаемое объявление помести, пожалуйста, в «*Nationalzeitung*», и если тебе время от времени нужно будет бесплатное объявление, чтобы заполнить пустое место, то используй в первую очередь его.

В первый номер, кроме общего введения (написанного Марксом), войдет одна моя статья по поводу кампании в защиту импер-

ской конституции, статья маленького Вольфа о последних днях франкфуртского и штутгартского парламентов, хроника событий, написанная Марксом и мной, и, если удастся, также и первая из тех лекций по политической экономии, которые Маркс читает здесь в Рабочем обществе¹. Кроме того — разная мелочь и, может быть, еще что-нибудь, написанное красным Вольфом. Вольф, Маркс, Веерт и я находимся сейчас здесь; если окажется возможным, то скоро сюда приедет и Лупус.

В общем все здесь идет хорошо. Струве и Гейнцен интригуют против Рабочего общества и против нас всюду и везде, но без успеха. Вместе с несколькими умеренными нытиками, выброшенными из нашего общества, они устроили отдельный клуб, где Гейнцен изливает свой гнев на пагубное учение коммунистов.

Напиши мне поскорее по поводу деловых вопросов.

Твой Ф. Энгельс.

Заранее поздравляю с Новым годом.

Будь добр, пришли мне *немедленно* посылкой отчеты Мерославского о баденской кампании, дневник Дауля, писания Беккера и Эсселена и другие появившиеся в Бадене вещи, которые *имеют значение* для истории кампании, т. е. вещи, содержащие не декламации, а *факты*. Израсходованную сумму ты можешь зачислить или на меня, или в счет будущих сделок с «*Neue Rheinische Zeitung*».

---

¹ Имеется в виду существовавшее в Лондоне с 1840 г. Лондонское коммунистическое немецкое просветительное рабочее общество.

1850 год.

49.

Маркс — Эдуарду Мюллеру-Теллерингу
в Лондоне¹.

[Лондон,] 1 января 1850 г.

Дорогой Теллеринг!

Энгельс, Зейлер, Веерт, Виллих и я не будем присутствовать на собрании, назначенном на 3 января, по следующим причинам:

1) Список приглашенных политических эмигрантов составлен произвольно. Так, например, в нем нет К. Шрамма и Ф. Вольфа.

2) Не привлечен ни один из рабочих, которые в течение ряда лет стояли во главе лондонской немецкой демократии.

Твой К. Маркс.

50.

Маркс — Фердинанду Фрейлиграту
в Кельн.

Лондон, 10 января [1850 г.]

Дорогой Фрейлиграт!

Пишу тебе сегодня лишь несколько строк по очень спешному делу.

Для нашего журнала — для его постепенного превращения в двухнедельник и в еженедельник, а затем, в зависимости от обстоятельств, и в ежедневную газету, — а также для других *пропагандистских* целей, нам нужны деньги. Деньги можно достать только в Америке, где все эти полуреволюционеры, — например, какой-нибудь Аннеке, который в Пфальце позорно бежал и доказал, что он даже и не солдат, — теперь срывают золотые яблоки.

Поэтому мы решили немедленно послать в Америку в качестве эмиссара К. Шрамма. На поездку такой продолжительности, как мы предполагаем, нам нужно не менее 150 таллоров. Мы просим

---

¹ Копия написана рукою Энгельса.

тебя как можно скорее собрать для этой цели деньги и, кроме того, прислать нам рекомендательные письма для Шрамма, как редактора «Neue Rheinische Zeitung». (Отважный побег из Везельской крепости вернул его нашей партии.)

О деньгах я написал также и Г. Юнгу. С нетерпением жду ответа.

Твой *К. Маркс*.

Здесь чартисты и французские эмигранты тоже вручат мандаты нашему эмиссару. Это — дело, касающееся всего Союза.

Необходимо, дорогой Фрейлиграт, чтобы ты в своем рекомендательном письме ясно сказал о положении «Neue Rheinische Zeitung» в Германии и о ее революционном значении.

51.

Маркс — Посифу Вейдемейеру

во Франкфурт-на-Майне.

Лондон, 4 февраля 1850 г.

Дорогой Вейдемейер!

Я запоздал с ответом на твое письмо, потому что был в течение двух недель серьезно болен.

Журнал выйдет на будущей неделе. В нем помещена твоя статья. Мы ждем продолжения. Выход журнала задержался из-за моей болезни. Дело в том, что мы намеревались выпустить два номера вместе, но издатель возражал против этого по вполне основательным коммерческим соображениям. Потребовалось снова внести изменения, что совпало как раз с моей болезнью.

Тебе пришлют из Кельна двести экземпляров. Два из них отправь, пожалуйста, *К. Бирингеру* в Гехст под Франкфуртом. Он сделал здесь этот заказ. Позаботься также и о получении платы за них.

Твое поручение к Теллерингу я выполнил. Он совершенно годится в качестве английского корреспондента. В Вене еще можно было обходиться трескотней, но здесь надо изучить дело. В другой раз напишу подробнее.

Твой *К. Маркс*.

Сердечный привет твоей жене от меня и жены. В Гамбурге уже заказано около 1 500 экземпляров.

52.

Энгельс — Комитету венгерских эмигрантов
в Лондоне¹.

Лондон, 22 февраля 1850 г.

Комитету венгерских эмигрантов в Лондоне.

Граждане Киллинский и Ришка обратились к Комитету немецких эмигрантов с просьбой о пособии. Когда их попросили предъявить документы, они предъявили два удостоверения, выданные г. Францем Пульским, копия которых при сем прилагается. Судя по этим удостоверениям, они являются не германскими, а венгерскими эмигрантами, так как надлежащими властями они были здесь зачислены на венгерскую службу. Поэтому они подлежат ведению не немецкого, а венгерского комитета; между тем они утверждают, что получили от этого комитета 10 шиллингов, причем их предупредили, что в дальнейшем пособие им выдаваться не будет. Так как совершенно недопустимо, чтобы эти люди оказались на улице без всякой помощи, то мы позволяем себе запросить вас, правильно ли их сообщение и не имеет ли венгерский комитет особых причин для отказа в пособии двум вышеупомянутым гражданам.

53.

Энгельс — Юлиусу Шуберту
в Гамбург².

Лондон, 4 марта 1850 г.

Шуберт. На письмо отвечено. Второй номер, как было обещано, не должен быть дороже первого. Что касается 450 экземпляров, то сейчас на первый квартал ничего нельзя изменять. Относительно второго квартала пусть дает предложения. Соглашение с Келером относительно уплаты не имеет к этому никакого отношения.

Сообщение Ш[уберта] об успехе противоречит его прежним сообщениям и полученным нами отчетам. В будущем ничего не выбрасывать, не запросив нас. Для третьего номера может остаться: «Умереть за республику». 50 экземпляров должны быть посланы сюда. Корреспонденция из Южной Германии уже не годится.

¹ Копия.

² Набросок письма.

54.

Энгельс — Теодору Гагенув Гамбург¹.

Лондон, 4 марта 1850 г.

Гаген. То же, что и Шуберту. Пусть установит постоянный контроль за типографом и получит от него письменную справку относительно издания. Корреспонденция из Южной Германии уже не годится. Он должен энергично выступить против притязаний цензуры и поставить на титульном листе свое имя как ответственного издателя. Если возникнут какие-либо затруднения с четвертым разделом статьи о кампании за имперскую конституцию, то о них немедленно нужно сообщить.

55.

Энгельс — Стефану-Адольфу Наутув Кельн².

Лондон, 4 марта 1850 г.

Наут. За типографские работы — такую же цену, как в Гамбурге; для Эйзена: 25% для Кельна и 50% на все прочие экземпляры, включая и все прочие расходы, за исключением расходов на почтовые отправления из Лондона и на заказанные нами объявления. Обязать типографию доставлять 5 листов в 10 дней и установить неустойку за нарушение договора.

56.

Маркс—Эдуарду Мюллеру-Теллерингу

в Лондоне

[Черновик.]

Лондон, 12 марта 1850 г.

Я вызвал бы Вас на дуэль за Ваше вчерашнее письмо Рабочему обществу, если бы Вы были еще достойны этого после Ваших бесчестных клеветнических выпадов против Энгельса и после того, как Правление Рабочего общества вынесло мотивированное постановление о Вашем исключении. Я жду встречи с Вами на ином поле, чтобы

¹ Набросок письма.² Набросок письма.

сорвать с Вас лицемерную маску революционного фанатизма, под которой Вы до сих пор умели ловко скрывать Ваши мелочные интересы, Вашу зависть, Ваше недовольство и досаду на то, что мир не признает величие Вашего гения. Это непризнание началось с Вашего провала на экзамене.

Подумав немного, Вы должны были бы понять, что если я и буду вынужден, в качестве *свидетеля*, сообщить отягчающий Вашу вину факт, то мною будет сделано все возможное, чтобы избежать скандала. Ведь этот скандал скомпрометировал бы меня вдвойне: в глазах Рабочего общества, которому Вы были рекомендованы мною, и в глазах публики, для которой Вы существуете только благодаря Вашему сотрудничеству в *моей газете*.

Ваши письма ко мне, — а они в любой момент могут быть опубликованы, — доказывают, что Вы всеми способами пытались навязать мне роль демократического Далай-Ламы и «владыки будущего». Но чем Вы докажете, что я когда-либо соглашался на эту нелепую роль?

Единственно, в чем Вы могли бы меня упрекнуть, это в том, что я не порвал с Вами сразу же и не разоблачил Вас перед другими после истории с Клапкой, о компрометирующем характере которой я Вам тотчас же в присутствии свидетелей откровенно сказал. Я признаю свою вину. Только заявление Беккера, опирающееся на свидетельство Фрейлиграта и Гагена, о том, что Вы за месяц до появления Вашей готовой уже брошюры против «Westdeutsche Zeitung» предлагали ему снова сотрудничать в этой газете, и в особенности Ваши ни на чем не основанные клеветнические выпады против Энгельса — убедили меня в том, что то, что я считал отдельным необдуманным поступком, было одним из звеньев целой системы. Во всяком случае Вы умно вчера поступили, не явившись в конце концов по вторичному и последнему вызову Виллиха, хотя он вызвал Вас по Вашему же желанию. Вы знали, что Вам нечего ждать от очной ставки со мной.

К. Маркс.

57.

Энгельс — Юлиусу Шуберту

в Гамбург¹

[Лондон, конец марта 1850 г.]

Для Шуберта:

1) Теперь, после отправки третьего номера, мы ждем в ближай-

¹ Набросок письма.

шее время окончательного расчета по проданным экземплярам трех номеров и *исправления сальдо*. Если этого нельзя сделать до 15 апреля, пусть он об этом напишет. Во всяком случае, пусть немедленно сообщит, сколько экземпляров третьего номера отпечатано и скольким из них твердо обеспечен сбыт. Печатать только несколько сот экземпляров сверх количества твердо установленных подписчиков.

2) Так как Шуберт не считает нужным, чтобы Г. Гаген фигурировал в качестве ответственного издателя, то он *ни при каких условиях* не должен изменять *в рукописи ни единого слова*. Настоящим мы сообщаем ему, что если это произойдет, то мы немедленно прервем с ним всякие сношения. Гагену поручается следить за тем, чтобы ничего не менялось.

3) Так как Шуберт, *вопреки* нашей инструкции, послал Науту не 450, а 300 экземпляров, то Навт должен взять недостающие ему экземпляры из тех 150, которые Шуберт послал Эйзену. Далее мы ждем, что отсылка экземпляров Науту будет в будущем происходить всегда *одновременно* с отсылкой их Эйзену. Если мы снова будем получать жалобы, то нам придется принять другие меры. Мы рассчитываем также, что в дальнейшем 50 экземпляров номера немедленно по его напечатании будут с первым же пароходом отсылаться в Лондон.

(Написать письмо Гагену и приложить его к письму, посылаемому Шуберту.)

58.

Марке — Иосифу Вейдемейеру
во Франкфурт-на-Майне.

Лондон, 9 апреля [1850 г.]
Andersonstreet, Kings Road, Chelsea.

Дорогой Вейдемейер!

Буду очень тебе благодарен, если ты *немедленно* напишешь мне, как обстоит дело со сбытом «*Neue Rheinische Zeitung*» и не сможем ли мы в скором времени получить деньги. Вы, живущие в немецком захолустьи (Kleindeutschland), не имеете никакого представления о здешних условиях жизни.

Третий номер появится 10-го этого месяца. Этот субъект в Гамбурге, — мы еще не знаем точно из каких соображений, — страшно затянул дело. Теперь мы положим этому конец.

Комитет эмигрантов также поручил мне обратиться с призывом к вашему комитету. У нас теперь на шее 60 эмигрантов и ожидается еще сотня высланных из Швейцарии. Поэтому эмигрантскую кассу мы скоро исчерпаем до последнего гроша, и тогда люди снова окажутся на мостовой.

Сердечный привет твоей жене.

Твой *К. Маркс*.

59.

Энгельс — Иосифу Вейдемейеру
во Франкфурт-на-Майне.

Лондон, 22 апреля 1850 г.
6, Macclesfieldstreet, Soho.

Дорогой Вейдемейер!

Будь добр, помести в «*Neue Deutsche Zeitung*» прилагаемое заявление. Попытки здешних «великих людей» за счет эмигрантов снова завоевать себе положение и маневры, которые они в связи с этим пытаются провести повсюду в газетах, препятствуют присылке сюда денег. Мы получили уже около 120—130 ф. ст. для эмигрантов и распределили их. Все прочие собрали всего-навсего 2 ф. 15 шиллингов, а между тем они хотят играть роль защитников «беспомощных» эмигрантов. Если мы не получим денег теперь же, то через неделю наши 50 — 60 эмигрантов окажутся на улице без единого пенса.

Сегодня вечером эти великие люди хотят устроить собрание эмигрантов и поговорить о том, что можно сделать. Мы предоставляем им полную свободу. Опять там будут произноситься громкие слова и строиться грандиозные планы, но денег для эмигрантов не будет. Впрочем они, по всей вероятности, провалятся, хотя бы уже потому, что никого из нас на собрании не будет.

Маркс с нетерпением ждет ответа на свое последнее письмо, посланное тебе около двух недель назад. Передай сердечный привет твоей жене и супруге Люнинга

от твоего *Ф. Энгельса*.

60.

Энгельс — Иосифу Вейдемейеру
во Франкфурт-на-Майне.

Лондон, 25 апреля 1850 г.

Дорогой Вейдемейер!

Твое письмо к Марксу вместе с 5 ф. ст. в эмигрантский фонд и запиской для меня сегодня получил. А ты тем временем полу-

чил, по всей вероятности, два письма с заявлениями, воззванием и отчетом эмигрантского комитета. Напечатай их как можно скорее и сделай в своем районе все, что можешь, чтобы собрать деньги в пользу эмигрантов. Остальное ты узнаешь из прилагаемого письма к Др[онке]. Может быть, можно что-нибудь собрать во Франконию, в Нюрнберге, Байрейте и т. д. «Neue Rheinische Zeitung» расходилась там довольно хорошо. Если у тебя есть кому написать в Мюнхен, напиши и туда. Ты понимаешь, что сейчас, когда этот осел Струве и его сотоварищи стараются накануне революции снова попасть в газеты, используя для этого эмигрантов, для нас становится вопросом чести продолжать поддерживать хотя бы наших эмигрантов и не допускать также того, чтобы лучшие из вновь прибывающих попадали во власть этих ослов.

Мы думали, что оба последующие номера «Revue» уже попали в твои руки: второй номер — недель пять тому назад, а третий — несколько дней. Оказывается, этот осел Наут не посылал их тебе! Сегодня мы написали ему резкое письмо, требуя, чтобы он немедленно их тебе выслал. Третий номер находится у него, по всей вероятности, уже в течение недели. Не критикуй до тех пор, пока не получишь третьего номера, в котором заканчивается первая серия статей.

Прощай,

твой Ф. Э.

Мы только что узнали, что мерзавцы Струве, Теллеринг, Шрамм, Бауэр (из Штольпе) и др. распространяют в различных немецких газетах слух, будто наш комитет сам проедает эмигрантские деньги. Эта клевета распространяется также и в письмах. Ты, должно быть, нигде об этом не читал, иначе ты давно уже выступил бы за нас. Ты знаешь, что все мы тратили деньги на революцию и что она не принесла нам ни одного сантима. Даже «Neue Preussische Zeitung» и др. никогда не осмеливались упрекать нас в подобных вещах. Только паршивые демократы, импотентные «великие люди» мещанства, оказались достаточно подлыми, чтобы распространять подобные гнусности. Наш комитет уже три раза давал отчет, и каждый раз мы просили посылавших деньги назначить уполномоченных для проверки книг и квитанций. Разве какой-нибудь другой комитет это делал? На каждый сантим у нас имеется квитанция. Ни один член комитета не получал никогда ни одного сантима из присылаемых денег и никогда не потребует этого, в каком бы трудном положении он ни находился. Ни один из наших близких друзей никогда не получал больше, чем любой

эмигрант, и никто из имевших хотя бы какой-нибудь источник дохода не получал ни одного су.

Если Др[онке] уже нет, то вскрой письмо, прочти его и перешли ему.

61.

Энгельс и Маркс — Пардигону

в Лондоне.

/Черновик./

Лондон, 6 мая 1850 г.

Дорогой Пардигон!

Мы только что узнали, что ваше общество намерено предложить свою программу на рассмотрение немецкого общества на Greek-street и поставить перед ним вопрос, присоединяется ли оно к ней или нет.

После нашей субботней беседы мы не верим этому; ведь если бы Вы или Ваше общество указали нам, что такой-то субъект или такая-то группа субъектов — обыкновенные негодяи, то мы просто-напросто вышвырнули бы их за дверь, не спрашивая о их согласии с нашей программой.

Мы уже указывали Вам, что руководители этого общества — шарлатаны и мошенники. Шарлатаны и мошенники подпишут все. Они подписали бы и наш манифест, если бы мы приняли их неоднократные предложения о единении и согласии.

Вы понимаете, что если бы подобное предложение было принято вашим обществом, то мы обязаны были бы по долгу чести немедленно порвать всякую связь с членами общества на Rathb[one] Place.

Привет и братство.

Ф. Энгельс.

К. Маркс.

62.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру

во Франкфурт-на-Майне.

[Лондон], 8 мая [1850 г.]

64, Deanstreet, Soho.

Дорогой Вейдемейер!

Как обстоит дело с нашим журналом? В частности, как обстоит дело с деньгами? Вопрос этот приобретает тем ббльшую остроту, что прусские власти предпринимают всевозможные шаги перед

английским правительством, чтобы добиться моего изгнания и из Англии. Если бы я не сидел здесь без гроша, то я бы уже переехал в глубь Англии и правительство потеряло бы меня из виду.

Как обстоит дело с «красным номером»? Из Америки уже получены на него заказы. Сколько экземпляров его продано? Сколько экземпляров у тебя осталось?

Ваша газета участвует, повидимому, наравне с другими в заговоре молчания по отношению к нашему журналу? Я, конечно, понимаю, что для публики, читающей «Neue Deutsche [Zeitung]», Раво более интересен.

Привет Дронке и твоей жене.

Твой К. М.

63.

Энгельс — Теодору Шустеру

во Франкфурт-на-Майне.

Лондон, 13 мая 1850 г.

Г о с п о д и н у Ш у с т е р у в о Ф р а н к ф у р т - н а - М а й н е .

Через господина Вейдемейера из Франкфурта на имя живущего здесь г. Штибеля мы получили за счет эмигрантского комитета во Франкфурте 10 ф. ст., о получении которых и занесении в счета мы с благодарностью Вам сообщаем.

Мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы могли наладить дальнейшую посылку денег из Франкфурта и его окрестностей для здешних эмигрантов. Число эмигрантов все еще с каждым днем увеличивается, и вышеупомянутых 10 ф. ст. едва хватит на то, чтобы покрыть настоятельнейшие текущие потребности одной недели. Деньги стали поступать более скудно, между тем как нуждающиеся в пособиях эмигранты принадлежат почти исключительно к таким профессиям, на которые здесь мало или совсем нет спроса.

Привет и братство.

Социал-демократический эмигрантский комитет.

Заграничное отделение.

Ф. Энгельс,
секретарь.

Просьба пересылать все через г. Вейдемейера г. Марксу или г. Пфендеру по адресу 21, Kingstreet, Soho square, Лондон.

64

Энгельс — редактору газеты «Times»

в Лондоне.

/Черновик./

[Лондон,] 24 мая 1850 г.

20, Great Windmillstreet, Haymarket.

Редактору газеты «Times».

Милостивый государь!

В сегодняшнем номере Вашей газеты, в отделе полицейских сообщений, мы прочли отчет об интервью гг. Фотергилля и Струве в Меншен-Хаузе с членом городского управления г. Гиббсом по поводу немецких эмигрантов. Мы заявляем, что ни один из членов нижеподписавшегося комитета, ни один из немецких эмигрантов, получающих пособие от этого комитета, не имеет ничего общего с этим делом.

Мы просим Вас поместить это заявление в ближайшем номере Вашей газеты, так как, в интересах нашей национальности, мы должны протестовать против возможности того, чтобы многочисленные немецкие эмигранты, проживающие в Лондоне, считались ответственными за шаг, предпринятый некоторыми из них по своей собственной инициативе.

Всегда готовые к Вашим услугам

Социал-демократический комитет
немецких политических эмигрантов.

65.

Маркс, Энгельс и А. Виллих — редактору газеты «The Sun»

в Лондоне¹.

[Лондон,] 14 июня 1850 г.

64, Deanstreet, Soho square.

Редактору газеты «The Sun».

Милостивый государь!

В течение последнего времени мы, нижеподписавшиеся живущие в Лондоне немецкие политические эмигранты, не раз удивлялись вниманию, которое нам оказывает не только прусское посольство, но и британское правительство. Мы не стали бы придавать этому особого значения, так как нам трудно представить себе, ка-

¹ Перевод сделан с текста, опубликованного в «The Sun» 15 июня 1850 г.

ким образом мы могли бы нарушить то, что закон об иностранцах именуется «сохранением мира и спокойствия в этом королевстве»; но за последнее время нам так часто приходилось читать в газетах, что прусским посланником получены указания настаивать на изгнании из Англии наиболее опасных эмигрантов, и в течение последней недели мы подвергались столь неослабному наблюдению со стороны английских полицейских агентов, что мы убедились в необходимости довести об этом до сведения общественности.

Нет никакого сомнения, что прусское правительство добивается применения против нас закона об иностранцах. Но почему? Потому, что мы вмешиваемся в английскую политику? Доказать, что мы это делаем, было бы невозможно. Так почему же? Потому, что прусское правительство стремится доказать, будто выстрел в короля, произведенный в Берлине, является результатом обширного заговора, центр которого нужно искать в Лондоне.

Обратимся к действительным фактам. Может ли прусское правительство отрицать, что Зефелогге, который является виновником покушения, помимо того, что он, как известно, сумасшедший, состоит членом ультра-роялистского общества, так называемого «*Союза верных*»? Может ли оно отрицать, что он занесен в списки этого общества под № 133, секция № 2, в Берлине? Может ли оно отрицать, что недавно он получил от этого общества денежную помощь? Может ли оно отрицать, что его документы хранились в доме майора Куновского, ультра-роялиста, служащего в королевском военном министерстве?

Перед лицом этих фактов поистине смешно настаивать на том, что революционная партия имеет что-либо общее с этим покушением. Революционная партия не заинтересована в быстром вступлении на престол прусского принца, а ультра-роялисты заинтересованы в этом. Тем не менее, прусское правительство добивается того, чтобы за покушение поплатилась радикальная оппозиция, доказательством чего служит новый закон, ограничивающий свободу печати, и деятельность прусского посольства в Лондоне.

В то же время мы можем сообщить, что недели за две до покушения к нам явились лица, состоящие, по нашему убеждению, прусскими агентами, и пытались запутать нас в заговоры, имевшие целью цареубийство. Конечно, мы не поддались на эти уловки.

Если британское правительство желает получить о нас какие-либо сведения, мы всегда готовы их дать. Но мы не понимаем, что надеется оно разузнать, выслеживая нас через своих шпионов.

Священный союз, реконструируемый ныне под эгидой России,

был бы очень доволен, если бы ему удалось заставить Англию, — эту единственную помеху на его пути, — вести реакционную внутреннюю политику. А как же с антирусским настроением Англии, что станет с дипломатическими нотами и парламентскими заявлениями ее правительства, если они будут сопровождаться применением закона об иностранцах, вызванного к жизни исключительно мезью Священного союза, неразрывной частью которого является Пруссия?

Мы надеемся, что правительству Священного союза не удастся в такой мере обмануть британское правительство, чтобы это побудило министерство внутренних дел к принятию мер, которые серьезно подорвали бы давнишнюю репутацию Англии, как самого надежного убежища для эмигрантов всех партий и всех стран.

Всегда готовые к Вашим услугам

Карл Маркс } редактора «Neue Rheinische Zeitung» в Кельне.
Фрид. Энгельс }
Авг. Виллих, полковник баденской повстанческой армии.

66.

Маркс и Энгельс — редактору одной английской газеты.

[Черновик.]

[Лондон, середина июня 1850 г.]

(Частное письмо.)

Милостивый государь!

Мы берем на себя смелость просить Вас поместить прилагаемое письмо в ближайшем номере Вашей газеты ¹. Мы имеем все основания думать, что правительство намерено применить закон об иностранцах и желает, чтобы этот закон был возобновлен парламентом. Повидимому, нам суждено оказаться его первыми жертвами. Мы полагаем, что в интересах сохранения чести английской нации необходимо воспрепятствовать осуществлению этого плана; мы считаем также, что самое лучшее, что мы можем сделать в ответ на шаги британского правительства, это — открыто обра-

¹ В черновике зачеркнуто: «Система шпионажа, применяемая по отношению к нам британским правительством и принимающая почти невероятные размеры, является, между прочим, достаточным доказательством того, что многократные требования прусского посланника...»

тяться к общественному мнению. Поэтому мы надеемся, что Вы не откажетесь дать нашему письму ту огласку, которую ему несомненно может доставить Ваша широко распространенная газета.

Если Вы пожелаете получить дальнейшие сведения, мы будем рады доставить их Вам, назначьте только время и место, где мы можем с Вами встретиться.

С совершенным почтением.

[Приложение]:

[...] ¹ широко распространенных революционных заговоров, центр которых предполагается в Лондоне. В соответствии с этим они прежде всего уничтожают свободу печати у себя в стране, а затем требуют от английского правительства, чтобы оно выслало из Англии предполагаемых главарей предполагаемого заговора. Но учтите личный характер и особенности нынешнего прусского короля и его брата, наследника престола, и скажите, какая партия более заинтересована в быстром вступлении на престол этого последнего — революционная партия или ультра-роялисты?

Позвольте нам заявить, что за две недели до берлинского покушения к нам явились лица, которых мы имеем все основания считать агентами прусского правительства или ультра-роялистов, и почти сразу предложили нам принять участие в заговоре для организации цареубийств в Берлине и других местах. Нет нужды добавлять, что этим лицам не удалось одурачить нас. Разрешите нам заявить, что и после покушения другие подобные же субъекты приставали к нам с подобными же разговорами.

Позвольте констатировать, что Зефелогге, — сержант, выстреливший в короля, — не был ни революционером, ни даже либералом, а ультра-роялистом. Он принадлежал к секции № 2 ультра-роялистского «Союза верных», в списке членов которого он зарегистрирован под № 133; его бумаги хранились в доме одного майора, ультра-роялиста, служащего в военном министерстве; вышеупомянутый союз некоторое время давал ему денежные пособия.

Если это дело будет когда-либо публично разбираться в суде, в чем мы сомневаемся, то публика увидит достаточно ясно, имелись ли какие-либо подстрекатели к этому покушению и кто именно они были.

Ультра-роялистская «*Neue Preussische Zeitung*» первая указала на живущих в Лондоне эмигрантов как на действительных виновников покушения. При этом она даже назвала одного из нижеподписавшихся. А до этого она утверждала, что он пробыл

¹ Начало черновика открытого письма не сохранилось.

две недели в Берлине, между тем как множество свидетелей может показать, что он ни на минуту не покидал Лондона. Мы написали письмо прусскому посланнику, г. Бунзену, прося его, чтобы он доставил нам соответствующие номера этой газеты. Внимание, оказанное нам этим джентльменом, не простиралось, однако, настолько далеко, чтобы побудить его исполнить нашу просьбу, хотя нам и казалось, что это диктовалось простой «рыцарской» *вежливостью*¹.

Мы полагаем, милостивый государь, что при таких обстоятельствах самое лучшее — довести все дело до сведения общественности. Мы полагаем также, что англичане заинтересованы в том, чтобы знать обо всем, что может так или иначе повредить давно установившейся репутации Англии, как самого надежного убежища для эмигрантов всех партий и всех стран.

Всегда готовые к Вашим услугам.

67.

Маркс — редактору газеты «Globe».

в Лондоне².

[Черновик.]

[Лондон, середина июня 1850 г.]

Милостивый государь!

Разрешите мне через посредство Вашей газеты привлечь общественное внимание к факту, который в известной мере затрагивает, пожалуй, честь британской нации.

Различные континентальные правительства после поражения сторонников движения 1849 г. добились, как Вам известно, того, что многочисленные политические эмигранты, особенно немцы, венгерцы, итальянцы и поляки, изгонялись отовсюду, где они находили убежище, пока в конце концов они не нашли защиту и спокойствие в этой стране.

¹ Далее в черновике вычеркнут следующий абзац: «В настоящий момент мы пишем министру внутренних дел, излагаем ему все дело и выражаем полную готовность доставить ему, поскольку мы сможем это сделать, любые сведения относительно нас, какие он пожелает; в то же самое время, мы, как общественные деятели, считаем своим долгом довести, наконец, дело до сведения общественности, чтобы впоследствии никто не мог сказать, что мы, действуя втайне, опорочили нашу честь и честь нашей партии компромиссом с правительством, чтобы получить разрешение на дальнейшее пребывание в этой стране».

² Черновик написан рукою Энгельса.

На континенте есть несколько правительств, вражда которых к своим политическим противникам не удовлетворяется даже и этим результатом. Прусское правительство принадлежит к их числу. Добившись того, что большинство прусских эмигрантов оказалось сосредоточенным в этой стране, берлинское правительство явно пытается тем или иным способом заставить их уехать в Америку. Те самые партии, которые в своих газетах (примером могут служить «Neue Preussische Zeitung» и «Assemblée Nationale») изображают английское правительство как комитет якобинцев и заговорщиков против консерваторов всей Европы, — эти самые партии проявляют чрезвычайно подозрительную заботливость о спокойствии Англии и посылают британскому правительству доносы на иностранных эмигрантов, утверждая, что последние вмешиваются в английскую политику и что они замешаны в покушении на убийство прусского короля.

Я имею честь принадлежать к людям, которых прусское правительство преследовало всюду, куда бы они ни направлялись. Я был редактором «Rheinische Zeitung» (в Кельне) в 1842 г. и «Neue Rheinische Zeitung» в 1848 и 1849 гг.; обе газеты были закрыты в результате либо прямого, либо косвенного вмешательства прусского правительства. Я был выслан из Франции в 1845 и 1849 гг. и из Бельгии в 1848 г. по прямому требованию и под давлением прусского посольства; во время моего пребывания в Пруссии в 1848 и 1849 гг. против меня было возбуждено около дюжины политических процессов, от ведения которых власти, однако, отказались после того, как я был дважды оправдан присяжными.

Но даже и в Англии прусское правительство не теряет меня из виду. Это подтверждается полученными мною за последнее время многочисленными предостережениями, в которых сообщается, что английское правительство, основываясь на подобных доносах, намерено предпринять против меня некоторые шаги. Это доказывается и тем обстоятельством, что уже в течение нескольких дней какие-то люди стоят у самой моей двери и делают заметки всякий раз, как кто-либо входит ко мне или выходит от меня. Это подтверждается, далее, сообщениями «Neue Preussische Zeitung», которая несколько времени тому назад писала, что я путешествовал по Германии и пробыл две недели в Берлине, между тем как мои домохозяйева и ряд других англичан могут удостоверить, что я ни на минуту не покидал Лондона после того, как я прибыл сюда в прошлом году. Та же самая ультра-роялистская газета после покушения сумасшедшего Зефелогге поставила мое мнимое путешествие в Берлин в связь с этим покушением,

а между тем, эта газета должна была бы лучше знать, кто замешан в этом деле, — если кто-либо вообще замешан в нем, — так как Зефелоге состоит членом секции № 2 ультра-роялистского «Союза верных» и никогда не был связан ни с кем, кроме штаб-офицеров берлинского военного министерства. Кроме того, это доказывается присутствием здесь, в Лондоне, прусских провокаторов, которые за две недели до покушения Зефелоге являлись ко мне и к некоторым из моих друзей, проповедуя необходимость подобного покушения, и даже намекали на то, что в Берлине существует заговор, организованный с этой целью. После того как им не удалось одурачить нас, они стали рассказывать по чартистским митингам, чтобы создать впечатление, будто иностранные эмигранты принимают активное участие в английском чартистском движении.

В заключение позвольте мне, милостивый государь, спросить Вас, а через Ваше посредство и общественное мнение, можно ли считать желательным, чтобы британское правительство предпринимало на основании этого шага, которые могут до некоторой степени поколебать всеобщее убеждение в том, что британские законы предоставляют одинаковую защиту всем людям, очутившимся на британской земле?

Остаюсь и т. д.

68.

Женни Марке — Иосифу Вейдемейеру

во Франкфурт-на-Майне.

[Лондон, около 25 июля 1850 г.]

Дорогой г. Вейдемейер!

Мой муж чрезвычайно удивлен тем, что Вы послали деньги Науту и что выручку за красные номера Вы также послали не ему, а кому-то другому.

Всю систему распространения журнала необходимо, конечно, изменить. А пока мой муж просил меня написать Вам, чтобы Вы ничего не посылали Н[ауту], а все, даже самые мелкие суммы (в прусских талерах), посылали сюда. Условия здесь иные, чем в Германии. Все мы — 6 человек — занимаем одну комнатку и каморку и платим больше, чем за огромный дом в Германии, и притом каждую неделю. Вы можете себе представить поэтому, в каком положении оказываешься, когда хотя бы 1 рейхсталер запаздывает даже и на один день. Здесь речь идет теперь для всех нас о хлебе насущном. Итак, не ждите распоряжений Н[аута] и прочих. Кроме того, мой муж просит передать Вам, что он считает нежелательным, чтобы с критикой его выступал Люнинг. Уж лучше сильные нападки [с его стороны], но только не признание. Мой муж и не ждал глубокой критики, а только простых отзывов, которые помещают все газеты о журналах и брошюрах. Это делает и Ваша газета, когда она хочет ознакомить публику

с теми или иными сочинениями и содействовать их распространению, — она дает в таких случаях соответствующие небольшие извлечения. Это не требует большого труда.

Сердечный привет Вашей милой жене и Вам.

Ваша *Женни Маркс*.

69.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру

во Франкфурт-на-Майне.

Лондон, 27 июля [1850 г.]
64, Deanstreet, Soho square.

Дорогой Вейдемейер!

Пошли деньги Науту. Этот человек — честный осел. Я все объясню тебе как-нибудь в другой раз. Не сердись на возбужденные письма моей жены. Она кормит грудью, а наше положение здесь настолько тяжелое, что можно простить, если терпение истощается.

Критика Л[юнинга], — я видел первый и второй выпуски, — доказывает, что он не понимает того, что взялся критиковать. Я дам ему, может быть, некоторые разъяснения в нашем журнале.

Сегодняшний день имеет большое значение. Возможно, что сегодня произойдет падение министерства. Тогда здесь начнется настоящее революционное движение. Весьма вероятно, что мы лично окажемся первыми жертвами торней. Пожалуй, состоится наша давно уже намечавшаяся высылка.

Твой *К. Маркс*.

70.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру

во Франкфурт-на-Майне.

Лондон, 29 октября 1850 г.
64, Deanstreet, Soho.

Дорогой Вейдемейер!

Сделай, пожалуйста, для меня следующее: займи у Шустера или у кого-либо другого деньги, необходимые для выкупа моего серебра, заложенного во Франкфурте. Затем *продай* серебро ювелиру или вообще кому-нибудь, кому его можно во Франкфурте продать, расплатись с человеком, у которого занял деньги для выкупа, и пришли мне сюда остаток.

Вы с этим человеком при этом ничем не рискуете: если тебе не удастся продать вещи за более высокую цену, то ты сможешь отнести их обратно в ломбард.

С другой стороны, мое положение сейчас таково, что я должен во что бы то ни стало достать денег, чтобы вообще быть в состоянии продолжать работу.

Единственные вещи, которые я прошу тебя снова отнести в ломбард, — для продажи они все равно не представляют ценности, — это следующие: 1) маленький серебряный кубок; 2) серебряная тарелка; 3) хранящиеся в футляре маленькие нож и вилка; все это — имущество маленькой Женни.

Твой план написать популярную политическую экономию я очень одобряю и высказываю лишь пожелание, чтобы ты поскорее принялся за его осуществление. Передай твоей жене сердечный привет от меня и моей жены.

Твой *К. Маркс*.

71.

Маркс — немецкому врачу
в Лондоне.

[Черновик.]

Лондон, 30 ноября [1850 г.]

Господин доктор!

В связи с враждебными отношениями, установившимися между двумя обществами, к которым мы принадлежим, и после Ваших прямых нападков на здешний эмигрантский комитет (или, во всяком случае, на состоящих его членами моих коллег и друзей) мы должны порвать с Вами наши личные отношения, если не хотим, чтобы наше поведение взаимно истолковывалось как двусмысленное. Вчера вечером в присутствии моей жены я счел неудобным высказывать свое мнение по поводу этого конфликта.

Изъявляя Вам мою глубочайшую благодарность за Ваши врачебные услуги, прошу Вас прислать мне Ваш счет.

Преданный Вам

д-р *К. Маркс*.

72.

Энгельс — Эмилию Бланку
в Бармен.

Манчестер, 3 декабря 1850 г.

Дорогой Эмиль!

Посылку получил. Спасибо за быструю доставку сигар. Они вызвали всеобщее одобрение. Кальсоны также хорошие.

Несколько дней тому назад я получил письмо от отца. Он больше склоняется к Готфриду Эрмену и в случае разрыва намерен продол-

жать дела с ним; с Петером Эрменом он ни при каких условиях не хочет продолжать дела дольше, чем это необходимо. Относительно фирмы братьев Эрмен я соберу все сведения, какие сумею. Не подлежит сомнению, что они делали большие дела; Готфрид Эрмен утверждает, что они получали в среднем 600 ф. ст. прибыли в год, а в последние годы еще больше. В подобном деле трудно терпеть убыток в средние годы. Им нужен небольшой капитал, и они располагают им; предмет их торговли (низкосортные нитки для шитья и вязанья) расходуется гораздо лучше, чем товары хорошего качества, сбыт которых сильно уменьшается.

Баланс за 1849—1850 год еще не составлен, и дебет и кредит все еще в полном беспорядке. Повидимому отец опять настаивал на том, чтобы привести баланс в порядок. Как я слышал, за это примутся завтра.

Г-н Петер прибыл сюда вчера вечером или сегодня утром. Он велел позвать старика Гилля, — он живет в отеле через два дома от нашей конторы, — был очень вежлив, говорил о безразличных вещах, но в конторе — по крайней мере до сих пор — еще не показывался. Если он попробует ко мне придирааться, то из этого ничего не выйдет. Отец не хочет вмешиваться в ссоры братьев, да и я этого делать не буду. Но Готфрид находится теперь между молотом и наковальней и вынужден быть со мной заодно; он сам мне будет все рассказывать, мне не придется его расспрашивать.

Если П[етер] Э[рмен] возьмет на себя управление конторой, что в конце концов должно произойти, то это очень мешает мне проверять книги. До сих пор я мог производить проверку только 4 дня в неделю в обеденные часы, когда я оставался один; но он имеет обыкновение как раз в часы обеда шмыгать по конторе. Все наиболее важное из книг я, однако, уже извлек, и мне остается только произвести весьма сложное сравнение тех цен, по которым нам продают товары брата Эрмен, с соответствующими ценами дня, а также проверить старые фактуры и т. д., чтобы посмотреть, не наткнулся ли я там на что-либо. Дня через два я пошлю отцу все счета братьев Эрмен за 1849—1850 г., приведенные в должный порядок. а также счет белильни Эрменов, чтобы он видел, как эти джентльмены обделывают дела с его капиталом.

Счет за сигары передай отцу, — это будет самое простое.
Сердечный привет Марии, Герману и детям.

Твой Фридрих.

1851 год.

73.

Маркс и Энгельс — редакции «Weserzeitung»
в Бремен¹.

Лондон, 27 января 1851 г.

З а я в л е н и е.

«Bremer Tageschronik» от 17 января настоящего года в корреспонденции из Лондона от 13 января помещает целую кучу безграмотно написанных глупостей, выдуманных и непонятых сплетен, неуклюжих инсинуаций и напыщенных нотаций по адресу «Neue Rheinische Zeitung» и нижеподписавшихся.

«Выдающиеся и решительные люди» типа этого лондонского корреспондента всегда отвечают на обдуманную критику по-обезьяньи. Они забрасывают врага своей собственной грязью. Каждый по своим способностям!

Ловко придуманные истории о «Neue Rheinische Zeitung» мы оставляем их «решительному и выдающемуся» автору. По поводу его благожелательных инсинуаций относительно нашего выхода из общества на Great Windmill[street] мы заявляем, что ни до, ни после своего выхода оттуда Энгельс и Маркс не имели ничего общего с заведыванием кассой этого общества. В заведывании эмигрантской кассой они участвовали и вышли из правления этой кассы лишь после того, как их предыдущая деятельность была обследована и признана правильной. Утверждение, будто они вышли для того, чтобы избавиться от уплаты ежемесячного девятипенсового взноса, является выдумкой человека, цена которому — стертый медный грош. Для этой цели, видите ли, один из них переехал в Манчестер, а другой пожелал переселиться за море. Какие замечательные перлы таятся в глубине преисполненных моральным негодованием душ!

Нашим партийным товарищам в Германии известны *действи-*

---

¹ Копия, написанная рукою Женни Маркс.

тельные мотивы нашего выхода из упомянутого общества и мотивы нашего разрыва с его руководителями. Мотивы эти одобряются и разделяются ими, но они не подлежат оглашению. При существующем положении вещей в Германии даже ловкий полицейский провокатор не заставил бы нас давать дальнейшие объяснения, а тем более — по-медвежьи неуклюжий провокатор из «*Bremer Tageschronik*».

В заключение остается только указать, что человек, одобряющий из Лондона столбцы «*Bremer Tageschronik*» своими собственными испражнениями, — не кто иной, как тот померанский мыслитель, к которому постоянно с особой охотой возвращалась «*Neue Rheinische Zeitung*» и которого мы в другом месте охарактеризовали на основании его сочинений как «сточный жолоб, в который стекаются все словесные нечистоты и все противоречия немецкой демократии». Одним словом, бременский кум — это не кто иной, как наш «*Арнольд-Винкельрид Руге*», пятая спица в государственной колеснице европейской центральной демократии. Теперь становится понятной преступность «*Neue Rheinische Zeitung*».

*Карл Маркс.
Фридрих Энгельс.*

74.

Маркс—Герману Беккеру
в Кельн¹.

(Лондон, около 1 февраля 1851 г.)

...Ты меня чрезвычайно обяжешь, если пришьлешь мне письмо Виллиха. С одной стороны, и нам здесь на реках Вавилонских нужно дать возможность принять участие в вашем гомерическом хохоте. А с другой стороны, этот человек пользуется «мнимой» связью с тобой, чтобы хвастаться ею перед иностранцами и одновременно доносить на нас. Наконец, я считаю необходимым, чтобы ты или через меня или сам непосредственно послал ему записку, в которой ты вежливо попросишь его воздержаться от дальнейшей переписки. Необходимо считаться с тем, что для него в Лондоне юмор вполне безопасен, но что вы в Кельне можете жестоко поплатиться за него, и не только вы, но и наши партийные товарищи в Германии, на которых это может плохо отразиться. Что может быть более роковым и вместе с тем более смешным, чем быть распятым на кресте из-за фантазии, которая взбрела на ум «плотнику»...

¹ Перевод сделан с отрывка, цитируемого в обвинительном акте Кельнского процесса коммунистов, стр. 53.

75.

Маркс—Герману Беккеру
в Кельн¹.

8 февраля 1851 г.

Кстати! Виллиху и Шапперу вкупе с Бартелеми и т. д. благодаря невероятному хвастовству относительно их влияния в Германии и неслыханной клевете на нас удалось, наконец, настолько одурачить Луи Блана, что он объединился с этой «сволочью» для устройства банкета в честь февральской революции и выпустил вместе с ними программу празднества и что-то вроде манифеста. Малыш попал в ловушку из-за тщеславия, желая показать Ледрю Роллсену, что и у него есть немецко-французско-польско-венгерская свита. Теперь дело опять *совершенно расстроилось*. Малыш опасается, что он напрасно скомпрометировал себя и напрасно изменил нам, ведь у него с 1843 г. было что-то вроде союза с нами, хотя и не особенно сердечного.

А знаешь ли ты, чем Виллих прежде всего импонирует друзьям? Своим *огромным влиянием в Кельне*. Тем более необходимо, чтобы ты послал мне письма; надо поставить преграду действиям «плотника». *Прощай!*

76.

Маркс—Герману Беккеру
в Кельн².

28 февраля 1851 г.

Дорогой Беккер!

Надеюсь, что «*Rheinische Zeitung*» ты получил. Я не понимаю твоего молчания. Если бы ты прислал мне *письма Виллиха*, которые я у тебя просил, то мне не пришлось бы сообщать о нижеследующих гнусностях. Я все же вынужден просить тебя *немедленно прислать мне эти письма*. Последующее сообщение посылаю для прочтения всем нашим друзьям. Пусть они разнесут весть об этом по всей Германии.

Речь идет о лондонском банкете 24 февраля, под председательством доблестного рыцаря *Виллиха*, на котором были избиты (*gehaut*) двое из наших друзей и партийных товарищей. Для понимания изложенных ниже фактов необходимы следующие предварительные замечания:

¹ Перевод сделан с отрывка, цитируемого в обвинительном акте Кельнского процесса коммунистов, стр. 53.

² Перевод сделан по выдержкам из письма Маркса, приведенным в обвинительном акте Кельнского процесса коммунистов, стр. 53.

Французская эмиграция, как и все прочие, была расколота на различные группы. Затем она основала объединенное общество на Churchstreet, которое должно было нести *филантропический* характер — оказывать помощь эмигрантам. Политика была изгнана из него. Таким образом создавалась нейтральная почва для всех оттенков французской эмиграции. Здесь очутились одновременно — Ледрю-Роллен и Луи Блан, монтаньяры и кабэтпсты, бланкисты и т. д.

Приближалось 24 февраля. Вы знаете, что к такой возможности поважничать французы так же долго готовятся, обсуждая ее и рассматривая ее со всех сторон, как женщина к предстоящим ей родам. Общество на Churchstreet созвало поэтому общее собрание, чтобы подготовиться к празднованию этого «славного» дня. На нем присутствовали Луи Блан и Ледрю-Роллен. Маленький Блан — *между прочим*, он не может импровизировать, он пишет свои речи и заучивает их наизусть перед зеркалом — встал и произнес искусно составленную, тщательно отделанную иезуитскую речь, в которой он старался доказать, что это общество, имея филантропический характер, не может устраивать *политического* банкета, а следовательно и празднества в честь Февральской революции. Ледрю-Роллен возражал ему. Маленький Блан в пылу полемики проговорился, что так как Ледрю и Мадзини не приняли его в европейский Центральный комитет, то и он не будет участвовать вместе с ними ни в каком банкете. Ему ответили, что банкет устраивает не европейский Центральный комитет, а общество на Churchstreet, состоящее из всех оттенков французской эмиграции.

На следующий день это общество получило письмо от Луи Блана с извещением, что он намеревается устроить грандиозный контр-банкет...

... Таким образом Луи Блан привлек к участию в своем банкете Гарни и с ним часть его сторонников. В Англии фундамент был заложен. Но не хватало еще континентального фона, который играл бы всеми цветами радуги, подобно европейскому Центральному комитету. С этой целью Луи Блан устремил свои взоры на карикатуру Мадзинистского комитета, на комитет *Виллих-Шаппер-Бартеlemi-Видиль и К°*...

Когда Виллих и Шаппер вместе с их обществом были исключены из Союза [коммунистов], они объединились с Видилем и Бартеlemi и с подонками польской, венгерской и итальянской эмиграции и заставили весь этот сброд признать их европейским Центральным комитетом. Шаппер и Виллих, которые, конечно, надеялись, что издали эта грязная, безвкусная и жалкая мозаика покажется

произведением искусства, преследовали еще особую цель. Они хотели показать германским коммунистам, что европейская эмиграция идет за ними, а не за нами, и что они — хочет ли этого Германия или нет — решились, при первой возможности, захватить в ней власть...

Чтобы провести свою интригу против Churchstreet, Луи Блан не погнушался связаться с этой презируемой им шайкой. Они, конечно, были в восторге. Наконец-то они завоевывали себе *положение*. Хотя эти господа и стремятся исключить из своего общества всех литераторов, но стоит только какому-нибудь известному писателю предложить им свои услуги, и они обеими руками ухватываются за него. Шаппер и Виллих предвкушали уже приближение своего триумфа, когда германские коммунисты не выдержат и с раскаянием вернутся под их защиту и покровительство.

Банкет состоялся в *Ислингтоне* 24 февраля. На нем присутствовали двое из наших друзей, *Шрамм* и *Пипер*. Зачитывались приветствия. Луи Блан прочел приветствие своих делегатов. Ландольф — приветствие депутата Греппо (второго приветствия в Париже раздобыть не удалось), один из поляков огласил приветствие от нескольких своих единомышленников в Париже, а великий Виллих, который председательствовал, прочел приветствие из *Ла-Шо-де-фон*. Из Германии им ничего не удалось получить...

... Теперь Вы должны сделать все, что в Ваших силах, чтобы заклеить этих подлых клеветников и гнусных бандитов перед германским пролетариатом и вообще всюду, где это только возможно.

... Для этого необходимо, чтобы Вы тотчас же прислали письма Виллиха...

77.

Марке — редактору газеты «Times»

в Лондоне¹.

[Черновик.]

[Лондон, 5 марта 1851 г.]

Редактору «Times».

Милостивый государь!

В сегодняшнем номере Вашей газеты помещено письмо г. Луи Блана по поводу «Banquet des égaux» [Банкета равных], который состоялся в Лондоне 24 февраля, и по поводу известного тоста, текст которого был прислан на этот банкет г. Бланки, находящимся в за-

¹ Черновик написан рукою Энгельса.

ключении на острове Belle-Ile en mer. Позвольте мне сделать несколько замечаний по поводу этого письма.

На банкете имя Бланки было написано крупными буквами на стене среди имен других героев и мучеников демократии. На этом же собрании был провозглашен тост в честь «мучеников клеветы: Марата, Робеспьера... и Бланки». Все тосты и речи, произнесенные по этому случаю, должны были быть представлены на одобрение комитету «организаторов этой прекрасной и внушительной манифестации» не позднее 15 февраля. Г-н Блан был членом этого комитета, он должен был поэтому заблаговременно одобрить этот тост в честь г. Бланки. Как же может теперь г. Блан со своей стороны делать из г. Бланки «мученика клеветы», называя его «одним из тех несчастных существ, которые в исступлении пытаются восстанавливать против авторитетов и которые погубили бы самое лучшее дело, если бы была возможность его погубить»?

Г-н Блан утверждает, что тост не был отправлен заключенными Belle-Ile, а является исключительно делом г. Бланки. Конечно, г. Бланки, надо полагать, является автором тостов и документов, появляющихся за его подписью. Однако текст тоста, о котором идет речь, как это хорошо известно во Франции, был принят и опубликован Обществом друзей равенства (Société des amis de l'égalité), в которое входят эти заключенные Belle-Ile, солидарные с г. Бланки, так как у последнего среди заключенных есть друзья точно так же, как и у г. Барбеса, покровителя г. Луи Блана.

Что касается внушительной и прекрасной манифестации и «собрания более чем тысячи лиц, принадлежащих к различным нациям», то не следует забывать, что эта трогательная сцена, поскольку дело идет о г. Луи Блане, была не чем иным, как «*братской*» демонстрацией против г. Ледрю-Роллена с целью, согласно публичному заявлению самого г. Блана, отомстить за то, что его, Блана, не включили в «Центральный комитет» европейской демократии, в который входят гг. Ледрю-Роллен, Мадзини и другие.

Что же касается «авторитета» г. Луи Блана, то для него было бы более благоразумно не касаться этого деликатного предмета, пока его «авторитет» не оправится от страшных ударов, нанесенных ему несколько времени тому назад г. Прудоном.

Г. Блану хотелось бы, повидимому, укрыться от нападений г. Бланки, старательно рекламируя себя в качестве поставленного вне закона изгнанника. Но разве сыновья Луи-Филиппа не изгнанники? И разве г. Блан ослабил ярость своих атак против того самого г. Прудона, который был не изгнанником, комфортабельно

проживающим в д. № 87 на Пикадилли — в убежище, весьма мало подходящем для того, чтобы писать в нем овидиевы «Tristia» [«Скорби»], — а узником в руках закона?

Г-н Блан, кажется, упрекает г. Бланки в том, что тот опубликовал свой тост в «контрреволюционной периодической прессе». Г-ну Блану должно быть известно, что с мая 1850 г. «революционной» прессы во Франции больше не существует. Но позвольте, г. Луи Блан, Вы-то ведь обращаетесь со всей свойственной Вам учтивостью к редактору «Times», а с каких это пор «Times» стал в Ваших глазах демократической, социалистической и «революционной» газетой?

Однако, чтобы дать публике возможность судить об этом необычайном документе, который возбуждает такое негодование г. Блана и который до сих пор еще является общей темой разговоров во французской прессе, я предлагаю Вашему вниманию его полный перевод и надеюсь, что он представит интерес для английской публики.

Остаюсь, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугой.

Veritas.

78.

Маркс—Герману Беккеру
в Кельн¹.

9 апреля 1851 г.

Дорогой Беккер!

Прилагаю забавное сочиненьице из школы Кинкеля. Д[ля] С[оюза] [коммунистов] здесь собрано 15 шиллингов. Недостаёт ещё 10 шиллингов, на которые уже подписались, но которые ещё не получены. Я буду действовать, как ты указываешь. Считаю за мной один фунт, так как пять шиллингов получить не удастся, ввиду ухудшившегося материального положения того члена, который должен их уплатить...

79.

Маркс—Голанду Даниэльсу
в Кельн².

[Май 1851 г.]

..Коммунистам предстоит показать, что только при коммунистических отношениях уже достигнутые технологические истины могут быть осуществлены на практике...

¹ Перевод сделан по отрывку, цитируемому в обвинительном акте Кельнского процесса коммунистов, стр. 55.

² Письмо не сохранилось, цитата приведена по ответному письму Даниэльса к Марксу от 1/VI 1851 г.

80.

Энгельс — Вильгельму Вольфу

в Берн.

[Манчестер, 1 мая 1851 г.]

Дорогой Лупус!

Из даты твоего письма, которое мне привез Маркс (он был у меня в Манчестере несколько дней назад), я с ужасом вижу, что оно было отправлено почти месяц тому назад. Впрочем, Маркс сказал мне, что он сейчас же написал тебе.

Что касается твоих американских планов, то выбрось их из головы. Ехать туда не к чему, так как зная английский язык ты сможешь сейчас устроиться и в Лондоне. На людей, знающих древние языки так основательно, как ты, там большой спрос, в особенности если у тебя есть аттестаты. Ведь даже совершенно незначительным личностям удавалось получить прекрасные места. История с американским журналом — шарлатанство. Если бы это было дело серьезное, то неужели ты думаешь, что этот малый стал бы выписывать себе редактора из Европы и ждать столько времени? Кто знает, как там обстоит дело и что с тех пор из всего этого вышло! Аванса на путевые издержки тебе пришлось бы ждать до второго пришествия. Да и в лучшем случае не такое это дело, чтобы из-за него стоило ехать в Чикаго; самые обыкновенные дровосеки получают 4 доллара в неделю, и при этом их должны уведомлять об увольнении за 8 дней вперед — правило, которое пользуется там очень широким распространением.

[...] ¹ Надеюсь, ты их уже получил; как только ты их получишь, собери вещи, возьми паспорт для поездки в Лондон — и пускайся в плавание. Континентальные газеты пишут, будто английское правительство не пускает сюда больше эмигрантов. Глупости! Не давай вводить себя в заблуждение и не верь, если полиция скажет, что ты должен получить визу английского посланника в Берне. Ничего подобного тебе не нужно. Тебе нужна только виза для проезда через Францию, следовательно виза французского посланника, которую тебе достанут швейцарцы. Ты спокойно проедешь Францию и приедешь сюда. Даже в том случае, если французы направят тебя в Гавр, а оттуда захотят отправить в Америку, — а от них этого можно ожидать, — тебе просто надо будет в Гавре сесть на пароход, отправляющийся в Саусгемптон или Лондон. Ты же знаешь, что здесь никого не задерживают на границе; несмотря на

¹ В этом месте рукопись повреждена. Начала абзаца нехватает.

всю эту болтовню реакционной прессы, я рассчитываю увидеть тебя в Лондоне к открытию выставки. Повторяю, не давай вводить себя в заблуждение и при всех обстоятельствах настаивай на том, что ты хочешь ехать в Лондон. Если французское правительство будет чинить тебе препятствия по части переезда и если твои средства это позволяют, то было бы даже лучше ехать тем путем, который избрал я [...] ¹ Напиши Лоренцо Кюнца [...] чрезвычайно учтивое письмо, скажи, что ты узнал его адрес от одного из его земляков и попроси оказать тебе любезность и сообщить, есть ли там сейчас суда, отправляющиеся в Англию, и какие именно (парусные суда или пароходы), а также когда приблизительно они отплывают. Попроси также сообщить тебе фамилии капитанов. Тогда ты сможешь или письменно снестись с этими капитанами (письма адресуй на судно) или поехать прямо туда. Мое путешествие, включая питание, стоило мне 6 фунтов (150 французских франков). Тебе оно, может быть, обойдется даже дешевле. Путешествие в Геную будет стоить недорого, если большую часть пути до Турина, — а до этого пункта местность поразительно красива, — ты пройдеши пешком через Женеву и Мон-Сени или еще короче — через большой Сен-Бернар (Мартиньи — Турин). От Турина почти до самого подножия Апеннин к твоим услугам будет железная дорога или еще более короткий пешеходный путь: через долину Рейса, Фурка, Симплон и оттуда прямо на Александрию. Все эти дороги очень хороши. Для морской поездки погода сейчас великолепная (господствуют восточные ветры), и плаванье по Средиземному морю будет очень интересно. Путешествуй, по возможности, на английских кораблях. По-моему, все это обойдется в 250 франков, а уж 300 хватит наверное. Вопрос в том, достанут ли тебе кельнцы эти деньги. Но в Англию ты во всяком случае должен приехать. Я сейчас же пишу Марксу, чтобы он еще раз написал в Кельн по поводу денег. Если денег еще нет, то не повредит, если и ты тоже еще раз напишешь Данпальсу или Бюргерсу.

Что касается билетов из Англии в Нью-Йорк, то они дьявольски дороги; палубным пассажирам часто приходится очень плохо; подобный случай как раз обсуждается сейчас в парламенте. Каюта I класса стоит обычно 15—20 ф. ст. Все это мы выясняли, когда сами намеревались тронуться дальше. II класс на саусемптонских пароходах хорош и дешев. Совершают рейсы также отдельные винтовые пароходы; если бы удалось попасть как раз на один из них, то

¹ Рукопись повреждена, пропуски обозначены многоточием в квадратных скобках.

можно дешево и скоро проехать II классом. Но я все же надеюсь, что ты приедешь сюда и здесь останешься. Здесь у тебя больше шансов, чем в Америке, да и кроме того, раз попав туда, не так-то легко вернуться обратно. В Америке отвратительно: Гейнцен считается там самым великим человеком, а нахальный Струве будет сейчас объезжать всю страну, обливая ее своими испражнениями. Чорт побери тамошнюю публику! Лучше быть рабом на турецкой галере, чем газетным сотрудником в Америке.

Дай поскорее о себе знать и приезжай скорее.

Твой Ф. Э.

81.

**Энгельс — Иосифу Вейдемейеру
во Франкфурт-на-Майне.**

Манчестер, 19 июня 1851 г.

Дорогой Ганс!

Маркс только что передал мне твое письмо, из которого я, наконец, узнал твой точный адрес. Я уже довольно давно его разыскиваю, так как хочу спросить тебя о следующем.

С тех пор, как я переселился в Манчестер, я начал зубрить военные науки, по которым здесь нашелся довольно порядочный материал, — по крайней мере для начала. Огромное значение, которое получит военное дело в ближайшем движении, мои старые наклонности, мои венгерские военные корреспонденции в газете, наконец мои доблестные похождения в Бадене — все это побудило меня работать в этом направлении, и я хочу достигнуть того, чтобы я мог высказывать известные теоретические суждения и не очень осрамиться при этом. Имеющийся здесь материал относительно наполеоновских и отчасти революционных войн предполагает знание множества деталей, которых я не знаю или знаю очень поверхностно и относительно которых либо совсем не удастся получить разъяснений, либо получаешь лишь очень поверхностные; при этом приходится отыскивать их с большим трудом. Самообразование вообще чепуха, и если не приняться за дело систематически, то не достигнешь никаких серьезных результатов. Чтобы тебе было понятнее, что мне, собственно, нужно, я напому тебе, что, — не говоря, конечно, о моем повышении в чине в баденских войсках, — я не пошел дальше королевско-прусского бомбардира ландвера, поэтому для понимания деталей военных кампаний мне нехватает промежуточного звена, даваемого в Пруссии экзаменом на офицерский чин, и притом в различных родах оружия. Конечно,

дело идет не о деталях муштры и т. д., которые мне совершенно не нужны, так как моя слепота, как я теперь окончательно убедился, делает меня неспособным к активной службе. Дело идет об общем ознакомлении с элементарными знаниями, необходимыми в различных отраслях военного дела. Детали нужны постольку, поскольку они необходимы для понимания и правильной оценки военно-исторических фактов. Так, например, нужна элементарная тактика, теория укреплений в более или менее историческом разрезе, охватывающая различные системы укреплений, начиная с системы Вобана и кончая современными системами отдельных фортов, знание полевых укреплений и иных вопросов, относящихся к инженерному делу, как, например, различные виды мостов и т. п., наконец всеобщая история военной науки и тех ее изменений, которые были вызваны развитием и усовершенствованием оружия и методов его применения. Затем необходимо основательное знакомство с артиллерией, так как я многое забыл, а многого и совсем не знаю; требуются и некоторые другие сведения, которые сейчас мне не приходят в голову, но которые тебе, конечно, известны.

Укажи мне, пожалуйста, источники по всем этим элементарным вопросам, так, чтобы я мог их немедленно достать. Всего нужнее мне такие книги, из которых я, с одной стороны, мог бы составить себе представление о современном общем положении отдельных отраслей военного дела, а с другой стороны, о различиях между разными современными армиями; так, например, я хотел бы знать о различных конструкциях полевых лафетов и т. п., о различном делении и организации дивизий, армейских корпусов и т. п. Особенно мне хотелось бы получить всевозможную информацию об организации армий, о снабжении, о лазаретах и о необходимом для любой армии снаряжении.

Ты видишь теперь приблизительно, что именно мне нужно и какие книги ты должен мне указать. Мне кажется, что как раз по части таких руководств в немецкой военной литературе есть более подходящие сочинения, чем во французской или английской. Само собой разумеется, что мне важно знание практических, в действительности существующих вещей, а не систем или выдумок непризнанных гениев. Что касается артиллерии, то лучше всего, пожалуй, взять руководство Бема.

По военной истории нового времени, — история более ранних эпох меня мало интересует и, кроме того, для этого у меня есть старик Монтекукули, — я располагаю здесь, конечно, французскими и английскими источниками. Среди этих последних особенно вы-

деляется история испанской войны генерал-лейтенанта Вильяма Нэпира; это лучшее из всего того, что я до сих пор читал из области военно-исторической литературы. Если ты не знаком с этой книгой и можешь ее там достать, то ее стоит прочесть («History of the War in the Peninsula and the South of France» [«История войны на Пиринейском полуострове и на юге Франции»], 6 томов). Из немецких сочинений у меня нет ничего, между тем кое-какие из них мне необходимо достать; прежде всего, я полагаю, — Виллизена и Клаузевица. Что представляют собой обе эти вещи и что в них заслуживает внимания по части теории или истории? Как только я несколько продвинусь вперед, я примусь по-настоящему за историю кампаний 1848—1849 гг., особенно за итальянскую и венгерскую. Не знаешь ли ты какого-либо более или менее официального или же вообще сколько-нибудь дельного отчета о баденской кампании, изданного прусской стороной?

Далее, я хотел бы, чтобы ты указал мне хорошие, не слишком дорогие, но достаточные для изучения кампаний после 1792 г., специальные карты Германии (особенно Вюртемберга, Баварии, Австрии 1801—1809 гг., Саксонии, Тюрингии, Пруссии 1806—1807 и 1813 гг., Северо-восточной Франции—1814 г., Ломбардии, Венгрии, Шлезвиг-Гольштейнии, Бельгии). У меня есть большой атлас Штиллера, но он совершенно недостаточен. Планы сражений за время с 1792 по 1814 г. у меня есть; они приведены в атласе, приложенном к элисоновской истории Европы со времен французской революции, но я обнаружил, что многие из этих планов не верны. Нет ли в Германии подобных собраний планов, не слишком дорогих, но надежных?

Знаешь ли ты книгу г. Жомини, которую так превозносят французы? Я знаю ее только со слов Тьера, который, как известно, бессовестно списывал с него. Этот маленький Тьер — один из самых бесстыдных лжецов, какие только существуют, и нет ни одного сражения, где оказались бы верными приводимые им цифры. Так как Жомини впоследствии перебежал к русским, то он конечно имел основания для того, чтобы изображать подвиги французской доблести в менее сверхчеловеческих масштабах, чем это делает Тьер, у которого один француз всегда побеждает двух неприятелей.

Вот тебе целая куча вопросов. Я надеюсь, что преследования евреев, которые сейчас имеют место в Германии, не получат дальнейшего распространения. Хотя арест Д[аниэ]льса наводит на размышления. Здесь, повидимому, собираются произвести обыски, чтобы притянуть к этому делу и нас, но это не так-то просто

и по всей вероятности ни к чему не приведет, так как у нас ничего не найдут.

По поводу плана организации в Лондоне литографического бюро для Америки тебе напишет Маркс. Подобная затея обойдется здесь очень дорого, если ее как следует поставить, а американские газеты в большинстве своем очень несолидны. Лупус и Фрейлиграт находятся в Лондоне. Я также пробыл там в начале этого месяца две недели.

Поскольку, судя по всему, ты скоро тоже прибудешь туда, то лучше всего было бы, если бы ты заключил с одной или несколькими газетами или журналами соглашение относительно корреспондирования и т. п. В Лондоне это очень выгодно, но, конечно, наиболее платежеспособные газеты уже заняты. Кроме того, еще вопрос — что за пресса теперь в Германии.

Полководец Виллис попрежнему всецело поглощен своей казармой. Как ты думаешь, не соорудить ли в противовес нечто подобное в грандиозных размерах?

Напиши поскорее твоему

Ф. Э.

Адресуй: Эрмен и Энгельс, Манчестер.

82.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру
во Франкфурт-на-Майне.

[Лондон,] 27 июня 1851 г.

Дорогой Ганс!

Я не знаю, правильно ли я поступаю, посылая тебе письмо через Фабрициуса. Кто поручится, что этот человек не будет схвачен на границе, — ведь он набрал себе здесь целый мешок писем.

Так как из американского плана, который ты составил, ничего не вышло, — Энгельс, вероятно, уже писал тебе об этом, — то тебе не остается ничего иного, как приехать сюда нам на подмогу. Может быть, найдется какая-нибудь совместная работа, — конечно, просто для заработка, так как нужно жить.

Я знаю теперь из *достоверного* источника, что в арестах наших друзей сыграли роль измена и доносы. Я *внутренне* убежден, что в этом участвовала подлая банда господ Виллиха и Шаппера. Ты понимаешь, насколько важно для этих «великих людей» в изгнании

устранить в Германии тех, кто, по их мнению, загоразживает им путь к трону. Эти ослы не понимают, что их считают за ослов и что в лучшем случае их дарят только презрением.

Несмотря на свою филистерски-честную, постную, унтер-офицерски лицемерную мораль, Виллих является совершенно обыкновенным, — заметь, *совершенно обыкновенным* — пройдохой и кабацким завсегдааем и кроме того, — за последнее я не ручаюсь, хотя это сообщил мне один респектабельный филистер, — он *шулер*. Этот малый целый день проводит в кабаках, но, конечно, в *демократически*, где он угощается даром и вместо расплаты приводит с собой гостей, развлекая их своими стереотипными фразами о грядущей революции, которым этот рыцарь сам перестал верить, постоянно повторяя их при самых различных обстоятельствах и всегда с одинаковым успехом. Этот субъект — самый обыкновенный *блюдолиз*. Но все это, конечно, прodelывается под патриотическими предложениями.

Весь коммунизм этого субъекта сводится к тому, что он решил вести привольную жизнь на общественный счет вкупе с прочими странствующими рыцарями. Вся деятельность этого человека заключается в том, что он сплетничает о нас в кабаках и лжет и хвастается своими связями в Германии, которых у него нет, но в которые верят его сотоварищи: дуралей Арнольд Руге, чурбан Гейнцен и лживый комедиант, жеманный теологический беллетрист Кинкель. Этими связями он хвастается также и перед французами.

Между прочим, вышеупомянутый поповский Адонис обил пороги всех буржуазных домов, где его ласкают и кормят на убой, и в то же время продолжает тайком держать связь с Шаппером и Виллихом, желая поддерживать контакт также и с «рабочей партией». Этот малый хотел бы быть всем для всех. Он во всем поразительно похож на Ф[ридриха] В[ильгельма] IV, который является не чем иным, как Кинкелем на троне, и отличается таким же бесцветным краснобайством.

Если ты спросишь меня, откуда взять тебе здесь средства к жизни, то я отвечу: следуй по стопам храброго Виллиха. Он не сеет, не жнет, а отец небесный все же питает его.

Но серьезно: если тебе опасно оставаться в Германии, то тебе следует приехать сюда. Если же ты спокойно можешь жить в Германии, то, конечно, лучше оставаться там. Ибо силы там нужнее, чем здесь.

Твой К. М.

Между прочим, внешняя торговля Англии составляет по меньшей мере $\frac{1}{3}$ всей ее торговли, а после отмены хлебных пошлин даже больше. Но весь довод господина Криста ничего не стоит. Уже Пинто разъяснил, что если для известной вещи необходимо $\frac{10}{10}$, то последняя $\frac{1}{10}$ столь же важна, как и предыдущие $\frac{9}{10}$. Если даже предположить, что внешняя торговля Англии составляет только $\frac{1}{4}$ (что не верно), то несомненно, что без этой $\frac{1}{4}$ остальные $\frac{3}{4}$ не могут существовать, а тем более $\frac{4}{4}$, составляющие цифру 1.

Демократы уже давно привыкли не упускать ни одного случая, чтобы не скомпрометировать себя, не выставить себя на посмешище и не поплатиться собственным горбом. Но бессилие этих «бесконечно малых» никогда еще не проявлялось с такой поразительной ясностью, как в той газетке, которую издают здешние центральные демократы — Руге, Гаупт, Ронге и др. Под крикливым заглавием «Der Kosmos» (Фрейлиграт правильно называет этот журнал Das Kosmos) здесь выходит еженедельный листок, подобного которому по бесстыдной пошлости и ничтожеству, пожалуй, еще никогда не создавал немецкий язык, — а ведь это что-нибудь да значит. Даже ни одна из местных немецких церковно-приходских газеток демократии не выпускала такого зловония.

Было бы хорошо, пожалуй, чтобы спокойные времена продолжались еще несколько лет, надо дать время сгнить всей этой демократии 1848 г. Как ни бесталанны наши правительства, они все же являются настоящими светилами по сравнению с этими важничаящими дюжинными осликами. Продай!

От 9 часов утра до 7 часов вечера я бываю обычно в Британском музее. Материал, над которым я работаю, так дьявольски обширен, что, несмотря на все напряжение, мне не удастся закончить работу раньше, чем через 6—8 недель; кроме того, постоянно присоединяются всевозможные практические помехи, неизбежные при той лондонской обстановке, в которой здесь приходится прозябать. Но, несмотря на все, дело быстро двигается к концу. Надо же когда-нибудь во что бы то ни стало кончить. Демократическим «простакам», которым приходит наитие «свыше», таких усилий, конечно, не нужно. Зачем этим счастливицам мучить себя изучением экономического и исторического материала? Ведь все это *так просто*, как говорил бывало достойный Виллих. Все так просто! Да, — в этих пустых башках! Вот уж действительно простаки!

83.

Энгельс — Эрнсту Дронке
в Женеву.

Манчестер, 9 июля 1851 г.

Дорогой Дронке!

Ты долгое время не получал от нас никаких известий, потому что после смерти Галеера у нас не было твоего адреса, а потом, когда ты дал нам адрес Шустера, до нас дошли сведения, что ты скоро сам приедешь в Англию. Но так как Лупус вот уже целый месяц живет в Лондоне, а о тебе ничего не слышно, то нам остается предположить, что ты еще некоторое время останешься там.

О лондонских событиях прошлой осенью ты знаешь. То, о чем тебе не сообщали отсюда, ты должен был узнать по опубликованным за это время документам. Поэтому, чтобы познакомить тебя с положением вещей, мне придется сообщить тебе только о некоторых происшествиях за последующий период.

Так как я с ноября 1850 г. сижу в Манчестере, а Маркс плохо владеет английским, то связи с Гарни и чартистами несколько ослабли. Этим воспользовались Шаппер, Виллих, Л. Блан, Бартеlemi и др., — словом, вся немецко-французская орава, недовольная, с одной стороны, нами, с другой стороны — Ледрю-Мадзиниевским комитетом, — для того, чтобы впутать Гарни в организацию назначенного на 24 февраля банкета. Это им удалось. На этом банкете произошли следующие курьезы:

1) Двое из присутствовавших там наших друзей, в том числе Шрамм, были выброшены немецким эмигрантским сбродом. Дело приняло серьезный оборот и чуть не дошло до суда, но было нами улажено, после того как обиженные получили достаточное удовлетворение. Этот инцидент привел к несколько натянутым отношениям с Гарни, который слабо реагировал на скандал. Зато Джонс, который вообще совсем другой человек, чем Гарни, — целиком на нашей стороне и в настоящее время пропагандирует среди англичан Манифест.

2) Г-н Виллих, за неимением приветствий из Германии, огласил одно из Швейцарии. Под ним была и *твоя* подпись. Конечно, мы здесь не можем знать, путем какого обмана или подделки твое имя попало в подобный документ; во всяком случае, после того как ты сам соответственным образом расследуешь это дело, ты должен дать нам все необходимые сведения. В отчете о банкете,

напечатано, между прочим, и это приветствие с твоей подписью под ним. Можешь себе представить, каково было ликование, когда в числе подписавшихся оказался один из участников «*Neue Rheinische Zeitung*».

3) Инцидент с тостом Бланки. Бартелеми, прикидываясь блакистом, уговорил Бланки прислать на банкет тост, и Бланки прислал великолепную атаку на все временное правительство, в том числе на Блана и К^о. Пораженный, как громом, Бартелеми доложил об этом документе, и было решено его не оглашать. Но Бланки знал, с кем он имеет дело, и одновременно с банкетом текст тоста появился в парижских газетах и испортил весь эффект. Маленький сентиментальный враль Луи Блан заявил в «*Times*», а весь комитет — Виллих, Шаппер, Луи Блан, Бартелеми, Видиль и др. — в «*Patrie*», что они ничего не знали о тосте. Но «*Patrie*» к этому сообщению добавила, что шурин Бланки, Антуан, у которого газета навела справки, послал тост подписавшему заявление господину Бартелеми, и имеет на руках его расписку. После этого Бартелеми заявил, что все это верно, что всю вину он принимает на себя, что он солгал, тост он получил, но не огласил его, чтобы не нарушать гармонии. Однако, к несчастью, одновременно с этим бывший драгунский капитан Видиль заявил, что он признается во всем: текст тоста Бартелеми комитету доложил, и комитет решил его не оглашать. Какой конфуз для всей этой банды! Мы перевели тост на немецкий язык и распространили его в 30 000 экземпляров в Германии и Англии.

Во время ноябрьской мобилизации подложные письма привели Виллиха в такой восторг, что он захотел революционизировать мир с помощью прусского ландвера. В наших руках находятся на этот счет чрезвычайно комичные документы и революционные проекты. В свое время они будут использованы. Прежде всего предполагалось истребить «писательские элементы» и должна была быть объявлена диктатура мобилизованных эйфельских крестьян. К несчастью, из этого ничего не вышло.

С тех пор эти великие люди, заключившие между собою союз и гарантирующие друг другу право на господство и бессмертие, тщетно выбиваются из сил, стараясь завоевать себе хоть какое-нибудь положение. Все напрасно. Им пришлось удовлетвориться тем, что среди всех произведенных в Германии обысков и арестов нет ни одного, который был бы вызван связями с ними.

Но зато мы довольны тем, что отделались от всей этой крикливой, путаной и бессильной лондонской эмигрантщины — и снова можем, наконец, беспрепятственно работать. Бесчисленные личные

подлости, совершаемые этой сворой, нам теперь совершенно безразличны. Мы всегда стояли выше этого сброда и при каждом серьезном движении обуздывали его; практические уроки после 1848 г. нас очень многому с тех пор научили, а спокойное время после 1850 г. мы должным образом использовали для дальнейшей зубрежки. Когда опять что-либо произойдет, у нас будет ряд новых преимуществ перед ними, и притом в таких областях, о которых они и не думают. Помимо всего прочего, у нас еще то огромное преимущество, что все они карьеристы, а мы нет. Непонятно, как после всего пережитого существуют еще такие ослы, высшие устремления которых не идут дальше того, чтобы на другой же день после первого победоносного восстания, — которое они называют революцией, — вступить в какое-нибудь правительство, а потом через какой-нибудь месяц оказаться растоптанными, скомпрометированными и отброшенными в сторону, как это случилось с Бланом и Флоконом в 1848 г. Представь себе правительство Шаппера — Геберта — Мейена — Гауде — Виллиха! К сожалению, эти бедняги никогда не получают такого удовольствия; они опять очутятся в хвосте и потому смогут лишь вызвать кое-какое смятение в мелких городах и среди крестьянства.

Что ты, собственно, делаешь в Женеве? Рассказывают, что ты стал супругом и отцом и в то же время состоишь в очень дружеских отношениях с Моисеем — из-за внимания к его супруге. Другие говорят, что все это чистая клевета, но, находясь от тебя на расстоянии десяти градусов широты, об этом трудно судить. Фрейлиграт также в Лондоне и издает новый том стихотворений. Веерт живет в Гамбурге и, подобно мне, до ближайшей потасовки ведет коммерческую корреспонденцию. Из своего испанского путешествия он ничего не привез с собой, — даже триппера. В этом месяце он, между прочим, приезжает в Лондон. Красный Вольф прошел через различные фазы ирландофильства, буржуазных настроений, сумасшествия и других интересных состояний и окончательно променял водку на виски с содой. Père [отец] Маркс ежедневно ходит в библиотеку и поразительным образом увеличивает как свои познания, так и свою семью. А я пью ром и воду, зубрю, возжусь с нитками и скучаю. Вот тебе резюме наших личных дел.

Так как аресты в Германии заставляют нас снова позаботиться об установлении связей и опять приняться за кое-какую заброшенную было работу, то ты непременно должен как можно скорее написать нам, как обстоит дело в Швейцарии. Итак, отвечай немедленно. Если тебе нужны еще какие-нибудь разъяснения, то укажи,

по какому пункту. Письма адресуй на мое имя — гг. Эрмену и Энгельсу, Манчестер, через Кале.

Твой Ф. Энгельс.

84.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру

в Цюрих.

[Лондон.] 2 августа 1851 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Вейдемейер!

Я только что получил от Энгельса твое письмо и спешу ответить тебе. Если уже невозможно удержать тебя здесь, то я, конечно, очень хотел бы, по крайней мере, повидаться и поговорить с тобой до твоего отъезда.

Но если уж ты решил ехать в Америку, то сейчас как раз наиболее благоприятный момент как для того, чтобы найти там средства к существованию, так и для того, чтобы принести пользу нашей партии.

Ты почти наверное получишь место редактора в нью-йоркской «*Staatszeitung*». Раньше это место предлагали Лупусу. Он прилагает здесь письмо к Рейхгельму, одному из собственников газеты. Вот и все о практических делах. Но не теряй времени.

Теперь другое. Г-н Гейнцен вместе с достойным Руге каждую неделю громит в нью-йоркской «*Schnellpost*», коммунистов, в особенности меня, Энгельса и др. Вся здешняя демократическая сволочь использует эту газету как яму для сбрасывания туда своих отбросов, на которых не произрастает, правда, ни злаков, ни плодов, но пышно расцветает чертополох. И, наконец, Гейнцен травит нью-йоркскую «*Staatszeitung*», а она не может справиться даже с этим противником.

Какую бы американскую политику ни вела «*Staatszeitung*», в области европейской политики у тебя будут руки развязаны. Гейнцен выдает себя там за великого писателя. Американская пресса будет довольна, если туда приедет человек, который даст по рукам этому наглому крикуну.

Если ты станешь редактором, мы окажем тебе в твоей работе всяческую поддержку. К сожалению, лондонским корреспондентом «*Staatszeitung*» состоит проходимец и осел Зейлер. Необходимо заткнуть глотку также и члену европейского правительства, Руге.

Твоя статья, направленная против Криста, хороша. Мне нечего в ней изменять, замечу только, что в фабричных районах

рабочие действительно женятся для того, чтобы выколачивать деньги из своих детей. Это прискорбно, но это факт.

Ты, конечно, понимаешь, что я нахожусь в очень печальном положении. Моя жена погибнет, если так будет долго продолжаться. Постоянные заботы, самая мелочная житейская борьба подтачивают ее силы. К этому еще присоединяется подлость наших врагов; они *ни разу* даже не пытались напасть на меня по существу и, мстя за свое собственное бессилие, распространяют обо мне невыразимые гадости и набрасывают тень на мою репутацию. Виллих, Шаппер, Руге и множество другой демократической сволочи специализировались на этом. Стоит только приехать кому-нибудь с континента, как сейчас же принимаются его обрабатывать, чтобы он в свою очередь занялся этим же делом.

Несколько дней тому назад «знаменитый» референдарий Шрамм встречается на улице знакомого и сейчас же начинает ему нашептывать: «к чему бы ни привела революция, все согласны, что Маркс погиб. Родбертус, у которого больше всего шансов на успех, сейчас же велит его расстрелять». И так ведут себя все. Я, конечно, смеюсь над всей этой мерзостью, и она ни на минуту не отвлекает меня от моей работы, но ты понимаешь, что на мою жену, которая хворает и с утра до вечера занята самыми безрадостными житейскими заботами и нервная система которой издергана, не очень-то благотворно действует, когда изо дня в день через глупых сплетников до нее доходят зловонные испарения чумной демократической клоаки. Бестактность, проявляемая в этом отношении некоторыми людьми, бывает прямо невероятна.

Впрочем, речь идет здесь не о партиях. Великие люди, несмотря на свои *мнимые* разногласия, занимаются здесь только тем, что взаимно подтверждают друг другу свою значительность. Ни одна революция не выбрасывала на поверхность подобного пустоголового сброда. Если ты будешь в Нью-Йорке, то зайди к А. Дана из «New York Tribune» и передай ему привет от меня и Фрейлиграта. Может быть, он окажется тебе полезным. Как только ты туда приедешь, немедленно напиши мне, как всегда, на адрес Энгельса, которому легче всего оплачивать почтовые расходы. Во всяком случае я жду, что ты мне еще напишешь несколько строчек, прежде чем отправиться за море. Когда приедет твоя жена, передай ей сердечный привет от меня и жены.

Если ты сможешь остаться в Нью-Йорке, ты будешь не так уже далеко от Европы, а поскольку в Германии печать совершенно подавлена, борьбу в печати можно вести только там.

Твой К. Маркс.

85.

Энгельс — Вильгельму Вольфу
в Лондон.

Манчестер, 6 августа 1851 г.

Дорогой Лупус!

Я сегодня же наведу здесь справки относительно г. Кендаля и завтра сообщу тебе, что я о нем узнал. Если я к нему отправлюсь немедленно, до того как он пришлет тебе ответ и даст тебе понять, что он на тебя рассчитывает, то это приведет лишь к тому, что он примет меня очень холодно и не скажет мне всего, что нужно. Эти джентльмены большие формалисты. Недавно Гайн просил места у этого же Кендаля и сослался на меня, тем не менее Кендаль не счел даже нужным навести у меня о нем справки. Если *после* этого эпизода я проявлю перед Кендалем слишком большую настойчивость, то это только повредит тебе. Как только получишь ответ от Кендаля, сообщи мне, что он пишет, — я сейчас же пойду к нему, разузнаю для тебя все и всячески постараюсь настроить этого человека в твою пользу. Конечно, если бы приказы Гассенпфлуга о твоём аресте отпали, тебе сейчас же предоставили бы работу. Но обойдется и без этого. Если бы я мог добыть для тебя здесь какое-нибудь место, это было бы превосходно, но, к сожалению, у меня слишком мало знакомых в этой области, и кроме того частных учителей берут здесь только для изучения новых языков, а лиц, знающих их, достаточно. Впрочем, я посмотрю, нельзя ли будет пустить в ход Уотса — парень принимает участие в просветительном движении и имеет теперь множество знакомств.

Твой Ф. Э.

На будущее время получше заклеивай конверты — твое письмо пришло ко мне почти открытым.

86.

Энгельс — Иосифу Вейдемейеру
в Цюрих.

Манчестер, 7 августа 1851 г.

Дорогой Вейдемейер!

Очень благодарен за твои сообщения. Я буду тебе очень обязан, если ты сообщишь мне дальнейшие сведения из книги Гофштеттера. Но мне казалось, что у тебя должны были остаться в памяти заглавия

некоторых руководств и разных военных пособий; мне особенно нужны самые обычные и распространенные сведения, — то, о чем спрашивают на экзаменах прапорщиков и лейтенантов и что поэтому во всех книгах предполагается заранее известным. Книгу Деккера я достал еще в Швейцарии в плохом французском переводе и без планов, но Маркс затерял ее, и ее вряд ли удастся найти. Атлас я себе достану, но мне нужна еще карта Венгрии. Я знаю, что австрийский генеральный штаб опубликовал несколько работ на эту тему. Сообщи, не годится ли для этого твоя карта и сколько она стоит. На худой конец она все же скорее может пригодиться, чем большой атлас Штилера. Что касается Бадена и в особенности баденско-швейцарской рейнской границы, то я сохранил достаточно хорошие карты их еще со времен кампании. Через Веерта, который сейчас снова живет в Гамбурге, я разужнаю цены и решу тогда, что купить. Но, повторяю, я буду очень рад, если ты доставишь мне еще какие-нибудь сведения.

Очень плохо, что ты уезжаешь в Америку. Но, по правде сказать, я не знаю, что иное можно тебе посоветовать, если в Швейцарии нет ничего подходящего. В Лондоне не легко устроиться, и Лупус еще ничего не нашел. Он сам ищет места, и я стараюсь достать ему здесь что-нибудь, но пока без успеха. По части музыки здесь огромная конкуренция. В конце концов от Англии, и особенно от Манчестера, Нью-Йорк не так уже далек: ведь пароходы регулярно совершают рейсы, находясь в пути между средой одной недели и субботой следующей; путешествие редко продолжается полные десять дней. В Нью-Йорке ты встретишь и маленького красного Беккера. Он был последнее время экспедитором «Arbeiter Zeitung», но там ли он еще я не знаю, так как давно уже ничего о нем не слышал. Его последний адрес был: 24 North Williamstreet, в верхнем этаже; если ты не знаешь его теперешнего адреса, то его наверное можно узнать у Льевра, отель Шекспира, или в «Staatszeitung». В Нью-Йорке очень много работы, и там очень нехватает постоянного представителя нашей партии, который был бы и теоретически подготовлен. Ты встретишь там очень различные элементы; наибольшей трудностью, с которой ты столкнешься, будет то, что немцы, которых можно использовать, которые чего-либо стоят, легко американизируются и теряют всякое желание вернуться на родину. Кроме того, приходится учитывать особенность американских условий — легкость отлива избыточного населения в деревню, неизбежно быстрый и все ускоряющийся рост процветания страны, благодаря которому буржуазный строй кажется им прекрасным идеалом и т. д. Те из тамошних немцев, которые мечтают о возвращении, это — по большей части

опустившиеся субъекты, извлекающие из революции выгоду à la Меттерних и Гейнцен. Наименее значительные из них наиболее жалки. Впрочем, ты найдешь в Нью-Йорке всю чернь имперского отечества. Я не сомневаюсь, что ты там сможешь остаться. Кроме Нью-Йорка сносным местом является только Сен-Луи; Филадельфия же и Бостон — ужасные захолустья. Было бы превосходно, если бы ты смог завоевать себе газету, в противном случае постарайся устроиться в нью-йоркской «Staatszeitung», которая относится к нам очень хорошо и европейские корреспонденции которой все время находились под нашим контролем.

Письма оттуда лучше всего посылать через меня. В таком случае почтовые расходы будут оплачиваться фирмой.

О казарме я мало что слышал, кроме того, что Виллих поссорился с этой бандой и вышел из казармы. Как пишет мне Маркс, остов армии будущего уничтожен, и Виллих очутился без Безансона. Какой ужас! Но этот Виллих не только дурак, но и подлый, вероломный, злобный человек; его злоба, поставленная на службу его колоссальнейшему и совершенно невероятному тщеславию и самопреклонению, не знает никаких границ. Я никогда еще не встречал такого изолгавшегося субъекта. Уверяю тебя, что я буквально ни разу не слышал от него ни одного правдивого слова. Ты не можешь себе представить, во что превратила этого человека навязчивая идея о том, что он именно и есть тот человек, военный, политический и общественно-организационный гений которого должен привести революцию к победе и полному завершению. Конечно, это безумие развивалось у него постепенно. Я считаю его способным решительно на всякую подлость, но я все же не думаю, что он на этот раз совершил прямое предательство. Гамбургская история объясняется иначе; предателем оказался не Брун — единственный тамошний агент Виллиха и Шапкера; говорят, что проболтался Гаупт, но я не могу этому поверить.

Этой шайке мы предоставляем, разумеется, делать все, что ей угодно, и вся ее деятельность ограничивается, конечно, хвастовством, измышлением сумасшедших планов и бранью по нашему адресу. Все это нам совершенно безразлично. Нам нет надобности следить за нею, — это делает за нас прусская полиция. В кабачке Шертнера, где они заседают, не произносится ни одного слова, о котором бы не доносили по начальству.

Во всяком случае напиши мне еще раз до своего отъезда. Сообщи мне название судна, с которым ты уезжаешь, тогда я смогу узнать по здешним газетам, когда оно прибудет в Нью-Йорк. Из Нью-

Иорка немедленно сообщи свой адрес. Адрес Маркса — 28, Deanstreet, Soho square, Лондон.

Сердечный привет.

Твой Ф. Энгельс.

Слышал ли ты что-нибудь о Дронке? Он все еще сидит в Женеве, и адрес его ты можешь узнать от Шустера.

87.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру

в Цюрих.

[Лондон,] 11 сентября 1851 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Вейдемейер!

Лупус написал по поводу тебя своему знакомому в «Staatszeitung». Скверно только то, что с недавнего времени там свил себе гнездышко господин Кинкель. Но произошла и хорошая вещь: газета Гейнца «New Yorker Schnellpost» была вынуждена объявить о своем банкротстве. Гг. Гофф и Капп пытаются сейчас основать новую газету на акционерных началах. Во всяком случае, сейчас наступил момент, благоприятный для газетных комбинаций.

Здесь великие люди окончательно рассорились. Эти субъекты ведут себя так, как будто они являются преемниками Александра и должны поделить между собой македонско-азиатскую империю. Что за чудачки!

Если бы у меня было здесь побольше знакомых, я постарался бы достать тебе место инженера-путейца или что-нибудь в этом роде. К сожалению, у меня нет никаких связей. А между тем, я убежден, что в этой области здесь можно найти работу. Плохо то, что все мы так нуждаемся в деньгах и что ты не имеешь средств, чтобы подождать здесь некоторое время и осмотреться. Но если тебе действительно удастся выполнить свой план насчет Нью-Йорка, то в случае революции ты, конечно, легче найдешь там средства для возвращения в Европу, чем мы для переезда отсюда.

И все-таки я ломаю себе голову над планами, как бы тебе устроиться здесь. Ведь если ты окажешься по ту сторону океана, кто поручится, что ты не затеряешься где-нибудь на дальнем Западе? А у нас так мало сил, и мы должны очень бережно относиться к имеющимся у нас способным людям.

Кроме того, для путешествия ты выбрал плохое, неудобное время. Впрочем, раз это необходимо, то ничего не поделаешь. Я убежден,

по крайней мере, в том, что, перебравшись туда, ты не будешь жить в такой нищете, в какой мы все здесь живем. А это ведь тоже надо принять в расчет.

Г-ну Мадзини также пришлось убедиться в том, что наше время— время распада «демократических» временных правительств. После ожесточенной борьбы меньшинство вышло из итальянского комитета. Это, вероятно, наиболее передовая часть.

Политику Мадзини я считаю в корне ложной. Побуждая Италию немедленно порвать с Австрией, он работает только в интересах Австрии. С другой стороны, он забывает, что ему следовало бы обратиться к крестьянам, к угнетаемой в течение столетий части Италии, и, забывая об этом, он подготавливает новую опору для контрреволюции. Г-н Мадзини знает только города с их либеральным дворянством и их «просвещенными гражданами». Материальные потребности итальянского сельского населения, из которого выжаты все соки и которое так же, как и ирландское, систематически доводилось до полного истощения и отупения, конечно, слишком низменны для парящих в поднебесьи фраз его космополитически-неокатолически-идеологических манифестов. Но, несомненно, нужно много мужества, чтобы заявить буржуазии и дворянству, что первый шаг к независимости Италии состоит в полном освобождении крестьян и в превращении испольной системы аренды в свободную буржуазную собственность. Мадзини, повидимому, считает, что заем в десять миллионов франков имеет более революционное значение, чем привлечение на свою сторону десяти миллионов людей. Я очень опасаюсь, что в критический момент австрийское правительство *само* изменит землевладение в Италии и проведет реформу «по-галицийски».

Передай Дронке, что я напишу ему через несколько дней. Сердечный привет тебе и твоей жене от меня и жены. Подумай еще раз, не сделать ли тебе попытку устроиться здесь.

Твой К. Маркс.

88.

Марке — Посифу Вейдемейеру

в Нью-Йорк.

Лондон, 16 октября 1851 г.
28 Deanstreet, Soho.

Дорогой Вейдемейер!

А. Чарльзу-Дана, одному из редакторов «New York Tribune», я написал сам и кроме того приложил письмо Фрейлиграта, в кото-

ром он тебя рекомендует. Поэтому тебе остается только пойти к нему и сослаться на нас.

Ты спрашиваешь меня о статистическом справочнике. Рекомендую тебе «The Commercial Dictionary» [«Коммерческий словарь»] Мак-Кэллока, 1845 г., так как в нем даются также и экономические объяснения. Есть и более новые работы, как, например, книга Мак-Грегора, статистические справочники которого, пожалуй, самые лучшие во всей Европе. Но они очень дороги. Ты несомненно найдешь их в одной из нью-йоркских библиотек. Мак-Кэллок же — это такое руководство, которое должен иметь у себя всякий пишущий в газетах человек. Специально для Англии можно порекомендовать еще: Портер, «The Progress of the Nation» [«Прогресс нации»], новое издание 1851 г.

Для истории торговли вообще: Тук, «History of Prices» [«История цен»], 3 тома, доведено до 1848 г. Для Северной Америки особенно рекомендую Мак-Грегора, который составил особую статистику Соединенных Штатов. Для Германии: Ф. Реден, «Vergleichende Kulturstatistik» [«Сравнительная статистика культуры»]. Для Франции — Моро.

У меня есть для тебя еще одно поручение. Бывшему немецкому, католическому священнику Коху, о котором ты можешь справиться в «Staatszeitung», где он время от времени пишет, я послал по его просьбе 20 экземпляров Манифеста (на немецком языке) и один экземпляр английского перевода, поручив ему напечатать это в виде брошюры вместе с предисловием Гарни, имеющимся в английском переводе. После этого г. Кох ни разу не дал о себе знать. Попроси его, во-первых, объяснить это весьма подозрительное молчание после его столь обстоятельного письма ко мне, во-вторых — возьми у него английский перевод и посмотри, нельзя ли выпустить его в виде брошюры, — иными словами, напечатать, распространить и продать. Само собой разумеется, что выручка, если таковая будет, достанется тебе, мы же претендуем для себя на 20 — 50 экземпляров.

Дронке приезжает сюда 23-го этого месяца.

Напиши поскорее. Привет от меня, моей жены и всех друзей тебе и твоей жене.

Надеюсь, что ты хорошо перенесешь морское путешествие и что твои дела в Соединенных Штатах пойдут хорошо.

Твой К. М.

89.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру
в Нью-Йорк.

Лондон, 31 октября 1851 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Вейдемейер!

Посылаю тебе второе письмо в Америку. После зрелого обсуждения этого вопроса с Лупусом я решил, что мы можем совместно провести одно дело. *Во-первых.* Старая «Neue Rheinische Zeitung» была мало распространена в Америке. Если бы тебе удалось раздобыть какого-нибудь буржуа или хотя бы получить необходимый кредит у какого-нибудь владельца типографии и торговца бумагой, то, мне кажется, было бы выгодно издать, — в форме маленьких книжечек, какие Беккер издавал в Кельне, — своего рода карманную библиотеку из статей «Neue Rheinische Zeitung»; например «Силезский миллиард» В. Вольфа, «Венгрию» Энгельса, мою «Прусскую буржуазию», некоторые из фельетонов Веерта и т. д. Если ты не можешь достать их там, то я пошлю тебе эти статьи отсюда, отобрав то, что наиболее подходит; тебе нужно было бы написать небольшое общее предисловие для этой «Карманной библиотеки «Neue Rheinische Zeitung», а также примечания или послесловие к отдельным томикам, если ты сочтешь это нужным.

Во-вторых. В такой же форме и с такими же пояснениями ты мог бы издать мои и Энгельса статьи против К. Гейнца, появившиеся в «Deutsche Brüsseler Zeitung». Я думаю, что они очень хорошо разойдутся.

Прибыль, оставшуюся за вычетом издержек производства, мы поделим.

В-третьих. Из Америки я получил ряд запросов и поручений относительно вышедших 6 номеров моего Revue, но ни на какие сделки не пошел, не доверяя тамошним мошенникам. Ты мог бы дать объявление, что эти журналы можно получить у тебя, но, разумеется, необходимо иметь приличное число заказов, прежде чем отправлять их отсюда.

В-четвертых. В маленькую библиотеку, о которой я говорил выше, ты мог бы, да и мы тоже, включать в подходящий момент написанные нами злободневные памфлеты. С коммерческой точки зрения, надежнее и удобнее, однако, начать с готового уже, имеющегося налицо материала. В маленьком предисловии и послесловии ты мог бы вести необходимую полемику направо и налево.

Итак, я предлагаю тебе сделаться книгоиздателем. Для этого требуется меньше, чем для газеты, а между тем, политически ты достиг бы той же цели. Ты будешь избавлен от долгих, требующих массы времени подготовительных работ, связанных с газетой. Я думаю, что если ты должным образом изложишь этот план Рейху, у которого есть деньги, то он согласится вести это дело вместе с тобой.

Моя семья, а также Фрейлиграт, Лупус и др. шлют сердечный привет твоей семье.

Твой *К. Маркс*.

90.

Маркс — Адольфу Клуесу

в Вашингтон ¹.

[Лондон, конец ноября 1851 г.]

Один из наших лучших друзей, Иосиф Вейдемейер, прибыл теперь в Нью-Йорк. Тотчас же свяжись с ним. Я еще не знаю его адреса, но если ты пошлешь письмо в «*Staatszeitung*» или «*Abendzeitung*», он его наверное получит. Он может сообщить тебе о всех партийных делах. Среди нью-йоркской эмиграции он будет тебе полезен, а ты сможешь помочь ему устроиться в Америке. Нап.ши ему, что это я предложил тебе связаться с ним.

91.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру

в Нью-Йорк.

[Лондон,] 19 декабря 1851 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Вейдемейер!

Третьего дня я получил через Энгельса твое письмо.

Прежде всего наилучшие новогодние пожелания тебе и твоей жене. Такие же пожелания и от моей жены.

Сейчас я сижу и работаю над статьей для тебя. Твой заказ пришел слишком поздно и потому я не могу сегодня же выполнить его. Во вторник (23 декабря) тебе будет послано отсюда: «18 брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса, «Государственный переворот во Франции» Ф. Вольфа, «Немезида» Вильгельма Вольфа. *Энгельс* пришлет тебе свою статью — кажется о Пруссии — может быть, уже с сегодняшней

¹ Цитата из письма Маркса, приведенная в письме Клуеса к Вейдемейеру от 10 декабря 1851 г.

почтой. У *Фрейлиграта* еще ничего не готово, но он разрешает тебе указать его имя в качестве одного из твоих сотрудников.

С *Веертом* ведутся переговоры. С *Эккариусом* тоже.

Ты можешь теперь обосновываться в Соединенных Штатах по крайней мере на год. 2 мая 1852 г. «это» не начнется.

Я думаю, что тебе следует подождать с выпуском первого номера до прибытия вышеуказанных статей. Разница ведь всего в 5 дней. Ты можешь объявить, что в дальнейших номерах будет печататься непрерывно отдельными статьями моя работа: «Новейшие откровения социализма, или общая идея революции XIX столетия П. Прудона. Критика К[арла] М[аркса]».

Сейчас же напиши Адольфу Клуссу, M. S. Navy Yard Вашингтон D. C. Мы ему уже писали о тебе. Это один из наших лучших и талантливейших людей; он может быть вообще тебе очень полезен, и в особенности в деле основания и распространения твоей газеты.

Не забудь сделать следующее:

Пойди к Дана; возьми те номера «*Трибуна*», в которых появились мои статьи, и немедленно пошли их мне. Я не получал от него никаких известий и потому перестал писать. Работа была прервана так надолго, что я должен посмотреть газету, прежде чем продолжать писать, а писать я должен хотя бы из-за денежных соображений.

Как только появится твоя газета, ты должен не только регулярно посылать ее нам, но и присылать достаточное число экземпляров для рассылки в виде пробных номеров.

Весь твой *К. Маркс*.

Если ты еще не связал себя договором, не покупай у злосчастного Вейтлинга его «*Arbeiterrepublik*». Сделав это, ты, может быть, приобретешь двести подмастерьев (*Straubinger*), но зато потеряешь широкие круги читателей. Никогда не следует выступать под старым названием. Это — общее правило.

92.

Маркс — Фердинанду Фрейлиграту

в Лондоне.

[Лондон,] 27 декабря 1851 г.

28, Deanstreet, Soho.

Мавританский князь!

При сем — письмо Эбнера.

Сегодня я снова получил письмо от Вейдемейера. Он, между прочим, пишет: «На этих днях сюда прибыл посланец лондонского «Агитационного союза», чтобы противодействовать займам Кинкеля. Эти

господа, вероятно, воображают, на том основании, что кучка беженцев наделала много шума из ничего, что здесь в Америке все делятся на кинкельянцев и антикинкельянцев. Кошутовская сенсация давно заставила забыть о Кинкеле, и несколько тысяч, которые ему удастся собрать, право, не стоят стольких разговоров.

Продажу «Revue» я тебе здесь во всяком случае могу устроить. Некоторое количество новых стихов Фрейлиграта здесь также можно было бы поместить».

После того как Вейдемейер еще раз нажал на нас, он пишет: «Но прежде всего пришли какое-нибудь стихотворение Фрейлиграта: они больше всего привлекают». Прими это близко к сердцу и создай новогоднюю песнь в честь Нового Света. При нынешних обстоятельствах, мне кажется, легче писать в стихах, чем в прозе, будь то в патетическом или в юмористическом духе. Если бы ты когда-нибудь вздумал претворить в художественную форму юмор, свойственный твоему африканскому величеству в частной жизни, то я уверен, что ты сыграл бы роль также и в области этого жанра. Твоя жена правильно заметила, что в тебе очень много скрытого лукавства.

Я переслал бы тебе письмо В[ейдемейера], но мне надо прежде показать его Энгельсу, который, вероятно, пробудет здесь до четверга; он надеялся в прошлый вторник найти тебя в лоне «синагоги».

Общество переехало на Farringtonstreet, City, Market House, винная торговля В. И. Мастерс. Заседания будут происходить отныне по четвергам, в 9 часов. Общество считает, — и не без основания, — что его новое помещение находится в твоём районе.

Рэссель принял отставку Пальмерстона, 1) чтобы перед лицом Бонапарта разыграть роль конституционного героя и 2) чтобы сделать уступку России и Австрии. Я не разделяю того мнения, что этот факт может прежде всего оказать влияние на судьбу эмигрантов вообще и на нашу судьбу в частности; однако я вижу в нём предвестника очень беспокойного в политическом отношении года для Англии. По словам Энгельса, торговцы из Сити также разделяют наш взгляд на то, что кризис, задержавшийся благодаря различного рода событиям (между прочим и благодаря политическим опасениям, прошлым высоким ценам на хлопок и т. д.), разразится не позднее ближайшей осени. А после последних событий я более, чем когда-либо, убежден, что без торгового кризиса не будет и серьезной революции.

Я и моя семья шлем тебе и твоим привет.

С благоговением *Мавр.*

1852 год.

93.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру
в Нью-Йорк.

[Лондон,] 1 января 1852 г.

Дорогой Вейвей!

С Новым годом! Поздравь от меня с женой твою жену. Статью я смог послать тебе только теперь, так как работе мешали не только нагромождающиеся события, но и в еще большей степени мои частные дела. Отныне — регулярность.

Лупус серьезно заболел и потому до сих пор еще ничего не мог тебе послать. Статью красного Вольфа я счел непригодной и потому не послал ее.

В том случае, — *надеюсь, что этого не будет*, — если вследствие денежных обстоятельств тебе придется на более или менее долгое время отложить свое предприятие, передай статью Дана, чтобы он перевел ее на английский язык для своей газеты. Впрочем, я надеюсь, что в этом не будет необходимости.

Передай Дана привет от меня. Скажи, что я получил его газеты и его письмо и на будущей неделе пошлю ему новую работу. Что касается номеров «*Review*», то я прошу тебя написать мне, на какой, примерно, сбыт, по твоему мнению, я могу рассчитывать в Америке. Здесь, под рукою, у меня их нет, мне надо получить их из Гамбурга, а это связано с известными затруднениями денежного характера.

Я буду посылать тебе отсюда «*Notes to the People*» [«Письма к народу»] нашего друга Эрнеста Джонса, наиболее влиятельного вождя английской партии. Они будут для тебя настоящим кладом, так как помогут заполнить пробелы твоей газеты. Вышли мне сейчас же и посылай в дальнейшем несколько экземпляров твоего еженедельника.

Привет и братство.

Твой *К. Маркс*.

Вчера я всячески приставал к Фрейлиграту, и он пообещал мне состряпать для тебя стихотворение на тему о последних событиях.

94.

Женни Маркс — Иосифу Вейдемейеру

в Нью-Йорк.

[Лондон, около 10 января 1852 г.]

Дорогой господин Вейдемейер!

Мой муж всю эту неделю очень болен и большей частью лежит в постели. Несмотря на это, он умудрился закончить прилагаемое продолжение своей статьи, так как не хотел, чтобы произошел перерыв в ее печатании, если к нему действительно приступили. От Клусса—с которым Вы, надо надеяться, уже установили связь, так как в нем Вы найдете ценную во всех отношениях опору,—мы получили из Вашингтона несколько дней тому назад письмо, которое еще раз подтверждает безмерную подлость Кинкеля. Этот лицемер самым бесстыдным образом льстит друзьям Карла и пишет им, будто «он настаивал на том, чтобы завязать связь с Марксом и наиболее деятельными членами его партии» (что является чистой ложью), и в то же время старается самым вероломным образом набросить тень на личную репутацию моего мужа и на основании живых напештываний Виллиха рассказывает гнусные истории о нем и его друзьях. Карл сейчас слишком слаб, чтобы писать Вам, и потому просит меня передать, что Вам следовало бы написать в Вашей газете о наших бедных кельнских друзьях, тем более, что партия Кинкеля, заодно с придворными писателями и шавками из «Litographische Kogrespondenz», сознательно замалчивает их существование и все их страдания. Это тем более подло, что Кинкель обязан своей популярностью главным образом Беккеру, Бюргерсу и их тогдашнему органу¹. И вот эти люди изнывают в тюрьмах, с ними отвратительно обращаются, и теперь им приходится отсиживать еще лишних 3 месяца, а «великие люди будущего», загибают, между тем, тысячи во имя революции и уже распределяют будущие правительственные посты.

Как чувствует себя Ваша милая жена после ужасного путешествия? Что подделывают Ваши ребята? Акклиматизировались ли Вы все хоть немного?

Но время не терпит. Я должна поскорее отнести письмо на почту. Надеюсь, что моему милому Карлу конец статьи написать будет легче.

Всего лучшего.

Ваша Женни Маркс.

Лупусу опять стало лучше. Он тоже скоро что-нибудь придет, так же как и Энгельс. Веерту тоже послано настойчивое требование. Красный Вольф женился, и так как у него сейчас медовый месяц, то он пока еще не может ничего Вам дать.

¹ «Westdeutsche Zeitung».

95.

Марке — Иосифу Вейдемейеру
в Нью-Йорк.

Лондон, 16 января 1852 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Вейдемейер!

Я сегодня впервые за две недели встал с постели. Из этого ты видишь, что мое недомогание, которое и сейчас еще не вполне прошло, было серьезно. Поэтому при всем желании я не мог на этой неделе послать тебе третью часть моей статьи о Бонапарте.

Зато я прилагаю к этому письму стихотворение и письмо Фрейлиграта. Я попрошу тебя о следующем: 1) Распорядись отпечатать стихотворение потщательней, — между отдельными строфами должны быть надлежащие промежутки, и вообще при печатании не надо жалеть места. Стихи очень теряют, если они печатаются с небольшими промежутками и нагромождаются друг на друга. 2) Напиши Фрейлиграту дружеское письмо. Не скупись и на комплименты, так как все поэты, даже наилучшие, до известной степени куртизанки — им нужно льстить, чтобы заставить их петь. Наш Ф[рейлиграт] в частной жизни милейший и совершенно непритязательный человек, скрывающий под своим искренним добродушием весьма тонкий и насмешливый ум; пафос его «правдив», но это не делает его «некритическим» и «суеверным». Он настоящий революционер и вполне честный человек, — похвала, которой я могу удостоить лишь немногих. Тем не менее, поэт — каков бы он ни был как человек — нуждается в одобрении и преклонении. Я думаю, что это свойство самой породы. Все это я говорю, чтобы обратить твое внимание на то, что при твоей переписке с Фрейлигратом ты не должен упускать из виду разницы между «поэтом» и «критиком». Кроме того, это очень любезно с его стороны, что свое поэтическое письмо он адресовал непосредственно тебе. Я думаю, что это послужит для тебя некоторым подкреплением в Нью-Йорке.

Не знаю, смогу ли послать тебе сегодня еще одну статью. Пипер обещал мне статью для тебя. До настоящего момента он еще не появлялся, а если и появится, то статье еще придется выдержать испытание — должна ли она полететь в огонь или достойна совершить путешествие через океан.

Я слишком еще слаб, чтобы продолжать писать. Ровно через неделю напишу больше. Общий привет от нашей семьи твоей семье.

Лупус также еще не вполне оправился и поэтому ничего не прислал.

Твой *К. Маркс*.

Между прочим. Прилагаю еще «заявление» одного из членов нашего Союза, которое надо поместить мелким шрифтом в отделе объявлений или в самом конце твоей газеты.

Дело Даниэльса, Беккера и др. не слушалось и на январской сессии под тем предлогом, что следствие настолько трудно, что его приходится начинать с начала. Они сидят уже девять месяцев.

96.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру

в Нью-Йорк.

[Лондон,] 23 января 1852 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Вейдемейер!

К сожалению, мое нездоровье не позволяло мне написать тебе, вернее — для твоей газеты на этой неделе. Я с трудом состряпал статью для Дана, который ничего не получал от меня в течение более чем шести недель. Уже давно ничто, даже последний французский скандал, так не обессиливал меня, как этот проклятый геморрой. Зато теперь я буду лучше себя чувствовать, хотя и было очень тяжело оказаться в течение месяца насильственно отрезанным от библиотеки.

О 18 брюмера ты получишь теперь еще две статьи; первая из них будет отправлена во что бы то ни стало в ближайшую пятницу, а вторая последует тотчас же за нею, а может быть и одновременно с первой.

Прилагаю статью Пипера.

Что касается Лупуса, то я так пристал к нему, что он, кажется, решил набросать для твоей газеты ретроспективный обзор венгерской карьеры Кошута. Ты совершил две ошибки: во-первых, в своем объявлении ты не назвал имя Лупуса наряду с нами, а во-вторых, ты не прислал ему *особого приглашения*. Это последнее обстоятельство заглядь письмом, в котором ты попросишь его писать статьи. Ты можешь вложить его в письмо, адресованное мне. Ни один из нас не умеет писать так популярно, как он. Он чрезвычайно скромнен. Тем более следует избегать всего, что могло бы подать ему повод думать, что его сотрудничество считают излишним.

Вследствие того, что я живу далеко от Фрейлиграта, а также потому, что статью П[ипера] я получил в последний момент перед отходом почты, мы сегодня были вынуждены послать тебе не одно письмо, а *два*. В дальнейшем мы будем этого избегать.

Прилагаю еще заявление моего друга *Пфендера* (Бауэр уже не состоит в нашем Союзе). Ты должен напечатать его, так как направленное против него заявление общества на Windmillstreet было помещено как в европейских, так и в *американских* газетах. Было бы хорошо, если бы, напечатав это заявление, ты тут же прибавил, что оно содержит *только то*, что может быть опубликовано *при существующих ныне полицейских условиях* (расчеты между Бауэром и Пфендером, с одной стороны, и старым Союзом — с другой, контроль над употреблением этих денег со стороны *Центрального комитета*, в котором мы составляли большинство, — все это вещи, о которых, конечно, писать *еще* нельзя). Напиши также, что старая сплетница и «Confusius» [«путаник»] европейской демократии—Арнольд Винкельрид Руге, рассчитывая на сугубую осторожность, которую мы должны соблюдать в Германии по политическим соображениям, и намекая на все эти истории с Пфендером и Бауэром, которые сам он слышал только из третьих или четвертых рук, старался возбудить в публике подозрения против *меня* и *Энгельса*, хотя мы к этому делу никакого отношения не имели. Действуя в том же духе, этот осел заявил, что нас будто бы выбросили из Windmillstreet, между тем как *мы сами заявили о выходе* из этого общества; намек на это есть и в письме Пфендера.

Ты можешь также сообщить, что в Лондоне образовалось *новое рабочее общество* под председательством *Штехана*, которое будет одинаково далеко держаться от «Эмиграции», «Агитации» и Great Windmill и будет иметь серьезное направление.

Ты понимаешь, дорогой мой, что общество это принадлежит нам, хотя мы посылаем в него только нашу молодежь; я имею здесь в виду не наших рабочих, а наших *«образованных людей»*. Рабочие входят туда все.

Штехан отличается известной бюргерской солидностью и свойственной мелкому хозяйчику неустойчивостью, но он способен к развитию и имеет большое влияние на севере Германии. Поэтому я ему тоже предложил посылать тебе статьи. Понемногу мы вытолкнули его на передний план, чего он очень хотел бы избежать, и поставили его лицом к лицу с противоречиями, которые он охотно бы замазал. Виллих предложил ему гарантировать заем Кинкеля, но он отказался. Сначала Шаппер-Виллих приняли его с восторгом и натравливали

его на нас, но благодаря своей здоровой натуре он легко распознал грязь и пустоту этих субъектов и всей их свиты. Таким образом, он открыто порвал с этой сволочью (при известной поддержке Лохнера и других помощников, которых мы незаметно для него ему дали).

А. Генце — наш ли это Генце из Гамма? Если это он, то я ему напишу, потому что Виллих несомненно сделал все, чтобы оклеветать меня перед ним. Негодяй!

Сердечный привет от нашей семьи твоей.

Твой *К. Маркс*.

Я посылаю *сразу* много материала для брошюр и т. п., а также «Notes» Джонса. Посылать все это в отдельности — слишком дорого. «Northern Star» находится уже не в руках О'Коннора, а в руках чартистской группы, которая тайно связана с партией финансовой и парламентской реформы.

97.

Энгельс — Посифу Вейдемейеру
в Нью-Йорк.

Манчестер, 23 января 1852 г.

Дорогой Вейдемейер!

Надеюсь, что за это время ты уже получил мое первое письмо, которое я сдал на почту 18 или 19 декабря, когда отходил пароход «Африка». Там была наскоро написанная статья и так же наскоро написанное письмо. Ты должен был бы получить его не позднее 5-го числа, но, может быть, оно пошло только со следующим пароходом. После этого на прошлой неделе я послал тебе с «Ниагарой» статью без письма; сомневаюсь, однако, во-время ли я ее отправил. Если статья опоздала, то она придет — вместе с настоящим письмом — с «Европой», и тогда у тебя будет материал в запасе. От Маркса ты уже, верно, многое получил, от Фрейлиграта — стихотворение, направленное против Кинкеля, и, может быть, кое-что от Лупуса и Пипера. Веерт сейчас очень занят, и положение его в Бредфорде (Йоркшир) не очень прочное; он обещал все же прислать кое-что с ближайшим пароходом. Завтра я увижусь с ним и еще раз пристану к нему, чтобы он выполнил свое обещание. В результате основательной попойки во время моего приезда в Лондон на Новый год Маркс, к сожалению, две недели серьезно проболел, а я также не мог до прошлой недели работать, вначале из-за того, что провел две недели в Лондоне, а затем из-за различных других препятствий. Теперь я надеюсь регулярно каждую неделю посылать тебе

что-нибудь. В следующий раз для разнообразия пришлю, может быть, какой-нибудь фельетон.

Пока я прочно засел в Манчестере, — к счастью, я занимаю весьма независимое и во многих отношениях выгодное положение; Маркс и прочие друзья иногда приезжают ко мне из Лондона, и пока Веерт живет в Бредфорде, мы регулярно ездим друг к другу, так как путешествие по железной дороге продолжается всего два с половиной часа. Но он, по всей вероятности, уедет, — он не выдержит жизни в бредфордском свиномане, да и вообще у него нехватает спокойствия, чтобы высидеть годок на одном месте. Я рассчитываю поехать в Соединенные Штаты или будущим летом, или — если тем временем не наступит никаких политических перемен — летом следующего года. Я хочу посетить штат Нью-Йорк и особенно Нью-Орлеан. Но это зависит не от меня, а от моего старика, а также от состояния хлопкового рынка.

Пятьдесят номеров Rev[olution]¹ — слишком много, и это, вероятно, будет стоить огромных денег, каждый раз не меньше четырех шиллингов. Ввиду всеобщих арестов, разгрома и т. д., а также ввиду немецких законов о печати, здесь можно рассчитывать только на небольшое число подписчиков, а в Германии — разве только в Гамбурге, да и то всего на несколько человек. Поэтому с рассылкой пробных номеров ничего не выйдет. Пересылка газет бандеролью, отдельными экземплярами или по несколько экземпляров вместе, стоит 1 пенс (2 цента) за лист. 4 экземпляра посылай мне, а 6—8 непосредственно в Лондон, так как в противном случае мне снова придется отправлять их отсюда в Лондон, а такие крупные почтовые расходы нельзя ставить в счет фирмы. Мы обойдемся 10—12 номерами, и если окажется, что можно набрать здесь подписчиков, то в Лондоне можно будет организовать настоящее агентство и послать на его адрес разом в одном пакете все прошлые номера, чтобы иметь полный комплект. Я сговорюсь с лондонцами по этому поводу, и мы посмотрим, что можно предпринять.

Во Франции дела идут превосходно. Вчера вечером «Patrie» сообщила, что сегодня в «Moniteur» будет объявлено об учреждении полицейского министерства для Мопа. Де-Морни, который вместе с Фульдом и другими защищал в кабинете материальные интересы буэжуазии (но не ее участие в политической власти), полетит, и начнется господство чистых авантюристов Мопа, Персиньи и К^о. Тогда наступит время императорского истинного социализма. Первой социалистической мерой будет конфискация имущества Луи-Филиппа,

¹ Газета Вейдемейера.

так как акт, которым он 6 августа 1830 г. передал свое имущество детям, вместо того, чтобы по старому обычаю подарить его государству, является юридически недействительным. Конфискации подлежит также и та часть имущества Конде, которая должна перейти по наследству герцогу Омальскому. Если события будут развиваться достаточно быстро, то известия об этом привезет уже ближайший воскресный пароход. В южных департаментах за инсургентами еще и сейчас охотятся, как за дикими зверями.

Единственная пресса, из которой сейчас можно черпать известия о французских делах — это английская пресса, а иногда аусбургская «Allgemeine Zeitung». Лучше всего осведомляет о Франции лондонская «Daily News», которую я тебе поэтому особенно рекомендую. «Tribune» выписывает ее, да и в других местах ты сможешь ее получить; самому выписывать ее слишком дорого. В коммерческих районах города ты легко достанешь ее в кафе.

Дронке, вероятно, скоро навестит тебя; я слышал, что всех, кто должен покинуть Швейцарию, отправляют через Францию, но не в Англию, а в Америку. Дронке теперь придется уехать; он, вероятно, скрывается, так как о нем ничего не слышно.

Бывший баденский артиллерист и пивовар Гнам, который поехал на одном корабле с Гейнценом, очень славный парень. С ними поехал также студент Ротаккер из баденского Оберланда; он был хорошим малым, но мог измениться и, кроме того, он опасен своей страстью к стихоплетству. Маленький Шиккель из Майнца, адрес которого тебе может дать Клусс (он живет в Аллегани), будет усердно работать для «Rev[olution]». Пожалуйста, передай ему мой сердечный привет. Это можно сделать через Клусса.

Вот еще некоторые дополнительные пункты к замечаниям о возможности вторжения в Англию, которые уяснят тебе дело:

1) Всякий десант к западу от Портсмута рискует быть загнанным в угол Корнуолла, — следовательно нецелесообразен.

2) Всякий десант, высаженный значительно севернее или слишком близко от Дувра, рискует между Темзой и морем подвергнуться такой же опасности.

3) Первая цель операций — Лондон и Вульвич. Необходимо выделить отряды против Портсмута и Ширнеса (Четэм). Надо иметь сильный гарнизон в Лондоне и сильные отряды между побережьем и Лондоном. При десантной армии в 150 тысяч человек на это дело придется выделить по крайней мере 60 тысяч (да и то недостаточно). Следовательно с 90 тысячами человек можно будет продвигаться вперед.

4) Вторая цель операций — Бирмингам (там расположены оружейные заводы). Надо обеспечить область к югу от Бристольского канала и от Уоша, следовательно линию от Глостера до Линн Реджис и, кроме того, сильный удар на Бирмингам. Как бы слаба и разбита ни была армия противника, я считаю, что справиться с ней при помощи 90 тысяч человек будет невозможно. Но если бы даже это удалось, то этим самым еще не были бы обеспечены прочные оборонительные позиции, особенно если начнут действовать английские морские силы. Линия эта слишком длинна и слишком слаба. Поэтому придется снова двигаться вперед.

5) Третья цель операции — Манчестер. Необходимо обеспечить за собой всю местность к югу от Мерси (или Риббль) и Эр (Хембер) и удержать эту линию. Она короче и удобнее для защиты; но зато силы будут очень ослаблены благодаря выделению отдельных отрядов. Так как в руках обороны остается достаточная территория и достаточные средства, придется снова реорганизоваться и либо двигаться вперед, либо вскоре отступить назад.

6) Первая линия, которую можно удержать в чрезвычайно узкой северной части Англии, — либо линия Тисс, либо, еще лучше, линия Тайн, от Карлейля до Нью-Кэстля (линия римской стены, воздвигнутой против пиктов). Но в этом случае в руках обороняющихся все еще остаются сельскохозяйственные, промышленные и коммерческие ресурсы Нижней Шотландии.

7) Завоевание *собственно Англии* может считаться окончательно завершенным, *хотя бы и временно*, лишь в том случае, если будут взяты Глазго и Эдинбург, если защитники будут отбросены в горы и если будет занята превосходная, короткая, сильная и достаточно обеспеченная с тылу железными дорогами линия между Клайдом и Ферс-оф-Форс. Но настоящие трудности — трудности сохранения армии — начнутся после завоевания, так как сообщение с Францией будет *наверняка* отрезано.

Сколько же людей потребовалось бы при таких условиях для того, чтобы завоевать всю страну от Дувра до Клайда и обеспечить на Клайде достаточно сильный фронт?

Мне кажется, 400 000 было бы не слишком большой цифрой.

Эти соображения слишком детальны для газеты, и я излагаю их тебе только как профессионалу. Посмотри на карту Англии и скажи мне, что ты об этом думаешь. Это та сторона вопроса, которая совершенно упускается из виду англичанами.

Почта отправляется. Я заканчиваю. Передай привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

98.

Маркс — Фердинанду Фрейлиграту

в Лондоне.

[Лондон,] 26 января 1852 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Фрейлиграт!

Строфа, которую ты мне прислал на просмотр, очень хороша и художественно выражает существо дела, но мне кажется, что она повредит впечатлению от всего стихотворения в целом. Прежде всего, разве Кинкель *действительно* «германский поэт»? Я да и множество других добрых людей позволяем себе несколько усомниться в этом. А существенное противопоставление «германского поэта» «торговому» Вавилону — разве оно не ослабляется тем, что «свободный» поэт затем снова противопоставляется «раболопствующему»? Тем более, что в самом «Андерсене» уже исчерпывающе обрисовано отношение надменного *литуратора* к миру, противостоящему «поэту». Так как внутренней необходимости притягивать Кинкеля в данном случае нет, то это упоминание дало бы только повод противникам представить его как выражение личного раздражения или соперничества. Но так как строфа очень удачна и жалко ее не использовать, то ты, — если ты только согласишься с высказанным мною мнением, — найдешь конечно, случай вставить ее в другой связи в одно из следующих твоих писем в стихах. Да и рисунок чудесный.

Энгельс и Веерт не вернули копию твоего первого стихотворения, которую я им послал, так что красному Вольфу я вчера мог сообщить лишь несколько уцелевших у меня в памяти отрывков. Этого оказалось, однако, достаточно, чтобы вызвать свойственный ему взрыв энтузиазма.

Что касается нашего друга Эбнера, то он безусловно получил письма Пипера. Лучшее доказательство этому то, что у Пипера есть ответ от него. К тому же Пипер на-днях опять послал ему подробное письмо и объяснил мое молчание недомоганием.

Я получил письмо от Бермбаха строк в тридцать. Он спрашивает, почему я так давно не писал. Ответ очень прост. Я посылаю в Кельн письма величиной чуть не в полпечатного листа, а в ответ, через очень продолжительный срок, получаю несколько строчек, в которых никогда нет ответов на мои вопросы; например, о здоровье Даниэльса и т. п. — ни слова. Ты получишь письмо Бермбаха, как только оно вернется из Манчестера. Энгельс использует его для статей в английских газетах. Единственно важное во всем письме

следующее: уголовная палата, принимая во внимание, — заметь себе хорошенько! — «что состава преступления не установлено и обвинение, таким образом, является необоснованным», — постановляет начать следствие *с начала*. Итак, прежде всего, на основании пустого предположения ты должен отсидеть девять месяцев; затем оказывается, что для твоего сиденья нет никаких законных оснований. В итоге: ты должен продолжать сидеть, пока следователь не будет в состоянии представить обвинению «состав преступления», а если такового не найдется, то ты можешь сгнить в тюрьме.

Нельзя себе представить более бесстыдную трусость. Главная вина падает на подлую «прессу», которая не говорит ни слова. Несколько статей в «Kölnische Zeitung», «Nationalzeitung», и «Breslauer Zeitung» — и кельнская уголовная палата не рискнула бы на такие штуки. А эти собаки демократы и либералы ликуют по случаю устранения их коммунистических противников. Разве мы не выступали в защиту Темме и всякой иной демократической сволочи, когда у них возникали конфликты с полицией или судами? А Кинкель, из которого Беккер сделал человека и которого Бюргерс приютил¹, в благодарность за это ни разу не упомянул о них в «Lithographische Correspondenz», которую он питает американскими деньгами. Канальи!

Если бы я знал какой-нибудь надежный буржуазный адрес в Кельне, я бы написал госпоже Даниэльс и попытался успокоить ее относительно политической ситуации. Из того, что сообщил мне Пипер, видно, что каждый успех контрреволюции используется «честными буржуа», чтобы запугивать и раздражать ее.

Прилагаю при сем записку мисс Женни мастеру Вольфгангу.
Привет.

Твой *К. Маркс*.

99.

Маркс — Посифу Вейдемейеру
в Нью-Йорк.

[Лондон,] 30 января 1852 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Вейдемейер!

При сем прилагаю следующее:

1) Продолжение моей статьи.

2) Статью Эккариуса, в которой тебе самому придется исправить грамматические ошибки и привести в порядок знаки препина-

¹ Игра слов: «den Becker gebacken und Bürgers geborgen hat».

ния и т. п., потому что он принес статью слишком поздно и я не смог ее выправить.

3) Перевод интересной статьи из «Times», сделанный Лупусом. Но он не хочет, чтобы его фамилия упоминалась, так как это только перевод.

Как обстоит дело в Америке с немецкими издательствами? Не найдется ли там издателя для моей Политической экономии, раз в Германии дело не удается?

Привет.

Твой *К. Маркс.*

100.

Энгельс — Носифу Вейдемейеру

в Нью-Йорк.

[Манчестер,] пятница, 30 января 1852 г.

Дорогой Вейдемейер!

С пароходом, отпльвшим в прошлую субботу (кажется, «Европой»), я послал тебе статью и письмо. Пишу еще несколько строк. Обещанные номера «Revolution» до сих пор еще не получены, хотя твое последнее письмо от 5 января внушало уверенность, что их можно ожидать с ближайшим пароходом. Между тем, сюда пришли 3 ливерпульских и 1 саусгемптонский пароход, привезшие почту из Нью-Йорка по 17 января. Надеюсь, что у тебя не возникло никаких затруднений, помешавших выходу журнала. Во всяком случае надеюсь получить от тебя известие с ближайшим пароходом «Камбрия» (выходит из Бостона 21 января), который будет здесь в понедельник 2 февраля.

Мои ожидания насчет конфискации имущества Луи-Филиппа и образования министерства Персиньи подтвердились скорее, чем можно было ожидать; известие об этом, при хорошо налаженной информации, должно было через ливерпульские газеты попасть в Нью-Йорк одновременно с моим письмом; едва мое письмо было отослано, как сюда пришло телеграфное сообщение об этом событии. Тем лучше, — дела идут великолепно, а будут итти еще лучше.

Веерт снова пустился в путешествие. Он едет в Голландию, Францию, Швейцарию и т. д. и сейчас уже вероятно в Лондоне. Я писал Марксу, чтобы он нажал на него и заставил его прислать тебе несколько вещей. Но у него вряд ли будет свободное время для этого. Если целый день приходится бегать от одного голландского еврея к другому, предлагая им шерстяную и льняную пряжу,

то вечером в отеле трудно приняться за подобные писания. Все же то, что можно из него извлечь, Маркс, конечно, получит.

Внезапное затишье эмигрантских сплетен, наступившее в связи с новым оборотом французских событий, поистине комично. Обо всей этой чепухе больше ни слова не слышно.

Кельнские заключенные находятся в очень тяжелом положении. Так как против них решительно никаких данных нет, то уголовная палата решила не выпускать их на свободу и не предавать суду присяжных, а отослать дело обратно прежнему следователю для нового дознания. Другими словами, они опять будут сидеть в тюрьме, — без книг, без писем, без сношений друг с другом и с внешним миром, — до тех пор, пока не будет создан новый верховный суд. Мы пытаемся разоблачить эту гнусность в английской буржуазной печати.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

101.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру
в Нью-Йорк.

[Лондон,] 13 февраля 1852 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Вейдемейер!

Прилагаю продолжение моей статьи. В процессе работы вещь все разрастается, и на эту тему ты получишь еще две статьи. Кроме того, с ближайшей почтой я пришлю тебе кое-что насчет сеньора Мадзини. Экземплярам твоей газеты давным-давно пора бы притти. Чтобы писать для газеты, надо, как ты знаешь, ее видеть; и если мои сотрудники увидят свои вещи напечатанными, то это увеличит их рвение.

Прилагаю заметку о положении наших друзей, находящихся в кельнской тюрьме. Сделай из этой заметки статью.

Люди сидят уже почти 10 месяцев.

В ноябре дело прошло через следственную камеру, которая решила передать его в суд присяжных. После этого дело перешло в уголовную палату. Перед рождеством последняя вынесла свое решение, в мотивировочной части которого говорится: «Ввиду отсутствия состава преступления, нет также никаких оснований и для поддержания обвинения» (но ввиду важности, которую правительство придает этому делу, мы боимся потерять наши места, если судебное преследование обвиняемых будет прекращено), «на этом основании мы возвращаем дело обратно прежнему следователю для получения разъяснений по ряду пунктов». Глав-

ной причиной оттяжки является убеждение правительства, что перед судом присяжных оно с позором провалится. Оно надеется учредить тем временем верховный суд по делам о государственной измене или изъять, по крайней мере — о чем уже внесено предложение в первую прусскую палату — все политические преступления из компетенции судов присяжных. Наши друзья сидят в одиночных камерах, отрезанные друг от друга и от всего мира; они лишены писем и свиданий и даже не получают книг, в чем в Пруссии никогда не отказывают даже обыкновенным преступникам.

Бесстыдное решение уголовной палаты было бы невозможно, если бы пресса хотя бы в малейшей мере вмешалась в это дело. Но либеральные газеты, вроде «*Kölnische Zeitung*», молчали из трусости, а «демократические» (в том числе и «*Litographische Korrespondenz*», которую печатает Кинкель на американские деньги) — из ненависти к коммунистам, из опасения потерять свой собственный авторитет и из зависти к «новым» мученикам. Так отблагодарили эти скоты «*Neue Rheinische Zeitung*», которая всегда оказывала поддержку демократической сволочи в их конфликтах с правительством (например, Темме и др.). Так отблагодарил г. Кинкель ту самую «*Westdeutsche Zeitung*», где Беккер сделал из него человека, а Бюргерс приютил его¹. Канальи! С ними нужно вести борьбу не на живот, а на смерть.

Общий привет от моей семьи твоей

Твой *К. Маркс*.

[Приписка Женни Маркс:]

Мы все с нетерпением ждем вестей от Вас, дорогой г. Вейдемейер, но пароходы, к сожалению, приходят один за другим, не принося известий о Вас, о Вашей милой жене, Ваших детях, Вашей газете и т. д. и т. д. Надеюсь, что все посылки из Лондона благополучно дошли до Вас. Мой муж завербовал для Вашей газеты почти все коммунистические перья, которыми мы здесь располагаем (он обращался даже в Германию); некоторые из работ, например стихотворение Фрейлиграта, несомненно будут способствовать распространению Вашей газеты. Если Вы можете как-нибудь наладить печатание брошюр, то очень прошу Вас, — подумайте об этом. Мы здесь попали в крайне затруднительное положение, так как от Европы нам нечего ожидать. Мой муж полагает, что серия его статей о Франции, в которую войдут еще две статьи, представляет сейчас наибольший интерес и потому больше всего подходит для небольшой брошюры, которая может явиться продолжением его журнальных статей. Если бы какой-нибудь издатель в Нью-Йорке связался с Германией, то в Германии можно было бы рассчитывать на довольно большой сбыт. Вещь эта написана скорее для Европы, чем для Америки,

¹ См. примечание на стр. 128.

но мы предоставляем это, конечно, Вашему усмотрению. Мой муж просит еще передать Вам, чтобы Вы заставили Дана указать нам здесь в Лондоне банкирский дом, через который мы могли бы более быстро получать гонорар. Карл не мог отсюда как следует разъяснить Дана настоятельную необходимость этого и описать условия нашей жизни. Дана знал нас в Кельне, где мы находились в ином положении, и такой завзятый американец, как он, не представляет себе, что здесь все висит на волоске и что получение $\frac{1}{2}$ фунта стерлингов в нужную минуту может часто выручить из ужасного положения. Может быть, Вы при случае лично передадите ему это. Сердечный привет Вашей жене. Желаю Вам всего хорошего.

Женни Маркс.

102.

Энгельс — Посифу Вейдемейеру

в Нью-Йорк.

Манчестер, 19 февраля 1852 г.

Дорогой Вейдемейер!

Из твоего письма от 6 февраля, пересланного с «Арктикой», я к моему величайшему изумлению вижу, что все мои письма до тебя не дошли. Я послал тебе 4, если не 5 статей об Англии и перестал писать только недели две тому назад, не получая от тебя известий. Моя последняя статья была отправлена с пароходом, отходившим из Ливерпуля в субботу 31 января; речь шла в ней о законопроекте о реформе, которого можно ожидать от маленького Расселя. Первые два письма были адресованы так: Г-н И. Вейдемейер. Издательство Немецкого общества Williamstreet, Нью-Йорк; а последнее так: Г-н И. В[ейдемейер], Chambersstreet, Нью-Йорк (город). Так как дело это необходимо выяснить, то я пишу тебе через Маркса, письма которого к тебе, повидимому, доходят, и прошу тебя: 1) пойти в названные места и разузнать, были ли доставлены туда письма; 2) если писем там нет, то пойти в нью-иоркский центральный почтамт и навести справки там. Если письма не найдутся, извести меня с первым же *ливерпульским* пароходом, и я подумаю, что еще можно здесь предпринять. Мне не трудно будет поместить сообщение об этом в газетах, если здешний почтмейстер не даст удовлетворительного ответа. Многие письма я сам относил на почту, другие были отосланы вместе с деловыми письмами, а это доказывает, что отправлены они были, так как все наши деловые письма дошли. Пожалуйста, немедленно же предприми эти шаги, в противном случае при возобновлении «*Revolution*» бесполезно было бы посылать тебе дальнейшие статьи. Пришли нам появившуюся в «*Tribune*» статью Л. Симона; пришли

вырезку с указанием даты соответствующего номера или весь номер целиком бандеролью. Такие вещи всегда следует читать.

Мой адрес прежний.

Твой Ф. Э.

103.

Маркс — Посифу Вейдемейеру
в Нью-Йорк.

[Лондон,] 20 февраля 1852 г.

Дорогой Вейдемейер!

На этой неделе я ничего не могу послать тебе по той простой причине, что вот уже более недели, как я в тисках такой денежной нужды, что не могу даже продолжать свои занятия в библиотеке, а не то что писать статьи.

Но я надеюсь, что во вторник (24-го) и в пятницу (27-го) я смогу послать тебе 5-ю и 6-ю статьи, являющиеся заключительной частью работы.

18 февраля я получил твое письмо с припиской Клусса. Ты оказался перед двумя особыми препятствиями: 1) безработицей в Нью-Йорке; 2) свирепыми западными ветрами, которые уносили суда, плывшие из Лондона в Америку. Ведь за исключением самых первых дней, статьи из Англии посылались тебе так *регулярно* (от меня, Энгельса, Фрейлиграта, Эккарнуса и др.), как только может того пожелать любая газета. С другой стороны, люди здесь несколько охладели, потому что из Америки приходило много судов, но известий не было. Я не считал нужным сообщать о временном прекращении твоей газеты кому бы то ни было кроме Энгельса и Лупуса. Это еще более охладило бы сотрудников.

Если ты хочешь получать отсюда регулярную поддержку, ты должен выполнить следующие условия.

1) Писать *каждую* неделю и указывать дату всех наших писем, которые до тебя дошли.

2) Держать нас в курсе тамошних событий и регулярно посылать сюда соответствующие документы, вырезки из газет и т. д.

Ты знаешь, дорогой мой, как трудно сотрудничать в газете, которая выходит по ту сторону океана, не зная публики и т. д. Но если ты исполнишь вышеуказанные условия, я гарантирую тебе необходимые статьи. Я стою с плеткой в руках за спиной каждого и уж сумею заставить их работать. Из Германии мне также обещали посылать тебе статьи и сотрудничать в твоей газете. Если бы я только знал, что газета продолжает существовать, у меня был бы

наготове *бесплатный сотрудник в Париже*, который *еженедельно* писал бы корреспонденции. Я напишу этому человеку — это один из моих лучших и наиболее умных друзей. Беда лишь в том, что никому не хочется работать впустую, а злободневные сообщения теряют всякую цену, если они не печатаются сейчас же по прибытии. Так как ты, кроме того, не можешь платить, то тем более необходимо убедить людей, что они делают *действительную* партийную работу и письма их не остаются в ящике письменного стола.

Мне кажется, ты допускаешь ошибку, ожидая доставки твоих писем на дом, между тем как тебе следовало бы указать на почте, что по прибытии пароходов ты будешь сам регулярно забирать письма, как это делают все газеты. Тогда легче будет избежать недогазумений и задержек.

Между прочим, объявления Гирша не печатай, если оно еще не напечатано.

Отсюда в Нью-Йорк едет сейчас множество прохвостов (в том числе портной Леман и портной Иосиф Мейер). Некоторые из них будут обращаться к тебе от моего имени. Но не доверяй никому, если тебе не предъявят хотя бы нескольких строчек, *написанных мною*. О Виллихе и пр. этих молодцов порасспросить можно. Леман и Мейер фанатически преданы Иисусу Виллиху.

Что касается Дана, то, по моему мнению, он поступил глупо, поместив статьи Симона. Если бы моя касса допускала это, я немедленно заявил бы, что отказываюсь от всякого дальнейшего сотрудничества. Он может разрешать нападки на меня и Энгельса, но не таким пачкунам-школьникам. С его стороны нелепо допускать, чтобы «Агитация» и «Эмиграция», — эти две фикции, существующие только на столбцах газет, — преподносились американской публике в качестве исторических реальностей, и при этом, чтобы это делал пустоголовый малый, который даровал Германии прусского императора, мартовские союзы и имперского регента Фогта, а теперь хотел бы преподнести народу *самого себя* вместе со своими провалившимися сообщниками, парламентом и несколько видоизмененной имперской конституцией. Нет ничего более смешного, чем этот прохвост, который с альпийских высот изрекает слова государственного мужа. Я думал, что у Дана больше такта. Людвиг Симон *Трирский!* Когда же этот малый откажется от этого парламентского дворянского титула?

Ты понимаешь, конечно, что здесь в Лондоне эти субъекты совершенно разобщены. Единственное, что еще до некоторой степени связывает их друг с другом, — это надежда на *спасительные* деньги Христа Готфрида Кинкеля. С другой стороны, стоят идиот

Руге вместе с Ронге и двумя или тремя другими ослами, скрывающие свое ленивое прозябание под словом «Агитация». Все равно, как если бы стоячее болото окрестило себя «открытым морем».

Конечно, Европа занята сейчас не этими ничтожествами, а другими вещами. После 2 декабря и после прибытия сюда новых революционных элементов из Франции сам Ледрю-Роллен съежился, как пустой шар. Мадзини произносит ультрареакционные речи, анализ одной из них я в ближайшее время тебе пошлю.

Что касается «Notes to the People» Эрнеста Джонса, где ты найдешь повседневную историю современного английского пролетариата, то я пришлю их тебе, как только мне это позволит состояние моей кассы. За посылку пакета в Америку я ведь должен заплатить 8 шиллингов.

Передай от меня сердечный привет Клуссу. Мы с большим нетерпением ждем его писем. Почему ты не прислал нам его заявления? Я и жена, Фрейлиграт с женой, Лупус — все мы посылаем сердечный привет твоей жене; заверь ее в нашем живейшем сочувствии. Мы надеемся, что новый гражданин мира благополучно появится на свет в Новом Свете.

Прощай.

Твой *К. Маркс*.

Если с газетой ничего не выйдет, то не можешь ли ты выпустить мою брошюру отдельными выпусками в размере одного листа, или по разделам, которые я тебе прислал? Иначе пройдет слишком много времени.

104.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Дюссельдорф.

Лондон, 23 февраля 1852 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Лассаль!

Я все же хотел бы знать, не затерялось ли и второе мое письмо. Я знаю, что ты аккуратен в ответах, и поэтому запоздание вестей от тебя приписываю какой-либо случайности.

Со времени моего последнего письма к тебе состояние моего здоровья снова улучшилось, хотя у меня еще сильно болят глаза. Зато социальные условия ухудшились. Я получил от издателя решительный отказ напечатать мою Политическую экономию; моя рукопись против Прудона, которая целый год блуждала по Германии, точно

так же еще не нашла пристанища; наконец, и финансовый кризис достиг такой степени, что его можно сравнить разве только с торговым кризисом, который дает себя ныне знать в Нью-Йорке и Лондоне. К сожалению, я не располагаю, подобно господам купцам, возможностью прибегнуть к банкротству. В подобном положении находился г. Бонапарт, когда он решился на свой государственный переворот.

Что касается г. Бонапарта, то лучше всего, мне кажется, сообщить тебе некоторые места из письма одного парижского друга¹, который настроен очень скептически и не слишком благосклонно относится к народу. Теперь внимание:

«В общем в настроении парижской публики произошла заметная перемена, и хотя это все еще только покорность судьбе, но зато эта покорность ощущается резче, носит более мрачный характер и распространена гораздо шире. В средних и низших классах настроение это объясняется главным образом тем, что торговля, а стало быть и работа, несмотря на начинающиеся благоприятные признаки, все еще никак не двигается с места, между тем как в надежде на это улучшение они пожертвовали всеми прочими соображениями. К тому же большинство менее развитых рабочих, с трудом разбирающихся в обстановке, начинает, благодаря наполеоновским распоряжениям, постепенно понимать, что президент вовсе и не думает о сохранении республики; а ведь они возлагают на республику больше надежд, чем на монархию, уже испытанную на таком долгом и таком горьком опыте. В глазах же собственников президент очень повредил себе конфискацией имущества Орлеанского дома, которая представляет собою все же опасный официальный пример. Даже люди вроде Фульда, де-Морни и Дюпена не дали своего согласия на это мероприятие, — разумеется, из личных соображений; на этот факт особенно обратили внимание ввиду того, что их мало опрятное прошлое более или менее широко известно. Что касается Дюпена, президента разогнанного Национального собрания, то тем временем стал известен его последний любопытный поступок: утром 2 декабря он, по уговору с Бонапартом, скрыл письмо парижского архиепископа, в котором последний предлагал народным представителям собраться в Соборе парижской богородицы, у врат которого он готов был встать сам, чтобы защитить их, как представитель народного суверенитета, от солдат узурпатора. Это могло бы придать всему делу иной оборот, тем более, что

¹ Рихарда Рейнгардта.

одновременно с этим собрался также и верховный суд и готовился протестовать против государственного переворота.

Что касается министра де-Морни, вышедшего в отставку вместе с Дюпеном, то он был известен как негодяй, занимавшийся вымогательством у мужа своей любовницы, графини Леон. Это обстоятельство дало повод жене Эмиля Жиардена сказать, что приходилось, правда, видать правительства, находившиеся в руках людей, бывших под башмаком у своих жен, но правительства, находящегося в руках сутенеров, до сих пор еще не было. В настоящее время графиня Леон громче всех кричит в своем салоне против Бонапарта, и от нее исходит известная острота, сказанная ею по случаю конфискации имущества Орлеанского дома: «C'est le premier vol de l'aigle»¹. Эмиль де-Жиарден из-за замечания своей жены подвергся изгнанию. Подобному же поводу приписывают и высылку Ремюза. Как рассказывают, в одно прекрасное утро Ремюза пришел в министерство внутренних дел, где Морни посадил в качестве начальника канцелярии молодого Леона; когда последний, увидев Ремюза, надменно спросил его имя, Ремюза ответил ему: «Мсье, в моей семье носят имя отца, вот почему меня зовут де-Ремюза». Этот же молодой Леон приблизительно в это же время имел другое столкновение, в Гаме. Когда он передал генералу Лефлю официальное сообщение о его изгнании, последний вышвырнул его за дверь, воскликнув: «Как, это ты, негодяй, осмеливаешься сообщать мне о моем изгнании?» Легко себе представить, каким уважением может при таких обстоятельствах пользоваться молодое правительство даже в глазах самых ограниченных «порядочных людей». Одна лично мне известная дама, воспитанница Наполеона, с детских лет близко знавшая его, после 2 декабря отказалась поддерживать с ним всякое знакомство, заявив, что он и его сотоварищи — правительство воров и убийц. Настоящие денежные тузы, правда, все еще держатся за Наполеона, как за единственно возможного выразителя авторитета в данный момент и как за последний оплот существующего общества, но его мероприятия сильно подорвали их веру в возможность продолжительного существования его режима, так что вскоре они снова стали придерживать свои деньги, о чем свидетельствует застой на бирже и слабый подъем торговли. Поэтому за президента, наряду с пользующимися его особым покровительством духовенством и армией, стоят в сущности лишь те, кто связан

---

¹ Означает одновременно: «это первый полет орла» и «это первая кража орла».

с ним самым грубым личным интересом. Однако и в армию, в связи с частыми смещениями орлеанистских офицеров, прокрадывается известное недовольство и чувство неустойчивости и колебания, что подрывает ее силу. Говорят, что сам президент в глубине души тоже очень обеспокоен и в унынии. В самом деле, при изменившемся положении достаточно устранить его жалкую особу, чтобы без всяких усилий снова свергнуть все в хаос. Вряд ли нашелся бы кто-нибудь, кто оказал бы сопротивление. В этом отношении замечательны слова многоопытного Гизо, который, при первом же известии об удавшемся государственном перевороте, заявил: «Это полный и окончательный триумф социализма!»

Испортив до и после переворота свои отношения со всеми партиями без исключения, Бонапарт старается создать равновесие путем тех или других популярных мероприятий: расширением общественных работ, обещанием всеобщей амнистии для участников 2 декабря и т. п. Но как только он пытается сделать что-либо в пользу того или иного класса, все это оказывается непрочно и бесцельно. Самое же главное — это то, что масс он уже не привлечет на свою сторону, так как хлеба, т. е. жизненного источника труда, он дать им не может, и к тому же отнял у них их излюбленную игрушку — невинное утешение в виде деревьев свободы и публичных республиканских надписей. Кроме того, он лишил их возможности проводить свой досуг в кабаках и кофейнях, так как там строго воспрещены всякие политические разговоры. Миротлюбивые буржуа раздражены потерей своего излюбленного конька, национальной гвардии... Им не нравятся также аристократические празднества и официальные балы, и они не ходят туда, так что на последнем блестящем тюильрийском балу, кроме иностранцев да двух или трех парижан, в виде исключения, присутствовали только дамы сомнительной репутации. Огромный рост расходов на всевозможные цели вызывает у заботливых буржуа беспокойство за будущее, за то время, когда будут исчерпаны орлеанские фонды. Но особенно оскорбляет всех хоть сколько-нибудь мыслящих людей уничтожение прессы. Раздражает также организация вновь возрожденного министерства полиции и связанная с этим система шпионажа, проводимая во всех департаментах. Парижские салоны снова переполнены знатными доносчиками, которых никто не заподозрит в этом, совершенно так же, как в эпоху империи. В то же время лица, распоряжающиеся по своему усмотрению железнодорожными концессиями, облигациями железнодорожных займов и т. д., — лица, которые одни только знают о соответствующих намеченных решениях и за несколько дней вперед на этом

спекулируют, — ведут на бирже крупную мошенническую игру. Ходили слухи, что прямое и непосредственно решающее влияние на президента оказывает тайная иезуитская коллегия во главе с Монталамбером, всегда бывшим с президентом в самых интимных отношениях; но вскоре выяснилось, что Бонапарт, используя советы Монталамбера, внезапно удалил его от себя и перестал принимать, так что с тех пор они отъявленные враги; Монталамбер, такой же презренный в личном отношении, как и другие, воспользовался декретом об Орлеанском доме как предложением для того, чтобы официально подать в почетную отставку. Сейчас говорят только о завоевательных стремлениях Бонапарта. На этом он окончательно сломает себе шею». Вот что пишет мой друг.

Наиболее значительное из здешних событий—это то, что из рук вигов министерство перешло к ториям во главе с графом Дерби (лорд Стенли). Это событие замечательно. В Англии движение идет вперед только при тори. Виги же проводят соглашательскую политику со всеми и всех усыпляют. К тому же все ближе надвигается кризис в торговле, первые симптомы которого уже заметны здесь повсюду. Дела идут вперед. Лишь бы удалось как-нибудь продержаться в это переходное время. Отправляется почта. Заканчиваю.

Привет.

К. Маркс.

105.

Женни Маркс — Иосифу Вейдемейеру
в Нью-Йорк.

[Лондон, 27 февраля 1852 г.]

Дорогой господин Вейдемейер!

Уже неделя, как у моего мужа из-за усиленных ночных занятий — днем ему приходится бегать по домашним делам — так сильно болят глаза, что сегодня он не в состоянии писать Вам, и я вынуждена взять на себя все секретарские функции. Он просит передать Вам, что он не мог прочесть как следует статью Энкариуса и что Вам придется самому исправить в ней орфографические ошибки: этот замечательный человек превосходно пишет, но он только здесь научился разбираться в буквах и не признает точек и запятых. Кроме того, мой муж посылает Вам статью одного венгерца, близко знакомого с самыми сокровенными тайнами венгерской эмиграции. Решайте сами, можно ли сейчас же использовать и напечатать эту статью. Во всяком случае, надо снабдить этого человека, так как он обещал посылать в дальнейшем собственные корреспонденции Перцеля, Семере и пр., с которыми он очень дружен. Мой муж полагает, что имеющиеся в статье грубые грамматические ошибки Вам следует исправить, но некоторые стилистические особенности, накладывающие

на нее печать настоящего венгерского произведения, ей нисколько не повредят. Далее, он просит Вас тотчас же вернуть его статьи о Наполеоне, если Вы не можете их напечатать. Может быть, нам удастся поместить их, переведя на французский язык, хотя, конечно, жалко отказаться от немецкого. Для него было бы всего приятнее, если бы Вам удалось напечатать их в Америке и если бы можно было распространить их также и в Германии. Вещь эта, несомненно, хорошо разойдется, так как она дает историческую оценку важнейшему событию настоящего времени. Надеюсь, дорогой г. Вейдемейер, скоро получить от Вас добрые вести, а именно вести о том, что Ваша милая жена благополучно перенесла великое событие и что в Вашем доме имеется два новорожденных — сын и журнал. От всего сердца посылаю привет Вашей дорогой жене и остаюсь навсегда преданная

Женни Маркс.

Чтобы не слишком затягивать дело, Вы могли бы напечатать каждую статью в отдельности, вопрос ведь имеет злободневный интерес. Впоследствии можно будет все это объединить. Сегодня идет № 5. В ближайшую пятницу он посылает № 6 — заключительную статью. Итак, повторяю: *постарайтесь сделать из этой работы брошюру.*

Если это не удастся, пришлите работу обратно, — нужно во что бы то ни стало напечатать ее.

Передайте привет Клуссу и поскорее сообщите в точности, как обстоят у Вас дела.

Лунус только что принес еще небольшую статейку о последних лондонских событиях.

106.

Энгельс — Иосифу Вейдемейеру

в Нью-Йорк.

Манчестер, 27 февраля 1852 г.

Дорогой Вейдемейер!

Рад узнать, что некоторые из моих писем, наконец, дошли и, следовательно, для нашей корреспонденции препятствий больше нет. Первые два письма были адресованы И. В[ейдемейеру], издательство Немецкого общества, Williamstreet, Нью-Йорк. Номера «*Revolution*» и «*Demokrat*» благополучно прибыли и сегодня отправляются в Лондон. Г. Гейнцен порадуетя твоему ответу, ты его здорово отдал. Продолжай посылать печатные материалы попрежнему, бандеролью, не запечатывая, — это стоит недорого.

Из моих статей можешь в крайнем случае включить в какой-нибудь сборник только статью о неприятельском нашествии, прочие не годятся и вследствие происшедших событий уже устарели.

Что касается коллеги Штандау, то это старый конспиратор, относящийся целиком к той категории людей, которую мы обрисовали в «*Review*», когда критиковали Шеню; он очень полезен

в некоторых отношениях, любит болтаться без дела, не всегда надежен и немного хвастлив. Впрочем, передай ему от меня привет. Шмидт из Левенберга совершает крестовые походы против иезуитов в окрестностях Сен-Луи, причем главным союзником его является бывший агент Дюшателя и мошенник, памятный по Парижу Бернштейн. Что он еще делает, я не знаю. Что д-р Маас является приверженцем «марксовой клики», — для меня новость. Он известен мне только как бывший пфальцский крикун. Редактор нью-орлеанской «Deutsche Zeitung» Фишер — мой знакомый и в Кайзерслаутерне состоял в моей лейб-гвардии, но с тех пор этот мечтатель чертовски опустился и окинкелился, и если сам Кинкель был в Н[ью]О[рлеане], то он принес там много вреда, так как некому было выступить против него.

Что касается вопроса о войне против Англии, то пока он интересует меня в первую очередь как военная проблема, которую следует уяснить себе и разрешить как геометрическую задачу. Но подобную коалиционную войну я не считаю невозможной, хотя теперь, пока Дерби стоит у кормила правления, она несомненно будет отсрочена. Господа из Священного союза так же неправильно оценивают сейчас свои силы, как и в период различных коалиций от 1792 до 1807 г. Что касается зависимости России от Англии, то 1) нельзя ожидать, что царь чувствует эту зависимость и 2) хотя прекращение торговли вызвало бы сильный застой, нищету и порчу продуктов, тем не менее в течение 2—3 лет все это можно было бы выдержать, подобно тому как выдерживают торговый кризис, который продолжается столько же времени. Необходимо учесть, что в сельских местностях России, среди крестьян, составляющих подавляющее большинство населения, деньги почти совсем не обращаются и все предметы, необходимые для жизни этих варваров, могут изготовляться в каждой деревне. Конечно, города и аристократия пострадали бы, но основа русской империи — это крестьянство и ведущее крестьянский образ жизни мелкопоместное дворянство. Взбунтовать континент было бы для Англии очень трудно; в Испании этому способствовали особенности местности, большие пространства и малая населенность страны, недостаток продовольствия и море, окружающее страну почти со всех сторон. Но Венгрия и Польша расположены внутри континента, а Италия, за исключением островов, вряд ли могла бы обороняться с помощью англичан и инсургентов от превосходных сил коалиции. Кроме того, Англия сейчас не в состоянии, да и через год после объявления войны еще не будет в состоянии, собрать такую армию,

какая была послана в Испанию Веллингтону. А огни суда без десантных отрядов нигде не могут прочно закрепиться.

Поистине счастье, что к власти пришли тори. Благодаря постоянным победам в области торговой политики и продолжительному процветанию фабриканты совсем размякли. *Ни один человек* не интересовался парламентской реформой, даже более широкой, чем жалкая реформа в ресселевском стиле. А теперь они попали к черту на рога и уже испытывают дьявольский страх, тем более, что *каждый* из новых министров самым бесцеремонным образом защищает тот или иной кусочек покровительственных пошлин. Здесь вновь образуется Лига против хлебных законов. Парламентская реформа, расширение избирательного права, уравнение избирательных округов и тайное голосование стали теперь *вопросом жизни для промышленной буржуазии*, между тем как раньше они непосредственно интересовали только мещанина. Дерби вынужден распустить парламент и, вероятно, сделает это, как только проголосуют военные ассигнования и налоги на будущий год. Новые выборы будут у нас, наверно, в мае. Протекционисты приобретут некоторое количество голосов и вышвырнут из парламента нескольких сторонников Пилля. Но они останутся в меньшинстве, и если Дерби осмелится прямо предложить ввести покровительственные пошлины, то он, без всякого сомнения, полетит. Но, может быть, он окажется достаточно хитер, чтобы отложить этот вопрос. Во всяком случае, английское движение сейчас оживилось. После отставки Пальмерстона началась история, которая неизбежно должна была начаться после непрестанных министерских поражений во время прошлой сессии. Дерби — это второй акт, а роспуск палаты будет третьим. Что касается внешней политики Англии при Дерби, то она, конечно, также будет реакционной, но решающего произойдет мало; возможно, что будут начаты кос-какие процессы против эмигрантов, но с этими процессами правительство провалится; будут сделаны попытки внести законопроекты об иностранцах, которые также провалятся; возможно, что будет оказано содействие попыткам образования коалиции против Луи-Наполеона, из чего тоже ничего не выйдет. У тори в Англии руки связаны, и если они не попытаются восстановить самовластия, практиковавшегося Сидмаутом и Каслри в 1815—1821 гг., — причем они могут чертовски обжечься на этом, так как в пределах закона и за свободу торговли английский буржуа дерется яростно, — то господа консерваторы оскандалятся самым жалким образом. Но Дерби (ранее, при жизни своего отца, носивший

титул лорда Стенли) — горячая голова и может легко прибегнуть к крайним и даже незаконным мерам.

Теперь нехватает только торгового кризиса, но с тех пор, как Дербн пришел к власти, я предчувствую, что кризис скоро наступит. Быстро следующие друг за другом фритредерские мероприятия англичан, за которыми последовало разрешение торговли с голландскими колониями, понижение пошлин в Испании, Сардинии и т. д., падение цен на хлопок (с сентября 1850 г. они упали до половины прежней цены), — поддерживают процветание дольше, чем этого можно было раньше ожидать. Но состояние индийского и отчасти американского рынков (за прошлый месяц в Соединенные Штаты было вывезено значительно меньше мануфактурных товаров, чем за тот же период прошлого года) не дает оснований думать, что оно долго продлится. Если бы кризис наступил уже в мае, — что, впрочем, вряд ли произойдет, — дело приняло бы серьезный оборот. Но он вряд ли наступит ранее сентября или октября.

Передай привет твоей жене.

Ф. Э.

В ближайшее время пришлю статью о положении английской промышленной буржуазии и по истории торговли — теперь приблизительно в течение двух недель я буду очень занят.

107.

Маркс — Посифу Вейдемейеру
в Нью-Йорк.

Лондон, 5 марта 1852 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Вейвей!

Боюсь, как бы не произошло путаницы, так как я, не поняв твоего последнего письма, неправильно написал на двух последних письмах адрес: «Контора «Revolution», 7 Chambersstreet, ящик 1817». Путаницу вызвал проклятый «ящик 1817», так как ты писал мне, что нужно ставить это добавление на «старом адресе», но не указывал, идет ли речь о первом адресе или о втором. Но я надеюсь, что дело выяснится еще до прибытия этого письма, тем более, что письмо от прошлой пятницы содержало очень пространную пятую часть серии моих статей. Шестую, заключительную, статью я не мог закончить на этой неделе. Если твоя газета уже снова выходит, то это замедление не может вызвать никакой задержки, так как у тебя достаточно материала.

Твоя статья против Гейнцена, которую Энгельс, к сожалению, прислал мне слишком поздно, очень хороша, груба и тонка в одно и то же время — как раз то, что требуется от настоящей полемики. Я показал твою статью Э. Джонсу и прилагаю здесь его письмо к тебе, предназначенное для печати. Так как Джонс пишет очень неразборчиво, с сокращениями, и так как я подозреваю, что ты еще не стал заправским англичанином, то вместе с оригиналом я посылаю копию, написанную моей женой, и тут же немецкий перевод, с тем, чтобы ты напечатал рядом и то и другое — подлинник и перевод. К письму Джонса ты можешь еще сделать следующую приписку: что касается *Джорджа Джулиана Гарни*, который тоже является авторитетом для г. Гейнцена, то в своем «Red Republican» он напечатал в английском переводе наш «Коммунистический манифест», с примечанием, что это «самый революционный документ, который когда-либо появлялся», а в своем «Democratic Review» он перевел «опровергнутую» Гейнценом премудрость — мои статьи о французской революции из «Revue der N[eu]en Rh[einischen] Z[eitung]». В одной статье о Луи Блане он ссылается на эти статьи как на «правдивую критику» французских событий. В Англии, впрочем, нет нужды ссылаться на одних только «крайних левых». Если член парламента становится в Англии министром, то он должен быть переизбран, и вот, *Дизраэли*, новый лорд-канцлер казначейства, пишет 1 марта своим избирателям:

«Мы постараемся положить конец этой *классовой борьбе*, оказавшей в последние годы такое пагубное влияние на благосостояние нашего королевства».

По этому поводу «Times» от 2 марта замечает: «Если в нашей стране что-либо может расколоть классы до такой степени, что примирение будет невозможным и не останется надежды на справедливый и почетный мир, то это налог на иностранное зерно».

И чтобы какой-нибудь невежественный «тип», вроде Гейнцена, не вообразил себе, что аристократы *за*, а буржуа *против* хлебных законов, потому что первые отстаивают «*монополию*», а вторые «*свободу*», — ведь для простодушного филистера противоположности существуют только в этой идеологической форме, — надо отметить, что в XVIII веке аристократы в Англии стояли за «свободу» (торговли), а буржуа за «монополию», т. е. занимали позицию, подобную той, какую занимают оба эти класса по отношению к хлебным законам в данный момент в Пруссии. «Neue Preussische Zeitung» — самая яркая сторонница свободной торговли.

Наконец, на твоем месте я указал бы господам демократам,

что им вообще следовало бы знакомиться с самой буржуазной литературой, прежде чем нападать на ее противоположность. Эти господа должны были бы, например, изучить исторические работы Тьери, Гизо, Джона Уэда и др., чтобы выяснить себе прошлую «историю классов». Прежде чем крикливо критиковать политическую экономию, им надо познакомиться с основными положениями политической экономики. Достаточно, например, раскрыть великое произведение Рикардо, чтобы найти на первой же странице следующие слова, которыми он начинает свое предисловие:

«Продукт земли, все, что добывается на ее поверхности путем объединенного применения труда, машины и капитала, распределяется между *тремя классами* общества, именно — между владельцем земли, владельцем капитала, требующегося для ее обработки, и рабочими, трудом которых обрабатывается земля».

Блестящий пример того, как мало еще созрело буржуазное общество в Соединенных Штатах для того, чтобы сделать понятной и очевидной происходящую в нем классовую борьбу, дает Ч. Г. Кэри (из Филадельфии), единственный значительный северо-американский экономист. Он нападает на Рикардо, на этого классического представителя (выразителя) интересов буржуазии и самого стойкого противника пролетариата, как на человека, который дал в своих произведениях целый арсенал для анархистов, социалистов и для всех врагов буржуазного строя. Не только его, но и Мальтуса, Милля, Сэя, Торренса, Уэкфильда, Мак-Каллока, Сеньора, Уэкли [Уотли?], Р. Джонса и др., — словом, всех авторитетных экономистов в Европе, он упрекает в том, что своим доказательством того, что экономические основы различных классов порождают среди них неизбежный и все растущий антагонизм, они разрывают общество на части и готовят гражданскую войну. Он старается их опровергнуть, но не так, как пошляк Гейнцен, который существование классов связывает с наличием *политических* привилегий и *монопольей*. Кэри хочет показать, что *экономические* условия — рента (земельная собственность), *прибыль* (капитал) и заработная плата (наемный труд) — представляют собою условия ассоциации и гармонии, а отнюдь не борьбы и антагонизма. В действительности же он доказывает лишь то, что «незрелые» общественные отношения Соединенных Штатов расцениваются им как «нормальные общественные отношения».

Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго

до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*; 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к бесклассовому обществу*. Невежественные олухи, вроде Гейнцена, отрицающие не только борьбу, но и самое существование классов, доказывают этим только то, что они, несмотря на весь свой кровавый и якобы гуманистический вой, считают общественные условия, на которых покоится господство буржуазии, последним продуктом, *non plus ultra* [крайний предел] истории, доказывают, что они — лишь слуги буржуазии. И это прислужничество тем отвратительнее, чем меньше понимают эти болваны также и величие и преходящую необходимость самого буржуазного строя.

Из приведенных выше замечаний возьми то, что тебе покажется ценным. Между прочим, «централизацию» Гейнцен позаимствовал от нас взамен своей «федеративной республики» и т. д. Когда те взгляды на классы, которые мы теперь распространяем, станут тривиальными и войдут в обиход «обыкновенного человеческого рассудка», тогда этот дурак громогласно провозгласит их новейшим продуктом «собственного глубокомыслия» и поднимет вой против нашего дальнейшего развития этих взглядов. Так, основываясь на своем «собственном глубокомыслии», он лаял на гегелевскую философию до тех пор, пока она носила прогрессивный характер, а теперь он питается ее потерявшими всякий вкус крохами, которые изрыгает не переваривший их Руге.

Вместе с этим письмом ты получишь окончание венгерской корреспонденции. Если твоя газета существует, попытайся использовать что-либо оттуда, тем более, что *Семере*, бывший премьер-министр Венгрии, пообещал мне из Парижа написать для тебя обстоятельную статью *за своей подписью*.

Если твоя газета стала выходить, пришли *побольше* экземпляров, чтобы их можно было шире распространить.

Твой К. Маркс.

Сердечный привет тебе и твоей жене от всех здешних друзей и особенно от моей жены.

Между прочим, посылаю тебе с бывшим монтаньяром Гохштулем (эльзасцем) «Notes» и несколько экземпляров моей речи перед судом

присяжных (эту последнюю — для Клусса, которому я ее обещал). Малый этот ничего собой не представляет.

Прилагаю устав. Советую тебе привести его в больший логический порядок. Лондон назначен руководящим центром для Соединенных Штатов. До сих пор мы могли осуществлять наше господство только в эмиграции.

Не помещай заявления «Гирша», если оно еще не помещено. Это нечистоплотный человек, хотя в отношении Шаппера и Виллиха он прав.

108.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру
в Нью-Йорк.

Лондон, 25 марта 1852 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Вейдемейер!

Желаю счастья новому гражданину мира! Нет более замечательного времени, чтобы родиться на свет, чем нынешнее. К тому времени, когда путь из Лондона в Калькутту будет продолжаться семь дней, у нас обоих головы будут давным-давно снесены или будут трястись от старости. А Австралия, Калифорния и Тихий океан! Новые граждане мира не в состоянии будут понять, до какой степени мал был наш мир.

Если ты не получил прилагаемое здесь окончание статьи уже неделю тому назад, то виною этому является твое полное молчание.

Я прошу тебя подразделить мои статьи также и в брошюре на рубрики I, II, III, IV, V, VI, VII, т. е. так, как они тебе были посланы. Эти цифры являются как бы моментами отдыха для читателя. Они заменяют заголовки. В конце V главы прибавь еще следующие слова: «Но Бонапарт ответил партии порядка так же, как Агезилай царю Агису: *«Я кажусь тебе муравьем, но настанет время, когда я стану львом»*». Конечно, теперь вся вещь должна появиться сразу. Там, где моя жена недостаточно ясно отметила абзацы пустыми промежутками, я поставил знак Γ .

Заявление Клусса превосходно.

Письмо Эрнеста Джонса хорошо было бы, по-моему, поместить *уже в первом номере*. Несколько предварительных замечаний достаточно, чтобы сделать его понятным.

Теперь вот что: Клусс, вероятно, уже сообщил тебе о деле Семере. Прежде всего необходимо, чтобы Вы, использовав связь

с каким-либо издателем, поваботились о том, чтобы его брошюра о Кошуте, Л. Батъяни и Гергее — приблизительно в 10 листов — была напечатана сначала на немецком, а затем на английском языке. Если это удобно, то можно издать немецкий подлинник в качестве второго номера твоего журнала, — конечно, ничего другого не прибавляя. Если ты не сам издашь эту вещь, то издатель должен заплатить за нее.

После того как это будет сделано, а может быть даже раньше, «Revolution» получит из этого источника 500 долларов, при том условии, что ты назначишь соредактором Бандя; это будет означать только то, что часть газеты отводится Венгрии и ею будет вестись Б[андя], агент Семере. Но он легко с тобой сговорится, — он человек добродушный.

Очень хорошо, что ты получил место землемера. Ты сможешь теперь действовать более спокойно и уверенно.

На этих днях я примусь за Мадзини. Г-н Кинкель, который, по собственному признанию, черпает свою премудрость из «бабушкиных сказок» и ищет повсюду единство между «великими людьми», вернувшись найдет, что борьба в полном разгаре. Дело в том, что Ледрю и Мадзини купили за счет итальянского займа за 10 000 франков брюссельскую газету «La Nation». Но вот синьор Мадзини разразился своей первой статьей, полной самых гнусных и глупых выхонок против Франции, против социализма и по поводу того, что Франция потеряла инициативу. Его нападки были так яростны, что Ледрю теперь вынужден сам выступить против него и, как говорят, уже решился на это. С другой стороны, социалисты Луи Блан, Пьер Леру, Кабе, Маларме и др. объединились и выпустили ядовитый, составленный жабой Луи Бланом, ответ. Кроме того, большинство французской эмиграции невероятно разъярено против Ледрю, на которого справедливо возлагают ответственность за глупости Мадзини. Пожар разгорелся в центре их лагеря.

Если тебе попадет в руки книга подлого попа Дюлона «Der Tag ist angebrochen» [«День занялся»], отдели хорошенько эту собаку, которая хочет разыгрывать из себя Ламенне.

Дронке арестован в Париже. Он слишком долго задержался там во время своего проезда из Швейцарии сюда, вместо того, чтобы быстро проехать через Францию.

Твой выбор мне очень нравится. Статья Пипера подошла бы для газеты, но для брошюры она написана слишком поспешно и поверхностно.

Не можешь ли ты получить из Браунфельса сведения об

Эдгаре? Этот лентяй не дает о себе знать, и мать его очень беспокоится. Сумасбродный парень!

Протест Клусса получил здесь на заседании Союза всеобщее одобрение, а твоя «Revolution» понравилась как в обществе Штехана, так и у нас.

Общий привет твоей семье от всех нас

Твой *К. Маркс.*

На тот случай, если в какой-либо газете (например, в газете Вейтлинга) появится гнусный ответ виллиховского общества на заявление Пфендера, я посылаю тебе второе заявление Пфендера.

Что подельывает красный Беккер?

Не стал ли и он кинкелевцем?

Между прочим, часть машиностроительных рабочих одумалась и прислала Джонсу покаянное письмо. Английские рабочие собрали теперь денег, чтобы Джонс кроме своих «Notes» издавал также большую еженедельную газету. Осел, который должен был привезти тебе «Notes», до сих пор еще не уехал.

109.

Энгельс — Носифу Вейдемейеру
в Нью-Йорк.

Манчестер, 16 апреля 1852 г.

Дорогой Вейдемейер!

Вчера получил твое письмо от 30 (?) марта вместе с письмом о «революционном собрании». Я вижу, что ты начал наклеивать на свои письма марки; это бессмысленно, ведь оплачивать почтовые расходы может здешний «концерн», т. е. гг. Эрмен и Энгельс. Полученное переслано Марксу.

Третьего дня я вернулся из Лондона, где я проводил пасхальные дни. Младший ребенок Маркса был очень болен и, как пишет мне теперь Маркс, умер; это уже второй в Лондоне. Ты, конечно, понимаешь, что жена его очень страдает. В семье Фрейлиграта тоже были больные, но там дело идет на поправку.

Ты, вероятно, знаешь, что во время своего проезда через Францию Дронке, отчасти по своей вине, был арестован в Париже: малыш, несмотря на свою прежнюю высылку, задержался там три недели. Теперь он пишет, что из Мазасской тюрьмы его перевели обратно в полицейскую префектуру, а в страстную пятницу должны были отправить в Булонь и оттуда в Англию. Но с тех пор о нем больше

ничего не слышно. У малыша удивительный талант всегда попадаться впросак; но на-днях он, наверное, появится. Тогда в Англии соберется вся «Neue Rheinische Zeitung». Правда, Веерт в данный момент находится в Гамбурге, тем не менее он все же связан с Бредфордом и, несмотря на все свое нежелание, постоянно возвращается туда.

В мае наши кельнские друзья предстанут наверное перед судом присяжных, так как уголовная палата должна была рассматривать их дело 5 апреля и, конечно, не выпустила их на свободу. Но это, пожалуй, к лучшему, так как государственный прокурор немедленно подал бы апелляцию на оправдательный приговор. Если в Нью-Йорк приедет из Кельна некий рабочий Ганзен, сбойдись с ним по заслугам. Этот субъект, состоявший с 1848 г. членом Союза, распорядился собранными в пользу заключенных деньгами, т. е. пропил их, а потом удрал в Америку.

В лагере организаторов национального займа царит большое недовольство кассиром Рейхенбахом, который туго завязал кошелек, так как и без того уже денег издержано больше, чем следовало; предстоящая сдача отчета грозит ему, как состоятельному и уважаемому буржуа, весьма неприятными последствиями. Кинкель и Виллих вне себя, но это делу не помогает; Кинкель вынужден опять давать уроки, а Виллих, как и всегда, занимает деньги и попрошайничает с таким бесстыдством, какое прежде можно было встретить только у польских патриотов. Таким образом, во всей благородной компании эмигрантов снова царит величайшее смятение, и если состоится или уже состоялся съезд поручителей, то дело скоро примет весьма забавный оборот. Даже Леве из Кальбе и прочие франкфуртцы теперь окончательно рассорились с Кинкелем, — «с этим субъектом, с которым можно только оскандалиться».

Поместил ли Теллеринг свое заявление в какой-нибудь газете? Нам это очень важно знать, так как Маркс может тогда выступить против него. Было бы очень желательно, чтобы Дана прислал сюда экземпляры напечатанных статей Маркса. Мы получили только 6 первых статей, хотелось бы получить и следующие. Если Дана будет отговариваться, ссылаясь на то, что это очень большая работа, то достань эти экземпляры сам и перешли их сюда. Маркс уже давно хотел тебе об этом написать, но по всей вероятности он сейчас не в таком настроении, чтобы думать об этом. Посмотри, что можно сделать в этом отношении. Здесь нужно было бы иметь полный комплект статей, — важно сохранить их как документ.

Моя стратегическая статья теперь уже не представляет ценности

и совершенно не подходит для сборника, тем более, что главные пункты заключаются, в сущности, не в ней, а в моем письме к тебе. Сдай ее спокойно в архив. Как только я буду располагать свободным временем и будет какая-нибудь надежда на печатание, я пришлю тебе статью о развитии торговли и о современном положении английской промышленной буржуазии. Сейчас я в течение двух или трех недель буду отдавать все свое время русскому и санскритскому языкам, которыми я теперь занимаюсь, а впоследствии, когда я получу из Германии материал, я займусь военными вопросами. Но это не к спеху, да и работа эта более легкая.

Пора сдавать письма на почту. Сердечный привет твоей жене и Клуссу.

Твой Ф. Э.

110.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру
в Нью-Йорк.

Лондон, 30 апреля 1852 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Вейдемейер!

С большим удовольствием узнал о печатании. Письмо Лупуса не следует принимать всерьез. Ты знаешь, что при наших весьма стесненных обстоятельствах преобладает несколько чрезмерная нервность, которую нужно «скидывать со счета», чтобы получить правильный итог.

Твоей статьи против Кинкеля, помещенной в «Turnzeitung», ни я, ни Энгельс еще не получали. Я жду ее с большим нетерпением, так как твоя полемика против Гейнца была великолепна.

Мне *крайне неприятно*, что заявления Пфендера появляются в брошюре. Они вполне подходили для еженедельника, так как то, что появляется в журнале сегодня, завтра предается забвению. Но в брошюре это обращает на себя слишком большое внимание, слишком смахивает на партийный манифест, а между тем, если бы мы желали напасть на этих мерзавцев, то, конечно, могли бы сделать это лучше и иначе, чем это сделано в заявлении Пфендера. К сожалению, письмо это дойдет до тебя слишком поздно. Я веду здесь сейчас переговоры с одним книгопродавцем, который берется доставлять твою «Revolution» в Германию. На будущей неделе напишу об этом подробнее.

Что касается изобретения лака, о котором писали тебе я и Бандя, то ты не должен упускать этого дела из рук. Ты можешь

сразу разбогатеть. Напиши, когда в Нью-Йорке *открывается выставка*, и вообще все, что ты о ней знаешь. Ты можешь использовать этот случай также и для того, чтобы обзавестись знакомствами и завязать с иностранными купцами связи, необходимые для экспедиторского дела. Сейчас же обстоятельно и подробно напиши мне, каковы будут твои расходы на это. Суммы эти, конечно, должны быть даны тебе *заранее*. Во-первых, тебе нужен человек, который постоянно был бы на выставке и охранял вещи — ведь не можешь же ты из-за этой дряни проводить в этом здании целый день. Во-вторых, тебе нужны деньги на рекламы и объявления в газетах. Итак, пришли подробную смету расходов.

Что касается Семере, то его брошюра скоро будет готова. Но так как я не мог удовлетворить его требования и послать ему «пачку» номеров «*Revolution*», а наши враги, вероятно, нашептали ему, что твоя газета вышла только два раза, а затем снова закрылась, — то я не могу пока получить деньги оттуда, так как доверие этих людей поколеблено. Но он придет сюда *лично*, и тогда я все снова налажу. Жаль, если в первом же номере не появится твоя полемика против Кинкеля. Его песенка спета. Один датчанин, по имени Гольдшмидт, великолепно отделал его в фельетоне «*Kölnische Zeitung*», где он описывал свое свидание с ним и Шурцем в Лондоне. Дронке, который, освободившись от своего парижского заключения, прибыл наконец сюда, рассказывал, что в частном разговоре приятель Шурц назвал Кинкеля ослом, которого он, Шурц, только намерен использовать. Этот скромный «освободитель» Кинкеля протащил в аугсбургскую «*Allgemeine Zeitung*» статью, в которой он провозгласил себя «единственным значительным человеком среди лондонской эмиграции», объявил Кинкеля и Руге «устаревшими» и доказывал свое величие, ссылаясь на тот факт, что он собирается жениться на «богатой» девушке, свояченице Ронге, и после заключения брака уезжает в Америку. Какой великий человек! Что касается Теллеринга, то держи меня в курсе всего, что касается этого субъекта. *В подходящий момент* я смогу уничтожить его не только в глазах *нашей* партии, но и в глазах *всех* партий.

Вчера г. Кинкель устроил свой съезд поручителей. Г-н Виллих, весьма раздраженный против Кинкеля теми сведениями, которые мы передали ему косвенным путем (мы получили их через Клусса), не явился. Г-н Руге прислал письмо, где он объявляет Кинкеля агентом «пруссского короля» и разыгрывает из себя благородного человека. Г-н Рейхенбах заявил, что с этакой дрянью

он не хочет иметь ничего общего. Наконец, избрали постоянный комитет из семи человек, куда из лже-коммунистов вошел только Виллих, но он вряд ли примет избрание. Кроме того, туда вошел Леве из Кальбе, который уже отказался. Затем—Кинкель, Шютциз Майнца и Фиклер. Остальных двух я не знаю. Рассказывают, что эти скоты имеют не то 3000, не то 9000 долларов чистоганом. Они немедленно вынесли решение, что *семь членов временного правительства* должны получать *жалованье*. Об этом непременно сообщи в «Turnzeitung». Впрочем, вся эта мразь расплзается в разные стороны.

Часть экземпляров «Revolution» обязательно отложи для *Германии* и держи их наготове, пока не получишь моего распоряжения. Твое письмо к Джонсу я послал по назначению. Денег он *не* может платить. Он так же нищ, как и мы, и все мы пишем для него даром. Клусс, вероятно, сообщил тебе о борьбе между Джонсом и Гарни. Я послал ему подробные сведения на этот счет, но в американской прессе этого не следует разглашать возможно дольше. Положение крупной торговли и промышленности в Англии, а следовательно и на континенте, лучше, чем когда-либо. Благодаря особым обстоятельствам (Калифорния, Австралия, торговое проникновение англичан в Пенджаб, Синд и другие недавно завоеванные части Ост-Индии) может случиться, что кризис оттянется до 1853 г. Зато, когда он разразится, он будет ужасен. А до тех пор нечего и думать о революционных потрясениях. Процесс кельнцев опять отсрочен до июльской сессии. До тех пор суды присяжных в Пруссии, будут, вероятно, совсем отменены. Филистер Люнинг, как я слышал от Дронке, приезжал сюда со своей супругой, чтобы объединить «Агитацию» и «Эмиграцию», но, конечно, безрезультатно.

Прощай. Передай сердечный привет твоей жене от меня и моей жены.

Твой К. М.

Я не встречал ничего глупее статьи Б[руно] Бауэра об «упадке Англии». Как этот субъект попал к Дана?

III.

Маркс — Посифу Вейдемейеру
в Нью-Йорк.

Манчестер, 28 мая 1852 г.

Дорогой Вейдемейер!

Я провел здесь несколько дней вместе с Энгельсом и получил здесь твое письмо. Тебе придется сегодня удовлетвориться несколькими строками.

Главная цель моего послания — осведомить тебя относительно трех субъектов, которые придут в Америку.

1) *Гейзе* (из каселльской «Hornisse») — агент *Виллиха* (за спиною Кинкеля, с которым он находится в плохих отношениях, старается способствовать распространению славы *Виллиха*). Между прочим, г. Виллих принадлежал к числу кавалеров баронессы Брюнинг, у которой он, Техов, Шиммельпфенниг и др. раз в неделю получали даровой обед. Брюнинг — кокетливая женщина, и ее забавляло дразнить старого козла, разыгрывающего из себя фата. В один прекрасный день он учинил прямое физическое покушение на нее, после чего был с позором выставлен за дверь. Хорошенько следи за Гейзе и не очень-то ему доверяй.

2) *Шютц* из Майнца. Кинкелевец. Член комитета по управлению европейско-американским национальным займом.

3) *Конрад Шрамм*. Мы дали ему очень осторожно составленный мандат, так что *без тебя* он не сможет сделать ни шагу. К. Шрамм вместе со своим братом и друзьями своего брата иногда не совсем честно вел себя. Нужно оказывать ему не *безусловное*, а *очень ограниченное* доверие. Здесь, под влиянием неблагоприятной обстановки, он сильно *опустился*; в денежных делах он совершенно ненадежен и не очень разборчив, склонен к коммивояжерским бравадам и хвастовству, так что легко может скомпрометировать окружающих. С другой стороны, у него есть и хорошие качества... Считаю долгом заранее предупредить вас обо всем этом. Сообщи эти замечания также и Клуссу.

Что касается письма Лупуса, то ты не должен понимать его буквально. Вольф писал в момент возбуждения и вполне учитывает те многочисленные трудности, которые стояли на твоём пути.

Не забудь в следующий раз послать мне подробный отчет о «корпусе Виллиха» в Нью-Йорке.

Передай от меня твоей жене сердечный привет. Надеюсь, что, «несмотря ни на что», все еще уладится.

Дана писал мне, что он даст статью о кельнцах, как только ты дашь ему сведения. Сходи к нему. В июне кельнцы предстанут перед чрезвычайной сессией суда. Говорят, что Даниэльс заболел чахоткой, а Беккер наполовину ослеп. Переговори поскорее с Дана и пришли мне статью. Она послужит утешением для жены Даниэльса.

Твой К. Маркс.

[*Приписка Энгельса:*]

Дорогой Вейдемейер!

Что касается Гейзе, то я познакомился с ним в Пфальце. Это

демократический бездельник, любитель слушать скверные острооты обо всем на свете и готовый связаться с кем угодно для того, чтобы осуществить хвастливые демократические планы завоевания и освобождения мира. В последнее время, с тех пор как он в Лондоне, он общался только с другими и никогда не бывал у нас. Теперь он, конечно, целиком в руках этой публики. Писать о чем-либо другом нет времени. Привет твоей жене.

Твой Ф. Энгельс.

112.

Энгельс — Посифу Вейдемейеру
в Нью-Йорк.

Манчестер, 11 июня 1852 г.

Дорогой Вейдемейер!

Мы получили первый выпуск «*Revolution*»; мы все же надеялись, что тебе удастся поместить в нем стихотворение Фрейлиграта против Кинкеля, — ведь это не очень увеличило бы расходы. Избежать сжатости шрифта и большого формата, ввиду недостатка средств, было, конечно, нельзя, но это очень жаль, так как сильно затрудняет чтение, особенно из-за опечаток, совершенно искажающих смысл. Нас крайне удивляет, что ты затрудняешься пересылать нам заказанные 300 экземпляров иначе, как почтой. Твои тамошние знакомые, Гельмих и Корф, должно быть, порядочные ослы, раз они не сказали тебе, что почтовые пароходы принимают пакеты и даже тяжелые товарные посылки и что в конторе этих пароходов — но, конечно, не на почте — можно узнать все подробности относительно фрахта и т. д. О том, где находятся конторы этих пароходов, можно узнать из любого газетного объявления, так как каждое объявление подписывается местной конторой. Кроме того, существует масса экспедиторских фирм, отправляющих подобные посылки, например Эдвардс, Сендфорд и К^о в Ливерпуле и Лондоне. Эта компания имеет отделение и в Нью-Йорке. Пакет нужно адресовать просто так:

(наверху) С пароходом.

через гг. Эдвардс, Сендфорд и К^о, Ливерпуль.

под этим: Ф. Энгельс]

через гг. Эрмен и Энгельс.

Непереплетенные печатные издания.

Манчестер.

Вот и все. Пересылка таким способом обходится всего в несколько шиллингов, которые сможет уплатить фирма Эрмен и

Энгельс. Очень плохо, что люди, вроде Гельмиха и Корфа, прожившие так долго в Нью-Йорке и занимающиеся к тому же торговыми делами, не знают таких вещей, которые известны здесь каждому младенцу. — Экземпляры «Turnzeitung» до сих пор не получены ни здесь, ни в Лондоне; наведи справки в тамошней почтовой конторе.

Расходы на печатание огромны. Если бы мы печатали журнал в Лондоне, это обошлось бы в 5 ф. ст. за печатный лист, т. е. вряд ли дороже того, что тебе приходится платить. А между тем, бумага у вас должна быть дешевле, ведь здесь она облагается внутри страны налогом в 1½ пенса (3 цента) за фунт. Наведи справки у ваших оптовых торговцев бумагой относительно цен и сообщи нам.

Все, что предназначено для Европы, присылай сюда. Маркс нашел в Лондоне солидного немецкого книгопродавца, которого он сможет контролировать и который за небольшой процент возьмет на себя распространение как здесь, так и в Германии, Швейцарии и т. д. Если, когда ты получишь это письмо, пакет с 50 экземплярами №№ 1, 2, 3 для Лондона и 250 — для Кельна еще не будет отправлен, то воспользуйся случаем и вложи в него такое количество экземпляров, которое ты сочтешь, по твоему мнению, достаточным и целесообразным послать для распродажи в Германии. Если же посылка уже ушла, то подожди посылать остальное, пока мы тебе не напишем. Здесь мы, конечно, назначим более высокую цену, с учетом расходов и комиссионных для книгопродавцев; 15 зильбергрошей немецкий филистер может заплатить.

Так как второй выпуск должен содержать исключительно фрейлигратовские стихотворения, то он наверное уже напечатан. Такие вещи, особенно стихотворение о Кинкеле, ни минуты нельзя задерживать дольше, чем это вызывается необходимостью. В сущности, этим стихам следовало бы в том или ином виде появиться уже тогда, когда Кинкель возвратился в Нью-Йорк; чем дольше они лежат, тем больше они теряют в своей актуальности, так как даже для таких вещей, которые написаны для вечности, существует определенный промежуток времени, когда они всего лучше оплачиваются и наиболее отвечают современности. А так как я, в частности, пишу не для вечности, а, наоборот, для непосредственной современности, то моя статья об английской буржуазии несколько устареет, в особенности потому, что подобная работа, вполне подходящая для газеты или еженедельника, если ее помещать частями среди прочего материала, покажется недостаточно актуальной и интересной для американско-немецкой публики, если ее напеча-

тать в журнале, где уже по самому своему объему она займет главное место. Кроме того, вполне возможно, что г. Дерби слетит еще раньше августа, а ведь такие вещи приятно предсказывать заранее.

Дронке очень благодарен Корфу за его доброе намерение, но не собирается ехать в Америку, так как он только что взял место агента одной парижской фирмы по оптовой торговле портсигарами и т. п. Кроме того, ни Дронке, ни кто-либо другой из нас не поддерживает с Корфом тех старых, приятельских отношений, какие были в первые месяцы существования «*Neue Rheinische Zeitung*»; мы еще слишком хорошо помним, при каких обстоятельствах пришлось удалить Корфа из газеты и как он после этого опубликовал в Нью-Йорке мои венгерские статьи под своим именем. В мелочах он может тебе быть полезным, но лучше, если ты не слишком будешь ему доверять. Маркс особенно настаивает на том, чтобы Корф не совал свой нос в отношения между Марксом и Дана, — тут он уже, кажется, устроил какую-то гадость. То место в твоём письме, где ты говоришь, что Маркс уже наверное убедился из письма самого Дана, как мало можно сделать для нашего дела с помощью «*Tribune*», нам совершенно непонятно, так как Дана написал Марксу чрезвычайно дружеское письмо, прося его не только продолжать немецкие статьи, но и присылать ему другие. Мы, конечно, не хотим, чтобы Корф в какой-либо мере выступал там в качестве какого-то представителя или защитника личных интересов кого-либо из нас.

Так как американская выставка все откладывается, то лучше не предпринимай никаких дальнейших шагов в кожевенном деле, пока не получишь от нас указаний по этому поводу. Маркс сейчас здесь и поэтому не может в данный момент переговорить с венгерцем. Мы сейчас здесь заняты одной очень интересной и забавной работой, которая немедленно же будет напечатана. Получив первые экземпляры, мы тотчас же пошлем тебе один и тогда обсудим, сможешь ли ты использовать эту вещь, и нельзя ли выручить за нее деньги для дальнейшего печатания брошюр. На этот раз это такая работа, которая безусловно хорошо разойдется. — Энкариусу насчет окончания статьи уже написано; прибавить к ней можно немного, так как рабочие, конечно, потерпели поражение.

С нашим дорогим, доблестным Виллихом стряслось большое несчастье. Баронесса Брюнинг раз в неделю приглашала к себе на обед находящихся в Лондоне прусских лейтенантов и тому подобных великих людей и имела обыкновение немного кокетничать с этими галантными рыцарями. Наш добродетельный Виллих,

повидимому, потерял голову и, находясь однажды наедине с этой молодой дамой, в порыве бешеной страсти совершил вдруг неожиданное довольно зверское нападение на нее. Но в расчеты мадам это совсем не входило, и она приказала без всяких церемоний вышвырнуть нашего целомудренного рыцаря за дверь.

«Благо тому, кто добродетель любит,
Горе тому, кто добродетель губит!
И вот я, бедный юноша,
Был вышвырнут за дверь».

Высоконравственный стоик, который обычно обнаруживал гораздо больше симпатии к молодым белокурым портновским подмастерьям, чем к красивым женщинам, может поздравить себя с тем, что он не очутился в конце концов под замком («zu Kassel auf der Wache») за этот произвольный, стихийный порыв своего оставшегося так долго скованным физического «я». Про эту историю узнали, и теперь ее с восторгом рассказывают по всему Лондону. Между прочим, возможно, что этот благородный господин вскоре окажется у вас в Нью-Йорке. Этот человек, «пользующийся уважением всех партий и даже своих врагов», с каждым днем все больше теряет почву под ногами. С Кинкелем и Шаппером, своими двумя опорами справа и слева, он продолжает быть связанным только скрепя сердце (с Кинкелем — по соображениям денежным), так как он ненавидит их обоих так же, как и они его; от низших слоев эмиграции ему уже не раз доставалось, и он от них отошел. Эта последняя история отнимет у него всякую возможность бывать в домах, где есть женщины, да и блеск его добродетели теперь уже совсем померк. Но зато он прослышал, что в Нью-Йорке собрались люди виллиховского корпуса и благородный Вейтлинг вдобавок тоже там; поэтому, как только деньги из кассы займа перестанут в изобилии притекать к нему, он, конечно, двинется в Америку. Он уже выслал вперед в качестве своего апостола Гейзе из Касселя: этот субъект принадлежит к его *личной* свите. Далее, в качестве своего второго предтечи он посылает туда беднягу старика Мирбаха, который из-за горькой нужды попал ему в руки и благодаря своему полному незнакомству с прошлым эмиграции и своей теоретической путанице, естественно, поддался обаянию благородных манер. Это в сущности очень хороший малый; в политическом смысле он нуль, но в других отношениях заслуживает уважения, а с военной точки зрения он, по-моему, в 10 раз ценнее, чем все лондонские великие люди. Он бывал у Маркса, но всякий раз под

надзором болвана Имандта и честного осла Шили, так что с ним ни разу не удалось поговорить откровенно.

В Америке Виллих был бы на своем месте. Старая нью-йоркская шайка, которая сейчас, должно быть, совсем одичала и превратилась в сборище хулиганов и бездельников, очень скоро им пресытилась бы и как следует проучила бы его. Уже и здесь его отношения с здешними прохвостами за последнее время напоминали отношения в притоне шайки мошенников, готовых из-за добычи вцепиться друг другу в волосы. Его друг, опытный пройдоха Вейтлинг, точно так же уготовал бы ему блестящее будущее.

Однако я должен уже кончать. Маркс шлет тебе привет. Сердечный привет от нас обоих твоей жене.

Твой Ф. Э.

113.

Маркс — Готфриду Кинкелю
в Америку

[Черновик.]

[Лондон,] 22 июля 1852 г.
5 Suttonstreet, Soho.

Контора газеты «People's Paper».

Г о с п о д и н у д - р у И. Г. К и н к е л ю .

Мне сообщили, что в Цинциннати Вы осмелились сказать Аннеке или кому-то другому следующую фразу: «Маркс и Энгельс [не революционеры, а два негодяя, которых в Лондоне рабочие вышвырнули из пивных].»¹

Ожидаю от Вас немедленного ответа.

Молчание буду считать признанием.

Д-р К. М.

114.

Маркс — Ф. А. Брокгауз
в Лейпциг.

Лондон, 19 августа 1852 г.
28, Deanstreet, Soho.

Милостивый государь!

Настоящим я запрашиваю, не нужно ли Вам для Вашей «Gegenwart» следующего обозрения: «Современная политико-экономическая литература в Англии, от 1830 г. до 1852 г.». Насколько я знаю,

¹ В черновике эта цитата не приводится; текст ее взят из письма Маркса к Энгельсу от 6 августа 1852 г.

подобной работы не выходило до сих пор ни на английском, ни на немецком языке. Она охватывала бы: 1) общие работы по политической экономии, 2) появившиеся за этот период специальные сочинения, поскольку они касаются споров, открывающих собой новую эпоху, т. е. сочинения о населении, колониях, банковском вопросе, покровительственных пошлинах и свободе торговли и т. д. Если Вы склонны принять это предложение, то я должен знать размеры этой работы, обусловленные общим планом Вашего издания, так как в соответствии с этим пришлось бы распределить отдельные части сочинения.

Другая работа, которая была бы, пожалуй, своевременной в данный момент, — это «Современное состояние партий» (тех, которые будут противостоять друг другу в ближайшем парламенте). В ожидании Вашего ответа

Преданный Вам

д-р *Карл Маркс*.

115.

Маркс — Адольфу Кюссу

в Вашингтон.

Лондон, 5 октября 1852 г.

28. Deanstreet, Soho.

Дорогой Кюсс!

Твое письмо от 26 сентября получено сегодня очень поздно. Поэтому, поскольку ты просишь немедленно ответить, я ограничиваюсь лишь несколькими строками. В ближайшую пятницу отправлю тебе более обстоятельное послание. Историю с г-жей Брюнинг (она не шпионка, но является корреспонденткой своей тетки княгини Ливен в Париже — заведомой шпионки) я узнал от Бандя. Но по *весьма уважительным причинам* он не хочет, чтобы его имя было упомянуто в этой связи, иначе он потеряет ряд важных для нас «источников информации», которые необходимо иметь.

Можешь написать Шнауферу, чтобы он попросту ответил, что не нуждается ни в каких дальнейших ссылках на кого бы то ни было, так как оба его (Брюнинга) *приятеля, Кинкель и Виллих*, сами распространяли в Лондоне слухи о том, что г-жа фон-Брюнинг имеет подозрительные политические связи.

Что *Виллих* высказывался таким образом, это настолько известно, что Шimmelъpfенниг потребовал у него объяснений по этому поводу. В случае необходимости можно сослаться на свидетелей этого.

Кинкель прямо высказывал это подозрение, например, своему другу щеточнику Камму (из Бонна), когда последний был здесь проездом по пути в Америку. А Камм разболтал это дальше.

Разумеется, Виллих обнаружил подозрительный характер этой дамы лишь после того, как она дала ему отставку.

Твой *К. М.*

116.

Марке — Адольфу Клуссеу
в Вашингтон

[Лондон,] 8 октября 1852 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Клуссе!

Твои еженедельные письма стали для меня такой потребностью, что я никак не могу примириться с твоим новым методом, и я, со злости на твое молчание, молчал и сам. Ты вероятно уже получил мое письмо относительно Брюнинг. Мы поступим совершенно правильно, оплатив бесстыдному Готфриду той же монетой. Согласно последнему отчету Имандта о собрании лондонских поручителей, появившемуся в выдержках в «*Wesker*», *Техов* (он теперь уехал в Австралию) поднялся и сказал: «Кто пользовался гостеприимством Брюнинга, тем особенно стыдно распространять клевету на г-жу фон-Брюнинг». Кинкель, ни мало не смутившись, с ясным челом, уверял в своей невинности, хотя Имандт мог бы уличить его во лжи. Виллих сидел, как пригвожденный к месту.

Что касается второй истории, — относительно уплаты жалованья, — то тут я ничего не могу больше выяснить, так как общавший мне об этом Бискамп — *я прошу его, однако, не называть* — переселился во Францию, а в переписке с ним я не состою. Но как бы ни обстояло дело с жалованьем, установлено следующее:

1) что Кинкель и Виллих истратили 200 ф. ст. и не дали заседавшему в Лондоне съезду поручителей сколько-нибудь удовлетворительного отчета в этой сумме;

2) что Виллих под видом расходов на корреспонденцию платил сам себе жалованье, пока это было возможно;

3) что Кинкель, — вот доказательство его честности в денежных делах, — явившись после своего побега в Париж, тотчас по прибытии сообщил по секрету члену правления славянско-немецкого и пр. революционного комитета, что, мол, было бы желательно, чтобы живущие в Париже немецкие демократы устроили в честь его

приезда ужин, о котором он затем сообщил бы во всех газетах. (*Впоследствии это действительно было сделано.*) На вопрос, откуда взять для этого деньги, Готфрид ответил, что их можно взять из фонда революционного комитета. Когда же ему на это заметили, что в кассе не только нет денег, но имеется значительный дефицит, Готфрид заявил, что деньги может дать займы член комитета (Бандя), с которым он говорил. Ведь он, Кинкель, настолько популярен в Германии, что деньги потекут рекой. Впоследствии тот же самый Кинкель взял у Бандя за счет революционного комитета 500 франков на свои личные нужды. Расписка его еще сохранилась. Денег он и по сей день не уплатил.

Расписку я видел, но Бандя настаивает на том, чтобы его не называли, так же как и Хефнер, который также присутствовал при этом. Они правы. Политика Кинкеля сводится к тому, чтобы посредством бессовестной лжи (что человек этот лжет, доказывает его история со мной и *д-ром Виссом*, который вынужден был выступить с *публичным опровержением*, потому что Кинкель уверял, что он не имеет ничего общего с «займом, выпущенным от его имени». См. «New Yorker Deutsche Zeitung» и там же заявление Висса. Используй *этот* факт) заставить меня открыть свои карты и дать ему возможность постепенно выведать все те источники, с помощью которых я разоблачаю его проделки. В таком случае я оказался бы неспособным к борьбе. Этого нельзя делать.

По «Kölnische Zeitung» ты можешь следить за разбирательством дела наших друзей, которое началось 4-го этого месяца. Состав присяжных чертовски плох. Все это представители крупного землевладения и крупного капитала, а именно: правительственный советник фон-Мюнх-Беллингаузен, Гелинг фон-Ланценауэр, барон фон-Фюрстенберг, фон-Бианко, фон-Тесселер, фон-Рат, Иост (крупнейший сахарозаводчик в Кельне), Карштадт (один из крупнейших кельнских банкиров), Д. Лейден (крупный капиталист), наконец — Левен (виноторговец) и профессор Крауслер.

Появились ли в «Tribune» две мои последние статьи о всеобщих выборах? Две первые статьи вызвали в Англии большой интерес. Джонс перепечатал их.

При сем посылаю тебе:

1) Письмо Имандта.

2) Копию статьи в «Morning Advertiser» от 6 октября, в которой злосчастные Руге — Ронге пытаются *обратить на себя внимание*. Здешний Союз просит тебя немедленно написать письмо в «Morning Advertiser» (подпишись *д-р Смит* или как-нибудь в этом роде); в этом

письме ты должен высмеять немецкое Техасское («lone-star») [общество], у которого нет ни пути (lone), ни звезды (star), и указать газете «Morning Advertiser», что она может не беспокоиться за Америку из-за этого мыльного пузыря, так как он давно уже успел в Америке лопнуть. (Копию пришли нам.)

3) Письмо Массоля из Парижа, которое я прошу вернуть. Массоль — один из одареннейших французов *старшего поколения* (поколения сороковых годов), бывший раньше сен-симонистом, прудонистом и т. д. *Человек и книга*, которых он имеет в виду, — это Прудон и книга Прудона о Бонапарте.

Мне кажется, вы теперь должны были бы как следует приняться за Гейнцена, изводя его тем, что эта дубина с 1847 г. систематически отмалчивается при всех принципиальных нападках на него (нападки Вейдемейера, например, и затем твои), а после того, как проходит месяц-другой, как ни в чем не бывало опять выступает в своей роли ярмарочного шарлатана.

Твой К. М.

Кстати. Скучные крохи учености, весьма поразительной ввиду общеизвестного невежества Гейнцена, которую он обнаруживает, когда пишет об историческом развитии брака, этот несчастный списал из книги Г. Юнга. «Geschichte der Frauen» [«История женщин»], часть I, Франкфурт-на-Майне 1850. Сам Юнг взял материал из следующих сочинений: Майнерс. «Geschichte des weiblichen Geschlechts» [«История женщины»], 4 тома, Ганновер 1788—1800, и из Ж.-А. де-Сегюр. «Les femmes etc.» [«О женщинах и т. д.»], 3 тома. Париж 1803, и преподнес все это под младогегельянским соусом. А. Мейнерс и Сегюр использовали: В. Александер. «History of women etc.» [«История женщин и т. д.»], 2 тома, Лондон 1782, 3-е издание, и Тома (Франц. академия). «Essai sur le caractère etc. des femmes, etc.» [«Исследование о характере и т. д. женщин и т. д.»], Париж 1773.

Наконец, о взглядах на этот вопрос гегелевской школы, (старый плут и дурак Руге, совсем, повидимому, впавший в детство, слишком глух, чтобы его принимать во внимание) смотри: И. Унгер. «Die Ehe in ihrer welthistorischen Entwicklung» [«Брак в его всемирно-историческом развитии»], Вена 1850.

С помощью этой «библиографии» ты сможешь отбить у несчастного Гейнцена охоту выдавать за новые открытия фразы, выхваченные у социалистов, а немецко-американской публике сможешь указать те источники, в которых она найдет материал, если интересуется этим вопросом.

117.

Женни Маркс — Адольфу Клуссу
в Вашингтон¹

Лондон, 15 [октября 1852 г.]

Дорогой г. Клусс!

Мой муж назначил меня сегодня своим заместителем, и вот я спешно приступаю к своим функциям личного секретаря. А на мужа моего производится такой нажим и дома и вне дома, что он вынужден целый день бегать по домашним делам и сейчас в 5 часов еще не вернулся домой, чтобы прежде всего закончить дело Брюнинг против Клусса. Не предпринимайте *пока ничего по этому делу, ровно ничего* до следующего парохода. Иманд хотел уже сегодня послать заявление, доказывающее, что Виллих и Кинкель оскорбительно отзывались о г-же Брюнинг. Вместе с тем он хотел свалить всю сплетню на старого плута Руге, нынешнего рыцаря и спасителя княжеской невинности. Это тем легче сделать, что слух возник и распространился как раз в тот момент, когда этот старый осел на основании свидетельства своего задушевного друга Гросса объявил Кинкеля агентом пр[инца] П[русского] и заявил, что его освобождение достигнуто с помощью принца, Брюнинг же будто бы играла при этом главную роль и дала на это деньги. В Германии и то и другое передавалось нераздельно, и в той же самой статье Руге (как вспоминает Дронке, хотя ничего определенного сказать об этом нельзя) будто бы говорил о подозрительном окружении, в котором находится здесь Готфрид. Вся эта глупая история — только заговора мщения против Маркса — Клусса, которых они обвиняют в распространении гнусной анонимной сплетни и клеветы, между тем как это промысел, в котором сами эти негодяи давно уже достигли высшей виртуозности. После того как старик померанец² вступился за княгиню, он лично явился с визитом к этой высокопоставленной даме. Гейнцен надеется, повидимому, найти здесь наряду с вигским источником княжеские золотосные россыпи для своего «Janus»'а и использовать их. Неправда ли, смешно ведет себя эта свора, поднимая негодующий крик в обеих частях света, после того, как они так долго нагромождали подлость на подлость, сплетню на сплетню, клевету на клевету? И к тому же в статье, собственно, ничего нет: ведь она, по крайней мере, осторожно и сдержанно, собственно только намеками, дает понять то, о чем эти приятели говорили прямо и открыто. Эта история отвратительна тем, что хотелось бы быть подальше от подобного сброда, а из-за этакой чепухи приходится вступать с ними в драку. Мой муж хотел сегодня послать Вам статью от своего имени, разъясняющую появление Вашей статьи в «Wecker». Но Иманд считает, что не следует вмешивать в это дело моего мужа, на которого они как раз и точат зубы. Поэтому он решил сам написать заявление. К сожалению, оно еще не готово! Не предпринимайте, однако, ничего по этому делу, пока не получите дальнейших указаний. Мейен сообщил сегодня Дронке, что Виллих и Кинкель дали честное слово, что они никогда не говорили ничего оскорбительного об этой женщине. Значит этих господ уже допрашивали. Как видите, и здесь делу придается большое значение. Ответ Шнауфера, между прочим, с его точки зрения, очень хорош, остроумен и меток,

¹ Выдержки из письма. Выпущенные места, обозначенные многоточием в квадратных скобках, не представляют интереса, так как носят чисто личный характер.

² Ruge.

и, право, обоим философам не следовало бы так нападать друг на друга потому лишь, что один раз оказалась задетой знатная дама. Кому было дело до того, что Руге распространял про моего мужа самые подлые, самые оскорбительные, окончательно губившие его репутацию слухи, и притом в такое время, когда моему мужу нельзя было ничего отвечать по партийным соображениям, ради своих друзей в Германии [...]

Экземпляры «Брюмера» еще не прибыли. Со следующей почтой мой муж пошлет Вам два номера «People's Raree» с Вашими статьями [...]

Еще одно. Сдерживайте немного Якобуса Штутцеля, чтобы он не хватил через край. Нужно избегать скандалов с этой мразью, так как они теперь стремятся втянуть нас в скандал, чтобы таким путем заставить забыть их прежние мерзости. Нужно быть сейчас несколько дипломатичнее с этими «чисто объективными, принципиальными, честными и добродетельными» кумушками.

Вы, конечно, следили по «Kölnische [Zeitung]» за кельнским процессом? Сегодня получены показания Беккера. Так как против него не было улик, то было условлено о том, чтобы совсем вызвать Беккера из этого дела. Этим объясняется его способ защиты, который демократы с энтузиазмом подхватят, чтобы причислить Беккера к своим и провозгласить его свободным, независимым, не следующим слепо никаким определенным догмам какого-то тайного общества, демократом, истинным героем, как раз потому, что он самый слабый из всех и у него больше демократических пережитков, чем у других. Если крикун Гейнцен захочет использовать это дело и станет превозносить Беккера, то Вы можете тотчас же заявить, что защита была условлена и что Беккер еще незадолго до своего ареста убедительно просил моего мужа выступить вместе с ним в его журнале против всех официальных демократов и высмеять всех их: Руге, Гейнца, Кинкеля, Виллиха и т. д. и т. д. Он хотел также напечатать сумасбродные письма Виллиха. От его освобождения господам демократам также ничего хорошего ожидать не приходится и т. д. Я спешу закончить. Нужно идти на почту.

С сердечным приветом

Женни Маркс.

Напишите поскорее опять.

Ваши письма всегда доставляют большое удовольствие. Мой муж всегда говорит: было бы у нас побольше таких молодцов, как Клусс, тогда можно было бы не мало сделать. Будьте пока не слишком активны. Пусть негодяи опять перегрызутся между собою, а то они, пожалуй, бросятся друг другу в объятия, чтобы бороться с «общим врагом», со злой, отвратительной, ядовитой змеей — Марксом и его кликой.

118.

Маркс — барону А. фон-Брюнингу

в Лондоне.

[Черновик.]

[Лондон,] 18 октября 1852 г.
28, Deanstreet, Soho.

Господину барону А. фон-Брюнингу!

С сегодняшней почтой я получил «Baltimore Wecker» от 27 сентября 1852 г., где помещено Ваше заявление. Так как я, как *один*

из корреспондентов А. Клусса из Вашингтона, непосредственно замешан в этом деле, то я прошу Вас назначить мне место, где мы могли бы встретиться в четверг или пятницу (на этой неделе). Я приведу, с своей стороны, одного свидетеля и прошу Вас о том же, но заранее заявляю, что этим свидетелем не может быть ни *Руге*, ни *Ронге*, ни *Кинкель*, ни *Виллих*, так как эти господа замешаны в этом деле, ни *Шиммельнфенниг*. В Париже этот господин открыто обязался «уничтожить меня какой угодно клеветой». Хотя я и не верю, чтобы у него хватило сил для этого, но после подобного заявления я не могу с ним встречаться.

Я разъясню Вам тогда, какое отношение я имею к балтиморской статье, и, если мое объяснение будет для Вас недостаточным, я готов буду дать Вам принятое между джентльменами удовлетворение.

Преданный Вам

д-р *Карл Маркс*.

119.

Женни Маркс — Адольфу Клуссе

в Вашингтон ¹.

[Лондон, 28 октября 1852 г.]

Вы наверное следите за громким процессом коммунистов по «*Kölnische Zeitung*». После заседания 23 октября все дело приняло такой величественный, интересный и выгодный для обвиняемых оборот, что все мы снова как-то ожили. Вы, конечно, понимаете, что «партия Маркса» работает день и ночь, работает головой, руками и ногами...

Все утверждения полиции — чистойшей ложь. Она крадет, подделывает, взламывает письменные столы, дает ложные присяги, лжесвидетельствует и, вдобавок ко всему, считает, что находится в привилегированном положении по отношению к коммунистам, поскольку они поставлены вне общества. Буквально волосы дыбом становятся от всего этого и от той манеры, с какой полиция, в лице самой гнусной своей фигуры, присваивает себе все функции министерства юстиции, отодвигает Зедта на задний план, а незасвидетельствованные записки, простые слухи, донесения, сплетни выдает за действительно установленные судебным путем факты и доказательства. Доказательства того, что все это фальсифицировано, должны быть доставлены отсюда. Моему мужу приходится, таким образом, работать днем и ночью. А затем документы, переписанные в шести и даже восьми копиях, надо различными путями отправлять в Германию, через Франкфурт, Париж и т. д., так как все письма на имя моего мужа, так же, как и письма отсюда в Кельн, вскрываются и похищаются. Все это, вместе взятое, составляет ту борьбу, которая ведется сейчас между

¹ Отрывок. Перевод сделан с текста, опубликованного Мерингом в его «*Neue Beiträge zur Biographie von K. Marx und F. Engels*», «*Neue Zeit*», Jg. 25. В. 2, за 1907 г., стр. 161.

полицией и моим мужем, которому приписывают решительно все, всю революцию, и даже руководство процессом.

Простите меня за это бестолковое письмо, но я тоже принимаю участие в работе и переписывала столько, что пальцы онемели. Отсюда сумбурное письмо. От Веерта и Энгельса только что получены целые кипы купеческих адресов и мномо коммерческих писем, чтобы без риска пересылать документы и пр. У нас теперь целая канцелярия. Двое-трое пишут, другие бегают по поручениям, третьи раздобывают пенсы, чтобы писцы могли существовать и приводить против старого официального мира доказательств неслыханнейшего скандала. А в добавление ко всему раздаются пение и свист трех моих неугомонных ребят, которые то и дело получают нагоняй от своего отца. Вот суматоха-то! Прощайте и поскорее напишите нам.

120.

Маркс — д-ру Эдуарду Фезе
в Дрезден.

[Черновик.]

[Лондон, конец ноября 1852 г.]

Его В ы с о к о р о д и ю г. Фезе!

Вам, конечно, показалось чрезвычайно странным, что я писал Вам, совершенно незнакомому мне человеку, как старому знакомому. В этом виноваты Веерт и Рейнгардт. Впрочем, я понимаю, что жестоко ошибся. Будучи знакомы с Кампе, этим старым ростовщиком, клятвопреступником и сожителем своей служанки, Вы должны были бы знать, что этот субъект принадлежит к числу моих смертельных врагов, и потому не должны были бы предлагать ему моей брошюры. Это дало ему желанный случай, ничем не рискуя, наговорить мне дерзостей окольным путем. Лично я этого субъекта не знаю, хотя я прекрасно осведомлен относительно него. Моя смертельная борьба с псевдо-либералами является достаточным поводом для того, чтобы быть объектом его интриг, на которые — он может быть уверен в этом — я ему в свое время отвечу.

Во-вторых, Вы не имели никакого права в ответ на мой запрос писать г. Б[андя]. Насколько мне известно, с г. Б[андя] познакомил Вас я, но я никогда не представлял Вам его как человека, посвященного в мои личные дела. Странно, что о нахальных выходках Кампе Вы сообщаете мне через третье лицо, которое г. Кампе, как уверяет Веерт, называет *шпионом*. Об этом я сообщу Б[андя].

Если это послание Вам не нравится, то приезжайте в Лондон, — Вы ведь знаете, где я живу. Вы можете быть уверены, что я в любую минуту готов дать Вам обычное удовлетворение.

Д-р К. Маркс.

121.

Маркс — Иоганну Бандя
в Лондоне.

[Черновик.]

Лондон, 3 декабря 1852 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Бандя!

Сегодня я получил письмо от Энгельса с очень странными сообщениями.

Энгельс не писал по данному Вами адресу, потому что он считает, что ответ на письмо, которое написано не по прямому адресу, а через посредство второго адресата до востребования, ничего не может доказать.

Зато Энгельс навел справки через своих деловых друзей в Берлине. После тщательных розысков эти друзья сообщили ему следующее:

- 1) никакой фирмы Кольман не существует;
- 2) по указанному адресу 58 или 59 на Neue Königstrasse никакого Кольмана нет
- 3) вообще Кольмана в Берлине разыскать нельзя.

Далее, Энгельс обращает мое внимание на то, что оба письма, подписанные фамилией Эйзерман, и письмо, подписанное фамилией Кольман, написаны *одним и тем же* почерком; что во всех трех письмах одна и та же странная особенность — на них нет почтового штемпеля; что в двух первых письмах в качестве *издателя* прямо фигурирует Эйзерман, а в последнем — Кольман, и т. д. Наконец, что дело затягивалось под противоречивыми предложениями семь месяцев. Спрашивается, как можно *разумно* объяснить все эти противоречия, неправдоподобные заявления и таинственность в таком простом деле, как издание брошюры, особенно после того, как Кольман оказался такой же мистификацией, как и не существовавший издатель газеты «Konstitutionelle Zeitung» — Эйзерман?

Ссылкой на «доверие» фактов не уничтожишь, и уважающие себя люди вовсе не должны слепо доверять друг другу.

Признаюсь Вам, что с какой стороны я ни подхожу к этой истории, я всякий раз волей-неволей вынужден бываю признать, что она чертовски *темная*, и если бы не моя личная дружба к Вам, то я без всяких колебаний согласился бы с тем заключением, к которому приходит в своем письме Энгельс: «В конце концов, нас все же, повидимому, хотели обмануть».

Преданный Вам

К. Маркс.

P. S. В заключение Энгельс обращает мое внимание также на то, что ничего не было бы доказано и разъяснено даже и в том случае, если бы рукопись, о которой идет речь, снова появилась на несколько дней в Лондоне. Этим не было бы доказано ничего, кроме существования и подлинности рукописи, в чем никто не сомневается.

122.

Марке — Адольфу Клуесу
в Вашингтон¹.

Лондон, 7 декабря 1852 г.

Прилагаю: 1. Свою рукопись «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов». Эта рукопись была вчера послана в Швейцарию; там ее напечатают и в качестве новогоднего подарка господам пруссакам перебросят в Германию. Напечатай ее в Америке, *если думаешь*, что на американском рынке можно будет окупить хотя бы *издержки производства*. Если будет выручено больше, тем лучше. В таком случае надо заранее сообщить о ней в прессе, чтобы возбудить любопытство публики. Если брошюра может появиться в Америке, то ее следует, так же как и в Швейцарии, напечатать *анонимно*. Вы лучше оцените юмор брошюры, если учтете, что, за отсутствием штанов и обуви, автор ее находится как бы под домашним арестом, а *семья его* каждую минуту рисковала и рискует очутиться в *полной нищете*. Процесс еще глубже затянул меня в нужду, так как в течение 5 недель, вместо того, чтобы зарабатывать на хлеб насущный, я должен был работать для партии, борясь с махинациями правительства. Кроме того, процесс окончательно оттолкнул от меня немецких издателей, с которыми я надеялся заключить договор об издании моей Политической экономии. Наконец, арест Бермбаха лишил меня возможности реализовать посланные тобою экземпляры «18 брюме-ра», а через него еще в мае было заказано 300 экземпляров. Словом — сидим на мели. Здесь в Лондоне я повсюду распространил слух, что брошюра будет напечатана в Америке, чтобы можно было сделать диверсию из Швейцарии и напасть на пруссаков с тылу. Они подозревают, что что-то готовится, и расставят теперь таможенную стражу и полицейских агентов в Гамбурге, Бремене и Любеке.

2. Посылаю призыв к пожертвованиям в пользу кельнских заключенных и их семей. Помести его в различных газетах. Хорошо

¹ Копия, написанная рукою Зорге.

было бы, пожалуй, если бы и вы образовали в Америке комитеты. Здесь дело идет о партийной демонстрации. Как видишь, Эрнест Джонс выступает прямо как член партии. Может быть, вам следовало бы в примечании за вашей подписью подчеркнуть, что здесь дело идет не о революционном нищенстве в духе Кинкеля и др., а об *определенной* партийной задаче, выполнить которую рабочая партия обязана по долгу чести.

Более пространное заявление по поводу гнусного поведения правительства в кельнском процессе (подписанное мною, Лупусом, Фрейлигратом и Энгельсом) появилось в различных лондонских газетах. Прусское посольство особенно обижено тем, что это бесцеремонное разоблачение прусского правительства было помещено в *наиболее изысканных и респектабельных* лондонских еженедельниках — «Spectator» и «Examiner».

«Morning Advertiser» не поместил твоего письма; не потому ли, что он почуял опасность?

Помещенная в «Abend-Zeitung» заметка, которую вы прислали мне и в которой меня обвиняют в связи с полицией и т. д. и т. д., является гнусной выходкой г. М. Гросса, на которую его мог подстрекнуть любой из живущих в Нью-Йорке сторонников Виллиха. Какую роль играл этот «честный» Виллих в кельнском процессе — ты увидишь из моей рукописи. Но о многом я еще умолчал — отчасти для того, чтобы не нарушать литературного плана всей вещи, отчасти для того, чтобы попотчевать этого малого новым порохом, если он, — на что, впрочем, вряд ли можно рассчитывать, — решится отвечать мне.

Письма Фиклера очень забавны. Блинд, живущий сейчас со своей женой здесь, рассказал мне, что во время промышленной выставки Фиклер, честнейший Фиклер, нанял большой дом и великолепно меблировал его, чтобы его пересдать. Спекуляция не удалась. Фиклер удрал в Америку, и не от одних только кредиторов. Он удрал, ни слова не сказав о своем плане жившей у него взрослой дочери и не оставив ей ни гроша. Ее, конечно, вышвырнули из дому. Что с ней стало впоследствии, никому не известно. Таков честный Фиклер!

В отношении Прудона вы оба правы. Иллюзии Массоля объясняются тем, что Прудон со своим обычным наглым шарлатанством заимствовал у меня некоторые идеи, провозгласив их *своими* «новейшими открытиями». Например, такие положения, как то, что не существует *никакой абсолютной науки*, что все нужно объяснять исходя из материальных отношений и т. д. и т. д. В своей книге о Луи Бо-

напарте он открыто признается в том, что мне приходилось еще доказывать на основании его «Философии нищеты», а именно, в том, что его идеалом является мелкий буржуа. Франция, — говорит он, — состоит из трех классов: 1) буржуазии, 2) среднего класса (мелких буржуа), 3) пролетариата. Цель истории, и в особенности революции, заключается в том, чтобы растворить крайности — первый и третий классы — во втором классе, золотой середине, а этого можно достигнуть посредством прудоновских кредитных операций, конечным результатом которых должно быть упразднение процента в его различных формах.

Генерал Феттер разыщет Вейдемейера в Нью-Йорке и тебя в Вашингтоне.

Относительно Кошута. Когда из присланных вами писем я узнал о первом скандале, который подняли немецко-американские газеты из-за моей «частной корреспонденции» в «Tribune», я, за подписью «Ваш частный корреспондент», послал в «Tribune» заявление, сводившееся вкратце к следующему: ...¹ Далее. Когда я получил от тебя вырезку статьи, где какой-то секретарь Кошута объявляет меня гнусным клеветником и в то же время действует в пользу Пьера² и пр., я сообщил г. Кошуту содержание моего первого заявления, посланного в «Tribune», и потребовал от этого господина определенного ответа. Кошут велел передать мне следующее: 1) он дает *честное слово*, что у него нет никакого секретаря, — может быть, этот ранг присвоил себе живущий в Америке Беннигсен, который служил раньше в его канцелярии; 2) о так называемом заявлении он узнал только через меня (я переслал ему в качестве вещественного доказательства вложенную в твое письмо записку); 3) он благодарит меня за «предостережение» и еще раз просит меня повидаться с ним в каком-нибудь нейтральном месте. По пунктам 1 и 2 я в ближайшую пятницу опять напишу в «Tribune». Держи меня в курсе этой истории.

Относительно Кинкеля. Кинкель выступал в Бредфорде и Манчестере с лекциями о новейшей поэзии и т. п., в которых он в качестве поповско-эстетически-либерального паразита подлаживался к немецким евреям. О его эстетических подвигах непосредственные слушатели его лекций рассказали мне следующее: в Бредфорде он объявил, что прочтет *лекцию о «Фаусте» Гете* и назначил цену за вход в 3 шиллинга. Аудитория была переполнена. Лекции ждали с нетерпением.

¹ Текст заявления выпущен Зорге, переписавшим письмо Маркса. Полностью оно опубликовано в т. IX настоящего издания, стр. 274.

² Подразумевается Пьер Бонапарт.

Что же сделал Готфрид? Он прочел «Фауста» с начала до конца и назвал это лекцией о «Фаусте». Конечно, Готфрид был настолько умен, что приберег эту *мошенническую проделку* для своей последней лекции. — В Манчестере Готфрид заявил, что «Гете вовсе не поэт, что он рифмует слово «erlöblich» со словом «Venedig»; величайшим немецким поэтом является Иммерман». Далее: «Я могу сказать, что среди новейших немецких поэтов наибольшим расположением публики пользовалось трое: Гервег, Фрейлиграт и — я в праве это сказать — *Готфрид Кинкель*».

Но благодушный Готфрид читал лекции также и о политике, например о партиях в Северной Америке. В Манчестере и Бредфорде он заявил: «Хотя я и объявил вам, что буду говорить об американских партиях — демократах, вигах, фри-сойлерах и т. д., но в сущности в Америке осталось так же мало партий, как и в Европе. Там существует только *одна значительная партия — партия либералов*; то же самое было бы и в Германии, если бы побежденной партии дали возможность занять свое прежнее положение». В конце лекции *Готфрид* говорил о *мормонах*. Он сообщил о них, между прочим, следующее: «Кто хочет освободиться от всех земных забот, пусть отправляется к мормонам» и т. д. После таких слов в Бредфорде решили, что он является *агентом мормонов*. Во всяком случае, Готфрид Кинкель покидал оба эти фабричных города с глубоким убеждением, что он *никогда больше не должен в них показываться*.

Беккер во время разбора дела перед кельнским судом присяжных скомпрометировал себя и партию. С ним заранее было условлено, что он будет выступать как не-член Союза, чтобы не испортить своей репутации в глазах своих клиентов из демократической мелкой буржуазии. Но вдруг он теряет голову (его теоретический уровень очень низок, по мелочного честолюбия в нем достаточно) и решает за счет коммунистов разыграть из себя вождя демократов. Он не только хочет выйти сухим из воды, но и использовать в своих личных целях лавры процесса. Он не ограничивается бесстыдством, он становится подл.

В заключение несколько слов о Франции: Бонапарт, который всегда жил на займы, полагает, что золотой век во Франции наступит скорее всего, если он, Бонапарт, создаст повсюду кредитные учреждения и сделает их возможно более доступными для всех классов общества. Его операции имеют две хорошие стороны: они готовят страшный финансовый кризис и покажут, к чему приводят прудоновские кредитные проделки, если их извлечь из теоретической дремоты и осуществить на практике, а именно — к мо-

пневническому ажиотажу, неслыханному со времен Ло. Орлеанисты, — одного из их агентов я знаю очень хорошо, — развертывают необычайную деятельность. Сейчас здесь находится Тьер. У них много союзников в армии и в непосредственном окружении Бонапарта. Они хотят его [. . . . .]¹ убить в постели. Увидим. Во всяком случае, я буду осведомлен об этом за несколько дней до их покушения и предупрежу через тайное общество «братьев и друзей», к которому я принадлежу, революционно-пролетарскую партию в Париже. Если орлеанисты и вытащат каштаны из огня, то есть их им во всяком случае не придется.

Если Гейнцен и прочие воспользуются выступлением Беккера в Кельне и постараются скомпрометировать всех нас, то заяви за своей подписью, что Беккер был членом Союза коммунистов, что незадолго до своего ареста он просил меня написать работу *против* демократов, а по поводу нападок Гейнца и Руге писал мне, что этим жалким союзникам Мюллер-Теллеринга и отвечать не стоит. Конечно, ты должен воспользоваться этим оружием лишь в том случае, *если это будет абсолютно необходимо*. Тогда ты прямо можешь сказать, что Беккер выступал согласно предварительному уговору, но слишком утрировал свою роль и играл *недостаточно ловко* и что только в этом его и можно упрекнуть.

К. Маркс.

123.

Маркс — Адольфу Клуспе
в Вашингтон².

Лондон, 14 декабря 1852 г.

Сегодня только несколько строк. Брюнинг написал мне. Я письменно же ему ответил, что *виновниками этого слуха* являются Кинкель и Виллих. Именно на них, мол, я намекал в письмах к тебе, не называя их по имени.

Если Кинкель будет публично опровергать это в американских газетах, я напечатаю всю переписку, а также и протокол, сыгравший роль в отношениях между ним, мной и Я. Гуцелем. Это докажет его любовь к истине и его мужественное отстаивание выдвинутых им подозрений. — Если Брюнинг потребует, чтобы ты взял свои слова обратно или станет публично нападать на тебя за то, «что ты произвольно извратил сообщенный тебе мною материал», то выставь следующие

¹ Одно слово в рукописи неразборчиво.

² Копия, написанная рукою Зорге.

пункты: 1. Ты имел все основания заключить, что г-жа фон-Брюнинг является агентом, раз *даже* ее друзья заподозрили ее в этом, тем более, что она является агентом хорошо известного русского агента, княгини Ливен. 2. Ты не считал нужным церемониться, поскольку интимный друг г-жи Брюнинг, Шиммельпфенниг, выставил принцип, что нужно клеветать на Маркса и его сотоварищей. 3. Ты, вероятно, сам бы написал заявление, если бы Брюнинг непосредственно обратился к газете «Wecker» и к тебе, а не стал бы впутывать в это дело злосчастных Руге—Ронге. Этого будет достаточно.

Относительно Э. Джонса. Влияние Джонса сейчас очень растет. Конкурирующая с ним газета Гарни «The Star of Freedom» [«Звезда Свободы»] уже около трех недель как стала *померкшей* звездой.

Относительно Кинкеля — Виллиха. Бесстыдство этих субъектов, выступивших с заявлением против Рейхенбаха, безгранично. 1. ....¹ напрасно пощадил этих молодцов, скрыв *действительную* причину, послужившую ближайшим поводом к его поступку. Дело в том, что в Америке еще и до сих пор находятся в обращении облигации, подписанные Рейхенбахом. Через посредство своих агентов Кинкель и Виллих путем учетной операции обменяли их в Америке *на звонкую монету* и дали поручение *вырученные суммы* послать *непосредственно им*, хотя они давно уже были дезавуированы в качестве членов финансового комитета лондонскими поручителями. Эти облигации они сбывали также и в Лондоне. Относительно доставшихся им таким образом сумм они так и не дали *никакого отчета*. Это было *прямое мошенничество*, и, чтобы избежать ответственности за него, Рейхенбах счел необходимым сделать свое заявление. 2. *Немецкие* газеты с *похвалой* отзывались о решении послать деньги обратно в Америку и особенно горячо хвалили за это Кинкеля. Этот негодяй молча принимал эти буржуазные похвалы, подобно тому как и в Бредфорде, и в Манчестере он был далек от того, чтобы признаться, что он был *против* этого решения. Кинкель хочет сохранить свою почтенную репутацию в глазах немецких буржуа, чтобы иметь возможность добывать деньги. Перед американскими же филистерами революции он разыгрывает роль человека, полного веры в революцию, чтобы вырвать из когтей цербера-Рейхенбаха те деньги, которые он у них выманил. 3. Виллих возлагает надежды на расстояние, отделяющее Америку от Лондона. Здесь вся эмиграция считает этого субъекта уличенным шпионом и разоблаченным прохвостом, но он думает,

¹ Здесь в копии пропуск, обозначенный многоточием.

что в Америке ему попрежнему удастся играть роль кассира революции.— *Гирш* заявил в одном рабочем обществе, на [. . .]¹ Street, что Виллих является его сообщником. Сам я, — говорит о себе хитрый Гирш (!!!), — служу шпионом в интересах демократии, а Виллих — в интересах полиции. Общество Виллиха узнало об этом. Была внесена интерpellация и т. д. (возможно, что сам он узнал об этом уже из моих «Разоблачений»). Ему ничего не оставалось делать, как вместе с небольшим ядром своего общества перейти в другое *недоступное для посетителей помещение*, а свою собственную квартиру перенести в отдаленный уголок Лондона. Необходимо разоблачить обоих этих негодяев в Америке. Здесь они совершенно мертвы.

Относительно Гегга. Гегг в течение нескольких месяцев всюду распространял слух, что он был на Уилингском конгрессе, между тем как на самом деле он был в это время в Страсбурге и проиграл там 300 марок, остаток своего состояния. Теперь он вместе с Ронге занимается устройством детских садов и тому подобных немецко-католических воспитательных учреждений.

Твой К. М.

124.

Маркс — Густаву Церффи
в Париж.

Лондон, 28 декабря 1852 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой друг!

Сердечно благодарю Вас за письмо.

Два обстоятельства давали Б[андя] возможность дурачить меня так долго. *Во-первых*, его знакомство с Сем[ере], рукопись которого о Гергее, Кошуте и др. сразу же убедила меня в том, что это один из умнейших людей Венгрии, и его дружба с Вами, так как за время нашего кратковременного личного знакомства Вы внушили мне безусловное доверие. *Во-вторых*: пока это было возможно, я объяснял противоречия, ложь и т. д. неодолимой страстью Бандя окружать тайной все свои поступки даже по самому незначительному поводу и играть в прятки не только с другими, но и с самим собой.

Я и сейчас склонен думать, что он не настоящий шпион, а, как Вы правильно говорите, встал на сомнительный путь, играя роль политического сводника и «посредника» между различными партиями.

¹ Название улицы в оригинале неразборчиво, в копии стоит Blam(?)ich.

Но сначала поговорим о том, что Вас особенно интересует. Сирмай несомненно агент Кошута. Насколько я понял из нескольких его неосторожных заявлений, на него возложена миссия вступить через посредство г. де-М[она] в связь с б[онапартистами]. Незадолго до этого Кошут через посредство Бандя и своего парижского корреспондента М. пытался получить заем в 1½ миллиона у орлеанистов, но получил отказ.

Теперь вернемся к Б[андя].

Я собственными глазами видел выданную Кошуту и заверенную Сирмаем *грамоту*, в которой К[ошут] назначал Бандя, так сказать, полицейским префектом эмиграции — как бы начальником контрполиции по борьбе с правительствами. С одной стороны, эта грамота успокоила меня насчет ряда связей и знакомств Бандя, которые казались подозрительными; мы считали, что эти связи входят в круг его обязанностей и, если их ловко использовать, они могут принести нашей партии пользу. Я сам узнал от него таким путем некоторые важные подробности, касающиеся прусского правительства. С другой стороны, я прямо поставил ему вопрос: как примирить Ваши отношения к Кошуту с Вашими отношениями к Семере? Нисколько не смущаясь, он ответил мне, что он действует в интересах Семере и что этот последний *уполномочил* его поддерживать отношения с Кошуту. Поэтому впоследствии я к этому вопросу больше не возвращался.

Бандя неоднократно просил меня от имени самого Кошута посетить последнего. Я отвечал, что я живу там-то и там-то, и если г. Кошут хочет со мной говорить, пусть потрудится сам зайти ко мне. Затем Кошут предложил мне встретиться с ним в нейтральном месте. На это я не дал никакого определенного ответа. Тем временем в нью-йоркской «Tribune» появилась написанная мною анонимная корреспонденция, где я нападал на Кошута, Мадзини и др. и в частности рассказывал об интригах Киша и пр. в Париже. В американской прессе поднялся страшный шум. Кошут находится в связи с тиранами! Невозможно! На запрос Сирмая Бандя ответил, что автором являюсь я; позже я лично подтвердил г. Сирмаю, что автор действительно я и что я полагаю, что имею полное право писать по поводу и против г. Кошута все, что мне угодно. Вскоре после этого я получил из Америки газеты, в которых Кошут устами мнимого «частного секретаря» господина правителя называл меня «клеветником». Тогда через Бандя я потребовал от Кошута, чтобы он сказал, действительно ли это опровержение исходит от него. Если так, то я буду наказывать его скорпионами, между тем

как до сих пор я только сек его розгами. Кошут¹ через Сирмая ответил мне: 1) заявление это ему неизвестно, 2) никакого частного секретаря у него нет. Он повторил свое приглашение повидаться с ним в нейтральном месте, на что я не ответил. С своей стороны, я сообщил «Тribune» данное мне Кошутом разъяснение, и на этом дело пока закончилось. Тем не менее, оно еще и до сих пор продолжает занимать всю эту пошлую плоскую немецко-американскую прессу. Буря негодования, вызванная моей корреспонденцией против меня же, показывает, однако, что Кошут погибнет, как только будет установлена его связь с Бандя.

Я полагаю, что мы оба должны соблюдать *величайшую осторожность*, так как если Бандя догадается, что его раскусили, он может, пожалуй, сильно повредить и Вам и Семере, особенно в связи с Вашим пребыванием в Париже. Кроме того, всякое публичное разоблачение Бандя, до опубликования рукописи сделает меня в лучшем случае смешным. Наконец, я считаю нужным поближе наблюдать за господином Бандя до тех пор, пока обстоятельства не позволят разоблачить его публично. Особенно это важно во время его пребывания в Париже. Он поразительно несдержан и, хотя бы для того, чтобы сохранить Ваше доверие, будет рассказывать Вам и Семере о каждом шаге различных партий, которым он служит.

Поэтому я буду держаться по отношению к нему сдержанно и холодно,—ведь после случившегося ничего иного он и не может ожидать,—но не буду выдавать ни всех моих подозрений по отношению к нему, ни моей «тайной» переписки с Вами.

В записке, которую Бандя приложил к письму своего анонима, он сам пишет следующее: «Я полагаю, что Вы имеете теперь полное право печатать Вашу работу где-нибудь в другом месте».

Я думаю, что этим советом, который, впрочем, является лишь отзвуком одной моей угрозы по его адресу, он хочет обеспечить себе отступление.

Я совершенно согласен с Вами и Семере, что это необходимо сделать. Трудность заключается лишь в том, как это выполнить. В настоящий момент в одном швейцарском издательстве появилась моя бршюра «Разоблачения о кельском процессе коммунистов». (Я постараюсь поскорее прислать Вам и Семере два экземпляра.) В этом же издательстве готовится издание моего «18 брюмера» для Германии. Но рассчитывать на то, что это же издательство выпустит третье мое сочинение, никоим образом нельзя. В Германии

ни одно издательство теперь не рискует печатать что бы то ни было из моих вещей. Итак, остается только печатать на *собственные средства*, чего при моем теперешнем положении я сделать не могу. Тем не менее, *это необходимо*. Посмотрим, что можно предпринять.

Из «Разоблачений» Вы увидите, что Грейф — совершенно бесчестный человек. В декабре 1851 г. он приезжал в Париж *по делу немецко-французского заговора* и с целью установить *мнимую связь* между моими кельнскими друзьями и парижскими шутами.

Между прочим, установлено, что, когда Грейф был еще здесь в Лондоне, Бандя 3-го или 4-го числа каждого месяца регулярно получал *из Берлина деньги*. Известны ли Вам источники, из которых он получает эти деньги?

Главное во всей этой истории — придерживаться правила «à corsaire corsaire et demi» [«против каждого разбойника полтора разбойника»]. Если Бандя захочет стать «опасным», то ему надо будет только напомнить, что благодаря его связям с М. и орлеанистами он находится в наших руках.

Напишите поскорее и передайте Семере, что в моем лице он имеет искреннего почитателя.

Ваш К. Вильямс.

1853 год.

125.

Марке — Адольфу Клуэсу
в Вашингтон.

Лондон, 25 марта 1853 г.¹
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Клуэс!

Твои жалобы на то, что мы (или, по крайней мере, я) ленимся писать, не вполне основательны. Обычно я писал, кроме тех случаев, когда я бывал болен, раз в неделю. Ты первый изменил этому обычаю и в промежутках нередко стал посылать вместо писем одни лишь газеты. Без ответа осталось всего-навсего три твоих письма. Из них два письма пришли в один и тот же день — одно было послано в виде приложения к денежной посылке Фрейлиграту, а другое непосредственно мне. Итак — только два письма остались без ответа. Но если ты снова будешь писать *каждую* неделю, — все равно, подробно или кратко, — я также снова возьму себе это за правило. Более того, я сам возобновлю этот обычай, не дожидаясь твоих писем. Но и от тебя я ожидаю того же.

Шабелиц написал мне подробное письмо. Брошюру «Разоблачения» он напечатал два месяца тому назад, и она пять недель пролежала по ту сторону границы в баденской деревушке Вейль. Этот осел, вместо того, чтобы иметь там верного человека, передал все дело контрабандисту, который, выжав из него мало-по-малу достаточную сумму денег, в конце концов сам выдал себя баденскому правительству. Остальное ты знаешь из последнего номера «*Tri-bune*». Насколько прусское правительство интересуется этой брошюрой и насколько она важна поэтому для «отечества», ты можешь судить по тому, что герой Штибер не только назначен начальником берлинской полиции, но и приглашается на каждое заседание совета министров, когда обсуждаются меры предосторожности против революционеров и революционных движений. Я вне себя от бешенства из-за того, что памфлет пока замаринован. Ты, со

¹ В оригинале ошибочно поставлено 1852 г.

своей стороны, действовал на этот раз не так удачно, как обыкновенно. При такой постановке дела «*Neu-England Zeitung*» целый год будет его печатать маленькими отрывками и в то же время будет отводить целые столбцы «хорьковой мордочке» (*figure de fouine*) жалкого Руге, «свита» которого здесь так и не превышает 5 человек. Почему ты не поместил эту вещь в *гораздо более распространенном органе*, «*Demokrat*», сотрудником которого ты состоишь? В следующем письме ты должен дать мне ясный ответ: можно ли напечатать эту вещь в Америке в виде брошюры или нет. Ее следовало бы напечатать *для Европы* и переслать в Пруссию через Гамбург; если бы у меня были хоть какие-нибудь средства, я сейчас же напечатал бы ее в Альтоне. Я говорю это не из пристрастия к памфлету, а потому, что я точно знаю положение в Пруссии и уверен, что в настоящий момент это самый чувствительный удар, который может быть нанесен нашим милейшим пруссакам.

Только не теряй из виду негодяя Виллиха. Он — самый ярый наш враг и к тому же идиот. Пульский находится у вас не только для того, чтобы заниматься высокой политикой. Его послали за океан также и для того, чтобы утихомирить генерала Феттера, который выказывает недовольство и интригует в Америке против «великого Кошута». Из присланной тобою сегодня «*Daily Tribune*» я с удивлением убедился, что она поместила мои нападки на Кошута — Мадзини. Я в этом очень сомневался, тем более, что в Америке сейчас находится бело-красно-черный друг Грили, еврей Пульский.

Семере прислал мне из Парижа сообщение, которое я переслал в «*Tribune*», о том, что Кошут и его парижские приверженцы устроили длительное совещание по поводу его последнего «дезавуированного воззвания»; это они заставили беднягу отречься от него.

Бартелеми, друг Виллиха, которого ты, вероятно, помнишь по инциденту с дуэлью Шрамма (между прочим, Шрамм живет сейчас в Цинциннати и как-то раз написал оттуда), был присужден к двум месяцам тюрьмы за состоявшуюся на английской территории дуэль, на которой он убил Курне. Он так легко отделался, несмотря на грязные разоблачения, сделанные в ходе процесса, потому, что по английскому закону секунданты наказываются так же строго, как и дуэлянты, а также потому, что бедняге не дали разболтать о себе на суде всю грязь. Сидя в тюрьме, этот бесстыдный негодяй велел передать Ледрю, что он застрелит его, как собаку, как только выйдет на волю. Ледрю велел ему ответить, что с такой канальей он не станет драться на дуэли. *Бартелеми*: публичной пощечиной или другими не менее

испытанными средствами я сумею заставить его стреляться. *Ледрю* (в ответ): в таком случае я угощу его палкой.

Шиммельфенниг, обворожительный военный герой, получил в наследство от г-жи Брюнинг тысячу фунтов стерлингов¹. Чем только «господин лейтенант» не был при ней: приживалкой, няней, ухаживателем, политическим оракулом, компаньоном, поклонником, лакеем и исполнителем еще целого ряда других столь же приятных функций.

Рейхенбах — а в известной степени и Кальб из Леве² — хотя отправиться в Америку, первый в качестве земледельца, второй — врача.

Важнейшим, хотя на первый взгляд как будто и совсем незначительным, европейским событием были похороны жены Распайля в Париже. Неожиданное появление 20 000 пролетариев в парадном платье поразило бонапартистов, как громом. Как видишь, пролетарский лев не умер. Событие это чрезвычайно неприятно и для Ледрю; Распайль — его злейший враг.

Еще один *факт*. Не моя вина, если он неэстетичен. «Белокурогая государыня», Лола Монтихо, страдает очень неприятным органическим пороком — неудержимым *метеоризмом*. Это называют «Rumpotomanie». Раньше она боролась с этим «несчастьем» с помощью усиленной верховой езды, но Бонапарт запретил ей это, считая «верховую езду» несовместимой с ее саном, и потому на многих «балах» даже разукрашенных галунами героев декабрьского переворота она вгоняла в краску своими «оглушительными взрывами». А это что-нибудь да значит. Это только мелочная сплетня, слух, сущие пустяки, но ведь известно, что французы чутко держат нос по ветру.

Я думаю, что *самое большее* через год ты будешь у нас. Дела идут вперед.

Твой К. М.

126.

Энгельс — Иосифу Вейдемейеру
в Нью-Йорк.

Манчестер, 12 апреля 1853 г.

Дорогой Вейдемейер!

Вместе с настоящим письмом ты получишь заявление Маркса по поводу *признаний* Гирша: заявление ты должен *немедленно* поместить

¹ В оригинале непередаваемая игра слов: вместо Sterlinge (стерлингов) стоит Sperlinge (воробьев).

² Иронически вместо Леве из Кальбе. Кальб — теленок, Леве — лев.

во всех газетах, где только возможно. Если ты сейчас же пошлешь копию Клуссу, он несомненно сможет взять значительную часть этого на себя. Я думаю, не помешает, если под заявлением ты напишешь: нижеподписавшиеся вполне согласны с вышесказанным. Э. Дронке, Ф. Энгельс. В истории с рукописью и вообще в сношениях с Бандя мы столь же ответственны, как и Маркс, и было бы несправедливо, если бы мы заставили его одного нести ответственность. Доставленная копия написана отчасти рукою Дронке, а подлинник написан целиком моей рукою. Мы рассчитываем теперь, что эту вещь удастся напечатать в Швейцарии.

Это заявление составлено, конечно, лишь на основании извлечений, сделанных тобою и пересланных нам Клуссом. Разумеется, еще нельзя сказать, потребуется ли новое заявление, когда станет известным остальное. Но ты, вероятно, извлек оттуда все, что касается нас. Мы надеемся, что через два-три дня ты пришлешь нам все в печатном виде.

Что касается Бандя, то он целиком в наших руках. Малый этот завяз по уши и окончательно погиб. Чтобы застраховаться от все вновь возникающих подозрений, он был вынужден постепенно показывать Марксу все имеющееся у него собрание документов Кошута, Семере и др. Так, например, у меня здесь сейчас очутился подлинник брошюры Семере о Кошуте и Гергее. Г-н Бандя, таким образом, особенно сильно компрометирует г. Кошута. Мелочная хитрость мадьяризированного славянина разбилась об упорство Маркса и ту ловкость, с которой он его запутал. Теперь только *мы*, и никто другой (разве только частично Семере), имеем в руках исчерпывающие доказательства, изобличающие личность Бандя, но стоит ли сейчас кричать об этом? Говорят, в мае этот господин снова приедет в Лондон, и тогда можно будет прижать его как следует и, может быть, выведать у него еще что-нибудь полезное. Между Виллихом и Гиршем было много такого, что далеко еще не выяснено. Если, как ты пишешь, гиршевская рукопись попала в Америку через посредство Кинкеля, то тут можно предполагать много любопытного. Нужно постараться выяснить все это, а в этом может помочь Бандя. Поэтому пока ничего не говори об этом. Пусть выступят сначала господа венгерцы и выскажут свое мнение, особенно Кошут. Зачем нам указывать им выход? Если они скомпрометируют себя публичным заявлением, — тем лучше, тогда наступит наш черед.

В эмиграции продолжают старые дрязги, но они уже не носят такого открыто скандального характера, как раньше. Когда на

рождестве я был в Лондоне, мы без церемоний заходили в кабачки Кинкеля — Виллиха — Руге и оказывались там в среде этих субъектов, между тем как шесть месяцев тому назад этого нельзя было бы сделать, не рискуя ввязаться в драку. Люди помельче нередко по-дружески подходили к нам и терпеливо сносили насмешки, в особенности благородный Юлиус Виндекс — Мейен. В нашем кружке все попрежнему. Лупус как будто очень одинок. Дронке уже шесть недель закидывает удочку насчет места коммивояжера, и теперь наклеивается случай достать ему такое место в Бредфорде, в двух с половиной часах езды отсюда по железной дороге. Последние вести о Веерте я получил из Сен-Тома в Вест-Индии, где он был как раз в сезон желтой лихорадки. Красный Вольф, который, как ты знаешь, стал мужем и отцом, возится с женой и ребенком и редко показывается. Фрейлиграт живет по обыкновению в Наскпеу и занимается коммерческими делами под покровительством м-ра Оксенфорда¹. Сам я этой зимой заметно усовершенствовал свои знания славянских языков и военного дела и к концу года буду более или менее понимать по-русски и по-сербски. В Кельне я по-дешевке раздобыл библиотеку одного отставного прусского артиллерийского офицера и в течение некоторого времени опять стал чувствовать себя настоящим бомбардиром среди книг, вроде старого Плюмике, руководства для бригадной школы и прочего знакомого тебе книжного старья. Прусская военная литература безусловно наихудшая из всех; терпимо лишь то, что написано под непосредственным свежим впечатлением похода 13 — 15 гг., но с 1822 г. начинается чертовски отвратительная претенциозность и умничание. В самые последние годы в Пруссии опять появились довольно сносные вещи, однако их немного. Французские работы, поскольку я не знаком со специальной литературой, для меня, к сожалению, совершенно недоступны.

Старые кампании (т. е. с 1792 г.) я более или менее вызубрил; наполеоновские походы так просты, что в них много не напутаешь. Жомини в конце концов является все же их лучшим историком, а самородный гений Клаузевиц, несмотря на некоторые прекрасные вещи, мне не совсем по вкусу. Для ближайшего будущего, т. е. для нас, русская кампания 1812 г. является самой важной, она — единственная, где остаются еще не решенными крупные стратегические вопросы. В Германии и Италии невозможно другое

¹ Иронически вместо Оксенфорда.

направление операций, кроме установленного Наполеоном; в России, напротив, все остается еще темным и неясным. Вопрос о том, заключался ли оперативный план Наполеона в 1812 г. с самого начала в том, чтобы сразу идти на Москву или в первую кампанию продвинуться только до Днепра и Двины, снова встает перед нами при ответе на вопрос, что должна делать революционная армия в случае удачного наступления на Россию. Этот вопрос, как мне кажется, — если не принимать, конечно, в расчет случайности и исходить только из приблизительного равновесия сил, — разрешим пока лишь на море — у Зунда и Дарданелл, в Петербурге, Риге и Одессе. Это при условии, конечно, если оставить в стороне также и *внутренние* движения в России, а дворянско-буржуазная революция в Петербурге с последующей гражданской войной внутри страны вполне возможна. Г-н Герцен весьма облегчил себе задачу («О развитии революционных идей в России»), гарантировав себя от неудач тем, что по-гегелевски сконструировал демократическо-социальную коммунистическо-прудонистскую русскую республику под главенством триумvirата Бакунин — Герцен — Головин.

Между тем, совершенно неизвестно, жив ли еще Бакунин. Во всяком случае, огромную, обширную, мало населенную Россию завоевать очень трудно. Что касается бывших польских провинций по эту сторону Двины и Днепра, то я о них и слышать не хочу с тех пор, как узнал, что все крестьяне там украинцы, поляками же являются только дворяне и отчасти буржуа, и что для тамошнего крестьянина, как и в Украинской Галиции в 1846 г., восстановление Польши обозначало бы восстановление старой дворянской власти во всей ее силе. Во всех этих местностях, не считая Польского королевства в собственном смысле, живет самое большее 500 000 поляков!

Впрочем, хорошо, что на этот раз революция встречается в лице России солидного противника, а не такое бессильное пугало, как в 1848 г.

Тем временем появляются всякого рода симптомы. Процветание хлопчатобумажной промышленности достигает здесь мало-помалу такой высоты, когда начинает кружиться голова (*schwindlich wird*), в то время как отдельные отрасли хлопчатобумажной промышленности (грубые материи, так называемые домашние ткани) находятся в состоянии полного упадка. Спекуляция рассчитывает спастись от головокружительного падения (*Schwindel*) тем, что она только в Америке и Франции мошенничает оптом (постройка железных дорог на английские деньги), здесь же — по мелочам и в розницу, заражая таким образом постепенно *все* товары мошенничеством

(mit Schwindel infiziert)¹. Выдавшиеся здесь совершенно необычные зима и весна, по всей вероятности, повредили хлебу, а если, как обычно бывает, за этим последует ненормальное лето, — урожай погибнет. Нынешнее процветание, по моему мнению, не может продолжаться дольше осени. Между тем, в течение одного года компрометирует себя уже третье английское министерство, притом это — последнее министерство, возможное без прямого вмешательства радикальных буржуа. Виги, тори, коалиционисты — все они по очереди терпят крушение не из-за налогового дефицита, а из-за налоговых излишков. Этим характеризуется вся политика и в то же время крайнее бессилие старой партии. Если теперешние министры провалятся, то Англией нельзя будет управлять без значительного расширения круга избирателей; по всей вероятности это совпадет с началом кризиса. Продолжающийся период скучного благополучия почти лишает несчастного Бонапарта возможности сохранить свое достоинство, — мир скучает, и Бонапарт ему тоже наскучил. К сожалению, он не может каждый месяц вступать в новый брак. Этот мошенник, пропойца и шулер идет ко дну, потому что он вынужден хотя бы для видимости осуществлять на практике «Fürstenspiegel» [«Княжеское зеркало»] Энгеля. Этот прохвост, фигурирующий в роли «отца отечества», находится в отчаянном положении. Он не может даже начать войну: при малейшем своем движении он наткнется на сомкнутые ряды, на сплошную стену штыков. К тому же мир дает крестьянам необходимое время для размышлений о том, как человек, обещавший раздавить Париж ради крестьян, теперь украшает Париж за счет крестьян, а ипотеки и подати, несмотря ни на что, скорее растут, чем уменьшаются. Словом, на этот раз события готовятся методически, и тут можно многого ожидать.

В Пруссии правительство уже вооружило против себя буржуазию, введя подоходный налог. Налоговые ставки бюрократия повышает самым наглым образом, и ты можешь себе представить, с каким наслаждением рожутся теперь эти благородные чернильные душонки в коммерческих тайнах и в торговых книгах всех купцов. Даже мой старик, заядлый пруссак, вне себя от ярости. Этим господам приходится теперь à bon marché [по-дешевке] до дна испить все прелести конституционно-отечественно-прусского правительства. Прусский государственный долг, составлявший перед 1848 г. около

---

¹ Здесь у Энгельса непередаваемая игра слов, основанная на двойном значении слова *Schwindel*: головокружение и мошенничество.

67 миллионов талеров, увеличился с тех пор вчетверо, а они хотят снова занимать. Нужно сказать, что толстый король согласен еще раз попотеть так, как в мартовские дни, только бы ему обеспечили эти кредиты до его блаженной кончины. Но Луи-Наполеон помог ему опять восстановить таможенный союз, Австрия из страха перед войной немножко сдала, «и теперь дай, господи, рабу твоему с миром уйти в могилу!» Австрийцы делают все возможное, чтобы снова привести в движение Италию, которая до миланского путча была всецело поглощена торговлей и процветанием, поскольку это последнее было совместимо с налогами. Если все это будет продолжаться еще месяца два, то Европа будет отлично подготовлена, и понадобится только толчок, который и будет дан кризисом. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что необычайно продолжительное и всеобщее процветание с начала 1849 г. гораздо быстрее восстановило истощенные силы партий (поскольку они не совсем еще иссякли, как, например, у монархистской партии во Франции), чем это, было например, после 1830 г., когда положение торговли оставалось очень долгое время неустойчивым и в общем вялым. Кроме того, в 1848 г. только парижский пролетариат, а позднее Венгрия и Италия были истощены упорной борьбой; о восстаниях же во Франции после июня 1848 г. почти не стоит и говорить — они ведь *подорвали силы* только старых монархистских партий. И в довершение всего — комический результат движения во *всех* странах; ведь ничего серьезного и важного не получилось, кроме колоссальной иронии истории и концентрации русских военных сил. При таких условиях, даже при самой трезвой оценке, мне кажется совершенно немыслимым, чтобы теперешнее положение вещей пережило весну 1854 г.

Очень хорошо, что на этот раз *наша* партия выступит при совершенно иных условиях. Все те социалистические глупости, которые в 1848 г. приходилось отстаивать против чистых демократов и южно-германских республиканцев, нелепые идеи Л[уй] Блана и т. п., — более того, даже такие вещи, которые *мы* принуждены были выдвигать, чтобы найти опорные точки для наших взглядов в запутанной обстановке Германии, — все это будут теперь отстаивать уже наши противники — Руге, Гейнцен, Кинкель и пр. Предварительные условия пролетарской революции, меры, подготовляющие нам поле оражения и расчищающие нам путь, — как, например, единая неделимая республика и т. п. вещи, которые *мы* тогда должны были отстаивать *против* людей, которые в силу своего естественного призвания должны были бы их осуществить

или, по крайней мере, добиваться их, — все это теперь уже признано, эти господа всему этому научились. На этот раз мы сможем начать прямо с *Манифеста*, в частности благодаря также и кельнскому процессу, в котором немецкий коммунизм (особенно в лице Резера) сдал свой экзамен на аттестат зрелости.

Все это, конечно, относится только к теории; на практике же мы, как всегда, будем вынуждены ограничиваться тем, чтобы требовать решительных мероприятий и абсолютной беспощадности. И в этом-то и заключается беда. Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия благодаря беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые лежат не в наших интересах непосредственно, а в интересах общереволюционных и в интересах специфически мелкобуржуазных; в таком случае, под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными более или менее ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы, опубликованными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, что они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, — надо надеяться, только в физическом смысле, — наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать *историческую* оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам, конечно, наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже. Другой перспективы я себе не представляю. В такой отсталой стране, как Германия, в которой имеется передовая партия и которая втянута в передовую революцию вместе с такой передовой страной, как Франция, — эта передовая партия должна обязательно очутиться у власти, как только дело дойдет до серьезного конфликта и как только будет угрожать *действительная опасность*. А для этой партии это было бы во всяком случае *преждевременным*. Однако все это не важно, и самое лучшее, что можно сделать, — это уже заранее подготовить в нашей партийной *литературе* историческое оправдание нашей партии на тот случай, если это действительно произойдет.

Впрочем, наше выступление на историческую сцену вообще будет теперь куда внушительнее, чем в прошлый раз. Во-первых, в персональном отношении мы счастливо отделались от всех старых шалопаев — Шапперов, Виллихов и их сподвижников; во-вторых, мы все же в известной мере усилились; в-третьих, мы можем рассчитывать на молодое поколение в Германии (достаточно одного кельнского процесса, чтобы нам это гарантировать),

и, наконец, все мы многому научились в изгнании. Конечно, и среди нас есть люди, руководящиеся принципом: «Зачем нам зубрить, для этого существует отец Маркс, призвание которого в том и состоит, чтобы все знать». Но в общем партия Маркса порядочно так занимается, и когда помотришь на ослы эмиграции, нахватавшихся отовсюду новых фраз и от этого окончательно запутавшихся, то становится очевидным абсолютное и относительное превосходство нашей партии. Да это и необходимо — работа предстоит трудная.

Я хотел бы еще успеть до ближайшей революции основательно изучить и описать хотя бы итальянский и венгерский походы 1848 — 49 гг. В общем, вся эта история для меня ясна, несмотря на неудовлетворительность карт и т. п., но, чтобы установить необходимую для описания точность в деталях, требуется много труда и расходов. Итальянцы в обоих случаях вели себя, как ослы. Описание и критика Виллизена в общем в большинстве случаев правильны, но нередко и глупы. Полное превосходство австрийской стратегии, которое Виллизен подчеркивает уже в 1848 г., обнаруживается только в новарской кампании, которая действительно является наиболее блестящей кампанией, проведенной в Европе после Наполеона. (Вне Европы старый генерал Чарльз Нэпир совершал в 1842 г. в Ост-Индии такие вещи, которые поистине напоминают Александра Великого. Вообще я считаю его первым из живущих ныне генералов.) Комична существующая в Италии, совсем как в Бадене в 1848 г., традиционная вера во всемогущество позиций, которые они заимствуют из кампаний 1790-х годов. Господин Зигель ни за что не стал бы сражаться на какой-либо другой позиции, кроме как на той, которая благодаря Моро стала классической, а Карл-Альберт верил в чудодейственную силу ривольийского плато не менее горячо, чем в непорочность девы Марии. В Италии традиция эта была до такой степени прочна, что каждый крупный маневр австрийцы начинали с притворной атаки на Риволи, и пьемонтцы *каждый раз* попадались в ловушку. Вся суть, конечно, заключалась в том, что соответствующие позиции и коммуникационные линии были у австрийцев совершенно иные. В Венгрии выше всех остальных, несмотря ни на что, стоит Гергей, и все ему завидовали и ненавидели его; если бы Гергей при своем большом военном таланте не обладал в то же время мелочным тщеславием, то вполне вероятно, что эти по большей части глупые нападки в конце концов сделали бы из него предателя. После вилагошской истории, с *военной* (но не с революционной) точки зрения вполне обоснованной, эти господа выдвигали против Гергея такие глупые и бессмысленные

обвинения, которые поневоле заставляли интересоваться этим человеком. Настоящая «измена» была совершена после удаления войск из Каморна еще до прибытия туда русских, но в этом настолько же виноват Кошут, как и Гергей. Роль находящегося сейчас в Лондоне Байера, начальника генерального штаба Гергея, еще совершенно не выяснена. Судя по мемуарам Гергея и другим документам, душой *стратегических* планов Гергея был именно он. Б[айер], как говорил мне Плейель, был главным автором официальной *австрийской* книги об этой кампании. (Байер был пленником в Пеште и бежал.) Книга эта, говорят, очень хороша, но я еще не мог ее достать. О Клапка Гергей отзывается с большим уважением, но все признают его чрезмерную слабохарактерность. Перцель, по общему признанию, — осел, «демократический» венгерский генерал. Старый Бем всегда считал себя только хорошим партизаном и хорошим командующим отдельного отряда с определенными заданиями. Поскольку я могу судить, он выполнял только эту функцию, но зато превосходно. Он дважды делал глупости: один раз, когда после Баната он предпринял свой безрезультатный поход неведомо куда, а другой раз, когда он во время великого русского вторжения в точности повторил когда-то удавшееся ему искусное маневренное движение на Германштадт и был побит. Отец же Дембинский был просто-напросто фантазером и хвастуном, партизаном, который вообразил, что он призван быть руководителем в крупной войне, и который вытворял всяческие сумасбродства. В книге Смита о польском походе 1831 г. о нем рассказываются занятые вещи.

Между прочим, не можешь ли ты вкратце описать мне кельнские укрепления, дать грубый набросок с несколькими рисунками, сделанными по памяти? Если я не ошибаюсь, главная стена снабжена бастионами, форты выстроены по системе Монталамбера; так ли это на самом деле и сколько их? Ты можешь употреблять всевозможные фортификационные термины, — у меня здесь есть хорошие справочники и чертежи. Не знаешь ли ты еще каких-либо деталей о прусских укреплениях? Я немножко знаю Кобленц (по крайней мере, Эренбрейтштейн) и видел план Майнца. Для меня особенно интересно, как в Германии выполнены новейшие монталамберовские сооружения. При прусском секретничаньи об этом ничего не удастся узнать.

Пиши скорей и передай твоей жене и Клуусу сердечный привет

от твоего Ф. Энгельса.

127.

Маркс — Адольфу Клуусу

в Вашингтон.

[Лондон, апрель 1853 г.]

Дорогой Клуус!

Ты должен был получить от меня уже три письма. Прилагаю номер «[People's] Paper» Джонса, со статьей «Англичанина» против «Times».

Если «Кельнские разоблачения» все еще не напечатаны в виде брошюры или если «Neu-England Zeitung» не напечатает их в таком виде «даром», значит теперь уже поздно.

Виллих писал Герцену (русскому), что все идет «отлично», что он достиг очень «больших результатов» и скоро вернется.

В берлинской истории наверняка опять замешан *Гентце*. У него, как у агента Виллиха — Кинкеля, конечно, были старые прокламации и революционные планы. Кроме того, он был намечен этими великими людьми военным комендантом Берлина.

Местные сторонники Роллена стыдятся воззвания Руге, о котором мы им сообщили. Не может быть, чтобы Ледрю давал Руге разрешение опубликовывать это позорное письмо; Руге выманил у Ледрю это письмо через посредство бывшего пфальцского адвоката и бывшего прислужника Ледрю, французского экс-депутата *Савуа*, в прошлом торговца немецкими прилагательными¹.

Как бы то ни было, Ледрю пал сейчас ниже, чем когда-либо.

Твой *К. М.*

128.

Маркс—Адольфу Клуусу

в Вашингтон²

[Лондон, апрель 1853 г.]

Сегодня я получил из Нью-Йорка первые пять номеров³, не знаю — от Вейдемейера или от Кельнера. С большинством номеров благодаря тебе я уже был знаком. Это, по крайней мере, при-

¹ В 1834 г. Савуа выпустил учебник немецкого языка.

² Отрывок. Перевод сделан с текста, опубликованного Мерингом в его «Neue Beiträge zur Biographie von K. Marx und F. Engels». «Neue Zeit». Jg. 25. В. 2, за 1907 г., стр. 165.

³ Нью-иоркской «Reform».

личная газета, что является редкостью в Америке, и к тому же рабочая газета. Но, с другой стороны, я не могу сказать, чтобы мне была очень по вкусу библейская торжественность главного редактора и то, как он старательно обходит персональные вопросы, которые вместе с тем являются партийными вопросами, и как он прикидывается наивным простаком. Но приходится брать газету такой, как она есть. Больше всего мне нравится введение Вейдемейера к «Экономическим очеркам». Это хорошо. К местной публике я уже обратился... Но вообще говоря, сотрудничать не так просто. Я лично перегружен работой, а других все еще пугает предыдущий опыт. Наша партия, к сожалению, очень бедна.

129.

Маркс — Иосифу Вейдемейеру

в Нью-Йорк.

[Лондон,] 26 апреля 1853 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Вейдемейер!

21 апреля я получил прилагаемое *ниже* анонимное послание. Такое же анонимное письмо получили содержатели демократических кабачков Шертнер и Герингер. *Я проверил содержащиеся в нем факты.* Думаю (Шертнера и Г[ерингера] ты можешь назвать), что тебе следует это напечатать с некоторыми предварительными разъяснениями, о которых ты укажешь, что они получены тобою из Лондона. Господа Штибер и Гольдгейм находятся здесь для того, чтобы «установить связь» между апокрифическим пороховым заговором Кошута и берлинским делом. Из нижеследующего ты видишь, насколько «кающийся» Гирш продолжает быть «жертвой шпииков». Только бы не удалось этому негодяю создать новые жертвы в Берлине! Я думаю, что в Америке он на этой истории окончательно сломает себе шею. Прилагаемое ниже я посылаю одновременно и тебе, и Клуссу. Две твои статьи в «Reform» всем нам очень понравились. Но добейся того, чтобы Кельнер не эксплуатировал тебя, не предоставляя тебе взамен подобающей доли политического влияния. Итак, письмо, доставленное Шертнеру и др., гласит *буквально* следующее:

«Лондон, 21 апреля 53 г.

Оповещение.

Недавно сюда прибыли полицейский советник Штибер и полицейский лейтенант еврей Гольдгейм, оба из Берлина.

Приметы

Штибера

Еврея Гольдгейма.

Средний рост (около 5 футов)

(Около 6 футов)

Волосы: черные, короткие

Черные, короткие

Усы: такие же

Такие же

Цвет лица: желтый и поблекший

Желтое, отекшее лицо

Носит темные узкие брюки, синий сюртук, мягкую шляпу и очки.

Носит черные брюки, светло-желтый сюртук, черную шляпу.

NB. Оба ходят обычно вместе в сопровождении торгового служащего из Гамбурга, *Гирша*, и бывшего почтового экспедитора *Геринга*, родом отсюда же, откуда и Виллих.

Сегодня Штибер и Гольдгейм устроили совещание с Бандя. Каждый день между 11—3 часами Штибер или Гольдгейм регулярно ходят в прусское посольство.

«Times» сегодня сообщает о присутствии здесь Штибера и Гольдгейма.

Привет тебе и жене.

Твой *К. Маркс*.

Так как фигляр Гейнцен в своей газете «Volk» опять нахально ссылается на «чартистов», которые якобы добиваются только всеобщего избирательного права, но совершенно не интересуются коммунистами и ненавистными классовыми различиями, — то, по моему, еще не поздно опубликовать в «Reform» письмо Эрнеста Джонса к тебе.

130.

Маркс — Адольфу Клуэу

в Вашингтон¹.

[Лондон, июнь 1853 г.]

У вас в Нью-Йорке никакой другой газеты нет. Не будет ли поэтому политически нецелесообразным отказаться от Кельнера и от его газеты? Это будет ведь только на-руку этому субъекту. Притворитесь наивными и продолжайте писать. Ничего худшего для него быть не может. Не освобождайте его от влияний, которые, судя по всему, уже стали ему чертовски тягостны. Поступайте, как прусские буржуа: правительство и Мантейфель тщетно прилагают все усилия, чтобы отделаться от дружбы буржуа. А те делают вид, будто верят в конституционность своего правительства, и правительство поневоле оказывается конституционным. Такова мудрость мира сего.

¹ Отрывок. Перевод сделан с текста, опубликованного Мерингом в «Neue Beiträge zur Biographie von K. Marx und F. Engels». «Die Neue Zeit». Jg. 25, B. 2, за 1907 г., стр. 165.

131.

Маркс — редактору «Morning Advertiser»

в Лондоне¹.

Лондон, 31 августа 1853 г.

Редактору «Morning Advertiser».

Милостивый государь!

Вы весьма обяжете меня поместив в Вашей уважаемой газете нижеследующее заявление.

Ваш покорный слуга

д-р *Карл Маркс*.

(28, Deanstreet, Soho).

Редактору «Morning Advertiser».

Милостивый государь!

Господа Герцен и Головин захотели связать издававшуюся мною в 1848 и 1849 гг. «Neue Rheinische Zeitung» с полемикой, происходящей между ними и «F. M.» относительно Бакунина. Они сообщают английской публике, что клевета на Бакунина началась на столбцах этой газеты, которая даже «осмелилась» сослаться на свидетельство Жорж Занд. Меня нисколько не трогают инсинуации господ Герцена и Головина. Но, так как это может содействовать разрешению спора, поднятого вокруг имени Михаила Бакунина, то позвольте мне установить, как фактически происходило дело.

5 июля 1848 г. «Neue Rheinische Zeitung» получила из Парижа два письма: одно — собственную корреспонденцию агентства Гавас и другое — частное сообщение, исходившее от польского эмигранта, совершенно не связанного с этим агентством; оба они утверждали, что Жорж Занд имела в своем распоряжении бумаги, компрометирующие Бакунина, как якобы вступившего в последнее время в сношения с русским правительством. 6 июля «Neue Rheinische Zeitung» опубликовала письмо своего парижского осведомителя. Бакунин, с своей стороны, заявил в «Neue Oder Zeitung» (бреславльская газета), что до появления в «Neue Rheinische Zeitung» парижской корреспонденции подобные слухи тайно распространялись в Бреславле, что они исходят от русских посольств и что лучшим ответом на них будет, если он обратится к Жорж Занд. Его письмо к Жорж Занд было опубликовано одновременно с его заявлением. И заявление, и письмо были немедленно перепечатаны в «Neue Rheinische Zeitung» (см. номер от 16 июля 1848 г.).

¹ Письмо написано рукою Женни Маркс. Подпись — Маркса.

3 августа 1848 г. «Neue Rheinische Zeitung» получила от Бакунина через г. Косцельского письмо Жорж Занд, адресованное редактору «Neue Rheinische Zeitung», которое и было опубликовано в тот же день со следующими вводными замечаниями:

«В № 36 нашей газеты мы сообщали о циркулирующем в Париже слухе, согласно которому Жорж Занд имела в своем распоряжении документы, выставлявшие русского эмигранта Бакунина агентом императора Николая. Мы опубликовали это заявление, потому что оно было нам сообщено одновременно двумя корреспондентами, совершенно не связанными друг с другом. Поступая таким образом, мы лишь выполнили долг публичной печати, которая должна втайне следить за общественными деятелями, и в то же самое время мы предоставили г. Бакунину удобный случай рассеять все подозрения, выдвигаемые против него в некоторых парижских кругах. Мы перепечатали также из «Neue Oder Zeitung» заявление г. Бакунина и его письмо, адресованное Жорж Занд, не ожидая его просьбы. Теперь мы публикуем точный перевод письма Жорж Занд, адресованного редактору «Neue Rheinische Zeitung», которое полностью разрешает этот вопрос» (см. «Neue Rheinische Zeitung» от 3 августа 1848 г.)

В последних числах августа 1848 г. я, проезжая через Берлин, виделся с Бакуниным и возобновил с ним тесную дружбу, которая соединяла нас до того, как вспыхнула февральская революция.

В номере от 13 октября 1848 г. «Neue Rheinische Zeitung» нападала на прусское министерство за изгнание Бакунина и за угрозу выдать его России, если он осмелится снова вернуться в прусские владения.

В номере от 15 февраля 1849 г.¹ «Neue Rheinische Zeitung» поместила передовицу по поводу бакунинского памфлета «Воззвание к славянам», начинавшуюся следующими словами: *«Бакунин наш друг. Это не должно нам помешать подвергнуть его памфлет суровой критике».*

В письмах моих о «Революции и контрреволюции в Германии», адресованных «New York Daily Tribune», насколько мне известно, я первый из немецких писателей воздал Бакунину должное за его участие в нашем движении, и особенно в дрезденском восстании, нападая в то же самое время на германскую печать и германский народ за то малодушие, с каким они его предали своим и его врагам.

¹ В рукописи стоит ошибочно: «от 14 февраля 1848 г.»

Что касается «F. M.», который исходит из непоколебимого убеждения, что континентальные революции благоприятствуют тайным планам России, то он должен, если он претендует на что-либо похожее на последовательность, осудить не только Бакунина, но и всякого континентального революционера как русского агента. Если сама революция в его глазах является русским агентом, почему бы и Бакунину также им не быть?

Ваш покорнейший слуга

Карл Маркс.

132.

Маркс — Адольфу Клуесу

в Вашингтон¹.

[Лондон, 15 сентября 1853 г.]

Как бы то ни было, движение меня захлестывает. (Я полагаю, что торговый кризис начнется весной, как и в 1847 г.) Я все еще надеюсь, что до этого времени сумею добиться того, чтобы уединиться месяца на два и разработать свою Политическую экономию. Но, повидимому, мне это не удастся. Постоянное газетное бумаго-марание надоело мне. Оно отнимает у меня много времени, рассеивает внимание и ничего не дает. Как ни стараюсь быть независимым, все-таки оказываешься связанным газетой и ее публикой, особенно если, как я, получаешь деньги наличными. Чисто научная работа — совсем иное дело, честь же фигурировать наряду с каким-нибудь А. Р. С., с какой-нибудь дамой-корреспонденткой и неким Метрополитанусом, право, незавидна.

133.

Маркс — Адольфу Клуесу

в Вашингтон².

[Лондон, середина октября 1853 г.]

От Ариоста до Клейна — большой скачок или, вернее, долгое падение, и притом по наклонной плоскости. Папаша Клейн писал мне,

¹ Отрывок. Перевод сделан с текста, опубликованного Мерингом в его «Neue Beiträge zur Biographie von K. Marx und F. Engels. «Neue Zeit». Jg. 25., В. 2., за 1907 г., стр. 168.

² Копия отрывка письма, написанная неизвестным почерком. Из архива Вейдемейера.

но, конечно, ни единым словом не упоминал о своих пререканиях и подлых сплетнях, а просил только рекомендовать его Вейдемейеру и тебе. В своем ответе (Пипер не писал ему относительно вас *ни одной строчки*) я, конечно, ни слова не писал о том, что Вейдемейер нам не друг или хотя бы в малейшей степени сомнительный друг. Разве мог я допустить такую подлость? Никогда, ни в пьяном, ни в трезвом виде не говорил я также, что рабочие годятся только на пушечное мясо, хотя тех остолопов, среди которых теперь, повидимому, начинает вращаться Клейн, я считаю вряд ли пригодными даже и на это. Тебе следует обращаться с маленьким Клейном осторожно. Он действительно имеет влияние на золингенских рабочих, которые [...]

1854 год.

134.

Энгельс — редактору «Daily News»
в Лондон.

[Черновик.]

Манчестер, 30 марта 1854 г.
7, South Gate, St. Mary's.

Милостивый государь!

Я надеюсь, что не ошибусь, предположив, что в настоящий момент предложение о сотрудничестве в *военном отделе* Вашей газеты встретит сочувственный отклик, хотя лицо, предлагающее свои услуги, не состоит сейчас на военной службе и к тому же является иностранцем.

Мне кажется, что главное — это действительная подготовленность данного лица. Что же касается последней, то лучше всего ее может доказать полдюжина статей на различные военные темы, которые Вы при желании можете показать любому авторитету по военным вопросам. Чем выше авторитет, тем лучше. Я с несравненно большей охотой предпочел бы отдать себя на суд сэра Вильяма Напира, чем на суд какого-нибудь мелкого военного формалиста.

Но я не могу даже рассчитывать, что Вы захотите испытать меня, если не будете знать обо мне несколько больше. Поэтому прошу иметь в виду, что моей военной школой была прусская артиллерия, которая, если и не является тем, чем должна быть, то, тем не менее, все же подготовила людей, сделавших «турецкую артиллерию одной из лучших в Европе», как выразился наш друг Николай. Впоследствии я сам участвовал в военных операциях во время повстанческой войны в южной Германии в 1849 г. В течение многих лет изучение военной науки во всех ее отраслях было одним из моих главных занятий, и тот успех, который имели мои статьи о венгерской кампании, опубликованные в свое время в германской прессе, позволяет мне думать, что я работал не напрасно. Более или менее хорошее знакомство с большинством европейских языков, включая русский, сербский и немножко валахский, дает мне возможность

использовать лучшие источники информации. Это может оказаться полезным для Вас и в других отношениях. Насколько я способен правильно и гладко писать по-английски, должны Вам показать мои статьи. Все прочие сведения обо мне я с удовольствием доставлю Вам, но Вы можете получить их также от Вашего сотрудника по вопросам образования, д-ра Уотса, с которым я знаком уже более десяти лет.

Я уже раньше думал сделать Вам такое предложение, но полагал, что вопрос этот вряд ли представит для Вас интерес, пока официально не была объявлена война и пока вся *критика* дунайской стратегии ограничивалась глубокомысленными изысканиями насчет того, какая доля вины за непонятные действия в Болгарии лежит на лорде Эбердине и какая — на Омер-паше. В настоящее время дело обстоит иначе. Локализованная война может быть только *призраком* войны, европейская же война не может не быть реальностью. Кроме того, признаюсь, меня удерживало и другое соображение. В то время я еще не располагал, как теперь, необходимыми планами, картами и специальными сведениями относительно театра военных действий и воюющих сторон. А мне было бы неприятно послать Вам хоть одну строчку, которая не была бы основана на самой лучшей информации.

То обстоятельство, что я не только не нахожусь на театре военных действий, но (по крайней мере в данный момент) живу вдалеке и от Вашей редакции, довольно точно определяет тот род сотрудничества, который я могу Вам предложить. Мои статьи будут ограничиваться описанием той части театра военных действий, где происходят активные военные операции; описанием и характеристикой военной организации, сил сражающихся армий, их шансов на успех и их возможных операций; критическими замечаниями по поводу происходящих сражений и, время от времени, *резюме* (употребляя французский термин) операций за месяц или шесть недель, в зависимости от событий. Так как необходима самая полная информация, чтобы иметь правильное суждение о том, что в действительности происходило, то мне редко придется писать только на основании телеграфных сообщений, а придется обычно дожидаться получения более подробных сведений. Потеря одного или двух дней не будет иметь большого значения, если благодаря этому мои статьи станут лучше. Поэтому — по крайней мере на ближайшее время — я могу и не жить в Лондоне. Если Вы желаете, чтобы мои статьи охватывали более широкий круг тем, то я возражать против этого не буду; жду Ваших предложений.

Если бы Вы одобрили мое предложение, то месяца через два я, вероятно, смог бы совсем переехать в Лондон. До тех пор, если это желательно, я смогу приехать туда для переговоров с Вами.

Что касается политики, то я буду как можно меньше при-
мешивать ее к военной критике. На войне существует только одна правильная политическая линия: вести войну с величайшей быстротой и энергией, разбить неприятеля и вынудить его согласиться на Ваши условия. Если союзные правительства будут так поступать, я признаю их заслуги. Если они будут мешать и связывать руки своим командирам, я выскажусь против подобного образа действий. Я бы очень хотел, чтобы русских хорошенько побили, но если они будут хорошо сражаться, то я чувствую себя в достаточной степени солдатом, чтобы отдать и чорту должное. В остальном я буду придерживаться того принципа, что военная наука, подобно математике и географии, не имеет особых политических мнений.

Теперь перейдем к практическим предложениям. Я не думаю, что посылаемое с этим письмом описание Кронштадта даст Вам действительное представление о том, что Вы можете от меня ожидать. Но если Вы полагаете, что я могу быть полезен Вашей газете, мы можем заключить временное соглашение, на основании которого Вы сохраните за собой полное право отказаться от моего дальнейшего сотрудничества, если сочтете его неподходящим, а мне будет гарантировано справедливое вознаграждение за мой труд и расходы. Вам, разумеется, прекрасно известно, что для того, чтобы писать о военных операциях, необходимо иметь в своем распоряжении многочисленные и дорогие карты и книги. Это должно быть принято в расчет, так как все это входит в издержки производства.

Итак, я предлагаю послать Вам ряд статей, дающих полный отчет о военных и морских силах России, об их организации, их действительной силе и боеспособности (поскольку это можно выяснить), а равно и военную оценку театра военных действий, линий военных операций и оборонительных линий на Балтийском море, Черном море, дунайской и польской границах, включая сюда и систему крепостей. Прилагаемая здесь статья о Кронштадте составила бы одну из статей этой серии и могла бы быть отложена до тех пор, пока до нее не дойдет очередь. Я полагаю, что по всем этим вопросам моя информация первоклассна, она взята исключительно из печатных (а не из каких-либо таинственных) источников. Я мог бы посылать по одной статье в неделю в один или два столбца, а если потребуется, то и больше.

Если такой порядок Вы считаете слишком систематическим, то вслед за статьей о Кронштадте можно поместить подобную же статью о постоянных укреплениях Севастополя и прочих русских укрепленных портах (поскольку удастся достать данные) и закончить некоторыми соображениями относительно успешности морских атак против береговых батарей на основании исторического материала и лучших теоретических источников, например сэра Говарда Дугласа.

Если Вам нужны обзоры военной литературы, то я могу взяться и за это. Так, например, в данный момент я мог бы дать заметку о книге полковника Чени «Русско-турецкая кампания». Об этой книге, могу смело сказать, у меня подобран превосходный материал.

Я заканчиваю это длинное письмо предложением доставить Вам также статью с несколькими замечаниями по вопросу о том, насколько важен или, вернее, не важен переход русских через Дунай. Статья эта может быть доставлена Вам по первому требованию.

Если Вас интересует мое предложение, то я был бы очень рад получить от Вас возможно скорее короткое уведомление об этом, чтобы иметь возможность немедленно приняться за работу.

Пока остаюсь и т. д.

135.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Дюссельдорф.

Лондон, 6 апреля 1854 г.

(Адрес ты знаешь.)

Дорогой Лассаль!

Твое письмо от 7 марта получил своевременно. Я должен сделать кое-какие замечания, во-первых, относительно твоих военных и, во-вторых, относительно твоих дипломатических взглядов.

К п. 1. На мои замечания относительно Эноса и Родосты отвечаешь, — в данном случае в полном согласии с английскими правительственными газетами, — что Константинополь нуждается в прикрытии. Но если Константинополь не прикрывают два флота в Черном море и дунайская армия, то его не смогут прикрыть и 100 000 французов и англичан. Что в Родосто они находятся под рукой и оттуда их легче перебросить в Севастополь

или Одессу, чем с Мальты или из Тулона, — этого я, конечно, не отрицаю.

Представление о том, что австрийцы при вторжении в Сербию оказались бы «в тылу турецкой дунайской армии», кажется мне не совсем верным. Австрийцы должны были бы перейти Дунай около Белграда или немного ниже или же идти через *Мегадию* по левому берегу Дуная в Валахию. В первом случае они встали бы на линии турецкого левого фланга, а во втором случае оказались бы перед его *фронтом*. Что туркам пришлось бы тогда отказаться от защиты Калафата и Виддина, оставив там лишь гарнизон, это ясно, но это не означает, что левый турецкий фланг тогда погибнет, а остатки его должны отступить на линию Шумлы. Наоборот, правильной тактикой австрийцев было бы немедленно двинуться через Ниссу на Софию, а для турок — *точно так же* отступить из Виддина на Софию. Так как путь для турок короче, то они придут туда *раньше* австрийцев и смогут удержаться на Балканах или отступить к Адрианополю.

Если австрийцы дадут склонить себя на то, чтобы идти на Виддин, то турки все-таки пойдут на Софию. Это отделение от главного корпуса Омера-паши не будет означать раздробления сил, так как появление нового врага требует, чтобы была создана новая операционная линия Адрианополь — София — Белград — Виддин. Таким образом турецкий левый фланг превратится в *самостоятельную* армию.

Но если, несмотря на все это, военное руководство выберет тот путь, который ты предполагаешь, то никакое сопротивление на линии Шумлы не поможет, так как благодаря сдаче *главного пути* из Белграда в Константинополь линия эта была бы *уже обойдена* и, наоборот, как раз теперь ее пришлось бы в самом спешном порядке *покинуть*, чтобы собрать *все резервы у Адрианополя* и двинуться против того врага, который первым перейдет Балканы.

К п. 2. *По вопросу о Пальмерстоне*. У тебя тот же взгляд на Пальмерстона, какой преобладает на континенте и среди либеральной массы английской публики. Но для меня совершенно бесспорно, что Пальмерстон, долги которого, между прочим, в 1827 г. заплатила княгиня Ливен, которого в министерство иностранных дел в 1830 г. ввел князь Ливен и против которого предостерегал Каннинг на смертном одре, — является *русским агентом*. Я пришел к этому выводу путем чрезвычайно добросовестного и тщательного изучения всей его карьеры по «Синим книгам»,

«Парламентским прениям» и свидетельствам его собственных дипломатических агентов. Работа эта отнюдь не была занимательна и к тому же поглощала очень много времени, но ее следовало проделать, поскольку она давала ключ к истории тайной дипломатии за последние тридцать лет. (Между прочим, некоторые из моих статей о Пальмерстоне, помещенные в «Tribune», были перепечатаны в Лондоне в 50 000 экземплярах в виде отдельных памфлетов.) Пальмерстон не гений. Гений не пойдет на такую роль. Но он — один из величайших талантов и законченный тактик. Искусство его состоит не в том, что он служит России, а в том, что, служа России, он умеет выступать в роли «истинно английского министра». Он отличается от Эбердина только тем, что Эбердин служит России, потому что он ее не понимает, а Пальмерстон служит России, несмотря на то, что понимает ее. Поэтому первый является открытым сторонником, а второй — тайным агентом России, первый служит даром, второй — за плату. Если бы даже он и захотел теперь пойти *против* России, то он не смог бы этого сделать, так как он находится в ее руках и ему приходится ежеминутно опасаться, что в Петербурге им пожертвуют. Это тот самый человек, который в 1829 г. обвинял Эбердина в том, что его политика недостаточно русская, это тот человек, которому Роберт Пиль в Палате общин заявил, что он не знает, чьим представителем он является. В 1831 г. он пожертвовал Польшей, в 1833 г. навязал Порте договор Ункьяр Скеlessи, в 1836 г. отдал России Кавказ и устья Дуная. Он содействовал заключению договоров 1840 и 1841 гг. и созданию нового Священного союза, направленного против Франции. Он вел афганскую войну в интересах русских. В 1831, 1836 и 1840 гг. он подготовлял присоединение Кракова к Австрии, чтобы в 1846 г. протестовать против этого, и т. д. Повсюду, где он прикладывал руку, он противодействовал английским торговым интересам под предлогом их защиты. Так он поступил в вопросе о неаполитанской сере. Он расстроил выгодные для Англии торговые договоры с Францией, которые оставалось только ратифицировать. Это тот человек, который предал Италию и Венгрию. Если бы он действовал только против революционных национальностей, это было бы понятно. Но и в вопросах, где дело шло исключительно об английских интересах, он всегда с *утонченной* хитростью изменял им в пользу России. Впрочем, здесь начинают понимать, что он из себя представляет.

В ожидании скорых вестей от тебя

Твой К. М.

136.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Дюссельдорф.

Лондон, 1 июня 1854 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Лассаль!

Последние две-три недели я был сильно болен, кроме того все трое детей заболели корью, от которой только теперь поправились, так что весь дом превратился в лазарет. Я всего два дня как снова выхожу из дому, и так как особенно сильно у меня болела голова и всякие разговоры были мне в тягость, то за это время я не принимал никаких посетителей. Вот почему я почти ничего не знаю о действиях и намерениях эмиграции. Мадзини, как тебе, вероятно, известно, находится в Швейцарии инкогнито. По письмам из Вашингтона я знаю, что эмиграция, как всегда, строит себе большие иллюзии. Секретные отчеты, посылаемые этими господами отсюда в Америку, приплывают ко мне обратно через некий вашингтонский канал. В моем ближайшем письме я, может быть, смогу сообщить тебе желаемые подробности о деятельности эмиграции.

Веерт теперь в Калифорнии. Идут слухи, что он собирается жениться на некоей фрейлин Ворбс или Вормс из Гамбурга, дочери одного из его бывших принципалов.

Даже «Times» в известной мере посмеивается над «кельскими обывателями» (Kölnischen Tricke) в Лондоне, которые перед англичанами воют и причитают сотнею голосов: «Нежными звуками полна моя душа» или «Я одинок, но не один» и т. п.

Что касается Пальмерстона, который напрягает сейчас все силы, чтобы получить в свои руки все военное управление, но встречает соперника в лице герцога Ньюкастля, сторонника Пиза, то из статей, помещенных мною в «Tribune», только первые были напечатаны здесь в виде памфлетов. Я сам воспрепятствовал их дальнейшей публикации, так как в той же самой серии «Political fly sheets» [«Политических памфлетов»] появлялись попеременно с моими и памфлеты Уркарта, а я не хочу быть причисленным к соратникам этого господина, с которым мы сходимся только в одном — в оценке Пальмерстона; во всем остальном я придерживаюсь диаметрально противоположных мнений, что выяснилось при первом же нашем свидании. Он романтик-реакционер, настоящий турок и хотел бы переделать весь Запад на турецкий лад и ввести турецкие порядки. Я решил не посылать тебе этих нескольких маленьких памфлетов, так как расходы на пересылку мелких пакетов

непропорционально велики. Что касается самого существа вопроса, то ты имеешь полное право оставаться при своем мнении до тех пор, пока его не изменят совершенно неоспоримые факты. Мой взгляд создался не на основании того или иного отдельного факта, — ведь каждый отдельный факт допускает разнообразное истолкование, — а на основании общей связи всех шагов этого человека, на основании всей совокупности его деятельности с 1829 г. В этой деятельности я раскрыл единый согласованный план, принимавший различные и нередко как будто противоречащие друг другу формы, но всегда направленный к одной и той же цели и выполняемый неизменно с одним и тем же высоким мастерством.

Что касается особо упомянутых тобою пунктов, то я замечу следующее:

1. *Экспедиция [в защиту] Пачифико*. В книге одного бывшего пальмерстоновского секретаря посольства в Афинах (1836), а именно в сочинении г. Периша «Diplomatic history of Greece» [«Дипломатическая история Греции»], ты прежде всего найдешь доказательство того, что после 1830 г. Пальмерстон сделал все, чтобы превратить Грецию в русскую провинцию. Экспедиция [в защиту] Пачифико в конце концов окончательно бросила Грецию в объятия России. Эта экспедиция, способствуя популярности Пальмерстона в Англии, вместе с тем дала ему возможность в этом же году заключить с Брунновым договор о порядке наследования в Дании, который был составлен в духе русских интересов и окончательно выполнен лишь в 1852 г. Если при этой истории с Грецией Пальмерстон, причинив достаточно много вреда, не набросился на Францию, то эта его уступчивость была только «дипломатией» по отношению к английскому народу. Враждебные ему газеты уже начали подчеркивать это обстоятельство, что в 1840 г. он сделал Англию союзницей России и врагом Франции.

2. Признание государственного переворота. Оно было необходимо, чтобы завлечь в свои сети Бонапарта. Раньше, в связи с неурядицей в Испании, он точно так же создал Четверной союз, чтобы посадить в лужу Луи-Филиппа.

3. Инструкция от 19 июня 1839 г. вполне подтверждает мой взгляд. Предложение о том, чтобы ни в коем случае не позволять России приводить в исполнение договор, заключенный в Ункьяр Скеlessи (являвшийся, между прочим, делом рук Пальмерстона), исходило не из Лондона, а из Парижа. Доказательством этого может служить депеша Сульта барону Буркене от 30 мая 1839 г., а также депеша от 14 июня 1839 г. и т. д. Пальмерстон, делавший

вид, будто он думает, что султан *желает* выполнения договора, заключенного в Ункьяр Скеlessи, и прибытия русских в Константинополь, посылает 19 июня депешу графу Грэнвиллю в Париж, приложив при этом свой «проект инструкций адмиралу сэру Роберту Стопфорду» от того же числа, где он, среди ряда других двусмысленных и нелепых предложений, поручает адмиралу в случае необходимости «силой добиться прохода в Дарданеллы». Сульт, рассуждая очень здраво (см. депешу графа Грэнвилля виконту Пальмерстону, Париж, 28 июня 1839 г.), обращает внимание Пальмерстона на то, что их врагом является не султан, а Россия, что форсирование Дарданелл поэтому нелепо и что совершенно достаточно, если английский и французский послы в Константинополе потребуют от султана, — *который только этого и хочет*, — разрешения на проход в Дарданеллы союзному флоту. Пальмерстон ничего не может на это возразить, но делает еще более нелепое предложение, по поводу которого Сульт пишет ему: «Благородный лорд, повидимому, *очень легко мирится с перспективой занятия Константинополя русскими*». Дело продолжается в том же духе, причем Пальмерстон все время препятствует французским действиям против России, делая вид, будто вся его ярость направлена против Мехмета-Али, пока Бруннов не приезжает наконец в Лондон и он не заключает с ним договора 1840 г. Позднее этот договор получает свое завершение в Дарданелльском договоре 1841 г., который представляет собою лишь европейскую санкцию Ункьяр-Скеlessкого договора.

Я буду тебе очень благодарен, если ты будешь часто и подробно писать мне о положении в Германии и в особенности в Пруссии.

Твой К. М.

137.

Марке — Морицу Эльснеру

в Бреславль.

Лондон, среда, 20 декабря 1854 г.

28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Эльснер!

Ваше письмо пришло сюда в понедельник. Я же сам приехал сюда только сегодня, так как провел несколько дней в гостях у Энгельса и Лупуса в Манчестере.

Свою корреспонденцию я начну в *субботу*. Начинать как раз тогда, когда *заканчивается* «предварительная» парламентская сессия, не имело бы смысла.

В качестве начала лучше дать *резюме* этой короткой сессии. В течение двух лет я писал только по-английски, я имею в виду — для печати. Писать по-немецки будет мне вначале несколько трудно.

Вы знаете, что я в течение целого года редактировал *подлежавшую цензуре* прусскую газету, поэтому я великолепно представляю себе, какие муки приходится испытывать «*Neue Oder Zeitung*» при новой форме цензуры; эти трудности и скрытая борьба против властей предержавших заинтересовывают меня в том, чтобы работать на пользу этой газеты.

Насколько я знаю, — а мне хорошо знакомы почти все сколько-нибудь значительные читальни в Лондоне, — «*Neue Oder Zeitung*» здесь нигде нет. Вам придется посылать ее пока мне непосредственно. Может быть, мне удастся добиться того, чтобы ее выписала какая-нибудь читальня или кофейня.

Вы сделаете мне *особое* одолжение, если в виде исключения пришлете *один* номер «*Breslauer Zeitung*». Хотя Эдгар Бауэр и бывает у меня еженедельно, но он ни разу не говорил со мной о своих корреспонденциях, а мне хотелось бы познакомиться с его взглядами на основании одного «экземпляра».

Так как сессия парламента заканчивается и кроме резюме парламентского заседания и, пожалуй, некоторых замечаний по финансовым вопросам, важного материала мало, то я намерен — если такое вступление подойдет Вам, — дать в серии статей обзор происходивших до настоящего момента в Крыму военных действий. Я не встречал ни здесь, ни в Германии ни одной разумной, т. е. критической, статьи по этому вопросу. Вместе с тем я полагаю, что эта тема привлекает к себе наибольший интерес и в то же время меньше всего рискует вызвать коллизии с косвенной королевско-прусской цензурой. Прошу Вас передать мой дружеский привет Вашей жене, хотя мы с ней и не знакомы.

Ваш *Карл Маркс*.

1855 год.

138.

Марке — Фердинанду Лассалю
в Дюссельдорф.

[Лондон,] 23 января 1855 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Лассаль!

Это письмо было бы написано уже пять дней тому назад, если бы моя жена не произвела на свет новую гражданку. Среди всех этих забот, как ты сам понимаешь, у меня оставалось мало досуга. Мать и дочурка находятся в добром здравии.

Не очень-то приятно, дорогой мой, *писать* [...] ¹ в столь небольшом [...] в конце концов можно только излагать малозначительные пустяки. Ну да ладно... [...] что [...] рассматривать и не выражать при этом никаких писательских претензий, но в то же время надеяться, что их не будут и предъявлять.

Что касается различных экономических вопросов, которые ты мне поставил, то, насколько я знаю, по этим вопросам до сих пор не существует ни официальных, ни научно обработанных данных. Из таблиц департамента торговли можно, конечно, заимствовать официальные цифры о ввозе хлеба. Но больше ничего. Теперь наверное вскоре посыплются сочинения по этим вопросам. В Англии время кризиса есть вместе с тем и время теоретических исследований. Из моих тетрадей, где я собрал всевозможные статистические данные из различных источников, я, *при первой возможности*, сделаю для тебя сводку. Пока же сообщаю лишь следующие, самые общие данные.

Ввоз пшеницы и муки.

	Пшеница в зерне (в квартерах)	Мука (в переводе на кварталеры)
1847.	2 650 000	1 808 000
1848.	1 865 000	351 000
1849.	4 569 000	1 129 000
1850.	3 778 000	1 102 000

¹ Рукопись повреждена, пропуски отмечены многоточиями в прямых скобках.

Итак, за первые два года свободной торговли пшеницы в зерне ввезено 8 285 000 квартеров, а пшеницы в муке — 2 226 000, всего 10 511 000, т. е. в среднем за эти два года по 5 000 000 с лишним квартеров. Считая 1 квартал на человека в год, это составляет значительно более $\frac{1}{6}$ всего потребления.

Можно ли сказать, что ежегодное потребление увеличилось на столько же? Очевидно, это зависит от ответа на другой вопрос: производилось ли в Англии то же самое количество пшеницы, как и до сих пор? А на это, в свою очередь, можно ответить лишь тогда, когда мы будем иметь сельскохозяйственную статистику, собирание данных которой сейчас как раз начинается. Относительно Ирландии и Шотландии мы знаем, что после отмены хлебных пошлин значительные количества земли были превращены в пастбища и т. д. В отношении же Англии мы можем притти к известному выводу пока только индуктивным путем. Если бы в Англии не прекратилась обработка значительной части земель, то как могло бы случиться, что в этом году, например, несмотря на очень хороший урожай, хлебные цены выше, чем в год, когда применялась покровительственная система (например, в 1839 г.), между тем как уменьшение ввоза из-за границы никоим образом не перевешивает разницу между плохим и хорошим урожаем, между урожаем 1854 г. и урожаем 1853 г.? Следующая *официальная* таблица (для Ирландии) показывает, какое распространение при системе свободной торговли получила тенденция к прекращению обработки земли, — в большинстве случаев, вероятно, с тем, чтобы превратить пахотные земли в пастбища для скота.

	1854 (до ноября)	Акры
<i>Уменьшение зерновых культур</i>		91 233
<i>Зелень</i> (картофель, корнеплоды и т. д.)		710
<i>Лен</i>		23 607
<i>Клевер</i>		13 025
Общее уменьшение обработанной земли.		128 575

Наоборот, в предыдущем году (1853) общее уменьшение составляло только 43 867 акров. Для обоих годов, вместе взятых, это составляет 172 442. Это тем более поразительно, что спрос на все сельскохозяйственные продукты за последние два года увеличился. Что же касается занятых в сельском хозяйстве рук, то мы знаем, что из 300 000 человек, которые с 1852 г. ежегодно эмигрировали из Великобритании, большая часть состояла из сельскохозяйственных рабочих. Мы знаем, что в 1853 г. население впервые *уменьшилось*

вместо того, чтобы расти. Наконец, лучшим доказательством того, что число сельскохозяйственных *рук* значительно уменьшилось, является то, что в 1853 г., впервые после 1815 г., заработная плата *в деревне* повысилась, и для того чтобы вновь ее снизить, почти всюду были введены жатвенные машины. (Заметим, между прочим, что свободный ввоз иностранного хлеба дал огромный толчок *английской агрономии*.) На основании имеющегося материала совершенно невозможно определить, какое влияние оказала свободная торговля на цены промышленных продуктов. Например, зависящие от сырья колебания цен в шерстяной и льняной промышленности едва ли могли быть вызваны отменой хлебных законов. В общем, я полагаю, что из истории цен 1849—1854 гг. обнаружится, что соотношения между ценами всех промышленных продуктов и хлеба и между ценами отдельных отраслей промышленности и соответствующего сырья остались такими же (равно как и вариации в пределах этих областей), как и до отмены хлебных законов. Что касается *заработной платы* на фабриках (цифры в другой раз), то совершенно определенно можно доказать, что отмена хлебных законов 1) не оказала никакого влияния на *абсолютную* заработную плату, 2) содействовала *понижению* относительной заработной платы. В год кризиса [...] ¹ заработная плата понизилась. Она *не* повысилась в сравнительно хорошие годы 1849—1852, по крайней мере до последней трети этого года (включительно). Почему она не повысилась? Потому что *упали* цены на средства существования. В течение 1852 г. началась массовая эмиграция, между тем как спрос [на труд] в Соединенных Штатах, Австралии, Ост-Индии и т. д. значительно возрос. Тогда рабочие потребовали повышения заработной платы на 10% и добились его в большинстве отраслей на то короткое время, которое совпало с кульминационным пунктом процветания (приблизительно до августа 1853 г.). Тебе известно, — вспомни, например, престонскую стачку, — что это 10-процентное повышение вскоре было у них снова отнято, хотя в 1853 и 1854 гг. хлебные цены *в среднем* стояли выше, чем в годы протекционизма — 1843—1845 и 1830—1837. Таким образом, *повышение* заработной платы, и притом очень *кратковременное*, ибо сейчас уже снова работают неполное время и вообще начался кризис, ни в коей мере нельзя приписывать свободе торговли, а оно целиком соответствует повышению заработной платы во все годы процветания. Свобода торговли фактически содействовала лишь тому, что заработная плата в 1849—1852 гг. *не*

¹ Рукопись повреждена.

повысилась. Она не повысилась потому, что на ту же самую заработную плату можно было купить *больше* средств существования. Итак, относительно *повысилась* на самом деле *прибыль*. Относительная заработная плата, т. е. заработная плата по отношению к прибыли, таким образом, фактически *упала* — результат, неизбежность которого я показал уже в 1847 г. в одной брошюре (на французском языке)¹. Конечно, нельзя отрицать, что отмена хлебных законов до некоторой степени (в соединении с соглашением о пошлинах на сахар, открытием английских портов для иностранных судов и отменой покровительственных пошлин на необделанное северо-американское дерево), пожалуй, содействовала тому, что британцы расширили и приобрели новые заграничные рынки для сбыта своих фабричных изделий. Так, например, более фритредерский характер законодательства в Соединенных Штатах был, конечно, отчасти обусловлен отменой хлебных законов в Англии. Но слишком большого значения этому придавать нельзя; английский вывоз в Россию, например, уменьшился, между тем как ввоз из России в Англию вследствие отмены хлебных законов в огромной степени возрос. В общем выясняется, что значение Европы как рынка для Англии сравнительно падает, так как из общей суммы вывоза за 1854 г. (я имею здесь в виду общую сумму вывоза *британских продуктов*, оставляя в стороне реэкспорт) одни только Соединенные Штаты, Австралия и Ост-Индия поглотили 60%, не говоря уже о внеевропейских британских колониях (за исключением Ост-Индии).

Я набросал все это, чтобы в самых общих чертах ответить на твои вопросы. Надо будет еще посмотреть, какой точный цифровой материал имеется в моих тетрадях. Книги, повторяю, начнут появляться *только теперь* [...] ².

139.

Маркс — Морицу Эльснеру
в Бреславль.

[Лондон,] 17 апреля 1855 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Эльснер!

Я уезжаю с женой на несколько дней из Лондона. Дронке оказался настолько любезен, что согласился в течение этого времени продолжать корреспонденции. Сегодня он пришлет Вам описание

¹ «Речь о свободе торговли». См. том V Сочинений Маркса и Энгельса, изд. ИМЭ, 1922 г., стр. 445.

² Окончания письма не сохранилось.

въезда Бонапарта. Если я его больше не увижу, то это письмо я пошлю Вам отдельно.

Прилагаемые две статьи являются *началом* полемики против панславизма. По моему мнению, Германии давным-давно пора серьезно изучить вопрос об угрожающих ей опасностях. Эти вещи Вы можете напечатать, *когда* Вам удобнее, так как с корреспонденцией они непосредственно не связаны. Я убежден, однако, что необходимо, *не теряя времени*, забить в Германии тревогу. При этом и берлинская «критическая критика» получит должное за свое высокомерное тушование.

Ваш К. М.

140.

Марке — Фердинанду Лассалю

в Париж.

Лондон, 28 июля 1855 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Лассаль!

Я уже несколько недель живу в деревне, в коттедже, который уступил мне один друг, уехавший в Шотландию. В результате твое письмо было доставлено мне только вчера. Впрочем, теперь я уже принял меры, чтобы письма из города доставлялись мне немедленно.

Меня поразило, конечно, что ты, находясь так близко от Лондона, не думаешь заглянуть сюда хотя бы на несколько дней. Я надеюсь, что ты еще передумаешь и учтешь, как короток и дешев путь из Парижа в Лондон. Если бы двери Франции не были герметически закрыты для меня, я нагрянул бы к тебе в Париж.

В Париже у меня есть несколько друзей, но (в этот момент я пишу не из города) я могу прислать тебе их адреса лишь тогда, когда поеду в Сохо, где они хранятся.

Бэкон говорит, что у действительно выдающихся людей так много связей с природой и миром и так много объектов интереса, что они легко переносят всякую потерю. Я не принадлежу к числу этих выдающихся людей. Смерть моего ребенка потрясла меня до глубины души, и чувство потери еще так же живо во мне, как и в первый день. Моя бедная жена также совершенно убита.

Если увидишь Гейне, передай ему от меня привет.

Твой К. М.

141.

Маркс — Амалии Даниэльс

в Кельн.

Лондон, 6 сентября 1855 г.

28, Deanstreet, Soho.

Дорогая г-жа Даниэльс!

Не могу описать Вам ту боль, которую я испытал, получив известие о смерти дорогого, незабвенного Роланда. Хотя последние известия, доходившие до меня через Штеффена, были неутешительны, я все же ни на минуту не терял надежды на выздоровление Вашего мужа — этого выдающегося человека. Это была деликатная, утонченная, благороднейшая натура, в которой с редкой гармонией сочетались характер, талант и красивая внешность. Когда я видел Даниэльса среди кельнцев, он всегда казался мне статуей греческого бога, которую капризный случай закинул в толпу готтентотов. Его ранняя смерть является непоправимой утратой не только для его семьи и друзей, но и для науки, в области которой он подавал многообещающие надежды, а также и для широких масс страждущего человечества, которые в его лице имели верного передового борца.

Я хорошо знаю Вашу героическую натуру и потому убежден, что непреходящая скорбь не помешает Вам преданно заботиться о драгоценном залоге, оставленном Вам Роландом. В лице сыновей Вы вдвойне вернете миру их отца.

Известие об этой новой потере с такой живостью пробудило в моей жене воспоминание о смерти нашего единственного сынишки, что ее душевное состояние не позволяет ей в настоящий момент написать Вам. Она плачет и горюет, как дитя.

Я не решаюсь утешать Вас, тем более, что и сам я безутешен — я потерял друга, которого лично любил больше чем всех остальных. Такую скорбь нельзя смягчить, ее можно только разделить. Как только я справлюсь с первым мучительным чувством, я напишу для многочисленных друзей покойного в Америке некролог в «New York Tribune». Надеюсь, что когда-нибудь сложится такая обстановка, которая даст возможность воздать людям, сократившим его жизненный путь, более серьезное возмездие, чем это можно сделать в некрологе.

Мне не приходится заверять Вас, что в моем лице Вы всегда найдете верного и преданного друга.

С искренним участием

Ваш *К. Маркс.*

142.

Маркс — Морицу Эльснеру

в Бреславль.

Лондон, 11 сентября 1855 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Эльснер!

Я не имел возможности писать Вам на прошлой неделе из-за судебного преследования, которое возбудил против меня почтенный д-р Фрейнд. Из-за него я даже вынужден был выехать из Лондона почти на неделю. Но так как парламент не заседает, то это обстоятельство, конечно, не отзовется на моих корреспонденциях. Итак, откройте мне счет у Вас в этом месяце только с 11 сентября.

Само собой разумеется, что если Ваша газета не будет в состоянии платить, но *может* продолжать свое существование, то Вы по-прежнему будете получать мои статьи.

По моему убеждению, газета Ваша, в трудных условиях и в тех узких рамках, в которые Вы поставлены, велась очень умело и тактично, давая возможность понятливому читателю читать между строк. Ничто не может быть нелепее упрека, что Вы получаете деньги от «конституционалистов». Некоторые весьма «конституционные» буржуа делали взносы на «Neue Rheinische Zeitung». Если даже впоследствии эти господа и раскисались в этом, то редакция, во всяком случае, никогда не запрещала им продолжать платить. Если бы я не опасался, что скомпрометирую любого из моих знакомых одной уже перепиской с ним, я давным-давно написал бы в Рейнскую провинцию в интересах Вашей газеты. Во всяком случае, Лассаль поступил неправильно, когда он в Кельне и т. д. не привлек внимания к «Neue Oder Zeitung». Он мог это сделать.

Если «Neue Oder Zeitung» погибнет, то мы должны утешаться тем, что все наши теперешние действия, затеи и начинания имеют чисто временный характер и что все это делается только на худой конец.

С наилучшим приветом

Ваш К. М.

Здесь в Лондоне начала выходить еженедельная немецкая газета, основанная бывшим французским полицейским, венским эмигрантом Зигмундом Энглендером. Сотрудники: русский — Герцен, Иоганн Ронге и выдающий себя за офицера некий пьяница Корн.

143.

Марке — Морицу Эльснеру

в Бреславль.

Манчестер, 8 ноября 1855 г.
34, Butlerstreet, Green Keys.

Дорогой Эльснер!

Оба Ваши письма я получил. Первое несколько запоздало, так как моя жена случайно задержала отсылку его в Манчестер. Получив его, я решил, что Вы вышли из «*Neue Oder Zeitung*», и поэтому немедленно прекратил корреспонденции. Второе же Ваше письмо пришло, когда у меня был как раз такой приступ зубной боли (он на-днях только прошел), что я не мог ни слышать, ни видеть, а не то что писать.

Содержание Вашего письма от 7 октября я сообщил не только друзьям, но и противникам; оно, повидимому, сильно ошеломило их. Мне незачем уверять Вас, что меня и моих друзей совершенно не трогают вероучения господ Темме и Симона из Бреславля.

Гойолля я не вижу, но Лупус встречается с ним время от времени. Из патриотизма Г[ойолль] принес «*Breslauer Zeitung*» в здешний Атенеум; это обстоятельство грозит нашему маленькому Вольфу изгнанием из этого почти единственного в Манчестере пристанища муз.

Борхардту, которого я хорошо знаю, я передал Ваш поклон. Борхардт поддерживает постоянную и интимную переписку с гражданином Симоном из Бреславля. Когда он в первый раз спросил меня, известно ли мне, что «*Neue Oder Zeitung*» находится в незаконном сожительстве с конституционалистами, я ответил ему: «Какое мне до этого дело? Разве Вы не знаете, что с моей точки зрения конституционалисты и демократы, по крайней мере прусские, — одного поля ягода? И нужно ли делать различие между демократами, которые приняли одну королевскую конституцию, но отвергли другую, и теми, которые после первой согласились и на вторую?» «*Neue Oder Zeitung*» печатает максимум того, что возможно при теперешнем положении печати. Чего же Вы еще хотите?»

Я получил из Парижа письма от людей, которые исключительно хорошо осведомлены. По их словам, акции империи падают все ниже и ниже. В предместьях повсюду говорят, что «ей приходит конец». Что положение действительно серьезно, явствует из двух событий общественной жизни — речи генерал-прокурора Рулана и статьи Гранье де-Кассаньяка, напечатанной в «*Constitutionnel*»

под заглавием: «Об ужасах *грядущей революции*». Вероятность этой последней представляется несомненной даже господину Гранье.

В здешнем скандале по поводу «эмигрантского вопроса» (Джерси и пр.) больше дыму, чем огня. Общественное мнение решительно повернуло против правительства, и я даже думаю, что правительство *заранее это предвидело*. Оно так неуклюже и с такой траги-комической готовностью уступило первым требованиям Бонапарта именно для того, чтобы фактически доказать ему, что на дальнейшие уступки английское правительство итти не может. Если бы правительство смотрело на это дело серьезно, то оно действовало бы более ловко и не сделало бы своего нелепого хода задолго до открытия парламента. Конечно, Пальмерстон не любит эмигрантов, но он считает их жупелом (*Windschläuche*), который хорошо иметь под рукой, чтобы при случае пригрозить континенту: «я вас!» Кстати, он очень непрочен сидит в своем министерском кресле, но выбить из седла старую лису все же не легко.

Когда Вы снова дадите знать о себе, пишите, пожалуйста, по моему старому адресу (28, Deanstreet, Soho, Лондон), так как я не знаю, сколько я еще здесь пробуду, а письма, направленные по указанному адресу, во всяком случае попадут к моей жене. Ронге с женой организуют в Лондоне детские сады. Кинкель с Иоганной надеются, что до революции еще далеко. Руге время от времени читает в Брайтоне лекции, которые заставляют англичан думать, что немецкий язык самый гнусный из всех; Таузену, Мейен и им подобные бранят «французский сброд» эмиграции (включая Виктора Гюго), наличие которого - де грозит лишить «права убежища» этих «заговорщиков с высочайшего разрешения».

Энгельс и Лупус просят передать Вам сердечный привет. Б[орхардта?] я не видел уже две недели.

Ваш К. М.

144.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Дюссельдорф.

Манчестер, 8 ноября 1855 г.
34, Butlerstreet, Green Keys.

Дорогой Лассаль!

Ответ ты получаешь с большим запозданием. Во-первых, я получил твои письма с опозданием, так как я находился в Манчестере, письма же пришли в Лондон, а жена моя точно не знала, не выехал ли я уже из Манчестера. Во-вторых, меня до такой степени

мучила гнусная зубная боль, что со мной случилось то, чего требует Гегель от чувственного сознания на той стадии, когда оно должно перейти в самосознание, а именно, — у меня пропала способность слышать и видеть, а следовательно и способность писать.

Что касается твоего вопроса относительно книги Коффино, озаглавленной «Les Mystères de la Bourse» [«Тайны биржи»], то мне кажется, что эта жалкая стряпня еще и сейчас находится среди моих книг, оставленных на родине. Во время моего первого пребывания в Париже заглавие книги соблазнило меня сначала купить эту вещь, а потом и прочесть. Г-н Коффино — адвокат, который в сущности ничего не знает о бирже и только предостерегает от «юридических» мошенничеств «биржевых маклеров». Поэтому книга ничего не дает — ни фактов, ни теории, ни даже занимательных анекдотов; к тому же она сейчас совершенно устарела. «Отпусти его, милая донна», — его, т. е. Коффино, — «он недостоин твоего гнева».

Веерт после длительного путешествия по континенту сейчас снова в Манчестере. (Он возвратился из Вест-Индии в конце июля.) Через неделю он снова отплывает отсюда в тропики. Слушать его очень занимательно. Он много видел, пережил, наблюдал. Объехал большую часть Южной, Западной и Центральной Америки. Проехал верхом через пампасы, подымался на Чимборазо. Не меньше пробыл он и в Калифорнии. Если он теперь и не пишет фельетонов, зато он произносит их; слушатель при этом имеет еще то преимущество, что он видит живсе изображение и мимику и слышит задорный смех. Веерт вообще мечтает о жизни в Вест-Индии и отнюдь не жалуется ни людскую слякоть, ни погоду здешнего северного климата. Да и в самом деле, здесь скверно, очень скверно.

Об инциденте в Джерси и вообще о скандале вокруг вопроса об эмигрантах в Англии ты знаешь из газет. Я не думаю, чтобы этот инцидент привел к чему-либо серьезному. Не думаю даже, что здешнее правительство добивалось какого-либо серьезного результата. Иначе скандал приберегли бы к кануну открытия парламента. А теперь дали время для того, чтобы совершился поворот в общественном мнении, и он во многих отношениях уже наступил.

Очередное письмо посылай по моему *старому лондонскому адресу*, так как я не знаю, сколько еще времени пробуду здесь у друга Энгельса. Энгельс и Лупус посылают тебе сердечный привет.

Твой К. М.

1856 год.

145.

Энгельс — Вильяму Штеффену
в Брайтон.

[Черновик.]

Манчестер, 15 апреля 1856 г.

Дорогой Штеффен!

Не можешь ли ты указать мне хорошую и не слишком дорогую, годную с военной точки зрения карту Германии в масштабе 1 : 100 000 или еще лучше, 1 : 80 000, 1 : 60 000 и т. п. Далее, более специальную карту (пожалуй, достаточен масштаб 1 : 60 000 — 1 : 40 000) Рейнской провинции и Вестфалии, но хорошую и не слишком дорогую. Карты прусского генерального штаба, кажется, страшно дороги и полностью еще не вышли. Для карты Германии был бы, пожалуй, достаточен масштаб 1 : 150 — 200 000, но мне важен не столько масштаб, сколько то, чтобы карта была хорошая и действительно пригодная. Буду доволен, если карта даст возможность без особого дополнительного плана выяснить себе *общие характерные черты* поля сражения, например при Иене или Аустерлице. Желательно, чтобы карта Рейнской провинции и Вестфалии давала то же, что дает английская артиллерийская карта масштабом в 1 дюйм на милю (около 1/60000).

Здесь мало нового. У Лупуса теперь много работы, но скоро для него наступит плохое время — каникулы. Не соберешься ли ты как-нибудь летом к нам?

Твой Ф. Энгельс.

Адрес прежний:

Через гг. Эрмена и Энгельса.

146.

Марке — Чарльзу Добсону Коллет
в Лондоне.

[Черновик.]

Лондон, 11 августа 1856 г.
23, Deanstreet, Soho.

Милостивый государь!

Я, конечно, одобряю сделанные в Вашем письме от 8-го этого месяца предложения относительно заголовков «глав» и отнесения

примечаний к концу текста. Что касается разделения глав на части, то Вам следует поступать по собственному усмотрению, сообразуясь с местом и т. д. Признанные необходимыми изменения в главе II будут присланы в течение недели ¹.

Ваш К. М.

147.

Маркс — Чарльзу Добсону Коллет
в Лондоне ².

[Черновик.]

[Лондон.] 23 октября 1856 г.

Милостивый государь!

Так как в течение последнего месяца меня не было в Лондоне и так как в Вашей газете, повидимому, нехватало места, то я отложил продолжение моих статей до сегодняшнего дня. Пересылая прилагаемую при сем новую рукопись, я полагаю, что ввиду различия форматов старой и новой «Free Press» необходимо новое соглашение относительно условий, на которых мои статьи будут помещаться в Вашей газете.

В ответ на Ваше последнее письмо я должен заметить, что мне безразлично, будете ли вы перепечатывать старые *памфлеты* крупным или мелким шрифтом, но что касается неопубликованных до сих пор документов, то я считаю, что печатать их мелким шрифтом значило бы портить все дело. Что касается выраженного Вами пожелания, чтобы мои собственные комментарии не давались в форме примечаний, то Вы должны признать, что это делалось лишь там, где это было действительно необходимо, и что примечания, данные в форме введения к различным главам, уже и без того вытесняют текст. Наконец, что касается Вашего пожелания о проведении параллелей между рассматриваемой мною эпохой и настоящим моментом, то в известной степени оно было уже выполнено в опубликованных Вами главах. Проводить эти параллели чаще и систематически значило бы менять мой план, согласно которому я намерен был не столько давать новое озвещение хорошо известному материалу, сколько дать новые материалы для новой истории. Я полагаю, что удовлетворять желания своих читателей в этом отношении является скорее обязанностью самого редактора.

¹ Речь идет о серии статей Маркса, опубликованных в «The Sheffield Free Press» под заглавием «Разсблачения из области истории дипломатии XVIII столетия».

² Черновик написан рукою Энгельса.

1857 год.

148.

Марке — Чарльзу Добеону Коллет

[Черновик.]

в Лондоне.

[Лондон,] 25 марта 1857 г.

Милостивый государь!

Посылаю Вам главу V о дипломатических отношениях. Буду весьма благодарен за скорую присылку вознаграждения, причитающегося мне за указанные статьи. Вы меня очень обяжете, если найдете ко мне в любой день кроме пятницы. Мне надо сообщить Вам несколько в высшей степени важных сведений. Болезнь моей жены не позволяет мне посетить Вас на Ampton place.

Преданный Вам и т. д.

149.

Карл Марке — Конраду Шрамму

в Райд (Джерси).

Лондон, 8 декабря [1857 г.]

9, Grafton Terrace, Maitland Park, Hampstead.

Дорогой Шрамм!

Напиши нам поскорее, как тебе нравится Джерси. Энгельса, проезжавшего на обратном пути через Лондон, я не видел, так как он, назначив мне свидание на железнодорожной станции, неверно указал время. Ответил ли тебе осел Ревентлов? Я спрашиваю об этом не потому, что придаю этому хотя бы малейшее значение, — эти американцы сейчас все равно неплатежеспособны, — а только потому, что меня интересует поведение этого исполина-богатыря. А господин Фаухер, заплатил ли он наконец? Этот слабоумный берлинец с каждым днем глупеет. Доказательство этому — отдел иностранных известий в «Morning Star» [«Утренняя Звезда»], которая свое название производит по аналогии с *lucus a non lucendo*¹. Но и без помощи

¹ Нелепое утверждение, будто роща называется по-латински *lucus* потому, что в ней не светло (*non lucet*).

немцев вся английская пресса, право, становится с каждым днем все хуже. Не говоря о катастрофическом действии всеобщего кризиса, который разоряет каждого мелкого торгаша, поистине облегчением является хоть то, что уже не приходится больше ежедневно слушать, как англичане бахвалятся «доблестью» своих соотечественников в Индии. Просто действует на нервы, когда мужеством других людей усиленно спекулируют английские отцы семейств и наемные писаки, которые преспокойно живут дома и необычайно боятся всего дающего им хотя бы отдаленнейший шанс на то, чтобы стяжать себе воинскую славу.

Если не считать семейного круга, то я здесь теперь почти совершенно изолирован. Немногих знакомых видишь редко, да в общем ничего от этого и не теряешь. Даже в Джерси ты вряд ли можешь вести более тихую жизнь. Опасаюсь, что со временем пребывание там тебе наскучит. Или, может быть, ты завел какие-либо знакомства? Гарни, правда, довольно общительный малый, но нельзя же вечно одно и то же (*toujours perdrix*). Рассчитываю увидеться с тобой весной, если ты не двинешься еще дальше на юг. Во всяком случае черкни несколько строк.

Привет.

Твой К. М.

150.

Марке — Фердинанду Лассалю
в Дюссельдорф.

Лондон, 21 декабря 1857 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

Из всех писем, о которых ты упоминаешь, я получил только одно, переданное через Фрейлиграта. Я не отвечал или, вернее, дожидался для ответа okazji, которая так и не представилась, по причинам, о которых неудобно говорить в письме. Замечу, впрочем, что ты *первый* оборвал переписку, больше года не отвечая на мое письмо из Манчестера.

Благодарю за «Гераклита»¹. Я всегда питал особую любовь к этому философу. Из древних философов я предпочитаю ему только Аристотеля. [. . . . .]² философию Эпикура (в особенности его),

¹ Книга Лассалю: «Die Philosophie Herakleitos des Dunklen von Ephesos» [«Философия Гераклита Темного из Эфеса».]

² Пропуск — рукопись повреждена.

стойков и скептицизм я *специально* изучал, но скорее из [...] ¹ чем из философского интереса. [Посылая] тебе эту благодарность [...] в то же время, что я еще не получил этой книги [...], конечно, пришлет, как только он в [...] министерства писать. Ты знаешь мой взгляд на Пальмерстона, — он не изменился. Кроме того, эта газета ² мне совершенно не известна, так как здесь нигде нельзя достать австрийских периодических изданий, и потому я ничего не знаю об ее общем направлении. Во всяком случае, мне было бы интересно посмотреть несколько номеров.

Я живу здесь очень уединенно, так как кроме Фрейлиграта все мои друзья выехали из Лондона. Да я и не желаю никакого общества. Фрейлиграт живет сравнительно сносно, занимая должность управляющего Швейцарским банком; он неизменно остается все тем же приветливым и превосходным малым. Лупус и Энгельс попрежнему в Манчестере. Об утрате Веерта мы до сих пор еще горюем.

Переживаемый сейчас торговый кризис побудил меня серьезно приняться за разработку моих основ политической экономии, а также подготовить что-нибудь о современном кризисе. Я вынужден убивать день на работу для заработка. Поэтому для *настоящей* работы мне остается ночь, но и тут часто мешает плохое состояние здоровья. Издателя я еще не искал, так как по опыту знаю [...] происходят [...] где я [...]. Не могу сообщить тебе никаких новостей, так как я живу отшельником. Прошлой зимой и летом моя жена сильно болела, но теперь несколько поправилась.

Если ты знаешь адрес д-ра Эльснера, передай ему от меня привет.

Я слышал, что старый осел Руге пытается снова оживить свои «Deutsche Jahrbücher». Но история не повернется настолько вспять, чтобы они вновь стали возможными.

Твой К. М.

---

¹ Рукопись повреждена, пропуски отмечены многоточиями в прямых скобках.

² Венская «Presse».

1853 год.

151.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Дюссельдорф.

Лондон, 22 февраля 1858 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

Нутт прислал мне, наконец «Гераклита». Как только я его прочту, я сообщу тебе свое мнение о нем. Но некоторое время ты должен потерпеть, ибо как раз сейчас у меня чрезвычайно мало свободного времени. Я лично не исследовал у стоиков их отношения к Гераклиту с натурфилософской стороны, потому что мне казалось, что они в этой дисциплине держат себя строго по-ученически. Наоборот, у Эпикура можно детально показать, что хотя он и исходит из натурфилософии Демокрита, он всюду поворачивает острие вопроса в обратную сторону. Вряд ли можно упрекать Цицерона и Плутарха за то, что они этого не понимали, ведь даже такие остроумнейшие люди, как Бэйль и сам (ipsissimus) Гегель, не додумались до этого. Впрочем, от Гегеля, который впервые постиг историю философии в целом, нельзя требовать, чтобы он не делал ошибок в деталях.

Из газет ты узнаешь, что Пальмерстон пал. Люди, хорошо знающие старого мошенника, склоняются в большинстве случаев к тому мнению, что последние его ошибки были сделаны *нарочно*, чтобы своевременно удалиться. Они говорят, что конечной целью всей его жизни было вызвать войну между Англией и Францией, что теперь он думает, что достиг этого, что сперва *его* план будет осуществляться чужими руками, а когда наступит хаос и зайдет достаточно далеко, нация будет вынуждена опять обратиться к нему. Последнее соображение, возможно, чересчур тонко, но что Пам вышел в отставку отнюдь *не против своей воли*, это мне кажется несомненным.

Что касается твоего кузена¹, то на одно дело я согласился бы,

¹ Фридлиндер.

предполагаю, однако, что «*Presse*» на это не пойдет. Все, что я мог бы взять на себя, это *одну* статью еженедельно о торговле, финансах и т. д. трех стран — Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки, в зависимости от того, что интереснее. Это *наиболее удобная* форма и для того, чтобы атаковать Бонапарта. Далее, это такая форма, при которой я в политическом отношении не имел бы абсолютно ничего общего с «*Presse*». По моему мнению, сейчас царит полное невежество как раз по вопросу о состоянии *французских* финансов и по вопросу о французском экономическом положении вообще. Вопрос в том, достаточно ли интересуется все это «*Presse*» или, вернее, ее читателей. Но об этом, конечно, лучше всего судить им самим. За одну такую статью еженедельно я хотел бы иметь 1 фунт стерлингов. Кроме того, необходимо было бы предварительно прислать мне несколько номеров «*Presse*», чтобы я мог определить, совместима ли вообще с моими убеждениями работа в этой газете. Как бы то ни было, поблагодари твоего кузена от моего имени за то, что он был столь любезен, что вспомнил обо мне по этому поводу.

Я хочу рассказать тебе, как обстоит дело с моей экономической работой. Я действительно уже несколько месяцев занимаюсь окончательной ее обработкой. Но дело подвигается очень медленно, так как предметы, которые в течение многих лет составляли главный объект исследований, обнаруживают все новые и новые стороны и вызывают новые размышления, как только хочешь подвести им, наконец, итог. К тому же, я не господин, а скорее раб своего времени. Для себя самого мне остается только ночь, да и этой ночной работе мешают часто повторяющиеся приступы болезни печени. При таких обстоятельствах для меня было бы всего удобнее, если бы я мог издать всю работу отдельными выпусками, не связывая себя сроками. Быть может, это имело бы и то преимущество, что было бы легче найти издателя, так как при этом в дело пришлось бы вложить меньше оборотного капитала. Ты, конечно, обяжешь меня, если выяснишь, нельзя ли в Берлине найти предпринимателя. Под «выпусками» я подразумеваю такие, какими, например, постепенно выходила «*Ästhetik*» [«Эстетика»] Фишера.

Работа, о которой идет речь в первую очередь, — это *критика экономических категорий*, или, если угодно, система буржуазной экономики, критически представленная. Это одновременно изложение системы и критика ее, даваемая самим изложением. Я еще не знаю, сколько печатных листов составит вся работа. Если бы я располагал временем, спокойствием и средствами, чтобы обработать все в целом, прежде чем опубликовать работу, то я дал бы ее в сильно сжатом

виде, так как я всегда любил метод сжатого изложения. А в таком виде (может быть, более удобном для понимания публики, но несомненно в ущерб форме), при печатании отдельными, следующими друг за другом выпусками, работа неизбежно несколько растянется. *Не забудь*: как только ты выяснишь, можно ли устроить это дело в Берлине *или нет*, будь добр, напиши мне, так как в случае, если там не удастся, я попытаюсь в Гамбурге. Другой пункт заключается в том, что издателю, который возьмется за это дело, придется *заплатить* мне, — обстоятельство, из-за которого в Берлине все дело может расстроиться.

Изложение, — я имею в виду манеру его, — вполне научно и, следовательно, не противоречит обычным полицейским требованиям. Вся работа подразделяется на шесть книг: 1. О капитале (содержит несколько вводных глав). 2. О земельной собственности. 3. О наемном труде. 4. О государстве. 5. Международная торговля. 6. Мировой рынок. Я, конечно, не могу обойтись без того, чтобы время от времени не делать критических замечаний относительно других экономистов, в особенности не могу избежать полемики с Рикардо, так как даже он, как буржуа, вынужден совершать ошибки даже *со строго экономической точки зрения*. Но критика и история политической экономии и социализма в целом должны составить предмет другой работы. Наконец, краткий *исторический очерк* развития экономических категорий и отношений — третья работа. — Но в конце концов мне кажется, что как раз теперь, когда после пятнадцатилетнего изучения я могу действительно приступить к делу, мне, по всей вероятности, помешают бурные события извне. Ну что же. Если я кончу слишком поздно, когда мир перестанет интересоваться подобного рода вещами, то вина, очевидно, будет лежать на мне.

Заметка о Рудольфе Шрамме очень позабавила меня. К сожалению, лучший Шрамм, один из моих самых лучших друзей — Конрад Шрамм, брат вышеупомянутого, умер около месяца тому назад в Джерси от чахотки. Смерть Веерта; Шрамма и д-ра Даниэльса за эти последние годы тяжело отозвалась на их друзьях, к числу которых имел счастье принадлежать и я.

В ближайшем будущем нам предстоит бурные времена. Если бы я считался только со своими личными склонностями, я, пожалуй, пожелал бы, чтобы это внешнее спокойствие продолжалось еще несколько лет. Во всяком случае, это наиболее подходящее время для научных занятий, да и кроме того, после опыта последних десяти лет, превращение к массам и к отдельным личностям у каждого мыслящего существа должно было настолько возрасти, что *codi profanum vul-*

gus et argeo» [«ненавижу и избегаю невежественную чернь») стало почти само собой напрашивающейся житейской мудростью. Но все это лишь филистерские настроения, которые будут сметены первой бурей.

Твой К. М.

Связь последних событий во Франции с торговым кризисом ясна, по всей вероятности, немногим, но она становится очевидной, если рассмотреть 1) действительное экономическое положение, создавшееся во Франции в результате последнего кризиса; 2) если поставить следующий вопрос и добросовестно ответить на него: почему покушение привело к таким последствиям, которые явно не соответствовали их предполагаемой причине и даже не находились с ней ни в какой необходимой связи?

152.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

Лондон, 11 марта 1858 г.

9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

Твое письмо застало меня в постели — [...] ¹ запоздание с ответом. Теперь я снова здоров. Начну с того, что как бы ни кончились введущие тобой переговоры — успешно или нет, — я должен выразить мою горячую благодарность за твои хлопоты, ценность которых увеличивается еще на 100%, если принять во внимание твоё болезненное состояние. Я надеюсь, что ты уже поправился. По вычислениям друга Кетле, Берлин, после Петербурга и Мадрида, самая нездоровая столица Европы, да я и сам, проживши пять лет в Берлине, могу подтвердить это, сравнивая его с Лондоном, Брюсселем, Парижем.

Что касается дела, то разреши отвечать на поставленные мне вопросы, начиная с номера 4, и идти в обратном порядке.

1. Пусть издатель получает право прекратить издание *уже на втором выпуске*, но только он должен будет заблаговременно меня уведомить об этом. Если он согласен печатать *более одного выпуска*, то пусть он заключает со мной настоящий договор, лишь начиная с третьего выпуска.

2. Что касается гонорара, то в крайнем случае за первый выпуск я назначаю минимум, равняющийся нулю; я, конечно, не могу

¹ Рукопись в этом месте повреждена.

писать всю работу даром, но еще менее хотел бы, чтобы печатание ее расстроилось из-за денежных препятствий. Я абсолютно не знаю, какова оплата немецких писателей, но если ты думаешь, что 30 талеров за лист не слишком много, то требуй их. Если сумма кажется тебе слишком высокой, можешь снизить ее. Когда дело двинется, тогда видно будет, на каких условиях издатель сможет и захочет продолжать его.

3. Минимальный размер выпусков пусть будет 4 листа, максимальный — 6. Конечно, желательно, чтобы каждый выпуск представлял собою более или менее цельную работу, но отдельные разделы будут совершенно различного объема.

Первый выпуск обязательно должен представлять собой до известной степени цельную работу, и так как в нем содержится основа всего дальнейшего развития предмета, то вряд ли он составит меньше 5—6 листов. Но это выяснится при окончательной отделке. Он содержит: 1) стоимость, 2) деньги, 3) капитал вообще (процесс производства капитала, процесс обращения капитала, единство того и другого или капитал и прибыль (процент)). Это составляет самостоятельную брошюру. При своих экономических исследованиях ты, вероятно, сам обнаружил, что Рикардо при развитии вопроса о прибыли впадает в противоречия со своим (правильным) определением стоимости, а у его школы эти противоречия привели к полному отказу от самой основы или к самому отвратительному эклектизму. Я думаю, что добился ясности в этом вопросе. (Во всяком случае, экономисты при ближайшем рассмотрении найдут, что все это — в общем дело весьма нелегкое.)

4. Что касается общего количества листов, то, по правде сказать, этот вопрос для меня еще не ясен. В моих тетрадях материал книги имеется лишь в форме монографий, которые часто чрезмерно подробны, что при окончательной компоновке исчезнет. Кроме того, я вовсе не намерен одинаково подробно разрабатывать все шесть книг, на которые распадается вся работа; в трех последних книгах я хочу дать лишь основные наброски, между тем как в трех первых, где собственно и содержится развитие основных экономических положений, не всегда можно будет избежать подробных объяснений. Я не думаю, чтобы всю работу можно было свести меньше чем к 30—40 листам.

Сердечный привет.

Твой *К. М.*

P. S. Если издатель согласится на это дело, то первый выпуск может быть прислан ему приблизительно в конце мая.

153.

Женни Маркс — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

Лондон, 9 апреля 1858 г.

Дорогой господин Лассаль!

С тех пор, как Карл писал Вам последний раз, болезнь печени, которой он уже тогда страдал и которая, к несчастью, повторяется каждую весну, настолько усилилась, что он вынужден был все время лечиться, и сегодня ему так трудно писать, что он поручил мне передать Вам свою сердечную благодарность за Ваши дружеские хлопоты за него. Я, со своей стороны, не могу не выразить Вам моей радости по поводу счастливого заключения договора и делаю из этого вывод, что Вы еще не зарылись целиком в теоретические работы и, углубившись в Гераклита (которого я также изучаю), сохранили наряду с этим и Вашу практическую сноровку и остались, как выражаются англичане, «a clever manager» [«искусным дельцом»]. Карл давно уже написал бы Вам о Вашем произведении, но всякое писание ему в тягость. Волнение и возбужденное состояние из-за того, что он не может разом, без задержек, закончить свою работу, конечно, очень содействуют ухудшению его состояния, так же, как и тягостный труд ради «хлеба насущного», — труд, который тоже ведь нельзя откладывать. Но мы все-таки надеемся, что он сможет доставить рукопись во-время.

Как только Карл почувствует себя несколько лучше, он Вам напишет.

А пока удовлетворитесь этими несколькими строчками и примите сердечный привет

от Женни Маркс.

154.

Энгельс — Рудольфу Шрамму
в Лондон.

[Черновик.]

Манчестер, 6 мая 1858 г.

Господину Р. Шрамму в Лондоне.

Я только что получил Ваше письмо от 3-го с. м.

После смерти моего друга Конрада Шрамма я поручил господину Гарни возратить *нам*, а не Вам находящиеся в бумагах Шрамма письма Маркса и мои, так как письма эти не были предназначены для Вас. Это и было исполнено.

Я не вижу оснований для того, чтобы вступать с Вами в обсуждение обстоятельств, которые касались только меня и моего умершего друга и партийного товарища. Когда Конрад был еще жив, Ваши собственные друзья удивлялись Вашему безразличию к его денежным затруднениям.

То, что я считал нужным сказать по вопросу о том, как распорядиться оставшимся после Конрада имуществом, я уже сказал, обратившись к его единственно возможному душеприказчику, г. Гарни.

С моей «справедливостью», которая не имеет решительно ничего общего с этим вопросом, Вам, может быть, придется когда-нибудь познакомиться в Германии.

Честь имею кланяться.

Ф.

155.

Марке — Фердинанду Лассалю

в Берлин

Лондон, 31 мая 1858 г.

9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

После стольких злоключений я наконец снова подаю признаки жизни. С того времени, как моя жена писала тебе, история моя была такова:

После того, как несколько недель я совершенно не мог писать, не только в литературном значении этого слова, но и в буквальном смысле ¹, и делал напрасные усилия побороть болезнь; после того, как меня безо всякой пользы пичкали лекарствами, — мой доктор решительно заявил, что мне нужна перемена климата, что я должен бросить на некоторое время всякую умственную работу, и, наконец, что в качестве главного способа лечения я должен заняться верховой ездой. Сама по себе болезнь моя — это было увеличение печени — не была опасна, но на этот раз она сопровождалась особо отвратительными симптомами, да и, кроме того, в моей семье она пользуется дурной славой, так как с нее началась болезнь моего отца, сведшая его в могилу. Ну, вот. С величайшей неохотой я в конце концов уступил настояниям врача и семьи, уехал в Манчестер к Энгельсу, занялся верховой ездой и прочими физическими упражнениями и после месячного пребывания там вернулся, наконец, в Лондон вполне выздоровевшим. Болезнь, — при моем положении это вообще весьма дорогая роскошь, — была тем более некстати, что я принялся за подготовку к печати первого выпуска. Теперь я усиленно займусь им. Я надеюсь, что из дружеского расположения ко мне ты подробно расскажешь издателю об этих злоключениях. О моем душевном состоянии во время этой болезни ты легко можешь составить себе представление, если вспомнишь, что болезни печени и сами по себе настраивают на ипохондрический лад, а тут еще присоединились всевозможные домашние обстоятельства и задержка печат-

¹ По-английски игра слов: literary — literal.

гания книги. Все это отравляло мне жизнь. Теперь у меня опять восстановилось мое обычное жизнерадостное настроение.

За время моей болезни я внимательно прочел твоего Гераклита и нахожу, что восстановление его системы из оставшихся после него разрозненных отрывков сделано мастерски; не менее нравится мне также и остроумная полемика. Я хочу сделать главным образом лишь формальные замечания. Мне кажется, что можно было дать более сжатое изложение, без ущерба для содержания. Далее, мне хотелось бы найти в самой книге *критические* указания о твоём отношении к гегелевской диалектике. Именно потому, что эта диалектика есть безусловно последнее слово всей философии, именно поэтому необходимо, с другой стороны, освободить ее от мистической видимости (Schein), которую она имеет у Гегеля. Наконец, в некоторых деталях я с тобой не согласен, например в понимании демокритовской натурфилософии. Но все это — второстепенные пункты. Трудности, которые тебе пришлось преодолевать во время работы, мне тем более ясны, что приблизительно 18 лет тому назад я проделал подобную же работу над гораздо более легким философом — Эпикуром. Я дал изображение всей его системы на основании фрагментов. Я считаю, впрочем, что эта система, как и система Гераклита, существовала в творениях Эпикура только «в себе» (*an sich*), а не в качестве осознанной системы. Даже у философов, которые придали своим работам систематическую форму, как, например, у Спинозы, действительное внутреннее строение его системы совершенно отлично от формы, в которой он ее сознательно представил. Я не понимаю только, как ты при твоей занятости нашел время приобрести такие большие познания в греческой филологии.

В общем теперь не плохие времена. История явно готовится вновь двинуться вперед, и заметные повсюду признаки разложения приводят в восторг всякого, кто не стремится сохранить вещи такими, как они есть.

Привет.

Твой К. М.

156.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

Лондон, 10 июня 1858 г.

9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

Я ответил бы на твое письмо немедленно, но я считал необходимым, — не для того, чтобы сформулировать свои собственные взгляды, а потому, что «трое составляют совет», — написать об этом

инциденте Энгельсу и Лупусу в Манчестер и запросить их мнение. Так как их взгляды во всем совпадают с моими, то ты можешь считать нижеследующее нашим общим мнением.

1. *С точки зрения дуэли.* Ясно, как день, что оба субъекта — советник интендантства и ассесор — своим подлым нападением на улице встали на точку зрения драки палками и что единственная дуэль, на которую *можно* было пойти с подобными субъектами, *уже произошла* в состоявшейся потасовке. Если двое молодцов подстерегают третьего и *оба* нападают на него, то мы не думаем, чтобы во всем мире нашелся такой дуэльный кодекс, который *разрешил бы* еще драться на дуэли с такой сволочью. Если г. Ф[абриц] желал ударами хлыста насильно спровоцировать дуэль, то г. Б[орман] должен был присутствовать при этом только в качестве пассивного *свидетеля* или вообще был лишним. Но если двое одновременно нападают на *одного* и один из них еще действует при этом с тыла, то тут имеешь дело с негодьями, которые доказали, что порядочная дуэль, честное единоборство с ними невозможно.

2. *Принцип дуэли.* Мы не думаем, вообще говоря, что такую относительную вещь, как дуэль, можно подводить под категорию *хорошо* или *плохо*. Не подлежит никакому сомнению, что дуэль сама по себе нерациональна. Столь же несомненно, что она есть остаток прошлой ступени культуры. Но односторонность *буржуазного* общества приводит к тому, что в противовес ей права индивидуальности утверждаются путем известных феодальных форм. Право гражданства дуэли в Соединенных Штатах Америки — наиболее яркое доказательство этого. Индивиды могут оказаться в таком невыносимом положении при столкновении друг с другом, что дуэль кажется им единственным выходом. Но такая смертельная вражда, в сущности говоря, невозможна в отношении к такому безразличному субъекту, каким является советник интендантства, ассесор или лейтенант. Для этого требуется наличие имеющих серьезный характер личных отношений. В противном случае дуэль — чистый фарс. Она во всяком случае фарс, если на нее идут из вежливости по отношению к так называемому «общественному мнению».

3. Мы ставим поэтому дуэль всецело в зависимость от обстоятельств. К ней можно прибегнуть в виде исключения, *на худой конец*, при исключительных обстоятельствах. Но в данном случае все обстоятельства говорят решительно против дуэли, даже если бы вопрос о ней и не был снят уличным нападением.

4. Решающим моментом является то, что ты не только в принципе против всякой дуэли, но и высказал такой взгляд, да еще

в присутствии Фабрица. Ты теперь унижил бы себя, если бы все-таки стал драться на дуэли из боязни перед «общественным мнением».

5. В данном случае дуэль имела бы вообще только тот смысл, что она была бы выполнением известной *условной* формальности, признанной определенными привилегированными сословиями. Наша партия должна решительно бороться против этих сословных церемоний и на нахальные требования подчиниться им—отвечать отказом и самой бесцеремонной насмешкой. Времена теперь слишком серьезные, чтобы заниматься такими ребячествами. А это было бы чистым ребячеством—драться на дуэли с г. Фабрицем на том основании, что он «советник интендантства» и принадлежит к клике, имеющей право на дуэль, в то время как, если бы на тебя напал портной или сапожник, ты просто передал бы дело суду, без всякого ущерба для своей «чести». В данном случае ты стал бы драться на дуэли не с г. Фабрицем, личностью для тебя совершенно безразличной, но с «советником интендантства», а это было бы совершенной бессмыслицей. Вообще требования разных господ, чтобы столкновения с ними разрешались путем дуэли, являющейся принадлежащей им *привилегией*,—а ведь все дуэли хорошего тона основываются на такой точке зрения,—необходимо беспощадно высмеивать. Признавать такие требования было бы прямо контрреволюционным.

Я сообщил тебе вкратце наше мнение. Нам интересно услышать от тебя о дальнейшем ходе этой истории.

Привет.

Твой К. М.

157.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

Лондон, 12 ноября 1858 г.

9, Grafton Terrace, Maitland Park,

Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

После стольких испытаний! Мой ответ на твое последнее письмо задержался из-за гнусной зубной боли. На твое письмо из Франкфурта я не отвечал, так как ты не дал мне адреса.

Итак, прежде всего: счастлив не тот, на кого смотрят глазами Кестера, а тот, кто сам смотрит глазами Кестера. Я и Фрейлиграт подробно рассказали Кестеру, что почти целое лето я не мог работать вследствие тяжелой болезни печени. А что касается моего «блестящего положения», то Фрейлиграт и я сочли нужным рисовать перед этим дюжинным немецким буржуа самые блестящие картины и скрывать

все темные стороны, так как мы оба считали, что даже лучшие буржуа подобного рода испытали бы только злорадное удовлетворение, если бы они познакомились с действительными условиями жизни «изгоев». Это — о Кестере.

Что касается запоздания с присылкой рукописи, то сначала мне мешала болезнь, а потом мне надо было наверстывать другие работы для заработка. Но основной причиной было следующее: материал у меня был; дело заключалось только в том, чтобы придать ему форму. Между тем, во всем, что я писал, на стиле сказывалась эта болезнь печени. А у меня имеется двойная причина не допускать, чтобы это сочинение было испорчено вследствие медицинских причин:

1. Оно является результатом пятнадцатилетних исследований, т. е. лучшего периода моей жизни.

2. Это сочинение впервые научно выражает имеющий важное значение взгляд на общественные отношения. Поэтому я обязан перед партией не допускать того, чтобы вещь была испорчена тяжелой и деревянной манерой письма, которая бывает при болезни печени.

Я стремлюсь не к изящному изложению, а только к тому, чтобы писать в своем обычном стиле, чего я, по крайней мере в отношении этой темы, за эти месяцы страданий достичь не мог, хотя за то же время я должен был написать, а потому и написал по крайней мере два печатных тома английских передовиц о всякой всячине. Я полагаю, что если даже человек, менее ловкий, чем ты, изложит это положение вещей Дункеру, то он только одобрит мое поведение; ведь по отношению к нему, как издателю, оно сводится просто-напросто к тому, что я стремлюсь за его деньги доставить ему наилучший товар.

Закончу я приблизительно через месяц, так как я в сущности только что начал писать.

Но есть и другое обстоятельство, о котором тебе придется поставить вопрос уже по прибытии рукописи: первый отдел «Капитал вообще» составит по всей вероятности сразу *два выпуска*, так как при окончательной обработке я убедился, что здесь, где приходится излагать как раз самую абстрактную часть политической экономии, чрезмерная краткость сделала бы вещь неудобоваримой для публики. Но, с другой стороны, оба эти выпуска должны появиться *одновременно*. Этого требует внутренняя связь и от этого зависит весь эффект.

Кстати. В твоём франкфуртском письме ты ничего не писал мне о своей экономической работе. Что касается нашего соперничества

ства, то я не думаю, чтобы немецкая публика страдала от чрезмерного изобилия в этой области. Политическую экономию, как науку в немецком смысле, в действительности еще только предстоит создать, а для этого понадобится не только мы двое, а целая дюжина людей. Я рассчитываю, что моя книга будет иметь, по крайней мере, тот успех, что она привлечет в эту область исследования известное количество лучших голов.

Я был бы тебе чрезвычайно благодарен, если бы ты время от времени писал мне о положении в Пруссии и присылал соответствующие вырезки из газет.

Моя жена просит передать тебе привет и выражает опасение, что Кестер так же ошибся насчет «ее красоты», как и насчет здоровья ее мужа.

Фрейлиграт также посылает тебе привет. Он погружен с головой в свое банковское дело. Ты не должен поэтому истолковывать его молчание в дурную сторону.

Привет.

Твой К. М.

1859 год.

158.

Энгельс — Фердинанду Фрейлиграту

в Лондон.

[Черновик.]

Манчестер, 25 января 1859 г.

Дорогой Фрейлиграт!

Проклятый мальчишка, который должен был вчера получить деньги на почте, проваландался где-то, и потому 22 шиллинга получены мною только сегодня. Большое спасибо за хлопоты и издержки.

Что касается новейшей «Rheinische Zeitung», то здесь все в порядке, с этим нечего торопиться. За истекшее время мы многому научились и ничего не позабыли, а это больше, чем могут о себе сказать другие. Лучше всего ты можешь убедиться в этом на примере «Hermann» (очевидно, опечатка вместо «Gottfried», иначе заглавие не имеет никакого смысла), которого ты только что назвал Иоанном Предтечей «Rheinische Zeitung». Давно не приходилось читать ничего, подобного этому новейшему продукту фальшиво-благородного блаженной памяти Майского жука¹ — такой плоской, приторной, перед всеми расшаркивающейся и заискивающей, жаждущей примирения и прощения, поворно плохо написанной, а по стилю и содержанию рассчитанной единственно на камбервальское мещанство и немецких филистеров из Сити и приспособляющейся к их вкусам чепухи. Этот человек забыл даже то небольшое, что он нахвтал в 1848 г. и стал теперь настоящим буржуазным паршивцем. Но раз уж ты навел меня на разговор об этом «веселом» субъекте, который теперь носится повсюду со своей «скорбью», то я не стану от тебя скрывать, что за последнее время ряд филистеров спрашивали меня о том, как могло случиться, что ты заключил столь дружественный союз с г-ном Кинкелем. Ты понимаешь, что, хотя все это и преувеличено, я все же был несколько смущен. Конечно, многое я свалил на гнусное преувеличение, с которым

¹ «Майский жук» («Maikäfer») — название литературного клуба, организованного в 40-х годах Кинкелем в Бонне.

Кинкель и его клика о простой встрече с тобой раструбили во всех газетах, как о наступательном и оборонительном союзе против нас, и категорически отрицал этот факт; что касается обычного общения с этим филистером, то я отделялся плохими шутками; я говорил, например, что поэты живут особой жизнью, что Кинкель лишь тогда может сойти за поэта, если он может сослаться на общение с тобой, и т. д. Словом, хотя я и плохой дипломат, мне все же удалось достаточно защитить позицию партии. При этом в конце выяснилось, что один из евреев, протезировавших кроткому Готфриду во время его последнего пребывания здесь, будто бы сказал следующее: «Пусть этот негодяй Кинкель только попробует вернуться в Манчестер — в Лондоне он соблазнил девушку из порядочной семьи и держит ее в качестве любовницы, а жена его из-за этого...»¹

159.

Марке — Иосифу Вейдемейеру

в Мильвоки.

Лондон, 1 февраля 1859 г.

9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Вейвей!

Твое письмо, помеченное 28 февраля 1858 г., пришло сюда (по крайней мере попало мне в руки) в конце мая, а отвечаю я в феврале 1859 г. Причина очень проста. Весной и летом я все время болел печенью и только с трудом выбирал время для необходимой работы. Не могло быть и речи о том, чтобы писать, поскольку это не вызывалось абсолютной необходимостью. А позднее я был завален работой.

Прежде всего сердечный привет тебе и твоим от всех членов моей семьи, а также от Энгельса, Лупуса и Фрейлиграта. Посылаю особый привет твоей милой жене.

Энгельс все еще находится в Манчестере. Лупус — там же, он дает уроки и устроился довольно сносно. Фрейлиграт — в Лондоне, он состоит управляющим филиала швейцарского «Crédit Mobilier»; Дронке служит комиссионером в Глазго; Имандт (не знаю, знаешь ли ты его) — профессор в Данди; наш дорогой друг Веерт, к сожалению, умер в Гаити, — *невознаградимая* потеря. Мои дела за последние два года шли скорее плохо, чем хорошо. С одной стороны, достойная «Tribune» по случаю кризиса сократила мой доход наполовину, хотя во времена процветания она не прибавила мне ни одного пфеннига;

¹ Рукопись обрывается.

с другой стороны, необходимость уделять много времени моим работам по политической экономии (о них ниже) заставила меня отклонить (хотя и скрепя сердце) весьма выгодные предложения, делавшиеся мне в Лондоне и Вене. Но, несмотря ни на какие препятствия, я буду идти к своей цели и не позволю буржуазному обществу превратить себя в машину для выделки денег.

В мае прошлого года здесь был г. Клусс. Я в это время как раз находился у Энгельса в Манчестере. Он посетил мою жену и принял приглашение прийти на другой день, но так и не явился [. . .]¹ из Лондона, не показавшись больше. Вместо визита он прислал моей жене письмо, написанное «от смущения» в довольно «грубой» форме. В Манчестере он также не показывался. Впоследствии мы узнали, что он заключил союз с г. Виллихом. Этим объясняется и таинственное прекращение его переписки. Если бы мы были тщеславны, то почувствовали бы себя порядочно наказанными, узнав, что такой дурак, как Виллих, одержал победу над нами даже в глазах такого неглупого человека, как Клусс, но во всем этом эпизоде было столько комичного, что это заглушило всякое огорчение.

С Эрнестом Джонсом я порвал. Несмотря на мои неоднократные предупреждения и несмотря на то, что я с точностью предсказывал ему что произойдет, а именно, что он погубит себя и дезорганизует чартистскую партию, — он все-таки вступил на путь попыток к соглашению с радикальными буржуа. Теперь он — погибший человек, а вред, причиненный им английскому пролетариату, чрезвычайно велик. Ошибка, конечно, будет исправлена, но весьма благоприятный момент для действия упущен. Представь себе армию, генерал которой накануне сражения перебегает в лагерь противника.

Ты уже, вероятно, слышал, что г. Кинкель снова стал знаменитым человеком вследствие того, что г-жа Кинкель выбросилась из окна и сломала себе шею. Этот «веселый» субъект, — который никогда не чувствовал себя так хорошо, как после смерти старухи Моккель, — решил тотчас же поторговать своею «скорбью». Введенный в заблуждение мелодраматической сценой, устроенной Готфридом, Фрейлиграт написал стихотворение в честь Иоганны, в чем он сейчас уже раскаивается. Во-первых, он убедился, что Готфрид в самом развеселом настроении, а во-вторых, — что тот использовал стихотворение для того, чтобы распространить по всему миру ложный слух, будто Фрейлиграт объединился с ним и порвал с нами. Готфрид, решивший немедленно использовать кинкелевское воз-

¹ Рукопись повреждена.

рождение (Kinkelrevival), вызванное смертью его жены, на следующей же неделе начал издавать в Лондоне еженедельник под названием «Негманн». Если имеется в виду не тот *Герман*, который был воспет Шенайхом и увенчан Готшедом, то название журнала должно было бы быть «*Готфрид*»¹. Ведь газетка проповедует мир с богом и со всем миром и является простой рекламой для г. Готфрида в кругу немецких филистеров лондонского Сити. Ничего более жалкого никогда не печаталось, и мы можем только поздравить себя, что десятилетнее изгнание с такой полнотой обнаружило всю пустоту наших демократических друзей. По сравнению с этим изданием «*Kölnische Zeitung*» остроумна и смела.

Самое забавное в истории о том, как Кинкель использовал смерть своей жены, заключается в том, что эта особа, у которой было слабое сердце, была вне себя от того, что сладчайший поп соблазнил одну еврейку по фамилии Герц, а с ней вообще обходился «холодно». Манчестерские еврейки клянутся, что именно поэтому покойная Иоганна Моккель выбросилась из окна. Во всяком случае, это доказывало бы, что как ни глуп в других отношениях Готфрид, но в области использования общественной доверчивости он не лишен хитрости.

Но довольно об этом шарлатане.

Революционный ветер, веющий на европейском континенте, пробудил, разумеется, всех великих людей от их зимней спячки. Одновременно с этим письмом идет и другое — первое письмо к Компу. От организованных связей я отказался, считая, что они могут скомпрометировать немецких друзей. *Здесь же* — после подлостей, которые позволили себе по отношению ко мне болваны, допустившие, чтобы Кинкель, Виллих и прочие шарлатаны использовали их как оружие против меня, — я со времени кельнского процесса окончательно уединился в своем рабочем кабинете. Мое время было для меня слишком дорого, чтобы тратить его на напрасные усилия и мелочные перебранки.

Теперь перейду к главному. Моя «Критика политической экономии» будет выходить отдельными выпусками (первый выпуск — через 8—10 дней) в издании Франца Дункера (Бессеровское издательство) в Берлине. Только благодаря чрезвычайному рвению и красноречию Лассалья удалось склонить Дункера на этот шаг. Однако он оставил себе лазейку. *Окончательное заключение договора поставлено в зависимость от продажи первого выпуска.*

---

¹ Игра слов: Готфрид — имя Кинкеля. Гот — по-немецки бог, Фриде — мир.

Всю политическую экономию я делю на шесть книг: капитал; земельная собственность; наемный труд; государство; внешняя торговля; мировой рынок.

Книга I — о капитале — распадается на 4 раздела.

Первый раздел: капитал вообще — распадается на 3 главы:

1) *Товар*; 2) *Деньги или простое обращение*; 3) *Капитал*. Главы 1 и 2 — около 10 листов — составляют содержание первого выпуска. Тебе ясны *политические* мотивы, которые побудили меня подождать с третьей главой о капитале до тех пор, пока я снова не буду стоять на твердой почве.

Содержание появляющегося выпуска таково:

Первая глава: Товар.

А) *К истории анализа товара* (Вильям Петти (англичанин эпохи Карла II); Буагильбер (эпоха Людовика XIV); В. Франклин (первое юношеское сочинение 1719 г.); физиократы, сэр Джемс Стюарт, Адам Смит, Рикардо и Сисмонди).

Вторая глава: деньги или простое обращение.

1) *Мера стоимости.*

Б) *Теории единицы измерения денег.* (Конец XVII столетия. Локк и Лаунде; епископ Беркли (1750); сэр Джемс Стюарт; лорд Касльри; Томас Атвуд; Джон Грей; прудонисты.)

2) *Средство обращения.*

а) *Метаморфоз товаров.*

б) *Обращение денег.*

в) *Монета. Знак стоимости.*

3) *Деньги.*

а) *Образование сокровищ.*

б) *Платежное средство.*

в) *Мировые деньги.*

4) *Благородные металлы.*

В) *Теории средств обращения и денег.* (Монетарная система; Спектатор, Монтескье, Давид Юм; сэр Джемс Стюарт, А. Смит, Ж. Б. Сэй, Комитет о слитках, Рикардо; Джемс Милль; лорд Оверстон и его школа; Томас Тук, Джемс Вильсон, Джон Фуллартон.)

В этих двух главах вместе с тем разбивается на-голову модный теперь во Франции прудоновский социализм, который хочет сохранить частное производство, *но организовать* обмен частных продуктов, хочет *товара*, но не хочет *денег*. Коммунизму необходимо избавиться прежде всего от этого «лже-брата». Но ты ведь знаешь, что, не говоря уже о всяких полемических целях, анализ простой денежной формы — самая трудная, потому что самая абстрактная.

часть политической экономии. Я надеюсь добиться для нашей партии научной победы. Но и партия теперь, со своей стороны, должна показать, настолько ли она многочисленна, чтобы купить достаточное количество экземпляров и тем самым успокоить «угрызения совести» издателя. От продажи первых выпусков зависит дальнейшая судьба всего предприятия. Когда я заключу окончательный договор, все будет в порядке.

Привет.

Твой *К. Маркс.*

160.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

Лондон, 2 февраля 1859 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

Рукопись была отправлена отсюда 26 января, а 31 января *здесь* уже было получено извещение из Берлина, что рукопись прибыла. Посылочная контора получила это извещение от своего корреспондента. С другой стороны, имеется твое письмо от 31 января, где ты сообщаем, что рукопись не получена. Итак, прусское правительство — быть может, друг Штибер — *во всяком случае* рылось в рукописи три дня. Насколько я знаю, по закону они должны были лишь проследить, нет ли в пакете брюссельских кружев, а все остальное их не касается. Кто поручится, что какой-нибудь мелкий чиновник потехи ради не использовал одну или две страницы для разжигания трубки?

Я предполагаю, что прусское правительство в своих же собственных интересах не предприняло незаконных мер в отношении моей рукописи. В противном случае я поднял бы дьявольскую бурю в лондонской прессе («Times» и т. д.)

Завтра или послезавтра я напишу тебе *настоящее письмо*. Это — только деловая записка, и нужно торопиться, чтобы поспеть к почте.

Твое письмо, — «обо всем понемногу», — мне чрезвычайно понравилось.

Сердечный привет от моей жены, которая воображает, что после отставки ее милого братца¹ можно будет, по крайней мере, безопасно пересылать рукописи в Берлин.

Привет.

Твой *К. Маркс.*

¹ Прусского министра внутренних дел Фердинанда фон-Вестфален-

Возможно, что мне удастся сейчас подготовить *английскую обработку* первых выпусков.

На титульном листе Дункер должен напечатать: *«Право перевода автор сохраняет за собой»*.

162.

Марке — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

Лондон, 4 февраля 1859 г.

Дорогой Лассаль!

Извещения о получении рукописи от г. Дункера еще не получено, так что у меня еще нет уверенности, что рукопись уже вышла из рук *властей*. Из прилагаемой квитанции видно, что из Лондона она была послана 26 января.

Относительно войны: здесь все думают, что война в Италии неизбежна. Несомненно одно: г. Эммануилу теперь не до шуток, а г. Бонапарту было не до шуток. Поведение последнего определяют следующие обстоятельства: 1) Страх перед итальянскими кинжалами. Со времени смерти Орсини он непрерывно вел тайком нечестную игру с карбонариями, причем роль посредника играл Плон-Плон, муж «Клотильды». 2) Чрезвычайно стесненное финансовое положение. Действительно, продолжать кормить французскую армию «в мирные времена» становится невозможным, а Ломбардия — лакомый кусок. К тому же, в случае войны стали бы возможными и «военные займы». Всякий же другой заем теперь «невозможен». 3) За последние два года Бонапарт с каждым днем все более и более терял авторитет в глазах всех партий во Франции, а его дипломатия также представляла собою ряд сплошных неудач. Поэтому для восстановления престижа необходимо, чтобы что-то произошло. Даже в деревнях сильно ворчат из-за разорительно-низких цен на хлеб, и г. Бонапарт тщетно пытался искусственно вздуть цены на пшеницу своими декретами о хлебных складах. 4) Россия подталкивает тюльрийского выскочку. С помощью панславистского движения в Богемии, Моравии, Галиции, Южной, Северной и Восточной Венгрии, Иллирии и т. д. и войны в Италии Россия почти наверняка сломала бы сопротивление, все еще оказываемое ей Австрией. (Россия со страхом ждет аграрной революции внутри страны, и внешняя война, не говоря уже о всяких дипломатических целях, была бы, пожалуй, желательна для правительства в качестве громоотвода.) 5) Г—н Плон-Плон, сын бывшего вестфальского короля, и его клика (во главе которой стоит Жиранден и весьма пестрый сброд венгерских,

польских и итальянских псевдореволюционеров) делают все, чтобы довести дело до развязки. 6) Война с Австрией в Италии — это единственная война, в которой Англия, не имея возможности выступить прямо *за* папу и т. п. и *против* так называемой свободы, останется нейтральной, по крайней мере вначале. Россия же держала бы Пруссию под угрозой, если бы эта последняя, — чего я, однако, не думаю, — пожелала вмешаться уже в начале борьбы.

С другой стороны, г. Луи Бонапарт несомненно смертельно боится настоящей, серьезной войны: 1) человек этот всегда полон сомнений и, подобно всем игрокам, отнюдь не отличается решительностью. Он постоянно доползал до Рубикона, но людям, стоявшим сзади него, всегда приходилось его туда сталкивать. Под Булонью, под Страсбургом, в декабре 1851 г. его каждый раз *вынуждали* отнестись, наконец, серьезно к своим планам. 2) Чрезвычайная холодность, с которой был принят во Франции его проект, конечно, не придает ему бодрости. Массы относятся к нему безразлично, но зато крупные финансисты, промышленники, торговцы, партия попов, наконец высший генералитет (например, Пелисье и Канробер) оказывают ему прямое и серьезное сопротивление. Да и на самом деле военные перспективы не блестящи, даже если принимать за чистую монету хвостовство «*Constitutionnel*». Если Франция наберет в общей сложности 700 000 человек, то по самому щедрому расчету способными к военной службе из них будут 580 000. Отсюда надо отнять: 50 000 для Алжира; 49 000 — жандармов и т. п.; 100 000 (минимум) для охраны городов (Париж и т. д.) и крепостей во Франции; по меньшей мере 181 000 нужно выделить в качестве наблюдательной армии на швейцарской, германской и бельгийской границах. Остается 200 000. Если даже прибавить сюда небольшую пьемонтскую армию, то это отнюдь не составит подавляющей силы по отношению к австрийцам, занимающим сильные позиции на Минчио и Адиге.

Как бы то ни было, если Бонапарт теперь отступит, то в глазах массы французской армии он окончательно погиб, и это соображение может заставить его в конце концов все же выступить.

Ты думаешь, повидимому, что такая война вызовет восстание в Венгрии. Я в этом сильно сомневаюсь. Австрия, конечно, выставит на галицийско-венгерской границе наблюдательный корпус против России и этим одновременно будет держать под ударом Венгрию. Венгерские полки (поскольку они не распределены среди своих врагов—чехов, сербов, словенцев и т. д., а в большинстве случаев это так) будут размещены в германских провинциях.

Война, конечно, приведет к серьезным и в конце концов к революционным последствиям. Но в начале она окажет поддержку бонапартизму во Франции, ослабит движение внутри Англии и России, пробудит самые мелочные националистические страсти в Германии и т. д. Поэтому прежде всего она окажет, по моему мнению, во всех отношениях контрреволюционное действие.

Как бы то ни было, от здешней эмиграции я не ожидаю *ничего*. За исключением Мадзини, который является, по крайней мере, фанатиком, она состоит из настоящих авантюристов, все честолюбие которых сводится к вымогательству денег у англичан. Г-н Кошут совершенно опустился, превратившись в странствующего лектора, который разносит одну и ту же бессмыслицу по разным провинциям Англии и Шотландии, преподнося ее все новым слушателям.

Эти скоты сделались настолько консервативными, что право же заслуживают амнистии. Г-н Готфрид Кинкель, например, издает здесь еженедельник под названием «Hermann», в сравнении с которым даже «Kölnische Zeitung» кажется смелой и остроумной газетой. (Этот сладчайший мелодраматический поп своими ухаживаниями за эстетическими еврейками довел свою жену до того, что она выбросилась из окна и сломала себе шею. Под влиянием скорбных сцен Фрейлиграт, по своему добродушию, дал уговорить себя написать стихотворение в честь покойной Иоганны Моккель, но через несколько дней убедился, что скорбь была *показная*, и что г. Готфрид никогда не чувствовал себя так хорошо и свободно, как после смерти своей супруги.) Этот малый проповедует *«оптимизм»* в убаюкивающей, заискивающей, расслабленной форме. Газету следовало бы назвать «Gottfried». Что касается меня, то я предпочел бы писать под ярмом «Мантейфеля», чем под ярмом немецких филистеров из лондонского Сити. А для г. Кинкеля это ярмо тем легче и приятнее, что по характеру и взглядам он ни на волос не отличается от этих филистеров. Болтовня «Левальд», она же «Штар», по поводу покойной Моккель еще больше скомпрометировала последнюю.

Привет.

Твой К. М.

Для меня было бы крайне важно, если бы ты мог разузнать в *Бреславле* подробности относительно одной особы женского пола, именующей себя фон-Паула-Крехер, которая жила раньше там, а *сейчас* находится *здесь*, и сообщить мне их *по возможности скорее*.

162.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

Лондон, 23 февраля 1859 г.

Дорогой Лассаль!

Сегодня я послал Дункеру предисловие. Будь так добр, позаботься о том, чтобы гонорар был послан мне *сейчас же, как только рукопись будет напечатана*. Я, конечно, не стал бы писать тебе по поводу этого последнего пункта, но вследствие непредвиденных обстоятельств это стало для меня жгучим вопросом.

Я жду, что ты скоро напишешь, и, несмотря на твое презрительное равнодушие к ним, рассчитываю узнать кое-что об «отечественных делах» или, по крайней мере, услышать сплетни, имеющие существенное значение для их оценки.

Привет.

Твой К. М.

163.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

Лондон, 25 февраля 1859 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

Опять о том же!

Энгельс собирается опубликовать — сначала *анонимно* — небольшую брошюру под заглавием «*По и Рейн*».

Основное содержание: военное, т. е. военно-научное, доказательство следующих положений: все доводы, приводимые в пользу того, что австрийцы должны владеть линией Минчио, чтобы защищать *Германию*, можно привести и в пользу того, что Франция должна иметь границы Рейн, чтобы защищать самое себя. Далее, что хотя *Австрия* сильно заинтересована в линии Минчио, но Германия, как единая держава, — нисколько, и что Италия в военном отношении до тех пор будет находиться под господством Германии, пока вся Швейцария не станет французской. Брошюра направлена главным образом против стратегов из аугсбургской «*Allgemeine Zeitung*», а вообще говоря, написана, конечно, в национальном духе против г. Бонапарта.

Я могу поручиться всей своей «критической силой суждения» за то, что издание этой брошюры, почти не требующее никаких затрат, так как брошюра занимает всего несколько листов,

окажется в данный момент прямо-таки издательской *спекуляцией* (в подлинном смысле этого слова).

После своего участия в баденской кампании Энгельс сделал изучение военных вопросов своей специальностью. Кроме того, как ты знаешь, пишет он чрезвычайно убедительно.

Но издатель должен сохранить в тайне имя автора, пока сам «автор» его не раскроет. Ты можешь быть уверен, что в авторстве будут подозревать крупнейших военных писателей Пруссии.

Это такой злободневный вопрос, что печатать брошюру есть смысл только сейчас. Поэтому дело нужно быстро продвинуть. Как ты думаешь, пойдет ли Дункер на это? Ведь это было бы в его собственных интересах. Когда речь идет о чисто научных вещах, то никогда нельзя знать, как будет раскупать книгу филистер и будет ли он вообще покупать ее, но когда дело касается таких злободневных вопросов, то тут можно рассчитывать почти с математической точностью.

Если Дункер пойдет на это, то Энгельс уполномочивает тебя заключить от его имени соглашение на условиях, которые ты найдешь нужными. А если он откажется, то не найдется ли другой возможности? Я знаю в Гамбурге одного издателя, который взялся бы за это. Но так как этот человек был все время личным врагом «*Neue Rheinische Zeitung*», — в чем он открыто признался другу Гейне, — то мне было бы чрезвычайно досадно, если бы он получил хотя одну строчку от кого-либо из нас. Кроме того, он самым постыдным образом обошелся с нашим незабвенным и незаменимым другом Веертом.

Ответь мне как можно скорее и не сердись на меня за то, что я отнимаю у тебя так много времени и так часто прибегаю к твоему содействию. Оправданием мне служат общие интересы партии.

Твой К. М.

164.

Энгельс — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

Manchester, 14 марта 1859 г.
6, Thorncliffe Grove, Oxfordstreet.

Дорогой Лассаль!

Прежде всего позвольте выразить благодарность за помощь в деле с Дункером, которая увенчалась таким успехом и дала мне возможность впервые почти за 10 лет снова выступить перед немецкой публикой. Рукопись я отослал Марксу в прошлую среду,

а в четверг он, вероятно, отправил ее дальше. Заглавие простое: «По и Рейн», Берлин, издательство и т. д., и т. д. И Маркс, и я считаем, что брошюру, ввиду ее специального характера, лучше сначала выпустить анонимно, так как имя штатского автора могло бы на первых порах только повредить военному сочинению. Если брошюра, как я надеюсь, будет иметь успех, то назвать имя никогда не будет поздно. Оглавления не требуется, разделы обозначены просто цифрами. Никакого предисловия я также не написал.

Маркс полагает, что выйдет 4 листа. Я в этом сомневаюсь, но, конечно, это зависит от печати.

Что касается условий, то я решил согласиться на половину чистой прибыли; при этом, конечно, предусматривается получение обычного числа бесплатных экземпляров, из которых один, Вы, разумеется, возьмите себе. Их можно переслать сюда через какой-нибудь книжный магазин, но я очень хотел бы, чтобы один экземпляр (или сверстанные листы) был послан мне немедленно почтой. Быть может, я издам эту вещь по-английски. Для французского перевода содержание менее подходит, да и кроме того его было бы трудно пристроить. Впрочем посмотрим.

Как идет дело с печатанием рукописи Маркса? До сих пор мне известно только об *одном* напечатанном листе, а ведь рукопись находится в Берлине уже больше месяца. По-моему, это очень медленно. К Лейпцигской ярмарке следовало бы издать по крайней мере один или два выпуска, а времени осталось мало.

Несмотря на многократные обещания, Маркс все еще не прислал мне Вашего «Гераклита»; мне очень хочется прочесть его, хотя я основательно отвык от греческого языка и от спекулятивных понятий. Хотелось бы прочесть также и Вашу драму, объявление о которой я видел. Несмотря на Вашу многосторонность, я не ожидал, что Вы займетесь и этой областью.

С тех пор, как я нахожусь здесь, я занимался главным образом военными вопросами и время от времени предавался своему старому излюбленному занятию — сравнительной филологии. Но когда целый день занимаешься благородной коммерцией, то в области такой колоссально обширной науки, как филология, не удастся выйти за рамки чистейшего дилетантизма, и если я некогда лелеял смелую мысль разработать сравнительную грамматику славянских языков, то теперь я уже давно отказался от этого, в особенности после того, как эту задачу с таким блестящим успехом выполнил Миклошич.

Итак, еще раз большое спасибо и сердечный привет от Вашего

Ф. Э.

165.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

Лондон, 16 марта 1859 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

Твое последнее сочинение и приложенное к нему письмо еще не пришли, да и не скоро придут. Пересылка оказий через книготорговцев — это приблизительно то же самое, как если бы ты послал мне книги через Петербург, Камчатку и Северную Америку.

Если еще не поздно, распорядись, чтобы на последней посланной тебе рукописи было напечатано: «Право перевода сохраняется за автором». В противном случае некоторые здешние немецкие шуты могут изгадить книгу.

В силу некоторых обстоятельств, на которых я не имею возможности сегодня подробно останавливаться (одновременно с тем, что я пишу тебе эту записку, я диктую английскую корреспонденцию), я испытываю очень большие денежные затруднения. Не можешь ли ты устроить для меня в Берлине какую-нибудь вексельную сделку сроком на несколько недель, для ликвидации которой ты мог бы затем взять гонорар от Дункера?

Вчера меня посетил один приехавший из Парижа человек, с мнением которого я очень считаюсь. Относительно войны он сказал: «В Париже нет двух мнений — война будет». Он решительно держался того взгляда, что если Бонапарт отступит, то он слетит, и даже армия предаст его, как это было с императором Сулуком. Даже парижские буржуа, как ни яростно они отстаивают мир, начинают уже ворчать, что у этого человека не больше мужества, чем у Луи-Филиппа.

Есть еще один момент, который ты не должен упускать из виду: Россия раздувает все это дело, и ее союзник Пальмерстон (просмотри хотя бы «Times») делает все, чтобы заставить Бонапарта воевать. К тому же здесь произойдет скоро смена министерства, и тогда Пальмерстон сам сможет повести это дело. Выступления, устраиваемые здесь в честь Поэрио и т. д., целиком исходят от него. В качестве «дирижера» этих выступлений он поставил во главе их своего зятя, графа Шефтсбери.

В конце концов я теперь все же думаю, что война даст и нам, быть может, кое-какие шансы.

Привет.

Твой К. М.

Не забывай, что если ты пишешь мне об известном положении вещей, то это идет на пользу чрезвычайно широкой публике, среди которой очень много немцев. «Тribune» насчитывает 200 000 постоянных подписчиков.

166.

Марке — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

Лондон, 28 марта 1859 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

По вопросу о финансовой нужде. Прежде всего благодарю тебя за твою готовность. Пока я испробовал другой путь, написав моей матери, не согласится ли она ссудить мне денег недели на две. Посмотрим. Здесь в Лондоне вексельную сделку можно было бы провести только через Герстенберга. Но он — покровитель Кинкеля и мелочный надутый дурак, и я не доставлю ему удовольствия, попросив его хотя бы даже о чисто формальной любезности.

По вопросу о Дункере. В ближайшую среду (послезавтра) исполнится девять недель с тех пор, как рукопись лежит у него. Мне были посланы только три *корректирных листа*. Откровенно говоря, мне кажется, Дункер раскаивается, что взялся за это дело, и потому так канителью ведет его в стиле работы Вецларской канцелярии (Wetzlarkanzleiverschleppungsstil). Если он будет продолжать в том же духе, то работа не появится даже и к пасхе. Из этого возникает для меня еще другое затруднение. Я веду переговоры с одним англичанином относительно английской обработки этих первых выпусков, что зависит, конечно, от появления немецкого издания. Но так как в Лондоне дела ведутся «на всех парах», то англичанин уже начинает проникаться недоверием. Немецкая манера ведения дел для англичанина совершенно непостижима.

Ты увидишь, что первый раздел еще не содержит основной главы, именно третьей главы — о *капитале*. Я считал это целесообразным по *политическим* соображениям, так как с третьей главы начинается настоящая битва, и мне казалось неблагоприятным пугать людей с самого начала.

По вопросу о телеграфе. Я принимаю предложение. Дело не так просто, как ты думаешь. Получать известия не трудно, но для этого требуется *много времени*. Я устрою контору поблизости от биржи (где расположены и бюро телеграфных компаний, передающих известия). Но твой кузен должен сообщить мне: 1) каким

путем он хочет получать телеграммы? Есть три компании: одна пересылает телеграммы через Францию, другая—через Остенде и третья—через Антверпен. По-моему, через Францию следует посылать только вещи, которым нечего опасаться французской цензуры. Вообще же, это самая короткая линия. 2) *Какие* известия хочет он получать по телеграфу? У различных газет мнения очень расходятся относительно того, что считать важным. 3) Как часто надо ему телеграфировать? 4) Нужны ли, кроме английских новостей, также и американские, короче говоря, внеевропейские? Все это он должен точно установить, так как при телеграфировании необходимо избегать всего лишнего. 5) Наконец, я должен знать, в какие часы «*Presse*» предпочитает получать известия (в Англии, по крайней мере, для различных газет установлены различные часы, в зависимости от времени их выхода). На случай чрезвычайных событий, конечно, нельзя заранее установить время, но для обычных телеграмм это возможно. Для получения биржевых известий я буду иметь благодаря Фрейлиграту исключительно хороший источник.

По вопросу о «Presse». Я принимаю также и это предложение. *Во-первых*, потому, что в отличие от прошлого раза мне не ставится условий относительно того, как я должен писать об отдельных политических деятелях. Я придерживаюсь абсолютного принципа — никогда не соглашаться ни на какое *условие*. Но, конечно, каждая газета имеет право требовать от корреспондента тактичности. *Во-вторых*, потому, что времена изменились, и я считаю теперь существенным, чтобы наша партия занимала позиции везде, где возможно, хотя бы для того, чтобы прочие партии не завладели ими. Пока, конечно, эти позиции нужно использовать осмотрительно, но важно обеспечить себе влияние в различных пунктах для более решительного момента. Номеров «*Presse*», которые были посланы мне, по твоим словам, Ф[ридлиндером], я не получил, вероятно, из-за неправильного адреса. Необходимо немедленно же прислать мне несколько номеров. Надо по самой газете определить—не что, а как нужно писать для венской публики.

По вопросу о моем корреспондировании в «Presse». Я решительно высказываюсь за то, чтобы ты писал корреспонденции. Конечно, для тебя, как для *пруссака*, пожалуй, «неприлично» писать сейчас в *австрийской* газете. Но принципиально мы должны, по выражению Лютера о господе боге, «бить одного негодяя с помощью другого» и использовать всякий шанс, чтобы вносить смятение и содействовать всеобщему разложению. До наступления нынешних потрясений я и сам не стал бы писать в «*Presse*», да и тебе

не посоветовал бы. Но процесс брожения начался, и сейчас каждый должен делать все, что может. Надо вливать яд всюду, где это требуется. Если бы мы ограничились сотрудничеством в газетах, разделяющих в целом нашу точку зрения, то мы должны были бы совсем отложить всякую журналистскую деятельность. Нужно ли допускать, чтобы так называемое «общественное мнение» накачивалось только контрреволюционным материалом?

По вопросу о «Tribune». Ты, конечно, меня неправильно понял, если думаешь, что я требовал, чтобы ты считался с подписчиками «Tribune». Дело вот в чем. Моя основная работа в «Tribune» заключается в том, что я пишу передовые статьи на любые темы. При этом Англии отводится первое место, Франция стоит на втором. Значительная часть передовиц посвящена экономическим вопросам, но со времени перемены курса в Пруссии я время от времени доставлял себе удовольствие тем, что писал корреспонденции «из Берлина», причем «внутренняя» связь с гогенцоллернским отечеством давала мне возможность с достаточной уверенностью судить о тамошнем положении. Среди подписчиков «Tribune» много немцев. Кроме того, статьи эти перепечатывают немецко-американские газеты, имя которым легион. Поэтому важно было придавать местный колорит тем статьям, которые я в виде исключения писал «из Берлина», чтобы продолжать в Новом Свете свою полемику с прусским государством. Для местного колорита непременно требуется немного сплетен. К тому же ведь история Пруссии состоит сейчас главным образом из скандальной хроники. *Hinc illae lacrimae! / Вот откуда эти слезы.* / Твое последнее письмо очень помогло мне в этом отношении.

Привет.

Твой К. М.

P. S. Я только что получил письмо от книготорговца Нутта из Сити с извещением, что твоя посылка прибыла. Я пойду за ней сегодня же.

Как обстоит дело с брошюрой Энгельса? Я отослал ее 10 марта. Мне кажется, подобную брошюру можно было бы выпустить в пять дней.

167.

Марке — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

Лондон, 4 апреля 1859 г.

Дорогой Лассаль!

Все мои попытки раздобыть деньги окончились неудачей. Даже из дома, — ты ведь знаешь, что старые люди крепко держатся за

«земное», — я получил отказ. Как ни неприятно мне обращаться к тебе, — ведь твои собственные средства сейчас на ущербе, — мне не остается иного выбора. Если 20 фридрихсдоров слишком большая сумма для тебя, то пришли меньше. Деньги вычти впоследствии у Дункера.

Вышла ли брошюра Энгельса?

Я обстоятельно напишу тебе отсюда на будущей неделе (на этой неделе у меня абсолютно нет времени). Пока прими мою благодарность как за драму, так и за сопроводительное письмо.

Привет.

Твой К. М.

168.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Берлине.

Лондон, 19 апреля 1859 г.

Дорогой Лассаль!

Я не посылал тебе особого извещения о получении 14 ф. ст. 10 шиллингов, потому что письмо было заказное. Но я написал бы тебе раньше, если бы меня не посетил проклятый «кузен из Голландии», беспощадно присвоивший себе мое «прибавочное рабочее время».

Теперь он уехал, и я снова вздохнул свободно.

Я получил письмо от Фридлендера. Условия не так благоприятны, как сообщенные тебе вначале, но все же «приличны». Как только мы договоримся по некоторым второстепенным пунктам, — я думаю, что это будет сделано на этой неделе, — я начну писать для него.

Здесь в Англии классовая борьба развивается самым отчаянным образом. К сожалению, в данный момент не существует ни одной чартистской газеты, и потому вот уже около двух лет, как я вынужден был прекратить свое литературное участие в этом движении.

Перехожу теперь к «Францу фон-Зикингену». Прежде всего я должен похвалить композицию и живость действия, а это больше, чем можно сказать о любой современной немецкой драме. Во-вторых, оставляя в стороне чисто критическое отношение к этой работе, она при первом чтении сильно взволновала меня, а следовательно на читателей, у которых в большей мере преобладает чувство, она подействует еще сильнее. Это вторая, очень важная сторона. А теперь другая сторона медали. Во-первых — это чисто формальный момент, — раз уж ты писал стихами, ты мог бы отделать свои ямбы несколько более художественно. Впрочем, хотя профессиональные поэты и будут шокированы этой небрежностью,

я в общем считаю ее преимуществом, так как у наших поэтов эпигонов не осталось ничего, кроме формального лоска. *Во-вторых*. Задуманная тобой коллизия не только трагична, но она и есть та самая трагическая коллизия, которая совершенно основательно привела к крушению революционную партию 1848—1849 гг. Поэтому я могу только всецело приветствовать мысль сделать ее центральным пунктом современной трагедии. Но я спрашиваю себя, годится ли взятая тобой тема для изображения этой коллизии? Бальтазар, конечно, может вообразить, что если бы Зикинген не выдавал свой мятеж за рыцарскую распрю, а выкинул знамя борьбы против имперской власти и открытой войны с князьями, он победил бы. Но можем ли мы разделять эту иллюзию? Зикинген (а вместе с ним в известной степени и Гуттен) погиб не из-за своего собственного лукавства. Он погиб потому, что восстал против существующего [строя] или, вернее, против новой формы существующего [строя] как *рыцарь* и как *представитель гибнущего класса*. Если отнять у Зикингена то, что свойственно ему как личности с ее особыми природными склонностями, образованием и т. д., то останется Гетц фон-Берлихинген. А в этом *жалком* субъекте мы имеем трагическую противоположность рыцарства с императором и князьями в ее адекватной форме, и потому Гете был прав, избрав его героем. Поскольку Зикинген, — а отчасти и сам Гуттен, хотя у него, как и у всех идеологов определенного класса, подобные высказывания должны были выражаться в значительно измененной форме, — выступает против князей (ведь против императора он идет только потому, что император из императора рыцарей превращается в императора князей), постольку он на самом деле просто Дон-Кихот, хотя и имеющий историческое оправдание. Что он начинает мятеж под видом рыцарской распри, означает только то, что он начинает его *по-рыцарски*. Если бы он начал его иначе, то он должен был бы непосредственно и притом с самого же начала апеллировать к городам и крестьянам, т. е. как раз к тем классам, развитие которых равносильно отрицанию рыцарства.

Если ты не хотел свести коллизию только к той, которая изображена в «Гетце фон-Берлихингене», — а это не входило в твои планы, — то Зикинген и Гуттен должны были погибнуть, потому что они в своем воображении были революционерами (последнего нельзя сказать о Гетце), и совершенно так же, как *образованное* польское дворянство 1830 г. стали, с одной стороны, проводниками современных идей, а с другой стороны, на деле представляли интересы реакционного класса. *Дворянские* представители революции, — за

чьими лозунгами единства и свободы все еще скрывается мечта о старой империи и кулачном праве, — не должны были бы, следовательно, в такой мере сосредоточивать на себе весь интерес, как это происходит в твоей драме. И, наоборот, представители крестьян (особенно их) и революционных элементов городов должны были бы составить весьма существенный активный фон. Тогда ты мог бы в гораздо большей степени давать высказывать как раз наиболее современные идеи в их самой наивной форме, между тем как сейчас основной идеей остается в сущности, кроме *религиозной* свободы, национальное *единство*. Тебе волей-неволей пришлось бы тогда в большей степени *шекспиризировать*, между тем как теперь основным твоим недостатком я считаю то, что ты пишешь *по-шиллеровски*, превращая индивидуумы в простые рупоры духа времени. Не совершаешь ли ты сам до известной степени, подобно твоему Францу фон-Зикингену, дипломатическую ошибку, ставя лютеранско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-мюнцеровской?

Далее, в обрисовке характеров нехватает как раз характерных черт. Исключениями являются Карл V, Бальтазар и Рихард Трирский. А между тем, найдется ли эпоха с более резко очерченными характерами, чем XVI столетие? Гуттен, по моему мнению, уж слишком изображает одно лишь «воодушевление», а это скучно. Разве он не был в то же время даровит и чертовски остроумен, и не совершил ли ты поэтому по отношению к нему большую несправедливость?

До какой степени сам твой Зикинген, обрисованный, кстати сказать, тоже слишком абстрактно, является жертвой коллизии. не зависящей от всех его личных расчетов, видно из того, как ему приходится проповедывать своим рыцарям дружбу с городами и т. д. и как, с другой стороны, сам он охотно применяет к городам законы кулачного права.

Что касается частных, то местами мне не нравятся излишние рассуждения отдельных лиц о самих себе, что проистекает от твоего пристрастия к Шиллеру. Так, например, на стр. 121, где Гуттен рассказывает Марии историю своей жизни, было бы совершенно естественно, если бы ты заставил Марию сказать:

«Вся гамма ощущений»

и т. д. до

«И тяжелей он, чем бремя лет».

Предыдущие стихи, от «говорят» до «состарилась», могли бы следовать *после* этого, но рассуждение «Довольно ночи, чтоб девушка развиться в женщину могла» (хотя оно и показывает, что Мария

знает не одну только абстракцию любви), совершенно излишне; во всяком случае, Мария не должна была начинать свою речь с размышления о том, что сама она «старится». После ее слов о том, как много ей рассказано в «один» этот час, она могла бы дать общее выражение своим чувствам в словах о том, что она постарела. Далее, в следующих строках меня шокирует фраза: «Сочла я это *правом*» (т. е. счастье). К чему было отнимать наивное представление о мире, которое, как утверждает Мария, она имела до сих пор, превращая его в правовую доктрину? В другой раз я, может быть, изложу тебе свое мнение более подробно.

Особенно удачной я считаю сцену между Зикингеном и Карлом V, хотя диалог и с той и с другой стороны слишком смахивает на прения сторон. Далее, удачны сцены в Трире. Очень хороши сентенции Гуттена о мече.

Ну, на этот раз довольно!

В лице моей жены ты приобрел горячую поклонницу своей драмы. Она недовольна только Марией.

Привет.

Твой К. М.

Между прочим, в брошюре Энгельса «По и Рейн» имеются грубые опечатки, список которых я прилагаю на последней странице этого письма [следует список опечаток].

169.

Энгельс — своей матери Элизе Энгельс

в Энгельскірхен.

Манчестер, 20 апреля 1859 г.

Дорогая мама!

Наконец-то мне удалось урвать время, чтобы не спеша написать тебе. Оба твои милые письма я получил и очень рад, что всем вам живется хорошо и что дети Бланков благополучно перенесли корь. Я чувствую себя хорошо. Зубы у меня, правда, постепенно разрушаются, но без особой боли, а в общем я совершенно здоров. Аппетит и пищеварение у меня превосходны, а от старых болезней не осталось ни малейшего следа.

Маленький Делиус в конце концов не мог обойтись без того, чтобы не выказать своей бредфордской природы. Я думал, что он будет вести себя несколько более осторожно, но так как он, повидимому, начал заниматься мелкими пакостями, то да будет тебе известно, что в Бредфорде лганье носится в воздухе и что бредфордец

совершенно неспособен постоянно говорить правду. Так как парень этот живет вместе с Вильгельмом Куттером, величайшим лгуном, какой только существует под солнцем, то он, повидимому, мало-по-малу усвоил себе ту же самую добродетель. Если бы бредфордец сказал мне, что дважды два — четыре, то я сейчас же стал бы сомневаться в правильности таблицы умножения. Я говорю это тебе заранее, чтобы ты не относилась слишком сурово к этому малому, — ведь все бредфордцы таковы, — они лгут, как по-писаному. История с лошадью основывается на том, что я просто сказал владельцу, что если он согласен продать лошадь дешевле 120 фунтов, то пусть *уведомит* меня. Больше ничего. Отсюда до покупки еще очень далеко. Если бы мне теперь предложили эту лошадь за 120 фунтов, то я бы еще призадумался, давать ли за нее и 100 фунтов; для меня она слишком легка, а за эти деньги я могу получить очень хорошую и сильную охотничью лошадь. Что касается истории с прыжком в лавку, то все это не так страшно. Любая горячая лошадь, простоявшая неделю совсем или почти без дела, обязательно будет выкидывать всякие удивительные штуки под управлением среднего наездника. Сломают ли они себе оба при этом шею или нет — это зависит только от случая. Но под моим управлением ни одной лошади не удастся так легко прыгнуть куда-нибудь, если я этого не захочу. В этом отношении ты можешь быть спокойна.

Другая история — с Карлом Зибелем — целиком выдумана. Он вовсе не ведет беспорядочной жизни, а, наоборот, почти все вечера проводит дома, почти никуда не ходит и почти ни с кем не водит знакомств. Я думаю, в Манчестере не найдется и 20 молодых людей его возраста, которые вели бы столь солидный образ жизни. Правда, на первых порах он раза два выпивал лишнюю рюмку, выкидывая всякие забавные штуки, свойственные молодежи, но так как он бывал со мной и еще несколькими знакомыми и видел, что в этих детских выходках мы не находим ничего интересного, то он прекратил их. Он вообще еще полуробенек, ужасно незрелый и беспомощный в самых простых вещах. Со временем это пройдет. Все мы, барменцы, повидимому, только очень поздно становимся взрослыми. Когда мне было 23 года, я был, вероятно, таким же чудачком. Во всяком случае, его родители, должно быть, очень нелепо подошли к нему, раз они не могли с ним справиться, — ведь он имеет ту очень хорошую черту, что сознает свои слабости; он вовсе не упрям, а, наоборот, легко поддается убеждению. В его пользу меня располагает то, что, несмотря на многочисленные похвалы, которыми осыпают его стихи, он все же

в глубине души сознает, что это совершенно незрелые, необработанные и поверхностные произведения; этот славный малый был мне очень благодарен, когда я в довольно юмористической, но вполне ясной форме разъяснил ему это. После того, как он преподнес мне все свои бессмертные произведения, я ему прямо заявил, что хотя в них и чувствуется талант, но талант очень запущенный, и что все его вещи, как произведения искусства, ничего не стоят. В Берлине юноша, должно быть, очень распустился и рисковал окончательно погибнуть на поприще ординарнейшей беллетристической литературы. Поэтому, когда я его вижу, я регулярно отчитываю его за это, убеждая на некоторое время бросить стихоплетство и основательно изучить классических поэтов всех народов, чтобы сперва выработать себе вкус, — сейчас он у него очень неразборчивый, — и научиться немецкому языку, которого он все еще не знает. Если он это сделает, из него еще может выйти вполне приличный малый. Во всяком случае, его родители должны бы иметь достаточно здравого смысла, чтобы наладить с ним благоразумные, приемлемые для него отношения или позаботиться о том, чтобы он постепенно нашел средства и возможность обеспечить себе здесь или еще где-либо самостоятельное существование на торговом поприще. Юноша знает, что своей литературной работой он всегда сможет заработать себе на жизнь, и если его любезный папаша недостаточно умен и тактичен для того, чтобы обращаться с ним, как со взрослым человеком, то пусть пеняет на себя, если малому в конце концов надоест все это и он всецело отдастся литераторству и при этом наверняка *окончательно погибнет*. Старик Зибель, наверное, воображает, что я вбиваю в голову его сына всевозможные безумства, но он может быть спокоен: все мое влияние на него я использую для того, чтобы удержать его от чрезмерного увлечения литературой (ведь малый еще не созрел для этого) и убедить его, что нет ничего более жалкого, чем существовать на доход от беллетристического сочинительства. Я внушаю ему, что чем скорее он освоится со своей прозаической буржуазной профессией, тем лучше (потому что он в сущности не любит учиться, а без этого он потеряет всякую устойчивость и совершенно испортится). Если он это сделает и приобретет несколько больше житейского опыта, перестав быть таким беспомощным, то я не сомневаюсь, что из него выйдет вполне порядочный малый, который и в литературной области сможет дать кое-что ценное. Я очень люблю мальчика, — он очень добродушен, лишен самомнения, очень искренен и прям. Я встречаюсь с ним обычно раза два в неделю.

А я и не знал, что Э. Бланк находится в Лондоне. Я надеюсь

что на этих днях он приедет сюда, — он ведь уже несколько месяцев тому назад обещал мне это. При всех обстоятельствах — будет ли война или нет — не отказывайся от поездки сюда этим летом. Я твердо рассчитываю на твой приезд. Ты же знаешь — мы поедем этим летом в Шотландию, а потому просмотри тем временем своего Вальтера Скотта, чтобы быть в курсе всего.

Нужно кончать. Уже 7 часов, а мне еще надо написать несколько деловых писем. Я хотел было вложить еще несколько строк отцу, но абсолютно не в состоянии этого сделать, тем более, что я должен приготовить для него еще некоторые выписки. Я напишу ему при первой возможности — в ближайшие два-три дня.

Передай сердечный привет отцу, всем братьям и сестрам и их семействам.

Искренно любящий

твой сын *Фридрих*.

Не рассказывай, конечно, г-же Зибель во всех подробностях того, что я писал тебе относительно Карла.

Поздравляю тебя от всего сердца с днем твоего рождения и надеюсь, что я еще много, много раз буду поздравлять тебя с ним.

170.

Марке — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

Лондон, 5 мая 1859 г.

9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

Из прилагаемого письма от 12 апреля, которое я прошу тебя вернуть мне, ты увидишь, что между условиями, предложенными мне твоим кузеном Фридлиндером, и условиями, которые ты сообщил мне вначале, имеется весьма существенная разница. Тем не менее, я принял их, немедленно уведомив его об этом. Я отметил только:

1) что не могу нести расходов на телеграммы, — что, впрочем, само собой понятно и оговорено в твоём письме.

2) что мне хотелось бы (однако я из этого не делал неперемного условия), если соглашение состоится, иметь возможность получать деньги за отправленные статьи у какого-нибудь банкира здесь, подобно тому, как производится расчет с «Tribune».

С тех пор я не получил никакого ответа, что меня крайне удивляет. Если редакция раздумала, то приличнее требует сообщить

мне об этом. Ты знаешь, что сам я отнюдь не навязывался на это. Но после того, как я взял на себя это дело, я предпринял некоторые подготовительные шаги в английских газетах и т. д. и не хочу быть скомпрометированным в глазах как этих людей, так и других знакомых, которым я по деловым соображениям об этом сообщил. Если я, со своей стороны, не послал еще ни одной статьи, то это естественно, так как окончательное соглашение еще не состоялось.

К сожалению, здешние выборы прошли недостаточно благоприятно для тори. В последнем случае здесь вскоре началось бы революционное движение. После некоторых маневров Пальмерстон теперь наверняка возвратится в министерство иностранных дел, и таким образом Россия опять будет непосредственно направлять английскую политику.

Привет.

Твой К. М.

171.

Энгельс — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

Манчестер, 18 мая 1859 г.
6, Thorncliffe Grove.

Дорогой Лассаль!

Вам, вероятно, показалось несколько странным, что я так долго не писал, тем более, что я должен был сообщить свое мнение о Вашем Зикингене. Но именно это и было причиной моего молчания. При том оскудении изящной литературы, которое сейчас повсюду царит, мне редко случалось прочесть что-либо подобное, и в течение ряда лет мне не приходилось читать подобного произведения *так*, чтобы в результате чтения дать обстоятельную оценку, высказать твердо установленное мнение. Появляющаяся макулатура и не стоит этого. Даже те немногие, сравнительно хорошие английские романы, которые я еще время от времени читаю, как, например, Теккерея, несмотря на их неоспоримое литературное и культурно-историческое значение, ни разу не могли в такой степени заинтересовать меня. Но вследствие столь долгого бездействия мои критические способности изрядно притупились, и требуется не малый срок, прежде чем я могу позволить себе высказать свое мнение. Однако Ваш Зикинген заслуживает иного отношения, чем весь этот вздор, и поэтому я не пожалел на него времени. Первое и второе чтение Вашей во всех отношениях — и по теме, и по трактовке — национально-германской драмы взволновало меня до такой степени, что я должен был на время

отложить ее в сторону, тем более, что мой вкус в наши скудные времена так притупился, — к стыду своему я должен в этом признаться, — что порой даже малоценные произведения при *первом* чтении производят на меня известное впечатление. Чтобы быть вполне беспристрастным, вполне «критическим», я отложил на время Зикингена, вернее—одолил его кое-кому из знакомых (здесь еще есть несколько более или менее литературно образованных немцев). Но книги имеют свою судьбу, — когда их одалживаешь, то редко получаешь их обратно, — и моего Зикингена мне тоже пришлось отвоевывать силой. Должен признаться, что при третьем и четвертом чтении впечатление осталось то же самое, и в уверенности, что Ваш Зикинген способен выдержать критику, я скажу Вам о нем несколько «теплых слов».

Я знаю, что для Вас не будет большим комплиментом, если я констатирую тот факт, что ни один из современных официальных поэтов Германии никогда не был бы в состоянии написать подобную драму. Тем не менее, это все же факт, и притом для нашей литературы слишком характерный, чтобы о нем можно было умолчать. Прежде всего коснусь формы. Меня очень приятно поразила искусная завязка интриги и насквозь драматический характер пьесы. В области версификации Вы, однако, позволили себе некоторые вольности, которые, впрочем, больше мешают при чтении, чем на сцене. Хотелось бы прочесть Вашу драму в обработке для сцены. В своем настоящем виде она, конечно, не сценична. У меня здесь был один молодой немецкий поэт (Карл Зибель), мой земляк и дальний родственник, довольно много поработавший в области театра. Возможно, что ему, как прусскому гвардейцу запаса, придется поехать в Берлин, в таком случае я, пожалуй, возьму на себя смелость дать ему небольшое письмо к Вам. Он был очень высокого мнения о Вашей драме, но считал ее совершенно непригодной для постановки из-за длинных монологов, во время которых играет лишь один из актеров, между тем как остальным пришлось бы дважды или трижды исчерпать всю свою мимику, чтобы не стоять статистами. Два последних акта в достаточной степени показывают, что Вам не трудно сделать диалог быстрым и живым, а так как, по-моему, за исключением отдельных сцен (что бывает в каждой драме), это можно было бы сделать и в первых трех актах, то я не сомневаюсь, что при обработке для сцены Вы учтете это обстоятельство. *Идейное содержание*, конечно, должно при этом пострадать, но это неизбежно. Полное слияние большой идейной глубины, осознанного исторического смысла, которые Вы не без основания приписываете немецкой драме, с шекспировской живостью и действенностью будет достигнуто, вероятно, только в буду-

щем, да, пожалуй, и не немцами. Во всяком случае, именно в этом слиянии я вижу будущее драмы. В Вашем Зикингене взята совершенно правильная установка: главные действующие лица *действительно являются* представителями определенных классов и направлений, а стало быть и определенных идей своего времени, и черпают мотивы своих действий не в мелочных индивидуальных прихотях, а в том историческом потоке, который их несет. Но дальнейший шаг вперед, который следовало бы сделать, заключается в том, чтобы эти мотивы более живо, активно и, так сказать, стихийно выдвигались на первый план ходом самого действия, а аргументирующие речи (в которых, впрочем, я с удовольствием узнал Ваш старый ораторский талант, блиставший на суде присяжных и на народных собраниях), напротив, становились бы все более излишними. Этот идеал Вы, повидимому, сами считаете своей целью, поскольку Вы проводите различие между сценической и литературной драмой. Мне думается, что Зикингена можно было бы превратить в этом смысле в сценическую драму, хотя, конечно, это дело трудное (достичь совершенства не так просто). С этим связана характеристика действующих лиц. Вы совершенно справедливо выступаете против господствующей ныне *плохой* индивидуализации, которая сводится к мелочному умничанью и составляет существенный признак выдыхающейся литературы эпигонов. Мне кажется, однако, что личность характеризуется не только тем, *что* она делает, но и тем, *как* она это делает; и в этом отношении идейному содержанию драмы не повредило бы, по моему мнению, если бы отдельные характеры были несколько резче разграничены и острее противопоставлены друг другу. Характеристика, как она давалась у *древних* авторов, в наше время уже недостаточна, и тут, по моему мнению, было бы не плохо, если бы Вы несколько больше учли значение Шекспира в истории развития драмы. Но это второстепенные вопросы, которые я упоминаю только для того, чтобы Вы видели, что я интересовался Вашей драмой и со стороны формы.

Что касается исторического содержания, то Вы очень наглядно и с правильным учетом дальнейшего развития изобразили обе стороны тогдашнего движения, которые Вас наиболее интересовали: национальное дворянское движение, представляемое Зикингеном, и гуманитарно-теоретическое движение с его дальнейшим развитием в теологической и церковной области, т. е. с реформацией. Больше всего мне понравились тут сцены между Зикингеном и императором и между легатом и архиепископом Трирским (здесь Вам удалось в то же время дать прекрасную индивидуальную характеристику, противопоставляя светского, эстетически и классически

образованного, политически и теоретически дальновидного легата ту-пому немецкому князю-попу, — характеристику, которая, однако же, прямо вытекает из *репрезентативного* характера обоих действующих лиц); большой меткостью отличается обрисовка характеров и в сцене между Зикингом и Карлом. Что касается автобиографии Гуттена, *содержание* которой Вы справедливо считаете существенным, то Вы несомненно пошли на рискованный шаг, вставив это содержание в драму. Очень важен также разговор между Бальтазаром и Францем в V акте, где первый излагает своему господику *подлинно революционную* политику, которой тот должен был бы следовать. Именно здесь выступает подлинно трагическое, и мне кажется, что именно эту сторону дела, вследствие ее большого значения, следовало бы несколько резче подчеркнуть уже в III акте, который дает для этого достаточно поводов. Но я опять занялся второстепенными вопросами. — Положение городов и князей того времени также изображено во многих местах очень ярко, и таким образом более или менее исчерпаны так называемые *официальные* элементы тогдашнего движения. Но я считаю, что Вами недостаточно подчеркнуты неофициальные плебейские и крестьянские элементы и сопутствующее им их теоретическое выражение. Крестьянское движение было в своем роде столь же национально и было в такой же степени направлено против князей, как и движение дворянства, а огромный размах борьбы, в которой оно потерпело поражение, резко контрастирует с той легкостью, с какой дворянство, бросив Зикингена на произвол судьбы, примирилось со своим историческим призванием — раболепством. Но в таком случае и при Вашем понимании драмы, которое, как Вы, вероятно, заметили, я считаю слишком абстрактным, недостаточно реалистичным, крестьянское движение заслуживало более внимательного рассмотрения; правда, крестьянская сцена с Иосом Фрицем характерна, и индивидуальность этого «смутьяна» изображена вполне правильно, но она не оттеняет с достаточной силой, в противовес дворянскому движению, бурно разлившийся уже тогда поток крестьянских волнений. Согласно *моему* пониманию драмы, требующему, чтобы за идеальным не забывать реалистического, за Шиллером — Шекспира, привлечение тогдашней, поразительно пестрой плебейской общественности дало бы совершенно иной материал для оживления драмы, дало бы неоценимый фон для разыгрывающегося на авансцене национального дворянского движения и впервые представило бы в истинном свете само это движение. Какие только поразительно характерные образы ни дает эта эпоха разложения феодальных связей в лице

странствующих королей-нищих, побирающихся ландскнехтов и всякого рода авантюристов, — поистине фальстафовский фон, который в исторической драме *такого* типа был бы еще эффектнее, чем у Шекспира! Но не говоря уже об этом, мне кажется, что, отодвинув на задний план крестьянское движение, Вы тем самым неверно изобразили и национальное дворянское движение и вместе с тем упустили из виду *подлинно* трагический элемент в судьбе Зикингена. По-моему, масса тогдашнего имперского дворянства не думала о заключении союза с крестьянами; этого не допускала его зависимость от доходов, получаемых путем угнетения крестьян. Союз с городами был еще скорее возможен, но и он либо совсем не осуществлялся, либо осуществлялся только частично. А между тем, проведение национальной дворянской революции было возможно только в союзе с городами и крестьянами, в особенности с последними. Как раз в том, на мой взгляд, и заключается трагический момент, что союз с крестьянами — это основное условие — был невозможен, что вследствие этого политика дворянства должна была по необходимости сводиться к мелочам, что в тот момент, когда оно захотело встать во главе национального движения, *масса* нации, крестьяне, запротестовала против его руководства, и оно неизбежно должно было пасть. Насколько исторически обосновано Ваше предположение, что Зикинген находился в известной связи с крестьянами, я не могу судить. Да это и не важно. Впрочем, насколько я припоминаю, там, где в своих произведениях Гуттен обращается к крестьянам, он лишь слегка задевает щекотливый пункт об отношении к дворянству и старается направить всю ярость крестьян главным образом против попов. Но я отнюдь не хочу оспаривать у Вас права рассматривать Зикингена и Гуттена как деятелей, поставивших себе целью освобождение крестьян. Однако тут и получается то трагическое противоречие, что оба они стояли между дворянством, бывшим решительно *против* этого, с одной стороны, и крестьянами — с другой. В этом и заключалась, по-моему, трагическая коллизия между исторически необходимым требованием и практической невозможностью его осуществления. Упуская этот момент, Вы умаляете трагический конфликт, сводя дело к тому, что Зикинген, вместо того, чтобы сразу вступить в борьбу с императором и империей, начинает борьбу только с *одним* князем (хотя Вы и здесь с должным тактом вводите крестьян) и гибнет просто из-за равнодушия и трусости дворянства. Эта трусость была бы совершенно иначе мотивирована, если бы Вы уже до этого сильнее подчеркнули нарастающую угрозу крестьянского движения и ставшее неизбежно более консервативным после «Союзного башмака» и

«Бедного Конрада» настроение дворянства. Но все это, впрочем, лишь *один* из путей, каким можно ввести в драму крестьянское и плебейское движение, и существует по крайней мере десяток других, столь же или еще более подходящих способов.

Как видите, и с эстетической, и с исторической точки зрения я предъявляю Вашему произведению чрезвычайно высокие, даже *наивысшие* требования, и то, что только при таком подходе я могу выдвинуть кое-какие возражения, послужит для Вас лучшим доказательством моего одобрения. Ведь в *нашем кругу* уже с давних пор критика в интересах самой партии носит по необходимости самый откровенный характер, но меня и всех нас всегда радует, когда мы получаем новое доказательство того, что в какой бы области ни выступала наша партия, она всегда обнаруживает свое превосходство. В данном случае Вы показали пример этого.

А мировые события, повидимому, принимают весьма отрадный оборот. Едва ли можно себе представить лучшую основу для радикальной германской революции, чем та, которая создается франко-русским союзом. Мы, немцы, должны оказаться на краю гибели, чтобы всей массой притти в «тевтонское бешенство», а на этот раз опасность погибнуть надвинулась как будто достаточно близко. Тем лучше. При подобном кризисе должны погибнуть все власть предержащие и погибнуть одна за другой все партии — от «*Kreuzzeitung*» до Готфрида Кинкеля и от графа Рехберга до «Геккера, Струве, Бленкера, Цитца и Блюма». В такой борьбе должен наступить момент, когда только самая решительная, ни перед чем не останавливающаяся партия окажется в состоянии спасти нацию и когда в то же время создадутся условия, при которых только и возможно окончательно выбросить за борт весь старый хлам — внутреннюю разобщенность, с одной стороны, и полученные от Австрии польский и итальянский привески — с другой. Мы не должны уступать ни одной пяди прусской Польши, а что [...] ¹

172.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

[Лондон.] 10 июня 1859 г.

Дорогой Лассаль!

За то время, что я не писал тебе, я должен был приготовить пятнадцать печатных листов для выходящей в Нью-Йорке англо-американской энциклопедии. При моих прочих работах это не шутка.

¹ Окончание письма отсутствует.

Сегодня — день, когда я пишу статьи для «Tribune». Поэтому времени совершенно нет. Я пишу лишь для того, чтобы известить тебя, что я получил твои письма и памфлет.¹

Сейчас только следующее:

Относительно Зикингена: как только будет время, будет прочтено и последует ответ.

Относительно памфлета: он отнюдь не выражает моего взгляда и взгляда моих партийных друзей в Англии. Возможно, что мы выскажем наше мнение о нем в печати.

Относительно Дункера: я написал ему, что сожалею, если письмо оскорбило его. Промедление все же совершенно неслыханное. Последний корректурный лист я получил уже пять недель тому назад. Ты не можешь требовать, чтобы *после заключения договора* я так держал себя с издателем и позволял ему так обращаться со мной, как если бы он печатал вещь из «одолжения» к тебе. Пока польза от него выразилась в том, что я на неопределенное время потерял *английского* издателя.

Относительно Фогта (имперского фогта): *в наших руках имеются доказательства того*, что этот человек получал деньги от Бонапарта не только для себя, но и для того, чтобы подкупать немцев для франко-русской пропаганды. Впрочем до сих пор это удалось только в отношении политически отрицательной величины, Готфрида Кинкеля.

Относительно Прудона: говорят, что он сошел с ума и помещен в Брюсселе в сумасшедший дом.

Привет.

Твой К. М.

173.

Марке — Фердинанду Лассалю
в Берлине.

Лондон, [2 октября 1859 г.]
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

Очень хорошо с твоей стороны, что, несмотря на то, что обстоятельства говорят как будто не в мою пользу, ты первый взялся за перо, и как раз по делу, затрагивающему мои интересы.

¹ Вышедший анонимно памфлет Лассаля: «Der italienische Krieg und die Aufgabe Preussens. Eine Stimme aus der Demokratie» [«Итальянская война и задачи Пруссии. Голос из кругов демократии»].

Что касается моего молчания, то причины его вкратце таковы:

Во-первых, оба твои письма я получил лишь много недель спустя после их отправки, — после моего возвращения в Лондон из поездки через Манчестер в Шотландию, — поездки, которую я предпринял в деловых целях. За это время события так быстро следовали друг за другом, что в силу этого наш спор потерял, так сказать, свою остроту. Ведь спор по существу не шел, да и не мог у нас идти по национальному вопросу, а спор шел о наиболее целесообразной политике, которую немецкие революционеры должны проводить по отношению к своим собственным правительствам и к загранице. Но все же я послал бы тебе ответ, хотя и с опозданием, если бы не одно новое обстоятельство, вызвавшее промедление. В одном из своих писем ты требовал доказательств относительно Фогта. Эти доказательства находились в руках Карла Блинда. Этот «честный демократ» непрочь был исподтишка разыгрывать роль морально-негодующего человека и подготавливать скандал, но, несмотря на все настояния, отказывался выступить открыто. Вследствие этого я порвал с ним. (Он отрицал даже то, что был автором направленного против Фогта памфлета «Zur Warnung» [«Предостережение»]¹, анонимно появившегося в Лондоне и перепечатанного аугсбургской [«Allgemeine Zeitung»]. Однако по этому поводу я добыл документальные доказательства против него (Блинда), к которым надо будет вернуться «в подходящее время и при подходящем случае».) Все это послужило новой причиной к тому, чтобы продлить мое молчание. И так как «проклятие дурного поступка заключается в том, что он снова и снова неизбежно порождает зло», то само молчание стало препятствием к тому, чтобы прервать его. К этому присоединился еще, — не думай, пожалуйста, что это риторическая фраза, — ряд житейских тревожений, которые и теперь еще далеко не улеглись и которые отнимали у меня, по правде сказать, всякое желание писать. Вот что я могу сказать относительно моего молчания, в основе которого, несмотря на то, что с внешней стороны это как будто и не так, — не было никакого злого умысла.

Что касается Дункера, то, вернувшись в Лондон, я нашел письмо от него, после которого я счел для себя невозможным вновь обращаться непосредственно к этому человеку по вопросу о дальнейшем печатании. С другой стороны, поскольку я тебе так долго не писал, я не мог начать переписку сразу же с моих личных дел. Поэтому я не стал ничего предпринимать, исходя из молчаливого

¹ В дальнейшем название памфлета «Zur Warnung» дается только по-русски.

предположения, что если до известного срока я ничего не получу от Дункера, то мне придется обратиться к другому издателю.

После одного из твоих прежних писем я считал, собственно говоря, что Дункер обязался издать два выпуска, т. е. целиком первый раздел («Капитал вообще»). Но, с другой стороны, первый выпуск оказался гораздо больше, чем предполагалось по первоначальному плану, да я и не хотел превращать Дункера в «издателя поневоле». Желательно было бы во всяком случае, чтобы по крайней мере оба первых выпуска появились у одного и того же издателя, так как они составляют одно целое.

Я должен теперь снова все переработать, так как рукопись для второго выпуска написана уже год тому назад. Но обстоятельства не позволяют мне в данный момент уделять этому много времени, так что я не думаю, чтобы мне удалось закончить работу раньше конца декабря. Но это *самый крайний срок*.

Я занимаюсь *английской* обработкой первого выпуска, которую также пришлось прервать вследствие житейских невзгод. В Англии я могу во всяком случае рассчитывать на лучший прием, чем в Германии, где, насколько мне известно, никто до сих пор ни словом не упомянул об этой работе, никто не обратил на нее никакого внимания. Но я хочу, по крайней мере, этот *первый раздел* полностью предложить немецкой публике. Если она попрежнему не обратит на эту работу никакого внимания, то все последующие части я предполагаю писать прямо по-английски, махнув рукой на немецких филистеров.

Прощай.

К. М.

174.

Маркс — редактору газеты «Allgemeine Zeitung»
в Аугсбург.

Лондон, 19 октября 1859 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Милостивый государь!

Пока я участвовал в немецкой прессе, я нападал на «Allgemeine Zeitung», а «Allgemeine Zeitung» нападала на меня. Но это, конечно, отнюдь не мешает тому, чтобы я по мере сил помог «Allgemeine Zeitung» в том случае, когда она выполняет, по моему убеждению, *первую* обязанность прессы — обязанность разоблачать шарлатанство. Прилагаемый документ имел бы в Лондоне значение

судебного документа. Не знаю, так ли это в Аугсбурге. Я достал этот документ ввиду того, что Блинд отказался подтвердить сделанные им мне и другим лицам заявления, о которых я рассказал Либкнехту и которые не оставили у последнего никаких сомнений относительно разоблачений, содержащихся в анонимном памфлете.

Преданный Вам

д-р К. Маркс.

175.

Энгельс — г-ну Даниэльсу

в Манчестере.

[Черновик.]

Манчестер, 2 ноября 1859 г.

Г-ну Даниэльсу¹.

Милостивый государь!

После того, что произошло между нами в известный вечер, я первым принес бы Вам извинения, которые обязан был при подобных обстоятельствах принести любому лицу, если бы Вы тотчас же не предприняли таких шагов, которые лишили меня возможности это сделать. Я, правда, сейчас же попросил одного моего друга повидаться с Вами с этой целью, но он пришел уже слишком поздно. Если г-жа Даниэльс, как мне говорили, считает себя обиженной чем-либо сказанным мною, то я очень сожалел бы, если бы самым решительным образом не взял обратно любые свои слова, обидные для дамы, которую я не имею чести знать и на репутацию которой мне не могло поэтому даже притти в голову набрасывать хотя бы самую легкую тень.

Что касается другого дела, то мне очень жаль, что подобный инцидент произошел, и я готов в виде компенсации уплатить Вам 30 ф. ст.

С почтением.

[На третьей странице письма:]

Дорогой Ф.!

Подойдет ли что-либо вроде прилагаемого письма? Я зайду еще раз до 7 часов.

Ваш Ф. Э.

¹ Об инциденте между Даниэльсом и Энгельсом см. письмо Энгельса к Марксу от 22 сентября 1859 г. Соч. Маркса и Энгельса, том XXII, стр. 438, ИМЭ, 1929 г.

176.

Марке — Фердинанду Лассалю
в Берлине.

Лондон, 6 ноября 1859 г.

Дорогой Лассаль!

Ты бы уже раньше получил от меня ответ, если бы множество домашних неприятностей не отнимало всего моего свободного времени.

1. Благодарю тебя за твои хлопоты у Дункера. Ты ошибаешься, впрочем, если полагаешь, что я ожидал хвалебного признания со стороны германской прессы или вообще придаю ему какое бы то ни было значение. Я ожидал нападок или критики, но только не полного игнорирования, которое значительно повредит также и сбыту. Ведь ругали же эти люди в различных случаях во-всю мой коммунизм. И можно было ожидать, что они пустят в ход всю свою мудрость против его теоретического обоснования. Существуют же в Германии и специальные экономические журналы.

В Америке первый выпуск обстоятельно обсуждался всей немецкой прессой от Нью-Йорка до Нью-Орлеана. Боюсь только, что для тамошней рабочей публики он написан слишком теоретически.

2. *Относительно Фогта.* Тебя, вероятно, удивило сообщение аугсбургской «Allgemeine Zeitung» о процессе Фогта и то, в какой странной компании я там оказался.

Вкратце дело заключается в следующем:

Кроме «Hermann» здесь существовала так называемая рабочая газета «Die Neue Zeit», редактировавшаяся последнее время Эдгаром Бауэром. В этой газете сотрудничал Бискамп, получивший где-то в деревне место школьного учителя. Газета стояла в принципиальном, с позволения сказать, противоречии к «Hermann». Эдгар Бауэр считал своевременным *разыгрывать из себя* коммуниста. Я, конечно, не имел с этим *ничего* общего. Чтобы избавиться от конкурента, — так писал Бауэр Бискампу, — Кинкель передал печатание своей газеты типографу, печатавшему «Die Neue Zeit», а эта последняя зависела от кредита этого типографа и находилась всецело в его власти. Получив это письмо, Бискамп ринулся в Лондон и узнал не только, что Кинкель уничтожил «Neue Zeit», передав печатание своей газеты, но и что Эдгар Бауэр, редактор так называемой «рабочей газеты», вошел в редакцию «Hermann», перешел на сторону Кинкеля.

Об этом Бискамп вкратце следующее: он был когда-то соиздателем журнала «Hornisse» и редактировал совместно с Дюлоном и Руге «Bremer Tageschronik». В Швейцарии он вступил в

«Союз коммунистов». Ввиду его связи с Руге мы за время его пребывания в Лондоне ни разу с ним не виделись. Я не обращал на него никакого внимания, но он при случае делал полемические замечания по моему адресу. Этот человек — курьезная смесь благородных инстинктов, природной (также и физической) слабости, аскетизма и шалопайства, кантовского морального сознания и бестактных капризов. При его нервной раздражительности он в состоянии пожертвовать «из принципа» любым положением, внезапно попасть в самое беспомощное положение, некоторое время пассивно и стоически сносить его, а затем вдруг выкинуть какую-нибудь глупость, граничащую с подлостью. Конечно, я обрисовываю тебе этого человека не на основании личного знакомства. Я обрисовываю его на основании того облика, который постепенно сложился у меня в результате того, что я узнал о нем.

Итак, возвращаюсь к излагаемой истории. Бискамп сию же минуту бросает свое место учителя и, чтобы «повести борьбу труда против капитала» (то есть против Кинкеля), основывает газету «Volk», не имея никаких средств, кроме субсидий одного рабочего общества, и т. д. Пока продолжалась эта история, он, разумеется, голодал. Несколько газетных корреспонденций, которые он раздобыл себе в Германии, были потеряны, как только пронюхали о его новой функции. Несколько частных уроков давали ему возможность кое-как вести жизнь богемы.

Я должен еще заметить, что с 1851 г. я не состою в какой-либо связи ни с одним из официальных рабочих обществ, даже с так называемым коммунистическим. Единственные рабочие, с которыми я встречаюсь, — это 20—30 избранных людей, которым я частным образом читаю лекции по политической экономии. Но Либкнехт — председатель того рабочего общества¹, с помощью которого Бискамп основал «Volk».

Через несколько дней после основания этой газеты Бискамп пришел ко мне вместе с Либкнехтом и пригласил меня сотрудничать в ней. В тот момент я решительно отклонил это предложение, отчасти из-за недостатка времени, отчасти потому, что я собирался на продолжительное время покинуть Лондон. Я пообещал только добыть некоторое количество денег через живущих в Англии друзей, что и было сделано. В тот же самый день я рассказал им обоим то, что с величайшим моральным негодованием сообщил мне однажды о Фогте Блинд, и тут же назвал им источник моей информации. Как я впоследствии узнал, Бискамп написал на основе этого материала целую статью. Во время моего отсутствия он перепечатал в «Volk» анонимный памфлет Блинда, печатавшийся в той же типографии, что и «Volk».

¹ Лондонское немецкое коммунистическое рабочее просветительное общество.

В то же самое время Либкнехт послал копию памфлета в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung», которую он снабжает английскими статьями. (По поводу этого последнего обстоятельства следует заметить, что здешние эмигранты пишут во всех без различия газетах. Я, кажется, единственный человек, составляющий в этом отношении исключение, так как я не пишу ни в одной немецкой газете. Замечу, впрочем, что через прусское посольство, которое, в свою очередь, использовало в качестве своего орудия английского издателя *Вильямса*, Пальмерстон пытался удалить Либкнехта из аугсбургской «Allgemeine Zeitung» за его антиправительственную тенденцию.

После моего возвращения в Лондон «Das Volk» получила от меня и Энгельса несколько статей, не имевших никакого отношения к делу Фогта. Кроме нескольких статей с нападками на дипломатические циркуляры Шлейница, я послал туда только пару шуточных замечаний, рассматривавших с *грамматической* точки зрения эстетические проповеди Кинкеля в «Neumann». Лондонская жизнь слишком тяжела, чтобы не позволить себе хоть раз за восемь лет такого развлечения.

Газета внезапно перестала выходить, главным образом из-за недостатка денег. Бискамп, не имевший никаких средств к существованию, к тому же тяжело заболел и должен был лечь в немецкую больницу. Выйдя оттуда, он буквально умер бы с голоду, если бы я не сказал ему поддержки. Он обращался в это время в несколько немецких газет с предложением писать корреспонденции, но безуспешно. Наконец он получил письмо из редакции аугсбургской «Allgemeine Zeitung», на которое он отправил свой постыдный ответ, конечно скрыв это от своих друзей. Разумеется, он думал при этом, что пишет частное письмо. В настоящее время этот осел до крайности подавлен и уже два дня не ест и не спит. Не знаю, что с ним будет. Все это я рассказал тебе с такими подробностями не для того, чтобы оправдать, а для того, чтобы объяснить поведение этого человека. Если бы он был таким же продажным человеком, как большинство здешних «демократов», то он не поставил бы себя в положение, которого он не в силах вынести.

Что касается моего заявления в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung», то дело обстоит следующим образом.

Ты знаешь, что разоблачения о Фогте напечатал Блинд. Одновременно с этим в газете «London Free Press» (газета Уркорта) появилась его анонимная статья, в основном того же содержания (я прилагаю ее к настоящему письму), хотя в ней не упоминается имя Фогта и нет некоторых подробностей. Когда Фогт возбудил обвинение против аугсбургской «Allgemeine Zeitung» и она обратилась

к Либкнехту, Либкнехт, ответственный перед аугсбургской «Allgemeine Zeitung», разумеется, обратился ко мне, а я к Блинду. Но Блинд не захотел нести ответственности за свои слова. Все оспорвано, мол, на недоразумении. Все это дело его не касается. Он дошел даже до того, что дал *честное слово*, что не имеет ничего общего с анонимным памфлетом. Повторные требования не привели ни к чему. Такое поведение было тем более подлым, что, как было известно этому филистеру, Фогт в Лондоне частным образом, а в Швейцарии публично, указывал на *меня* как на источник разоблачений и изображал все дело как результат зависти и ненависти коммуниста к «великому демократу» и «бывшему имперскому регенту». Поэтому я прежде всего обратился к Коллету, который заявил без всяких околичностей, что статью в «Free Press» написал *Блинд*. Затем я раздобыл показания наборщика, набиравшего памфлет. Вероломство Блинда заслуживало наказания. Я не собирался таскать каштаны из огня для этого «республиканца». Да и кроме того, чтобы выяснить истину, надо было заставить его и Фогта напасть друг на друга. Наконец аугсбургская «Allgemeine Zeitung», как и всякая газета, печатающая подобные разоблачения, заслуживала того, чтобы ей были объяснены все обстоятельства дела.

Вся вульгарная демократия Германии обрушится теперь на меня, и глупость Бискампса ей будет на-руку. Конечно, я не собираюсь грызться во всяких газетках со всеми этими собачонками, но господина Эдуарда Мейена из «Freischütz» я все же считаю нужным проучить, чтобы не повадно было другим. Я посылаю один экземпляр в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» и один — в гамбургскую «Reform». Было бы очень хорошо, если бы посылаемый тебе экземпляр был опубликован в какой-нибудь берлинской газете.

Изложение моей точки зрения на итальянскую войну, — а я отнюдь не изменил своего взгляда на нее, — я должен отложить до следующего письма (которое вскоре последует).

Привет.

Твой К. М.

P. S. Для меня очень тяжело говорить об этом, но у меня такое критическое финансовое положение, что почти нехватает времени для статей в «Tribune», а тем более для «Политической экономии». Правда, через 8—10 недель я получу больше 40 ф. ст., но для меня крайне важно использовать их *раньше* этого срока. Не можешь ли ты помочь мне провести с этой целью небольшую вексельную операцию? Через восемь, самое большее через десять недель я смогу уплатить 40 ф. ст.

177.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

London, 14 ноября 1859 г.
9, Grafton Terrace, Mattland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

Отвечаю этими несколькими строками с первой же почтой.

Вопрос идет не о том, чтобы *ты* достал денег, а о вексельной операции. Разрешишь ли ты мне выписать вексель на тебя сроком на три месяца? *В таком случае ты получишь сумму для покрытия его до наступления срока векселя* (это гарантирую не только я, но и Энгельс). Итак, дело идет о дружеском векселе или, выражаясь грубо, о вексельной махинации. Конечно, еще очень сомнительно, *смогу ли я* здесь учесть такой вексель. Но некоторый *шанс* на это есть. Энгельс достал бы необходимую сумму, если бы все его свободные средства не были поглощены процессом о нанесении физического увечья одному англичанину. История эта обошлась свыше 100 ф. ст., а дружеские векселя из Лондона на Манчестер возможны только между коммерсантами. По-моему, теперь уже слишком поздно посылать заявление против Мейена. Если «Reform» и аугсбургская «Allgemeine Zeitung» примут его, оно придет в Берлин слишком поздно. Если же они его не примут, ссылка на устарелую статью великого Мейена будет вообще запоздалой.

Что касается Фогта, то для нашей партии — в противоположность вульгарной демократии — важно заставить его поднять перчатку и сразиться с Блиндом. Оба эти господина, повидимому, одинаково трусливо стараются держаться подальше друг от друга. Фогт поступил очень ловко, превратив меня в источник разоблачения и напав не на издающийся в Лондоне «Volk», а на аугсбургскую «Allgemeine Zeitung». Поскольку речь идет обо мне, он может объяснить все дело желанием отомстить, хотя бы из-за былой вражды к нему «Neue Rheinische Zeitung». (Ты, конечно, знаешь, что когда Лупус попал во Франкфуртское национальное собрание, он выступил против благодарственного адреса Уланда регенту Иоганну. Фогт воспользовался этим случаем, чтобы излить свой яд. Он произнес бранную речь против «Neue Rheinische Zeitung» вообще и против Лупуса в частности. После этого Лупус вызвал его на дуэль. Но Фогт объявил, что его шкура слишком необходима отечеству, чтобы подвергать ее такой опасности. В ответ на это Лупус пригрозил

угостить его публично, на улице, пощечиной. С тех пор Фогт стал появляться не иначе, как в сопровождении своей сестры с одной стороны и знакомой своей сестры — с другой. Лупус же был слишком вежлив и т. д.) Кроме того, г. Фогт знал, что германская вульгарная демократия видит во мне своего злейшего врага. Далее, если бы он привлек к суду не «Allgemeine Zeitung», а «Volk», то Блинд и прочие были бы вынуждены дать присягу на суде и дело неизбежно выяснилось бы. Наконец, сразиться с революционной газетой — совсем иное дело, чем с реакционной «Allgemeine Zeitung». Забавно было наблюдать, как «благородный» Фогт (выражение «округленный» Фогт, как называл его его защитник, к нему более подходит) нападал на меня в своем бильском «Handelskurier». Я нахожусь, мол, в связи «с полицией», живу за счет рабочих и тому подобные нелепости.

Что касается Кошута, то все подробности его сделки с Бонапартом мне сообщил Семере (бывший венгерский премьер-министр, живущий ныне в Париже). Я послал ему свою статью в «Tribune» против Кошута и перешлю ее тебе, как только он вернет мне эту вырезку обратно из Парижа. Забавнее всего то, что агент Кошута Пульский состоит лондонским корреспондентом «Tribune».

Здесь чествование Шиллера превратилось в чествование Кинкеля. Фрейлиграт, принявший участие в торжестве, несмотря на мое предостережение, сам теперь убедился, что Готффрид использовал его просто как свое орудие. Он рассказывал мне, что мелодраматический доклад Кинкеля был поистине обезьяньим кривляньем, которое невозможно представить себе тому, кто его не видел. Ты здорово посмеялся бы, если бы я рассказал тебе, что происходило за кулисами между Кинкелем и Фрейлигратом, прежде чем дело дошло до публичного представления. В эпоху «Neue Rheinische Zeitung» Готффрид всегда фигурировал в прессе с дорожной сумкой, позднее с мушкетом, потом с лирой и, наконец, с прялкой. Теперь этот поп неразлучен с черно-красно-золотым знаменем. Так называемые «рабочие», которых он собрал вокруг себя, принадлежат к цехам, в уставах которых первый параграф гласит: «Из дебатов общества, согласно устава, исключается всякая политика». До 1848 г. эти парни находились под покровительством Бунаена.

Но довольно болтать, — ведь я собирался писать здесь только о денежных вопросах.

Привет.

Твой К. М.

178.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

[Лондон.] 15 ноября 1859 г.

Дорогой Лассаль!

Нельзя ли поместить в «*Volkszeitung*» прилагаемый ниже ответ на заявление Блинда в № 313 аугсбургской «*Allgemeine Zeitung*»? Если поместишь, пришли мне 2 экземпляра. Между прочим, обращаю твое внимание на гимн, который в последнем номере «*Hermann's*» Готфрид Кинкель, к всеобщему торжеству лондонских немцев, воспел самому себе.

Тороплюсь.

Твой К. М.

179.

Энгельс — своему брату Эмилю
в Энгельскирхен.

Манчестер, 16 ноября 1859 г.

Дорогой Эмиль!

Процесс работы и устройство машины у нас таковы: валы снимаются, на них накладывается пряжа, а затем они снова вставляются, причем верхний вал с помощью винтов (по одному винту на каждом краю машины) приподымается настолько, чтобы пряжа была достаточно туго натянута.

1. Валы сделаны из железа и снабжены на концах четырехугольными шипами, которые входят в четырехугольные отверстия (на оси). Но приспособление это имеется только у нижнего вала, вращаемого машиной, верхний же вал покоится на простом цоколе и приводится в движение вращением нижнего вала.

2. Как я уже сказал, винты находятся на обоих концах верхнего вала и натягиваются машиной, а не рукой.

3. Щеточный цилиндр имеет неподвижные точки опоры для своей оси и принимает правильное положение, как только наложена и натянута пряжа. Если мы не работаем со слишком тонкими номерами, мы теперь на одном и том же цилиндре всегда имеем поочередно щетки и деревянные прутки, о которые трется пряжа.

4. Твоего последнего вопроса, — как устанавливается соединение заложённых валов с вращающейся частью, — я не понимаю, но я полагаю, что ответ на этот вопрос дан уже в пункте 1.

Я не могу набросать для тебя чертежа машины, так как я не могу запомнить всех колес. Но вам будет очень легко сделать этот

чертеж самим, так как все существенные части машины, насколько я знаю, вполне совпадают с частями вашей машины, и мы пользуемся для грубых и тонких номеров одной и той же машиной, в крайнем случае меняя лишь шкивы, чтобы уменьшить скорость вращения. Обычно диаметр шкивов для щеток составляет 20 дюймов, для валов — 14 дюймов, а скорость вращения вала составляет 163,90 оборота в минуту. При *очень тонких* номерах мы увеличиваем диаметр шкивов на валах до 18 дюймов. Винты приводит в движение «прямой и перекрещенный ремень» («open and cross strap»).

Наши машины отчасти сделаны нами самими, отчасти Реном и Гопкинсоном; получить отсюда всю машину или отдельные части ее вы сможете только обратившись к Г. Э[рмену].

Скажи отцу, что я поищу службу для Линкенбаха, хотя на успех надежды мало, пока он сам не приедет. Молодые люди, приезжающие сюда с хорошими рекомендациями (этих рекомендаций к различным фирмам он должен захватить *возможно больше*), обычно быстро устраиваются, но никто не устраивается, сидя у себя дома. Однако приезжать сюда на-авось, конечно, рискованно.

Передай сердечный привет Лотхен, отцу и матери, Элизе, Адольфу и семьям обоих, а также всем бежавшим от холеры, если вам все еще приходится давать им приют у себя. Моя новая лошадь ходит превосходно.

Твой Фридрих.

180.

Марке — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

[Лондон.] 22 ноября 1859 г.

Дорогой Лассаль!

С одной стороны, сегодня день отправки почты в Америку; с другой стороны, я наглotalся лекарств. Так что мне во всех отношениях трудно писать. Поэтому буду очень краток.

1. Спасибо за твое предпоследнее письмо. По всей вероятности, мне, однако, самому удастся здесь в Лондоне получить взаимы деньги под вексель *на свое имя*, за ростовщические проценты.

2. После того как «Reform» уже напечатала мое заявление, от твоего заявления прстив Фогта лучше отказаться. Мне особенно важно заставить г. Фогта продолжать дело в Лондоне.

3. Я рассказал Фрейлиграту, что ты хвалил его стихи о Шиллере и порицал его поведение по отношению к тебе. Теперь он тебе

напишет. Прочти № 43 «Gartenlaube», где халуй Кинкеля г. Бета (бывший редактор издававшегося здесь *Луи Друккером* «How do you do», а ныне — главный заправила в «Hermann», редактора которого целиком набраны из среды литературного люмпен-пролетариата) сделал открытие, что Фрейлиграт «стал редко петь» с тех пор, как «мое дыхание коснулось его». За последние годы Фрейлиграт слишком заигрывал с сильными мира сего, так как он жаждет популярности; его супруга оказывает, кажется, на него в этом отношении не очень хорошее влияние. Я не буду больше касаться этой темы и замечу только, что многим весьма дельным людям из нашей партии кажется, что я к своим старым личным и партийным друзьям отношусь чересчур снисходительно.

4. *Относительно Бонапарта.* Насколько я могу судить, итальянская война временно укрепила положение Бонапарта во Франции, отдала итальянскую революцию в руки пьемонтских доктринеров и их сообщников, чрезвычайно популяризировала Пруссию благодаря политике Гаугвица в глазах либеральной черни, увеличила влияние *России* в Германии, наконец способствовала распространению неслыханной деморализации, отвратительнейшей комбинации бонапартизма с болтовней о национальностях. Я, со своей стороны, прямо-таки не понимаю, как люди нашей партии диалектически могут поддерживать эти отвратительные контрреволюционные иллюзии либерального мещанства. С того момента, как Дизрæли открыто признал существование союза между Бонапартом и Россией, и тем более с того момента, как Россия разослала немецким дворам свою наглую циркулярную ноту, — надо было, по-моему, провозгласить войну против *русско-французского* союза. Благодаря выступлению против России немедленно были бы устранены все! антилиберальные элементы, относительно которых создалась иллюзия, будто они являются сторонниками антифранцузской ориентации.

Переписка Шлейница, которую я внимательно изучал, наряду с заявлениями, сделанными здешними министрами, частью непосредственно в парламенте, частью в прессе, доказали мне, что *Пруссия* и не собиралась вмешиваться, пока не подвергнется нападению германская граница. Бонапарт, пользуясь русско-английским покровительством, получил тогда разрешение вести «локализованную» войну, чтобы удержаться во Франции. Пруссия не посмела бы и пальцем пошевелить, а если бы она это сделала, то началась бы война между Германией и Россией — наиболее желательное из всех событий. Но на самом деле вопрос так не стоял, ибо у Пруссии *никогда* не хватило

бы смелости для подобного шага. Наоборот, дело шло о том, чтобы, с одной стороны, выставить на показ всю жалкую слабость прусского правительства, а с другой стороны — и прежде всего — разоблачить бонапартистский обман. Игра эта была не так уже трудна, так как к ней примкнули бы все представители революционной партии — от Мадзини до Луи Блана, Ледрю-Роллена и даже Прудона. Благодаря этому полемика против бонапартистского обмана не носила бы характера враждебного отношения к Италии или Франции.

Конечно, я здесь не рассматриваю этого вопроса основательно, а лишь намечаю некоторые пункты. Но разреши мне сделать одно замечание: в скором времени положение снова может стать критическим. В этом случае в нашей партии должно иметь силу одно из двух: либо никто не должен выступать от имени партии, не посоветовавшись с другими, либо каждый имеет право выражать свое мнение, не обращая внимания на остальных. Последнее было бы, однако, нежелательно, так как публичная дискуссия внутри столь малочисленной партии (которая, впрочем, надо надеяться, своей энергией возместит то, чего ей нехватает в численности) при всех обстоятельствах невыгодна. Должен сказать, что во время моей поездки (летом) по Англии и Шотландии, — а ведь наши старые партийные друзья находятся все здесь, — я не встретил ни одного человека, который не высказал бы пожелания, чтобы ты изменил во многих пунктах свою брошюру. Я объясняю это просто тем обстоятельством, что как раз иностранная политика представляется в Англии совсем в ином свете, чем на континенте.

Привет.

Твой К. М.

181.

Маркс — Фердинанду Фрейлиграту
в Лондоне.

[Лондон,] 23 ноября 1859 г.

Дорогой Фрейлиграт!

Только что получил копию твоего письма к Либкнехту, где есть следующее место:

«У меня находится только *одно* письмо Фогта, помеченное 1 апреля 1859 г. Письмо это, с чем еще в прошлую субботу *согласился* и Маркс, не содержит ни одного слова, которое *обосновывало бы* обвинение против Фогта».

Так как в такого рода делах необходима точность, то я вынужден заявить формальный протест против этого места.

Во-первых, я ни с чем *не соглашался*. Соглашаться (*concedere*) предполагает спор, в процессе которого отказываются от первоначального утверждения и принимают взгляд, высказанный противной стороной. Между нами ничего подобного не происходило. Инициатива исходила от меня. Я тебе рассказывал, а совсем не соглашался с твоим мнением. Дело обстояло так:

Я напомнил тебе, что ты сам спросил г. Блинда, не является ли он автором анонимного памфлета, так как его устный рассказ целиком совпадал по тону и по содержанию с листком. Я подчеркнул, что *до* встречи с г. Блиндом на уркартовском митинге 9 мая я ничего не знал о роли Фогта в итальянских осложнениях, абсолютно ничего, кроме его письма к тебе. Я напомнил тебе, что в тот вечер, когда ты ознакомил меня с этим письмом, мне и в голову не приходило делать из письма заключения о продажности Фогта и т. п. Я нашел в письме только его давно знакомую мне плоскую либеральную болтовню. Я все это подчеркнул для того, чтобы воздать каждому по заслугам и никоим образом не умалить заслуги г. Блинда в деле раскрытия государственной измены, совершенной Фогтом.

Во-вторых, я и не думал говорить, что «*письмо Фогта не содержит ни одного слова, которое обосновывало бы обвинение против Фогта*». Я сказал только, что *мне* по прочтении письма не пришло в голову сделать такой вывод. Однако субъективное впечатление, которое непосредственно произвело на меня это письмо, весьма сильно отличается от *объективного суждения* относительно содержания письма, тем более относительно предположений, которые на основании его *могут* быть сделаны. Я не имел ни повода, ни случая заняться критическим разбором письма, необходимым для составления подобного объективного суждения. О том, что г. Блинд, например, совершенно иначе понимал письма Фогта к тебе, к нему и пр., — об этом известно и было раньше известно только тебе. В его статье в «Free Press» (27 мая) *эти* письма, например, определенно упоминаются в качестве улики, хотя имена и не приводятся. То же самое и в заявлении его в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung».

От г. Фогта перехожу к г. Бета, 43-й номер журнала которого я по получении твоего письма купил. Прочтя это произведение, я решил поступить так, как поступаю уже 10 лет, а именно, игнорировать подобный вздор. Однако сегодня я получил от двух очень близких мне друзей (живущих вне Лондона) настоятельное требование выступить в интересах партии с заявлением. Я начну с того.

что в течение двух суток обдумаю доводы за и против. Если по зрелом обсуждении я решу выступить с заявлением, то оно будет в основном содержать следующее:

1. Если бы мне, *вопреки истине*, пожелали приписать какое-либо влияние на тебя, то это могло бы относиться разве только к краткому периоду существования «*Neue Rheinische Zeitung*», когда ты писал великолепные и, безусловно, популярнейшие из твоих стихов.

2. Краткий *биографический очерк г. Бетцига, иначе Ганса Бетты*, начиная с того времени, когда он в Берлине издавал театральный шантажный листок, вплоть до «*How do you do*» трактирщика и клоуна Луи Друккера (вместе с моим посещением вертепа «*How do you do*»); затем о его последующей деятельности в Лейпциге, когда он одновременно клеветал на меня в «*Gartenlaube*», воспроизводя грязные вымыслы из «*How do you do*», и присваивал себе мои памфлеты против Пальмерстона, вплоть до настоящего времени, когда он выступает в качестве ставленника Готфрида Кинкеля. Не вредно, пожалуй, будет показать немецкой публике, что представляет собой люмпен-пролетарская шайка мошенников, которая громче всех квакает сейчас в гнилом болоте немецкой прессы.

3. Два письма Гейне ко мне, на основании которых публика сможет выбрать между компетенцией Гейне и компетенцией Бета.

4. Наконец, несколько писем Иоганна Кинкеля и Иоганны Кинкель ко мне, относящихся ко времени «*Neue Rheinische Zeitung*». Благодаря этим письмам я сбросил бы мелодраматического попа с высокого коня, на котором сей патер Брай (применяя принятое тобой гетевское произношение) гарцует мне навстречу по арене «*Gartenlaube*», которая как нельзя лучше для него подходит.

Сообщаю тебе все это для того, чтобы, как водится между друзьями, ты был заранее информирован на тот случай, если я решу выступить с заявлением.

Что касается Либкнехта, то Кольб, очевидно, стремится оправдать себя в глазах Котты, принося Либкнехта, на основании твоего письма, в жертву за свои собственные — не либкнехтовы — грехи. Изречение: *Pessant reges, plectuntur Achivi* [Цари грешат, а платятся за это ахеяне] — остается всегда верным.

Для того, чтобы предупредить возможность всяких недоразумений, я посылаю одновременно с настоящим выдержки из этого письма, касающиеся истории с Фогтом, Либкнехту.

Твой К. М.

1859.

Маркс — Фердинанду Фрейлиграту
в Лондоне¹.

[Лондон, конец ноября 1859 г.]

Дорогой Фрейлиграт!

Я не состою ни письмоводителем, ни адвокатом Либкнехта. Тем не менее, я передам ему копию относящихся к нему выдержек из твоего письма. Заявление, которое я собирался было сделать, я не опубликую, памятуя: *odi profanum vulgus et arceo* [ненавижу и избегаю невежественную чернь].

Заявление было направлено *против* Беты, но именно поэтому, как ты мог видеть по контексту, *касалось* тебя. По одному этому я считал нужным тебя предупредить, не говоря уже о той интимности, с какой твоя фамилия и фамилия Беты сопоставляются в его произведении.

Тебе неприятно, что твое имя впутали в фогтовскую историю. Мне дела нет до Фогта и до его гнусной лжи в бильском «Handelskurier'e», но я не желаю, чтобы мое имя служило маской для демократических хитрецов. Ты же знаешь, что если кто-либо принужден ссылаться на свидетелей, то никто не может «запретить» называть себя в качестве такового. По старым английским правосвным обычаям, уклоняющиеся от дачи свидетельских показаний могут быть даже — страшно вымолвить — преданы смерти.

Наконец, что касается партийных соображений, то я привык к тому, что пресса забрасывает меня грязью за всю партию и что мои частные интересы постоянно страдают из-за интересов партийных; с другой стороны, я не привык также рассчитывать на то, чтобы считались с моими личными интересами.

Привет.

Твой К. М.

---

¹ Перевод сделан с текста, опубликованного Мерингом в приложении к «Neue Zeit» за 1912 г. «Freiligrath und Marx in ihrem Briefwechsel» [«Фрейлиграт и Маркс в их переписке»], стр. 35.

1860 год.

183.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

Лондон, 30 января 1860 г.

Дорогой Лассаль!

Твое письмо меня очень обрадовало. Я ведь думал, — об этом я писал и Энгельсу, — что ты не пишешь оттого, что рассердился на мое последнее письмо.

Я располагаю только несколькими минутами, так как должен написать сегодня передовую для нью-йоркской «Tribune». Поэтому буду очень краток.

1. Брошюру о «Процессе коммунистов» я вышлю тебе немедленно. Насколько я помню, ты уже раньше получил ее от меня.

2. Фогт старательно не допускал сюда свою составленную в *теллеринговском духе*¹ стряпню, т. е. первое ее издание. Ее не получили ни Фрейлиграт (у которого я только что был), ни Кинкель, ни «Негтапп», ни один из здешних книготорговцев. Имперский мшеник, конечно, хочет выиграть время.

Все, что я знаю, я узнал из «Nationalzeitung». Все это *шти-беровские* враки. Я написал одному юристу в Берлин, чтобы он привлек «Nationalzeitung» к суду за клевету. Что ты думаешь о такой процедуре? Напиши об этом *немедленно*.

Из твоего письма видно, что Фогт сам признается, что он *косвенно* был подкуплен Бонапартом, так как вожаков твоей революционной Венгрии я знаю. Я разоблачил их в Лондоне в одной английской газете и послал пять экземпляров газеты г. Кошуту. Он промолчал. В Нью-Йорке и т. д. венгерские эмигранты привяли резолюции *против него*.

---

¹ Брошюра Фогта: «Mein Prozess gegen die Allgemeine Zeitung» [Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»].

Твоя аргументация по вопросу о Фогте мне непонятна. Как только я получу его мазню, я напишу брошюру, но в то же время в предисловии я заявлю, что мне дела нет до мнения твоей немецкой публики.

Либкнехт — человек, достойный уважения. На мой взгляд аугсбургская «Allgemeine Zeitung» нисколько не хуже «Nationalzeitung» и «Volkszeitung».

Из тех выдержек, которые я видел в «Nationalzeitung», следует, что Фогт — это своего рода Шеню или де-ла-Одд.

3. Моя политико-экономическая работа, — после выхода второго выпуска, — будет охватывать лишь первый раздел книги I, а всего их шесть книг. Поэтому тебе не следует дожидаться окончания работы. Однако в твоих же собственных интересах дождаться следующего выпуска, который содержит самую квинтэссенцию. Если этот выпуск все еще не в Берлине, то виною этому отвратительные условия.

Привет.

К. М.

184.

Маркс — Иоахиму Лелевелю

в Брюссель

/Черновик./

Лондон, 3 февраля 1860 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лелевель!

Начиная с 1848 г., с тех пор, как один поляк принес мне в Кельне рекомендательное письмо от Вас, я не имел удовольствия поддерживать с Вами связи. Пишу Вам настоящее письмо по особому поводу.

Некий Фогт, женевский профессор, опубликовал памфлет, полный самой чудовищной клеветы, направленной против меня и моей политической деятельности. С одной стороны, он изображает меня ничтожным человеком, а с другой — приписывает мне самые гнусные мотивы. Он извращает все мое прошлое. Так как во время моего пребывания в Брюсселе я имел удовольствие поддерживать с Вами близкие отношения — я никогда не забуду обаяние, которым вы удостоили меня на глазах у всех по случаю празднования годовщины польской революции 22 февраля 1848 г., — то я прошу Вас написать мне частное письмо и подтвердить в нем свою дружбу

ко мне, а также засвидетельствовать дружеский характер отношений, которые я поддерживал в Брюсселе с польской эмиграцией.

С братским приветом

Ваш *Карл Маркс*.

Г-жа Маркс, которая надеется, что Вы ее еще помните, переписала мое письмо Вам, так как мой почерк неразборчив.

185.

Маркс — Францу Дункеру

в Берлин.

Лондон, 6 февраля 1860 г.

Милостивый государь!

Прошу Вас поместить прилагаемое *письменное* заявление, — которое я *одновременно* посылаю в Берлин для «Nationalzeitung» и «Publicist» (направление этой газеты мне не известно, но говорят, что здесь она широко распространена), — также в «Kölnische Zeitung», «Frankfurter Journal», гамбургскую «Reform» и аугсбургскую «Allgemeine Zeitung».

Буду Вам очень благодарен, если Вы сообщите Лассалю следующее:

У меня нет времени сегодня же ему ответить.

Статья о Кошуте, которую я послал Семере в Париж *при непременном условии* прислать мне ее немедленно обратно, вот уже несколько месяцев задерживается им. Теперь я пристану к нему с ножом к горлу, — конечно, аллегорически.

Лассаль окажет мне большую любезность, если пошлет книгу Фогта *по почте* прямо Энгельсу по его частному адресу: 6, Thorncliffe Grove, Oxford Road, в Манчестер, куда я уезжаю. Наконец, я очень хотел бы, чтобы он прислал по этому же адресу экземпляры берлинских газет, которые напечатывают мое заявление.

С уважением, преданный Вам

К. Маркс.

186.

Маркс — редактору «Daily Telegraph»

в Лондоне.

[Черновик.]

Лондон, 6 февраля 1860 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Редактору «Daily Telegraph».

В Вашем сегодняшнем номере Вы печатаете письмо под заглавием «Журналисты, пособники Австрии», полное клеветнических

и поворящих меня обвинений. Это письмо, написанное якобы во Франкфурте-на-Майне, составлено, вероятно, в Берлине и представляет собой в сущности только нелепое размазывание двух статей, помещенных в берлинской «Nationalzeitung» от 22 и 25 января. Этой газете придется ответить за свою клевету перед прусским судом. Свой пасквиль против меня Фогт выпустил под *ложным предлогом*, будто я являюсь автором анонимного *немецкого* памфлета «Предостережение», который сперва распространялся в Лондоне, а за тем был перепечатан в аугсбургской «Allgemeine Zeitung». Как видно из прилагаемого газетного сообщения, я предложил моим противникам передать этот вопрос на рассмотрение английского суда.

В заключение я требую, чтобы Вы — если Вы не желаете предстать перед судом в качестве обвиняемого в клевете, — поместили в следующем же номере *извинения* за то легкомыслие, с которым Вы осмелились позорить человека, личный характер, политическое прошлое, литературные произведения и социальное положение которого — Вы должны это признать — Вам совершенно не известны.

Ваш покорный слуга

д-р *Карл Маркс*.

187.

Маркс — Фердинанду Фрейлиграту

в Лондоне.

Лондон, 8 февраля 1860 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Фрейлиграт!

В качестве твоего старого товарища по партии и старого личного друга я считаю своим долгом сообщить тебе о шагах, которые я предпринял в интересах берлинского процесса и которые скоро — но не сейчас — должны стать известны публике.

Ты, вероятно, помнишь или, во всяком случае, знаешь из посланного тебе печатного английского циркуляра, что в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» и т. д. *Блинд* ссылался не только на показание Холлингера, но и на письменное заявление наборщика *Вице*, как на доказательство того, что я сказал «сущую неправду», что «ложью было мое предположение», будто он, Блинд, является автором памфлета «Предостережение» и будто последний напечатан для него Холлингером и вообще вышел из типографии Холлингера. Сообщаю тебе *дословный текст* клятвенного заявления

этого *Bue* перед судьей на Bowstreet. Я получил *официально* заверенную копию этого заявления. Другая копия уже отправлена в Берлин, для прокуратуры.

Считаю излишним хоть *одним словом комментировать* этот документ.

Прошу тебя *никому* пока не показывать копию Affidavit ¹. Какие последствия повлекут за собой эти показания, если дело будет передано здесь, в Англии, в *Уголовный суд*, для тебя, конечно, ясно ².

Твой К. М.

[Приложение. Копия Affidavit Bue:]

«В первых числах ноября истекшего года — я не помню точно даты — между 9 и 10 часами вечера я был поднят с постели г. Ф. Холлингером, в доме которого (3, Litchfieldstreet, Soho) я жил тогда и у которого я работал в качестве наборщика. Он передал мне бумагу, в которой говорилось, что в течение предыдущих 11 месяцев я *непрерывно* работал у него и что в течение этого времени в типографии г. Холлингера, 3, Litchfieldstreet, Soho, *не* набирался и не печатался какой-то немецкий памфлет («Предостережение»). Растерявшись и не сознавая значения того, что я делаю, я исполнил его желание, переписав и подписав этот документ. Г-н Холлингер обещал мне денег, но я ничего не получил от него. Во время этой сделки г. Карл Блинд, как сообщила мне потом моя жена, ожидал в комнате г. Холлингера. Несколько дней спустя г-жа Холлингер (жена г. Ф. Холлингера) оторвала меня от обеда и повела в комнату своего мужа, где я застал одного только г. Карла Блинда. Он предъявил мне тот же документ, который предъявил мне раньше г. Холлингер, и настойчиво просил меня написать и подписать вторую копию, так как он нуждается в двух копиях — одной для себя самого, а другой для опубликования в печати. Он прибавил, что отблагодарит меня за это. Я снова переписал и подписал документ.

Сим я заявляю правдивость вышеизложенного и далее, что:

1) из упомянутых в документе 11 месяцев я в течение *шести* недель работал *не* у г. Холлингера, а у некоего г. Эрмани.

2) Я *не* работал у г. Холлингера как раз в то время, когда был издан памфлет («Предостережение»).

3) Я слышал тогда от г. Фегеле, который работал в то время у г. Холлингера, что он, Фегеле, вместе с самим г. Холлингером набирал указанный памфлет и что рукопись была написана почерком г. Блинда.

4) Набор памфлета стоял еще, когда я снова стал работать у г. Холлингера. Я сам переверстал его для перепечатки летучки (или памфлета) «Предостережение» в немецкой газете «Volk», печатавшейся в Лондоне у г. Фиделио Холлингера, 3 Litchfieldstreet, Soho. Летучка появилась в № 7 газеты «Volk» от 18 июня 1859 г.

¹ Заявление перед судьей, заменяющее показание под присягой.

² В рукописи последний абзац письма стоит после копии Affidavit.

5) Я видел, как г. Холлингера дал г. Вильгельму Либкнехту, живущему 14, Churchstreet, Soho, в Лондоне, корректурный лист памфлета «Предостережение», на котором г. Карл Блинд *собственноручно* исправил 4 или 5 опечаток. Г-н Холлигер колебался, дать ли корректурный лист г. Либкнехту, и лишь только г. Либкнехт удалился, он выразил мне и работавшему вместе со мной Фегеле сожаление, что выпустил из рук корректурный лист.

Иоганн-Фридрих Вие.

Заявлено и подписано вышеозначенным Иоганном-Фридрихом Вие в полицейском управлении Bowstreet, Лондон, 8 февраля 1860 г. в присутствии моем, Дж. Генри, судьи названного управления.

Полицейское управление. Герб Англии, Bowstreet.

188.

Маркс — юстицирату Веберу
в Берлин.

Лондон, 13 февраля 1860 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Милостивый государь!

На прошлой неделе я написал одному другу в Берлин с просьбой указать мне адвоката для ведения *дела о клевете*, которое я должен возбудить против берлинской «Nationalzeitung». Сегодня я получил ответ, в котором мой друг указывает на Вас, господин юстицират, как на наиболее крупного берлинского адвоката.

Поэтому я беру на себя смелость просить Вас выступить в качестве моего адвоката по делу о клевете, подробности которого я излагаю ниже.

Если предварительный *аванс* в 15 талеров, который я при сем прилагаю, недостаточен, то, пожалуйста, *телеграфируйте*, — я тогда немедленно дошлю требуемую сумму.

Прилагаю мою доверенность и надеюсь, что этого документа будет достаточно.

Я убедительно прошу Вас *немедленно же* подать в суд, чтобы не упустить *законного срока*, а также известить меня *по телеграфу*, беретесь ли Вы предпринять необходимые шаги.

Одновременно я возбудил здесь в Лондоне иск за клевету против «Daily Telegraph», так как эта газета воспроизвела по-английски пасквиль «Nationalzeitung».

С совершенным почтением преданный Вам

д-р Карл Маркс. (См. на обороте.)

Статьи «Nationalzeitung», на которые указывается в настоящем письме, помещены в № 37 (от воскресенья 22 января 1860 г.) и № 41 (от среды 25 января 1860 г.). Обе статьи передовые. Я еще буду иметь случай охарактеризовать Вам в дальнейших сообщениях тот дух, которым проникнуты эти статьи. Что же касается *тех пунктов*, на основании которых я хотел бы возбудить обвинение в клевете и которые, по моему мнению, являются с юридической стороны наиболее важными, то они таковы:

1) в № 41 (*статья* озаглавлена «Как фабрикуются радикальные памфлеты») в конце третьего столбца говорится: «Блинд дважды категорически заявил в «Allgemeine Zeitung», что он не является автором (памфлета «Предостережение»), что он говорит это не в оправдание Фогта, с которым он не согласен, а против Маркса — Либкнехта — Бискамп... он (Блинд), очевидно, не входит в узкий круг партии Маркса. Нам кажется, что для этой партии было не трудно сделать его *козлом отпущения*, а чтобы *выставленное против Фогта обвинение имело вес*, оно должно было исходить от какого-нибудь определенного лица, которое отстаивало бы его. *Партия Маркса* очень легко могла *взвалить на Блинда авторство памфлета* вследствие того и после того, как он в *разговоре с Марксом* и в статье для «Free Press» высказался в аналогичном духе; *использовав эти высказывания и выражения Блинда*, можно было *с ф а б р и к о в а т ь памфлет* так, чтобы он выглядел как его (т. е. Блинда) изделие».

Итак, здесь меня прямо обвиняют в том, что я от имени другого лица *с ф а б р и к о в а л памфлет*. Далее: так как «Nationalzeitung» в той же самой статье (см. тот же самый столбец, выше) сама рассказывает своим читателям, что я прислал в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» «*свидетельское показание наборщика Фегеле*», в котором этот последний говорит, что «он знает почерк Блинда по прежним рукописям и сам набирал первую часть памфлета в типографии Холлингера, а сам Холлингер — вторую», то в том месте, которое я выше цитирую, «Nationalzeitung» лживо обвиняет меня не только в том, что я *с ф а б р и к о в а л памфлет*, которому я с целью обмана придал внешность блиндовского «*изделия*», но и прямо говорит, что я сознательно послал в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» *поддельный документ*. И как бы для того, чтобы увенчать этим свою страсть к клевете, газета продолжает: «На это Холлингер 2 ноября сообщает, что заявление, будто памфлет был напечатан в его типографии и будто автором его был Блинд, является злостным измышлением, что подтверждает

работавший у него 11 месяцев наборщик Вие. Со своей всегдашней находчивостью Маркс в «Allgemeine Zeitung» от 15 ноября отвечает на это: «Заявление Холлингера просто смешно. Холлигер знает, что он нарушил английский закон, издав памфлет без указания места печатания». Кроме того, Маркс несколько раз ссылается на то, что еще до появления памфлета Блинд устно передавал ему его содержание и писал то же самое, что впоследствии было помещено в памфлете; ввиду сходства содержания и формы Блинд с самого же начала считался его автором». Чтобы поместить цитированное выше позорящее меня место, «Nationalzeitung» намеренно пропускает здесь наиболее важную в глазах юристов — в особенности английских юристов — часть моего заявления, напечатанного в приложении к аугсбургской «Allgemeine Zeitung» от 21 ноября 1859 г. Я прилагаю вырезку из аугсбургской «Allgemeine Zeitung», подчеркнув для Вас то место из моего заявления, которое было намеренно опущено «Nationalzeitung».

Согласно всем юридическим обычаям задача доказательства истинности позорящего меня обвинения, выдвинутого «Nationalzeitung», принадлежит самой «Nationalzeitung». Но я пришлю Вам судебные доказательства того, что обвинение ложно. Вы увидите, что согласно английскому закону я могу даже — если захочу — отправить теперь г-на Блинда на каторгу за «заговор» против меня.

2) В № 37 «Nationalzeitung», в передовой статье, озаглавленной «Карл Фогт и «Allgemeine Zeitung»», во втором столбце, говорится дословно следующее:

«На стр. 136 и сл. Фогт сообщает: Под именем «Серной банды» и л и также «Бюрстенгеймеров» среди эмиграции 1849 г. была известна группа лиц, которые сначала жили в различных местах Швейцарии, Франции и Англии, но затем постепенно собрались в Лондоне и признали своим официальным вождем г. Маркса».

Я пришлю Вам доказательства того, что здесь спутаны два совершенно различных Женевских общества, которые н и к о г д а не находились и не вступали со мной ни в какую связь. Но я считаю это несущественным. Наиболее важное место, которым я хочу обосновать второй пункт обвинения в клевете, следует дальше и гласит дословно следующее:

«Одним из главных занятий «Серной банды» (находящейся якобы под моим начальством) было так компрометировать проживавших

в отечестве лиц, что они должны были платить деньги, чтобы банда хранила тайну и не компрометировала их. В Германию было послано не одно, а сотни писем с угрозой разоблачить в причастности к тому или иному акту революции, если в определенный срок по указанному адресу не будет доставлена известная сумма». Пусть «Nationalzeitung» в доказательство этой безграничной подлости, в которой она меня обвиняет, предъявит суду не сотни писем, даже не одно письмо, а хотя бы одну единственную строку, свидетельствующую о подобном гнусном вымогательстве, — единственную строку, относительно которой можно было бы доказать если не то, что она исходит от меня самого, то хотя бы то, что она исходит от кого-либо, находившегося когда-либо в какой-либо связи со мной. В приведенном выше месте газета продолжает: «Согласно принципу: «кто не безусловно с нами, тот против нас», всякого выступавшего против этих интриг (т. е. против упомянутых выше угрожающих писем), не только компрометировали среди эмигрантов, но и «губили» в печати. «Пролетарии» (вождем которых меня изображают) заполняли столбцы реакционной печати Германии своими доносами на тех демократов, которые не признавали их; они стали союзниками тайной полиции во Франции и Германии».

«Nationalzeitung» легко будет, конечно, найти на «заполненных столбцах» реакционной прессы и указать хоть одну единственную строку, исходящую от меня или моих друзей и содержащую донос на кого-либо из «демократов».

Совершенно правильно, — и это единственный случай, — что Фердинанд Фрейлиграт написал сатирическое стихотворение против «революционного займа» г. Кинкеля и его «революционного путешествия» в Соединенные Штаты; стихотворение это он поместил сначала в нью-йоркской газете, издаваемой моим другом Вейдемейером, а затем в «Morgenblatt». Это, конечно, не было «доносом». А так называемая демократическая эмиграция (немецкая) действительно заполняла немецкую прессу глупейшими сплетнями обо мне. В том единственном случае, когда я счел нужным ответить, газета, которой я послал опровержение, не поместила его.

Единственная немецкая газета, в которой я писал после того, как вынужден был эмигрировать, была газета «Neue Oder Zeitung». Мои корреспонденции печатались приблизительно с начала января до июля 1855 г. Я ни разу, ни одним словом не упоминал в них об эмиграции.

Что касается корреспонденций Либкнехта в аугсбургской «Allgemeine Zeitung», в которых также ни разу не упоминалось об эмиграции и которые, между прочим (я имею в виду их содержание), делают ему большую честь, то они меня абсолютно не касаются. Об этом я напишу Вам подробнее.

Мой союз с тайной полицией Германии и Франции является для меня, конечно, пикантной новостью.

3) В цитированном выше № 41, в статье «Как фабрикуются радикальные памфлеты» «Nationalzeitung» обвиняет «партию пролетариев», вождем которой она меня именует, — а следовательно и меня, — «в постыднейшем заговоре, в массовой фабрикации фальшивых ассигнаций и т. д.», который якобы имел место в 1852 г. в Швейцарии, а также в подобных же «маневрах» в 1859 г., в результате которых немецкие государства «после заключения мира в Виллафранке» вынуждены были будто бы внести запрос в швейцарский «Союзный совет».

Позже я подробнее коснусь вопроса о том, что со всем этим я не имел абсолютно ничего общего и что с сентября 1850 г. я вообще прекратил всякую агитацию и еще во время кельнского процесса коммунистов (1851—1852 гг.) *распустил* общество коммунистов, к которому я принадлежал, и с тех пор не принадлежу ни к какому тайному или открытому обществу. Намеренная клевета газеты «Nationalzeitung» также и в этом пункте явствует из того, что уже из материалов кельнского процесса коммунистов она должна была знать, что я сам через кельнских адвокатов разоблачил действовавшего в 1852 г. в Швейцарии субъекта как полицейского агента и что субъект этот, — что вынужден был признать сам Штибер, — с 1850 г. находился со мной во враждебных отношениях. В случае необходимости, я приведу доказательство того, что этот субъект (Шерваль, настоящее имя которого Кремер) никогда, даже и до 1850 г., не был со мной связан.

4) Последний пункт обвинения в клевете следует обосновать следующим местом в № 41, в статье «Как фабрикуются радикальные памфлеты», столбец 2, где говорится:

«Откуда брались деньги для столь щедро раздаваемой газеты (речь идет об издававшейся в Лондоне газете «Volk») — одним богам известно, но что у Маркса и Бискампа лишних денег нет — об этом известно и людям.»

Эта фраза, если ее связать с общим духом обеих передовых статей, где меня изображают как лицо, действующее заодно с тайной полицией, реакционерами и «Серной бандой», вымогавшей

деньги путем шантажа и угроз разоблачения революционной деятельности, намекает на то, что я доставал деньги для газеты «Volk» нечестным и гнусным путем. Пусть «Nationalzeitung» докажет это. Я же сообщу Вам факты о деньгах, добытых мною для «Volk», а если это понадобится, и вообще о моем финансовом положении, которое представляется сомнительным г. Цабелю, — факты, которые могут доказать совершенно *обратное* тому, что говорится в гнусных инсинуациях «Nationalzeitung».

Я прошу Вас в Вашем ответе указать мне одновременно те пункты, относительно которых Вам нужны дополнительные разъяснения.

P. S. Чтобы не опоздать с отправкой этого письма, я отошлю Вам *доверенность* позднее—завтра, а если удастся, еще сегодня вечером, отдельным пакетом.

189.

Энгельс — Францу Дункеру

в Берлин¹.

Манчестер, 20 февраля 1860 г.
6, Thorncliffe Grove, Oxford Road.

Милостивый государь!

Ваше письмо от 13 числа я получил, но прилагаемую при сем рукопись могу отослать, к сожалению, только сегодня. Я думаю, что в ней не более трех печатных листов.

Ваши оговорки из-за сомнений принципиального характера я не вполне понимаю, разве только что Вы вообще хотите воздержаться от принятия решения, пока не увидите рукописи. Я не могу представить себе, чтобы Вы желали брать на себя моральную, логическую и эстетическую ответственность за все то, что у Вас выходит, начиная с Маркса и кончая Яковом Венедеем или от Лассалья до [Паллеске ?]², или чтобы Вы хотели приспособить свое издательство к тенденциям «Volkszeitung», о которых я не могу судить, так как «Volkszeitung» в Манчестере не получается. Но если Ваши принципиальные сомнения находятся в связи с брошюрой Лассалья об Италии, которая действительно не соответствует моему пониманию этого вопроса, то я, конечно, отдаю должное подобным соображениям с Вашей стороны. Но я знаю также, что Лассаль первый был бы против того, чтобы с этими соображениями

¹ Копия.

² Фамилия неразборчива.

считаться. Поэтому я пишу Лассалю, так как убежден, что он сочтет себя оскорбленным, если о нем подумают, что он способен хотя бы в малейшей мере помешать опубликованию сочинения, которое расходитсЯ с его пониманием данного предмета.

В том случае, однако, если размеры брошюры или высказанные в ней принципы покажутся Вам неприемлемыми для Вашего издательства, я прошу Вас *в течение 24 часов с момента получения* брошюры переслать ее

скультору г. В. Шурперу.

Linienstrasse, 173, Берлин.

Письмо [...] ¹ я переслал.

С уважением, преданный Вам

Фридрих Энгельс.

190.

Энгельс — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

Манчестер, 20 февраля 1860 г.

6, Thorncliffe Grove, Oxford Road.

Дорогой Лассаль!

Большое спасибо за присылку фогтовской мазни. Подробнее об этом ниже.

Дункер, вероятно, сообщил Вам, что я предложил ему нечто вроде продолжения брошюры «По и Рейн», которое он и принял, сделав оговорку насчет «сомнений принципиального характера». Хотя для меня и ново, что за принципы, излагаемые в том или ином сочинении, отвечает издатель, а не автор, тем не менее я все же старался, хотя и тщетно, уяснить себе, что он под этим подразумевает. Ведь не стремится же Дункер к тому, чтобы его издательство было простым продолжением «Volkszeitung», которую я, между прочим, здесь так и не вижу. Наконец мне пришло в голову, что Дункер, может быть, пронюхал, что по итальянскому вопросу я придерживаюсь иного взгляда, чем Вы, и сделал эту оговорку вследствие чрезмерно деликатного отношения к Вашей брошюре. Я убежден, что если это действительно так, то мне достаточно обратить на это Ваше внимание и Вы успокоите *на этот счет* Дункера. Я знаю, что при Вашей объективности Вы сочли бы себя оскорбленным, если бы кто-либо предположил, что Вы способны хотя бы в малейшей степени пожелать, чтобы его работа не была напечатана только потому, что она в таком вопросе

¹ Фамилия неразборчива.

противоречит Вашим взглядам. Но правде сказать, я долго раздумывал, прежде чем решился обратить Ваше внимание на это, так как боялся, что вы можете рассердиться на меня уже за одно то, что я допускаю возможность подобных предположений даже у других. Но мне не остается ничего иного, потому что иначе объяснить себе колебаний Дункера я не могу.

Справиться с Фогтом ничего не стоит. С этой старой чепухой, которую снова вытаскивают на свет и с которой мы покончили еще восемь лет тому назад (о чем женевский обыватель в своем медвежьем углу ничего не знает), мы разделаемся таким образом, что от всего этого останется одна только присущая Фогту вонь.

Впрочем, заявления Блинда, Бискампна и особенно Лупуса уже настолько скомпрометировали этого субъекта, что если и дальше дело пойдет таким образом, то нам, право же, нечего будет делать. Ко всему этому присоединяется еще заявление Шайбля о происхождении памфлета «Предостережение». Это заявление сводит на-нет весь аугсбургский процесс и принудит в конце концов Фогта вести процесс в Лондоне, если он захочет доказать обратное. Нам пришлось, конечно, в связи с этим снова перерыть весь наш архив, где можно найти историю всей демократической шайки, историю, с помощью которой мы можем покончить с любым из них. Мы еще ему покажем, этому невежде Фогту с его теховским письмом (которое он к тому же украл) и его мелочной женевской сплетней, хотя он и воображает, что мы, прочие, так же невежественны, так же подлы и так же трусливы, как он.

С дружеским приветом

Ваш *Энгельс*.

191.

Маркс — в редакцию газеты «Allgemeine Zeitung»
в Аугсбург.

(Черновик.)

Манчестер, 21 февраля 1860 г.
6, Thorncliffe Grove, Oxford Road.

В редакцию аугсбургской «Allgemeine Zeitung».

(Личное письмо.)

В одном из двух писем, полученных мною от редакции аугсбургской «Allgemeine Zeitung» и датированных 16 октября 1859 г., говорится дословно следующее:

«Будьте уверены, что мы с *особой признательностью* восполь-

взвешивая всяким случаем, чтобы выразить Вам, глубокоуважаемый г. Маркс, нашу *благодарность*».

Что я не желал и не ждал от аугсбургской «Allgemeine Zeitung» ни «благодарности» ни «особой признательности», достаточно ясно доказывает мое ответное письмо от 19 октября. Но чего я *специально* в данном случае ожидал — это, по крайней мере, самой обыкновенной справедливости, в которой не решится отказать ни одна английская газета, какого бы направления она ни была.

«Особая признательность» и «благодарность» проявились в следующем:

1) Мое первое заявление *не* было напечатано. Вместо него было напечатано наглое заявление Блинда вместе с двумя ложными свидетельскими показаниями, полученными путем сговора. Гамбургская «Reform» напечатала мое заявление немедленно.

2) Мне пришлось прибегнуть к известному давлению, чтобы добиться помещения моего ответного заявления против Блинда. При этом, вопреки моему законному требованию, оно не появилось там же, где были помещены нападки Блинда, т. е. в основном выпуске газеты.

3) Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» помещает второе заявление Блинда, в котором он имеет наглость называть мои слова грубой ложью и опять сослаться на два свидетельских показания, Вие и Холлингера, которые представляют собой уголовно наказуемые деяния. Газета заявляет, что считает вопрос исчерпанным и лишает меня возможности ответить.

4) 6 февраля я посылаю в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» свое последнее заявление вместе с английским циркуляром. Достопочтенная редакция откладывает его в сторону и вместо этого печатает заявление Блинда, *которое было написано в результате моего циркуляра*. Газета, правда, поостереглась перепечатать *billet doux* [любовную записочку], которую приложил этот великий дипломат. Далее, она печатает заявление Бискампя, датированное тремя днями позже моего (а именно: Лондон, 9 февраля). Наконец, после того, как газета убедилась, что мое заявление давно напечатано в «Kölnische Zeitung», «Volkszeitung» и т. д., она решилась напечатать его, но... при этом любезно взяла на себя смелость *подвергнуть* меня *цензуре* и внести в него произвольные изменения. В 1842 — 1843 гг. я подвергался в Кельне двойной королевско-прусской цензуре, но никогда не предполагал, что в 1860 г. мне еще придется попасть под цензуру д-ра Кольба и К^о.

Я считаю совершенно бесполезным характеризовать более подробно подобное поведение.

К. Маркс.

192.

Маркс — юстицрату Веберу
в Берлин.

Манчестер, 21 февраля 1860 г.
6, Thorncliffe Grove, Oxford Road.

Глубокоуважаемый г. юстицрат!

Я не послал Вам доверенности сразу же после моего первого письма, потому что в том же письме я дополнительно просил Вас телеграфировать мне. Я ждал несколько дней и счел затем более целесообразным подождать до того срока (т. е. до вчерашнего дня, 20 февраля), когда могло прийти в Лондон Ваше ответное письмо из Берлина.

Так как письмо не пришло, а, с другой стороны, Вы телеграфно не отклонили моей просьбы выступить в качестве моего адвоката, то я считаю, что Вы приняли мое предложение, и, во избежание дальнейшей потери времени, посылаю Вам настоящим заказным письмом:

1) Доверенность,

2) 7 приложений, *вместе с переводом* их в тех случаях, когда оригинал написан по-английски.

Приложения эти следующие:

1) Affidavit А. Фегеле.

2) Affidavit И. Ф. Вие.

3) Мой, направленный против Блинда, английский циркуляр.

4) и 5) 2 письма ко мне аугсбургской «Allgemeine Zeitung» по этому делу.

6) Заявление д-ра Шайбля в лондонской газете «Daily Telegraph» от 15 февраля 1860 г., стр. 5, столбец 5, параграф под заглавием «Памфлет Фогта».

7) Письмо К. Блинда Либкнехту от 8 сентября 1859 года.

Завтра, когда Ваше письмо, быть может, будет уже у меня, я позволю себе послать Вам комментарии к этим документам. Но с первого же взгляда Вы увидите, что подлое обвинение против меня в № 41 «Nationalzeitung», где я изображен анонимным составителем документов, выпускаемых мною под видом документов, написанных другими людьми, неопровержимо может быть *разоблачено* перед судом как гнусная клевета.

Относительно *Affidavit* (заявлений, сделанных перед судом и заменяющих показания под присягой) я замечу следующее:

Вы увидите, что в Affidavit, составляющем *приложение II*,

слова «под присягой» вычеркнуты судьей. Судья объяснил нам, что сделанное перед ним заявление считается заявлением, данным под присягой, и что ложное заявление приравнивается к уголовному преступлению и наказуется ссылкой, но что, согласно английскому праву, настоящая присяга может даваться только в присутствии обвиняемого.

Все остальное я откладываю до завтрашнего дня.

Остаюсь с глубоким уважением преданный Вам

д-р Карл Маркс.

Я не знаю, сколько времени я здесь останусь, и потому прошу адресовать все письма на мою квартиру: 9, Grafton Terrace, Maitland Park, Haverstock Hill, Лондон.

В доверенности я оставил незаполненное место, чтобы проставить там имена редакторов «Nationalzeitung».

193.

Маркс — Фердинанду Фрейлиграту

в Лондон.

Манчестер, 23 февраля 1860 г.¹

6, Thorncliffe Grove, Oxford Road.

Дорогой Фрейлиграт!

Пишу тебе еще раз, притом в последний раз, по делу Фогта. Ты даже не подтвердил получения моих первых двух писем, что ты сделал бы по отношению к любому филлистеру. Я не могу понять, как мог ты вообразить, будто я хочу добиться от тебя письма с целью его опубликования. Тебе известно, что у меня есть не менее двух сотен твоих писем, в которых достаточно материала, чтобы — в случае надобности — установить твое отношение ко мне и к партии. Я пишу тебе это письмо потому, что ты, как поэт, да к тому же еще и очень занятой человек, ошибаешься, повидимому, относительно значения процессов, возбужденных мною в Лондоне и Берлине. Они имеют решающее значение для исторического оправдания партии и для ее будущего положения в Германии; значение берлинского процесса увеличивается еще тем, что одновременно с ним будет разбираться процесс Эйхгофа — Штибера, в центре внимания которого будет кельнский процесс коммунистов.

Претензии, которые ты можешь иметь ко мне:

- 1) Я злоупотребил твоим именем (как ты сказал Фаухеру).
- 2) Я устроил тебе в твоей конторе нечто вроде «сцены».

¹ У Маркса ошибочно — 1850 г.

К п. 1. Я сам *никогда* не называл твоего имени, если не считать того, что в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» я заявил, что Блинд рассказал тебе приблизительно то же самое, что и мне. *Это факт*. Я с самого начала сознавал, как важно указать на *истинное происхождение* памфлета, и я имел *право* сослаться на свидетеля, слышавшего слова Блинда.

Что касается письма *Либкнехта* в редакцию аугсбургской «Allgemeine Zeitung», в котором он ссылается на тебя и на меня (по поводу Блинда), то в случае надобности он *клятвенно* подтвердит, что сделал это *без моего ведома*; точно так же *без моего ведома во время моего пребывания в Манчестере* он послал в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» памфлет «Предостережение». Когда аугсбургская «Allgemeine Zeitung», привлеченная Фогтом к ответственности, обратилась к Либкнехту, он еще сомневался, не воспользуюсь ли я возможностью дезавуировать его, и даже удивился, когда я сразу же заявил ему, что всемерно буду ему помогать.

В адресованном тебе письме я встал на его защиту, возражая против твоего письма к нему, просто потому, что мне показалось невеликодушным с твоей стороны, со стороны человека с именем и общественным положением, обрушиваться в такой резкой форме на безвестного и ютящегося в мансарде члена партии, с которым ты был до того в самых хороших отношениях.

А что касается раздраженного тона моего письма, то это объяснялось различными обстоятельствами.

Прежде всего меня глубоко задело, что ты, повидимому, веришь Блинду больше, чем мне.

Во-вторых, из твоего письма ко мне по поводу «Morning Advertiser» (в связи со статьей о шиллеровских торжествах), письма, написанного в весьма раздраженном тоне, как будто вытекало, что ты считаешь меня способным на такую гнусность, чтобы я не только тайком втиснул в статью Блинда оскорбительное для тебя место, но и изобразил это затем тебе как выходку Блинда. Право, не знаю, чем мог я заслужить такое позорное для меня подозрение.

В-третьих, мое личное письмо к тебе ты показал Блинду.

Наконец, я в праве был ожидать, в особенности после статьи в «Gartenlaube», что ты к своему заявлению в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» добавишь хотя бы одно замечание, которое рассеяло бы видимость того, что это заявление знаменует личный разрыв со мной и публичное отречение от партии. Не могло меня радовать и то, что твое второе заявление появилось вместе с заявлением Блинда и что твое имя служило прикрытием его лживым утверждениям и искаже-

ниям. Как бы то ни было, даю тебе *честное слово*, что *все* заявления Либкнехта в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» до их появления в газете были мне *совершенно неизвестны*.

К п. 2. Как раз в тот день, когда я заходил в твою контору, я получил из Берлина оба номера «Nationalzeitung» (в первом из них были напечатаны гнусные выдержки и комментарии, которые появились впоследствии в «Telegraph»). Дома все были крайне возбуждены, и состояние моей бедной жены было поистине ужасно. В то же время я получил из Германии письмо, в котором мне сообщали, что кроме твоих заявлений в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» есть еще твое письмо в гнусной книге Фогта. Из этого письма видны твои близкие отношения с Фогтом и выясняется, что твое имя — это единственное значительное имя, на котором Фогт наживает политический капитал и которое придает его гнусностям вес в глазах публики. Представь себя в моем положении и спроси себя, не потерял ли бы и ты в этот момент самообладание?

Повторяю еще раз: в письме этом речь идет не о *частных интересах*. В лондонском процессе я могу без твоего разрешения добиться обязательного вызова тебя в суд в качестве свидетеля. Для берлинского процесса я имею в своем распоряжении твои письма, которые в случае надобности могу приобщить к делу. В этом деле я отнюдь не одинок. Постыдное нападение Фогта создало мне во всех странах — в Бельгии, Швейцарии, Франции и Англии — неожиданных союзников, даже в лице людей, принадлежащих к совершенно иным направлениям.

Но в наших общих интересах и в интересах самого дела лучше действовать согласованно.

С другой стороны, откровенно признаю, что я не могу решиться из-за незначительных недоразумений потерять одного из тех немногих людей, кого я любил как *друга* в подлинном смысле этого слова.

Если я чем-либо перед тобой виноват, то я в любое время готов признаться в своей ошибке. *Nihil humanum a me alienum puto* [ничто человеческое мне не чуждо].

Я вполне понимаю, конечно, что в твоем теперешнем положении всякая история вроде этой должна быть тебе крайне неприятна.

Но ты, со своей стороны, не можешь не согласиться с тем, что оставить тебя совсем в стороне от этого дела *невозможно*.

Во-первых, потому уже, что Фогт наживает на твоём имени

политический капитал и делает вид, что он, с твоего одобрения, забрасывает грязью всю партию, которая гордится тем, что считает тебя в своих рядах.

К тому же, случайно, ты являешься единственным из членов бывшего кельнского Центрального комитета, который жил с конца 1849 г. до весны 1851 г. в Кельне, а с тех пор находится все время в Лондоне.

Если мы оба сознаем, что мы, каждый по-своему, отбрасывая всякого рода личные интересы и исходя из самых чистых побуждений, в течение долгих лет несли знамя «класса, наиболее обремененного трудом и нуждой», подняв его на недостижимую для филистеров высоту, то я считал бы за недостойное прегрешение против истории, если бы мы разошлись из-за пустяков, которые все в конце концов сводятся к недоразумениям.

С искреннейшей дружбой

твой *Карл Маркс.*

194.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

Манчестер, 23 февраля 1860 г.

6, Thorncliffe Grove, Oxford Road.

Дорогой Лассаль!

Сейчас, когда мне приходится вести два процесса, один в Берлине, другой в Лондоне, а с другой стороны, выполнять работу для заработка, я могу написать тебе только несколько строк.

То, что ты открыл в фогтовском романе «много правды», мне прямо-таки странно, после того как я просмотрел книгу; точно так же показались мне странными и те робкие советы, которые ты мне давал.

Единственное *не вполне вымышленное обстоятельство* — письмо Техова. Но это письмо, или, вернее, его содержание, я так основательно опроверг семь лет тому назад в памфлете, вышедшем в Нью-Йорке под заглавием «Рыцарь благородного сознания», что все крикуны, которые тогда держались еще вместе, прикусили языки и не осмелились возразить ни единого слова.

Что я от тебя хочу и что для меня чрезвычайно важно, — это узнать, кто является берлинским корреспондентом газеты «Daily Telegraph» и где живет эта скотина — улица и номер дома. Кажется, это один еврей по фамилии Мейер. При твоём положении в Берлине для тебя, конечно, не составит никакого труда разузнать это. По-

жалуйста, сообщи мне об этом немедленно. Прилагаю брошюру о процессе коммунистов.

Твой К. М.

P. S. Что касается моего *недоверия* (ты заставляешь меня говорить языком государственного мужа Блинда — см. аугсбургскую «Allgemeine Zeitung»), то ты во всяком случае не можешь на это пожаловаться. Я посылаю тебе, например, вместе с этим письмом записку из Балтимора (Соединенные Штаты). Эту записку я получил частным путем. Официальные обвинения против тебя (между прочим, показания одной рабочей депутации из Дюссельдорфа) находятся в бумагах Союза, которые мне не принадлежат и которыми я не могу распоряжаться.

195.

Маркс — юстирату Веберу

в Берлин.

Манчестер, 24 февраля 1860 г.
6, Thorncliffe Grove, Oxford Road.

Милостивый государь!

Меня удивляет, что и вчера я не имел из Берлина уведомления о получении Вами посланного Вам 13 февраля заказного письма.

Вчера я послал Вам отсюда — из Манчестера — второе заказное письмо с доверенностью и семью приложениями. Сегодня я позволю себе, ссылаясь на упомянутые нумерованные приложения, сделать несколько дальнейших замечаний по поводу тех главных пунктов, на которых необходимо, по моему мнению, сосредоточить внимание при предъявлении обвинения берлинской «Nationalzeitung». Одновременно я прилагаю письмо от 19 ноября 1852 г. и 1 экземпляр опубликованных мною в 1853 г. «Разоблачений»¹.

I) а) *Анонимный памфлет «Предостережение».*

В № 41 берлинской газеты «Nationalzeitung», в передовой, озаглавленной «Как фабрикуются радикальные памфлеты», на стр. 1, в столбце 3, буквально сказано:

«*Партия Маркси* очень легко могла свалить авторство памфлета на Блинда вследствие того и после того, как он в *разговоре с Марксом* и в статье для «Free Press» высказался в аналогичном духе; используя эти высказывания и выражения Блинда, можно было

¹ «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов».

так *сфабриковать* памфлет, чтобы он выглядел, как *его* (т. е. Блинда) изделие». И вообще весь смысл этого столбца заключается в том, чтобы изобразить меня *человеком, сфабриковавшим* указанный памфлет, и в то же время бросить мне подлое обвинение в том, что я придал этому памфлету такой вид, будто он *сфабрикован Блиндом*.

Прежде чем перейти к доказательствам, содержащимся в посланных вчера приложениях, я считаю необходимым вкратце сообщить Вам историю этого дела.

Во время своего судебного процесса с Фогтом аугсбургская «Allgemeine Zeitung» опубликовала среди прочих документов следующее мое письмо:

Лондон, 19 октября 1859 г.

9, Grafton Terrace, Maitland, Haverstock Hill.

Милостивый государь!

«Пока я участвовал в немецкой прессе, я нападаю на «Allgemeine Zeitung», а «Allgemeine Zeitung» нападала на меня. Но это, конечно, отнюдь не мешает тому, чтобы я по мере сил помог «Allgemeine Zeitung» в том случае, когда она выполняет, по моему убеждению, *первую* обязанность прессы, — обязанность разоблачать шарлатанство. Прилагаемый документ имел бы в Лондоне значение *судебного* документа. Не знаю, так ли это в Аугсбурге. Я достал этот документ ввиду того, что Блинд отказался подтвердить сделанные им мне и другим лицам заявления, о которых я рассказал Либкнехту и которые не оставили у последнего никаких сомнений относительно разоблачений, содержащихся в анонимном памфлете. Преданный Вам д-р К. Маркс».

Документ, приложенный к этому письму в «Allgemeine Zeitung» и тоже опубликованный последней, гласит:

«Настоящим заявляю в присутствии д-ра Карла Маркса и Вильгельма Либкнехта, что памфлет под названием «Предостережение», появившийся анонимно и без указания места печатания и перепечатанный в № 7 газеты «Volk», 1) был набран и напечатан в типографии Фиделио Холлингера, 3, Litchfieldstreet, Soho, причем одну часть рукописи набирал я сам, а другую — Ф. Холлигер; 2) что рукопись была написана почерком Карла Блинда, который известен мне по рукописям Карла Блинда для газеты «Hermann» и по написанным Карлом Блиндом анонимным памфлетам, на которых в качестве места печатания указывался «Франкфурт-на-Майне», между тем как на самом деле они набирались и печатались у Ф. Холлингера, 3, Litchfieldstreet, Soho; 3) что сам Фиделио Холлигер указывал мне на Карла Блинда как на автора направленного про-

тив проф. Фогта памфлета «Предостережение». *Август Фегеле*, наборщик. Подлинность настоящей подписи удостоверяют *В. Либкнехт*, д-р *К. Маркс*.

Лондон, 17 сентября 1859 г.

(См. брошюру Фогта: «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung». Документы, стр. 30 — 31.)

В ответ на это в № 313 «Allgemeine Zeitung» и в газете «Kölnische Zeitung» появилось следующее письмо Карла Блинда вместе с приложенными к нему показаниями Холлингера и Вие.

«Лондон, 3 ноября 1859 г.

23 Townshead Road, St. John's Wood.

В опровержение заявления, будто я являюсь автором памфлета «Предостережение», я публикую нижеследующий документ. Я делаю это только ради самозащиты, а не ради оправдания Карла Фогта, образ действий которого после всего того, что нам стало известным полгода тому назад, я и мои друзья из республиканской партии безусловно осуждаем. Я могу удостоверить правильность сообщения господина Юлиуса Фребеля, что со стороны Фогта здесь действительно делались предложения денежного вознаграждения с целью побудить здешних немцев воздействовать в известном смысле на отечественную прессу. *Карл Блинд*».

а) «Настоящим заявляю, что утверждение наборщика Фегеле, приведенное в № 300 «Allgemeine Zeitung», будто упомянутый там памфлет «Предостережение» напечатан в моей типографии или будто автором этого памфлета является г. Карл Блинд, представляет собой *злостный вымысел. Фиделио Холлингер*, 3 Litchfieldstreet, Soho, Лондон, 2 ноября 1859 г.»

б) «Я, нижеподписавшийся, живущий и работающий в течение 11 месяцев в д. № 3 на Litchfieldstreet, подтверждаю, со своей стороны, правильность заявления господина Холлингера. Лондон, 2 ноября 1859 г. *И. Ф. Вие*, наборщик». (Ср. названную книгу Фогта, Документы, стр. 37 и 38.)

Я ответил на это в № 325 «Allgemeine Zeitung». Соответствующую вырезку из «Allgemeine Zeitung» я приложил к моему письму Вам из Лондона.

Карл Блинд, со своей стороны, поместил новое возражение в приложении к «Allgemeine Zeitung» от 11 декабря. В этом приложении редакция заявляет: «Г-н Карл Блинд говорит в основном следующее: *«Ссылаясь вторично на документы, подписанные*

владельцем типографии Холлингером и наборщиком Вис, я в последний раз заявляю, что носящее теперь уже характер инсинуации утверждение, будто я автор этого часто упоминавшегося памфлета, — явная неправда. В других утверждениях на мой счет содержатся *грубейшие извращения*. Еще раз повторю, что заявляю это лишь с целью самозащиты против Маркса—Бискампа—Либкнехта, а не в оправдание Фогта, против которого я уже раньше выступал. По поводу этого заявления редакция «Allgemeine Zeitung» замечает следующее: «Так как дальнейшее выяснение этих обстоятельств и пререкания о них в этой газете давно потеряли всякий интерес для широкой публики, то мы просим лиц, коих это касается, отказаться от дальнейших взаимных возражений». (Ср. книгу Фогта, Документы, стр. 41, 42.) Опубликование документов временно на этом прекратилось. Как только я увидел статьи «Nationalzeitung», где приводились извлечения из памфлета Фогта и комментарии к ним, я прежде всего опубликовал английский циркуляр, который я направил редактору лондонской газеты «Free Press» (приложение III). Это было сделано с целью заставить К. Блинда возбудить против меня иск за оскорбление, что дало бы мне возможность, во-первых, вынудить его представить судебные доказательства относительно печатания и авторства памфлета «Предостережение», а во-вторых, заставить его предьявить английскому суду находящиеся у него в руках доказательства против Фогта.

Ближайшим следствием этого циркуляра (приложение III), который я немедленно, как только он был напечатан, отослал Карлу Блинду, было *заявление* К. Блинда, появившееся в «Allgemeine Zeitung» от 13 февраля в приложении к № 44. В этом заявлении, озаглавленном «*Против Карла Фогта*», Блинд снова повторяет, что он не является «автором» направленного против Фогта памфлета «Предостережение», но, вынужденный к этому моим циркуляром, он приводит некоторые доказательства того, что Фогт является агентом бонапартистской пропаганды в Лондоне. Таков был *непосредственный* результат первого предпринятого мною шага — опубликования циркуляра (приложение III).

Тем временем я достал Affidavit наборщиков Фегеле и Вие (приложение I и II). Эти Affidavit доказывают: *во-первых*, что мое утверждение относительно того, что памфлет «Предостережение» напечатан в типографии Холлингера и написан рукой Блинда, — *соответствует истине*. *Во-вторых*, что показания Холлингера и Вие, сообщенные Блиндом в № 313 «Allgemeine Zeitung» и в «Kölnische Zeitung» и затем снова приведенные им в приложении к «Allgemeine

Zeitung» от 11 декабря, — ложны. В-третьих, что Блинд и Холлинггер (см. Affidavit наборщика Вие, приложение II), составили «заговор», чтобы получить ложные показания против меня и опорочить меня в общественном мнении как лжеца и клеветника. По английскому закону такой заговор является *уголовным преступлением*. Единственно ради семьи Блинда я не возбудил против Холлингера и Блинда уголовного преследования.

Копии Affidavit (приложения I и II) обоих наборщиков, Фегеле и Вие, я послал некоторым эмигрантам, которые встречаются с Блиндом и которые показали ему их. *Непосредственным* результатом этого было заявление д-ра Шайбля в «Daily Telegraph» от 15 февраля 1860 г., в котором Шайбль называет себя *автором* памфлета «Предостережение» и берет на себя ответственность за заключающиеся там обвинения против Фогта (см. приложение VI). Поэтому, если Фогт хочет доказать свою невиновность, он должен начать процесс снова, и притом в Лондоне. Заявление Шайбля о том, что он является автором памфлета «Предостережение», не изменяет тех фактов, что памфлет был напечатан в типографии Холлингера, что печатать его дал Блинд, что памфлет был написан почерком Блинда, что представленные этим последним показания Холлингера и Вие были ложны и, наконец, что Холлинггер и Блинд пытались выпутаться сами и скомпрометировать меня посредством ложных показаний.

Нет нужды далее разъяснять Вам, что Affidavit Фегеле и Вие (приложение I и II) и заявление д-ра Шайбля в «Daily Telegraph» от 14 февраля (приложение VI) дают Вам положительные доказательства *ложности* клеветнического обвинения газеты «Nationalzeitung», которое я привел в п. 1 настоящего письма.

б) *Мои отношения с «Allgemeine Zeitung».*

Оба письма ко мне редакции «Allgemeine Zeitung» от 16 октября 1859 г. (приложения IV и V) и мой ответ на них от 19 октября 1859 г., цитированный выше *под пунктом Ia*, составляют *всю* мою переписку с «Allgemeine Zeitung». Она ограничилась, следовательно, только тем, что я предоставил в распоряжение «Allgemeine Zeitung» документ, который должен был выяснить *происхождение* памфлета и за перепечатку которого «Allgemeine Zeitung» была привлечена к суду Фогтом.

9 мая 1859 г., на публичном митинге, созванном Давидом Урклартом, К. Блинд сообщил мне все обвинения против Фогта, воспроизведенные впоследствии в памфлете «Предостережение», *который вышел в свет только в следующем месяце, в июне*. Он уверял меня, что в его руках имеются доказательства этих обвинений. Я не придавал

особого значения этому сообщению. Фогтовский памфлет, озаглавленный «Studien zur gegenwärtigen Lage Europas» [«Исследования о современном положении Европы»], далее связь Фогта с «жюневским тираном» Фази и связь Фази с Луи Бонапартом уже раньше убедили меня в том, что Фогт является бонапартистским агентом. Был ли он им с дурными или хорошими намерениями, за плату или бесплатно, мне было совершенно безразлично. Через два или три дня после сообщения Блинда ко мне на дом явился г. Бискамп, с которым я никогда не был связан ни лично, ни политически и которого привел ко мне Либкнехт. Бискамп просил, чтобы я и мои друзья оказали материальное и литературное содействие основанной им газете «Das Volk». Сначала я отклонил его предложение, сославшись, с одной стороны, на недостаток времени, а с другой стороны, на то, что я должен ближе познакомиться с газетой «Das Volk», прежде чем предлагать моим друзьям сотрудничать в ней, между тем как пока вышел еще только первый номер. При этом я подчеркнул, что до сих пор я вообще принципиально избегал участвовать в лондонских немецких газетах. Во время этого свидания я передал Либкнехту в присутствии Бискамп сообщение Блинда на уркартовском митинге. При этом я упомянул, что южные немцы из хвастовства склонны к преувеличениям. Впоследствии, в № 2 газеты «Volk» от 14 мая г. Бискамп поместил — под своей собственной ответственностью и с лично им сделанными дополнениями — статью под заглавием «Имперский регент в роли имперского изменника». Статья эта цитируется в брошюре Фогта «Мой процесс и т. д.» среди приведенных там документов на стр. 17, 18, 19. Затем, приблизительно в *середине июня*, в то время, когда меня не было в Лондоне — я находился в Манчестере, — Либкнехт получил от Холлингера, из типографии последнего, корректурный лист памфлета «Предостережение», который, как он сейчас же заметил, воспроизводил сделанное мне Блиндом устное сообщение и оригинал которого, как он узнал от наборщика Фегеле, передал Холлингеру для печатания Блинд. Этот корректурный лист Либкнехт послал в «Allgemeine Zeitung», которая перепечатала его и тем навлекла на себя со стороны Фогта обвинение в клевете. Либкнехт был тем более в праве это сделать (я ничего не знал об этом, так как меня не было в Лондоне), что ему было известно, что обвинитель Фогта Блинд сам приглашался Фогтом к участию в проведении намечавшейся пропаганды. Выступая против человека, который обещал уплачивать *премии* за все статьи в немецкой прессе, благоприятствующие планам Бонапарта (см. соответствующее признание Фогта

в его книге, письмо д-ру Ленингу, «Документы», стр. 36), необходимо было использовать в целях «предостережения» такие широко распространенные газеты, как «Allgemeine Zeitung».

Как только Фогт возбудил судебное преследование против «Allgemeine Zeitung» за перепечатку памфлета «Предостережение», редакция «Allgemeine Zeitung» написала Либкнехту, настоятельно прося его представить доказательства. Либкнехт обратился ко мне. Я указал ему на Блинда и по его требованию сам пошел с ним к Блинду, как Вы можете видеть из письма Блинда (приложение VII). Блинда мы не застали дома, он находился на взморьи в Сен-Леонард. Либкнехт написал ему два письма. В течение нескольких недель они оставались без ответа, вплоть до того момента, когда, по расчетам Блинда, аугсбургский процесс был близок к окончанию. (Эти расчеты не оправдались вследствие отерочки процесса, которой тем временем удалось добиться «Allgemeine Zeitung».) Наконец, в письме от 8 сентября (приложение VII) Блинд с развязным бесстыдством ответил Либкнехту, что «он совершенно не причастен к упомянутому делу, о чем он уже раньше заявлял», «а относительно замечаний, сделанных в частном разговоре, он *при случае* позже переговорит с ним устно». С этим письмом Либкнехт пришел ко мне.

Я понял, что теперь понадобится пустить в ход принуждение, чтобы развязать Блинду язык. Я вспомнил, что в лондонской газете «Free Press» от 27 мая я читал анонимную статью («Великого князя Константина прочат в короли Венгрии»), которая передавала в основном содержание памфлета «Предостережение» и сделанные мне Блиндом устные сообщения. Стиль и содержание этой статьи не позволяли ни на минуту усомниться в том, что автором ее был Блинд. Чтобы удостовериться в этом, я отправился вместе с Либкнехтом к г. Коллету, ответственному редактору «Free Press». После некоторого колебания он заявил, что автор упомянутой статьи — Блинд. Вскоре после этого я получил письменное заявление наборщика Фегеле, гласившее, что памфлет был напечатан в типографии Холлингера и что рукопись была написана почерком Блинда.

Тогда Либкнехт еще раз написал Блинду длинное письмо, в котором сообщил ему, что у нас есть теперь доказательства его причастности к памфлету «Предостережение» и, сославшись, между прочим, на статью в «Free Press», потребовал от него еще раз, чтобы тот представил имеющиеся в его распоряжении данные по этому делу. К. Блинд ничего не ответил и ни *до*, ни во время судебного разбирательства в Аугсбурге ни на одну минуту не нарушил своего молчания. Стало совершенно ясным, что Блинд

окончательно решил придерживаться системы отрицания и дипломатического игнорирования. *Ввиду этого* я заявил Либкнехту, что готов, если «Allgemeine Zeitung» письменно от меня этого потребует, переслать ей находящееся в моем распоряжении заявление Фегеле. Получив оба письма «Allgemeine Zeitung» от 16 октября, я так и сделал, приложив заявление к моему ответу от 19 октября.

Мотивы, побудившие меня к этому шагу, были следующие:

Во-первых: я считал, что Либкнехту, который от меня впервые услышал о сообщениях Блинда относительно Фогта, я обязан доставить доказательства того, что он не разглашал обвинений против третьих лиц, без достаточных на то оснований.

Во-вторых: я считал, что «Allgemeine Zeitung» имела полное право перепечатать памфлет «Предостережение», так как она знала, что он исходил от лица, которое сам г. Фогт старался привлечь к участию в проведении своей пропаганды. То обстоятельство, что «Allgemeine Zeitung» принадлежит к враждебной мне партии, всегда проявляла враждебное отношение лично ко мне и не раз публиковала даже глупейшие сплетни обо мне, — дела не меняло, так же как и то обстоятельство, что я случайно нахожусь *вне досягаемости* аугсбургского суда и «Allgemeine Zeitung» не имела возможности принудительно вызвать меня в суд в качестве свидетеля.

В-третьих: в приложении к № 150 бильской газеты «Handelskurier» от 2 июня (ср. стр. 31 «Документов» в книге Фогта) Фогт напечатал пасквиль против меня, предполагая, очевидно, что я являюсь автором направленной против него и опубликованной Бискампом в «Volk» от 14 мая статьи, точно так же, как в своем обвинении против «Allgemeine Zeitung» он исходил из предположения, что автором памфлета «Предостережение» являюсь я. Блинд, очевидно, решил увековечить это столь удобное для Фогта *qui pro quo* [подмену].

В-четвертых — и это было для меня самое важное: я хотел свести лицом к лицу Фогта и его обвинителей, и притом в такой обстановке, где дело непременно должно было прийти к развязке и где обе стороны лишены были бы возможности прибегать к каким-либо уверткам. Для этого важно было насильно вытащить на свет действительного автора и издателя памфлета «Предостережение».

Что я был прав, — доказывает заявление д-ра Шайбля (приложение VI) и цитированное выше письмо Блинда в «Allgemeine Zeitung» от 13 февраля в приложении № 44.

Моя переписка с «Allgemeine Zeitung» ограничивается двумя письмами д-ра Оргеса (приложение IV и V) и моим собственным выше приведенным (под пунктом Ia) ответным письмом от 19 октя-

бря. Этого оказалось достаточным, чтобы г. Фогт (и «Nationalzeitung») объявил меня сотрудником «Allgemeine Zeitung», а себя самого изобразил перед немецкой публикой в качестве невинной жертвы заговора «реакционеров» и крайних левых.

Корреспондентом «Allgemeine Zeitung» Либкнехт состоит с 1855 г., так же как и Фогт, который сам раньше был ее корреспондентом. В случае необходимости Либкнехт *под присягой* подтвердит, что я *никогда* не использовал его, чтобы протащить в «Allgemeine Zeitung» хотя бы одну строку. Его отношения с «Allgemeine Zeitung» меня абсолютно не касались и не касаются. Вообще его корреспонденции ограничиваются *исключительно* областью английской политики, и те взгляды, которые он отстаивает в «Allgemeine Zeitung», он отстаивал и отстаивает и в радикальных немецко-американских газетах. В его корреспонденциях нет ни единой строчки, которая не выражала бы *его* взглядов и которую, следовательно, он не мог бы отстаивать где угодно. В области *внешней* английской политики Либкнехт проводит приблизительно такие же антипальмерстоновские взгляды, какие проводит Бухер в берлинской «Nationalzeitung». В области *внутренней* английской политики он всегда отстаивал взгляды наиболее передовой английской партии. Он *ни разу* не написал в «Allgemeine Zeitung» ни единой строчки о лондонских эмигрантских сплетнях. Вот и все о моих мнимых связях с «Allgemeine Zeitung».

II) В № 41 «Nationalzeitung», в передовой статье, озаглавленной «Как фабрикуются радикальные памфлеты», стр. 1, столбец 2, строчка 45 и сл. сверху, дословно говорится следующее:

«В мае прошлого года упомянутый выше Бискамп основал в Лондоне газету «Das Volk»... *Откуда брались деньги для столь щедро раздаваемой газеты — одним богам известно, но что у Маркса и Бискампна лишних денег нет — об этом известно и людям.*

В свете всей статьи в № 41 и передовой в № 37 «Nationalzeitung», где меня изображают «союзником тайной полиции во Франции и Германии», и особенно в связи с местом, которое цитируется мною в пункте III, приведенное выше место имеет тот смысл, что деньги для «Das Volk» добывались мною *честным* путем.

По этому поводу надо заметить следующее:

Сам Фогт в своем памфлете, о котором говорится в «Nationalzeitung», на стр. 41 «Документов», составляющих начало его книги, *цитирует* следующую заметку от редакции, помещенную в № 6 «Volk» от 11 июня:

«Мы имеем удовольствие сообщить нашим читателям, что

К. Маркс, Фр. Энгельс, Ферд. Фрейлиграт, В. Вольф, Г. Гейзе и др.... *решили* оказывать поддержку газете «Volk».

Итак, до середины июня я не оказывал еще *никакой поддержки* газете «Volk», и ее *финансовое* положение до этого времени меня абсолютно не касается. Между прочим, я попутно могу заметить следующее: Бискамп, который жил тогда в Лондоне уроками, всегда редактировал «Das Volk» *даром*. Равным образом и все прочие сотрудники, начиная с первого номера и вплоть до закрытия газеты, присылали свои статьи *даром*. Поэтому единственные издержки, которые приходилось оплачивать, заключались в расходах по печатанию и рассылке. Но эти расходы всегда были значительно выше, чем получаемая от газеты выручка. До того, как я стал сотрудничать в газете, дефицит покрывался публичными сборами среди живущих в Лондоне немцев. Впоследствии я достал 20 — 25 ф. ст. (от 133 до 166 талеров), которые *все до единого* были даны в складчину д-ром Борхардтом, практикующим врачом, д-ром Гумпертом, тоже врачом, д-ром Гекшером, тоже врачом, Вильгельмом Вольфом, учителем, Фридрихом Энгельсом, купцом (все эти лица живут в Манчестере), и мною самим. Часть этих лиц совершенно не разделяет политических взглядов моих, Энгельса и В. Вольфа. Тем не менее, все они считали чрезвычайно своевременным выступить против бонапартистских интриг среди эмиграции (а это и было главной задачей «Volk»).

В конце концов за газетой «Das Volk» остался долг, кажется в 8 ф. ст. (53 талера), за который отвечает Бискамп. Долговой документ на эту сумму находится у Холлингера.

Вот и вся *финансовая история* «Das Volk».

Что касается г. Бискамп, то в *приложении к № 46 «Allgemeine Zeitung» от 15 февраля 1860 г.* он сам заявляет:

«Моя политическая связь с г. Марксом *ограничивается* несколькими журнальными статьями, которые он доставил для основанного мною еженедельника «Das Volk».

Что касается моих собственных источников дохода, то я замечу только, что с 1851 г. я являюсь постоянным сотрудником «New-York Tribune» — первой англо-американской газеты, для которой я пишу не только корреспонденции, но и передовые статьи. Газета эта насчитывает 200 000 подписчиков и платит соответствующим образом. Далее, уже в течение нескольких лет я состою сотрудником «Cyclopaedia Americana» [«Американской энциклопедии»], издаваемой г. Дана, одним из редакторов «New-York Tribune». Полагаю, что к судебному разбирательству я еще успею получить письмо от г. Дана

из Нью-Йорка. Но если это письмо не придет своевременно, то достаточно будет сослаться на г. Фердинанда Фрейлиграта, управляющего Швейцарским банком, 2, Royal Change Buildings, Лондон, который в течение многих лет любезно инкассировал мои векселя на Америку.

Бесстыдство Фогта и ставшей на его сторону «Nationalzeitung», берущих меня под подозрение из-за моего участия в газете, которая не платит, тем более велико, что тот же самый Фогт на стр. 226 своей книги, о которой говорится в «Nationalzeitung», открыто заявляет, что он:

и «в дальнейшем будет брать» на свои цели деньги «отовсюду, где он сможет их получить».

III) В № 37 «Nationalzeitung», в передовой статье, озаглавленной «Карл Фогт и «Allgemeine Zeitung»» (стр. 1, столбец 2, строка 22 и сл. сверху), говорится дословно следующее (это место я считаю наиболее отягчающим пунктом обвинения в клевете):

«На стр. 136 Фогт сообщает следующее: «Под именем «Серной банды» и л и т а к ж е «Бюрстенгеймеров» среди эмиграции 1849 г. была известна группа лиц, которые сначала жили в различных местах Швейцарии, Франции и Англии, но затем постепенно собрались в Лондоне и признали своим официальным вождем г. Маркса. Одним из главных занятий «Серной банды» было так компрометировать проживавших в отечестве лиц, что они должны были платить деньги, чтобы банда хранила их тайну и не компрометировала их. В Германию было послано не одно, а сотни писем, с угрозой разоблачить в причастности к тому или иному акту революции, если в определенный срок по указанному адресу не будет доставлена известная сумма... «Пролетарии» (вождем которых меня изображают) заполняли столбцы реакционной печати Германии доносами на тех демократов, которые не признавали их. Они стали союзниками тайной полиции во Франции и Германии».

По поводу этого гнусного места, которое «Nationalzeitung» без всяких оговорок заимствовала у г. Фогта и которое она распространила среди 9 000 своих подписчиков, замечу следующее:

Во-первых: как я уже заметил в моем первом письме к Вам, обязанностью «Nationalzeitung» будет привести из «сотен» угрожающих писем хотя бы одно единственное письмо или одну единственную строку письма, автором которого являюсь я или кто бы то ни было из действительно связанных со мною лиц.

Во-вторых: я повторяю то, что я уже сказал в моем первом письме: с июля 1849 г. я ни разу не писал ни в одной немецкой!

газете, за исключением бреславльской газеты «*Neue Oder Zeitung*» (1854 г.), в тот период, когда она редактировалась д-ром Эльснером и д-ром Штейном. Как показывают номера самой газеты и что несомненно подтвердят гг. Эльснер и Штейн, — я никогда не считал нужным хотя бы одним словом упоминать об эмиграции.

Пусть «*Nationalzeitung*» приведет хотя бы *один единственный столбец* из тех *столбцов* «реакционной прессы», которые были «заполнены» «доносами», исходящими от меня или моих друзей. Но что *верно* и может быть доказано, так это то, что значительная часть лондонской немецкой эмиграции в течение ряда лет систематически заполняла немецкие газеты всех оттенков сплетнями обо мне. Я же *никогда* не использовал своих связей с «*New-York Tribune*», с чартистскими газетами и с «*Free Press*», чтобы взять реванш.

Что касается «связи с тайной полицией во Франции и Германии», то главным агентом кинкелевского эмигрантского общества в Париже был долгое время Герфель — известный французский полицейский агент. Он, в свою очередь, находился в связи с Бекманом, состоявшим одновременно и прусским полицейским агентом, и корреспондентом газеты «*Kölnische Zeitung*». С другой стороны, Энглендер, точно так же известный французский полицейский агент, был долгое время парижским корреспондентом клики Руге. Таким образом, лондонская «демократическая эмиграция» — сама того не подозревая, разумеется, — полностью установила «связь с тайной полицией во Франции и Германии».

Наконец, Фогт, а вслед за ним и «*Nationalzeitung*» говорит о «людях, которые были известны в эмиграции 1849 г. под именем «*Серной банды*» и *ли, и иначе, Бюрстенгеймеров* и которые сначала жили в различных местах Швейцарии, Франции и Англии, а затем постепенно собрались в Лондоне и *признали* своим официальным вождем г. *Маркса*». Место это я считаю второстепенным, но для разъяснения и разоблачения клеветнических намерений Фогта и газеты «*Nationalzeitung*» замечу все же следующее:

«*Серной бандой*» называлось общество молодых немецких эмигрантов, которые в 1849 — 1850 гг. поселились в Женеве и устроили свою штаб-квартиру в «*Café de l'Europe*». Это общество не носило ни политического, ни социалистического характера, а представляло собою в настоящем смысле слова «*общество сорванцов*», которые сумасбродными выходками старались побороть первую горечь изгнания; оно состояло из: *Эдуарда Розенблюма* — студента-медика, *Макса Конгейма* — торгового служащего, *Корна* — химика и аптекаря, *Беккера* — инженера и *Л. С. Боркгейма* — студента и канонира. Я ни разу не видал ни одного из них, за исключением г. Беккера, с которым я од-

нажды встретился на демократическом конгрессе в Кельне в 1848 г. В середине 1850 г. члены этого общества, за исключением Корна, были высланы из Женевы и разъехались на все четыре стороны.

Приведенные выше сведения об этом *совершенно неизвестном мне раньше обществе* я получил благодаря любезности г. Боркгейма, стоящего сейчас во главе одного крупного торгового дела в Сити (44, Marklane). С самим г. Боркгеймом я познакомился только *около двух недель* тому назад, после того, как я обратился к нему с письменной просьбой сообщить мне эти данные.

Вот и все о «Серной банде».

Что касается «*Бюрстенгеймеров*», то это название было бранной кличкой, которую некий *Абт*, ныне секретарь епископа Фрейбургского, дал *Рабочему просветительному обществу в Женеве*. Дело в том, что одно общеэмигрантское общество, в котором наряду с бывшими франкфуртскими парламентариями находились также и члены (эмигранты) Рабочего просветительного общества, объявило Абта *бесчестным человеком*. В отместку он написал памфлет, в котором окрестил Рабочее просветительное общество «*Бюрстенгеймерами*»¹, так как председателем его состоял в то время один *цеточник* по имени Зауернгеймер. Это женевское Рабочее просветительное общество *не было связано* ни со мной, ни с лондонским коммунистическим обществом, к которому я принадлежал. Летом 1851 г. два члена этого общества — адвокат Шили, живущий теперь в Париже, и П. Имандт — профессор семинарии в Дэнди, были высланы швейцарскими властями; они отправились в Лондон, где вступили в руководимое тогда Виллихом и Шаппером рабочее общество, из которого через несколько месяцев, однако, вышли. Их отношение ко мне было отношением земляков и старых личных друзей. Единственный человек в Женеве, с которым я когда-либо поддерживал связь после моей высылки из Пруссии (1849 г.), был д-р Дронке, сейчас купец в Ливерпуле.

Итак, названия «*Серная банда*» и «*Бюрстенгеймеры*», так же как и обозначаемые ими два различных общества, имеют отношение *исключительно* к Женеве. Оба эти общества *никогда* не находились *ни в какой связи* со мной. В Лондоне о них впервые узнали из передовой статьи «*Nationalzeitung*», воспроизведенной в выдержках лондонской газетой «*Daily Telegraph*».

Моя связь с «Серной бандой» и «Бюрстенгеймерами» является, следовательно, сознательной ложью Фогта, которую распространяет «*Nationalzeitung*».

¹ Бюрсте — по-немецки щетка.

IV) «Nationalzeitung», в № 41, в передовой статье, озаглавленной «Как фабрикуются радикальные памфлеты», стр. 1, столбец 1, строка 49 сверху, пишет:

«Сначала Фогт говорит только о *«партии пролетариев», возглавляемой Марксом»*. Этим самым газета отождествляет меня с *«партией пролетариев»*, а потому *все*, что она говорит об этой партии, касается и *лично меня*. Между тем, дальше в той же статье, столбец 2, строка 18 и сл. сверху, говорится:

«Таким образом, в 1852 г. против швейцарских рабочих общества был затеян *постыднейший заговор* с массовой *фабрикацией фальшивых ассигнаций* (подробности см. у Фогта), — заговор, который причинил бы швейцарским властям величайшие неприятности, если бы он не был во-время раскрыт». Ниже, в том же самом столбце, стр. 33 сверху, говорится: «Партия пролетариев» питает особую ненависть к Швейцарии и т. д.».

Из кельнского процесса коммунистов в октябре 1852 г. и из моих «Разоблачений о кельнском процессе коммунистов» «Nationalzeitung» должно было быть известно (как знал это и Фогт), что я *никогда* не был связан с Шервалем, который в 1852 г. занимался якобы этими происками в Швейцарии (г. Карл Шаппер, живущий в Лондоне, 5 Percystreet, Bedfordsquare, который *до* кельнского процесса поддерживал отношения с Шервалем, готов дать все разъяснения по этому поводу). Она должна была знать, что *во время* кельнского процесса коммунистов я через адвокатов разоблачил Шерваля как союзника Штибера; что, по *вынужденным* показаниям самого Штибера, Шерваль в 1851 г., т. е. в то время, когда под руководством Штибера он составлял в Париже франко-немецкий заговор, принадлежал к *враждебному мне* обществу. Из книги Фогта, которой она посвятила две передовых статьи, «Nationalzeitung» знала что и *после* окончания кельнского процесса я в печатавшейся в Швейцарии брошюре «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов» изобличал Шерваля в шпионстве. Когда во время кельнского процесса Шерваль убежал якобы из парижской тюрьмы, а на самом деле приехал в Лондон в качестве шпиона, тогдашнее виллихо-шапперовское рабочее общество приняло его с распростертыми объятиями. Но в результате запроса о Шервале, который, по моим указаниям, адвокаты в Кельне (а именно Шнейдер II) сделали на судебном следствии Штиберу, он был исключен из общества.

Итак, со стороны Фогта и присоединившейся к нему «Nationalzeitung» было *бесстыднейшей* и вполне *сознательной клеветой* возлагать на меня ответственность за швейцарские подвиги, приписываемые

заведомо враждебному мне индивидууму, который был мною разоблачен и которого я преследовал. Фогт говорит о *«марксовских соратниках в Женеве»*, с которыми общался Шерваль. Но и теперь, как и в 1852 г., я не поддерживаю связей *ни с кем из живущих в Швейцарии*.

Повторяю то, о чем я Вам уже раньше писал: 15 сентября 1850 г. я и мои друзья отделились от той части лондонского Центрального комитета существовавшего тогда немецкого коммунистического общества (называвшегося «Союзом коммунистов»), которая под руководством Виллиха занялась игрой «демократической эмиграции» в революцию и заговоры (впрочем, игрой, чрезвычайно ребяческой и безопасной). Мы перенесли Центральный комитет в Кельн и не вели *никакой* переписки ни с какой частью континента, за исключением Кельна. Эта переписка, как доказал кельнский процесс, не содержала в себе ничего преступного. С весны 1851 г., как только в Кельне были арестованы отдельные члены общества, мы (т. е. лондонская часть общества) прервали *все и всяческие сношения с континентом*. Я продолжал переписываться только с одним лично мне неизвестным другом арестованных (*г. Бермбахом*, бывшим депутатом Франкфуртского национального собрания) *по вопросу об организации защиты*. Мои друзья в Лондоне собирались раз в неделю и принимали меры к тому, чтобы расстраивать бесстыдно применявшиеся и еженедельно возобновлявшиеся полицейские маневры Штибера. В середине ноября (1852 г.), *после* окончания кельнского процесса, я, с согласия моих друзей, объявил «Союз коммунистов» *распущенным* и с того времени вплоть до настоящего момента не принадлежал *ни к тайным, ни к открытым* обществам. *Фердинанд Фрейлиграт*, бывший членом коммунистического общества и находившийся с осени 1848 г. до весны 1851 г. в Кельне, а с весны 1851 г. до настоящего времени в Лондоне, может засвидетельствовать, что вышеприведенные утверждения в точности соответствуют истине. Впрочем, достаточным доказательством этого является прилагаемое письмо от 19 ноября 1852 г., найденное моим другом Ф. Энгельсом в его старых бумагах, на котором есть лондонский и манчестерский почтовые штемпели.

Прилагаемая брошюра, цитируемая Фогтом и газетой «Nationalzeitung», была мною напечатана в Бостоне (в Америке), после того как первое ее издание, вышедшее в Базеле у Шабелица тиражом в 2000 экземпляров, было конфисковано на баденской границе. Вы увидите из нее, так же как и из начавшегося в Берлине процесса Штибера — Эйхгофа, что коммунистическое общество, к которому я до середины 1852 г. принадлежал, не давало *достаточных данных* для

обвинения. А с другой стороны, я и мои лондонские друзья, несмотря на чрезвычайную ограниченность наших средств, так энергично разрывали все сети полицейской интриги, что, по признанию некоего *Гирша*, опубликованному в «New Yorker Criminalzeitung» от 22 апреля 1853 г. (Гирш был ранее агентом Штибера, а теперь арестован и сидит в гамбургской тюрьме), для того, чтобы обеспечить *обвинительный приговор*, Гирш должен был под фамилией Гаупта поехать в Кельн и, выступив в роли Гаупта, дать на суде ложные показания под присягой. Но, по словам Гирша, накануне исполнения этого плана г. фон-Гинкельдей написал:

«Государственный прокурор надеется, что при удачном составе присяжных он добьется обвинительного приговора и без *экстренных мер*, а потому он (Гинкельдей) просит пока больше ничего не предпринимать».

Само собою разумеется, что прилагаемая брошюра имеет юридическую ценность лишь для выяснения моей борьбы против Штибера — Гинкельдея и тогдашней прусской полицейской системы. Упоминаемые в ней общества уже давно принадлежат истории.

V) В заключение, чтобы Вам было ясно, какое значение имеет для меня этот процесс против «Nationalzeitung», я коснусь еще вкратце *тех последствий*, к которым привела передовая статья «Nationalzeitung» в Лондоне.

В «Daily Telegraph» (лондонской ежедневной газете) от 6 февраля 1860 г. появилась статья в два с половиной столбца, озаглавленная «Журналисты — пособники Австрии».

Эта статья, написанная якобы во Франкфурте-на-Майне, а на самом деле в Берлине, является, как показывает уже самое поверхностное сравнение, отчасти простым пересказом, а отчасти дословным переводом передовых статей в № 37 и № 41 «Nationalzeitung», которые я вменяю в вину этой газете. Соответствующие номера газеты «Daily Telegraph» я пришлю Вам в ближайшие дни. В этой статье «Daily Telegraph», так же как и «Nationalzeitung» в своих статьях, во-первых, превращает меня и моих друзей в «союзников тайной полиции», а во-вторых, дословно переводит то место из «Nationalzeitung», которое я привел под пунктом IV, относительно «Серной банды», угрожающих вымогательских писем, моей связи с подделкой ассигнаций, организованной Шервалем в Швейцарии, и т. д.

Как только появилась эта статья, я немедленно написал редактору «Daily Telegraph» и, угрожая ему иском о клевете (*action for libel*), потребовал, чтобы он принес мне *публичные извинения*. Он ответил, что послал мое письмо своему немецкому корреспонденту и

будет ждать его ответа. Ответ этот появился в номере «Daily Telegraph» от 13 февраля 1860 г. и в дословном переводе (оригинал Вы получите через несколько дней) гласит следующее:

«Франкфурт-на-Майне, 8 февраля. Я лишь вкратце отвечу на те замечания, которые сделал д-р Маркс по поводу одной из посланных мною Вам корреспонденций. Он просто обратился не по адресу. Если бы этот ученый господин обратился со своими замечаниями к самому д-ру Фогту или к одному из той сотни немецких редакторов, которые цитировали книгу д-ра Фогта, то его поведение соответствовало бы тому, что требуется в данном случае. Но д-р Маркс оставляет без опровержения многочисленные обвинения, выдвинутые против него в его собственном отечестве, и предпочитает изливать свой гнев на единственную английскую газету, поместившую на своих страницах заявления, которые печатались и перепечатывались почти во всех сколько-нибудь значительных немецких городах. Этот ученый господин забывает, повидимому, то обстоятельство, что он не имеет ни малейшего права жаловаться на опубликование в английской газете некоторых неприятных для него сведений, раз он не считает нужным привлечь к ответственности авторов и распространителей порочащих его слухов в его собственном отечестве. В заключение я изъявляю мою полную готовность признать ложность утверждений, имеющих в указанных сообщениях, как только д-р Маркс убедит мир в ложности этих последних. Если у него есть необходимые для этой цели доказательства, то для него ничего не может быть легче, как добиться столь желательного для него результата. В его распоряжении имеется по меньшей мере 50 немецких городов, где он может начать процессы и добиться присуждения редакторов к надлежащему наказанию. Если же он не желает стать на этот путь, то английский корреспондент вовсе не обязан опровергать утверждения, которые он только повторял, полагаясь на беспорочный авторитет чрезвычайно почтенных источников».

Отмечу мимоходом те преувеличения, которыми берлинский корреспондент газеты «Daily Telegraph» (кажется, некий еврей по имени Мейер) старается прикрыть свой плагиат из «Nationalzeitung». Сначала он говорит о сотне немецких редакторов, потом о многих тысячах (а именно о количестве редакторов, соответствующем числу имеющих в Германии сколько-нибудь значительных городов), а в конце концов говорит, что я должен был бы возбудить обвинение против 50 редакторов по меньшей мере. А под чрезвычайно почтенными источниками он подразумевает свой единственный источник — берлинскую «Nationalzeitung».

Замечу также мимоходом, что в моем письме редактору «Daily Telegraph» от 6 февраля, которое, согласно его собственному сообщению, он переслал своему немецкому корреспонденту, я извещал редактора «Daily Telegraph», а через него и его корреспондента, что я начну дело о клевете против берлинской «Nationalzeitung».

Единственным обстоятельством, которое, по моему мнению, имеет здесь решающее значение, является то, что «Daily Telegraph», прикрываясь своим корреспондентом, *отказывает мне в каком бы то ни было удовлетворении, прежде чем я не проведу процесса против одной из немецких газет.* Газета ссылается на «почтенный» авторитет «Nationalzeitung», которая одна только и поместила в этой связи опубликованное ею утверждение.

Вы понимаете, какой скандал вызвала в Лондоне статья «Daily Telegraph». Этим скандалом я обязан газете «Nationalzeitung». Уже в интересах моей семьи я должен начать иск о клевете (action for libel) против «Daily Telegraph», предварительные расходы по которому — до окончания процесса — составят здесь по меньшей мере 200 ф. ст. До какой *безграничной подлости* может дойти Фогт, видно из того, что он распространяет гнусную инсинуацию, будто моя мнимая связь с «Neue Preussische Zeitung» объясняется тем, что моя жена—сестра бывшего прусского министра фон-Вестфалена.

Я жду *немедленного* извещения (если Вы еще не отправили мне письма) о получении Вами следующих писем:

- 1) Письма из Лондона от 13 февраля вместе с авансом в 15 талеров.
- 2) Письма из Манчестера от 21 февраля вместе с доверенностью и 7 приложений.
- 3) Настоящего письма из Манчестера от 24 февраля с приложением брошюры «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов» и письма, которое я написал 19 ноября 1852 г. Ф. Энгельсу и на котором имеются лондонский и манчестерский почтовые штемпели.

С глубоким уважением преданный Вам

д-р Карл Маркс.

196.

Маркс — Вильгельму Либкнехту

в Лондон.

[Черновик.]

Манчестер, 27 февраля 1860 г.
6, Thorncliffe, Grove, Oxford Road.

Дорогой Либкнехт!

Познакомь Шаппера с книгой Фогта. Сходи к нему. Он расскажет тебе, что я ему написал.

Судя по письму, которое я получил вчера от моего берлинского адвоката, дела идут хорошо. В сведениях, которые я ему послал, я одновременно изложил необходимое и относительно тебя. Проработай полностью относящуюся к тебе часть книги Фогта, так, чтобы я в любой момент мог этим воспользоваться. Но придерживайся *в точности* фактов.

Далее, необходимо, чтобы постановление, принятое в мою пользу против Фогта Рабочим просветительным обществом 6 февраля 1860 г., было *немедленно* подписано председателем общества и засвидетельствовано судьей (т. е. подпись).

Сердечный привет твоей жене и тебе.

Твой К. М.

197.

Маркс — Карлу Шапперу
в Лондон.

[Черновик.]

Манчестер, 27 февраля 1860 г.
6, Thorncliffe Grove, Oxford Road.

Дорогой Шаппер!

Я написал Либкнехту с просьбой передать тебе книгу Фогта чтобы ты сам мог убедиться, насколько важен берлинский процесс против «Nationalzeitung» (процесс против [«Daily»] Telegraph» имеет второстепенное значение) для исторического оправдания нашей партии и для ее дальнейшего положения в Германии. Я получил вчера письмо от моего берлинского адвоката, из которого видно, что г. Цабелю из «Nationalzeitung» придется искупить свое усердие по отношению к Фогту более близким знакомством с тюрьмой. Мой адвокат считает важным, чтобы ты как можно скорее дал перед лондонским судьей (судья с Bowstreet свой человек, он уже знает Либкнехта, который может пойти с тобой) нижеследующий Affidavit или что-либо в этом роде:

«Сим заявляю, что в таком-то году Шерваль (иначе Кремер и т. д.) вступил по моей рекомендации в лондонское отделение немецкого общества взаимопомощи под названием «Союз» (общество, которое, кстати сказать, давно уже прекратило существование); в 1848 г. вышеназванный Шерваль, проезжая через Кельн, имел короткую беседу со мной, о которой я даже не упомянул дру Карлу Марксу, так как Шерваль был в то время лицом, ему совершенно неизвестным; в 1851 — 1852 гг., во время своего пребывания в Париже, Шерваль принадлежал к отделению немецкого

общества взаимопомощи под названием «Союз» и вел с ним переписку. Этим обществом руководили в то время я и г. Виллих, который живет сейчас в Цинциннати, в Соединенных Штатах. Осенью 1852 г., по возвращении из Парижа в Лондон, Шерваль вступил в немецкое рабочее общество, называемое «Рабочий просветительный союз», членом которого он был в прежнее время и которым в то время руководили я и вышеназванный г. Виллих. В результате публичного разоблачения Шерваля в Кельне, во время судебного процесса д-ра Беккера и прочих и в результате сведений, полученных из других источников, вышеназванный Шерваль был публично исключен из указанного клуба немецких рабочих¹ и вскоре после этого исчез из Лондона».

Энгельс шлет тебе сердечный привет; впрочем, весною он сам как-нибудь приедет в Лондон. Прошу тебя, не теряй времени.

Привет.

Твой К. М.

В Affidavit говорится об «обществе взаимопомощи», так как такого рода вещь звучит в ушах английского судьи совсем невинно; к тому же под «обществом взаимопомощи» можно понимать все, что угодно.

198.

Маркс — Музембини

в Лондон.

/Черновик./

Манчестер, 27 февраля 1860 г.
6, Thorncliffe Grove, Oxford Road².

Дорогой Музембини!

Г-н Фаухер, должно быть, уже сказал Вам, что как раз теперь я занят двумя процессами о клевете, из которых один возбуждается против «Nationalzeitung» в Берлине, другой — против «Daily Telegraph» в Лондоне. Оба они связаны с Фогтом, с памфлетом бонапартистского агента, направленным против меня.

В связи с этим мне в высшей степени важно иметь точные сведения о связи генерала Клапки с Швейцарским генеральным банком и Оттоманским банком, о взаимоотношениях этих двух банков, о связях Оттоманского банка с Музурусом и об отношениях последнего

¹ Далее в черновике зачеркнуты слова: «как шпион и провокатор».

² Под датой надпись Маркса: «Вложено в письмо к моей жене; адресовано Музембини под вышеозначенным числом следующее:»

с Россией. Вы меня в высшей степени обяжете, если доставите нужные мне сведения, послав мне их по моему теперешнему манчестерскому адресу.

Сердечный привет г-же Музембини.

Остаюсь преданный Вам

К. Маркс.

199.

Маркс — Фердинанду Фрейлиграту

в Лондон.

Манчестер, 29 февраля 1860 г.
6, Thorncliffe Grove, Oxford Road.

Дорогой Фрейлиграт!

Мне было очень приятно получить твое письмо, так как я вступаю в дружбу лишь с очень немногими, но зато дорожу ею. Люди, бывшие моими друзьями в 1844 г., остались ими и поныне. Что же касается собственно официальной части твоего письма, то она основана на крупных недоразумениях. Поэтому скажу в пояснение следующее:

1. *Процесс Эйхгофа — Штибера.*

«Материал», который я доставил Юху (при этом я ему заявил, что ни он, ни Эйхгоф не заслуживают моей поддержки по двум причинам: *во-первых*, из-за той манеры, в какой они писали в «Негманн'е» о кельнском процессе; *во-вторых*, потому, что я убежден, что Эйхгоф является простым орудием в руках бывшего полицейского чиновника Дункера, который хочет отомстить Штиберу совершенно так же, как некогда в Париже Видок отомстил Жискэ; но что я, тем не менее, сделаю все возможное, чтобы содействовать падению и наказанию Штибера, хотя бы для того, чтобы отомстить за смерть моего друга д-ра Даниэльса), — этот «материал» сводится к следующему:

Я дал Юху экземпляр «Разоблачений о кельнском процессе коммунистов» — заметь, моего печатного произведения, изданного сначала в Швейцарии, а затем в Бостоне и цитируемого Фогтом в качестве общеизвестной книги, а совсем не в качестве чего-то секретного.

Я сказал Юху, что в книге этой заключается все, что я знаю.

Наконец, я указал ему на то, что Левальду (защитник Эйхгофа) следует вызвать в качестве свидетеля находящегося в Гамбурге Гирша. Это было сделано. Гирш показал под присягой, что «Книга протоколов» была *прусским изделием* и никоим образом не могла служить основанием для *судебного преследования*.

Итак, «разоблачения», которые будут сделаны на этом процессе

на основании моих «материалов», снимают с бывших членов «Союза» даже кажущуюся видимость юридической виновности и «разоблачают» прусскую полицейскую систему, которая, раз установившись в результате «кельнского процесса» и гнусной трусости кельнских присяжных, выросла в Пруссии в господствующую силу, ставшую теперь, наконец, невыносимой даже для самих буржуа и для министерства Ауэрвальда. Вот и все.

К тому же меня просто удивляет, что тебе пришла в голову мысль, будто я могу предоставить что-либо к услугам полиции. Вспомни небезызвестные тебе письма из Кельна (1849 и 1850 гг.), в которых меня прямо упрекали в том, что я дал заглухнуть агитационной деятельности Союза (я это сделал тогда, имея на то веские причины и уж, конечно, не из личных соображений).

2. Мой процесс против «Nationalzeitung».

Прежде всего замечу, что с тех пор, как в ноябре 1852 г., по моему предложению, «Союз» был распущен, я больше никогда не принадлежал и не принадлежу ни к какому тайному или открытому обществу, и, следовательно, партия в этом совершенно эфемерном смысле слова вот уже восемь лет как перестала для меня существовать. Лекции по политической экономии, которые я читал после выхода моей работы (с осени 1859 г.) некоторым избранным рабочим, в том числе и бывшим членам «Союза», не имели ничего общего с замкнутым обществом, даже меньше, например, чем доклады г. Герстенберга в шиллеровском комитете.

Ты помнишь, что я получил от руководителей довольно разветвленного Нью-йоркского коммунистического союза (в числе их был и Альбрехт Комп, директор Генерального банка, 44 Exchange Place, Нью-Йорк) прошедшее через твои руки письмо, в котором меня в сущности просили реорганизовать старый «Союз». Пршел целый год, прежде чем я ответил, а затем я написал, что с 1852 г. я не связан ни с какими объединениями и что я глубоко убежден в том, что мои теоретические работы приносят больше пользы рабочему классу, чем участие в объединениях, время которых на континенте миновало. После этого в лондонской «Neue Zeit» г. Шерцера не раз помещались резкие нападки на меня за эту «бездеятельность»; хотя мое имя и не упоминалось, но было совершенно ясно, о ком идет речь.

Когда Леви приехал (в первый раз) из Дюссельдорфа — он и тебя тогда часто посещал, — он вздумал даже соблазнять меня восстанием фабричных рабочих в Изерлоне, Золингене и пр. Я резко высказался против такого бесполезного и опасного безумства. Кроме того, я ему

заявил, что не принадлежу больше ни к какому «Союзу» и ни в коем случае *не могу* вступать в такого рода объединения, хотя бы уже потому, что подобные связи опасны для живущих в Германии. Леви вернулся в Д[юссельдорф] и, как мне вскоре оттуда написали, высказывался там с большой похвалой о тебе, всячески обличая в то же время мое «доктринерское» безразличие.

Итак, о «партии», в том смысле, в каком ты о ней пишешь, я *ничего* не знаю, начиная с 1852 г. Если ты — *поэт*, то я — *критик*, и, право, с меня хватит опытов, проделанных с 1849 по 1852 год. «Союз», так же как и «Общество времен года» в Париже, как сотня других обществ, был лишь эпизодом в истории партии, которая повсюду стихийно вырастает на почве современного общества.

В Берлине мне нужно доказать две вещи (я имею в виду старую и уже устаревшую историю с «Союзом»):

Во-первых, что с 1852 г. не существует общества, членом которого я бы состоял.

Затем, что г. Фогт — *глупейший клеветник*, поскольку он забрасывает существовавшее до 1852 г. общество коммунистов худшей грязью, чем забрасывал это общество Теллеринг.

Последнее *ты*, несомненно, сам можешь подтвердить, и твое *письмо к Руге* (написанное летом 1851 г.) служит доказательством того, что в течение периода, о котором здесь только и идет речь, ты рассматривал подобного рода нападки как направленные и против тебя лично.

Заявления в «Morning Advertiser», «Spectator», «Examiner», «Leader», «People's Paper» были подписаны и тобою. *Одна* из копий этих заявлений находится среди *судебных материалов кельнского процесса*.

К тому же ты не сделал никаких возражений, когда об этом было вновь упомянуто в моих «Разоблачениях» (стр. 47 *бостонского* издания)¹.

Ты фигурировал также в качестве *казначея* в наших печатных воззваниях по сбору пожертвований в пользу осужденных.

Впрочем, едва ли нужно напоминать об этом.

Но *совершенно необходимо*, чтобы мой берлинский адвокат имел в руках следующее *мое письмо Энгельсу*, которое служит *официальным* документом, так как было послано *без конверта* и на нем имеются *оба почтовых штемпеля* — Лондона и Манчестера:

¹ См. соответствующее место в томе VIII. Соч. Маркса и Энгельса, стр. 536, изд. ИМЭ, 1931 г.

Лондон, 19 ноября 1852 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Энгельс! В прошлую среду «Союз», по моему предложению, *распустил себя*, а также *объявил несвоевременным* дальнейшее существование «Союза» на континенте. Впрочем, на континенте он фактически уже не существует со времени ареста Бюргера и Резера. Прилагаю *заявление* для английских газет и т. д. Кроме того, я пишу литографированную корреспонденцию (вместе с нею я выпустил впоследствии у Шабелица брошюру) с подробным изложением *полицейских безобразий* и пр., а для Америки — воззвание о пожертвованиях в пользу арестованных и их семейств. Казначей — Фрейлиграт. Подписано всеми нашими товарищами. (Остальные несколько строк не имеют значения.)

Твой К. М.

В подобном документе я, разумеется, не могу вычеркнуть *ни одного имени*. Это единственный случай, когда я пользуюсь твоим именем с целью *установления факта*, а именно факта *ропуска «Союза»*, поскольку твое имя случайно встречается в *моем* письме от 1852 г. Я не вижу в этом ничего для тебя компрометирующего.

Одно твое письмо, написанное в 1851 г., я хотел бы использовать для брошюры, которая выйдет *после* процесса. В нем нет абсолютно *ни чего* компрометирующего в юридическом смысле. Но так как это продлится еще много недель, то я переговорю с тобой по этому поводу лично.

Из вышесказанного следует:

«Собрания, постановления и выступления партии» после 1852 г. — все это фантазия, о чем ты, впрочем, мог бы знать и без моих уверений и, судя по твоим весьма многочисленным письмам ко мне, повидимому, знал.

Единственная деятельность, которую я вместе с несколькими *единомышленниками* по ту сторону океана продолжал и после 1852 г., пока это было нужно, т. е. до конца 1853 г., — была «система презрительных насмешек», как окрестил ее г. Людвиг Симон в 1851 г. в «*Tribune*», «насмешек над демократическим эмигрантским жульничеством и игрой в революцию». Твое стихотворение против Кипкеля, так же, как и твоя переписка со мной в течение этого времени, доказывают, что ты был в этом со мной вполне солидарен.

Впрочем, это не имеет никакого отношения к предстоящим процессам.

Теллеринг, Бандя, Флери и др. *никогда* не принадлежали к «Союзу». Что в бурю поднимается пыль, что во время революции не пахнет розовым маслом и что время от времени кто-нибудь оказывается забрызганным грязью, это—несомненно. Или—или. Однако, если принять во внимание огромные усилия всего официального мира в борьбе против нас, официального мира, который, чтобы нас погубить, не только слегка нарушал уголовный кодекс, а прошел через всю уголовщину; если принять во внимание грязную клевету «демократии глузости», которая не может простить, что у нашей партии больше ума и характера, чем у нее самой; если известна история всех остальных партий *того же периода*; если, наконец, спросить себя, какие же факты (а не *гнузости* какого-нибудь Фогта и Теллеринга, *которые можно опровергнуть перед судом*) могут быть выдвинуты против всей партии, — то приходишь к заключению, что в этом XIX столетии наша партия выделяется своей *чистоплотностью*.

Разве в обиходе и деловых отношениях буржуазного общества возможно избежать грязи? Как раз там ее естественное место. Пример — сэр Р. Карден (см. парламентскую «Синюю книгу» о подкупах на выборах); пример — *г. Клапка*, о личности которого я теперь получил самые точные сведения. Клапка ни на йоту не лучше, пожалуй даже хуже, чем Бандя, которому, впрочем, он и Кошут, несмотря на его черкесские подвиги и на *мои* публичные разоблачения, *до сих пор* в Константинополе оказывают протекцию, только потому, что он *слишком близко* заглянул им в карты. В личном отношении Бандя был приличнее, чем Клапка. Он содержал любовницу; Клапка же *долгие годы* сам жил на содержании у своей любовницы и т. д. Пусть чистота Беты уравновешивает грязь Теллеринга, и пусть даже распутство Рейфа находит свой эквивалент в целомудрии Паулы, которая, во всяком случае, не была членом партии, да и не выдавала себя за него.

Респектабельную подлость или подлую респектабельность платежеспособной (впрочем, и это, как показывает всякий торговый кризис, лишь с весьма двусмысленными оговорками) морали я не ставлю ни на грош выше нереспектабельной подлости, от которой не были вполне свободны ни первые христианские общины, ни Клуб якобинцев, ни наш покойный «Союз». Только в буржуазных взаимоотношениях привыкаешь к тому, что теряется чувствительность к респектабельной подлости или подлой респектабельности.

3. *Специальный вопрос о Фогте — Блинде.*

После Affidavit Фегеле и Вие (ложные Affidavit, как известно,

караются ссылкой) и после вынужденных благодаря этим показаниям объяснений Блинда в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» и Шайбля в «Daily Telegraph» от 15 февраля, дело настолько *выяснилось*, что твое показание по этому вопросу стало *теперь* совершенно излишним.

В деле Блинда меня смущает только слишком большое обилие данных (*embarras de richesses*).

По этому делу я обратился к Эрнесту Джонсу, с которым я уже два года не встречался из-за его глупого отношения к Брайту, Джильпину и пр., от чего он теперь *публично* отказался. Я обратился к нему, во-первых, потому, что он по собственному почину, — как и многие другие, в том числе совершенно неизвестные мне лица, — немедленно *по выходе* [«Daily»] Telegraph» от 6 февраля выразил мне свое глубокое возмущение по поводу гнусности Фогта, который имеет наглость утверждать, что Союз коммунистов был основан — и действовал в этом направлении с 1849 по 1852 г. — с целью *вымогать деньги у скомпрометированных в Германии лиц, угрожая им доносом*, и, кроме того, на основании моего «родства» с фон-Вестфаленом делает вывод о моей «близости» с «Neue Preussische Zeitung». (Я был рад заявлению Джонса из-за своей жены, так как от дам нельзя требовать, чтобы они были нечувствительны к политическим неприятностям и так как они обычно измеряют степень серьезности или несерьезности дружбы как раз по катастрофам.) *Во-вторых*, я обратился к нему потому, что я не хотел обращаться по поводу *её* *смысла сомнительного в юридическом отношении дела Блинда к настоящему английскому адвокату* — не из-за самого Блинда, а из-за его жены и детей. По этим же соображениям я не послал *английского* циркуляра в «Morning Advertiser» и вообще ни в одну *английскую* газету, кроме «[Daily] Telegraph».

Джонс сказал мне следующее: «Ты можешь — в случае надобности я сам пойду с тобой в суд — на основании Affidavit Вие добиться немедленного приказа об аресте Блинда по обвинению его в «заговоре» против тебя. Однако имей в виду, что это — *уголовное преследование*, и коль скоро оно будет начато, приостановить его ты уже не сможешь».

Тогда я спросил Джонса (который может тебе все это подтвердить; адрес его: 5, Cambridge Place, Kensington, W.), не может ли он предостеречь Блинда и, таким образом, заставить его рассказать все, что он знает о Фогте, и сознаться в ложности сделанных им в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» *показаний*.

Джонс ответил: «В случаях «заговора», ввиду их уголовного

характера, всякая попытка со стороны адвоката содействовать улажению дела или компромиссу сама уголовно наказуема».

Джонс выступит в деле с [«Daily] Telegraph» в качестве моего адвоката.

После сказанного Джонсом я очутился в затруднительном положении, так как, с одной стороны, я обязан *перед своей семьей* заставить [«Daily] Telegraph» напечатать опровержение, а с другой стороны, я не хотел предпринимать никаких шагов, которые могли бы повредить *семье* Блинда в *юридическом* смысле. Я нашел выход, послав другу Блинда, Луи Блану, копию обоих Affidavit вместе с письмом, в котором написано, между прочим, буквально следующее:

«Я буду очень сожалеть, не ради самого г. Блинда, который вполне заслужил это, а ради его семьи, если я буду вынужден возбудить против него уголовное преследование».

Этот мой шаг привел к появлению заявления Шайбля (бедняжка!), точно так же, как мой печатный циркуляр, который я немедленно по его выходе послал Блинду, вызвал в *тот же день* публикацию в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» его заявления против Фогта. Блинд с его баденскими уловками позабыл, что имеет дело с человеком, который бывает *беспощаден*, когда дело идет о его личной чести или о чести его партии.

Положение теперь таково: дело против «Daily Telegraph» возбуждено, но мой адвокат будет затягивать его, *пока не кончится* процесс против «Nationalzeitung». Если бы Шайбль открыто сообщил мне все, что он знает о Фогте (Шайбль, конечно, простое орудие в руках Блинда), то, после его заявления от 15 февраля в [«Daily] Telegraph», мне было бы совершенно незачем передавать в лондонский суд эти Affidavit. В Берлине же, где это не может иметь никаких *судебных последствий* для Блинда, избежать этого, конечно, нельзя. Является ли Шайбль подлинным (в литературном смысле) автором «памфлета» или нет, — это не может изменить установленных на основании Affidavit фактов, что приведенные Блиндом в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» свидетельские показания ложны, что они добыты путем *заговора*, что памфлет был набран в типографии Холлингера, написан рукою Блинда и передан им Холлингеру для печатания.

Все эти вещи, конечно, отвратительны, но не более отвратительны, чем вся история Европы, начиная с 1851 г., со всем ее развитием в области дипломатии, военного дела, литературы и кредита.

«Наперекор всему» мы всегда предпочитаем лозунг «Смерть филлистерам!» лозунгу «Подчиняйся филлистерам!»

Я открыто высказал тебе свой взгляд и надеюсь, что в основном ты его разделяешь. Кроме того, я постарался рассеять недоразумение, будто под «партией» я разумею «Союз», переставший существовать восемь лет тому назад, или редакцию газеты, прекратившую свое существование двенадцать лет тому назад. Под партией я понимал партию в великом историческом смысле.

Твой искренний друг

К. Маркс.

P. S. Я только что получил письмо от жены, из которого следует, что было бы очень желательно, чтобы ты выдал мне в субботу (*послезавтра*) (не в пятницу, ибо я еще присчитываю четверговую статью) 16 ф. ст. за счет « *Tribune*» Мой «главный уполномоченный» нанесет свой визит, как обычно.

200.

Маркс — редакциям «*Freischütz*» и «*Reform*»

в Гамбург¹.

[Черновик.]

Манчестер, 29 февраля 1860 г.

По поводу излияний господина Эдуарда Мейена в №№ 17—21 «*Freischütz*» достаточно сообщить следующее:

Процесса о клевете, который я веду против берлинской «*Nationalzeitung*», будет совершенно достаточно для *судебного* освещения памфлета Фогта. Его сообщник Эдуард Мейен не может претендовать на подобную же честь. Все, что я могу сделать для Эдуарда Мейена, это отвести г. Эдуарду Мейену соответствующий его размерам уголок в брошюре, которая выйдет в свет по окончании судебного процесса.

Карл Маркс.

201.

Энгельс — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

Манчестер, начало марта² 1860 г.

Дорогой Лассаль!

Большое спасибо за Ваши хлопоты у Дункера по поводу моей брошюры. Я согласился бы на то, чтобы назвать себя, если бы брошюра не была тем временем уже принята другим издателем (когда Вы

¹ Письмо появилось в «*Reform*» 7 марта 1860 г.

² У Энгельса письмо ошибочно датировано 15 февраля.

получите это письмо, работа, вероятно, уже выйдет) и если бы я не считал важным создать автору «По и Рейн» известное положение в военной литературе, прежде чем он официально (т. е. на заглавном листе) выступит перед лейтенантами как штатский. Вы пишете, что Вы несомненно нас еще переубедите, а потому не в наших интересах, назвав *свои имена*, компрометировать себя тем пониманием разыгрывающихся в Италии событий, которое у нас до сих пор было. Субъективно этот довод конечно непреложен; но ведь и мы можем уверить Вас, что мы в такой же мере убеждены в том, что переубедем Вас, тем более, что наше понимание основывается на тщательном изучении дипломатических материалов, которые в Лондоне почти полностью имеются под рукой, по крайней мере по некоторым вопросам, а в Берлине наверняка *недоступны* для публики (да по большей части и вообще в Берлине их нет).

Марке получил Ваше письмо третьего дня и ответит Вам. Пока же прилагаю брошюру «Рыцарь благородного сознания», которую я раньше забыл послать.

Кстати. Несколько дней тому назад мы получили письмо от Нотьюнга. После своего освобождения бедняга «вследствие многолетнего отсутствия» был лишен прав гражданства у себя в Мюльгейме и ему было запрещено показываться ближе, чем на расстоянии пяти миль от Кельна. Он стал фотографом в Бреславле и с большим трудом получил там право на жительство. Теперь он должен уплатить сбор за право въезда, сбор с хозяйства и другие сборы, название которых можно встретить только в прусских словарях. Вы понимаете, что после долгого заключения, которое лишило его родины (в каких других странах возможны подобные истории?) бедняга не в состоянии этого сделать, а при тех остроумных законах, которые там еще применяются, он не может существовать, не урегулировав всей этой ерунды. Нельзя ли было бы что-нибудь сделать для него? До 1848 г. подобные вещи в Рейнской провинции были бы неслыханным делом, и даже буржуа, которые помогли навязать нам такие постыдные законы, обязаны помочь бедняге. Лишиться родины вследствие долголетнего отсутствия из-за пребывания в прусской крепости — попробуйте-ка рассказать это какому-нибудь англичанину! Его адрес — П. Нотьюнг, фотограф. Zwingergasse, № 7, в купальном заведении. При ваших связях в Бреславле Вам будет не трудно что-нибудь сделать для него. Кроме того, наш бывший портной получил, повидимому, в тюремном университете хорошее образование и пишет вполне по-цивилизованному.

Я пишу теперь небольшие вещицы о новой прусской военной организации и предложил их Дункеру.

Весь Ваш Ф. Энгельс.

Не забыть бы: Красному Вольфу Маркс написал. Но мы в течение ряда лет ничего о нем не слышали. Между прочим, Фогт опять обедал у Плон-Плона вместе с продажным негодяем Клапкой.

Я еще раз распечатал письмо, которое уже запечатал, не вложив туда «Рыцаря», чтобы сообщить Вам, что мы не могли найти единственного экземпляра этой вещи, имевшегося здесь в Манчестере; кто-нибудь, вероятно, стащил его. У Маркса осталось еще несколько экземпляров в Лондоне, и он написал, чтобы нам сейчас же их выслали, после чего один экземпляр мы немедленно пошлем Вам.

Вы мне сделаете большое одолжение, выслав немедленно, не наклеивая марок, несколько номеров «*Volkszeitung*» и «*Nationalzeitung*», где обсуждается вопрос об устройстве армии, а также одну или две брошюры, появившиеся там по этому вопросу. Заделайте все это в *одну* бандероль. Пока я достану эти вещи, пройдет целая вечность, а газет я иначе вообще не получу.

202.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Берлине.

Манчестер, 3 марта 1860 г.
6, Thorncliffe Grove, Oxford Road.

Дорогой Лассаль!

Отвечаю тебе немедленно, но пишу кратко (надеюсь, однако ясно), так как по горло занят двумя процессами.

1. *Относительно моего процесса против «Nationalzeitung».*

О результатах процесса ты не можешь судить потому, что не знаешь, во-первых, какими документами я располагаю, а во-вторых, до какой степени необоснованы лживые измышления Фогта. Но ты должен был с самого начала стоять за *атаку*. Второй процесс ведется против лондонской газеты «*Daily Telegraph*» из-за статей «*Nationalzeitung*», которые она воспроизвела и размазала. «*Daily Telegraph*» — *гнуснейшая* газета в Лондоне (а это кое-что значит), но отнюдь не *маленькая* газетка. Из *всех* лондонских газет у нее *самый* большой тираж. Она специально субсидируется *Пальмерстоном*, вот почему в ней так охотно поместили эту мерзость *против* меня. «Рыцаря благородного сознания» ты получишь.

2. «Гордый жест» существует только в твоём воображении, а вот то, что в *обоих* твоих письмах ко мне, которые я показал Энгельсу, Вольфу и моей жене, по их *единогласному* мнению, чувствуется некоторое *замешательство* из-за мерзкой брошюры Фогта, — это, повидимому, несомненно, если только *tres faciunt collegium* [трое составляют совет].

Я послал тебе эту записку и пр., чтобы *наглядно* продемонстрировать тебе, в какую ярость ты придешь от этакой мерзости, хотя она *не напечатана* и не может сравниться с клеветническими измышлениями Фогта ¹.

Фогт инкриминировал мне *уголовно-наказуемые проступки*. В твоих письмах я не заметил никакого негодования по отношению к этому филистеру, которому мне следовало даже якобы принести публичные извинения. Если бы Фогт знал о твоих отношениях со мной и имел записку Висса, то он напечатал бы ее в качестве аутентичного документа из истории «Серной банды». Твое предположение, что я уже где-то публично упоминал (помню одного письма к тебе) о доказательствах, имеющих у Блинда против Фогта, — легкомысленно. Что Ф[огт] — *бонапартистский агент*, мне стало совершенно ясно из его книги. Когда Виллих (Техов написал лишь то, что нашептал ему Виллих в 1850 г.) в 1853 г. в *Соединенных Штатах* обливал меня подобной же грязью, Вейдемейер, д-р Якоби и Клусс сами, прежде чем я узнал об этом, открыто объявили все это бесчестной клеветой. В Германии ни один из моих друзей не заявил ни единого слова протеста против этих неслыханных нападков; вместо этого — письма с отеческими увещаниями по моему адресу.

Поэтому было вполне уместно, послав тебе эту записку и пр., поставить тебя в *мое* положение или, вернее, сделать так, чтобы ты составил себе правильное, несколько более пристрастное и менее доктринерское представление о моем положении.

Я послал тебе *не копию* письма д-ра Висса, а оригинал, т. е. присланную мне из Америки копию. Дронке ничего не знает об этой записке. О *кондуитном листке* не может быть и речи. В личном письме к лицу, получившему записку Висса, я отзывался о тебе как об одном из самых дельных людей нашей партии и как об интимном друге моем и Энгельса. Получатель письма, которого я не мог назвать,

¹ Речь идет о приложенной к письму Маркса к Лассалю от 23 февраля 1860 г. записке д-ра Висса к Клуссу, содержащей ряд обвинений против Лассалья.

предварительно его не запросив, показал, повидимому, это письмо Виссу или, по крайней мере, передал ему его содержание. Отсюда излишняя Висса. Я не нахожусь и *никогда* не находился ни в какой связи с Виссом. В былые времена он предлагал свои услуги «Neue Rheinische Zeitung» и прислал одну корреспонденцию, которую я бросил в корзину, ничего ему не ответив. В Нью-Йорке (в газете Вейтлинга «Republik der Arbeiter») он напечатал полдюжины дурацких статей *против меня*.

Слово «*официальные*» обвинения я употребил, только противопоставляя их «*конфиденциальному*» письму Висса. Сейчас оно мне самому кажется чрезвычайно забавным — я ведь тогда писал второпях.

Я не могу сказать, *кто* эти люди из Дюссельдорфа, не нарушив доверия. Достаточно будет заметить, что я не вступал с ними *ни в какую* связь. Что касается *неблагодарности* рабочих, то *неблагодарность* по отношению к тебе — это детская игра по сравнению с тем, что испытал я на своей собственной шкуре. *Леви*, во всяком случае, не является этим лицом или одним из этих лиц. *Беккер*, *Бермбах*, *Эрхардт*, *Улендорф* (последнее имя мне *неизвестно*) *никогда* не писали мне ни единой строчки *против* тебя или *относительно* тебя.

Я не «связывался» с Беккером. Центральный комитет «Союза» был перенесен в Кельн. Окончательные решения принимались там. (Этот «Союз», как и все с ним связанное, *давно* уже отошел в *прошлое*. Документы «Союза» за исключением двух или трех, находятся в Америке). Там-то и приняли Беккера. Таким образом *он* вступил в связь со мной.

Если ты теперь сравнишь упомянутые факты с *твоим* истолкованием их, то ты убедишься, что обладаешь особым талантом «недоверия».

Что касается моей недоверчивости, то за те восемнадцать лет, что я выступаю публично, я знаю только *два* случая (ты сделаешь мне *должение*, если приведешь *другие* факты), когда с некоторым *кажущимся* основанием можно было бы обвинить меня в этой душевной болезни:

а) В «Neue Rheinische Zeitung» я поместил полученный из Парижа донос на Бакунина. Он исходил из двух совершенно независимых друг от друга источников. Одним из этих источников был один знакомый мне поляк. Другим — парижская «Lithographierte Korrespondenz», которая все равно подсунула бы донос редакциям *всех* газет, если бы я его и не напечатал. *Публичное* предъявление

обвинения было в интересах дела и в интересах Бакунина. Бакунинское опровержение в «*Neue Oder Zeitung*» я *сейчас же* перепечатал. Косцельский, которого он послал в Кельн, чтобы передать мне вызов на дуэль, после просмотра *писем из Парижа* убедился в том, что я, как редактор, *обязан* был поместить этот донос (напечатанный в качестве корреспонденции без комментариев), и *сейчас же* написал Бакунину, что он не может больше действовать в качестве его представителя. Косцельский стал одним из лучших и ценнейших друзей «*Neue Rheinische Zeitung*». Бакунину я дал публичное удовлетворение в «*Neue Rheinische Zeitung*», лично помирился с ним в Берлине (в августе 1848 г.) и впоследствии в «*Tribune*» (1851 г.) ломал копья в его защиту.

б) В «Разоблачениях о кельнском процессе коммунистов» некоторые лица, в особенности *Шанпер*, О. Диц и в меньшей степени *Виллих*, подверглись несправедливым нападкам, однако *сам Шанпер* (и Диц в одном письме к Шанперу) признал, что принципиально я был прав в своем выступлении против них, что они наделали глупостей и что было бы чудом, если бы они оказались вне подозрений. Он признал, что Виллих тогда *свихнулся* и готов был на *любое* выступление *против меня*, да и на самом деле допустил ряд *бесчестных* шагов по отношению ко мне и моим друзьям.

Наконец:

Фраза «что касается моего *недоверия*, то на это ты уж не можешь пожаловаться», — была *справедливой* репликой на твою фразу (я цитирую ее здесь по памяти): «В глазах того, кто тебя знает, фогтовская брошюра не может повредить тебе и т. д.». На это успокоительное заверение я и ответил.

Что касается слов «много правды», то мне придется позднее, в Лондоне еще раз просмотреть твоё письмо.

Надеюсь, что теперь все пункты исчерпаны.

Твой К. М.

Еще одно. Ты советовал мне подождать с «подачей жалобы», пока я сам не прочту книги Фогта. Но разве не достаточно было выдержек, напечатанных в «*Nationalzeitung*»? Разве кто-либо *integer vitae scelerisque purus* [безупречной жизни и не виновный в преступлениях] мог после этого ждать?

Не знал ли *Адольф Штар* корреспондента «*[Daily] Telegraph*»? По случаю смерти г-жи Кинкель этот корреспондент поместил, по крайней мере, вещи, от которых так и несло Фанни Левальд.

203.

Маркс — юстицрату Веберу

в Берлин.

Манчестер, 3 марта 1860 г.

6, Thorncliffe, Grove, Oxford Road.

Милостивый государь!

Ваше письмо от 22 февраля я получил и прежде всего выражаю Вам мою живейшую благодарность за принятие моего поручения.

Я вполне согласен с тем, как Вы предполагаете вести дело. Если выдвинутое мною обвинение по формальным причинам не будет иметь юридических последствий, то во всяком случае перед лицом общественности крайне важно, чтобы оно было выдвинуто.

В качестве комментария к нижеследующим приложениям и для того, чтобы закончить мою информацию, я позволю себе сделать следующие пояснения, причем считаю нужным заранее отметить, что так как у меня нет копии письма, отосланного Вам 13 февраля, то нумерация пунктов обвинения соответствует моему последнему письму от 24 февраля.

К п. IV относительно Шервалля.

Как Вы могли видеть из пересланных Вам «Разоблачений о кельнском процессе коммунистов», *Карл Шаппер* был одним из двух вождей той части «Союза коммунистов», которая в 1850 г. стала ко мне во враждебные отношения и которую я обвинял в том, что она совершенно неверно представляет себе цель существовавшего тогда тайного общества; по моему убеждению, это общество должно было заниматься распространением определенных взглядов, но держаться в стороне от всякой заговорщической деятельности. Я, таким образом, открыто обвинял г. Шаппера и его сотоварищей, как через выступавшего в кельнском суде адвоката, так и в моем вышеупомянутом, вышедшем позднее в Швейцарии и Америке, памфлете — в том, что они создали *предлог* для полицейских происков Штибера и его агентов и тем вызвали судебное преследование моих друзей в Кельне.

Как ни тяжело должно было быть для самолюбия г. Шаппера признать перед судом свои ошибки, я все же знал, что он честный человек (в 1848 — 1849 гг. он был корректором «*Neue Rheinische Zeitung*»), и потому попросил его в посланном отсюда письме дать перед лондонским судьей Affidavit по этому вопросу. Он немедленно исполнил мою просьбу (см. *приложение «а»*). *Перевод: приложение «с» 1).*

Подобно мне г. Шаппер уже в течение многих лет стоит в стороне от всякой агитации.

Affidavit Шаппера устраняет последнюю неясность в вопросе о моих отношениях со злосчастным Шервалем; впрочем, у «Nationalzeitung» не осталось бы никаких сомнений по этому поводу, если бы она *хотя поверхностно* просмотрела материалы кельнского процесса коммунистов (в октябре и ноябре 1852 г.), *перепечатанные в наиболее влиятельных прусских газетах*. Она обязана была это сделать, прежде чем возводить на меня позорящие меня обвинения. Она тем более обязана была сделать это, что *сама она* в своих передовых статьях неоднократно упоминала об этом процессе. Affidavit Шаппера *доказывает*, что Шерваль *никогда* не был связан со мной, а был связан лишь с моими тогдашними противниками. Я могу добавить о Шервале еще следующее, приведя выдержку из старого письма, которое я писал Фридриху Энгельсу в Манчестер (28 октября, 1852 г.) и которое он сохранил: «Что Шерваль — полицейский шпион, доказывает следующее:

Во-первых, удивительное бегство его из парижской тюрьмы тотчас же после осуждения.

Во-вторых, беспрепятственное пребывание его в Лондоне, хотя он является уголовным преступником.

В-третьих, г. де Ремюза (я уполномочил Шнейдера II в случае необходимости назвать его) сообщил мне, что Шерваль предлагал ему свои услуги в качестве агента принца Орлеанского. После этого он запросил Париж и получил документы (показанные мне в копии), из которых явствует, что Шерваль был сначала прусским полицейским агентом, а теперь является бонапартистским агентом».

Содержание вышеприведенного отрывка из письма *подтвердит* г. адвокат Шнейдер II из Кельна, если вы сочтете необходимым пригласить его в Берлин в качестве свидетеля. Упомянутый в цитируемом письме к Энгельсу г. де Ремюза был, если я не ошибаюсь, министром при Луи-Филиппе и во всяком случае одним из наиболее выдающихся депутатов в эпоху Луи-Филиппа и одним из значительнейших писателей так называемой партии доктринеров того периода.

К пункту II. (Относительно денег для газеты «Volk».)

Я посылаю Вам в приложении «б» (*перевод в приложении «е»*) 2) мое собственное заявление перед судьей относительно происхождения денег, переданных мною в распоряжение «Volk».

Так как я должен был на некоторое время задержаться в Манчестере, потому что там живет мой поверенный, который ведет

процесс о клевете против лондонского «Daily Telegraph», то свой Affidavit мне пришлось сделать перед манчестерским *Justice of the Peace* (мировым судьей). Вследствие этого, согласно *английскому* закону, на показании нет штемпеля.

К пункту I мне нечего добавить.

По поводу пункта III я замечу следующее:

Что касается вопроса о моей «связи» с «тайной полицией», то я мог бы требовать, чтобы в качестве свидетеля был вызван мой шурин, бывший прусский министр фон-Вестфален. Но моя жена, его сестра, хотела бы, если это возможно, избежать семейного скандала. Я целиком предоставляю это Вашему усмотрению.

Приложение «в» (перевод: приложение «е» 3) содержит показание под присягой Г. Мюллера, председателя легального немецкого «Рабочего просветительного общества» в Лондоне. Это единственное рабочее общество (кроме упомянутого тайного общества — «Союза коммунистов», распущенного, по моему предложению, в ноябре 1852 г.), к которому я принадлежал в Лондоне, начиная с момента моего прибытия туда (в сентябре или августе 1849 г.) и вплоть до моего выхода из общества (в середине сентября 1850 г.), о чем я тогда публично заявил в различных немецких газетах (в том числе и в выходившей тогда в Лондоне «Deutsche Zeitung»). Это вообще единственное немецкое рабочее общество, с которым я состоял за время моего пребывания в Лондоне в какой-либо связи. В годовщину своего основания (6 февраля 1860 г.) это общество (статья из «Nationalzeitung» была перепечатана лондонской газетой «Daily Telegraph» как раз в этот день) единогласно приняло резолюцию за меня и против Фогта, хотя я не состою в нем уже в течение 10 лет.

Как вы увидите из приложения, председатель этого общества оформил резолюцию в Лондоне таким образом, чтобы она могла фигурировать на суде в качестве официального документа.

К пункту V. Я прилагаю здесь (в приложении «г») появившийся в «Daily Telegraph» пересказ статьи «Nationalzeitung», а также присланный после моего протеста ответ (берлинского) корреспондента «Daily Telegraph» (в приложении «д»), перевод которого я дал в своем письме от 24 февраля.

Я считаю совершенно излишним упоминать в ходе процесса в какой бы то ни было связи имя моего друга Фердинанда Фрейлиграта, за исключением упоминания его в моем письме к Фридриху Энгельсу от 19 ноября 1852 г., которое я переслал Вам в письме от 24 февраля. Это письмо я считаю существенным для судебного установления фактов.

Кроме следующей ниже дополнительной информации, я прилагаю к этому письму следующие материалы:

Приложение а) Affidavit Шаппера; б) мой собственный Affidavit; в) Affidavit Г. Мюллера; г) «Daily Telegraph» от 6 февраля, стр. 5, столбец 1, статья под заглавием «Журналисты — пособники Австрии»; д) «Daily Telegraph» от 13 февраля, корреспонденция на стр. 2, столбец 6, под заглавием «Германия» (от нашего собственного корреспондента), Франкфурт-на-Майне, 8 февраля); е) перевод трех Affidavit; ж) брошюра «Рыцарь благородного сознания», — Нью-Йорк, декабрь 1853 г.; з) *письмо Флокона*, члена временного правительства, Париж, 1 марта 1848 г.; и) *письмо Лелевеля*, Брюссель, 10 февраля 1860 г.; к): 1) письмо Л. Жоттрана, Брюссель, 19 мая 1849 г. и 2) его же письмо — Брюссель, 25 февраля 1848 г.; л) 1 экземпляр брошюры «Два политических процесса, рассматривавшихся на февральской сессии суда присяжных в Кельне», Кельн, 1849 г.; м) письмо Эрнеста Джонса, Лондон, 11 февраля 1860 г.; н) письмо *шеффилдского комитета по вопросам иностранной политики*, 6 мая 1860 г., Шеффилд; о) письмо *Давида Уркарта*, Глазго, 9 декабря 1854 г.; п) перевод приложений «м», «н» и «о»¹.

Единственный документ, который я должен еще представить Вам, это письмо редактора «New York Tribune» о моих отношениях с этой руководящей *англо-американской* газетой, начиная с середины 1851 г. и до настоящего момента. Я жду это письмо со дня на день.

С совершенным почтением преданный Вам

д-р *Карл Маркс.*

Дополнительные сведения.

Само собой разумеется, что в процессе против «Nationalzeitung» я касаюсь только тех пунктов фогтовского пасквиля, которые «Nationalzeitung» сама приводит в своих передовых статьях либо в виде цитат, либо в виде комментариев к ним; при этом в отношении «Nationalzeitung» я затрагиваю только те пункты, которые являются *юридически* наказуемыми. Все остальное я приберегаю для моего литературного ответа Фогту, который может выйти в свет только по окончании судебного процесса.

¹ Приложения «з», «я», «к» 1, «м» были опубликованы Марксом в качестве приложений к его брошюре «Г-н Фогт». См. стр. 533—534, том XII. Соч. Маркса и Энгельса, изд. ИМЭЛ, 1933 г.

Эти дополнительные сведения преследуют поэтому лишь следующую цель:

1) На случай *реплик адвокату противной стороны* я добавляю некоторые замечания по поводу тех мест из «Nationalzeitung», которые для самого иска *не имеют никакого значения*.

2) Так как я сам сын адвоката (покойного юстицрата Генриха Маркса в Трире, который долгое время был там старшиной адвокатского ссловия и выделялся как своей личной безупречностью, так и своими юридическими талантами), то я знаю, насколько важно для добросовестного адвоката иметь совершенно ясное представление о личности своего клиента. Кроме того, вы увидите, что *кое-что* из приведенного в пункте 2 может пригодиться во время судебного разбирательства.

К пункту 1.

В «Nationalzeitung», в том месте, которое я привожу в письме от 24 февраля, в пункте III, говорится следующее (№ 37 «Nationalzeitung», столбец 2, стр. 65 и сл. сверху):

«Для *дальнейшей* характеристики Фогт приводит, между прочим, длинное письмо бывшего лейтенанта Техова от 26 августа 1850 г., в котором и т. д.»...

Но письмо это, прежде всего, не содержит, как склонен будет предполагать читатель, прочитавший *только* «Nationalzeitung», но не читавший пасквиль самого Фогта, решительно *ничего*, ни одной строки о том, что *непосредственно перед этим* утверждала вместе с Фогтом и вслед за ним «Nationalzeitung», а именно — о «компрометировании проживающих в отечестве лиц, чтобы под угрозой доноса выманить у них деньги», о «связи с тайной полицией во Франции и Германии» и т. д.

На самом деле сказанное Теховым сводится к тому, что он как-то выпивал вместе со мной, Энгельсом и Шраммом (ныне умершим, а тогда — в 1850 г. — занимавшим должность коммерческого руководителя издававшегося в Гамбурге Энгельсом и мной журнала) и принял *за чистую монету* наши *шутки* над ним, когда он пытался импонировать нам, разыгрывая из себя весьма серьезного и важного *уполномоченного* тайного общества в Швейцарии. Это относится к *теоретической* части его письма, где он описывает свою беседу с нами (*в таком виде* ее никогда не было) с самыми невероятными искажениями и комическими извращениями. Никто не станет требовать от меня, чтобы я, в течение более чем 15 лет печатно излагавший свои взгляды на немецком, французском и английском языках, стал серьезно обсуждать изложение моей теории, сделанное бывшим

лейтенантном, который за всю свою жизнь провел со мной только 2 — 3 часа, да и то в пивной. Тогдашняя *двуличность* и *недобросовестность* г. Техова ясно видны из того, что раньше из Швейцарии в переписке со мной и Энгельсом он нападал на Виллиха (см. *приложение «ж»* «Рыцарь благородного сознания», стр. 3—4), а впоследствии в одном неопубликованном письме безоговорочно повторял измышления и клевету, которые распускал против меня Виллих (Виллих в то время проявлял глупейшее самомнение, веря в великое значение своей собственной персоны и фантазируя насчет козней, которые якобы строились против него воображаемыми соперниками). Между тем Техов — если бы он обладал хоть каплей ума, — должен был бы, конечно, понять, что, пробыв в Лондоне всего несколько дней и общаясь исключительно с нашими *тогдашними* противниками, он не может высказаться ни за ту, ни за другую сторону.

До сих пор я говорил только о, так сказать, теоретической части письма Техова (оно перепечатано у Фогта на стр. 142 и сл., хотя я, конечно, не знаю — не искажено ли оно).

Теперь я перейду к той части письма, *которая* якобы *усугубляет мою вину*, к той части, где Техов говорит о дуэли моего покойного друга Конрада Шрамма с Виллихом. Если бы «Nationalzeitung» перепечатала это письмо, то я приложил бы письмо Шрамма, в котором он — уже долгое время спустя *после* дуэли — упрекал меня в том, что я нахожусь под влиянием Виллиха, *так как* я уговаривал его, хотя и тщетно, *не драться на дуэли*.

Здесь достаточно указать только на *приложение «ж»*, стр. 5 — 9. (Когда эта брошюра появилась в Нью-Йорке в декабре 1853 г., и Виллих, и Шрамм находились уже в Америке).

Необходимо сообщить кое-что об истории возникновения этой брошюры (*приложение «ж»*).

В декабре 1852 г., через несколько недель после окончания кельнского процесса коммунистов, я послал рукопись моих «Разоблачений» об этом процессе в Базель издателю Шабелицу. Задержав печатание на несколько месяцев, Шабелиц наделал таких глупостей при пересылке брошюры, что все посланное в Германию издание было конфисковано на баденской границе. Вследствие этого я послал рукопись в *Соединенные Штаты* Северной Америки, где она и была напечатана в Бостоне в марте 1853 г. Сначала она появилась по частям в нескольких номерах «Neu-England Zeitung», а затем была отпечатана в виде самостоятельного памфлета.

Одновременно с опубликованием в Америке «Разоблачений»

там появился г. Виллих вместе с Кинкелем. Оба они приехали для проведения революционного займа, так как, согласно взглядам Кинкеля, которые он изложил тогда в американских немецких газетах, «революции делать так же легко, как строить железные дороги», если только для этого имеются «необходимые деньги». Я решительно выступил против подобных глупостей. Виллих после опубликования в Америке «Разоблачений» выжидал по крайней мере 4 месяца и потом только напечатал ответ в нью-йоркской «Kriminalzeitung».

Этот ответ содержит те же глупости и ту же клевету, что и письмо Техова (в 1850 г. Техов писал в Швейцарию в сущности только то, о чем шептал ему тогда Виллих и что Виллих напечатал в Нью-Йорке в 1853 г.). Я тем более обязан был ответить, что благодаря моим статьям в «New-York Tribune» я уже и тогда занимал в англо-американской прессе признанное общественное положение. Я решил, однако, разобрать дело хотя и по существу, но в шуточной форме, и сделал это в «Рыцаре благородного сознания». Техов, а также и Виллих могли, конечно, мне ответить, но они предпочли молчать и не нарушали своего молчания в течение 7 лет, вплоть до настоящего времени.

Насколько же лживо и нелепо со стороны «Nationalzeitung» (постаравшейся отомстить за критику, которой я ее подвергал в 1848 — 1849 гг. в «Neue Rheinische Zeitung») преподнести публике в качестве достоверной истины давным-давно публично опровергнутую сплетню!

Между прочим, после того как книга Фогта была получена в Лондоне, я послал ее вместе со своим письмом г. Техову в Австралию и через 4 месяца смогу, вероятно, сообщить публике его ответ.

Характерной для Фогта является нижеследующая история публикации письма Техова.

Адвокат Шили из Парижа в письме, датированном: Париж, 6 февраля 1860 г., пишет мне по этому поводу: «Это письмо (письмо Техова), пройдя через несколько рук, в конце концов попало ко мне и хранилось у меня до того времени, пока в результате моего изгнания из Швейцарии (летом 1851 г.) оно не попало через Раникеля (рабочего, который был связан с Виллихом) в руки Фогта. Я не мог привести в порядок своих бумаг, так как меня неожиданно, без всякого предварительного уведомления о высылке или какого бы то ни было иного предупреждения, схватили на улице в Женеве, где я был интернирован, и немедленно же по этапу, через различные тюремные пункты, переправили в Базель, а оттуда дальше. Бумаги мои были

приведены в порядок моими друзьями, в числе которых был и Раникель. Вот каким образом ему удалось завладеть письмом. Впоследствии из Лондона я письменно затребовал у Раникеля это письмо, но не получил его. Как у особо доверенного лица Виллиха (он раньше был с ним вместе в Безансоне), у него, вероятно, были другие проекты или другие инструкции... В настоящее время Раникель завел прекрасное переплетное заведение, причем оно обслуживает *женевское правительство* (во главе которого стоит патрон Фогта Фази). Будучи поклонником Виллиха, Раникель в то же время был *наушником Фогта*.

Вот каким *честным* путем г. Фогт получил это письмо Техова. Если Вы будете вообще касаться этого пункта, то я прошу вас не упоминать *имени Шили*, так как Фогт, как бонапартистский агент, достаточно силен для того, чтобы добиться его высылки из Франции.

К этому пункту я еще должен добавить, что как только Виллих (1853 г.) опубликовал воспроизведенные ныне в письме Техова нелепости, то в той же самой нью-йоркской «Kriminalzeitung», прежде чем я мог что-либо узнать об этом в Англии, появился сокрушительный ответ Иосифа Вейдемейера (раньше он был прусским артиллерийским лейтенантом, впоследствии соредактором франкфуртской «Neue Deutsche Zeitung», а теперь занимает место помощника главного землемера в штате Айова¹), который находился в период лондонского раскола и во время кельнского процесса коммунистов во Франкфурте-на-Майне и был членом «Союза коммунистов». Это заявление было подписано также д-ром А. Якоби, который сам был в числе обвиняемых в Кельне, но был оправдан и сейчас практикующий врач в Нью-Йорке.

Относительно следующего места в «Nationalzeitung» № 37, столбец 2, строка 31 и сл. сверху: «Среди эмигрантов они (т. е. я с товарищами) продолжали дело «Rheinische Zeitung», которая в 1849 г. *призывала к тому, чтобы отказаться от всякого участия в девиации, и постоянно нападала на всех членов парламента*, — я замечу:

Совершенно правильно, что «Neue Rheinische Zeitung» никогда не старалась, не в пример «Nationalzeitung», сделать из революции дойную корову; только ценой больших денежных жертв и подвергаясь личной опасности мне удалось сохранить газету вплоть до тех пор, пока она не была запрещена прусским правительством. Смешное обвинение, — особенно в устах «Nationalzeitung», — будто «Neue Rheinische Zeitung» в 1849 г. призывала к тому, чтобы

¹ Маркс здесь, очевидно, ошибся. Вейдемейер был в это время в штате Висконсин. Ср. письмо 207, стр. 347.

«отказаться от всякого участия в движении», лучше всего опровергается самим содержанием газеты. Что касается того, как я выступал во время революции, то сошлюсь на приложение «л»: «Два политических процесса и т. д.».

Совершенно верно также и то, что «*Neue Rheinische Zeitung*» всегда иронически относилась к Фогту и прочим фразерам Франкфуртского национального собрания, оценивая их по достоинству. К тому же, Фогту, который, по собственному признанию в своем памфлете, уже в 1846 г. был натурализованным швейцарским гражданином, т. е. гражданином иностранного государства, нечего было делать в Германии. Неверно, что «*Neue Rheinische Zeitung*» нападала на всех членов парламента. Она состояла в самых дружественных отношениях с многими членами крайней левой. Насколько сам Фогт и иже с ним почти до самого закрытия газеты заботились о том, чтобы снискать ее расположение, видно хотя бы из того, что, основав *Мартовский союз*, они разослали по всей Германии циркуляр, в котором настойчиво рекомендовали своей публике подписываться на определенные газеты, отмечая «хорошие» газеты одной звездочкой, а «наилучшие» двумя. «*Neue Rheinische Zeitung*» они почтили «двумя звездочками». Как только этот листок попал мне в руки, я сейчас же в короткой передовой статье в «*Neue Rheinische Zeitung*» (кажется, в одном из мартовских номеров 1849 г.) заявил протест против этого непрошеного покровительства со стороны людей, личные качества и политическую мудрость которых я одинаково мало уважал.

К пункту 2. В 1842 г. (в то время мне было 24 года) я был главным редактором старой «*Rheinische Zeitung*», которая находилась сперва под простой, а затем под двойной цензурой и в конце концов была насильственно закрыта прусским правительством (весной 1843 г.). Одним из тех, с кем я тогда вместе работал, был господин *Кампгаузен*, ставший после мартовской революции председателем прусского совета министров. Старая «*Rheinische Zeitung*» несомненно сломала силу прусской цензуры. (Замечу конфиденциально и, конечно, не для огласки: после закрытия «*Rheinische Zeitung*» прусское правительство обратилось ко мне с предложениями через тайного ревизионного советника Эссера, друга моего отца. Эссер находился в то время вместе со мной на курорте в Крейцнахе, где я женился на моей теперешней жене. После того, как он сообщил мне об этих предложениях, я покинул Пруссию и уехал в Париж.)

В Париже вместе с Фридрихом Энгельсом, Георгом Гервегом, Генрихом Гейне и Арнольдом Руге (с Гервегом и Руге я впоследствии

порвал) и издавал «Deutsch-Französische-Jahrbücher» [«Немецко-французские ежегодники»]. В конце 1844 г., по требованию прусского посольства в Париже (требование было передано Гизо), я был выслан и уехал в Бельгию. Какое положение я занимал во время моего пребывания в Париже *среди французских радикалов*, лучше всего видно из приложения «з», т. е. из письма Флокона от 1 марта 1848 г., в котором от имени временного правительства он просил меня вернуться во Францию и сообщал, что приказ Гизо о моей высылке отменен. (*Конфиденциально*: летом 1844 г., после банкротства издателя «Deutsch-Französische Jahrbücher» (Юлиуса Фребеля), я получил в Париже письмо (с вложением 1 000 талеров) от д-ра Клессена, писавшего от имени Кампгаузена и прочих акционеров «Rheinische Zeitung». В этом письме мои заслуги были настолько преувеличены, что уже по одному этому я его здесь *не* прилагаю). В Брюсселе я жил с начала 1845 г. до начала марта 1848 г., после чего меня снова выслали, и я, руководствуясь письмом Флокона, вернулся во Францию. В Брюсселе, кроме бесплатных статей в различных радикальных парижских и брюссельских газетах, я написал, совместно с Энгельсом, «Критику критической критики» (философское сочинение, вышедшее в 1845 г. во Франкфурте-на-Майне в издательстве Рюттена), «Нищету философии» (экономическое сочинение, 1847 г., изданное у Фоглера в Брюсселе и у Франка в Париже), «Речь о свободе торговли» (Брюссель, 1847 г.), двухтомное сочинение о новейшей немецкой философии и социализме (в печати не появилось, см. мое предисловие к «К критике политической экономии», изд. Ф. Дункера, Берлин 1859 г.), и ряд памфлетов. Во время моего пребывания в Брюсселе я читал бесплатно лекции по политической экономии в «Брюссельском немецком рабочем просветительном обществе». Печатание брошюры, в которой собраны эти лекции, было прекращено из-за февральской революции. Какое положение я занимал среди брюссельских радикалов (весьма различных оттенков), видно из того, что я был избран членом комитета публичного «Международного общества» в качестве представителя от немцев. Лелевель (80-летний старик, ветеран польской революции 1830 — 1831 гг. и ученый историк) был избран от поляков, Эмбер (впоследствии комендант парижского Тюильри) — от французов и Жоттран, брюссельский адвокат, бывший член *учредительного собрания* и всегда бельгийских радикалов — от бельгийцев (он же был и председателем). Из обоих писем ко мне Жоттрана (теперь он уже старик) (*приложения «к» 1 и «к» 2*) и из письма Лелевеля (*приложение «и»*) Вы

увидите, каково было мое отношение к этим лицам во время моего пребывания в Брюсселе. Письмо Жюттрана (приложение «к» 2) написано после разногласий, которые произошли у меня с ним на одном публичном собрании 22 февраля 1848 г., после чего я заявил о своем выходе из «Международного общества». Второе письмо он написал мне, когда я основал в Келье «Neue Rheinische Zeitung».

Второй раз я жил в Париже с марта до конца мая 1848 г. (*Конфиденциально*: Флокон предлагал мне и Энгельсу деньги для основания «Neue Rheinische Zeitung». Мы отклонили это предложение, так как мы, как немцы, не хотели брать субсидии даже и от дружественного французского правительства).

С мая 1848 г. до конца мая 1849 г. я издавал в Келье «Neue Rheinische Zeitung».

Из приложения «л» Вы увидите, что я был избран одним из трех руководителей рейнско-вестфальской демократии. (*Конфиденциально*: Когда я прибыл в Кельн, один из друзей Кампгаузена предложил мне поехать к нему в Берлин. Эту попытку воздействия я оставил без внимания).

С июня 1849 г. по август 1849 г. я был в Париже. В бытность Бонапарта президентом был выслан.

С конца 1849 г. и по нынешний 1860 г. я нахожусь в Лондоне. В 1850 г. я издавал в Гамбурге «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung». Кроме того я выпустил: «18 брюмера Луи Бонапарта» (Нью-Йорк, 1852 г.), «Разоблачения о дипломатии XVIII столетия» (Лондон, 1856 г.), «К критике политической экономии» (вышла у Дункера, Берлин 1859 г.) и т. д. Я состою сотрудником «New-York Tribune» с 1851 г. Пока я состоял членом *Немецкого рабочего общества* (с конца 1849 г. до сентября 1850 г.), я читал бесплатные лекции.

Из приложения «о» (оно носит конфиденциальный характер) вы увидите, каким образом я вступил в контакт с *Давидом Уркாரтом*. С тех пор я сотрудничаю в его «Free Press». Я согласен с ним в вопросах *иностранной политики* (борьба против России и бонапартизма), но не в области *внутренней* политики, где я иду вместе с враждебной ему *чартистской партией*. В газетах этой последней (особенно в «People's Paper») я бесплатно сотрудничал в течение шести лет (см. приложение «м»).

Мои статьи против Пальмерстона, появившиеся в 1853 г. в «New-York Tribune», неоднократно перепечатывались в Англии и Шотландии в форме памфлетов с тиражом в 15 — 20 тысяч экземпляров.

Из приложения «н», где приведено письмо секретаря одного из уркартовских клубов, занимающихся только вопросами международных отношений — оно было послано мне в 1856 г. по поручению шеффилдского клуба, — вы увидите, в каких отношениях я нахожусь с уркартистами, несмотря на различие наших взглядов по вопросам *внутренней* политики.

Письмо в приложении «м» написано лондонским адвокатом (barrister at law), Эрнестом Джонсом, признанным вождем чартистской партии и в то же время признанным поэтом.

Переводы приложений «о», «н», «м» находятся в приложении «п».

Что касается сплетен, распускаемых обо мне в Лондоне некоторыми немецкими кругами, то тут характерно приведенное в *приложении «ж»* на стр. 14 «Рыцаря благородного сознания» письмо моего друга Штеффена (бывшего прусского лейтенанта и учителя дивизионной школы, живущего сейчас в Бостоне).

Несмотря на непрекращающиеся в течение почти десятилетия нападки, я *никогда* не надоедал немецкой публике упоминаниями о своей биографии, но по отношению к моему адвокату, в таком случае, как этот, я считаю необходимым это сделать. Что касается *итальянской войны*, то я должен заметить, что мои взгляды на нее целиком совпадают со взглядами моего друга Фр. Энгельса, высказанными им в его известном памфлете «По и Рейн», который был издан в 1859 г. у Ф. Дункера в Берлине. Рукопись этого памфлета была прислана мне Энгельсом до ее отправки в Берлин.

Мы стоим за свободную, независимую Италию совершенно так же, как в 1848 г. в «*Neue Rheinische Zeitung*» мы высказывались за нее *более решительно*, чем все немецкие газеты, и точно так же, как мы стоим за независимую Венгрию и Польшу. Но мы не хотим, чтобы Бонапарт (в тайномговоре с Россией) превращал итальянскую свободу или какой-либо иной национальный вопрос в *предлог* для разрушения *Германии*.

204.

Маркс — Чарльзу-Добсону Коллет

в Лондон.

[Черновик.]

Манчестер, 7 марта 1860 г.
6, Thorncliffe Grove, Oxford Road.

Милостивый государь!

Так как я на несколько дней уезжал отсюда, я не мог немедленно ответить на Ваше письмо.

Что касается типографского счета, о котором я позволил себе просить Вас в своем письме от 6 февраля, то, если я не ошибаюсь, Вы забыли переслать его мне. Отшлите его пожалуйста г-же Марке.

Что касается заявления Шайбля (которое он *вынужден был* сделать в результате моих шагов против Блинда), то достаточно заметить следующее:

1. Является ли Блинд *«литературным»* автором листовки, — этот вопрос меня не касается. В глазах закона он *является* автором.

Заявление Шайбля (выступить с которым, по его словам в [«Dai'ly»] Telegraph», в течение трех месяцев не позволяли ему «обстоятельства», но которое я *моментадно* заставил его сделать отправкой Луи Блану копий двух Affidavit, сделанных перед полицейским судом на Bowstreet) в достаточной степени свидетельствует *против* Фогта. Но оно ничего не доказывает *в пользу* Блинда. Оно ни в какой мере не оправдывает его. Рукопись *писал* (если не *составил*) он; он *напечатал* ее в типографии Холлингера; он *оплатил* типографский счет Холлингера, он сделал *два ложных* заявления в аугсбургской «[Allgemeine] Zeitung»; он и Холлигер составили *заговор* против меня и с этой целью принудили (и Вам известно, с каким успехом) наборщика Вие дать им *ложное* показание. Это еще не все. Блинд, как Вам известно из письма, отправленного им в сентябре Либкнехту, имел наглость спокойно утверждать, что вся эта история его *совершенно* не касается. Наконец, все предпринятые теперь им и Шайблем шаги он был *вынужден* сделать вследствие нависшей над его головой угрозы уголовного процесса по обвинению в «заговоре».

2. Д-р Шайбль позволил, повидимому, Блинду сделать из себя козла отпущения. Насколько мне известно, он принадлежит, так сказать, к предметам домашнего обихода Блинда.

3. Основная политическая цель, к которой я стремился, заявлением Шайбля была достигнута. Оно сводит на-нет аугсбургский процесс, бывший лжепроцессом, так как там не было ни свидетелей, ни обвинителя, ни (настоящего) обвиняемого и, по сути дела, не было и *суда*, поскольку мудрый Фогт обратился *не к тому* баварскому судебному учреждению, ведению которого *подлежало*, согласно баварским законам, это дело. Что касается самого Фогта, то достаточно сказать, что в *Женева*, где он сам живет, одна швейцарская газета («Die Neue Schweizer Zeitung» в номере от 12 ноября 1859 г.) заявила, что она с негодованием отвергла попытку Фогта подкупить ее *французскими* деньгами. В передовой статье эта газета предложила Фогту возбудить против нее судебный процесс, точно так же,

как и я в заявлении, опубликованном за моей подписью в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» и в «Hamburger Reform», предлагал ему возбудить дело против «Das Volk» в Лондоне. Хотя Фогт и *член Совета кантонов* от Женевы и, следовательно, официальное должностное лицо, но на этот повторный призыв он не стовзвался и в то же время заручился поддержкой глупых немецких либералов аугсбургской комедией, вернее, аугсбургским *фарсом*.

Будьте добры *считать это письмо конфиденциальным*, так как адвокаты, ведущие мой процесс о клевете в Берлине и Лондоне, признают полезным, чтобы без крайней необходимости я не нарушал молчания *до* окончания судебного разбирательства.

Искренне преданный вам

К. Маркс.

205.

Маркс — Бартоломею Семерз

в Париж.

[Черновик.]

Манчестер, 13 марта 1860 г.
6, Thorncliffe Grove, Oxford Road.

Милостивый государь!

Вашей книги я еще не получал. В противном случае я бы уже поместил *рецензию* на нее в «New-York Tribune».

Я послал Вам статью против Кошута с *непрерывным условием* возвратить ее мне. Я не придаю этой статье *ни малейшего* значения, но она нужна мне для особых целей.

В Берлине и Лондоне я возбудил два судебных дела по обвинению в клевете против газет, имевших наглость перепечатать выдержки из пасквиля Фогта. В течение десяти лет я неуклонно хранил молчание перед лицом самой беззащитной клеветы, но *теперь*, по-моему, наступило время для публичного опровержения. Мой друг, в доме которого я пишу Вам эти строки, может быть Вам полезен (он купец). Доставьте ему (г. Фридрих Энгельс — представитель гг. Эрмена и Энгельса, Манчестер) *прейс-курант* Ваших вин. Однако *не пользуйтесь* в качестве своих агентов такими типами, как Штоффриген.

Преданный Вам

Вильямс.

Через несколько дней я возвращусь в Лондон.

206.

Маркс — юстицирату Веберу

в Берлин.

Лондон, 27 марта 1860 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Милостивый государь!

Прилагаю *последние* два документа, которые могут послужить дополнением к отправленному ранее материалу. *Первый* документ — письмо ко мне главного редактора «New-York Tribune». Я приложил к нему немецкий перевод.

Второй документ чрезвычайно важен для доказательства того, что презренный Шерваль, он же Ньюджент, он же Кремер, не только не был связан со мной, когда он был в Женеве, но, наоборот, был изгнан оттуда благодаря моей брошюре о кельнском процессе коммунистов. Письмо это получено из Парижа от Иоганна-Филиппа Беккера (Беккеру пришлось эмигрировать в связи с событиями 1830—1831 гг.; в 1848—1849 гг. он был сначала главарем баденских повстанцев, затем полковником баденско-пфальцской революционной армии; теперь он коммерсант в Париже; он является, так сказать, ветераном немецкой эмиграции) и адресовано купцу Рейнлендеру в Лондоне, с которым он имеет деловые связи. Г-н Рейнлендер, которого я лично знаю, любезно передал мне это письмо ¹.

Кроме этого моего письма, я послал Вам:

- 1) 21 февраля — доверенность с приложениями.
- 2) 24 февраля — письмо с приложениями.
- 3) 3 марта — два пакета с приложениями.

Я надеюсь, что получу немедленно, во-первых, подтверждение о получении различных писем, которые я Вам послал, а во-вторых, сведения о ходе процесса.

С совершенным почтением преданный Вам

д-р Карл Маркс.

---

¹ Письмо Дана и отрывки из письма Беккера Маркс опубликовал в своем памфлете «Господин Фогт». См. стр. 285 и стр. 537, том XII Соч. Маркса и Энгельса, изд. ИМЭЛ, 1933 г.

207.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

Лондон, 9 апреля 1860 г.
(старый адрес).

Дорогой Лассаль!

Со времени твоего последнего письма произошел ряд событий. Умер отец Энгельса, и Энгельс, с разрешения прусского правительства, пробыл две недели в Пруссии. Я же был завален делами, да и сейчас могу написать тебе только очень кратко.

1. Мой берлинский адвокат обязал меня не *называть* его имени. Но если его шестинедельное молчание, несмотря на множество посланного ему материала и вопреки настойчивым напоминаниям, будет продолжаться и впредь, то тебе придется насесть на него, так как 22 апреля истекает срок подачи жалобы в суд.

2. Фогт был в Париже у Плон-Плона. Мои знакомые видели его и говорили с ним. Несмотря на это, он имеет наглость сам заявлять и заявлять в немецких газетах через других, *что он не был в Париже*.

3. Гумбольдта я *не* получил.

4. «Рыцаря благородного [сознания]» посылаю тебе сегодня.

5. По предложению американского «Рабочего союза» (легальное общество, филиалы которого имеются во всех частях Соединенных Штатов), перенесшего свой *центр* из Нью-Йорка в Чикаго (Иллинойс), мой старый друг И. Вейдемейер отказался от своего места помощника главного землемера в штате Висконсин. В Чикаго Вейдемейер будет редактировать ежедневную газету, основанную на внесенные рабочими паи. Чикаго все больше превращается в центр всего северо-запада Америки, где преобладает немецкое влияние. Вейдемейер просил меня завербовать корреспондентов для газеты, что я и сделал здесь в Париже и в Швейцарии. Предлагаю тебе взять на себя корреспондирование из Германии (по возможности *два раза* в неделю). Об оплате не может быть и речи, так как это — партийная работа, но она *очень* важна. Вейдемейер является одним из наших *лучших* людей. Если ты, как я надеюсь, согласен, то начинай немедленно и пиши по адресу: И. Вейдемейер, через чикагский «Рабочий союз», почтовый ящик 1345, Чикаго (Иллинойс), Соединенные Штаты.

6. Перелистывая «Neue Rheinische Zeitung» (это нужно было из-за Фогта), я порадовался, обнаружив, что мы в одной краткой передовой статье вступились за Людмилу Ассинг, против «Vossische Zeitung».

7. Не можешь ли ты прислать мне небольшой очерк деятельности благородного Цабеля из «Nationalzeitung» за время реакции? Этот очерк мог бы появиться в моей брошюре в качестве письма за твоей подписью. Ты оказался бы в кампании *весьма уважаемых эмигрантов*, которые пишут в этой брошюре о других лицах. Некоторые из них пишут анонимно, другие под своим именем. Многие из них не принадлежат к нашей партийной фракции.

Твой К. М.

208.

Маркс — Георгу Ломмелю

в Женеву.

[Черновик.]

Лондон, 9 апреля 1860 г.

Гражданин!

Зибель, которого я несколько дней назад на его обратном пути в Швейцарию встретил здесь у Фрейлиграта, рассказал мне, что письмо, посланное мною 21 февраля из Манчестера в редакцию «Neue Schweizer Zeitung» и предназначенное для Вас, попало в руки Брасса. Дело в том, что мне сказали, что Вы являетесь редактором «Neue Schweizer Zeitung», сам же я эту газету никогда не видел. В этой уверенности я и написал письмо, так как Ваше славное имя было мне известно из анналов революции; г-ну Брассу я бы не стал писать.

Я хотел получить от Вас разъяснения о деятельности Фогта. Ко мне стекаются материалы о деятельности Фогта и прочих бонапартистских агентов от эмигрантов различных стран, принадлежащих к различным течениям революционной партии. Но я хочу подойти к делу критически и строго сообразуясь с истиной. Поэтому мне было бы в высшей степени ценно получить данные от Вас, как от лица, точно осведомленного о положении в Швейцарии.

Что касается Вашей брошюры «За кулисами», экземпляр которой дал мне Зибель, то она чрезвычайно заинтересовала меня, и я считаю очень важным, чтобы появилась ее вторая часть. *Для второй части* я, пожалуй, мог бы найти Вам платежеспособного издателя *здесь*. Что касается первой части, то я думаю, что мог бы распространить 300 экземпляров ее, по 1 франку каждый, частью путем непосредственной продажи в различных лондонских обществах, частью через книжные магазины. Для этого, однако,

необходимо *сперва* эти экземпляры *получить*. Если Вы согласны, пошлите их по адресу книжной лавки «Петч и т. д. Лондон».

Наконец, я хочу сделать Вам еще одно предложение. Мой друг И. Вейдемейер (бывший соредактор газеты «Neue Deutsche Zeitung» во Франкфурте) по предложению «Рабочего союза» в *Соединенных Штатах* (местопребывание которого переносится из Нью-Йорка в Чикаго) отказался от своего места помощника главного землемера в штате Висконсин, чтобы взять на себя в Чикаго редактирование «Die Stimme des Volkes» — ежедневной газеты, основанной Рабочим спортивным обществом. Он просит меня завербовать в Европе корреспондентов, что я уже выполнил здесь, в Париже и в Берлине. Я позволяю себе предложить Вам взять на себя корреспондирование из *Швейцарии*, сначала *один раз* в неделю. Гонорар за письмо — 2 доллара (10 франков). Оплата пока низкая, как и следует ожидать от такого рода газеты, да еще вначале ее существования; по мере того, как газета окрепнет, плата повысится. До сих пор в штате Иллинойс существовала лишь *одна* ежедневная газета — «Staats-Zeitung», а между тем Чикаго с каждым днем все больше превращается в центр всего северо-запада Америки, где немецкое население очень многочисленно. За *аккуратность* оплаты я ручаюсь. Если Вы согласны на это предложение, то начинайте немедленно, уже на *этой неделе*, и будьте добры уведомить меня об этом. Адрес следующий: И. Вейдемейеру через Чикагский рабочий союз, почтовый ящик 1345, *Чикаго* (Иллинойс), *Соединенные Штаты*.

Возвращаясь к Фогту. Из моего заявления в различных немецких газетах (в начале февраля) вы вероятно знаете, что я собираюсь отвечать на его пасквиль по окончании процесса о клевете, который я веду против берлинской «Nationalzeitung», в связи с перепечаткой ею выдержек из фогтовской книжонки.

На стр. 180—181 (см. соответствующее место) Фогт говорит о «заговоре», который он расстроил на лозаннском рабочем празднике. Не можете ли Вы дать мне разъяснения по поводу этих хвастливых заявлений? Там говорится буквально следующее...¹

В чем тут дело?

В заключение позволю себе еще заметить, что если бы Вы прислали мне описание деятельности Фогта в форме письма, то оно вошло бы в виде самостоятельной части в мою брошюру (которая

¹ В черновике письма Маркса здесь стоит многоточие. Соответствующее место из книги Фогта приведено в брошюре Маркса «Г-н Фогт», см. стр. 295, XII том Соч. Маркса и Энгельса, изд. ИМЭЛ. 1933 г.

ввиду берлинского процесса может появиться лишь позже), — части, идущей от Вашего имени. Вы оказались бы при этом в очень почетном окружении других эмигрантов. Само собою разумеется, что уплаченный мне издателем полистный гонорар за доставленную Вами часть я переслал бы Вам. Я говорю это потому, что мне хорошо известны условия существования эмигрантов, — я сам живу в таких условиях с небольшими перерывами уже 17 лет, — и потому, что было бы несправедливо, если бы кто-либо из нас получил плату от издателя за счет другого. Ввиду процесса в Берлине и в связи с тем, что главный удар Фогта направлен против меня, моя брошюра будет иметь большой спрос и найдет в Германии хорошего издателя. Спрашивается, не желательно ли сконцентрировать в интересах дела силы нападающих? Само собою разумеется, что Вы разрешите этот вопрос всецело по собственному усмотрению и, я уверен, не истолкуете в дурную сторону мою прямоту.

Шлю привет и жму руку. Всецело преданный вам

К. М.

Если Вы будете мне писать, пишите по адресу: А. Вильямс Esq., 9, Grafton Terrace, Maitland Park, Haverstock Hill, Лондон.

209.

Маркс — Иоганну-Филиппу Беккеру

в Париж.

Лондон, 9 апреля 1860 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill. N. W.

Друг Беккер!

Прежде всего позвольте выразить Вам сердечную благодарность за Ваше письмо, за те сведения, которые Вы сообщили Зибелю устно, и за *пересылку корреспонденции*. Нападение г-на Фогта уже потому следовало бы рассматривать как счастливое для меня событие, — не говоря обо всем прочем, — что оно сблизило меня с ветераном нашей революции и эмиграции. Я не разделяю, впрочем, изумления филистеров перед последовательностью Вашей жизни. Я всегда убеждался до сих пор в том, что все действительно сильные натуры, — назову хотя бы старого Левассера, Коббета, Роберта Оуэна, Лелевелия, генерала Меллине, — раз вступив на революционный путь, даже из поражений всегда черпали новые силы и становились тем решительнее, чем дольше они плыли в потоке истории.

Ближайшим поводом моего письма, — кроме желания лично выразить Вам свою благодарность, — является поручение моего

старого друга И. Вейдемейера завербовать в Европе корреспондентов для «Die Stimme des Volkes».

Это — газета, которую основал в настоящее время в Чикаго американский Рабочий союз; центр его перенесен из Нью-Йорка в Чикаго. Это — ежедневная газета, которая будет приобретать все большее значение, так как Чикаго все более и более превращается в метрополию северо-запада. Посылаю вам заголовок программы.

Условия таковы: Вам пришлось бы писать *раз* в неделю — гонорар 2 доллара за письмо. За четверть года это составит около 5 ф. ст., или 125 франков. Гонорар мал, но иначе и быть не может в рабочей газете. Зато личность моего друга Вейдемейера является ручательством аккуратной выплаты, чего обычно не бывает в других немецко-американских газетах. Если Вы согласны на это предложение, то можете начать уже на *будущей* неделе, но предварительно сообщите мне.

Пакет с корреспонденцией, которая является очень ценной, я получил по почте за день до прибытия в Лондон Зибеля. Я дам ее переплести и буду всегда держать ее для вас наготове. В ней имеется один документ взбунтовавшейся против Виллиха колонны, документ в высшей степени характерный для этого Дон-Кихота.

Было бы очень хорошо, — и очень важно для моей брошюры, — если бы Вы, как хорошо знающий Фази, прислали мне *краткий очерк* его деятельности *со времени государственного переворота* вместе с миниатюрным наброском, рисующим личность этого человека. Фогта я считаю всего лишь прислужником Ф[ази], которого я видел только раз в Париже (в 1843 г.) и сразу раскусил как бывшего сотрудника «National» (где и лучшие сотрудники были *плохи*). Вещица Ломмеля забавна и содержит кое-какие полезные разоблачения о 1847—1848 гг. Я не могу только согласиться с его манерой сводить все к мелочам, когда у него речь идет об источниках революционных событий этого года. Однако, может быть, как раз узость той сферы, с которой он лично соприкасался, дает ему возможность давать живые и правдивые изображения.

Ваши два маленьких стихотворения о Лейбнице и «Все пустяки» («Alles Wurst») мне чрезвычайно понравились; было бы хорошо, если бы Вы (если Вы согласны на мое предложение) приложили их к первому же письму к Вейдемейеру. Вот его адрес:

И. Вейдемейер, через чикагский Рабочий союз, почтовый ящик 1345, Чикаго, Илл., Соединенные Штаты (Илл. — обозначает Иллинойс).

Привет, жму руку.

Преданный Вам К. Маркс.

210.

Маркс — юстицрату Веберу

в Берлин.

Лондон, 13 апреля 1860 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Милостивый государь!

Третьего дня исполнилось уже две недели, как я послал Вам последние документы с просьбой известить меня о получении моих писем и приложений к ним, а также написать несколько слов о ходе процесса. Отсутствие каких бы то ни было известий меня тем более беспокоит, что, согласно Вашему письму от 22 февраля, срок подачи жалобы истекает 22 апреля. Кроме того, Вы там же писали, что я в скором времени получу от Вас известия.

С глубоким уважением преданный Вам

д-р Карл Маркс.

211.

Маркс — юстицрату Веберу

в Берлин.

Лондон, 21 апреля 1860 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Милостивый государь!

Одиннадцать дней тому назад я послал Вам письмо, в котором указывал, что на многочисленные письма (вместе с документами, доверенностью и т. д.), посланные отсюда и из Манчестера, я уже два месяца не получаю ни ответа, ни подтверждения их получения, хотя после Вашего письма от 22 февраля я имел основание ожидать, что быстро получу ответ; кроме того, судя по тому же письму, срок подачи жалобы истекает 22 апреля (т. е. завтра). Поэтому я и просил у Вас объяснений.

Но так как и на это письмо я не получил ответа, то мне приходится сделать либо тот вывод, что мои письма, — хотя все они, за исключением последнего, были посланы заказными, — не дошли до Вас, либо тот, что по крайней мере одно письмо от Вас пропало.

Если и это письмо разделит участь предыдущих, я запршу здешней главный почтамт и прусское посольство, а в случае необходимости открыто заявлю прстест в лондонском «Times».

С совершенным почтением преданный Вам

д-р К. Маркс.

212.

Маркс — Георгу Рейнлендеру

в Лондоне.

[Лондон,] 24 апреля 1860 г.

Дорогой Рейнлендер!

Вы очень обяжете меня, если попросите Штехера указать Вам точно (как можно точнее), когда впервые прибыл Шерваль в Женеву, *как долго* он там оставался и *когда* произошла инсценировка его исчезновения.

Загляните ко мне как-нибудь. У меня есть много, о чем Вам рассказать.

Ваш К. Маркс.

213.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

Лондон, 24 апреля 1860 г.

9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

Большое спасибо за Гумбольдта и Фихте. Последнего я еще не читал, и с твоей стороны было очень умно прислать мне его. Получив от тебя письмо, я попросил Энгельса прислать мне твое письмо и письмо юстицрата Вебера из Берлина. Прочтя последнее, я увидел, что вопрос шел *только* о том, чтобы не упоминать его имени в моих публичных сообщениях в газетах. Следовательно, в этом отношении я ошибся.

Сегодня я получил письмо от Вебера. Из его письма видно следующее. *Вначале* он избрал путь уголовного преследования. 18 числа этого месяца он получил следующий ответ: «Подлинное д-ру Карлу Марксу через г. юстицрата Вебера с сообщением, что не усматривается *публичного интереса*, дающего повод для вмешательства (статья 12 вводного закона к уголовному кодексу от 14 апреля 1851 г.). Берлин, 18 апреля и т. д. Липпе».

По поводу этого решения Вебер подал жалобу верховному прокурору. Одновременно с этим, чтобы продлить срок давности и оставить за собой возможность пойти иным путем, он подал гражданскому судье иск за нанесенное оскорбление.

Для своей брошюры я, конечно, произвел изыскания в Париже и в Швейцарии. Я даже отправил в Женеву собственного посланца. Теперь у меня в руках имеются *доказательства* того, что Фогт — французский агент. В настоящий момент он чувствует себя в

Женева неуверенно и думает о том, как бы получить право гражданства в другом кантоне.

Кстати. Один мой знакомый (берлинец) категорически утверждает, что корреспондентом «Daily Telegraph» является некто Мейер (Meuer или Meier), имеющий отношение к фирме Абрагам М. и К^о (или «с сыновьями») и проживающий в Берлине на Viktoriastrasse. Не можешь ли ты поручить своим дамам навести справки по этому поводу? Ответ на твое письмо пришлю позднее. Эти строки, пожалуй, уже не застанут тебя в Берлине.

Твой К. М.

214.

Маркс — юстирату Веберу

в Берлин.

Лондон, 27 апреля 1860 г.

Милостивый государь!

Имею честь препроводить 15 талеров задатка и в то же время сообщить Вам, что я вполне согласен со всеми предпринятыми Вами шагами.

С совершенным почтением преданный Вам

д-р Карл Маркс.

P. S. После расследования, произведенного по моему поручению в Париже и в Швейцарии (особенно в Женеве), в моем распоряжении имеются теперь *доказательства* (которые я впоследствии, *по окончании* процесса, опубликую в форме брошюры) того, что проф. Карл Фогт является обыкновенным французским агентом. Впрочем, я полагаю, что аннексия Ниццы и Савойи даже слепым откроет глаза на «дело итальянского освобождения» и на грозящую Германии опасность и докажет правоту тех, *кто заблаговременно предупреждал* об этом.

215.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

[Лондон, 2 июня 1860 г.]

Дорогой Лассаль!

Уже около трех недель я страдаю болезнью печени. Болезнь эта помешала мне выполнять всякую работу и все еще не вполне прошла. Подобное состояние отбивает охоту писать.

Прежде чем отвечать на твое письмо, сделаю несколько предварительных замечаний. Берлинского корреспондента «Daily Te-

legraph» зовут Абель. Не мог ли бы ты достать мне кое-какие сведения об этом субъекте?

Верховный прокурор Шварк и во второй инстанции отклонил возбуждение уголовного обвинения против «Nationalzeitung», мотивируя это тем, что дело не представляет «публичного интереса». Вскоре будет разбираться гражданский иск.

Перехожу к твоему письму.

В Берлин я не приеду. Я не присутствовал в Кельне и о показаниях Штибера под присягой знаю только из отчетов «Kölnische Zeitung». На этих отчетах основывается моя критика в «Разоблачениях», так что в качестве свидетеля по этому делу я был бы бесполезен. Если же меня хотят допросить по поводу того или другого пункта, то я готов дать показания (как это часто практикуется по отношению к прочим эмигрантам) в прусском посольстве в Лондоне.

Когда процесс Эйхгофа находился еще на первой стадии, ко мне обратился по этому делу редактор «Hermann'a» — Юх. Я дал ему «Разоблачения», посоветовал пригласить в качестве свидетеля Шнейдера II из Кельна и обратил его внимание на необходимость допросить находящегося в Гамбургской тюрьме Гирша. Этот допрос был проведен, повидимому, очень неумело. Необходимо было бы доставить Гирша в Берлин для дачи свидетельских показаний *самолично*. Только в этом случае, при помощи основательного перекрестного допроса можно было бы публично разоблачить все эти постыдные интриги, так как Гирш был посвящен во все тайны Штибера — Гольдгейма — Грейфа — Флери.

Другой свидетель, который был бы необходим, — это находящийся сейчас в Париже Шерваль (Иосиф Кремер). Несомненно, что Пруссия могла бы потребовать его выдачи, так как он бежал из Аахена в связи с подделкой векселей. Но правительство воздержится от этого. Кроме того, он французский шлик и потому находится также под бонапартистской защитой.

Большинство остальных лиц, допрос которых мог бы иметь значение, находится в Америке. Только один из них еще здесь, — это некто де-Ласпе из Висбадена, служащий переводчиком в английской полиции. Я предпринял необходимые шаги, чтобы добиться свидания [....]¹, и выясню, не *согласится* ли он либо [...] в Берлин, либо дать показания в прусском посольстве. В 1853 г. [.....] разоблачил Штибера в «Times». Статья не была напечатана [.....] вследствие вмешательства *Бунзена*.

¹ Рукопись письма повреждена, пропуски обозначены многоточием в квадратных скобках.

Отмечу теперь несколько пунктов, которые ты, быть может, сумеешь использовать. «Разоблачения» я написал сразу по окончании кельнского процесса. Но впоследствии я продолжал расследование этого особенно заинтересовавшего меня дела. Замечу еще предварительно, что Эйхгоф выдвинул, несомненно, великолепную идею, выставив Гольдгейма и Грейфа, главных своих сообщников, в качестве свидетелей защиты. В общем, дело обстоит так, что Штибера и К^о можно было бы привлечь к судебной ответственности лишь в том случае, если бы правительство назначило расследование по поводу кельнского процесса. Но оно не сделает этого.

Говорят, что Штибер (см. стр. 10 моих «Разоблачений»)¹, показав в Кельне *под присягой*, что «внимание его было привлечено» к хранившемуся у Освальда Дица в Лондоне «Архиву заговорщиков», благодаря тому, что берлинский полицейпрезидиум послал ему в Лондон копии «найденных у Нотьюнга бумаг». Это ложное показание под присягой может быть опровергнуто просто путем просмотра документов кельнского процесса, среди которых должны быть и найденные у Нотьюнга бумаги.

Дело обстояло таким образом. Шерваль (Иосиф Кремер) был парижским корреспондентом виллих-шапнеровского союза и в качестве такового состоял в переписке с Освальдом Дицем. Одновременно Шерваль был агентом прусского посланника в Париже, графа Гатцфельда. Он не только доносил ему о Дице как о секретаре лондонского правления, но и писал Дицу *письма*, которые были предназначены фигурировать впоследствии в качестве вещественных доказательств. Штибер и Грейф (как рассказывал Гиршу *сам Грейф* в присутствии Флери) получали информацию от Гатцфельда. Через Рейтера они узнали местожительство Дица, после чего, по поручению Штибера, Флери вместе с Рейтером обокрали Дица. Это также известно Гиршу.

Между прочим, надо принять во внимание еще следующее хорошо известное Гиршу обстоятельство. Флери снял точные копии с украденных Рейтером писем и дал их прочесть Гиршу. Среди этих писем находилось письмо из Ганновера ст Штехана, где Штехан сообщает о пересылке 30 талеров для эмигрантов. Штибер (вместе со своим другом Вермутом из Ганновера) переделал это в «*530 талеров для возмдей*». Штехан, находящийся, насколько мне известно, в Эдинбурге, наверно, мог бы дать по этому пункту показание перед

---

¹ См. соответствующее место в русском издании, на стр. 508, том VIII, Соч. Маркса и Энгельса, изд. ИМЭ, 1931 г.

судьей. Штибер поклялся далее (согласно отчету «Kölnische Zeitung», см. стр. 11 «Разоблачений»¹), что он получил архив Дица, который был послан ему в Берлин из Лондона, 5 августа 1851 г. На самом деле Штибер 20 июля 1851 г. сам увез этот «архив» из Лондона в Париж. Этот пункт как раз и может при желании подтвердить под присягой вышеупомянутый Ласпе.

Господин Грейф показал в Берлине под присягой, что он не знает Гирша или, во всяком случае, знает его весьма поверхностно. Факт тот, однако, что Гирш на тогдашней частной квартире Альбертса, 39, Breverstreet, Goldensquare (Альбертс был в то время, как и сейчас, *секретарем прусского посольства* в Лондоне), впервые через Грейфа познакомился с Флери. Это было уже после того, как Грейф получил от Гирша доклад о деятельности революционной эмиграции. С того времени Грейф — Флери — Гирш (под руководством Грейфа) работали вместе и вместе изготовили поддельную книгу протоколов.

В апреле месяце 1853 г. Гольдгейм и Штибер снова приехали в Лондон, чтобы сконструировать связь между таинственным пороховым заговором Кошута и берлинским заговором (Ладендорфа). Гирш в то время (т. е. много месяцев спустя после окончания кельнского процесса) постоянно сопровождал их по Лондону и действовал вместе с ними.

Для характеристики прусских агентов в Лондоне — полиция признала перед судом, что Флери был ее агентом, — скажу следующее: фамилия этого Флери — Краузе; он сын сапожника Краузе, который 22—25 лет тому назад был казнен в Дрездене за убийство графини Шенберг и ее камеристки. Некоторое время спустя после кельнского процесса тот же самый Флери-Краузе был приговорен в Лондоне к двум или трем годам тюрьмы за подлог. Теперь он отсидел свой срок и опять работает по-старому.

Французский заговор (complot allemand-français [немецко-французский заговор] был, под руководством Штибера, подстроен Шервалем совместно с Грейфом, Флери, Бекманом, Зоммером и французским шпионом Люсьеном де-ла-Одд, выступавшим под именем Дюпре). По настоянию Шерваля, Грейф (который, подобно Штиберу, клянется, что не знает французско-прусских шпионов Шерваля и Гиппериха) поехал в Северную Германию главным образом для того, чтобы разузнать в Гамбурге о местопребывании некоего

---

¹ См. соответствующее место в русском издании на стр. 509, том VIII, Соч. Маркса и Энгельса, изд. ИМЭ, 1931 г.

портного Тица и завладеть письмами, написанными ему по поручению полиции Шервалем. В Гамбурге он направился на квартиру невесты Тица, чтобы «в качестве друга последнего» взять на хранение кое-какие опасные документы. Затея, однако, не удалась.

Грейф через посредство де-ла-Одд—Дюпре вел также переписку с Мопа относительно освобождения Шерваля и Гиппериха. Как только Шерваль прибыл в Лондон, Грейф назначил ему постоянное жалованье в 10 ф. ст. 10 шилл. в неделю. Тот же Грейф посылал его в Джерси для подготовки там крупного политического заговора. Впоследствии связь Грейфа с Шервалем оборвалась. Все эти пункты г. Гирш может при желании подтвердить под присягой. Они важны как потому, что Грейф в данном случае тоже дал ложную присягу, так и потому, что они касаются отношений Шерваля к Штиберу, а также «истинности» показаний, данных Штибером в Кельне относительно Шерваля. Как раз в тот момент, когда Штибер в Кельне давал присягу, что не знает о местопребывании Шерваля и т. п. (см. стр. 27 «Разоблачений»¹), осуществлялось это сотрудничество между Шервалем и Грейфом, действовавшим по поручению Штибера. Но, конечно, все это может быть подтверждено в *судебном порядке* только показаниями Гирша (который, может быть, и будет говорить на публичном заседании суда) и Шерваля (которого не поймал). Секретарь посольства Альбертс будет, конечно, молчать так же, как и де-ла-Одд, Бекман, Мопа и т. д.

Гирш и Флери (который для этой цели взял напрокат литографический пресс в типографии Стенбери, Fether Lane, Fleetstreet, Лондон) изготовляли по поручению Грейфа листовки: «К сельскому пролетариату», «К детям народа» и т. д., которые Грейф посылал прусскому правительству как листовки партии *Маркса*.

После того как во время кельнского процесса коммунистов свидетель Гаупт внезапно «исчез» из Гамбурга, Гинкельдей поручил через курьера прусскому посольству в Лондоне достать кого-нибудь, кто взял бы на себя роль Гаупта и «подтвердил под присягой» перед судом присяжных его доносы. Полицией-президиум готов был заплатить за это в виде вознаграждения 1 000 талеров. Гинкельдей писал, что от приговора по этому процессу зависит самое существование политической полиции. Гирш, договорившись с Флери (позднее он говорил, что сделал это из «благородных побуждений»), изъявил свою готовность. Все уже было налажено, как вдруг Флери

¹ См. соответствующее место в русском издании на стр. 520, том VIII, Соч. Маркса и Энгельса, изд. ИМЭ, 1931 г.

принес из прусского посольства отрицательный ответ. Новое письмо Гинкельдея гласило: «Государственный прокурор надеется, что при удачном составе присяжных он добьется обвинительного приговора *и без экстренных мер*, а потому он (Гинкельдей) просит пока больше ничего не предпринимать». Прусский шпион в Париже Бекман также имевший приказ приехать в Кельн, чтобы подтвердить показания Штибера по поводу немецко-французского заговора, получил по той же причине новый приказ, отменявший прежний.

А затем происходит курьезнейшая история, прекрасно известная Гиршу и тоже характерная для Штибера и Гольдгейма.

Флери узнал, что я намереваюсь засвидетельствовать в судебном порядке действительные подписи лиц, будто бы «подписавших» протокол (В. Либкнехта, Рингса и Ульмера). Ему было известно, что в одном доме с Виллихом живет эмигрант по имени Беккер. Поэтому он написал следующее письмо от имени Беккера:

«Королевскому полицей-президиуму в Берлине.
Лондон.

Желая показать, что подписи, стоящие под протоколами Союза, являются поддельными, Маркс и его друзья намереваются засвидетельствовать здесь подписи, а затем предъявить их суду присяжных как действительно подлинные подписи.

Каждый, знающий английские законы, знает также, что в этом отношении их можно истолковывать как угодно и что лицо, ручающееся за подлинность, в сущности не дает никакого поручительства.

Сообщающий это не боится дать свою подпись, раз дело идет об установлении истины. Беккер, 4, Litchfield Street».

Штибер заявил суду присяжных в Кельне, что книга протоколов была у него уже в течение двух недель (до того, как он ее предъявил) и что он долго размышлял, прежде чем ее использовать. Он сообщил далее, что она была прислана ему через курьеров Грейфа. А г. Гольдгейм писал прусскому посольству в Лондоне: «Книгу протоколов доставили так поздно только с той целью, чтобы предотвратить возможность *успешных* запросов относительно ее подлинности».

Письмо, подписанное «Беккер», было адресовано полицей-президиуму в Берлин. Если бы оно действительно исходило от Беккера, то оно должно было бы итти в Берлин. А между тем письмо было послано полицейскому чиновнику Гольдгейму по адресу: Кельн, Франкфуртская гостиница, а *конверт* от этого письма — в берлинский полицей-президиум. В него была вложена записка: «г-н Штибер в Кельне даст *подробные объяснения* о цели этого». Следовательно,

Штибер знал, с какой целью было подделано письмо. Флери также писал Гольдгейму специально по этому поводу.

Итак, между Флери, Гольдгеймом, Штибером и прусским полицей-президиумом существовала молчаливая договоренность относительно этой подделки.

(Штибер не воспользовался письмом, ибо еще до этого был вынужден отказаться от книги протоколов, так как, независимо от посланных мною засвидетельствованных подписей, Шнейдер II достал подписи Либкнехта и Ринга в Кельне и, кроме того, на основании одного значительно раньше написанного мною письма, знал о том, что протоколы были сфабрикованы Гиршем. Штибер разувнал, что Шнейдер, а за ним и другие адвокаты сличили почерки Либкнехта и др. в канцелярии суда. Тогда-то на следующем заседании он и выскочил с изобретенным им Г. Либкнехтом (см. стр. 38—40 «Разоблачений»¹).

Штибер знал, что книга протоколов поддельна. В противном случае ему нечего было бы бояться засвидетельствования настоящих подписей.

29 октября Гольдгейм прибыл в Лондон. Штибер послал его туда, чтобы сговориться на месте с Флери и Грейфом, каким образом спасти протокольную книгу. Ему пришлось вернуться ни с чем, сообщив Флери, что Штибер, чтобы не компрометировать полицейского начальства, решил в крайнем случае разоблачить его, Флери.

Флери прибег тогда к последнему средству. Он принес Гиршу образец почерка, которым Гирш должен был написать заявление от имени Либкнехта, и подлинность которого он должен был затем удостоверить перед лорд-мэром, дав ложное показание, что он, Гирш, и есть Либкнехт. Когда Флери передал Гиршу указанный образец почерка для копирования, он сказал ему, что этот образец² исходит от лица, которое писало книгу протоколов, и что Гольдгейм привез его (образец почерка) с собой из Кельна.

(Отсюда следует, что предъявленная в Кельне книга протоколов была не та, которую написали Гирш и Флери; Штибер сам дал снять с нее копию. От книги, изготовленной Флери и Гиршем, она отличалась, если не говорить о некоторых других несущественных пунктах, главным образом тем, что протоколы, посланные Флери,

¹ См. соответствующее место в русском издании на стр. 531, том VIII, Соч. Маркса и Энгельса, изд. ИМЭ, 1931 г.

² В рукописи, очевидно, описка: вместо «образец» — «книга протоколов».

не были подписаны, а протоколы, предъявленные Штибером, были снабжены подписями.)

Гирш переписал заявление возможно более сходным (с образом) почерком. (*Образец почерка* был еще у него, когда он уезжал из Лондона.) Содержание заявления сводилось к следующему: нижеподписавшийся, Либкнехт, заявляет, что подпись, которую Марке и сотоварищи засвидетельствовали как его подпись, является подложной и что единственно правильной является эта его подпись. По дороге к лорд-мэру Гирш заявил, что он не станет присягать. Флери ответил, что он сам принесет присягу. Он был перед этим в *прусском консульстве* (где он, конечно, был прекрасно известен) и заверил у прусского консула свою подпись (как подпись Либкнехта). Затем он отправился с Гиршем к лорд-мэру для дачи присяги. Но лорд-мэр потребовал поручителей, которых Флери не мог доставить, и присяга не состоялась. (Через день — но уж слишком поздно — Флери засвидетельствовал подпись у адвоката.)

Всю эту мерзость Гирш рассказал в своем заявлении перед полицейским судьей Джардином на Bowstreet. Показания его были препровождены председателю апелляционного суда Гебелю, и одновременно с этим две копии их были посланы Шнейдеру II и адвокату Эссеру.

Я не знаю, возможно ли доставить Гирша собственной персоной из Гамбурга в Берлин для дачи показаний на открытом заседании суда и для очной ставки со Штибером — Гольдгеймом — Грейфом. Но Шерваля, который теперь к тому же стал завзятым «цивилизатором» и «освободителем», заполучить при существующем режиме не удастся.

Если бы я сам стал давать свидетельские показания я, конечно, не мог бы даже рассказать, — не сообщая всякого рода вещей, которых говорить не следует, — о том, каким образом я напал на след того или иного факта. К тому же подобное показание не было бы доказательством.

Процесс был бы чрезвычайно прост, если бы правительство действовало добросовестно, но при данных условиях вести его весьма трудно.

Перехожу теперь к Фишелю.

С Давидом Уркартом и его приверженцами (я не говорю — с его партией, потому что в своей *специальной* области, в иностранной политике, Уркарт, кроме секты, считающей его пророком во всех вопросах, имеет приверженцев среди *всех* английских партий, начиная с тори и кончая чартистами) я состою в своего рода договорных

отношениях, начиная с 1853 г., когда появился мой первый памфлет против Пальмерстона. С тех пор я постоянно то получал от них информацию, то доставлял им даром статьи для их «Free Press» (например, мои «Разоблачения об истории дипломатии XVII столетия», статью «Успехи России в Центральной Азии» и т. д.) и передавал в их распоряжение имеющиеся у меня частные сведения относительно русских агентов, вроде Бандя и т. п. Фишель является признанным, так сказать, *официальным агентом* уркартистов в Берлине, но относительно его тамошней деятельности мне известен только целый короб слухов. Вот каким образом я завязал сношения с Фишелем, (которого я лишь случайно встретил в Лондоне в конторе одной газеты, попросив его при случае передать тебе привет). Он выполнял в Берлине различные поручения для меня и Энгельса. По вопросам внутренней политики мы ни разу не обменялись с ним ни единым словом, ни устно, ни письменно; я этого вообще никогда не делал и с Уркартом, после того как я раз навсегда заявил ему, что я революционер, а он заявил мне столь же откровенно, что все революционеры — либо агенты петербургского кабинета, либо люди, одуроченные последним.

В письмах, которыми мы обменивались с Фишелем, он всегда соблюдал большую сдержанность и ограничивался лишь областью иностранной политики, в вопросах которой мы сходимся во взглядах с уркартистами.

Ты, вероятно, читал работы Уркарта, и потому излишне заниматься здесь анализом этой весьма сложной фигуры. Это длинное письмо при моем теперешнем состоянии и без того уже сильно утомило меня. Субъективно он безусловно реакционер (романтик) (хотя, конечно, не в том смысле, в каком реакционна любая *действительно* реакционная партия, а, так сказать, в метафизическом смысле), но это несколько не мешает руководимому им движению в области иностранной политики быть *объективно революционным*.

Мне совершенно безразлично, что его немецкие приверженцы, вроде Бухера, Фишеля и т. д. (брошюра этого последнего «Moskowitzertum» [«Московиты»] мне не известна, но я знаю, что там написано, и не читав ее), усвоили себе и его «англо-саксонские» причуды, которые не лишены, впрочем, своеобразной путаной критичности; мне это так же безразлично, как тебе было бы безразлично, например, во время войны с Россией, по каким мотивам стреляет в русских твой сосед — по черно-красно-золотым или революционным. Уркарт представляет собой *силу*, которой Россия боится. Он является единственным *официальным* лицом в Англии, имеющим мужество и чест-

ность выступать против общественного мнения. Это единственный человек среди них, которого нельзя подкупить (ни деньгами, ни почестями). Наконец, до сих пор среди его приверженцев я всегда встречал *только честных людей*, а потому, пока не будет доказано обратного, должен считать таковым и Фишеля.

Что касается отношений Фишеля с герцогом Готским, то в силу весьма веских соображений я не думаю, чтобы это были *отношения*, основанные на *найме*. Так как этот герцог принадлежит к английской династии, которую Уркарт обычно использует против Пальмерстона и министерской узурпации вообще («почему никогда не стреляют в членов кабинета?» — спрашивает Гумбольдт, предчувствуя эту министерскую узурпацию), то для Уркарта удобнее всего выступать в Германии против России и Пальмерстона от его имени. Брошюра Фишеля «Despoten und Revolutionäre [«Деспоты и революционеры»] была поэтому переведена на английский язык как «The Duke of Coburg's pamphlet» [«Памфлет герцога Кобургского»] и показалась Пальмерстону настолько важной, что он лично ответил на нее в особом анонимном памфлете, очень сильно его скомпрометировавшем. До сих пор Пальмерстон делал несчастных Кобургов козлами отпущения за *свое* руссофильство, брошюра заставила его отказаться от этой лживой уловки.

Вполне возможно и вероятно, что в Берлине антипальмерстоновские выступления Фишеля имеют мало значения. Но зато они важны для Англии (а стало быть, рикошетом и для Германии), поскольку уркартисты ловко используют эту полемику, раздувают ее и пользуются ею в английской полемике, изображая ее как *немецкий* взгляд на Пальмерстона.

Фишель поэтому также является участником в войне, которую мы вместе с уркартистами ведем против России, Пальмерстона и Бонапарта и в которой принимают участие лица, *принадлежащие ко всем партиям и сословиям* во всех столицах Европы вплоть до Константинополя. Наоборот, с Бухером я ни разу не обменялся ни одним словом, потому что это было бы *бесполезно*. Если бы он жил в Берлине, а не в Лондоне, — дело другое.

Когда мы вступим в Германии в *революционную* эпоху, мы, конечно, прекратим *дипломатию*, — дипломатию, в которой, впрочем, ни одна сторона ни в малейшей степени не маскируется и даже не лицемерит. Но даже и тогда эти английские связи окажутся для нас полезными.

К тому же совершенно ясно, что в области иностранной политики

такие выражения, как «реакционный» и «революционный», ничего не дают. *Революционной* партии в Германии сейчас вообще не существует, а самой отвратительной формой реакции является, на мой взгляд, королевско-прусская придворная демократия в том виде, в каком она выступает, например, в «Nationalzeitung», а до известной степени (восхищение перед прохвостом Финке, регентом и т. д.) и в «Volkszeitung».

Уркартисты имеют, во всяком случае, то преимущество, что они «осведомлены» в иностранной политике, — неосведомленные члены их партии инспирируются осведомленными, — что они преследуют определенную значительную цель — борьбу с Россией — и сражаются не на живот, а на смерть с главной опорой русской дипломатии, на Downing Street в Лондоне. Пускай себе они воображают, что эта борьба приведет к установлению «англо-саксонских» порядков. Мы, революционеры, должны использовать их до тех пор, пока они нужны. Это не мешает тому, чтобы мы не давали им пощадки в тех случаях, когда они служат нам помехой, выступая против нас во внутренней политике. Уркартисты никогда не были на меня в претензии за то, что я одновременно писал под своим именем в смертельно ненавистной им чартистской газете Эрнеста Джонса, «People's Paper», пока последняя существовала. Эрнест Джонс смеялся над уркартовским вздором, высмеивал его в своей газете, но в той же газете он открыто признавал чрезвычайную ценность Уркарта в области иностранной политики.

В конце концов романтизм Уркарта, несмотря на его фанатическую ненависть к французской революции и ко всему «общему», («Allgemeine») в высшей степени либерален. Его последним словом является свобода индивидуума, только весьма путано понимаемая. Конечно, чтобы притти к этому, он облакает «индивидуума» во всевозможные старинные одеяния.

Привет.

Твой К. М.

216.

Маркс — Иоганну-Филиппу Беккеру

в Париж.

[Лондон,] 23 июня 1860 г.

Дорогой Беккер!

Не будете ли Вы так добры переслать приложенное при сем письмо Ломмелю? Письмо посылаю по Вашему адресу, так как в Женеве мне известен только адрес самого Ломмеля, — адрес, который

повидимому, ненадежен. По крайней мере в своих последних письмах Ломмель не упоминает о посланных ему мною письмах и не отвечает на мой запрос относительно неполучения одной моей посылки (это длится уже несколько недель), о которой я ему писал.

Передайте мой сердечный привет Шили. Прошу Вас поскорее прислать мне адресованное ему письмо Раникеля.

Только несколько дней, как я снова в состоянии работать, но я все еще на положении выздоравливающего.

Редакторы «Deutsche Zeitung», которая будет выходить в Берлине в начале июля, обратились ко мне через третье лицо с предложением сотрудничать у них. Я еще не дал своего окончательного ответа. Хочу сначала получить более точные данные о личном составе и направлении нового предприятия. Но, судя по опубликованным пока в газетах объявлениям, мне кажется, что оно будет в духе «Национального союза», и, как пишет мне один приятель из Берлина, было бы желательно оказывать на его направление сильное влияние извне. Напишите мне, взялись ли бы Вы вместе с Шили писать корреспонденции в эту газету, — у которой, кажется, есть *средства*, — если бы Вы получили соответствующее предложение непосредственно из Берлина или через Лондон? Прошу Вас ответить мне *немедленно*, так как я, конечно, только в том случае могу поднять этот вопрос в Берлине, если согласие в Париже будет заранее обеспечено.

Памфлет Абу имеет ту заслугу, что фразеология готцев официально признается там принадлежащей по праву бонапартизму.

Сазонова я здесь не видел.

Привет.

Ваш К. М.

Письмо Ломмелю прошу переслать как можно скорее.

217.

Маркс — юстирату Веберу

в Берлин.

Лондон, 2 августа 1860 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Милостивый государь!

К сожалению, я получил Ваше письмо только сегодня, так как несколько дней меня не было в Лондоне. Прилагая 32 рейхсталера и изъявляя Вам глубокую благодарность за Ваши хлопоты, я прошу Вас *подать жалобу в Верховный трибунал*. Я не питаю никакой

надежды на успех, но не хочу все же упускать ни одной возможности добиться своего *права*. Мотивировка следственной камеры кажется мне юридически совершенно несостоятельной.

Прошу Вас *немедленно* прислать мне текст поданной Вами жалобы от 21. VI 1860 или, если жалоба пока должна остаться в делах, то поручить Вашему секретарю переписать в общих чертах обвинительные пункты (с перечислением материалов, обосновывающих отдельные пункты) и переслать копию мне.

С глубоким уважением преданный Вам

д-р *Карл Маркс*.

218.

Маркс — юстицрату Веберу

в Берлине.

Лондон, 20 августа 1860 г.

Милостивый государь!

Около двух недель тому назад я просил Вас переслать мне в копии *обвинительные пункты* Вашей жалобы, в ответ на которую последовало решение следственной камеры. Я должен возобновить эту просьбу, так как без этой копии некоторые пункты в решении следственной камеры остаются для меня непонятными.

С глубоким уважением преданный Вам

д-р *К. Маркс*.

219.

Энгельс — редакции «Allgemeine Militär-Zeitung»

в Дармштадт¹.

Манчестер, 24 августа 1860 г.
6, Thorncliffe Grove, Oxford Road.

Редакции «Allgemeine Militär-Zeitung»

в Дармштадте.

Будучи подписчиком Вашей уважаемой газеты и ободренный лестной замечкой, которую в прошлом году Ваша газета напечатала по поводу моей брошюры «Ню и Рейн» (Берлин, изд. Дункера), я разрешаю себе послать Вам статью, которая представит, быть может, интерес для Ваших читателей. Если я могу быть Вам полезен помимо этого присылкой информации, корреспонденций по отдельным вопросам и т. д., то я с удовольствием готов это делать. Между прочим, я, может быть, вскоре буду иметь возможность прислать Вам интересные сообщения относительно витвортовской пушки

¹ Копия.

и пр. Вам и без того ясно значение, которое имеет также и для Германии военный подъем Англии. Ведь за пределами Германии нашим естественным и неизбежным союзником против бонапартизма является в конце концов только Англия.

Если Вы требуете от Ваших сотрудников послужного списка, то мой покажется Вам, конечно, неудовлетворительным; я служил год в качестве вольноопределяющегося в артиллерийской бригаде прусской гвардии и дослужился лишь до чина бомбардира, а впоследствии участвовал в баденском походе 1849 г. на стороне инсургентов. По окончании действительной службы я, однако, все время занимался военными вопросами.

Если Вы считаете возможным поместить мою статью, то пришлите мне, пожалуйста, немедленно почтовой бандеролью один экземпляр оттиска. Я немедленно помогу перевод статьи в английских газетах в виде извлечения из «Allgemeine Militär-Zeitung», что будет только на пользу Вашей газете. В противном случае прошу Вас возвратить мне рукопись. Так как экземпляр «Allgemeine Militär-Zeitung», получаемый мною через книжный магазин, приходит через месяц после выхода газеты, то, в случае, если Вы не пришлете мне статьи, пройдет слишком много времени, и она потеряет здесь всякий интерес.

Позвольте мне просить Вас поместить в Вашей газете возможно скорее беспристрастный отзыв о моей последней, появившейся в апреле брошюре «Савойя, Ницца и Рейн».

С совершенным почтением преданный Вам

Фридрих Энгельс.

220.

Марке — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

Лондон, 7 сентября 1860 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

Я рад, что ты, наконец, опять подал признаки жизни, хотя и очень сожалею, что ты не можешь сообщить мне более приятных вестей о состоянии своего здоровья. Сам я все время страдаю болезнью печени; это не так болезненно, как подагра (да и не так благородно, по крайней мере по английским понятиям), но умственной работе мешает, пожалуй, еще больше.

Задержка с выходом моей работы против Фогта — если не

считать того, что мне необходимо было заниматься более неотложными делами — объясняется двумя основными причинами.

1. Я хотел дожидаться окончания процесса против «Nationalzeitung», от чего я, однако, сейчас отказался.

Процесс прошел следующие стадии: прокурор, а затем верховный прокурор отклонили жалобу на том основании, что дело *не* представляет «публичного интереса», который оправдывал бы официальное вмешательство. Тогда последовал гражданский иск. *Городской суд* вынес «постановление» об отклонении иска, так как оскорбительные места только «цитировались» (что, между прочим, неверно). Обвинительная камера объявила мотивировку городского суда *неправильной*, но пришла к тем же выводам, на том основании, что клеветнические места не относились и не могли относиться *ко мне* (суд доказывает это путем «неправильного цитирования»), что «Nationalzeitung» не хотела оскорбить меня и т. д. Стиль «постановления» достаточно ясно доказывает растерянность этих господ. Теперь дело перешло в *Верховный трибунал*. Мои познания насчет прусской юстиции, таким образом, обогатились; теперь я знаю, что от решения судебного чиновника зависит, сможет ли вообще частное лицо довести дело до *публичного разбирательства*. Ведь все эти постановления являются лишь «предварительными мерами», чтобы вообще помешать мне выступить в публичном суде против «Nationalzeitung». Юстицрат Вебер, который, повидимому, ничего не знал о моих дружественных отношениях с прусским правительством, разводит руками в своих письмах по поводу этих «необъяснимых» постановлений.

Ты знаешь, что я начал процесс против «Nationalzeitung» до того, как получил книгу *Фогта*. Оказалось, что я поступил правильно, так как «Nationalzeitung» с достойным быть отмеченным тактом собрала *все*, решительно *все* юридически наказуемые *клеветнические обвинения* (клевету я понимаю здесь в смысле уголовного кодекса, простую брань этих господ я не хотел преследовать судом), имеющиеся в книге *Фогта*, а местами привела их даже в еще более резкой форме, чем там. Но я находился в таком положении, что не мог по каждому отдельному пункту требовать от противника *доказательств истинности его обвинений*, а сам должен был *доказывать их ложность*. Единственное исключение составлял пункт о сотнях угрожающих писем, посылаемых якобы в Германию с целью денежных вымогательств. В данном случае «Nationalzeitung», конечно, обязана была достать у своего друга *Фогта одно* из этих угрожающих писем. Итак, судьям ясно, что если дело дойдет до

публичного разбирательства, то «Nationalzeitung» придется осудить, а это — и тем более моя победа в суде — не в интересах общества. «Верховный трибунал» найдет какую-нибудь новую уловку. Во всяком случае, пруссаки дают мне такой материал, приятные последствия которого они скоро заметят по лондонской прессе.

2. *Издатель* — вот трудность, из-за которой сейчас застряло все дело. В Пруссии брошюра не может появиться, так как некоторые места ее, относящиеся к Штиберу и др., повлекли бы за собою судебный процесс против издателя. Переговоры, которые я вел с Гамбургом и т. д., до сих пор ни к чему не привели. Эти господа либо просто отказываются, либо позволяют себе ставить условия насчет тона и содержания брошюры, на которые я, конечно, не могу пойти. О. Мейснер взялся бы за это дело, если бы он не издал уже до этого «Demokratische Studien» [«Демократические этюды»], в которых, кроме тебя и Грюна, участвовал также Фогт со всей своей сворой — Бамберггером, Симоном и др.

Лучше всего было бы напечатать брошюру здесь и распространить ее на континенте через одного из здешних немецких книгопродавцев (как это сделал Фогт в Женеве). Но я не располагаю, подобно Фогту, бонапартовскими субсидиями, которые давали бы мне возможность напечатать здесь брошюру в 12—15 листов.

Вот как обстоит дело. Ты понимаешь, что, выступая против Фогта, я не проявляю той мягкости, какая угодна была бы немецким издателям в отношении господина профессора. Я третирую его как каналью и как комическую фигуру, т. е. так, как он этого заслуживает.

Из Швейцарии и Америки я также получил множество запросов о выходе брошюры.

Моя жена шлет тебе сердечный привет. С Фрейлигратом я уже в течение нескольких месяцев избегаю встречаться, так как не хочу иметь с ним неприятного столкновения, а с другой стороны, не в моем вкусе проявлять в решительный момент трусливую осторожность (из-за его деловых связей с Джемсом Фази, который является его патроном). (Особенно неуместным я считаю то, что он продолжает поддерживать интимное общение с Блиндом и после того, как я доказал ему судебными документами, что Блинд при отягчающих вину обстоятельствах выманил у наборщика Вие ложное показание относительно памфлета «Предостережение» с целью опубликовать это показание в аугсбургской «A[llgemeine] Z[ei]tung».) Перед лицом света мы, как и прежде, «друзья», но общение между

нашими семьями совершенно прервано. Моя жена, как ты знаешь, человек с характером.

Надеюсь, что скоро ты пришьлешь лучшие вести о себе.

Привет.

Твой К. М.

221.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

[Лондон,] 15 сентября 1860 г.

Дорогой Лассаль!

Пишу очень кратко, чтобы эти строки еще застали тебя.

1. Фрейлиграту я написал (третьего дня), прося его ответить на твой вопрос. Ответа не последовало. Ну, конечно! Ведь отвечать на такие вопросы *противоречило бы его служебным обязанностям*.

2. Относительно книги о Фогте. После всякого рода попыток я пришел к убеждению, что есть только одна возможность — *печатать в Лондоне*. Впрочем, книга намеренно написана так, чтобы ее *не могли конфисковать*, так что хотя ее и нельзя напечатать в Берлине, она все же может быть распространена в Германии через Лейпциг, как и всякая другая книга. Непосредственно отсюда ее можно переслать в Швейцарию, Бельгию, Америку. Частично оплатит Энгельс, частично — я. Но дело это обойдется дорого, так как лист стоит здесь 4½ ф. ст. Часть придется раздобыть тебе, если можешь. В надежде на удачу, я велел начать печатание уже на будущей неделе. Если денег собрать не удастся, то мы потеряем только то, что будет израсходовано на напечатанные до тех пор листы.

3. Гарибальди разделял мой взгляд на *миссию Бонапарта*, совершенно так же, как и Мадзини. У меня были письма Гарибальди по этому вопросу. Впрочем, прошлое не имеет теперь значения. Как только Гарибальди сделает борьбу итальянцев независимой от Бонапарта (*а это и есть его цель, как он совершенно определенно говорит в письме к одному моему английскому знакомому (Грину)*), наступит конец всем спорным вопросам *внутри революционной партии*. Но теперь важно, чтобы мы сговорились насчет программы. Если бы ты составил черновик, то Энгельс, Вольф и я договорились бы с тобой насчет возможных изменений. Приближается момент, когда наша «маленькая», но в известном смысле «могучая партия» (поскольку прочие партии не

знают, чего они хотят, или не хотят того, что они знают) должна набросать план своей кампании. То обстоятельство, что *именно мы* (здесь в Англии) выступаем в национальном духе, кажется мне — оставляя в стороне внутреннюю правоту такой политики — даже и тактически правильным.

4. Что касается нашего отношения к России, то я думаю, что ты ошибаешься. Тот взгляд, который составили себе я и Энгельс, сложился совершенно самостоятельно, и, могу сказать, не без труда, в результате многолетнего изучения русской дипломатии. Правда, в Германии Россию ненавидят, и уже в первом номере «*Neue Rheinische Zeitung*» мы выдвинули войну против русских как революционную миссию Германии. Но ненависть и понимание — две совершенно различные вещи.

5. Твоя похвала моей книге обрадовала меня, так как она исходит от компетентного судьи. Я надеюсь, что к пасхе сможет появиться и вторая часть. Форма будет несколько иной, до некоторой степени более популярной. Это отнюдь не вызывается внутренними побуждениями с моей стороны, но, во-первых, эта вторая часть преследует непосредственно революционную цель, и, кроме того, изображаемые мною отношения более конкретны.

В России моя книга вызвала большой шум, и один профессор прочел о ней в Москве лекцию. Кроме того, я получил от русских множество дружеских писем по поводу нее, а также и от французов, понимающих по-немецки.

6. *Относительно Г. Бюргера*. На кроткого Генриха это похоже. Он был, правда, номинальным соредактором «*Neue Rheinische Zeitung*», но никогда ничего не писал в ней, кроме единственной статьи, одну половину которой я вычеркнул, а другую переделал. Бюргерс так разгневался (это было в первые дни существования газеты), что потребовал всеобщего голосования. В виде исключения я пошел на это, заявив в то же время, что в газетной редакции должна господствовать диктатура, а не право всеобщего голосования. Результаты всеобщего голосования оказались целиком против него. С этого времени он перестал писать. Впрочем, тюрьма, кажется, сделала его очень умеренным. Вот казематного Вольфа стоит похвалить. Это натура, диаметрально противоположная Бюргерсу.

Но еще более, чем Бюргерс, меня раздосадовало то, что геттингенский адвокат Микель, очень талантливый и энергичный член нашей партии, примкнул к Беннигсену.

7. В Берлине вышли в свет «*Polizeisilhouetten*» [«Полицейские

силуэты] д-ра Эйхгофа. Написаны они плохо, но содержат ценные факты. Бросают яркий свет на либеральную «полицию» и «суды» в Берлине. Книга была немедленно конфискована. Один экземпляр благополучно дошел сюда.

8. Что касается прусского *судопроизводства*, то я должен признаться в моем полном невежестве. Я никогда не воображал, что получу *материальное* возмещение, но я думал, что процедура такова, что я смогу, по крайней мере, добиться *публичного разбирательства*. Это было все, чего я хотел.

Разве по (старому) Рейнскому уложению возбуждение частного иска за оскорбление или клевету также зависит от предварительного разрешения судебных властей, т. е. правительства?

Привет.

Твой К. М.

222.

Марке — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

Лондон, 2 октября 1860 г.

Дорогой Лассаль!

Твое письмо к Фрейлиграту я немедленно переслал ему.

Конечно, когда я писал, что ты должен постараться «раздобыть» известную сумму, я употребил двусмысленное выражение. Только не обращай ни к кому, кто не находится со мной *лично* в дружеских отношениях. А вообще хорошо было бы получить эту сумму поскорее. Я, впрочем, не думаю, что это потерянные деньги, так как издержки-то уж во всяком случае удастся покрыть.

Энгельс написал в дармштадтскую «Allgemeine Militär-Zeitung» статью об английских стрелках, переведенную затем в манчестерском «Volunteer Journal». Она перепечатывалась и обсуждалась всей лондонской прессой.

Судя по письмам, которые я получаю непосредственно из лагеря Гарибальди, — положение тревожное. Кавур является прямым орудием Бонапарта и держит в руках Виктора Эммануила. Гарибальди трудно будет устоять против Бонапарта и пьемонтской армии, тем более, что вся буржуазная и аристократическая сволочь Италии идет вместе с Кавуром. Собственная армия Гарибальди до некоторой степени ухудшилась, так как он вынужден был распределить свои лучшие войска среди неаполитанского сброда и пьемонтских солдат.

Извини меня, что я на этот раз не отвечаю на твое письмо и вообще пишу только несколько строк. Кроме работы (приятной) над корректурой и моих обычных занятий, я награжден еще отвратительной невралгией всей левой части головы.

Привет.

Твой К. М.

Верховный трибунал еще не вынес решения. Как только дело будет рассмотрено и мне не разрешат публичного разбирательства, я опубликую здесь памфлет в один печатный лист, под названием «Прусское правосудие».

223.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

Лондон, 23 октября 1860 г.

Дорогой Лассаль!

Извини, что я пишу тебе только несколько строк. Наряду с моими обычными занятиями я как раз сейчас завален корректурными листами.

Ты *очень* обяжешь меня, если деньги, которые ты можешь мне послать, пришлешь к началу ноября, так как хозяину типографии я выдал вексель, срок которому истекает в начале ноября (лондонским типографиям принято платить, собственно говоря, *еженедельно*).

Сегодня я получил окончательный отказ Верховного трибунала, гласящий следующее: «В Вашей жалобе от 23 августа с. г. на постановление уголовного сената Королевского апелляционного суда в деле оскорбления д-ра К. Маркса редактором «Nationalzeitung» д-ром Цабелем от 11 июля с. г. по рассмотрении соответствующих документов, как необоснованной, Вам отказано. Королевский апелляционный суд не усмотрел в обеих инкриминируемых статьях «Nationalzeitung» *объективного оскорбления чести истца* и не нашел, чтобы при этом имелось *намерение оскорбить последнего*, и поэтому правильно отказал в разрешении направить жалобу об оскорблении.

Вопрос же о том, имеется ли налицо объективно оскорбление чести и существовало ли намерение оскорбить жалобщика, есть по существу вопрос констатации фактов, на что можно подать жалобу в королевский Верховный трибунал лишь тогда, когда в решении апелляционного судьи по этому пункту допущена юридическая ошибка. Однако в данном случае таковой не было. Издержки и т. д.»

Как твое здоровье? Мое все еще очень неважно.

Привет.

Твой К. М.

224.

Марке — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

Лондон, 5 ноября 1860 г.

Дорогой Лассаль!

С благодарностью сообщаю тебе, что получил 12 ф. ст., доставленных мне в субботу. К обоим упомянутым тобою лицам¹ ты все же не обращайся.

Заявление *Семере* поразило меня в той мере, в какой вообще может поразить что-либо, исходящее от венгерской эмиграции. Семере действует отнюдь не под влиянием личных побуждений, а страдает «государственной мудростью»!

Как только покончу с печатанием и освобожусь, наконец, — напишу тебе подробно.

Твой К. М.

Надо надеяться, и очень вероятно, что в Соединенных Штатах победит на этот раз республиканская партия (органом которой является «*Tribune*»).

Я написал сегодня своему адвокату *Веберу*, чтобы он передал тебе бумаги, связанные с моим процессом. Прошу тебя пока их *хранить*.

225.

Марке — Францу Дункеру
в Берлин.

Лондон, 24 ноября 1860 г.

Милостивый государь!

Очень прошу Вас поместить прилагаемое заявление по возможности скорее в «*Volkszeitung*» и прислать мне один экземпляр.

Экземпляр моей брошюры *против Фогта* Вы получите, вероятно, на следующей неделе. Моему другу Лассалю я посылаю 3 экземпляра — 1 для него, 1 для графини Гатцфельд и 1 для фрейлейн Людмилы Ассинг.

Не будете ли Вы так добры уведомить об этом Лассалья. Сообщите ему также, что моя жена уже неделю больна очень опасным инфекционным заболеванием, так что по предписанию врача мне пришлось удалить троих моих детей из дома. Лассаль поймет, что при таких условиях я не могу ему писать; сам же он весьма обяжет меня, если напишет.

С совершенным почтением всецело преданный Вам

К. Маркс.

¹ Маркс имеет в виду Людмилу Ассинг и Франца Дункера.

1861 год.

226.

Маркс — Карлу Зибелю

в Эльберфельд.

Лондон, 3 января 1861 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Зибель!

Поздравляю тебя и твою дражайшую половину с Новым годом! С благодарностью извещаю тебя о получении моей библиотеки и твоего письма.

Из шести экземпляров «Г-на Фогта», которые ты заказал, будь добр послать один в «Kölner Anzeiger», один в «Zeitung für Norddeutschland» (Ганновер) и три в беллетристические журналы по твоему выбору. А главное, прочти сам один экземпляр и дай о нем отзыв.

Что касается «Kölner Anzeiger», то эту газету ты можешь использовать в противовес «Kölnische Zeitung».

Книга распродается хорошо, и Петч «подумывает» о втором издании. В связи с этим крайне важно, чтобы ты доставал по возможности *все*, что появляется об этой книге в Германии, и держал бы меня в курсе всего этого. (Я получаю здесь только «Allgemeine Zeitung», «Neue Preussische Zeitung» и «Volkszeitung».)

Эд. Мейен уже поднял в «Freischütz» душераздирающий «воплъ». Да здравствует следующий!

Надеюсь, что в дальнейшем ты найдешь время написать мне несколько подробнее.

У меня было очень тяжелое положение в последнее время. Моя жена в течение пяти недель была чрезвычайно опасно больна, и мне пришлось увезти из дома всех троих детей.

Что касается Шили, то мы ему снова вправим мозги.

Привет.

Твой К. Маркс.

227.

Маркс — Карлу Зибелю
в Эльберфельд.

[Лондон,] 3 января 1861 г.

Дорогой Зибель!

Я только что заметил, что письмо тебе — в ответ на полученное мною сегодня твое письмо — я послал по ложному адресу, именно: *Эльберфельд, до востребования*, К. Зибелю младшему. Настоящим исправляю эту ошибку. Еще раз искренний привет.

Энгельс только что написал мне, что спесивый д-р Борхардт очень недоволен тем, что в «Г-не Фогте» я упомянул «трех немецких врачей» в Манчестере как лиц, жертвовавших деньги на газету «Volk». Несчастный, претенциозный дурак.

Привет!

Твой К. М.

228.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

Лондон, 16 января 1861 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park.
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

Прежде всего — мои наилучшие, хотя и запоздалые, новогодние поздравления.

Моя жена теперь выздоравливает. Из-за ее болезни я и сам серьезно заболел, и сейчас у меня воспаление печени. Тоже приятный новогодний подарок. До сих пор болезнь была хроническая, а теперь принимает острую форму.

Этим объясняется мое молчание, несмотря на то, что я и жена моя глубоко сочувствуем твоим страданиям. Надеюсь, что в следующем письме ты сможешь сообщить о себе более приятные новости. Если ты пришлешь мне *весьма подробное* описание хода болезни, то я посоветуюсь с врачом, которого я считаю настоящим *гением* врачебного искусства. Но он живет не здесь, а в Манчестере.

Королевско-прусская амнистия, которая фактически не распространяет своих милостей ни на кого из эмигрантов, очень позабавила меня. Впрочем, только что вступивший в Национальный союз Готфрид Кинкель, при соответствующем истолковании «акта помилования», может возвратиться на родину. Что касается Бухера, Фрейлиграта, Боркгейма, Циммермана из Шпандау и многих других, то они давно уже стали «натурализованными англичанами».

Фаухер, бывший раньше лондонским корреспондентом «*Neue Preussische Zeitung*», а впоследствии соредактором «*Morning Star*» (Манчестерская школа), — человек, с которым каждый может *ладить*, так как он не только не скрывает, а, наоборот, открыто выставляет на показ свою берлинскую бесхарактерность, — человек, которого вообще никто из знающих его не принимает политически всерьез, — этот самый Фаухер думает, что он может теперь разыгрывать прусского Кобдена. На здоровье! Таков, по крайней мере, был его план, когда он уезжал из Лондона.

Один из моих друзей, И. Ф. Беккер, находится теперь на Капрера у Гарибальди. Он пишет мне, что серьезная часть южно-итальянского движения была организована почти исключительно мадзинистами, что Гарибальди не слишком умен и что в лагере его друзей господствует полнейшее смятение. Впрочем, Гарибальди согласен с Мадзини в том, что у Кавура нечестные намерения даже по отношению к Виктору-Эммануилу и он является прямым орудием Бонапарта, а что интервенция в Гаэте, затем назначение [Ла] Фарина наместником Сицилии, Фарини — наместником Неаполя и т. д. являются хорошо рассчитанными шахматными ходами, чтобы принудить Виктора-Эммануила к новым территориальным уступкам Франции и к уступкам Мюрату в Южной Италии. Это ему удастся, и вскоре это скажется.

Рабовладельческий кризис в Соединенных Штатах через год-другой приведет к страшному кризису в Англии; манчестерские хлопчатобумажные магнаты уже и сейчас начинают дрожать.

Я редко читаю немецкие книги, но недавно попала мне в руки книга А. Бастиана «*Der Mensch in der Geschichte etc.*» [«Человек в истории и т. д.».]. Я нахожу эту книгу плохой, бесформенной и претенциозной. Его «естественно-научное» обоснование психологии не идет дальше благочестивого пожелания. С другой стороны, «психологическое» обоснование истории доказывает, что человек этот не знает, ни что такое психология, ни что такое история.

Очень большое значение имеет работа Дарвина, она годится мне как естественно-научная основа исторической борьбы классов. Приходится, конечно, мириться с грубо-английской манерой изложения. Но, несмотря на все ее недостатки, здесь впервые не только нанесен смертельный удар «телеологии» в естественных науках, но и эмпирически выяснен ее рациональный смысл.

За последнее время мне чаще попадаются немецкие газеты. Это отвратительная дрянь. Да вдобавок поистине тошнотворная, самодовольная посредственность.

Не можешь ли ты прислать мне второй выпуск «Polizeisilhouetten» [«Полицейских силуэтов»] Эйхгофа? Здесь их нельзя достать.

Я прочел теперь также «Totenschau» [«Смотр мертвецов»] Валесроде. Хорошенькие там есть истории! Но изложение вялое, что обясняется, впрочем, тем временем, когда книга была опубликована.

Наилучшие пожелания выздоровления и привет от моей жены.

Твой К. М.

Мерославский, который только что был в Париже, сообщил моему другу Шили, что дела идут «плохо». При этом он очень неблагоприятно отозвался о «Клапке». Но для меня неясен вопрос и о самом Мерославском.

229.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Берлине.

[Лондон,] 28 января 1861 г.

Дорогой Лассаль!

Я пишу тебе сегодня наспех, даже не из дома, а из Сити. В ближайшие дни ты получишь подробное письмо с ответом на все твои запросы. Прежде всего спасибо за твою посылку. Один экземпляр петиции я переслал Фрейлиграту, № 2 получил Энгельс, № 3 остается у меня. Это — великолепный документ и войдет в историю современности.

Будь добр, отошли немедленно прилагаемую записку г. Эйхгофу.

При теперешнем состоянии твоего здоровья долг дружбы запрещает мне понуждать тебя к новым работам. При других обстоятельствах я считал бы памфлет против Цабеля, в том виде, как ты его задумал, делом политической важности.

Моя жена шлет сердечный привет тебе и графине. Ее выздоровление подвигается вперед. Что касается меня, то я думаю, что на некоторое время смогу бросить все лекарства (вчера я допил последнюю склянку).

Поклонись от меня графине. В моем следующем письме к тебе я возьму на себя смелость приложить несколько строк на ее имя.

Твой К. Маркс.

230.

Маркс — Фердинанду Фрейлиграту
в Лондон.

[Лондон,] 7 февраля 1861 г.

Дорогой Фрейлиграт!

Я договорился с Энгельсом о том, что 30 фунтов стерлингов ты можешь получить в любой момент, а возмещение расходов — через

24 часа после получения уведомления. Обращение к портному становится поэтому излишним, и я прошу тебя сообщить Энгельсу, когда он должен выслать деньги.

Я буду вынужден отправиться в Голландию, иначе мне не продержаться при нынешнем кризисе. Будь добр, узнай у кого-нибудь из знакомых коммерсантов, как обстоит в Голландии дело с *паспортами*, — необходимо ли иметь паспорт? «Подлость» «Трибуна», совпавшая с другими неприятностями, оказалась для меня тем более роковой, что она помешала мне выполнить дальнейшие предписания врача для лечения моей жены. Хотя я и не принадлежу к числу «немецких страдальцев» и всегда враждебно относился к этой категории, тем не менее я считаю, что свою долю горя я в изгнании хлебнул.

Кроме предложения от Лассалья, я получил из Германии еще два предложения публицистической работы. Но я полагаю, — и ты, вероятно, разделяешь мой взгляд, — что буря еще не достаточно близка, чтобы уже теперь давать свое согласие на это.

Привет.

Твой К. М.

Ты можешь убедиться в том, что за хвостун этот старик Руге, если сравнишь энгельсовскую «Кампанию за имперскую конституцию» в «Revue» с тем, что тебе наврал Арнольд.

231.

Энгельс — своей матери Элизе Энгельс

в Бармен.

Манчестер, 13 февраля 1861 г.

Дорогая мама!

Возвращаю подписанные договоры (7 экземпляров, 8-й я оставил у себя). Должен сказать, что если бы не ты, мне было бы трудно решиться на этот шаг. Мне было тяжело добровольно отстраняться от единственного отцовского предприятия, которое *наверняка* остается за нами, и к тому же, отстраняться, по-моему, без достаточных к тому оснований или поводов. Полагаю, что и я имел право на это предприятие, а мои братья не в праве были требовать, чтобы я ни за что, ни про что отказался от своих прав в их пользу. Мои требования были безусловно справедливы. Кроме того, я их выдвинул своевременно, чтобы они были приняты во внимание при обсуждении вопроса. Когда Э. Бланк был здесь, он признавал, что я прав. Но после этого мне ничего не сообщали, и только тогда, когда

остальные обо всем договорились, ко мне обратились с требованием согласиться на отказ от моих претензий, обосновывая это (в письме Эмиля) такими доводами, которые, может быть, и носят весьма деловой характер, но которые я не стал бы выдвигать в такой форме против своих братьев. Мне в утешение остается только *заверение* Эмиля, что Готфрид Эрмен по его *убеждению* не нарушит своего договора со мной. Но эта его уверенность не разделяется нашим адвокатом, который не раз говорил Эмилю, что договор, *как таковой*, не дает мне никаких законных гарантий. Братья получают предприятие в Энгельскирхене, а я — уверенность Эмиля.

Дорогая мама, ради тебя я подавил в себе все эти чувства и многие другие. Ни за что на свете я не соглашусь, хотя бы в ничтожной степени, способствовать тому, чтобы на склоне лет твоя жизнь омрачилась семейными ссорами из-за наследства. Я полагаю, что мое поведение во время моего пребывания у вас и мои письма достаточно ясно свидетельствуют о том, что мне и в голову не приходило ставить помехи какому-либо соглашению и что я, наоборот, охотно пшел на жертвы, чтобы уладить все согласно твоему желанию. Поэтому я без всяких разговоров подписал и этот документ. Я ни за что не допущу, чтобы тебя еще тяготили и тревожили подобные вопросы. Я не буду за это в обиде на братьев и не стану напоминать им об этом деле, если они меня к этому не вынудят. Я считаю, что с этим покончено, и не собираюсь хвастаться жертвой, которую, как мне кажется, я принес. Но я считаю своим долгом прямо сказать тебе, какими мотивами я руководствовался в этом деле; само собой разумеется, что мне и в голову не приходит, что ты могла бы добиться разрешения вопроса в более благоприятном для меня смысле. Наоборот, я знаю, что во время всех переговоров ты помнила и обо мне и делала для меня все возможное.

Вопрос решен — и делу конец.

Не думаю, чтобы тебе пришлось когда-либо снова услышать от меня об этом. Если Эмиль приедет сюда, я, разумеется, приму его так же по-братски, как и всегда. Хоть мы и разошлись с ним во взглядах по данному вопросу, он все же прекрасный малый, очень близко принимавший к сердцу мои интересы, когда был здесь.

Шлафрок уже получен и пришелся очень кстати, так как здесь снова наступили холода. Но красные нашивки несколько грубоваты для здешнего вкуса. У меня появился еще щенок-крысолов, который составляет мне теперь компанию дома.

Надеюсь, что ты уже поправилась от своей простуды и что избавление от всех связанных с наследством забот подействует на

тебя благотворно. А Зиг¹ следовало бы купить, если только это возможно!

Передай сердечный привет Герману и семьям Рудольфа, Бланка и Беллинга.

Искренно любящий тебя твой сын

Фридрих.

232.

Марке — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

[Лондон.] 15 февраля 1861 г.

Дорогой Лассаль!

За моим первым письмом к тебе не последовало, вопреки моим намерениям, второго, потому что за это время наступил *кризис*, — денежный кризис. Дана написал мне из Нью-Йорка, что они («*Tribune*») рассчитали *всех* своих европейских корреспондентов и оставили только меня одного, но что 1) выход Энциклопедии временно прекращен, 2) мое сотрудничество приостановлено на шесть недель и, наконец, 3) впредь я должен буду писать на один раз в неделю реже.

В силу этих обстоятельств и тех расходов, которые были вызваны болезнью моей жены, мне придется поехать в Голландию к моему дяде Филиппу, чтобы вообще привести в порядок свои денежные дела. Так как на путешествие мне нужны деньги, то я выдал на тебя вексель в 20 ф. ст. (около 34 галеров) сроком на шесть недель. Я пришлю тебе эту сумму *до наступления срока* платежа из Голландии *или сам привезу ее в Берлин*, так как возможно, что я доберусь и туда. Приеду я туда, конечно, в качестве *путешественника*, если вообще перейду голландскую границу и вступлю на почву Германии (будь я Карлом Гейнценом — богатырем Гейнеке — я сказал бы: «перешагну»).

Твой *Карл Маркс.*

233.

Энгельс — своей матери Элизе Энгельс

в Бармен.

Манчестер, 27 февраля 1861 г.

Дорогая мама!

Я сейчас же ответил бы тебе на твое милое письмо, но в связи с приездом Эмиля у меня была такая масса текущих дел, что это

¹ Речь идет об участке на реке Зиг.

было для меня совершенно невозможно. Вчера утром он уехал и сегодня вечером, по всей вероятности, уже будет в Энгельскирхене. Дорогая мама, не беспокойся, пожалуйста, о том, что из-за деловых вопросов я буду в обиде на своих братьев; у меня этого и в мыслях нет. Мне было очень неприятно, когда пришлось самому отойти от отцовского дела, и меня очень задело, когда то, что я рассматривал как принадлежащее мне *право*, так легко обошли, под различными предлогами, которые к этому праву никакого отношения не имеют, и потребовали моего согласия как чего-то само собой разумеющегося. Я не хочу сказать, что дело сейчас не обстоит так же хорошо, а может быть даже и лучше, чем оно обстояло бы, если бы были приняты во внимание мои претензии, но ведь никто не считал даже нужным разъяснить мне, что это так, и ты не можешь отрицать, что требовать от меня подписания договора при таких обстоятельствах значило требовать слишком много. Теперь, однако, вопрос решен, и ты можешь быть уверена, что я не буду питать ни малейшей обиды за это ни к одному из своих братьев. Мы еще не раз будем нуждаться друг в друге, да к тому же, как ты знаешь, мне не свойственна мания разыгрывать из себя непризнанную добродетель. Я уверен, что Эмиль не заметил во мне ни тени досады или, тем более, раздражения по отношению к нему, да и не мог он этого заметить, так как я теперь вполне примирился со всем этим и хочу только одного — чтобы предприятие в Энгельскирхене приносило всем четверым хороший доход. Итак, не огорчайся, милая мама. Для меня с этим вопросом решительно покончено, и даже неприятное чувство, с которым я подписывал договор, окончательно изжито, устранено и забыто. Я думал о том, что если для *меня* это дело было в известной степени неприятно, то ты во время переговоров наверное должна была испытывать куда чаще и гораздо более неприятные моменты; я рад, что мог одним росчерком пера положить всему этому конец. Я ведь могу еще иметь сотни других предприятий, но другой матери у меня никогда не будет.

Живется мне, в общем, не плохо. Эмиль хорошо провел здесь время и сообщит тебе, что с Готфридом мы дело почти покончили, так что и этот вопрос, наконец, улажен. Ну, прощай, будь здорова, следи за собой и передай сердечный привет Герману и семьям Рудольфа, Бланка и Беллинга.

Искренно любящий тебя твой сын

Фридрих.

234.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

Зальт-Боммель, 7 марта 1861 г.
Голландия (адресовать Л. Филиппсу).

Дорогой Лассаль!

Как я уже раньше писал тебе, я собираюсь съездить отсюда в Берлин, чтобы лично переговорить с тобой относительно кое-каких совместных литературно-политических начинаний, а также для того, конечно, чтобы вообще повидаться с тобой.

Но ты должен дать мне совершенно точные сведения о следующем. У меня нет другого паспорта, кроме старого французского паспорта 1849 г., выданного мне при моем изгнании. Обращаться к прусскому посольству в Лондоне мне было противно. Перейти в английское подданство (как сделали Фрейлиграт, Бухер, Циммерман и др.) и путешествовать с английским паспортом я тоже не хотел. Возникает следующий вопрос: в 1845 г., когда прусское правительство преследовало меня в Бельгии, я через посредство своего шурина получил прусское эмигрантское свидетельство. В 1849 г. я, как известно, был изгнан прусским правительством под тем предлогом, что я перестал быть прусским подданным. Но ведь по закону прусскими «подданными» перестают быть все эмигранты, пробывшие десять лет за пределами страны. Я за границей никогда не натурализовался. Далее, согласно решению предпарламента 1848 г., — решению, которого при выборах во Франкфуртский парламент фактически придерживались все немецкие правительства, — все эмигранты могли требовать восстановления своего немецкого гражданства даже в тех случаях, когда они, подобно Фогту и другим, уже натурализовались за границей и могли всюду выбираться в члены парламента. Опираясь на это, я в 1848 г. потребовал восстановления своего прусского гражданства. Тогдашнее прусское министерство отказало мне в этом, но рассматривать меня как иностранца оно осмелилось лишь после поражения революции.

Практически в данный момент значение этого вопроса ограничивается для меня тем, могу ли я беспрепятственно приехать в Берлин. Если бы только удалось проехать через границу, то в Берлине мне уж нечего было бы бояться, но на периферии более опасно.

Ты знаешь, что я хочу здесь при помощи дяди (он управляет имуществом моей матери и в былые времена нередко давал мне значительные суммы в счет моей доли наследства) привести в порядок свои запутанные денежные дела. Человек этот скуп, но очень

гордится моей литературной деятельностью. Поэтому в твоём письме ко мне упомяни, пожалуйста, об успехе (*lucus a non lucendo*)¹ моей последней брошюры против Фогта, о совместных планах создания газеты и т. п. и вообще так составь письмо, чтобы я мог «доверительно» показать его дядюшке. Не забудь при этом сообщить и кое-что о политике. Вы понимаете меня, мой друг.

Сердечный привет тебе и графине.

Твой К. Маркс.

(Эльт-Боммель находится под Нимвегеном. Не думаю, чтобы тебе было знакомо это название. Но оно стало известным из-за последнего наводнения.)

Заговор молчания, которым вся немецкая пресса встретила мою последнюю работу, так же, как и предыдущие, в сущности мне очень льстит, хотя он и мешает распродаже издания. Надеюсь, состояние твоего здоровья улучшилось.

235.

Маркс — Карлу Зибелю

в Эльберфельд.

[Берлин,] 28 марта 1861 г.

Адрес (письмо ко мне вложить в конверт):
13, Bellevuestrasse, Берлин, д-ру Ф. Лассалю.

Дорогой Зибель!

Тайна моего путешествия, которая вызвала у тебя, вероятно, некоторое недоумение, заключается в следующем:

Вследствие американского кризиса издание «*Cyclopaedie Americana*» [«Американской энциклопедии»], в которой я сотрудничал, было совершенно приостановлено. Приостановилось до конца апреля и мое сотрудничество в «*Tribune*» — этом главном источнике моих доходов, — а, начиная с апреля, на ближайший период («*Tribune*» временно отказалась от *всех* европейских корреспондентов, *за исключением меня*) это сотрудничество было уменьшено наполовину. К этому присоединилась еще двойная беда: «Г-н Фогт» обошелся мне вместе с процессом и пр. около 100 ф. ст., и случилось ужасное несчастье — моя жена заболела оспой (хотя ей два раза делали прививку), и во время ее двухмесячной болезни мне пришлось вести хозяйство на два дома, так как дети дома оставаться не могли. Поэтому необходимо было изыскать другие ресурсы. Товарищи по партии уже до

¹ См. примечание на стр. 219.

этого предлагали мне основать здесь осенью газету, и вот почему я тут. Подробности в следующем письме.

Между тем, в Берлине (долго я здесь не останусь) я попал в затруднительное положение. Я был бы тебе очень благодарен, если бы ты ссудил мне 100—150 талеров.

Во *всяком* случае, еще до моего отъезда в Англию я хочу повидаться с тобой и заодно поговорить о проекте газеты (для этого уже имеются 20 000 талеров). Итак, при *всех* обстоятельствах напиши мне, в какой гостинице в Эльберфельде мне лучше остановиться на одни сутки.

Твой К. Маркс.

236.

Маркс — Карлу Зибелю
в Эльберфельд.

[Берлин,] 2 апреля 1861 г.

Дорогой Зибель!

Письмо, полученное мною сегодня из Амстердама, принесло мне приятное известие о том, что главные финансовые затруднения (в сотни фунтов) будут улажены. Мой дядя (управляющий имуществом моей матери) дал свое согласие. Таким образом я избавился от *главной заботы*. Что касается *второстепенного пункта*, о котором я тебе писал, то тут я рассчитываю на тебя.

Я скучаю здесь, как мопс. Со мной обходятся, как со своего рода салонным львом, и я вынужден встречаться с *целым рядом* «остроумных» по профессии мужчин и дам. Это ужасно. Задерживает меня здесь (надеюсь, *не дольше, чем на неделю*) то обстоятельство, что я не хочу уезжать до тех пор, пока не заставлю прусское правительство признать меня восстановленным в немецком гражданстве. (Правительство не чинит мне *явных* препятствий, но старается отложить дело в долгий ящик¹.)

¹ Маркс не дождался разрешения этого вопроса и уехал, оставив Лассалю следующую доверенность:

«Берлин, 12 апреля 1864 г.

Настоящим уполномочиваю г. Фердинанда Лассалья в Берлине отстаивать после моего отъезда отсюда мои права по рассматриваемому в настоящее время в местном королевском полицей-президиуме делу относительно признания за мной прусского гражданства, согласно королевской амнистии от 12 января с. г., а также принятия меня вновь в прусское подданство и предоставления права жительства в Берлине. Поручаю ему подавать в королевское прусское министерство, равно как и в германский Союзный совет, прошения, ходатайства и жалобы и пользоваться в полном объеме всеми принадлежащими мне правами.

Д-р Карл Маркс.

В Эльберфельде я пробуду только *один* день. Пожалуйста, напиши мне *немедленно*, сколько езды от Эльберфельда до Аахена, где у меня назначено деловое свидание.

Вторую часть моей «Политической экономии» я решил издавать не у Дункера, а у Брокгауза. (Брокгауз об этом еще не знает, но есть верный путь заставить его пойти на это.)

Привет.

Твой К. М.

237.

Энгельс — дирекции Шиллеровского клуба

в Манчестере.

[Черновик.]

[Манчестер, около 3 мая 1861 г.]

Дирекции Шиллеровского клуба.

Имею честь препроводить в приложении копию письма библиотекаря, которое было передано мне несколько времени тому назад. Когда я позволил себе сделать г. Штесселю некоторые замечания по поводу употребленных в этом письме выражений, то он, как и следовало ожидать, ответил мне, что письмо это является простой копией формуляра, предписанного литературным отделением дирекции.

Если я, поэтому, вынужден обратиться к дирекции с соответствующими замечаниями, то я должен прежде всего подчеркнуть, что замечания эти ни в малейшей мере не касаются самого содержания письма. С содержанием письма, — т. е. с требованием строгого соблюдения сроков для прочтения книг, взиманием «штрафов» за превышение этого срока, вообще с требованием соблюдения правил и предписаний читальни, — конечно, каждый согласится. Здесь дело идет лишь о том тоне, в каком составлен этот документ. Тон этот настолько отличается от обычно принятого при переписке между образованными людьми, что — должен признаться — к получению подобных писем я не привык. По признанию г. Штесселя, я не первый, которому кажется странной эта, мягко выражаясь, резкая форма.

Действительно, когда я прочел это произведение, мне показалось, что я вдруг очутился на родине. Мне показалось, что передо мной не письмо библиотекаря Шиллеровского клуба, а категорическое требование какого-нибудь немецкого полицейского комиссара, где мне под страхом строгого наказания предписывается «в 24 часа» заглаживать тот или иной проступок. Обычно столь невинно выгляде-

вшая форма служащего, передавшего мне это требование, способствовала на этот раз тому, что иллюзия оказалась еще более полной.

В связи с этим я решил перечитать выпущенное 12 ноября 1859 г. воззвание, являвшееся как бы программой образуемого Шиллеровского клуба. В сопоставлении с упомянутым письмом библиотекаря программа эта сейчас выступает в весьма своеобразном свете. В ней говорится, что Шиллеровский клуб должен служить тому, «чтобы молодой немец... почувствовал себя здесь *в родной обстановке...* почувствовал, что о нем *заботятся и охраняют* его нравственно и духовно... и главное, чтобы, по возвращении в свое отечество, *он не чувствовал отчуждения от него*». Несомненно, что бюрократический стиль подобных официальных посланий специально приспособлен для того, чтобы адресат немедленно почувствовал себя на родной почве и поверил, что здесь о нем столь же хорошо, а может быть даже и лучше, «*заботятся и охраняют его*», чем на родине, в дорогом патриархальном полицейском государстве, этом огромном заведении по охране и призору малолетних. Пока процветают подобные официальные послания, не приходится, конечно, опасаться того, что кто-либо из членов Шиллеровского клуба *почувствует отчуждение от родины*. Если даже кому-нибудь из членов этого клуба в силу исключительных условий и не пришлось познакомиться у себя на родине с формами бюрократической службы и повелительным языком властей, то Шиллеровский клуб дает ему, очевидно, наилучшую к тому возможность. В этом смысле и приходится, по видимому, понимать данное в программе обещание, что Шиллеровский клуб будет способствовать тому, «чтобы возвращающиеся на родину даже после долгих лет пребывания вне ее сохранили не только немецкий язык и немецкое образование, *но и способность к общественной деятельности в качестве немца и гражданина, и даже еще в большей степени развили в себе эти качества*».

Многие члены клуба вряд ли, конечно, предполагали, что немецкий дух в «полном смысле этого слова», для воспитания которого Шиллеровский клуб должен служить объединяющим центром, включает в себя, наряду с прочими особенностями, и тот дух бюрократизма, который на родине пользуется, к сожалению, почти всей полнотой политической власти, но против которого борется вся Германия, одерживая над ним как раз сейчас победу за победой. Этот тон прямого приказа, эти категорические требования об исполнении приказа в 24 часа здесь во всяком случае неуместны, а если при этом вам грозят не двухнедельным арестом с оставлением на

хлебе и воде, а страшным штрафом в размере полукроны, то они к тому же и смешны.

Членами Шиллеровского клуба состоят не только немцы, но и англичане, голландцы и датчане, для которых этот тон отнюдь не может звучать «родным». Я позволю себе спросить, что подумают эти члены о «немецком духе», когда они получают подобные предписания.

По случайному стечению обстоятельств я являюсь членом литературного отделения другого здешнего общества, которое не имеет библиотекаря, так что мне самому часто приходится посылать аналогичные циркулярные письма к членам общества. Образец того, в какой форме это обычно делается, я прилагаю в приложении II. Я отнюдь не претендую на то, чтобы форма эта послужила образцом, но она, может быть, покажет Вам, что тех же результатов можно достигнуть, не нарушая того уважения, с которым должны относиться друг к другу образованные люди.

Повторяю, действовать решительно, конечно, очень хорошо, но мне кажется, что члены клуба имеют право требовать, чтобы с ними обходились более любезно по форме. Пусть железная десница литературного отделения опускается на голову каждого виновного, но пусть она будет одета в бархатную перчатку. Поэтому я прошу дирекцию позаботиться о том, чтобы в официальной корреспонденции литературного отделения с членами клуба были взяты за образец не столько формы приказов, даваемых немецкими административными учреждениями подначальным лицам, сколько формы переписки между образованными людьми.

238.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

Лондон, 8 мая 1861 г.

9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лазарь!

После стольких превратностей судьбы! В моем молчании во время путешествия, — так как здесь, в Лондоне, в течение первой недели я должен был разыгрывать амфитриона моего роттердамского кузена, — виновата графиня. Она обещала мне, что уже в Зальт-Боммеле я получу ее портрет и письмо от нее. Так как ни того, ни другого не оказалось, а я твердо придерживаюсь права мести, то и я тоже не писал. Кроме того, в Боммеле у меня совершенно не было свободного времени. С одной стороны, я должен был заниматься

делами с моим дядей, с другой стороны — ухаживать за моей кузиной. Вы понимаете, милостивый государь, что о писании не могло быть и речи. Мое пребывание в Трире оказалось полезным в том отношении, что моя мать уничтожила некоторые старые долговые расписки. К тому же старуха заинтересовала меня своим остроумием и непоколебимой ровностью характера.

Теперь о финансовых вопросах. Пока посылаю тебе 20 ф. ст.; 10 ф. ст. тебе еще остается дополнить. Это объясняется следующим. Мой дядя дал мне 150 ф. ст. наличными для уплаты по векселю, срок которого истекает в начале мая. Он пообещал через несколько недель прислать мне новый вексель в Лондон. Прилагаемые 20 ф. ст., некоторое количество денег на домашние расходы и сумму, необходимую для уплаты кое-каких мелких долгов в Германии, я поэтому пока занял у своего кузена. Но если остающиеся за мной 10 ф. ст. необходимы тебе немедленно, то сейчас же напиши мне об этом.

Я не мог поехать в Манчестер, как я сначала предполагал, потому что мой роттердамский кузен решил следовать за мной по пятам в Лондон под тем предлогом, что его интересует политическая дискуссия со мной. Однако я думаю, что на самом деле он хотел познакомиться со своими многочисленными кузинами. Третьего дня я написал Энгельсу о планах создания газеты и через несколько дней, вероятно, получу от него ответ. Очень возможно, что при создавшемся положении в Америке я, — даже в том случае, если из газетных планов ничего не выйдет, — все же переселюсь на полгода, а то и больше, в Берлин. Но, конечно, только в том случае, если я добьюсь восстановления прав гражданства. Я не могу отрицать, что Лондон обладает для меня чрезвычайной притягательной силой, хотя я и живу в этом гигантском гнезде почти отшельником.

Между прочим. Бланки все еще содержится в Мазасской тюрьме (Париж), где по приказанию следователя он подвергается со стороны жандармов физическим истязаниям. Воспользовавшись всеобщей амнистией, он поехал отсюда в Париж, — не строя никаких конспиративных планов, — в качестве агента одного коммерсанта. Подлая пресса как в Англии, так и в остальной Европе пытается замалчивать все это дело. Я сговорился с Симоном Бернаром — который знает все подробности — о том, что я встречу с ним в ближайшую субботу и мы подробно обсудим этот вопрос. Мы собираемся с ним устроить публичный митинг протеста против этого чудовищного преступления, возможно, вместе с Эрнестом Джонсом. Как только я переговорю с Бернаром и узнаю дальнейшие подробности, я

напишу отчет графине. Но я прошу, чтобы ты немедленно каким-либо путем поместил в бреславльских газетах заметку об этой западне. Ты же знаешь, что немецкие газеты перепечатают друг у друга материал.

От трагедии перейдем к трагикомедии: читал ли ты в газетах, что женевские рабочие среди белого дня надавали Фази пощечин?

Кочут вел себя здесь постыдно во время процесса. Вначале, в своих Affidavit и т. д., он выступал хвастливо, но в ходе самого разбирательства стал унижаться и пресмыкаться, вел себя так робко и трусливо, как только возможно, отрицал какую бы то ни было *революционную* цель и революционные мотивы своих поступков и таким образом, из-за своего дурацкого поведения, лишился симпатий публики, заранее настроенной в пользу подобных мелодраматических актеров.

Не знаю, следил ли ты за парламентскими дебатами по делу Макдональда. Провокационные выступления Пальмерстона против Пруссии направлены в сущности лишь к тому, чтобы покончить с идеей (шлейницевской) англо-прусского союза. Излишне даже намекать тебе, какая цель при этом преследуется, так как ты знаешь, в чем дело.

Очень странные разоблачения относительно моего пребывания в Берлине поместил в гамбургском «Freischütz», в корреспонденции из Берлина, Тоби Мейен. Во-первых, графиня Гатцфельд предложила мне якобы 20 000 талеров для основания газеты. Во-вторых, я будто бы вообразил, что приобрел благодаря «Г-ну Фогту» сторонников среди мелкой буржуазии, в чем я, однако, жестоко ошибся. Наконец, что я в отчаянии отказался от этого дела, «так как ни один литератор» не пожелал «связываться со мной». Ловко сделано, Тоби!

Тенденция работы Родбертуса заслуживает одобрения. В остальном то, что там хорошо, — не ново, а то, что ново, — не хорошо. Рошер зато — истинный представитель профессорской учености. Лже-наука, как говорит Фурье.

Не забудь переговорить с Брокгаузом. От 10 до 20 листов, — я никогда не могу наперед рассчитать размер.

А теперь, дорогой мой, я должен поблагодарить тебя в заключение за любезное и дружеское расположение, с которым ты принял и приютил меня и сносил мое неучтивое поведение. Ты знаешь ведь, что голова у меня была полна забот, и кроме того я страдаю болезнью печени. Но всего важнее то, что мы много вместе посмеялись. *Simia non ridet* [обезьяна не смеется], следовательно мы выказали себя всесовершеннейшими Буддами.

Прилагаю две маленьких фотографии — одну для графини, которой прошу передать мои наилучшие пожелания, другую для тебя.

Привет.

Твой К. М.

239.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

[Лондон,] 29 мая 1861 г.

Дорогой Лассаль!

Я написал одному другу в Германию и надеюсь, что он пришлет тебе остающиеся 10 ф. ст. (67 талеров) *самое позднее* через неделю. Все это мне крайне неприятно, но мой дядя, как это обычно бывает с такими стариками, хотя и исполняет, в общем, свои обещания, но ставит мне при этом препятствия.

Вследствие положения в Америке мои американские корреспонденции временно совершенно прекращены; так будет до тех пор, пока европейские отношения не вызовут снова интереса в заатлантических странах.

Вследствие американского кризиса среди рабочих в Париже царит величайшая нужда. То же самое и в Лионе.

Вся официальная английская пресса стоит, разумеется, за рабовладельцев. Это те же самые господа, которые надоели всему миру своей филантропической проповедью борьбы против работорговли. Но хлопок, хлопок!

Энгельс приезжал сюда в гости на три дня. Он пока не собирается переселяться. Если он это сделает, ему придется отказаться от места, нарушить контракт, понести большой денежный ущерб; он говорит, что пойдет на это только в решительный момент, а не так, чтобы через каких-нибудь три месяца попасться в руки прусского правосудия без всякой пользы для кого бы то ни было. Он считает, что для основания газеты время еще не наступило. Он очень благодарит тебя за военный атлас.

В том письме, которое ты переслал графине, я сообщал ей более подробные и *более точные* сведения о том, какую подлость совершил Бонапарт по отношению к Бланки, и вообще обо всем этом деле. Она, наверное, информировала тебя. Передай ей от меня сердечный привет. Надеюсь, что она поправляется.

Мне очень хотелось бы слышать подробности о твоих переговорах с прусским правительством. Благодарю за проявленное тобой рвение.

Чтобы прогнать свое скверное настроение, вызванное моим во всех отношениях неопределенным полсжением, читаю Фукидида. Древние, по крайней мере, всегда остаются новыми.

Привет.

Твой К. М.

240.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

[Лондон,] 11 июня 1861 г.

Дорогой Лассаль!

Будь добр передать прилагаемое письмо графине.

Твою книгу¹, которая прибыла сюда несколько дней тому назад, я с благодарностью получил (соответствующие экземпляры ее я немедленно переслал в Манчестер). Я начал читать ее с конца, с истории пеласгов, а затем перешел к началу, к наследственному праву, и дошел до страницы 215. Это во всех отношениях значительная работа. Но дать критику ее, вынести о ней определенное суждение и т. д. я смогу только после того, как прочитаю все. Мимоходом замечу только: усыновление является основной формой в Индии. Английское право проделало путь, как раз противоположный французскому. Абсолютная свобода завещания (благодаря которой ни один англичанин или янки не обязан оставлять своей семье хотя бы один фартинг) установилась со времени буржуазной революции 1688 г. и развивалась в той мере, в какой в Англии развивалось «буржуазное» богатство. Следовательно, абсолютная свобода завещания и вообще завещание, — если не говорить об его специфически римском происхождении и т. д., — является, повидимому, иллюзией, которая также и в буржуазном обществе имеет самостоятельные, независимые от мифологии и т. д. корни.

К сожалению, я получил из Германии письмо с сообщением, что 10 ф. ст. могут быть пересланы тебе только в конце месяца. До тех пор я полагаюсь на твои дипломатические способности. Ты знаешь, что я был неприятно поражен тем, что мой дядюшка, расплатившись по моему текущему векселю, оттянул уплату остальной условленной суммы еще на несколько месяцев. И тем не менее, я не мог не посмеяться над этим, — уж очень это по-голландски.

¹ «System der erworbenen Rechte» [«Системе приобретенных прав»] Лассалья.

Если я даже и не добьюсь восстановления в гражданстве, то еще вопрос, не приеду ли я с семьей на зиму в Берлин по *своему паспорту* как «иностранец».

Привет.

Твой К. М.

241.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Берлине.

[Лондон,] 22 июля 1861 г.

Дорогой Лассаль!

Мое долгое молчание ты должен извинить в силу различных «смягчающих вину обстоятельств». Во-первых, мне до сих пор еще не удалось, несмотря на все заверения, которые я в этом отношении получил, привести мои денежные дела в порядок и, что мне особенно тяжело, возратить тебе остающиеся 10 ф. ст.

Во-вторых, вот уже несколько недель, как я страдаю пренеприятным воспалением глаз (стало лучше только несколько дней тому назад), которое чрезвычайно мешало мне *что-либо писать или читать*.

Прежде всего, спасибо за твои хлопоты о восстановлении моего гражданства. Мы достигли, по крайней мере, того, что скомпрометировали прусское правительство и свели к нулю его так называемую амнистию. Я думаю, что курьезное покушение О. Беккера (из газет не ясно, русский он или немец) будет сильно способствовать тому, что террор положит конец «новой эре».

Я прочел вторую часть твоего труда (когда я собрался начать первую, мне помешала болезнь глаз) и испытал при этом большое удовольствие. Я начал со второй части, потому что этот предмет меня больше интересовал, но это не мешает мне изучить впоследствии всю вещь в целом.

Короткие замечания, которые я сделал в моем предыдущем письме, ты до известной степени неверно понял — виною этому является, очевидно, моя манера выражаться. Прежде всего, под «*свободой завещания*» я понимал не свободу оставлять [или не оставлять] завещание, а свободу составлять его, несколько не считаясь с семьей. Завещания существуют в Англии с очень давних времен, и не подлежит ни малейшему сомнению, что англо-саксы переняли их из римской юриспруденции. Что англичане с давних времен считали нормальным не наследование без завещания, а наследование

по завещанию, видно из того, что уже в начале средних веков, в том случае, если отец семьи умирал, не оставив завещания, его жене и детям доставались *только* установленные законом доли, а одна треть или половина — в зависимости от обстоятельств — переходила к церкви. Попы изображали дело так, что если бы он написал завещание, то ради спасения своей души он оставил бы известную долю церкви. В этом смысле вообще несомненно, что в средние века завещания имели религиозный смысл и делались не в интересах оставшихся в живых, а в интересах умершего. Я хотел обратить внимание на то обстоятельство, что после революции 1688 г. были устранены ограничения, которые до тех пор в связи с семейным наследственным правом (о феодальной собственности я здесь, конечно, не говорю) налагались по *закону* на завещателя. Не подлежит сомнению, что это соответствует сущности свободной конкуренции и основанного на ней общества; не подлежит сомнению и то, что римское право, в более или менее измененном виде, было усвоено современным обществом потому, что *правовое* представление, которое субъект свободной конкуренции имеет о самом себе, соответствует представлению о *лице* в римском праве (я при этом совершенно не касаюсь того весьма существенного пункта, что *правовое* представление, свойственное определенным отношениям собственности, хотя и вырастает из них, с другой стороны, все же не совпадает и не может совпадать с ними).

Ты доказал, что рецепция римского завещания первоначально (а поскольку дело касается научного понимания юристов, то и сейчас) основывалась на неправильном понимании. Но отсюда вовсе не следует, что завещание в своей *современной* форме, — каковы бы ни были те искажения римского права, посредством которых современные юристы его конструируют, — является *неправильно понятым* римским завещанием. В противном случае можно было бы сказать, что всякое достижение каждого предшествующего периода, усваиваемое периодом более поздним, представляет собою *неправильно понятое старое*. Так, например, несомненно, что три единства, в том виде, в каком их теоретически конструировали французские драматурги при Людовике XIV, основываются на неправильном понимании греческой драмы (и Аристотеля как ее истолкователя). Но, с другой стороны, столь же несомненно, что они понимали греков именно так, как это соответствовало потребности их собственного искусства, и потому долго еще придерживались этой так называемой «классической» драмы после того, как Дасье и другие правильно разъяснили им Аристотеля. Известно также и то, что все современные консти-

туции в значительной мере основываются на *неправильно понятой* английской конституции и перенимают как нечто существенное как раз то, что является признаком распада английской конституции и существует еще сейчас формально в Англии только *per abusum* [благодаря злоупотреблению], — например, так называемый ответственный *кабинет*. Неправильно понятая форма есть как раз всеобщая форма, и на определенной ступени развития общества — форма, пригодная для всеобщего употребления.

Например, вопрос о том, было ли бы у англичан и без Рима их завещание (которое, несмотря на его прямое происхождение от римского и на приспособление его к римским формам, все же *не* римское) или не было бы, кажется мне вопросом, не имеющим никакого значения. Если бы я поставил вопрос иначе, например так: *не могли бы легаты* (а современное так называемое завещание делает ведь главного наследника в сущности лишь *универсальным легатарием*) вырасти на почве буржуазного общества сами по себе, безотносительно к Риму? Или не могли ли бы развиваться вместо легатов вообще письменные распоряжения относительно имущества, остающиеся умирающим?

Что греческое завещание было ввезено из Рима, — это мне кажется еще *не доказанным*, хотя по всей вероятности так оно и было.

Ты, верно, знаешь, что приговор относительно Бланки, — один из самых позорных, какие когда-либо выносились, — утвержден во второй инстанции. Я жду с нетерпением, что мне напишет его брюссельский друг.

Сердечный привет от моей жены.

Твой *К. М.*

Относительно Брокгауза я еще подумаю, когда закончу работу. До сих пор я еще никогда не выпускал из рук рукописей наобум.

1862 год.

242.

Маркс — Иоганну-Филиппу Беккеру
в Женеву.

Лондон, 26 февраля 1862 г.

Дорогой Беккер!

Мое долгое молчание объясняйте единственной причиной — невозможностью помочь Вам. Вследствие американской гражданской войны я на целый год лишился своего главного источника дохода. Это «предприятие» несколько месяцев тому назад открылось снова, но уже на гораздо более «суженной» основе. Что касается знакомых, то среди них очень мало таких, кто располагал бы хоть какими-нибудь средствами. Так, например, я уже давно написал относительно Вас Зибелю, но он, как я узнал от Боркгейма, вообще не подает признаков жизни. В Манчестере несколько революционных авантюристов, ездивших в Соединенные Штаты для борьбы «во имя правого дела», исчерпали, к несчастью, все имевшиеся средства.

Что касается подписки на Вашу работу, то я сделаю *все возможное*, но мало рассчитываю на успех. Организованная в союзы сволочь, за исключением не имеющего *капиталов* Рабочего просветительного общества, настроена вся *конституционно*, даже в духе прусско-национального союза. Эти молодцы дали бы скорее денег на то, чтобы запретить книгу, подобную Вашей. Ведь эти немцы, молодежь и старики, — все мужчины умные, солидные, с практической сметкой, таких людей, как мы с Вами, считающие за незрелых глупцов, все еще не излечившихся от революционного фантазерства. А сволочь в отечестве не лучше, чем здесь за границей. Во время моего пребывания в Берлине и т. д. я убедился, что совершенно напрасны все попытки воздействовать на этих каналов *с помощью литературы*. Самодовольная глупость этих субъектов, для которой жалкая немецкая пресса является прекрасным жизненным эликсиром, превосходит всякое вероятие. К этому присоединяется еще духовная вялость. *Дубина* — вот единственное средство, чтобы воскресить немецкого Михеля, который, потеряв свои философские иллюзии и отдавшись делу наживы, делу «Малой Германии» и «практическому конституционализму», стал теперь пош-

лым, бездарным клоуном. Германия может только [.....]¹ детской преждевременно состарившихся и отживших детей.

«*Neumann*» — это собственность бывшего королевско-прусского прокурора Гейнцмана. В ней ведется проповедь «с божьей помощью за короля и отечество», «немного Малой Германии» и свободы в рамках умеренности. Ваш однофамилец, Беккер из Лейпцига, который пишет в этой газете, хорош, но недостаточно влиятелен, чтобы помочь нам, даже и в подписке. Энгельс только несколько дней тому назад вернулся в Манчестер после долгого отсутствия. Он и Вольф (из Бреславля) сделают все, что возможно. Но ведь и манчестерская немецкая колония, тоже весьма многочисленная, состоит, за исключением его, Вольфа (из Бреславля) и еще трех-четырех лиц, из таких же мещан, как и везде.

Что касается «*Фогта*», то делайте с ним, что хотите. Само собой разумеется, что я только *порадуюсь*, если памфлет, который в Германии пресса почти совершенно замолчала, сможет оказать некоторое влияние хотя бы в Швейцарии. Без моего ведома в Париже был подготовлен и уже начал печататься французский перевод, но по высочайшему императорскому указу *исчез*. Поэтому французского издания фактически *не существует*.

Уверяю Вас, дорогой друг, что ничто не причиняет мне такой боли, как то, что мне приходится наблюдать борьбу такого человека, как Вы, и не иметь возможности оказать какую-либо помощь. Я поражаюсь Вашей выдержке, Вашей пылкой энергии и Вашей деятельности. Древние — кажется, Эсхил — говорили: надо стараться добывать себе мирские блага, чтобы помогать друзьям в нужде! Какая глубокая человеческая мудрость заключена в этих словах!

О результатах моей переписки с различными лицами относительно подписки я сообщу Вам в ближайшее время.

Пока прощайте. Моя жена просит передать Вам сердечный привет.

Ваш К. М.

243.

Марке — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

Лондон, 28 апреля 1862 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

Ты, вероятно, очень на меня сердисься, дружище, и ты одновременно и прав, и неправ. Я откладывал письмо к тебе со дня на

¹ Несколько слов на фотокопии отсутствует.

день, потому что я со дня на день надеялся уладить свои дела настолько, чтобы уплатить тебе долг в 10 ф. ст. и написать тебе *в спокойном состоянии*. Вместо этого положение с каждым днем ухудшалось. «Tribune», с которой я опять завязал было сношения, хотя мой заработок при этом был сокращен втрое, в конце концов *отказала* всем своим иностранным сотрудникам. Таким образом, я очутился в полной пустоте. Я не хочу петь перед тобой Лазаря, но удивительно, как я вообще *не сошел с ума*. Обо всей этой дряни я упоминаю лишь для того, чтобы в довершение прочих моих бед мне не пришлось еще терпеть непонимания с твоей стороны.

То, что ты сообщаешь в твоём последнем письме относительно И.-Ф. Беккера, совершенно неправильно. Иными словами, ты знаешь этого человека только по слухам. Он с 1839 г. — один из благороднейших германских революционеров, человек, которого можно упрекнуть разве только в энтузиазме, который не считается с обстоятельствами. Что касается его связей с итальянцами, то *у меня хранятся* бумаги близкого друга Орсини, не оставляющие по этому поводу никакого сомнения, что бы ни говорили итальянцы и даже сам Гарибальди. Что касается его отношений к Тюрру, — которого я разоблачил здесь в «Free Press» еще *до* 1859 г., — то дело сводится к следующему: Беккер произвел Тюрра в лейтенанты во время баденского похода; отсюда у них и создались своего рода товарищеские отношения. Если бы Беккер пожелал использовать эту связь и принял предложения, которые делал ему Тюрр в *присутствии* одного из моих здешних друзей в Париже, то ему не пришлось бы в шестидесятилетнем возрасте вести ту мученическую жизнь, которую он на самом деле ведет. Мне совершенно точно известен источник, из которого Беккер получает весьма скудные денежные пособия. Помогающие ему люди принадлежат к нашему *ближайшему* кругу. С некоторой частью итальянцев он действительно разошелся, так как присущее ему истинно тевтонское чувство не позволило ему согласиться с некоторыми *благожелательными* ему планами. Поистине возмутительно, что на таких людей, как Беккер, так подло клеветают.

Что касается *моей книги*, то она будет готова не раньше, чем через два месяца. Чтобы не умереть с голоду, мне приходилось в течение последнего года выполнять самую гнусную ремесленную работу, и часто по целым месяцам я не мог написать ни одной строки моей «настоящей» работы. Кроме того, я обладаю еще той особенностью, что если что-нибудь написанное мною я вижу месяц спустя, то оно меня не удовлетворяет и я снова все полностью

перерабатываю. Во всяком случае, работа от этого ничего не теряет, а немецкая публика весь год занята ведь несравненно более важными делами.

Что касается твоей работы, которую я теперь, конечно, прочел целиком, причем некоторые главы прочитал дважды, то я обратил внимание на то, что ты, очевидно, не читал *«Новой науки» Вико*. Ты, конечно, не нашел бы там ничего, относящегося к твоей непосредственной цели, но все же книга эта интересна как философское понимание духа римского права в противоположность понимания его филистерами права (*Rechtsphilistern*). С оригиналом ты вряд ли в состоянии будешь справиться, так как книга написана даже не на итальянском, а на очень замысловатом *неаполитанском* наречии. Я рекомендую тебе французский перевод: *«La Science Nouvelle etc. Traduite par l'auteur de l'essai sur la formation du dogme catholique»*, Париж, издательство Charpentier, 1844. Чтобы возбудить твой аппетит, я процитирую здесь только следующие места: «Древнее римское право было серьезной поэмой, а древняя юриспруденция — суровой поэзией, в которой заключены первые потуги юридической метафизики». «Древняя юриспруденция была очень поэтична, так как она считала истинными факты, которые таковыми не были, и отказывалась признавать истинность фактов, которые на самом деле были истинны; она относилась к живым, как к мертвым, а к мертвым, как к живущим в их наследстве». «Латиняне называли героев *heri*; отсюда происходит слово *hereditas* [наследство]. Наследник... по отношению к наследству представляет покойного отца семьи». У Вико имеется в зародыше Вольф («Гомер»), Нибур («История римских царей»), основы сравнительного языковедения (хотя и фантастические) и вообще не мало блесков гениальности. Его собственно юридических сочинений я до сих пор не мог достать.

При тех условиях, в которых я теперь нахожусь (а нахожусь я в них уже почти год), я только теперь смогу взяться за критику твоей книги. В то же время я очень хотел бы, *не ради себя*, а ради своей жены, чтобы ты поместил у Брокгауза характеристику первой части Политической экономии до того, как я приплюну тебе эквивалент.

Английская буржуазия (и аристократия) *никогда* не вела себя более позорно, чем теперь, в великой борьбе, которая происходит по ту сторону Атлантического океана. И, наоборот, английский рабочий класс, сильнее всего страдающий от гражданской войны, никогда не вел себя более героически и более благородно. Еще

больше поражаешься этому, если, подобно мне, знаешь все те средства, которые пускались в ход здесь и в Манчестере, чтобы побудить рабочих к демонстрации. Единственный крупный орган, которым они еще располагают, — «[Weekly] Newspaper» негодяя Рейнольдса, — подкупили южане, так же как и наиболее влиятельных из их лекторов. Но все напрасно!

Книга Варнгагена очень меня заинтересовала, и я понимаю, насколько *своевременно* она появилась. Я очень прошу тебя передать Людмиле по этому поводу *мои поздравления*. Но несмотря на все это, я не стал более высокого мнения о Варнгагене. Я нахожу его плоским, скучным, мелочным, и его отвращение к советнику посольства Кельну объясняю тем, что он испугался собственного двойника.

Прилагаемое письмо цареубийцы Симона Бернара верни мне обратно. Как ты думаешь, стоит ли взяться за это дело? Мне кажется, что не стоит.

Графине мой сердечный привет. Скоро она получит от меня особое письмо. Надеюсь, что такие мелочи, как отсутствие писем, не вводят ее в заблуждение и что она уверена в моей неизменной привязанности и в моем восхищении ею.

Твой К. М.

244.

Энгельс — Карлу Зибелю

в Эльберфельд.

Манчестер, 4 июня 1862 г.

Дорогой Зибель!

Ты молодец, что несмотря на мою манеру не отвечать тебе на различные твои письма и посылки, все же известил меня о рождении твоей дочурки. Приношу тебе по этому поводу самые сердечные поздравления. Надеюсь, что она доставит тебе не мало радостных минут. Хорошо ли чувствует себя жена?

Жизнь здесь идет по-старому. Я начинаю замечать, что эта спокойная буржуазная жизнь приводит к тому, что морально опускаешься, теряешь всякую энергию и становишься совсем расслабленным. На этих днях я даже опять читал роман.

Так называемый, с позволения сказать, Шиллеровский клуб (прозванный также Иерусалимским клубом) превратился в чисто еврейское учреждение, и с 1½ до 3 часов там стоит такой гам, что можно с ума сойти. В это благородное учреждение я почти совсем не хожу. Как водится у евреев, сначала они благодарили бога

за то, что у них есть Шиллеровский клуб, но, раз попав туда, решили, что он недостаточно хорош для них, и хотят строить большой дом, настоящий храм Моисея, куда все это должно быть перенесено. Конечно, это кратчайший путь к банкротству. И для этого ты должен был писать пролог и разыгрывать из себя режиссера! И это называется немецким национальным учреждением! Вот увидишь — года через два ты получишь циркуляр: «В связи с банкротством в бозе почившего Шиллеровского клуба» и т. д.

«В связи» твоими письмами я хочу вкратце ответить тебе следующее. Что касается истории с Марксом, то он, конечно, не обратился бы к тебе, если бы мои ресурсы не были уже исчерпаны. Но дело обстояло именно так, и в тот момент я ничего не мог сделать. Что касается красного Беккера (его брошюра меня очень заинтересовала, отчасти потому, что он отказывается там от своих прежних «диких» убеждений, а отчасти и из-за прусского правительства, приложившего все силы к тому, чтобы снова превратить этого малого в местную знаменитость и тем самым в депутата), то в сущности нам до этого человека дела нет. Он никогда не принадлежал к нашей партии в собственном смысле, всегда был только демократом, и если он оказался замешанным в Кельнском процессе коммунистов, то он сделал это только потому, что смотрел на это дело как на средство агитации. Во время процесса он совершенно отделился от прочих обвиняемых и занимал особую позицию. С тех пор он заведомо стал королевско-прусским демократом, высказывается за монархию и т. д. Итак, в политическом отношении мы не имеем ничего общего с этим человеком, что, конечно, не помешало бы мне поддерживать лично с ним хорошие отношения, пока мы не вступили бы в прямой политический конфликт с его сторонниками. Для теперешней прусской палаты он все же вполне хорош.

Кажется, я говорил с тобой в Бармене об одной маленькой датской народной песенке, которую я нашел в сборнике датского эпоса и специально для тебя перевел немецкими стихами. Прилагаю ее для тебя. К сожалению, мне не удалось в достаточной мере передать непринужденный, вызывающе-веселый тон оригинала, — это самая живая песенка, какую я только знаю. Но тебе придется довольствоваться этим переводом (впрочем, почти дословным). Я не думаю, чтобы эта вещь была уже переведена кем-либо на немецкий язык.

Сердечный привет и наилучшие пожелания твоей жене.

Твой Ф. Э.

245.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Берлин.

[Лондон,] 16 июня 1862 г.

Дорогой Лассаль!

Бухер, правда, прислал мне три экземпляра «Julian Schmidt» [«Юлиан Шмидт»], но ни одного из прочих упомянутых тобою сочинений он не присылал. «Г-н Шмидт, г-н Шмидт» (я переслал Энгельсу и Вольфу предназначенные для них экземпляры) пришлось тем более кстати, что он застал меня отнюдь не в веселом настроении. Кроме того, хотя из сочинений Шмидта я, собственно, не читал, а перелистывал очень немногое, человек этот всегда был мне противен как воплощение буржуазного снобизма, такого отвратительного и в своем литературном выражении. Ты совершенно правильно даешь понять, что твои нападки лишь косвенно направлены против образованной буржуазной черни. На этот раз можно сказать: бьют по ослу, а метят в мешок. Так как пока мы не можем добраться до самого мешка, то становится все более и более необходимым рубить головы наиболее крикливым и нахальным из его образованных ослов; рубить пером, конечно, хотя бедняга Мейен в «Freischütz» и находил эту «литературную игру в гильотину» настолько же ребяческой, насколько и варварской. Больше всего меня позабавили «Швабское право» и «семь» мудрецов, — я чуть не сказал «семь швабов» Греции. Между прочим, — ведь когда имеешь дело с Юлианом Шмидтом, Юлианом Грабовитом¹ (это прозвище, впрочем, несправедливо, ибо кажется намеком на «Отступника» и до известной степени звучит насмешкой над другим Юлианом), можно перескакивать с пятого на десятое, — меня очень интересовал раньше σοφός [мудрец] как своеобразная характерная маска (причем в данном случае маска понимается в хорошем смысле) греческой философии. Сперва семь швабов или семь мудрецов как предтечи, как мифологические герои; затем в середине Сократ и, наконец, σοφός как идеал эпикурейцев, стоиков и скептиков. Далее, меня забавляло проводить сравнение между этим σοφός и карикатурой на него (в известном отношении) — французским «sage» [мудрецом] XVIII столетия. Затем σοφιστής [софист] как необходимая вариация σοφός. Для нового времени характерно,

¹ Последователем либерала Грабова, председателя прусской палаты депутатов.

что греческое соединение характера и знания, заключающееся в понятии σοφός, сохранилось в народном сознании только в применении к софистам.

Из-за Юлиана, — не Юлиана Грабовита, а Юлиана Отступника, — у меня недавно произошла стычка с Энгельсом, который, как я уже знал в самом начале спора, был по существу прав. Но у меня такое особое отвращение к христианству, что я чувствую пристрастие к Отступнику и не хотел бы, чтобы его отождествляли с Фридрихом Вильгельмом IV или с каким-либо другим романтическим реакционером, даже с соответствующими поправками. Не испытываешь ли и ты такого же чувства?

Твое увещание по поводу книг Родбертуса и Рошера напомнило мне, что я еще не сделал выписок из них и заметок по поводу их. Что касается Родбертуса, то в моем первом письме к тебе я недостаточно справедливо оценил его. В его книге действительно много хорошего. Только его попытка создать новую теорию ренты носит почти детский, комический характер. По Родбертусу, в сельском хозяйстве сырье не принимается в расчет, потому что немецкий крестьянин, как уверяет Родбертус, сам не включает в число расходов семена, фураж и т. д., не учитывает эти издержки производства, т. е. *неправильно считает*. Согласно этой теории, в Англии, где фермер считает правильно уже более ста пятидесяти лет, *вовсе не* должно было бы существовать земельной ренты. Отсюда следует не тот вывод, который делает Родбертус, а именно, что арендатор платит ренту, так как его норма прибыли выше, чем в промышленности, а тот, что он платит ренту вследствие того, что он, из-за неверного подсчета, довольствуется более низкой нормой прибыли. Вообще говоря, это дает пример того, как частичная неразвитость немецких экономических отношений неизбежно вызывает путаницу в головах. Теория земельной ренты Рикардо в ее нынешнем виде безусловно неправильна, но все выдвигаемые против нее возражения либо объясняются непониманием, либо, в лучшем случае, показывают, что некоторые явления *на первый взгляд* не соответствуют теории Рикардо. Но это последнее обстоятельство вовсе не говорит против той или другой теории. Зато положительные теории, выдвинутые против Рикардо, в тысячу раз более неправильны. Хотя положительное решение господина Родбертуса и носит ребяческий характер, тем не менее в нем заключается правильная тенденция, характеристика которой, однако, завела бы нас слишком далеко.

Что касается Рошера, то я смогу только через несколько недель

взяться за эту книгу и набросать кое-какие комментарии к ней. Этого молодца мне придется приберечь для *примечания*. Для *текста* такие педанты не подходят. Рошер безусловно обладает большим и часто очень полезным знанием литературы, хотя даже здесь я ясно узнаю питомца Геттингена, который не ориентируется свободно в литературных сокровищах, а знает только, так сказать, «официальную» литературу; почтенный человек. Но, не говоря уже об этом, какая польза мне от человека, знающего всю математическую литературу, но не понимающего математики? Какая это самодовольная, чванливая, умеренная, хитрая эклектическая скотина! Если бы подобный педант, который по своей натуре никогда не может выйти за рамки учебы и преподавания заученного, который сам никогда не может чему-либо научиться, если бы этаким Вагнер был, по крайней мере, честен и совестлив, то он мог бы быть полезным для своих учеников. Лишь бы он не прибегал ни к каким живым уловкам и напрямик сказал: здесь противоречие; одни говорят так, другие этак; у меня же по существу вопроса нет никакого мнения; посмотрите, не сможете ли вы разобраться сами. При таком подходе ученики, с одной стороны, получили бы известный материал, а с другой — были бы привлечены к самостоятельной работе. Но, конечно, я в данном случае ставлю такое требование, которое противоречит природе педанта. Его существенной особенностью является то, что он даже не понимает самих *вопросов*, и потому его эклектизм приводит в сущности к тому, что он занимается только собиранием уже готовых *ответов*; но и здесь он не честен, а всегда считается с предрассудками и интересами своих хозяев. По сравнению с такой канальей даже последний бродяга является почтенным.

Относительно Тоби. Если ты думаешь, что можешь использовать Тоби Мейена, используй его. Не забывай только, что компания дурака может сильно скомпрометировать, если не принять ряда предосторожностей.

Нас действительно мало, и в этом заключается наша сила.

Все мы будем очень рады видеть тебя здесь. Не говоря уж обо мне самом, это будет очень приятно и для моей семьи, так как она почти никогда не видит «людей», поскольку мои английские, немецкие и французские знакомые живут *вне* Лондона. Дон *Марио* я не видел. Друг Блинд посоветовал ему, по всей вероятности, не ходить к «такому ужасному человеку».

Привет.

Твой К. М.

246.

Энгельс — Фердинанду Лассалю
в Лондон.

Манчестер, 23 июля 1862 г.

Дорогой Лассаль!

Уже давно я должен был бы написать Вам и поблагодарить Вас за те посылки, которые Вы были так любезны не раз мне присылать. Много раз собирался я это сделать, но за последние 1½ года я был так занят милейшей коммерцией, что моя частная корреспонденция во всех направлениях жестоко пострадала. Теперь я узнал, что Вы находитесь в Лондоне, и охотно приехал бы туда еще в прошлую субботу, будь у меня хоть малейшая возможность это сделать. Сейчас я намечаю приехать в пятницу вечером, но определенно еще не могу сказать, смогу ли я выполнить этот план. Если будет какая-либо возможность, я это сделаю и телеграфирую Марксу в пятницу днем. Если же это мне не удастся, то, может быть, Вы приехали бы сюда в пятницу вечером или в субботу утром на несколько дней и поглядели бы на это хлопчатобумажное гнездо. Мы могли бы тогда съездить в Ливерпуль. А туда стоит съездить, в особенности поскольку Вы занимаетесь политической экономией. Одна из комнат в моей квартире к Вашим услугам. Ехать Вам придется только пять с половиной часов.

Итак, обдумайте это, и если я не смогу вырваться на субботу, то быстро принимайте решение, выезжайте из Лондона в субботу в 9 часов утра, и Вы будете здесь в два сорок пять. Обо всем остальном мы потолкуем устно — здесь или там.

Пока сердечный привет.

Ваш Ф. Энгельс.

247.

Маркс — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

Лондон, 13 августа [1862 г.].

Дорогой Лассаль!

Чтобы отсрочить кризис хотя бы на две недели, Энгельс через посредство Боркгейма выписал на тебя вексель в 400 талеров, сроком на три месяца, считая с 12 августа. Он пришлет тебе покрытие до истечения срока. Затем вексель будет снова возобновлен до 1 января, когда Энгельс пошлет тебе 300 талеров, а 100 ты, как обещал, уплатишь сам.

Пока нужно только, чтобы ты акцептировал выписанный Энгельсом вексель. Это составляет всего 60 ф. ст. и, стало быть, меня не выручает. Но, по крайней мере, можно будет избежать немедленного кризиса, а тем временем выход, может быть, и найдется.

Я поистине сижу, как на иголках, и нахожусь в таком тяжелом положении, что работа не идет.

Есть надежда, что я опять смогу участвовать в американской газете.

Где ты находишься?

Что поделываешь?

Как поживает твой старик?

Привет от меня и семьи.

Твой К. М.

248.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Вильдбад.

Лондон, 14 августа, 1862 г.

Дорогой Лассаль!

Вчера я послал тебе несколько строк в Берлин. Сегодня я узнал, что ты в Вильдбаде. Поэтому я повторю в нескольких словах краткий смысл тех нескольких строк, которые, быть может, не попадут в твои руки.

Чтобы отсрочить катастрофу в моих финансовых делах, *Энгельс 12 августа* через посредство Боркгейма выписал на тебя вексель в 60 ф. ст. (400 талеров). Срок — три месяца, считая с 12 августа. Этот вексель Боркгейм здесь мне учтет. *Покрытие Энгельс пришлет тебе до истечения срока.* (Затем он возобновит этот же вексель до 1 января 1863 г., когда он снова пришлет тебе в уплату 45 ф. ст., а ты, согласно твоему предложению, уплатишь 15 ф. ст.) Теперь важно только получить *твой акцент*. Боркгейм сейчас же послал вексель в Берлин, и оттуда он, по всей вероятности, возвратится в конце этой недели или в начале следующей. Затем он сейчас же будет послан тебе для акцептирования. Было бы очень хорошо, если бы ты телеграфировал в Лондон С. Л. Боркгейму, 27, *Scutched Friars*: «Акцептирую вексель г-на Фр. Энгельса в 60 ф. ст.», чтобы Боркгейм не чинил препятствий с учетом векселя. Невозможно выразить в письме, как опасно для меня промедление.

Привет.

Твой К. М.

249.

Маркс — Фердинанду Лассалю

в Цюрих.

Лондон, 20 августа [1862 г.].

Дорогой Лассаль!

Я полагаю, что, несмотря на путешествие по Альпам и по Италии, ты все же проведешь несколько дней в Цюрихе или во всяком случае получишь там письма *до востребования*. Для большей уверенности я сообщил также и г. Рюстову, что пишу тебе до востребования в Цюрих.

Несмотря на мое «положение», я расстроил бы всю эту сделку, если бы выписанный на тебя вексель не находился уже в Берлине в руках «Братьев Мейер». Это, правда, до некоторой степени противоречит уговору, так как Боркгейм сначала обещал мне не выпускать векселя из своих рук до твоего возвращения в Берлин. Но я не видел во всей этой истории ничего плохого, так как то обстоятельство, что твое имя фигурирует на этом первом векселе, я считал за простую *формальность* и совершенно не думал, что этот вексель может иметь какое-то отношение к твоей «частной жизни» или может подать повод к какой-либо житейской драме. Я думал, что ручательство Энгельса за «сумму» в 400 талеров уже само по себе во всяком случае достаточно, а что касается «срока платежа», то я знал, что в денежных — и особенно вексельных — делах Энгельс отличается *абсолютной* пунктуальностью и аккуратностью. В противном случае я не впутывал бы тебя в это дело.

Но так как от сделки отказаться теперь нельзя, не скомпрометировав меня и Энгельса в глазах Боркгейма, то послезавтра я пришлю тебе письменное обязательство Энгельса. Письмо в Манчестер и обратно идет три дня. *Как только ты получишь это обязательство*, было бы хорошо, чтобы ты написал «Братьям Мейер» (таково имя берлинской фирмы, в руках которой находится тратта Энгельса), о том, что ты *по возвращении* акцептируешь вексель.

Повторяю еще раз, что очень сожалею, что впутал тебя в это дело — это была излишняя поспешность, которая объясняется тем, что и с моей и с твоей стороны был упущен из виду ряд предпосылок.

Остаюсь твой К. М.

250.

Энгельс — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

Манчестер, 21 августа 1862 г.

Дорогой Лассаль!

Согласно Вашему желанию подтверждаю (что, впрочем, само собой разумеется), что за восемь дней до истечения срока выписанного на Вас векселя в 400 талеров сроком 13 ноября 1862 г. я обеспечу присылку в Берлин его покрытия, и если Вы сообщите мне, какому банкиру должна быть выплачена эта сумма, то я внесу ее ему до 5 ноября.

С дружеским приветом.

Ваш Фр. Энгельс.

251.

Марке — Вильгельму Вольфу
в Манчестер.

[Лондон,] 4 октября, 1862 г.

Дорогой Лупус!

Ты, вероятно, уже получил «*Barmer Zeitung*» вместе со всеми ее опечатками. Зибель только что прислал мне прилагаемую выписку из «*Elberfelder Zeitung*» с сообщением, что статья, помещенная в «*Barmer Zeitung*», дословно перепечатана в «*Niederrheinische [Volkszeitung]*», а также в «*Markische Volkszeitung*» (эта газета выходит в Гагене)¹.

Вернулся ли Энгельс?

Привет.

Твой К. М.

252.

Марке — Фердинанду Лассалю
в Берлин.

Лондон, 7 ноября 1862 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Лассаль!

Фрейлиграт посылает тебе сегодня 60 ф. ст. для покрытия векселя. *Возобновление* его, о котором я писал тебе одновременно с самой операцией, состоялось только в той форме, что Боркгейм получил от меня выписанный на тебя вексель в размере 100 талеров,

¹ Имеется в виду ответ бреславльских правительственных органов на требование Вольфа о восстановлении его гражданства, который Марке через Зибеля опубликовал в немецкой печати.

или 15 ф. ст., сроком на 2 месяца со дня его выдачи (вексель датирован 6 ноября и, следовательно, подлежит уплате приблизительно 9 января 1863 г.).

Из тех нескольких строк, которые ты писал мне время от времени, я вижу, что ты продолжаешь сердиться; на это указывает даже самая форма писем.

Все дело в том, что ты в этой истории и прав, и не прав. Ты требуешь, чтобы я прислал тебе копию твоего письма из Бадена. Для какой цели? Чтобы ты мог удостовериться, могло ли само твое письмо подать повод к моему письму, посланному в Цюрих? Но даже если учесть все твои аналитические способности, можешь ли ты *своими* глазами заметить то, что прочли *мои* глаза? И в особенности, можешь ли ты вычитать из письма те обстоятельства, при которых читали мои глаза? Чтобы доказать мне мою неправоту, ты должен был бы сначала уравнивать читателей, а затем и условия, в которых находятся эти читатели, но такое уравнение ты опять-таки произвел бы как Лассаль в условиях Лассаля, а не как Маркс в условиях Маркса. Следовательно, это только подало бы повод к новому спору. Из твоего письма видно, как мало помогают аналитические способности в таких случаях. Ты приписываешь мне то, чего я *не имел в виду*. Что я имел в виду — лучше всего известно, конечно, мне самому. Если рассматривать письмо *буквально*, то ты, может быть, и прав, но какой *смысл* был скрыт за буквой письма — я, во всяком случае, знаю лучше, чем ты. Ты даже не подозревал, что именно вызвало мое раздражение. Дело было в том, что из твоего письма я понял (*неправильно*, как я убедился, перечитав письмо в более спокойном состоянии), что ты *сомневаешься* — действительно ли я действовал с согласия Энгельса. Признаю, что я не упомянул об этом в моем письме и что, — не говоря уже о наших личных отношениях и имея в виду только существо дела, — это было нелепым предположением. Так казалось мне, тем не менее, в тот момент, когда я писал тебе. Признаю, далее, что в этом письме моей действительной обиды я не высказал, пожалуй даже и не намекнул на нее, и это как раз и послужило истинным недоразумением. Но такова уж софистика всякой страсти.

Итак, ты во всяком случае неправ в своем истолковании моего письма; я же неправ потому, что написал его, создав этим повод для заблуждения.

Следует ли нам из-за этого окончательно разойтись? Я думаю, что наша дружба достаточно крепка, чтобы выдержать даже такой удар. Признаюсь без обиняков, что я, подобно человеку, сидящему на пороховой бочке, дал обстоятельствам возобладать над собой, что

не подобает animal rationnel [разумному животному]. Но с твоей стороны во всяком случае было бы невеликодушно отнестись ко мне так, как относится юрист и прокурор, используя против меня такое состояние духа, при котором я охотнее всего пустил бы себе пулю в лоб.

Итак, я надеюсь, что наши старые отношения, «несмотря ни на что», останутся прежними.

С тех пор я побывал на континенте, в Голландии, в Трире и т. д., для устройства своих дел. Я ничего не добился.

Я хотел послать тебе Рошера, но выяснилось, что стоимость пересылки составляет 10 шиллингов, т. е. цену, если не ценность, книги Рошера. Однако я надеюсь, что скоро представится оказия для пересылки. Мой амстердамский кузен пишет мне, что по его настоянию один из их учнейших юристов даст подробный отзыв о твоей книге в Амстердамском юридическом журнале.

Привет.

Твой *К. М.*

В течение почти шести недель я был лишен возможности работать над своей книгой, да и сейчас работаю над ней не без помех. Но понемногу работа все же двигается к концу.

253.

Маркс — Фердинанду Фрейлиграту

в Лондоне.

[Лондон,] 15 декабря, 1862 г.

Дорогой Фрейлиграт!

При сем с благодарностью «препровождаю» тебе 5 ф. ст. Прости, что запоздал на 5 дней. Вследствие скоропостижной, неожиданной смерти моего зятя Р. Шмальгаузена мои родные в Трире были в таком подавленном состоянии, что задержали высылку мне денег.

Я провел несколько дней в Ливерпуле и Манчестере — этих центрах «хлонкокрации» и рабовладельческого энтузиазма. В широких кругах буржуазии и аристократии этих городов можно наблюдать величайшее помрачение человеческого рассудка, какое только знает новейшая история.

На-днях я зайду к тебе на несколько минут в контору, так как должен поговорить с тобой об одном литературном деле.

На «слова верующего»¹ я на-днях отвечу.

Привет твоей семье от всех нас.

Твой *К. Маркс.*

¹ Подразумевается письмо Людвиг Кугельмана к Фрейлиграту от 28 ноября 1862 г.

254.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 28 декабря 1862 г.
9, Grafton Terrace, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Милостивый государь!

Фрейлиграт передал мне недавно письмо, полученное им от Вас. Я ответил бы раньше, если бы целый ряд несчастных случаев в моей семье не мешал мне в течение некоторого времени взяться за перо.

Мне было очень приятно узнать из Вашего письма, что Вы и Ваши друзья относитесь с таким живым интересом к моей «Критике политической экономии». Вторая часть, наконец, готова, не считая переписки начисто и окончательной отделки для печати. Она составит около 30 печатных листов. Представляя собой продолжение первого выпуска, она выйдет самостоятельно под заглавием «Капитал», а «К критике политической экономии» будет только подзаголовком. Она, собственно, содержит только то, что должно было составить третью главу первого отдела, а именно — «Капитал вообще». Таким образом, туда не включены конкуренция капиталов и кредит. Содержание этого тома составляет то, что англичане называют «the principles of political economy» [принципами политической экономии]. Это является (вместе с первой частью) квинт-эссенцией. Развить эти основные положения дальше (за исключением разве отношения различных форм государства к различным экономическим структурам общества) легко могли бы и другие на основе уже сделанного.

Долгая проволоочка была вызвана следующими причинами. Во-первых, в 1860 г. очень много времени у меня отняло скандальное дело Фогта, так как я должен был производить целое следствие по предмету, который сам по себе не заслуживает внимания, вести процессы и т. д. В 1861 г. я потерял из-за американской гражданской войны свой главный источник дохода — «New-York Tribune». С тех пор и до настоящего времени мое сотрудничество в этой газете прекратилось. И вот, как и раньше, я принужден брать массу мелких работ, чтобы не очутиться со своей семьей в буквальном смысле слова на улице. Я даже решился сделаться «практиком» и собирался поступить с начала нового года на службу в управление железной дороги. Не знаю уж, считать это счастьем или несчастьем, но из-за своего плохого почерка я не получил этого места. Итак, вы видите, что мне оставалось мало времени и спокойствия для теоретических

работ. Очень вероятно, что те же самые причины затянут окончательную подготовку моей работы к печати на более долгий срок, чем я бы этого хотел.

Что касается издания, то я ни в коем случае не дам г-ну Дункеру второго тома. Он получил рукопись первого выпуска в декабре 1858 г., а издана она была в июле или августе 1859 г. У меня есть некоторая, хотя и не очень большая, надежда на то, что книгу напечатает Брокгауз. Загвоздка молчания, которым меня удоставляет вся эта сволочь, немецкая литературная братия, раз они замечают, что одной бранью тут ничего не поделаешь, — не выгоден для меня в смысле меньшей ходкости книги, не говоря уже о тенденции моих работ. Как только рукопись будет готова и переписана начисто (я займусь этим в январе 1863 г.), я сам отвезу ее в Германию, потому что лично столкнуться с издателями легче.

Я имею все основания надеяться, что, как только мое сочинение выйдет по-немецки, будет подготовлена и французская обработка его в Париже. Перевести мою книгу по-французски самому мне абсолютно некогда, тем более, что я хочу или написать по-немецки продолжение, т. е. окончить изложение капитала, дать изложение конкуренции и кредита, или резюмировать для *английской* публики в одном сочинении две первые работы. Я не думаю, чтобы можно было рассчитывать на влияние книги в Германии, пока ей не будет выдан диплом за границей. Способ изложения в первом выпуске, конечно, был очень непопулярен. Это объясняется отчасти абстрактным характером предмета, а отчасти ограниченным местом, которым я располагал, и целью, которую преследовала работа. Вторая часть более понятна, потому что она трактует о более конкретных отношениях. *Научные* попытки революционизирования науки никогда не могут быть действительно популярными. Но раз научное основание заложено, популяризацию сделать уже легко. Если наступят более бурные времена, то можно будет найти иные краски и чернила, чтобы дать популярное изложение *этих* тем. Но я во всяком случае ожидал, что немецкие специалисты-ученые, уже в силу приличия, не будут так всецело игнорировать мою книгу. Кроме того, я убедился на опыте (что было совсем неутешительно), что партийные друзья в Германии, долго занимавшиеся этой отраслью науки, которые в частных письмах ко мне преувеличенно хвалили первый выпуск, не сделали ни малейшего шага для того, чтобы написать критику его или хотя бы дать заметку о содержании книги в тех журналах, в которых они сотрудничают. Если в этом состоит партийная тактика, то, говоря откровенно, тайна ее для меня непроницаема.

Я буду очень рад, если Вы напишете мне при случае о теперешнем положении дел в Германии. Очевидно, мы идем навстречу революции, в чем с 1850 г. я никогда не сомневался. Первый акт будет заключать в себе далеко не отрадное повторение глупостей 1848—1849 годов. Но таков уже ход мировой истории, и приходится брать ее такой, какова она есть.

С лучшими пожеланиями на Новый год

Ваш *К. Маркс.*

1863 год.

255.

Маркс — Фердинанду Фрейлиграту
в Лондон.

Зальт-Боммель, 23 декабря 1863 г.

Дорогой Фрейлиграт!

Твое письмо я получил только сегодня, так как жена моя отправила его в Трир, а сестра переслала его из Трира сюда. Я покинул Лондон на второй день (в понедельник) после того как ты был у меня. Иначе мне пришлось бы ездить в Сити, чтобы достать доверенности для душеприказчиков, а при тогдашнем моем состоянии это было тягостнее, чем морское путешествие.

«Д-р Либкнехт» уже около года живет в *Берлине*. Адрес его — 13, *Neuenburger Strasse*. Я ничего не знаю о всей этой истории. Одно только удивляет меня со стороны издателя: он все время выплачивал Вильгельму Либкнехту гонорар за аугсбургскую «Allgemeine Zeitung», пока тот был ее корреспондентом, — так что он всегда мог вычесть то, что Либкнехт был ему должен.

Во всяком случае, со стороны Либкнехта было непростительно злоупотреблять твоим именем. Но по отношению к издателю ты не несешь никакой ответственности, так как Вильямс сам мог добиться уплаты.

Наилучшие пожелания.

Твой К. М.

1864 год.

256.

Маркс — своей дочери¹

в Лондон.

[Манчестер,] Вторник, 17 мая 1864 г.

Милое дитя, проказница!

Я выеду из Манчестера, по всей вероятности, в ближайший *четверг* (19 мая), и Энгельс, вероятно, *приедет со мною*. Если будут изменения, я об этом своевременно сообщу.

Вчера я был у Эрнеста Джонса и возобновил свою старую дружбу с ним. Он принял меня очень сердечно. Эйхгоф, который находится сейчас здесь и шлет вам всем привет, сообщил мне сегодня утром, что зять доктора Роде — Марриот внезапно скончался. Дочь вернулась в Ливерпуль, к родителям. Эйхгоф, наконец, устроился в качестве торгового служащего.

Приехавший сегодня из Лондона маленький Дронке рассказывает забавные вещи о своем свидании с Фрейлигратом несколько дней тому назад. При этом свидании, происходившем в помещении 2 Royal Exchange Buildings, присутствовал Фази, принципал Ф[рейлиграта].

Один из моих старых друзей, Штрон, здоровье которого, к несчастью, настолько плохо, что я с трудом узнал его, приехал из Бредфорда повидаться со мною. Эйхгоф сообщил ему что я в Манчестере.

Гумперт благословлен рождением сына.

Адресу эти строки тебе, потому что в случае приезда Энгельса тебе придется, вероятно, уступить ему комнату. Твоя комната, кажется, единственная, которую можно использовать для этого. О вине не беспокойтесь — мы привезем его с собою, но дюжина светлого эля доставит удовольствие нашему манчестерцу.

Я не могу закончить здесь своего дела, потому что на этой неделе тут праздник у адвокатов. Дело будет улажено не раньше, чем на будущей неделе — уже без меня.

¹ По всей вероятности Женни, точно установить не удалось.

Из письма мамы я с огорчением узнал, что Мария Лормье не поправляется. Эти доктора — просто шарлатаны.

Твое письмо еще застанет меня в Манчестере, если ты отправишь его завтра до 5 часов вечера.

Надеюсь, дорогое дитя, что найду тебя вполне здоровой. Шлю почтительный привет твоему преемнику и многозначительно подмигиваю своему секретарю.

Твой верный *Old one* [старик].

Мне очень хотелось купить манчестерского шелку для *всей* семьи, но так как по случаю праздника магазины закрыты, я не смогу исполнить свое желание.

Можешь сообщить маме, что Дж. Дж. Гарни вторично женился и уехал из Европы в Австралию.

257.

Энгельс — своему брату Герману

в Бармен.

Манчестер, 24 мая 1864 г.

Дорогой Герман!

Извини, что я несколько задержал ответ на твои письма от 7-го и от 18-го.

Что касается 1 000 ф. ст., то эту сумму я смогу перевести вам не раньше 1 июля, а может быть, и несколько позднее. Я должен подождать составления баланса на 30 июня с. г. До этого мне приходится быть очень осторожным, так как Г. Э[рмен] имеет право отказаться от своего договора, если нехватит хотя бы одного пенса из тех 10 000 ф. ст., которые я должен внести. Об этом я писал уже маме в своем письме от 7 апреля, так что деньги для уплаты «В[ибельхауз] и Б[уш]» достаньте там у себя. Впрочем, я все равно не мог бы сразу раздобыть краткосрочных векселей сроком на неделю на сумму в 1 000 ф. ст. Итак, вернусь к этому вопросу в июле или августе. Это совсем не к спеху.

Я думал, что эти 1 000 ф. ст. я, может быть, смогу частично уплатить, уговорив Г. Э[рмена] послать вам *до срока* 375 ф. ст. процентов, которые должны быть получены 30 июня; но так как банкир платит нам сейчас 6%, то Г. Э[рмен] не захочет дать вам деньги из 5%.

Что касается моего сальдо у вас, то с ним нужно распорядиться следующим образом: 30 июня 10 000 ф. ст. будут записаны в *мой* долг вам. Эта сумма, согласно контракту, должна оставаться здесь. Из этого надо вычесть мое сальдо у вас с *начислением по нему процентов: с остальной суммы я буду вам выплачивать*

проценты, исходя из 5% ставки. Так как по той части моего сальдо, которая остается в пользовании мамы, мне не причитается процентов, то ее лучше всего выделить, иначе это только спутает расчеты.

Единственным вопросом, который следует при этом обсудить, является вопрос о курсе, по которому фунты, шиллинги и пенсы будут пересчитываться на талеры. По моему мнению, проще всего при всех настоящих и будущих уплатах по этому моему счету принимать средний курс 6 талеров 20 зильбергрошей, как это делал в своих книгах отец; таким образом, те 10 000 ф. ст., которые я должен уплатить, будут приниматься за 66666,20 талеров, и по этому же курсу будут высчитываться причитающиеся мне фунты, шиллинги и пенсы. Обсудите это и сообщите мне свое мнение.

Вам нет надобности извещать Г. Э[рмена], что вы относите на мой счет 10 000 ф. ст.; достаточно того, что все вы подписали соответствующий договор.

Большое спасибо за портреты. Твое лицо отретушировано больше, чем следует, но в общем они очень хороши. Пришли поскорее и остальные портреты для альбома и напони об этом славным Беллингам, от которых я еще ничего не получал. Из семьи Бланка не хватает Марии старшей, Эмиля младшего, Рудольфа и самых младших.

Между прочим, если от «Эрмен и Энгельс» потребуют оплаты подписанного мною и посланного в «Kölnische Zeitung», «Breslauer Zeitung» и аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» траурного объявления, то я прошу оплатить его и отнести эту сумму на мой счет.

Передай привет маме, если она еще в Бармене, и скажи ей, что у меня все в порядке. Сердечный привет Эмме (она все еще не так хорошо выглядит, как прежде, но будем надеяться, что она еще справится) и малышам, а также семьям Рудольфа, Бланка и Беллинга.

Твой Фридрих.

258.

Марке — Фердинанду Фрейлиграту

в Лондоне.

Лондон, 12 июля 1864 г.

1, Modena Villas, Maitland Park.

Дорогой Фрейлиграт!

Сегодня (только что) получил письмо с адресом, написанным, как мне кажется, твоей рукой. Если это так, то я хотел бы знать, как это письмо попало к тебе? Оно от негодяя Брасса (из Берлина), имеющего наглость поручить мне пересылку какой-то ерундовой записки Бискампю. Я уже несколько лет тому назад потерял из

виду мерзавца Бискамп и потому недоумеваю, как мне теперь отделаться от этой срунды, так как местопребывание этого субъекта мне неизвестно.

Пишу тебе лежа в постели; я вынужден пролежать несколько дней из-за очень опасного карбункула. Проклятая болезнь то-и-дело возобновляется.

Если до 15-го (включительно) я не смогу как я надеюсь, сам отправиться в Сити, где у меня есть еще и другие дела, то 15-го с. м. я пришлю к тебе Ленхен, чтобы с благодарностью вернуть тебе 30 ф.ст.

Привет.

Твой *К. М.*

259.

Женни Маркс — Морицу Эльснеру

в Бреславль.

[Лондон, август 1864 г.]

1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Милостивый государь!

Мы предполагаем, что Вы являетесь автором того прекрасного некролога, который появился в «Breslauer Zeitung» о нашем дорогом покойном друге В. Вольфе. Мой муж хочет написать его подробную биографию, но ему нехватает материалов, относящихся к более раннему периоду жизни нашего друга. Вы весьма обязали бы моего мужа, если бы помогли ему в этом отношении, сообщив возможно подробнее все, что вам известно о детских годах Вольфа и о раннем периоде его жизни. С 1845 г. мы все время находились с ним в самых близких отношениях. Поэтому речь идет главным образом о более ранних годах его жизни. Мой муж, только сейчас выздоровевший от опасной и очень продолжительной болезни, поручил мне попросить Вас, как старого верного друга покойного, об этой дружеской услуге, и я надеюсь, что вскоре Вы сообщите нам все, что сохранилось у Вас в памяти о нашем бесконечно дорогом Вольфе.

Сердечный привет от меня и моего мужа.

Ваша *Женни Маркс*, рожденная *фон-Вестфален*.

260.

Маркс — графине Софии фон-Гатцфельд

в Берлине¹.

Лондон, 12 сентября 1864 г.

1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогая графиня!

Вы поймете, насколько поразило и потрясло меня совершенно неожиданное известие о смерти Лассалля. Он был одним из тех людей,

¹ Перевод сделан с текста, опубликованного Г. Майером в книге: «Ferdinand Lassalle. Nachgelassene Briefe und Schriften», том III, стр. 408, Берлин 1822 г.

которых я очень ценил. Мне тем более тяжело, что за последнее время мы не поддерживали связей друг с другом. Причиной было не одно только *его молчание*, — потому что *он* прекратил переписку, а не я, — и не моя болезнь, которая продолжалась более года и от которой я выздоровел всего несколько дней назад. Здесь были и еще причины, которые я мог бы сообщить Вам устно, но не письменно. Будьте уверены, что никто не испытывает более глубокой скорби из-за того, что Лассаль отнят у нас. И больше всего я скорблю за Вас. Я знаю, чем был для Вас покойный и что значит для Вас его утрата. Радуйтесь только одному. Он умер молодым, в триумфе, как Ахилл.

Я надеюсь, дорогая графиня, что Вы с Вашим возвышенным и смелым характером выдержите этот удар судьбы и навсегда сохраните уверенность в моей полной и искренней преданности.

Ваш искренний друг

Карл Маркс.

261.

Маркс — Карлу Клингсу
в Золинген.

Лондон, 4 октября 1864 г.
1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill.

[Черновик.]

Дорогой друг!

Я был очень рад, что благодаря Вашему письму от 28 сентября снова получил весть от рейнских рабочих.

Б. Беккер или *М. Гесс*? Я знаю их обоих; оба — давнишние участники движения. Оба — честные люди. Ни один из них не способен руководить сколько-нибудь значительным движением. Беккер в сущности — слабый человек, а Гесс — путаная голова. Поэтому сделать между ними выбор трудно. Кроме того, я полагаю, что довольно безразлично, кого из двух вы выберете¹, так как в решающий момент нужные люди найдутся.

Кю мне поступали запросы, — например, из Берлина, — не пожелаю ли я взять на себя председательствование. Я ответил, что это *невозможно*, так как я до сих пор лишен права жительства в Пруссии².

¹ Председателем Всеобщего германского рабочего союза.

² Здесь в черновике зачеркнуто: «Кроме того, если бы во главе стал я, то правительство немедленно бы все это запретило».

Но было бы, пожалуй, *хорошей партийной демонстрацией* как против прусского правительства, так и против буржуазии, если бы рабочий конгресс меня *избрал*, после чего я в открытом письме объяснил бы, почему я *не* могу принять избрание. Подобный шаг был бы особенно важен по следующей причине. 28 сентября здесь, в Лондоне, состоялось большое публичное рабочее собрание, на котором присутствовали английские, немецкие, французские и итальянские рабочие. Парижские рабочие, кроме того, прислали особую депутацию, во главе которой стоял Толен — рабочий, выставленный во время последних выборов кандидатом от рабочего класса Парижа в Законодательный корпус. На этом собрании для представительства интересов рабочих был избран *Комитет — Международный комитет*, непосредственно связанный с парижскими рабочими и имеющий в своем составе вождей лондонских рабочих. Представителем немецких рабочих был избран я (и вместе со мной мой старый друг, портной Эккартус). Если бы, следовательно, я был избран немецким конгрессом, то, хотя я и вынужден был бы в настоящее время *отклонить* это избрание, — оно рассматривалось бы Комитетом, а тем самым и лондонскими и парижскими рабочими, как демонстрация со стороны немецких рабочих.

В будущем году комитет созывает *международный рабочий конгресс* в Брюсселе. К сожалению, я не смогу в нем лично участвовать, так как мне до сих пор воспрещен въезд в это образцовое государство, Бельгию, равно как и во Францию и в Германию.

Манифесты я пришлю Вам, как только представится *надежный* случай.

Это письмо вручит Вам один из моих барменских друзей¹.

Весь последний год я болел (мучили карбункулы и фурункулы). Если бы не это, то моя работа по политической экономии, «Капитал», уже вышла бы. Я надеюсь, что теперь, через два-три месяца, я ее, наконец, закончу и нанесу буржуазии в области теории такой удар, от которого она никогда не оправится.

Прощайте и будьте уверены в том, что рабочий класс всегда найдет во мне верного передового бойца.

Ваш К. М.

¹ Здесь в черновике вычеркнуто: «Карл Зибель, Бармен».

262.

Энгельс — своему брату Герману

в Бармен.

Манчестер, 2 ноября 1864 г.

Дорогой Герман!

С нирштейпером ничего не вышло. Вино получено, но в нем чувствуется какой-то привкус; оно имеет совсем другой вкус, чем у вас, и мне придется поэтому в дальнейшем от него отказаться.

Мне кажется, что денежный кризис миновал. Повлиять могут еще только три обстоятельства:

1) Возможны крупные банкротства вследствие неблагоприятных вестей из Индии. Но наиболее заинтересованные лица считают, что этого не будет; Индия пережила свой кризис уже весной, когда учетная ставка составляла в Бомбее 32%.

2) Значительный ввоз хлопка в Ливерпуль, например 100 000 кип за одну неделю, в связи с чем сразу должны были бы быть произведены расчеты по множеству убыточных сделок на поставку, что повлекло бы за собой ряд банкротств. Но и эта опасность, по видимому, миновала. Ливерпульцы знают, что все они запутались в спекуляции, и потому очень терпимо относятся друг к другу. Тот, кто не может выплатить *полностью* разницу, составляющую его убыток, предлагает часть, и в большинстве случаев стороны приходят к соглашению. К тому же поступающие партии товаров не очень велики, так что можно ожидать, что хлопок (400 000 кип из Индии и Китая) будет прибывать постепенно и крупных потрясений не произойдет.

Для *обоих* этих пунктов благоприятным обстоятельством является то, что на денежном рынке произошло решительное улучшение, и доверие восстановилось.

3) Если в Америке Линкольн *не* будет переизбран. Но переизбрание его обеспечено, поскольку вообще что бы то ни было может считаться обеспеченным в Америке. Мне кажется, что война будет продолжаться до полной победы над Югом, независимо от того, кто будет президентом, но если бы избранным оказался Мак-Клеллан, то здесь, в течение по крайней мере полугода, царила бы неуверенность, пока не стало бы точно известным, какова его политика. Однако, судя по тому, как прошли выборы в отдельных штатах, об этом не может быть и речи.

В результате всего этого произойдет, по-моему, следующее: американская война будет, очевидно, продолжаться до конца будущего года и закончится на юге бандитизмом, как это было

в Неаполе два года тому назад. При этом, вероятно, будет сожжено много хлопка, так что мы можем рассчитывать лишь на те источники получения хлопка, какие мы имели в прошлом году. Подвоз из этих источников увеличивается медленно. А так как потребление вследствие высоких цен все более и более сокращалось, то запасы готовых товаров, находящихся в руках отдельных потребителей, сейчас до крайности незначительны; но потребление не может обойтись без очень значительного количества хлопчатобумажных товаров, и потому я полагаю, что увеличение подвоза хлопка будет сопровождаться увеличением спроса и цены здесь не только не будут в дальнейшем падать, а, наоборот, вплоть до будущего лета в общем должны возрастать.

Во время денежного кризиса цена хлопка определялась не положением дел на хлопковом рынке, а состоянием денежного рынка вообще. Я думаю, что с этим сейчас покончено и что цены будут снова, как обычно, определяться спросом и предложением; в таком случае, при нормальном состоянии рынка, абсолютно недостаточных запасах и теперешних низких ценах, можно рассчитывать на то, что дела пойдут хорошо и цены в общем будут возрастать.

Отдельные удары могут еще быть нанесены из Индии или из Ливерпуля. Это может временно опять снизить у нас цены, но вряд ли это будет длиться долго и окажет большое влияние. Во всяком случае было бы ошибкой в расчете на это спекулировать на понижение. Но, с другой стороны, я вполне уверен и в том, что всякая попытка быстро взвинтить цены немедленно потерпит неудачу как из-за здешних покупателей, так и из-за состояния денежного рынка. Это обнаружилось уже вчера. Цена хлопка поднялась на 3—3½ пенса выше минимальной точки, пряжа — на 1 пенс, а в некоторых случаях на 1½ пенса. Вчера прядильщики требовали новой надбавки в 1 пенс, и дело...¹

263.

Энгельс — Носифу Вейдемейеру

в Сен-Луи.

Манчестер, 24 ноября 1864 г.

Дорогой Вейдемейер!

Я был очень рад, что ты дал, наконец, знать о себе. У нас в течение нескольких лет не было твоего адреса, иначе я давно уже написал бы тебе. Мой адрес все еще — Э[рмен] и Э[нгельс] и останется

¹ Конец письма отсутствует.

без изменения еще некоторое время а может быть, и лет пять, если в Германии ничего не произойдет. Адрес Маркса — № 1, Modena Villas, Maitland Park, Haverstook Hill, Лондон. Но в случае необходимости письмо, адресованное кратко — д-ру Марксу, Лондон, — также будет ему доставлено.

Жирная маленькая свинья Блинд пытается здесь в Европе всюду пролезть так же, как и по ту сторону океана, — единственное развлечение, оставшееся у этой жалкой твари. Он предается ему с таким рвением, которое заслуживает лучшего применения и большего успеха. Впрочем, с тех пор как Маркс так жестоко отделал его в «Господине Фогте», он старается держаться от нас подальше.

Что касается кокетничанья Лассалья с Бисмарком, то отрицать этого нельзя. То, что цитирует Блинд, Лассаль действительно говорил в своей защитительной речи в Дюссельдорфе и даже напечатал, так что тут уже ничего не поделаешь. Лассалю, при всех его высоких качествах, свойственно было еврейское почтение перед минутным успехом, благодаря чему он не мог не чувствовать уважения к Луи Бонапарту и не мог не высказывать тех явно бонапартистских принципов, какие он провозглашал. Тем, кто его ближе знал, было известно, что это не единичный факт. Ты можешь себе представить, что для нас это было в такой же мере неприятно, в какой перосенку Блинду это доставляло удовольствие. Одного уже этого факта было достаточно, чтобы при жизни Лассалья мы не имели ничего общего с его агитацией, но у нас были и другие причины. Впрочем, сейчас все это — уже дело прошлое, и теперь скоро выяснится, велась ли его агитация впустую или она таила в себе нечто действительно серьезное.

Ты, вероятно, слышал, что наш бедный Лупус умер здесь 9 мая. Эта потеря имеет для партии совсем иное значение, чем смерть Лассалья. У нас уже не будет другого такого непоколебимо твердого человека, который так хорошо умел подойти к массам и в труднейшие моменты всегда оказывался на месте. Целый месяц он испытывал мучительнейшие головные боли; лечивший его немецкий врач упустил время, и, в конце концов, от колоссального давления крови у него лопнул в мозгу кровеносный сосуд. Вскоре он потерял сознание и через 10 дней умер.

Здесь в Европе сейчас скучные времена. Подавление польского восстания было последним значительным событием; за свое содействие в этом деле Бисмарк получил от царя разрешение отнять у датчан Шлезвиг-Голштинию. Пройдет много времени, прежде чем Польша сможет подняться, — даже при посторонней помощи, — а

между тем, Польша нам совершенно необходима. Виною всему полность немецких либеральных мещан. Если бы эти скоты обнаружили в прусской палате больше понимания и мужества, то все могло бы пойти хорошо. Австрия готова была в любой момент выступить в защиту Польши. Помешала этому только позиция Пруссии и измена Бонапарта, который, разумеется, только при том условии намеревался сдерживать обещания, данные полякам, если бы он мог действовать *наверняка*, т. е. если бы его поддержали Пруссия и Австрия.

Происходящая у вас война является одним из грандиознейших событий, которые только приходится переживать. Несмотря на множество глупостей, совершаемых северными армиями (их достаточно и у южан), волна наступления хотя и медленно, но верно катится вперед, и в 1865 г. несомненно наступит момент, когда *организованное* сопротивление Юга сразу рухнет и война примет форму бандитизма, как это было с карлистской войной в Испании и недавно в Неаполе. Такой народной войны с обеих сторон не было еще ни разу с тех пор, как существуют крупные государства; несомненно, что исход ее определит будущее всей Америки на сотни лет вперед. Как только будет взорвано рабство, — это величайшее препятствие, сковывающее политическое и социальное развитие Соединенных Штатов, — страна переживет такой подъем, который в кратчайший срок обеспечит ей совершенно иное место в мировой истории, и армия и флот, созданные во время войны, быстро найдут тогда себе применение.

Вполне понятно, почему Северу с трудом удалось создать себе армию и генералов. Олигархия Юга заранее подчинила своему руководству немногочисленные военные силы страны, — она поставляла офицеров и, к тому же, располагала арсеналами. У Севера не оказалось никаких воинских кадров, кроме милиции, между тем как Юг готовился в течение ряда лет. Юг с самого начала располагал населением, привыкшим к верховой езде и приспособленным для легкой кавалерии, между тем как Север в этом отношении отставал. Север усвоил себе введенный Югом метод раздачи постов сторонникам определенной партии; Юг, охваченный революцией и находящийся под властью военной диктатуры, мог с этим не считаться. Отсюда и вытекали все затруднения. Я не отрицаю, что Ли — лучше всех генералов Севера и что его последние операции вокруг укрепленного ричмондского лагеря представляют собой образцы высокого мастерства, которые многому могли бы научить прославленного принца Фридриха-Карла прусского. Но решительные атаки Гранта и Шермана в конце концов сделали бесполезной всю эту стратегию.

Ясно, что Грант приносит в жертву огромное количество людей, — но может ли он поступать иначе? Я не имею никакого представления о степени дисциплинированности вашей армии, о ее стойкости во время боя, о ее способности и готовности выносить тяготы войны и особенно о ее *моральном состоянии*, т. е. о том, чего можно от нее требовать, не рискуя ее деморализовать. Все это нужно знать, прежде чем позволить себе выносить то или иное суждение, особенно если находишься по другую сторону океана, не располагаешь достаточными сведениями и не имеешь сколько-нибудь порядочных карт. Но мне кажется несомненным, что армия, которой сейчас руководит Шерман, — самая лучшая из ваших армий и настолько же превосходит армию Гуда, насколько армия Ли превосходит армию Гранта.

Ваш военный устав и элементарная тактика заимствованы, как я слышал, целиком у французов, — следовательно основной строевой формой является колонна с дистанциями между взводами. Какая у вас теперь полевая артиллерия? Если ты можешь сообщить мне данные по этим вопросам, я буду тебе очень благодарен. Что случилось с великим Аннеке? После того как он чуть не проиграл битву при Питсбург Лэндинг из-за того, что не получил всего, что ему полагалось согласно прусскому военному уставу, я потерял его из виду. Из немцев, которые участвовали во всей кампании, лучше всех, повидимому, держался Виллих, Зигель же, наоборот, неоспоримо доказал свою заурядность. А Шурц, храбрый Шурц, который под градом пуль п... во-всю, каких врагов уничтожает он теперь?

Между прочим, прусские пушки, которые разгромили Дюпелль и Зондербург на расстоянии 6 500 шагов, это наши старые длинные бронзовые 24-фунтовые нарезные орудия, заряжающиеся с казенной части, причем вес их снаряда составляет 54 фунта, а вес заряда — 4 фунта! Я сам их видел.

Сердечный привет твоей жене.

Твой Ф. Энгельс.

264.

Марке — Иосифу Вейдемейеру
в Сен-Луи.

Лондон, 29 ноября 1864 г.
1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Вейвей!

Все мы были чрезвычайно рады получить известие о тебе и твоей семье. Моя жена утверждает, что *последнее* письмо твоей жене написала она и потому ждала от нее ответа.

Одновременно с письмом я посылаю тебе по почте четыре печатных экземпляра составленного мною Учредительного манифеста. Только что созданный Международный рабочий комитет, от имени которого выпускается этот манифест, не лишен значения. Его *английские* члены являются по большей части вождами здешних трэджюнионов, т. е. настоящими рабочими королями Лондона; это те самые люди, которые устроили грандиозную встречу Гарибальди и, организовав огромный митинг в Сент-Джемс Холл (под председательством Брайта), помешали Пальмерстону объявить *войну Соединенным Штатам*, которую он готов уже был начать. Французские члены Комитета — незначительные фигуры, но они являются непосредственными представителями руководящих «рабочих» Парижа.

Существует связь также и с итальянскими обществами, конгресс которых состоялся недавно в Неаполе. Хотя я систематически в течение ряда лет уклонялся от какого-либо участия во всяческих «организациях», тем не менее *на этот раз* я принял предложение, так как в данном случае дело идет о такой организации, в которой можно провести большую работу.

В течение 14 месяцев я почти непрерывно болел карбункулами, и часто болезнь принимала очень опасную форму. Теперь я почти выздоровел.

Энгельс, вероятно, писал тебе, что мы потеряли нашего Лупуса.

По странному совпадению я получил в прошлую пятницу письмо из Берлина, где старуха Гатцфельд просит меня защитить Лассалья от нападок Блинда в его «*Republikanischer Protest*» [«Республиканский протест»], а на следующий день — твое письмо к Энгельсу, в котором приводится *сильно измененное американское* издание этой же пачкотни. Благодаря третьей случайности, одновременно с этим, мне прислали два номера швабского «*Veobachter*» (штутгартского), которого до сих пор я ни разу не видел. В первом номере редактор насмехается над присланным ему и другим южно-немецким редакторам письмом г. Блинда к американской нации в переводе с английского языка г. Блинда; в этом письме Блинд согласно *«почти официальному требованию»* — как он выражается — изъявляет безмерное одобрение избранию Линкольна и т. п. В том же номере редактор говорит, что из моей книги против Фогта видно, до чего доводит Блинда тщеславие и т. д. Блинд через свое подставное лицо, д-ра Броннера из Бредфорда, послал на это *прилагаемый* ответ, в котором он, во-первых, рассказывает об огромном влиянии, каким он пользуется в Америке, и во-вторых, имеет наглость утверждать, что с фогтовским делом «покончено».

Это дало мне возможность (использовав и перепечатав те места твоего письма, которые относятся к Блинду) послать старухе Гатцфельд просимое ею заявление против этого дураля, не солидаризируясь в то же время с неприемлемыми сторонами лассалевской агитации. Напиши поскорее.

Твой *К. Маркс.*

Номер «*Veobachter*» (штутгартский), из которого я переписал для тебя хвастливое письмо Блинда, — это № 268 от 17 ноября 1864 г.

Совершенно необходимо, чтобы ты написал мне несколько строк относительно влияния г. Блинда в Америке, которые я мог бы использовать в печати.

265.

Маркс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

Лондон, 29 ноября 1864 г.
1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill, N. W.

Уважаемый друг!

Вы получите с сегодняшней почтой 6 экземпляров составленного мною «Учредительного манифеста Международного товарищества рабочих». Будьте добры передать один экземпляр его, а заодно и мой сердечный привет г-же Маркгейм (из Фульды). Доставьте также один экземпляр г. Микелю.

Товарищество — или, вернее, его комитет — имеет важное значение, потому что в него входят вожак лондонских тред-юнионов, те самые, которые подготовили такой грандиозный прием Гарибальди и, устроив колоссальный митинг в Сент-Джеме Холл, построили пальмерстоновский план войны с Соединенными Штатами. В тесных сношениях с комитетом находятся также и вожаки парижских рабочих.

Последние годы я очень часто болел (например, в течение последних 14 месяцев опять был болен карбункулами). Мои личные дела улучшились благодаря наследству, полученному после смерти матери.

Я надеюсь, что в будущем году будет готова, наконец, к печати моя работа о капитале (60 листов).

Причины, почему я при жизни Лассалья стоял в стороне от руководимого им движения, Вы, конечно, поймете и без моих подробных разъяснений. Но это нисколько не мешает мне, — тем более, что об

этом просят близкие ему люди, — защищать его после смерти от таких негодяев, как крикун Карл Блинд.

Я боюсь, что в начале лета или в середине весны будущего года вспыхнет итальянско-австрийско-французская война. Это отразится очень вредно на внутреннем, значительно усиливающемся движении во Франции и в Англии.

Надеюсь скоро получить известие от Вас.

Глубоко преданный Вам

К. Маркс.

266.

Маркс — графине Софии фон-Гатцфельд

в Берлин.

/Черновик./

Лондон, 22 декабря 1864 г.
1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогая графиня!

Несколько дней тому назад один гамбургский друг прислал мне «Nordstern» с моим искаженным опечатками заявлением против Блинда.

Я сделал это заявление по Вашему желанию, причем мне было трудно средактировать его, так как с *политической тактикой* Лассалья я *не был* согласен. Но бессовестный выпад Блинда против покойного в выходящей в Сен-Луи «Westliche Post» прекратил все мои колебания. В какие газеты Вы пошлете мое заявление — мне было совершенно неизвестно. Меньше всего я думал о «Nordstern». Г-н Брун ухватился за это, чтобы сделать «неприличный жест» против меня и в комментарии к заявлению намекнуть публике, что я искал доступа в его заведение через черный ход и только благодаря особой протекции третьей стороны всемиловестивейше его получил. Я не сомневаюсь, что его сообщник в Америке использует это. Не хочет ли г. Брун насильно заставить меня публично разоблачить его напыщенное ничтожество?

Если Брун, Бернгард Беккер и им подобные господа будут бороться против меня и моих стремлений каким-либо способом, который я сочту вредным для самого рабочего движения, то над головами этих господ разразится такая буря, какой они не ожидают. Мотивы старой личной дружбы и партийные соображения, которые связывали мне руки по отношению к Лассалю, совершенно отпадают в отношении этих третьеразрядных величин. Я заявляю это

раз навсегда, чтобы меня впоследствии не обвиняли в двусмысленном поведении или в бесцеремонности.

Я ни в коем случае не хочу, чтобы «18-е брюмера» печаталось, и если в этом направлении уже сделаны какие-либо шаги, то нужно их приостановить.

Я не решаюсь послать Вам какое-либо новогоднее пожелание, так как знаю, что Вам, дорогая графиня, прошлый год оставил только воспоминания.

Преданный Вам

К. М.

267.

Маркс — Карлу Зибелю

в Эльберфельд.

Лондон, 22 декабря 1864 г.,
1, Modena Villas, Maitland
Park, Haverstock Hill.

Дорогой Зибель!

С Новым годом!

Ты, вероятно, уже знаешь, что Энгельс и я обещали сотрудничать в берлинском «Sozial-Demokrat». Между нами говоря, или газете придется отказаться от апофеоза Лассалья, или мы откажемся от нее. Но бедным малым приходится трудно.

Ты, вероятно, получил посланные тебе экземпляры Учредительного манифеста и догадался, что написал его я. В интересах *здесь* движения нам важно получить от немецких рабочих обществ сообщение о присоединении их к здешнему Центральному комитету (из Италии и Франции получен уже ряд таких сообщений). Между тем, Либкнехт пишет мне, что берлинский союз печатников присоединится, но что присоединение «Всеобщего германского рабочего союза» является крайне сомнительным. Объясняется это интригами г. Бернгарда Беккера, значение которого *открыл* Лассаль (говоря между нами, это может быть, *единственное открытие*, сделанное Лассалем). Сегодня я написал старухе Гатцфельд своего рода угрожающее письмо, конечно в *мягком тоне*. Я был бы очень доволен, если бы ты мог поехать на короткое время в Золинген и разъяснить от моего имени ножевщику *Клингсу*, насколько важно, чтобы Германский рабочий союз на своем конгрессе в Дюссельдорфе 27 декабря с. г. принял резолюцию о присоединении к Международному товариществу. Ты можешь мимоходом намекнуть, что такие ничтожества, как Б. Беккер и пр. интересуются, конечно, не делом, а «бесконечно малым»,

т. е. своей собственной персоной. Но этот намек нужно сделать *ди-пломатически*, не впутывая меня.

Ты понимаешь, что присоединение Всеобщего германского рабочего союза требуется лишь для начала, против наших здешних противников. Впоследствии всю организацию этого союза, как в самой основе своей ложную, придется взорвать.

Если ты не черкнешь мне, наконец, пару строк, я буду думать, что ты совсем изменил мне, и предам тебя анафеме.

Твой К. М.

1865 год.

268.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондон.

Манчестер, [около 8 января 1865 г.]

58, Doverstreet, Oxford Road.

Дорогой Юнг!

Я был несколько поражен, прочитав в номерах «Beehive» и «Miner» за последнюю неделю, что на последнем заседании нашего комитета «было *единогласно* решено пригласить гг. Бизли, Гроссмита, Бильса и Гаррисона на вечер, который состоится 16-го числа».

Я уже не говорю о допущенной путанице, так как на заседании в *последний вторник подобной* резолюции вообще не принималось.

Но я возражаю против безусловно ложного сообщения о том, что был приглашен г. *Гроссмит*.

Этот *Гроссмит*, хотя он редко посещает или совсем не посещает наши заседания, фигурирует под всеми нашими обращениями как член комитета. Как же мог наш комитет пригласить члена нашего комитета на вечер, *устраиваемый нашим комитетом*? Может быть, это своего рода *премия* за регулярное отсутствие на наших еженедельных собраниях?

Так как я не смогу вернуться в Лондон до конца ближайшей недели, то Вы очень обяжете меня:

если на следующем заседании во вторник запросите, кто *писал* отчет в «Beehive» и в «Miner»;

а также, кто дал право лицу, писавшему отчет, делать наш комитет «*бессознательным*» орудием превознесения г. *Гроссмита*.

Вы, конечно, понимаете, насколько важно с самого начала пресечь всякую попытку превратить наш комитет в орудие для удовлетворения мелочного честолюбия или в орудие каких-то интриг.

Если Вы сделаете соответствующий запрос, то я очень прошу Вас сообщить мне по вышеуказанному адресу, какой ответ Вам был дан на него.

Привет и братство.

К. Маркс.

269.

Энгельс — своему брату Рудольфу
в Бармен.

[Манчестер,] 10 января 1865 г.

Дорогой Рудольф!

Мое мнение об американской войне таково: силы Юга постепенно истощаются и ему неоткуда пополнять своих армий, Север же не использовал еще и половины своих ресурсов. Юг вынужден ограничиваться обороной, так что время даже таких контрнаступлений, какие, например, предпринимал Лонгстрит в долине Шенандоа, теперь уже прошло. Гуд попытался провести еще одну такую операцию, но этим сразу же обнаружил свое бессилие и решил судьбу всего похода. Север во всех отношениях превосходит своих южных противников и кроме того располагает еще 40-тысячной армией Шермана, которая имеет возможность двигаться куда ей угодно, повсюду разрушая силы, связи, вспомогательные средства и запасы Юга на его собственной территории. Чарльстон должен будет пасть через 4, самое большее — через 6 недель после того, как Шерман окружит его с суши. У Юга осталась только одна армия — та, которая находится в Ричмонде. В этом году ей наверняка будет нанесено решительное поражение, и тем самым будет положен конец защите Юга *армиями*. Затем, вероятно, последует партизанская война, бандитизм и т. п., и будет продолжаться до следующего года.

Если Юг вооружит своих негров, — это будет тем лучше для Севера, но южане поостерегутся это сделать. Разве что в самый последний момент. Ведь негры не настолько глупы, чтобы давать себя убивать ради той самой плетки, которой их же хлещут.

Конечно, будут еще моменты, когда положение Юга будет немного лучше, чем сейчас, но так бывало очень часто, и этим меня с толку не собьешь. Это — моменты, подходящие *для продаж*.

Что мы получим хлопок из Америки — в это я не верю, а вот что цены будут пока и дальше падать — это верно. Хлопок в настоящее время является таким предметом спекуляции, что каждое колебание общественного мнения влияет на его цены. Кроме того, в Ливерпуле лежит 500 000 кип, и публика здесь склонна постоянно

впадать в крайности и кричать: Юг погиб, через две недели он сдастся и т. д. При таких условиях ни о каком повышении и думать нельзя. Мы будем руководствоваться в наших действиях теми известиями, которые будут поступать, но при этом не будем забывать также и того, что запасы в Ливерпуле вдвое больше, чем в прошлом году. Кроме того, я думаю, что в конце 1865 г. цены будут стоять ниже, чем сейчас, потому что отовсюду предстоит поступление больших количеств хлопка.

Твой Фридрих.

270.

Маркс — своей дочери ¹

в Лондон.

Манчестер, 11 января 1865 г.
58, Doverstreet.

Мое милое дитя!

Я собирался выехать из Манчестера завтра, но вряд ли смогу сделать это до ближайшего воскресенья (15 января). Эрнест Джонс, с которым мне необходимо поговорить, очень занят делами в соседних городах и пригласил меня (и Энгельса) к себе в пятницу вечером, когда он вернется домой. Я с ним еще не виделся и раньше повидаться с ним не смогу. Это является одною из причин отсрочки. Есть и другие причины, но позже воскресенья я здесь во всяком случае не останусь.

Немецкий перевод «Учредительного манифеста» перепечатан в «Mainzer Zeitung», а «Обращение к Линкольну» — в «Berliner Reform» и в лондонском «Hermann». Этой честью мы, повидимому, обязаны опасениям г. Юха, что его конкурент Бендер может монополизировать «нашу протекцию».

Погода здесь ужасная. Сегодня, как выражается Мюллер, «the sun sheins» [«солнце сияет»], но его лучи играют на льдинках, покрывающих грязные улицы. Даже солнечным лучам приходится здесь освещать всегда что-нибудь неприятное.

Никого из Борхардтов я еще не видел, а из Гумпертов — только несколько минут побеседовать вчера вечером с доктором.

Прибыв сюда, я не застал Фридриха. Вместо него я нашел письмо с уведомлением, что он вернется с охоты на лисиц к шести часам. Впрочем, он заранее принял все меры к тому, чтобы приготовить мне *entrée joyeuse* [торжественное вступление] (при твоих обширных исторических познаниях тебе не придется гадать, что означает *entrée*

¹ По всей вероятности — Женни; точно не установлено.

joyeuse). Лучше ли его новая квартира — это вопрос спорный. Во всяком случае, его теперешние хозяева не такие наглые.

Между прочим, в последнее время сильно обогатилась «скандальная хроника» в кругу Фрейлиграта, поскольку этот круг связан с Швейцарским генеральным банком. В Женеве появился памфлет, в котором разоблачалась скандальная бесхозяйственность Фази, «непосредственного начальника» Фрейлиграта. Фази вынужден был отказаться от поста главного директора банка и, «чтобы спасти то, что еще можно было спасти» (буквально так), на его место назначен был еврей *Рейнах*, и в помощники были даны ему один француз и *Карл Фогт*. У Фогта хватило подлости предать и ошельмовать Фази и публично выступить против своего прежнего кумира, «креатурой» которого он в действительности является.

Ты, вероятно, уже знаешь, что первый «абонементный номер» «Social-Demokrat» был *конфискован* берлинской полицией. В сущности говоря, это — благоприятное обстоятельство. Этакое небольшое политическое «мученичество» может послужить лишь на пользу нашим.

Надеюсь, дома все благополучно. Кошка из дома — мышам раздолье. Передай мои поклоны Ма, «Success», «Mine Own», и «Prophet».

А тебя, мой дорогой Аарон, я видел прошлой ночью во сне. Мне снилось, как в своем спортивном костюме ты великолепно выполнил девонширский трюк, а потом стал выделывать самые удивительные прыжки, почти летая по воздуху. Такой успех моего старого знакомого преисполнил меня чувством гордости и приятно щекотал мое самолюбие, и я живо вспомнил о том не слишком грациозном танце, который ты исполнял в давно прошедшие времена перед золотым тельцом, в пустыне.

Покажи Ма прилагаемое письмо. Она, верно, вспомнит Бохум-Дольфа по Парижу. Он теперь — счастливый отец десяти детей, с которыми «бродит» по белу свету ¹.

271.

Марке — Иоганну-Баптисту фон-Швейцеру

в Берлин.

[Черновик.]

Лондон, 16 января 1865 г.

И.-Б. фон-Швейцеру («Social-Demokrat»).

Милостивый государь!

Ваш «Social-Demokrat», несмотря на свое непродолжительное

¹ Конец письма отсутствует.

существование, уже *второй раз помещает нападки* на «Международное товарищество рабочих». Я жду лишь *третьего* нападения, чтобы вместе с моими друзьями заявить *публично*, что я порываю всякую связь с Вашей газетой. В связи с таким заявлением мне пришлось бы коснуться некоторых вещей, о которых я из партийных соображений до сих пор умалчивал, и подвергнуть их такой *критике*, которая отнюдь не пришлась бы по вкусу некоторым господам. Первые нападки на «Международное товарищество» заключались в одном глупом месте *«Обращения»* Б. Беккера¹. Я не возлагал за них ответственность на Вас именно потому, что это было *«Обращение»*, а Вы, к несчастью, состоите в официальных отношениях с «Всеобщим рабочим союзом» (который надо строго отличать от рабочего класса).

Иначе обстоит дело с нахальной и лживой сплетней г. Моисея Гесса, которую, если бы Вы хоть сколько-нибудь считались со мной и моими друзьями, Вы *ни в коем случае* не должны были бы помещать. Если Вы сделали это, то только с *целью спровоцировать меня*.

Что касается той дряни, которую написал Моисей, то, после того как я получу некоторые сведения из Парижа, я намерен высказаться о ней публично. Что же касается того, что Вы приняли эту гнусную статью, то я прошу Вас сообщить мне, *должны ли я рассматривать это как объявление войны со стороны «Social-Democrats»?*

Ваш покорнейший слуга

К. Маркс.

272.

Маркс — Ле Любе

в Лондоне².

Лондон, 15 февраля 1865 г.

Дорогой Любе!

Самый успех нашего Товарищества говорит о необходимости быть осторожными. По моему мнению, вхождение г. Бильса в наш Совет испортило бы все дело. Я считаю его честным и искренним

¹ Обращение Беккера к первому съезду Всеобщего германского рабочего союза в декабре 1864 г. в Дюссельдорфе.

² Перевод дан по тексту, взятому из книги И. Чернова «Le Parti Républicain au coup d'état et sous le second empire» [Республиканская партия в момент переворота и при второй империи]. Париж, 1906 г., стр. 456.

человеком, но в то же самое время он является только буржуазным политиком и не может быть ничем иным. Он слабохарактерен, посредственен и тщеславен. На следующих парламентских выборах он хочет выставить свою кандидатуру от Мэрилебона. Один уже этот факт исключает возможность вхождения его в наш комитет. Мы не можем превращаться в *пьеDESTAL* для мелких парламентских амбиций.

Вы можете быть уверены, что если Бильс будет принят, то сердечный, искренний и откровенный тон, характерный для наших дебатов, исчезнет, уступив место *пустословию*. Вслед за Бильсом последует *Тэйлор* — этот совершенно несносный и тщеславный человек.

В глазах света вступление Бильса придаст нашему Товариществу совершенно иной характер: мы превратимся в одно из многочисленных обществ, которым он изволит покровительствовать. Куда втиснется он, туда последуют и другие выходцы из его класса, и наши до сих пор успешные усилия освободить рабочее движение Англии от опеки буржуазии и аристократов окажутся напрасными.

Я заранее могу сказать, что если Бильс будет допущен, то ряд вопросов, главным образом социального характера, которые будут подняты, заставят его подать в отставку. Нам придется выпускать манифесты по *аграрному вопросу* и т. д., которых он *не может* подписать. Не лучше ли не принимать его, чем дать ему возможность впоследствии отрекаться от нас?

С братским приветом

К. Маркс.

273.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондоне.

[Лондон,] 17 февраля 1865 г.

Дорогой Юнг!

Прилагаю немецкий текст.

Посылаю также письмо Лафарга к Вам и письмо к Степни. Мне кажется, что последнего лучше не передавать. Вместо этого пошлите Степни прилагаемую программу. Он, наверное, подпишется на известную сумму.

Привет.

Ваш К. М.

274.

Энгельс — Отто Мейснеру

в Гамбурге¹.

Манчестер, 22 февраля 1865 г.

Милостивый государь!

Ваше любезное письмо от 17-го с. м. дошло до меня только сейчас, так как целых три дня почтовое сообщение через Остенде было прервано. Я очень благодарен Вам за немедленное согласие на издание и еще более — за быстрое печатание².

Я согласен на гонорар в 2 луидора за печатный лист и предоставляю Вам право установить тираж издания, при том условии, однако, что Вы сообщите мне о нем в следующем письме; само собою разумеется [что я?]³ могу согласиться на этот гонорар только для [первого издания?]. О заметках в [газетах я позабочусь?] сейчас же.

Кажущаяся задержка с [отсылкой?] рукописи, на которую Вы справедливо указываете, [объясняется?] следующими обстоятельствами: я закончил рукопись в субботу вечером 11 февраля и поздно ночью написал сопроводительное письмо; письмо было сдано в понедельник 13 числа в 10 часов утра и в понедельник же вечером ушло с дуврским почтовым пароходом, т. е. не позже, чем если бы я сдал его уже в субботу вечером. Благочестивые англичане не отправляют почтовых пароходов в воскресенье вечером, по крайней мере в Остенде.

С глубоким уважением

Фр. Энгельс.

12 экземпляров я рассчитываю получить почтой 27-го или 28-го числа.

275.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 23 февраля 1865 г.

1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Уважаемый друг!

Вчера я получил Ваше очень интересное для меня письмо и ответу на него по пунктам.

¹ Копия.² Речь идет о брошюре Энгельса: «Прусский военный вопрос и немецкая рабочая партия».³ В копии имеется несколько пропусков из-за плохой копирующей бумаги; слова в квадратных скобках вставлены по смыслу.

Прежде всего я хочу вкратце объяснить Вам мое отношение к Лассалю. Во время его агитации наши отношения были прерваны: 1) вследствие его хвастливого самовоспевания, которое в то же время сочеталось у него с бесстыднейшим плагиатом моих и пр. сочинений, 2) потому что я считал его *политическую* тактику *никуда не годной*, 3) потому что здесь в Лондоне, еще до начала его агитации я подробно разъяснил и «доказал» ему, что непосредственно *социалистическое* вмешательство *«государства Пруссии»* — это бессмыслица. В своих письмах ко мне (с 1848 по 1863 г.), как и при личных свиданиях со мной, он всегда объявлял себя сторонником представляемой мной партии. Но как только он убедился в Лондоне (в конце 1862 г.), что со мной ему не удастся вести свою игру, он решил выступить в качестве «рабочего диктатора» *против* меня и старой партии. Несмотря на все это, я признавал его агитационные заслуги, хотя к концу его короткой карьеры агитация эта стала казаться мне самому все более двусмысленной. Его внезапная смерть, старая дружба, жалобные письма графини Гатцфельд, отвращение к *трусливой наглости* буржуазных газет по отношению к тому, кого они так боялись, когда он был жив, — все это побудило меня выступить с кратким заявлением против подлого Блинда (Гатцфельд послала это заявление в «Nordstern»). Заявление это не касалось, однако, *содержания* деятельности Лассалья. По тем же соображениям и в надежде устранить элементы, которые казались мне опасными, я вместе с Энгельсом обещал сотрудничество в «Social-Demokrat» (Швейцер поместил перевод Учредительного манифеста, а я, по его желанию, написал по случаю смерти Прудона статью об этом последнем) и, получив от Швейцера *удовлетворительную программу его редакции*, разрешил ему назвать нас в качестве сотрудников. Гарантией нам служило еще то обстоятельство, что *В. Либкнехт* был неофициальным членом редакции. Между тем, скоро обнаружилось, — доказательства этого попали в наши руки, — что на деле Лассаль *изменил* партии. Он заключил форменный договор с Бисмарком (не обеспечив себя при этом, конечно, никакими гарантиями). В конце сентября 1864 г. он должен был отправиться в Гамбург и там (совместно с сумасбродным Шраммом и прусским полицейским шпионом Марром) «*принудить*» Бисмарка к присоединению Шлезвиг-Гольштинии, т. е. провозгласить это присоединение от имени «рабочих», за что Бисмарк обещал всеобщее избирательное право и кое-какие социалистические шарлатанства. Жаль, что Лассалю не пришлось разыграть этой комедии! Она представила бы его в таком смешном и глупом свете, что раз навсегда положила бы конец всяким попыткам подобного рода!

Лассаль попал на этот ложный путь потому, что он был *«реальным политиком»* на манер г. Микеля, только большего масштаба и с более крупными целями. (Кстати, я уже давно настолько раскусил Микеля, что объяснял себе его выступление тем, что для маленького ганноверского адвоката Национальный союз является прекрасным средством добиться того, чтобы быть услышанным в Германии, за пределами своего маленького околотка, и, повысив таким образом *«реальность»* своей собственной персоны, добиться путем обратного действия признания в своем ганноверском отечестве, разыгрывая под *«прусской»* охраной *«ганноверского»* Мирабо.) Подобно тому, как Микель и его теперешние друзья ухватились за провозглашенную прусским принцем-регентом *«новую эру»*, чтобы, включившись в Национальный союз, прицепиться к *«прусской верхушке»*; подобно тому, как они вообще развивали свою *«гражданскую гордость»* под *«прусской охраной»*, точно так же и Лассаль хотел разыгрывать с бранденбургским Филиппом II маркиза Позу пролетариата, предоставив Бисмарку роль сводника между ним и прусской короной. Он подражал лишь господам из Национального союза. Но в то время, как те взывали к прусской реакции в интересах буржуазии, он пожимал руку Бисмарка во имя интересов пролетариата. Господа из Национального союза имели для этого больше оснований, чем Лассаль, поскольку буржуа привык рассматривать свою ближайшую выгоду как *«реальность»* и поскольку этот класс фактически везде заключал компромисс даже с феодализмом, в то время как рабочий класс по самой природе вещей необходимо должен быть *«честно революционным»*.

Для такой тщеславно-театральной природы, какой был Лассаль (которого, однако, нельзя было подкупить такими подачками, как должности, пост бургомистра и т. д.), была очень соблазнительной мысль о непосредственном подвиге в интересах пролетариата (*unmittelbare Tat für das Proletariat*), совершенном Фердинандом Лассалем. Но фактически он был слишком невежествен относительно действительных экономических условий такого подвига, чтобы критически отнестись к себе самому. С другой стороны, вследствие той презренной *«реальной политики»*, в силу которой германская буржуазия терпела реакцию 1849—1859 гг. и была простым зрителем одурачения народа, германские рабочие слишком *«опустились»* [*zu «verkommen»*], чтобы не приветствовать столь широковещательного избавителя, который одним прыжком сулил перенести их в обетованную землю.

Итак, возвратимся к тому, о чем я начал говорить. Лишь только

«Social-Demokrat» был основан, как оказалось, что старуха Гатцфельд хочет наконец выполнить «завещание» Лассаля. Через Вагенера (из «Kreuzzeitung») она поддерживала связь с Бисмарком. Она предоставила в распоряжение последнего «Рабочий союз» (Всеобщий германский), «Social-Demokrat» и т. п. В «Social-Demokrat» предстояло провозгласить аннексию Шлезвиг-Гольштейнии, вообще признать Бисмарка покровителем и т. д. Весь этот прекрасный план был *расстроен* благодаря тому, что в Берлине и в редакции «Social-Demokrat» мы имели Либкнехта. Хотя Энгельсу и мне не нравилась редакция газеты — льстивый культ Лассаля, заигрывание время от времени с Бисмарком и т. д., — было, конечно, важнее поддерживать пока официально связь с газетой, чтобы воспрепятствовать интригам старухи Гатцфельд и полному компрометированию Рабочей партии. Мы делали поэтому *bonne mine à mauvais jeu* [хорошую мину при плохой игре], хотя частным образом постоянно писали редакции, что она должна вести борьбу с Бисмарком в такой же мере, как и с прогрессистами. Мы терпели даже тогда, когда надутый фат Бернгард Беккер, принявший всерьез значение, унаследованное им по завещанию от Лассаля, интриговал *против Международного товарищества рабочих*.

Между тем, статьи г. Швейцера в «Social-Demokrat» становились все более бисмарковскими. Я еще раньше писал ему, что прогрессистов можно *запугать* в «вопросе о коалициях», но что *прусское правительство никогда и ни за что* не пойдет на полную отмену законов о коалициях, потому что это пробило бы брешь в бюрократизме, привело бы к предоставлению гражданских прав рабочим, к уничтожению устава о челяди, к отмене практикуемого дворянами наказания розгами в деревне и т. д., и т. д., чего Бисмарк никогда не допустит и что вообще несовместимо с прусским *бюрократическим государством*. Я добавлял, что если палата отвергнет законы о коалициях, правительство отделается *фразами* (вроде того, например, что социальный вопрос требует «более глубоких» мер и т. д.), чтобы сохранить эти законы в силе. Все это подтвердилось. А что сделал г. фон-Швейцер? Он написал статью *за* Бисмарка и приберег все свое мужество против таких бесконечно малых, как Шульце, Фаухер и т. д.

Я думаю, что у Швейцера и пр. *честные* намерения, но они — «*реальные политики*». Они хотят считаться с *существующими* условиями и не желают уступать *привилегии* «реальной политики» г. Микелю и К°. (Последние хотят, повидимому, сохранить за собой привилегию сотрудничества с прусским правительством.) Они знают, что рабочая пресса и рабочее движение в Пруссии

(а стало быть, и в остальной Германии) существуют лишь с соизволения полиции. Они хотят поэтому брать обстоятельства такими, каковы они есть, не хотят раздражать правительство и т. д. совершенно так же, как наши *«республиканские»* реальные политики хотят *«прихватить с собою» императора* из Гогенцоллернов.

Но так как я не *«реальный политик»*, то я счел необходимым публично заявить (Вы скоро прочтете это заявление в той или иной газете) о моем вместе с Энгельсом отказе от сотрудничества в *«Social-Demokrat»*.

Вы видите также из этого, почему я в настоящий момент не могу *ничего* сделать в Пруссии. Тамашнее правительство прямо отказало в восстановлении меня в правах прусского гражданства. *Агитацию* там мне разрешили бы только в том случае, если бы она приняла желательную для г. фон-Бисмарка форму.

Я во сто раз предпочитаю мою агитацию здесь через *«Международное товарищество»*. Влияние на *английский* пролетариат получается непосредственное и в высшей степени важное. Теперь мы налагаем здесь на вопрос о всеобщем избирательном праве, который имеет здесь, конечно, *совершенно иное значение*, чем в Пруссии.

В общем, успех этого *«Товарищества»* здесь, в Париже, в Бельгии, Швейцарии и Италии *превозмог всякие ожидания*. Только в Германии мне, конечно, противодействуют последователи Лассаля, которые: 1) глупейшим образом боятся потерять свое влияние; 2) знают, что я открытый противник того, что немцы называют *«реальной политикой»*. (Это такого рода *«реальность»*, которая ставит Германию далеко позади всех цивилизованных стран.)

Так как каждый человек, который приобретает за 1 шиллинг членский билет, может стать членом Товарищества; так как французы (а также бельгийцы) избрали эту форму индивидуального членства, потому что закон запрещает им примкнуть к нам в виде *«ассоциации»*; так как в Германии дело обстоит точно так же, — я решил теперь предложить моим здешним и германским друзьям повсюду создавать маленькие общества, безразлично со сколькими членами, каждый член которых приобретал бы английский членский билет. Ввиду того, что английское общество — *легальное*, этот метод не встречает препятствий даже во Франции. Я очень хотел бы, чтобы и Вы вместе с наиболее близко стоящими к Вам людьми связались бы таким путем с Лондоном.

Благодарю Вас за рецепт. По странному совпадению за три дня до его получения несносная болезнь обнаружилась снова. Таким образом рецепт оказался очень кстати.

Через несколько дней я пришлю Вам еще 24 экземпляра «Учредительного манифеста».

Сейчас мне приходится прервать письмо, так как пришел один из моих друзей; но так как я хочу отправить свое письмо, то других пунктов Вашего письма я коснусь в следующий раз.

Ваш К. М.

276.

Энгельс — Карлу Зибелю

в Эльберфельд.

Манчестер, 27 февраля 1865 г.

Дорогой Зибель!

Маркс послал тебе наше заявление против берлинского «Social-Demokrat». Для того чтобы и в положительной форме как-то протестовать против попыток свалить нас в одну кучу с бисмарковщиной, я написал брошюру, и О. Мейснер в Гамбурге ее принял. Прошу тебя позаботиться о том, чтобы «Düsseldorfer Zeitung» и другие доступные для тебя газеты поместили об этом заметку, примерно, следующего содержания:

На-днях у О. Мейснера в Гамбурге выходит брошюра Ф. Энгельса «Прусский военный вопрос и немецкая рабочая партия». Она была написана в связи с тем, что одна так называемая «социал-демократическая» газета предложила автору высказаться на ее столбцах по этому вопросу. Но подробное рассмотрение этого вопроса требовало больше места, чем располагала газета; кроме того, бисмаркофильское направление, усвоенное новейшей «социал-демократией», делало невозможным участие представителей «Neue Rheinische Zeitung» в органах этой «социал-демократии». В силу этих обстоятельств указанная работа появляется в виде самостоятельной брошюры...

Ты должен поторопиться, так как Мейснер пишет, что брошюра должна была быть разослана уже 24 февраля. Она страшно разозлит лассалевскую клику, но в такой же степени и прогрессистов, и не менее их — г. Бисмарка. В ней имеется не мало резкостей по поводу таких вещей, о которых по большей части боязливо умалчивают. Если эту брошюру, из-за того, что в ней всем достается, не обойдут опять в печати молчанием, то она произведет должный эффект.

Итак, главное, действуй быстрее! Для «*Rheinische Zeitung*» я дам необходимый материал через д-ра Клейна в Кельне.

Сердечный привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

Ты можешь прибавить еще следующее: и развивает те взгляды, которые «социал-демократы» 1848 года отстаивали как против правительства, так и против прогрессивной партии.

277.

Энгельс — Иосифу Вейдемейеру

в Сен-Луи.

Манчестер, 10 марта 1865 г.

Дорогой Вейдемейер!

Наконец-то я собрался ответить на твое письмо от 20 января. Я послал его Марксу, а он — отчасти из-за того, что был болен — очень долго продержал его у себя и только на прошлой неделе вернул мне его обратно. Написать тебе с предыдущим пароходом я не успел, так как в этот день был слишком занят делами фирмы.

Большое спасибо за подробный ответ на мои вопросы. Благодаря отвратительной военной информации здешних газет я потерял нить всех «комбинированных» операций; экспедиция на Рэд Ривер осталась для меня совершенно непонятной, да и движение Шермана из Висксбурга на восток я не мог объяснить себе, так как о южном корпусе, двигавшемся из Нью-Орлеана, здесь никогда не писалось. Эти комбинированные операции с районом для соединения войск не только в сфере влияния противника, но даже в его тылу показывают, насколько примитивны стратегические представления совершенно неопытного в военном деле народа. Тем не менее, если бы во время войны с Данией благородный Врангель и принц Фридрих Карл не располагали силами, вдвое превосходившими силы противника, они допускали бы точно такие же операции. Бой при Миссунде и две непонятных «демонстрации» (употребляю это слово, чтобы хоть как-нибудь назвать вещь, не имеющую названия) против Дюппеля перед атакой были, пожалуй, еще большим ребячеством.

Что касается поведения Гранта под Ричмондом, то я пытаюсь объяснить его иначе. Я вполне разделяю твое мнение, что стратегически правильно было атаковать Ричмонд с запада. Но мне кажется — насколько можно судить, не имея точных сведений и на

таком расстоянии, — что Грант предпочел восточное направление по двум соображениям:

1) Потому что здесь он мог легче обеспечить себя продовольствием. В западном направлении он мог использовать только путь на Фредериксбург и на Тенесси (оба эти пути вели через местности, истощенные войной), между тем как в восточном направлении перед ним были открыты дороги как на Фредериксбург, так и в районы Иорка и реки Джеймс. Учитывая трудность снабжения крупных армий, сыгравшую в войне такую важную роль, я не могу с уверенностью осудить действия Гранта, не взвесив всех этих обстоятельств. Ты упрекаешь Гранта в том, что он повернулся спиной к морю, но если господствуешь на море и располагаешь надежными пунктами для посадки войск (Монроэ и Норфольк), то это является *преимуществом*. Сравни походы Веллингтона в Испании и Крымский поход, во время которого союзники, победившие при Альме, положительно *бежали*, чтобы только обеспечить себе морское прикрытие с тыла к югу от Севастополя. Совершенно ясно, что обладание долиной Шенандоа было лучшей гарантией безопасности Вашингтона.

2) Но возникает вопрос, *действительно* ли Грант (а также и Линкольн) стремился вполне обезопасить Вашингтон? Мне кажется, наоборот, что при шаткости союзной конституции и при довольно безразличном отношении к войне в некоторых областях Севера Линкольн, в сущности, никогда не задавался серьезно целью прогнать конфедератов из Ричмонда, а, наоборот, хотел удерживать их на таких позициях, чтобы они в известной степени угрожали Вашингтону, Пенсильвании и даже Нью-Йорку. В противном случае ему не удалось бы получить ни рекрутов, ни денег для того, чтобы довести войну до конца. Что Гранту за последние месяцы очень хотелось завладеть Ричмондом, — этому я охотно верю, но для этого ему нехватало сил. Силы его определяют в 70 — 90 тысяч человек, а силы Ли — от 50 до 70 тысяч. Если это соотношение приблизительно верно, то при том стратегически заведомо неправильном наступлении, которое им проведено, он добился максимум возможного, отняв у Ли всякую возможность вести активную оборону и окружив Ричмонд по крайней мере с трех сторон. Я не думаю, чтобы Ли, после того как он в течение двух лет выделялся среди всех остальных северных и южных генералов как раз своим умением блестяще проводить контр наступление, отказался бы теперь от этого способа ведения войны, если бы он не был *вынужден* к этому. С другой стороны, Север необычайно выиграл от

того, что ему удалось задержать лучшую армию Юга, — из-за ребяческого понятия о чести — у Ричмонда, т. е. в одном углу южной области, до тех пор, пока, благодаря завоеванию долины Миссисипи и походу Шермана, вся прилегающая территория не оказалась отрезанной и в военном отношении дезорганизованной для южан и пока все имеющиеся у Союза войска не получили возможности двинуться на Ричмонд, чтобы решительным ударом завершить все дело. Это, повидимому, сейчас и происходит.

Последние известия, полученные из Нью-Йорка, относятся к 25 февраля. В них есть сообщения о взятии Чарльстона и Вильмингтона и о походе Шермана из Колумбии на Винборо. Шерман является, повидимому, единственным человеком на Севере, который умеет добиваться победы с помощью ног своих солдат. Под его начальством есть, должно быть, великолепные ребята. Я с нетерпением жду развития событий. Если Ли правильно оценивает свое отчаянное положение, то ему не остается ничего иного, как сняться с лагеря и идти на юг. Но куда? Для него *открыта* только дорога на Лайонсбург и Тенесси; но слишком рискованно вступать в узкую горную долину с одной железнодорожной линией, имея с фронта укрепленные Ноксвилль и Чаттануга. Кроме того, это, по всей вероятности, означало бы просто пожертвовать войсками Борегара, Харди и остальными отрядами конфедератов, стоящими в Северной Каролине, и подставить свой фланг Шерману. Или начать продвижение из Петербурга, опрокинуть левый фланг Гранта и двинуться прямо на юг против Шермана? Это рискованный, но более выгодный шаг, — единственный способ собрать вокруг себя остатки бегущей армии, задержать Гранта разрушением железной дороги и мостов и с превосходными силами напасть на Шермана. Если Шерман примет бой, имея против себя всю южную армию, то он несомненно будет разбит, а если он отступит к побережью, то он откроет Ли дорогу на Аугусту, где тот сможет дать первый отдых своей армии. Но в таком случае Шерман и Грант несомненно соединятся, и Ли опять придется иметь дело с превосходящими его силами и на этот раз сражаться почти в открытом поле, так как я не думаю, чтобы конфедераты смогли еще раз сосредоточить в каком-нибудь пункте внутри страны достаточное количество средств крепостной обороны, чтобы организовать новый Ричмонд. Но даже если бы они это сделали, они из одной ловушки попались бы в другую. Остается еще вторжение в области Севера. Джеф[ерсон] Дэвис вполне способен на это, но если бы это произошло, то все было бы кончено в две недели.

Но Ли может также послать только часть своих сил на юг, чтобы вместе с Борегаром и другими задержать Шермана. Это кажется мне наиболее вероятным исходом. В таком случае Шерман, по всей вероятности, их как следует «отлупит» (wird sie «verhauen»), как говорят в Южной Германии, и после этого Ли ничего уже больше не сможет сделать. Но если бы даже Шерман был разбит, то Ли получил бы только один месяц отсрочки и движущиеся со всех сторон с побережья войска, — не говоря уже о возможных победах Гранта над ослабленной ричмондской армией, — опять поставили бы его вскоре в такое же скверное положение, как и раньше. Как бы то ни было — дело идет к концу. Я с величайшим нетерпением дожидаюсь каждого парохода, — ведь ошеломляющие известия сыплются, как из рога изобилия. Стратегические рассуждения здешних весьма многочисленных сторонников южан чрезвычайно комичны: все их можно свести к изречению польско-пфальцкого генерала Шнайде, который при каждом бегстве говорил: «Мы поступаем совершенно так же, как Кошут».

Я очень благодарен тебе за твои сведения об американских вооруженных силах, — только они и дали мне ясную картину по ряду вопросов происходящей там войны. Пушки «Наполеон» я знаю давно; англичане уже отказались от них (они представляют собой легкие, гладкостенные 12-фунтовые орудия с зарядом в $\frac{1}{4}$ веса снаряда), когда Луи Бонапарт снова изобрел их. Прусских гаубиц вы можете приобрести сколько угодно, так как все они теперь сняты с вооружения и заменены нарезными 4-фунтовыми и 6-фунтовыми орудиями (которые стреляют 13- и 9-фунтовыми гранатами). Меня несколько не удивляет, что угол возвышения ваших гаубиц составляет всего 5° , — ведь у старых французских длинных гаубиц (до 1856 г.) угол возвышения был не больше, а английские, если не ошибаюсь, лишь немногим превосходили их в этом отношении. Навесная стрельба из гаубиц уже с давних пор применяется только у немцев, но значительная неточность попадания, особенно по дальности, создала ей дурную славу.

Перейду теперь к другим делам.

В Берлине некий франкфуртский адвокат «фон-Швейцер» основал газетку «Der Social-Demokrat» и пригласил нас сотрудничать в ней. Мы приняли это предложение, поскольку Либкнехт, который живет сейчас в Берлине, должен был войти в редакцию. Но, во-первых, эта газета стала проповедывать невыносимый культ Лассалья, а мы тем временем узнали наверняка (старуха Гатцфельд рассказывала об этом Либкнехту и предлагала ему действовать в том же

Фридрих Энгельс (1865 г.)

духе), что Лассаль *гораздо теснее* был связан с Бисмарком, чем мы когда-либо подозревали. Между ними существовал настоящий союз, зашедший так далеко, что Лассаль должен был ехать в Шлезвиг-Гольштинию и выступать там за присоединение этих герцогств к Пруссии, а Бисмарк дал неопределенные обещания о введении чего-то вроде всеобщего избирательного права и более определенные обещания насчет права коалиций, уступок социального характера, государственной поддержки рабочих ассоциаций и т. д. Глупый Лассаль не имел *никаких гарантий* в отношении Бисмарка, — наоборот, его без всяких церемоний засадили бы в тюрьму, как только он стал бы неудобным. Господа из «Social-Demokrat» все *это знали*, но, несмотря на это, все с большим и большим усердием проповедывали культ Лассаля. Кроме того, эти субъекты дали себя запугать *угрозами* Вагенера (из «Kreuzzeitung») и стали заискивать перед Бисмарком, кокетничать с ним и т. д., и т. д. Это было уже слишком. Мы напечатали прилагаемое заявление и вышли из газеты, а с нами вышел и Либкнехт. Тогда «Social-Demokrat» заявил, что мы не принадлежим к социал-демократической партии. Мы отнеслись к этому отлучению, конечно, спокойно. Весь лассалевский «Всеобщий германский рабочий союз» пошел по такому ложному пути, что с ним ничего нельзя сделать. Впрочем, он долго не просуществует.

Мне было предложено написать по военному вопросу, что я и сделал. Но тем временем произошли эти осложнения; тогда я сделал из статьи брошюру и напечатал ее отдельным изданием. Один экземпляр этой брошюры я посылаю тебе с этим же пароходом. Судя по полученным мной газетам, вещь эта, особенно на Рейне, вызвала большой скандал и во всяком случае явится препятствием к тому, чтобы рабочие примкнули к реакции в данный момент.

Лондонское Международное товарищество делает большие успехи. Особенно в Париже, но не меньше и в Лондоне. В Швейцарии и Италии дела также идут хорошо. Только немецкие лассальянцы не клюют, а при теперешних обстоятельствах и подавно. Но из Германии мы отовсюду получаем письма и предложения. Решительный перелом произошел, а остальное приложится.

На вопрос твоей жены могу лишь ответить, что все еще не вступил в *священный брачный союз*.

Прилагаю фотографии Лупуса и свою. Моя вышла немного темной, но другого экземпляра у меня нет.

Шиммельпфенниг взял Чарльстон — ура!

Пиши скорее.

Твой Ф. Энгельс.

278.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондоне.

Лондон, 13 марта 1865 г.

Дорогой Юнг!

Г-н Кример совершенно *не понял* меня (я немедленно напишу ему по этому поводу). Я был так далек от мысли вносить во вторник вечером новые поправки к старым резолюциям, что еще до получения Вашего письма послал сегодня *эти самые резолюции* Шили. В то же время я просил его не сообщать о них до ближайшего четверга, чтобы дать время г. Ле Любе выполнить свои обязанности, т. е. самому расослать резолюции. Кримеру, а также и Фоксу, я только сказал, что если бы Ле Любе и г. Вольф своим глупым поведением не разожгли страстей и не потратили бы зря времени, то резолюции могли бы быть и, вероятно, были бы отредактированы [...] ¹ в более вежливой форме и более *логично*, а с другой стороны [...], в особенности резолюция II (относительно [...] Лефора), путем включения одной небольшой фразы, могла бы приобрести иной вид; ведь резолюция II делает *слишком большие* уступки Лефору и пр. Это можно было бы исправить, и я выразил г. Кримеру сожаление, что после замечаний, сделанных по поводу *содержания* резолюций, комиссии не предоставлена была возможность придать им подобающую стилистическую *форму* ².

Тем не менее, я считал бы *величайшей нелепостью* вновь обсуждать вопросы, которые уже решены и притом — поскольку дело идет о *существовании* резолюции, — решены вполне правильно. В частности, я считаю, что было бы совершенно недостойным Центрального совета *вычеркивать хотя бы одно слово*, после того как Ле Любе и Вольф выступили таким образом. Кроме того, мое письмо к Шили вообще *исключает* эту возможность.

Конечно, Вы меня очень обяжете, если пошлете мне Ваш исторический обзор ³, но не истолкуйте моих слов неправильно. Я хотел бы прочесть его, так как сам вопрос меня интересует, но совсем не для того, чтобы заниматься проверкой Вашей работы.

¹ В оригинале местами выцвели чернила; образовавшиеся пропуски обозначены многоточием в квадратных скобках.

² Речь идет о резолюциях Центрального совета Международного товарищества рабочих, принятых на заседании 7 марта 1865 г. Текст резолюций см. Соч. Маркса и Энгельса, т. XXIII, стр. 267, изд. ИМЭ, 1930 г.

³ Обзор споров в Генеральном совете по французскому вопросу.

Я заранее убежден, что Вы не будете обострять отношений. Но я боюсь, что г. Ле Любе уже послал *своим* друзьям частные сообщения в соответствующем ребяческом духе.

С братским приветом

Ваш *К. Маркс.*

279.

Фридрих Энгельс — Альберту Ланге

в Дунсбург¹.

Манчестер, 29 марта 1865 г.

7 South Gate.

Милостивый государь!

Очень прошу извинить меня, что я так долго не отвечал на Ваше дружеское письмо от 2-го с. м.². Но не осуждайте меня, предварительно не выслушав. Дело в том, что в первые дни я был крайне занят, отчасти множеством накопившихся текущих дел, отчасти не терпящей отлагательства перепиской, которая всегда завязывается, если после долгого otium cum (vel sine) dignitate [достойно (а может быть и недостойно) проведенного досуга] сразу вдруг снова выступать перед публикой и с тобой еще при этом происходят такие веселые приключения, какие нам пришлось пережить с этим милейшим «Social-Demokrat». Кроме того, я переезжал на другую квартиру, из-за этого бумаги мои были в известном беспорядке, и Ваше письмо куда-то затерялось. Я нашел его только третьего дня и спешу ответить Вам.

Очень благодарен Вам за любезное предложение посылать Марксу и мне Ваш «Sphinx» и другие издания. Мой здешний книготорговец — г. Франц Тимм в Манчестере; Вы можете пересылать мне все через него. При пересылке этим путем книги обычно доходят в 3 — 4 недели; поэтому я буду Вам очень благодарен, если Вы хотя бы первые номера перешлете мне по почте, простой открытой бандеролью (это стоит недорого); я с удовольствием возьму расходы. Посылки Марксу направляйте, пожалуйста, через меня — он получит их через двенадцать часов по их прибытии. Как Вы сами правильно заметили, я не могу дать Вам сейчас никаких обещаний относительно возможности будущего сотрудничества; давайте оставим пока этот вопрос открытым, хотя, сотрудничая у Вас, мы и не рискуем попасть под подозрение, будто мы из Англии собираемся управлять какой-нибудь частью пролетариата в Германии.

¹ Копия.

² У Энгельса ошибочно поставлено: от 2/4.

Невольная задержка моего ответа дала мне возможность получить за это время Вашу книгу о рабочем вопросе; я прочел ее с большим интересом. Мне тоже при первом чтении Дарвина бросилось в глаза поразительное сходство его изображения жизни растений и животных с теорией Мальтуса. Только вывод я сделал не тот, что сделали Вы. А именно: я считаю, что для современного буржуазного развития величайшим поворотом является то обстоятельство, что оно в этом отношении не вышло еще из экономических форм животного царства. Для нас так называемые «экономические законы» являются не вечными законами природы, но законами историческими, возникающими и исчезающими, а кодекс современной политической экономии, поскольку экономисты составили его объективно правильно, является для нас лишь сводкой законов и условий, при которых только и может существовать современное буржуазное общество. Словом, это есть отвлеченное выражение и резюме условий производства и обмена (*Productions und Verkehrsbedingungen*) буржуазного общества. Поэтому для нас ни один из этих законов, поскольку он выражает *чисто буржуазные отношения*, не старше современного буржуазного общества. Те законы, которые в известной мере имеют силу для всей предшествующей истории, выражают только такие отношения, которые являются общими для всякого общества, покоящегося на классовом господстве и на классовой эксплуатации. К первым принадлежит так называемый закон Рикардо, который не имеет силы ни для крепостного строя, ни для античного рабства. К последним относится то, что есть правильного в так называемой теории Мальтуса.

Эту теорию, как, впрочем, и все остальные свои идеи, поп Мальтус просто украл у своих предшественников. Собственно ему принадлежащего тут ничего нет, кроме чисто произвольного применения им обеих прогрессий. Самая теория уже давно введена английскими экономистами в разумные рамки. Население оказывает давление не на средства существования, а на средства, необходимые для труда (*die Bevölkerung drückt auf die Mittel nicht der Subsistenz, sondern — der Beschäftigung*). Человечество могло бы размножаться быстрее, чем это совместимо с современным буржуазным обществом. Для нас это является лишним основанием, чтобы объявить это буржуазное общество препятствием развитию, таким препятствием, которое должно быть устранено.

Вы сами ставите вопрос, каким образом привести в соответствие возрастание населения с возрастанием средств существования. Но кроме одной фразы в предисловии я не нашел у Вас ни одной попытки

разрешения этого вопроса. Мы исходим из того, что те же самые силы, которые создали современное буржуазное общество — паровая машина, современное машинное производство, массовая колонизация, железные дороги и пароходы, мировая торговля — и которые теперь благодаря непрерывно повторяющимся торговым кризисам уже работают над его разрушением и над его окончательным уничтожением, — что эти средства производства и обмена будут также вполне достаточны для того, чтобы в течение короткого времени превратить все соотношение в противоположное и настолько поднять производительную силу каждого отдельного человека, что он сможет производить достаточное количество для потребления двух, трех, четырех, пяти, шести человек; что городская промышленность сможет теперь выделить достаточно людей для того, чтобы применить в сельском хозяйстве совсем иные силы, чем это было до сих пор; что теперь, наконец, можно будет применить в сельском хозяйстве научные открытия в массовом масштабе и с той же последовательностью, как и в промышленности; что эксплуатацию областей Юго-восточной Европы и Западной Америки, удобренных самой природой и по плодородию неисчерпаемых, можно будет производить в грандиозных размерах, совсем иначе, чем это делалось до сих пор. Если после того, как все эти области будут перепаханы, наступит недостаток в продуктах, то будет еще достаточно времени, чтобы предупредить опасность.

Производится слишком мало — вот в чем дело. Но *почему же* производится слишком мало? Совсем не потому, что исчерпаны пределы производства, даже на сегодняшний день, при современных средствах. Во все нет, а потому, что пределы производства определяются не количеством голодных желудков, но количеством покупающих, способных платить *кошельков*. Буржуазное общество не желает и не может желать производить больше. Безденежные рабочие с пустыми желудками, труд которых нельзя применить с *прибылью* и которые, стало быть, не в состоянии покупать, попадают в цифру смертности. Если при внезапном промышленном подъеме, как это постоянно случается, их труд становится возможно применить с *прибылью*, тогда у этих рабочих появляются деньги на покупку, и в таком случае средства существования всегда находятся. Это тот вечный заколдованный круг, в котором вертится вся экономика. Исходят из факта существования совокупности буржуазных отношений и затем доказывают, что всякая отдельная часть является их *необходимой* частью, следовательно «вечным законом».

Меня очень позабавил Ваш рассказ о товариществах Шульце.

Нечто вроде этого существовало также и здесь, но теперь это уже уходит в прошлое. У немцев еще явится пролетарская гордость.

Я не могу не упомянуть о Вашем замечании по поводу старика Гегеля, которому Вы отказываете в более глубоком математическом и естественно-научном образовании. Гегель знал математику настолько, что никто из его учеников не был в состоянии издать его математические рукописи, оставшиеся после него в большом количестве. Единственный человек, знающий, насколько мне известно, достаточно математику и философию для того, чтобы это сделать, — это Маркс. Я с вами охотно соглашусь в том, что в подробностях натурфилософии встречается бессмыслица, но его *настоящая* натурфилософия заключается во второй части «Логики», в учении о «сущности», которое, собственно говоря, и есть ядро всего учения. Современная естественно-научная теория о взаимодействии сил природы (Гров — «Correlation of forces» [«Взаимодействие сил»], книга, появившаяся, как мне кажется, впервые в 1838 г.¹, есть лишь иное выражение или, лучше сказать, положительное доказательство правильности развитых Гегелем мыслей относительно причины, действия, взаимодействия сил и т. д. Я, конечно, теперь больше уже не гегелианец, но чувствую все еще большое почтение и привязанность к великому старику.

Уважающий Вас

Фридрих Энгельс.

280.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондоне.

[Лондон,] 13 апреля 1865 г.

1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill, N. W.

Дорогой Юнг!

В № 30 «Der weisse Adler», 223, *Münstergasse*, Цюрих, помещен отчет о нашем польском митинге 1 марта. По всей вероятности, этот отчет был переведен из «Daily News» или какой-либо другой английской *буржуазной газеты*, которая намеренно выбросила резолюцию, предложенную от имени «Международного товарищества» и единогласно принятую на митинге в Сент-Мартинс Холл. Так как Вы являетесь секретарем для Швейцарии, то Вы должны добиться испра-

¹ Книга Грова опубликована в 1846 г.

вления отчета и попросить редактора газеты напечатать следующую заметку, которая является буквальным переводом отчета, помещенного в «Beehive».

С братским приветом

Ваш К. Маркс.

ПОПРАВКА¹

После того, как на польском митинге, состоявшемся в Лондоне 1 марта, были приняты предложения гг. Бильса и Левersonа, упомянутые в № 30 Вашей газеты, г. Питер Фокс (англичанин) от имени «Международного товарищества рабочих» внес предложение: «Признать, что целостная и независимая Польша является непременным условием существования демократической Европы и что пока это условие не осуществлено, революционные победы на континенте могут быть только кратковременными прелюдиями, за которыми будут следовать длительные периоды господства контрреволюции».

После краткого исторического обзора тех бедствий, которые постигли Европу в силу того, что Польша потеряла свою свободу, и благодаря завоевательной политике России, г. П. Фокс указал, что позиция либеральной партии в этом вопросе не совпадает с позицией демократического общества, от имени которого он говорит. Девиз консервативной Европы гласит: поработенная Европа с поработенною Польшей в качестве основы. Девиз «Международного товарищества рабочих» — это свободная Европа, опирающаяся на свободную и независимую Польшу. Г-н Экарриус (немецкий рабочий, вице-председатель «Международного товарищества рабочих») поддержал предложение и подробно осветил участие Пруссии в различных разделах Польши. Он заключил свою речь словами: «Гибель прусской монархии — вот то непременное условие, без которого невозможно воссоздание Германии и восстановление Польши».

Г-н Ле Любе, французский член «Международного товарищества рабочих», также высказался в защиту этого предложения, и оно было принято единогласно под несмолкаемые возгласы одобрения всего собрания.

«Daily News» и некоторые другие «либеральные» лондонские газеты, недовольные торжеством «Международного товарищества рабочих», без содействия которого, кстати сказать, польский митинг в Сент-Мартинс Холле вообще не состоялся бы, выбросили эту часть отчета. От имени «Международного товарищества рабочих» прошу Вас поместить эту поправку.

Лондон и т. д. Г. Юнг, секретарь-корреспондент «Международного товарищества рабочих» для Швейцарии.

Само собою разумеется, дорогой Юнг, что заключительную фразу Вы можете изменить, как Вам заблагорассудится. Так как Вы почти француз, то я просто хотел набросать для Вас схему по-немецки.

¹ Поправка опубликована в газете «Der weiße Adler» 22 апреля 1865 г.

281.

Маркс — Л. Фонтецу

в Брюссель.

[Черновик.]

Лондон, 15 апреля 1865 г.

Дорогой гражданин!

На последнем заседании (см. приложение) Центрального совета я был назначен временно исполняющим обязанности секретаря для Бельгии вместо гражданина Ле Любе, отставка которого, как члена Совета, была единогласно принята. В качестве секретаря для Франции его заместил гражданин Дюпон. Если Вы пожелаете, я как-нибудь позднее вкратце расскажу Вам о неприятных инцидентах, имевших место в недрах Центрального совета. Я считаю, что зачинщиком всего этого было лицо, не имеющее прямого отношения к нашему Совету ¹, — выдающийся итальянский патриот, но закоренелый враг интересов пролетариата, без осуществления которых республиканизм не может быть ничем иным, кроме как новой формой буржуазного деспотизма. Разве, по признанию одного из его самых слепых орудий ², он не дошел до того, что требовал, чтобы из итальянского перевода нашего Учредительного манифеста были устранены все места, враждебные буржуазии?

Несмотря на эти прискорбные инциденты и на более или менее добровольную отставку некоторых лиц, наше Товарищество триумфально шествует вперед. После нескольких месяцев существования оно насчитывает в одной только Англии уже почти 12 000 членов.

Вы весьма обяжете Центральный совет, прислав мне *официальный отчет о положении дел в вашем обществе в Бельгии в настоящий момент*. Я очень прошу Вас в Вашей корреспонденции отделять официальные письма, которые будут переданы в архив Центрального совета, от сообщений частного порядка, которые Вы не откажете в любезности мне делать.

Мой адрес: А. Вильямс, Esq. 1, Modena Villas, Maitland Park, Haverstock Hill, N. W. Лондон.

Привет и братство.

К. Маркс.

[Приписка Маркса]

Письмо отправлено в понедельник, 17 апреля 1865 г.

[Приложение:]

«15 апреля 1865 г.

На заседании Центрального совета от 11 апреля с. г. гражданин Маркс был единогласно избран *временным* секретарем-корреспон-

¹ Дж. Малзини.² Дж. Фонтана.

дентом для Бельгии вместо отказавшегося от этого поста гражданина Ле Любе.

От имени Центрального совета

Дж. Оджер — председатель,
В. Кример — почетный генеральный секретарь.

282.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондоне.

[Лондон,] 25 апреля 1865 г.

Дорогой Юнг!

Приходите ко мне в понедельник вечером, часов в 8 или позднее, если это для вас слишком рано. У меня будет небольшой ужин — встреча с Эрнестом Джонсом. Кроме Вас будут *только* Оджер, Кример и П. Фокс. Если бы я пригласил *больше* гостей, то их оказалось бы *слишком много* для цели этого вечера. Это — *между нами*.

Я только что написал Кримеру, чтобы он немедленно составил полномочие для П. Венсара; надо, чтобы Дюпон немедленно отослал его Венсару. Лучше всего послать его Венсару *непосредственно*, не пользуясь посредничеством Фрибура.

Венсар уже писал Любе, что он *не* примет полномочий, если они не будут получены им *непосредственно* из Лондона. Любе в письме к Фрибуру обещал сообщить об этом Центральному совету, но этого не сделал. Я имею основание думать, что впоследствии Фрибур «забыл» об этом не без умысла.

О том, что произошло затем в Париже (и в общем это к лучшему), я сообщу Вам устно, а пока проинструктируйте Дюпона.

Привет и братство.

К. Маркс.

283.

Маркс — своей дочери¹

в Лондоне.

Майден Тоуэр, 3 июля 1865 г.

Дорогая мисс Лилипут!

Извините меня за «промедление» с ответом. Я принадлежу к тем людям, которые дважды подумают, прежде чем примут то или иное решение. Поэтому я был несколько смущен, когда получил приглашение от совершенно неизвестной мне проказницы. Тем не менее,

¹ Какой из дочерей адресовано письмо, установить не удалось.

убедившись в Вашей респектабельности и в солидности тех сделок, которые Вы заключаете с Вашими поставщиками, я с радостью пользуюсь этим несколько странным предложением, чтобы добраться до Ваших яств и напитков. Но, пожалуйста, не относитесь к этим последним с пренебрежением, ведь старые девы имеют это скверное обыкновение. Так как я страдаю приступами ревматизма, то я надеюсь, что в Вашей гостиной не будет никаких сквозняков. О необходимой вентиляции я позабочусь сам. Я несколько туг на правое ухо, поэтому посадите, пожалуйста, справа от меня какого-нибудь скучного малого, в обществе которого никто не нуждается. Я надеюсь, что с левой стороны от меня будет сидеть красавица — я хочу сказать: наиболее красивая дама из Ваших гостей.

Я имею привычку жевать табак, и потому держите его наготове. Благодаря моим прежним сношениям с янки я приобрел привычку плевать; надеюсь, что в плевательницах не будет недостатка. Так как у меня довольно непринужденные манеры и я не выношу этой жаркой и душной английской атмосферы, то Вы должны быть готовы к тому, что мой костюм будет напоминать костюм Адама. Надеюсь, что приглашенные Вами дамы будут одеты в таком же стиле.

До свиданья, моя милая шалуныя-незнакомка.

Ваш навсегда

д-р Crankey [Чудак].

Надеюсь, что британских вин не будет.

284.

Марке — Л. Фонтену

в Брюссель.

[Черновик.]

[Лондон,] 25 июля 1865 г.

Дорогой гражданин!

Я давно уже послал Вам письмо с одним англичанином, ехавшим в Германию через Брюссель, но известий ни от Вас, ни от своего англичанина до сих пор еще не получил. Я не стану возвращаться к моему ответу на Ваше письмо, а буду говорить лишь о текущих делах.

Г-н Ле Любе вернулся в Центральный комитет в качестве делегата одной английской секции, а итальянская ассоциация в Лондоне восстановила г. Вольфа в качестве своего представителя в Совете. Вследствие запрещения «Tribune ouvrière» один из наших парижских корреспондентов, г. Шарль Лимузен, не находя в Париже типографа, отправился в Брюссель, чтобы там попытаться вы-

пустить газету. В Брюсселе он осведомился о положении наших дел. Ему сказали, что после единогласно принятого по Вашему предложению решения о слиянии с нашим Товариществом Федеративное общество отказалось от проведения этого решения:

Во-первых, потому, что оно настаивало на праве самому выбирать корреспондентов, а не иметь корреспондентов, назначенных Центральным советом.

Во-вторых потому, что оно отказывалось оплачивать билеты, продолжая в то же время проводить сбор взносов в 1 фр. 50 сант. как бы за прошлое.

Согласно письму г. Лимузена, Вы обратились затем в Общество типографов, но результат оказался тот же, в силу тех же затруднений.

Что касается выборов корреспондентов, то Центральный совет признал за своими филиалами право самим избирать своих представителей. За собой он сохранил лишь право их утверждать. В Брюсселе дело обстояло иначе, поскольку там еще не существовало официально оформленного общества. Нельзя ли притти к такому компромиссу, чтобы ваши общества согласились признать Вас в качестве корреспондента, но чтобы наряду с этим они избрали административный комитет, как это было сделано в Париже и Женеве?

Что касается взносов, то общества должны понять, что Центральный комитет был бы лишен возможности проводить какие-либо мероприятия общего характера, если бы все его филиалы решили не платить взносов; противодействие направлено, повидимому, только против требования *двойного* взноса. Нельзя ли притти к полюбовному соглашению по этому вопросу? Центральный совет пойдет на всякую уступку, совместимую со взятыми им на себя обязательствами.

Я лично убежден, что Ваши поступки были продиктованы исключительно Вашим рвением на пользу общего дела, и я, взывая к этому рвению, предлагаю Вам вступить на путь примирения и восстановления отношений. Я буду Вам очень обязан, если Вы немедленно ответите: во-первых, потому, что я должен доложить об этом деле Центральному совету, а во-вторых, потому, что в Лондоне 25 сентября состоится *предварительная конференция* членов ряда административных комитетов.

Центральный совет пришел к убеждению, что конгресса в этом году созвать не удастся, но задачей предварительной конференции в Лондоне будет его подготовить.

Привет и братство.

К. Маркс.

285.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондоне.

Дорогой Юнг!

[Лондон,] 15 ноября 1865 г.

Вернувшись из Манчестера, я нашел Ваше письмо, из которого с глубоким [сожалением]¹ узнал, что Вы все еще болеете. Я очень боюсь, что Вы всегда не во-время прерываете свое лечение, слишком рано возвращаясь к работе.

Я зайду к Вам *в воскресенье после обеда*. Мне хотелось бы встретиться у Вас с Дюпоном, так как я должен сообщить ему ряд вещей.

Вся моя семья принимает в Вас живейшее участие и шлет Вам пожелания скорейшего выздоровления.

Передайте привет г-же Юнг.

С братским приветом

Ваш *К. Маркс*.

286.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондоне.

[Лондон,] 20 ноября 1865 г.

Дорогой Юнг!

Вопросы таковы²:

I. Вопросы, касающиеся Товарищества.

- 1) Вопросы, касающиеся его организации.
- 2) Учреждение обществ взаимопомощи для членов Товарищества. Моральная и материальная поддержка сирот, оставшихся после лиц, состоявших членами Товарищества.

II. Социальные вопросы.

- 1) О кооперативном труде.
- 2) О сокращении рабочего времени.
- 3) О женском и детском труде.
- 4) *Тред-юнионы*, их прошлое, настоящее и будущее.
- 5) О совместных выступлениях при помощи Международного товарищества в борьбе между капиталом и трудом.

¹ Здесь в оригинале выцвели чернила, слово вставлено по смыслу.

² Программа Женевского конгресса 1866 г., принятая на Лондонской конференции в сентябре 1865 г.

6) *О международном кредите*: основание международных кредитных учреждений, их форма и способ действия.

7) *О прямых и косвенных налогах*.

8) Постоянные армии в их отношении к производству.

III. Международная политика.

О необходимости уничтожения московитского влияния в Европе путем осуществления права наций на самоопределение и восстановления Польши на демократическо-социальных основах.

IV. Философский вопрос.

О религиозной идее в ее связи с социальным, политическим и интеллектуальным развитием.

Остальные *резюльции*, например относительно конгресса и пр., Вы найдете в том номере «Workman's Advocate», где приведен отчет о трехдневных заседаниях конференции.

Не забудьте потребовать *официального* отчета от Везинье.

Пришлите мне *адрес Кауба*, который я где-то затерял.

С братским приветом

Ваш *К. Маркс*.

1866 год.

287.

Маркс — Иоганну-Филиппу Беккеру

в Женеву ¹.

Лондон, [около 13 января 1866 г.]
1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill. N. W.

Дорогой друг Беккер!

Ты, вероятно, сердисься на меня, и это «справедливо» и в то же время «несправедливо» (ты ведь знаешь от Гейнцена, что я «софист»). Помимо того, что мне надо переписать 1 200 страниц рукописи и мой издатель уже давно ворчит на меня, помимо ужасной потери времени в этом Вавилоне по милости Центрального комитета, Постоянной комиссии и администрации газеты «Workman's Advocate», у меня еще были чрезвычайно досадные и тяжелые «частные обстоятельства», которые вынудили меня на время оставить Лондон и которые до сих пор еще не улажены, и пр., и пр.

Из прилагаемой записки, которую я *сегодня* получил (вернее, моя жена), ты увидишь, что пакет, отосланный тебе *около двух недель тому назад*, был конфискован достойной французской полицией. В нем были прежде всего экземпляры «Манифеста коммунистической партии», а также записка, где я, в ответ на твой вопрос, коротко сообщал тебе, что *Бендер* согласен поместить в «Workman's Advocate» *английский* перевод твоего воззвания, отчет о деятельности в Швейцарии и пр. Мы решили не публиковать официального отчета о конференции не только из-за недостатка денежных средств и не только потому, что по *уставу* мы обязаны представить общий отчет конгрессу и, следовательно, хотелось избежать двойной работы, но главным образом потому, что публичное разглашение сведений о положении дел, и в особенности о весьма «фрагментарном» характере самой конференции, принесли бы нам боль-

---

¹ На письме штемпель: Международное товарищество рабочих. Центральный комитет. Лондон.

ше вреда, чем пользы, и дали бы только новое оружие в руки противника. Мы знали, что два члена Центрального комитета — Ле Любе и Везинье — только и ждут того, чтобы воспользоваться этим случаем. События подтвердили эти предположения. Сначала появились нападки Везинье на Центральный комитет и конференцию в «L'Echo de Vervier». Затем в этой же газете появилось программное заявление Ле Любе и проект устава, который он хотел навязать Товариществу от имени учрежденного им в Лондоне в противовес нам французского филиала. Пока эта интрига не удалась. Филиал отпал от своего основателя. Два лучших его члена — Лонге (редактор «Rive Gauche») и Креспель — вошли в состав Центрального комитета. Центральный комитет вынес постановление, что Везинье должен доказать свои клеветнические утверждения или он будет исключен.

Я не могу прислать тебе пока никакой статьи; у меня совершенно нет свободного времени. Зато Энгельс это сделает как только получит первый номер и выяснит — как и что. Пришлет статью также и Либкнехт из Лейпцига. Об этом же я напишу д-ру Кугельману в Ганновер, а также Штумпфу в Майнц. Первый номер газеты *Дюпле* слаб. Юнг уже написал ему по этому поводу.

Либкнехт живет (адресуй: И. Миллер): 2, Gerichtsweg, Лейпциг.

Со здешним движением дело обстоит с одной стороны хорошо, а с другой — плохо. Основанная нами Лига реформ устроила массовый митинг с требованием всеобщего избирательного права. Это был самый большой митинг, который я когда-либо видел в Лондоне. Выступали только рабочие. Даже «Times» пришел в ужас и поместил две передовых статьи по поводу этого «неприятного казуса». С другой стороны, это движение отнимает у нас силы наших лучших рабочих.

«Workman's Advocate» ведется слабо. Теперь под редакцией *Эккаршуса* он станет лучше. Но страшно трудно доставать деньги. Из Берлина я получил письмо, подписанное Фогтом¹, Метцнером и другими рабочими, где вдумчиво и критически разбирается теперешнее положение немецкого рабочего движения. Некритически звучит только их требование, чтобы я приехал в Берлин и взял все дело в свои руки. Они ведь знают, что прусское правительство «воспретило» мне проживание в Пруссии.

До того, как ты мне напишешь, *каким образом* переслать тебе «Манифесты», я в виде предосторожности пошлю один экземпляр *через Майнц*. Быть может, кое что из «Манифеста» ты сможешь использовать для своей газеты.

¹ У Маркса здесь описка: вместо «Фогтом», слог «Вольфом».

Немецкие секции лучше всего сделают, если примкнут пока к организации в Женеве и вступят с тобой в постоянную связь. Как только что-либо подобное произойдет, извести меня, чтобы я мог, наконец, сообщить *здесь*, что и в Германии наблюдается некоторый прогресс.

Посылаю это письмо по адресу Дюпле из опасения «французской конфискации». По-моему, империя шатается. Сначала история с Мексикой и с Соединенными Штатами и бунт трех французских полков, потом студенческие беспорядки, затем растерянность Бонапарта, проявляющаяся в его перебранке с Англией из-за возобновления «договора о выдаче преступников» и в запрещении лакейской «Independant Belge». Наконец, *торговый кризис*, наступление которого чрезвычайно ускорится вследствие чрезмерного импорта из Англии и вообще из Европы в Соединенные Штаты.

Сердечный привет от всей семьи.

Твой *К. Маркс*.

288.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Гацховер.

Лондон, 15 января 1866 г.
1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой друг!

Поздравляю с Новым годом и очень благодарю за Ваше дружеское письмо.

Извините за краткость этих строк, она объясняется большой перегруженностью работой в настоящий момент. В следующий раз я напишу подробнее.

Прилагаю два членских билета. Вопросы, которые должны будут обсуждаться в конце мая, на публичном заседании конгресса в Женеве, я сообщу Вам в следующем письме.

Наше общество делает большие успехи. Оно имеет уже три официальных органа: в Лондоне «The Workman's Advocate», в Брюсселе «La Tribune du Peuple» и один орган французской секции в Швейцарии: «Journal de l'Association internationale des travailleurs. Section de la Suisse romande» (Женева). На-днях появится журнал немецко-швейцарской секции «Der Vorbote» под редакцией И.-Ф. Беккера. (Вот его адрес: 6, rue du Mole, Женева — на случай, если бы Вы захотели послать ему когда-нибудь корреспонденцию по политическим или социальным вопросам.)

Нам удалось вовлечь в движение единственную действительно крупную рабочую организацию — английские трэд-юнионы, которые раньше занимались *исключительно* вопросами заработной платы. При их помощи состоялся несколько недель тому назад грандиозный митинг, устроенный организованным нами английским обществом для проведения *всеобщего избирательного права* (Центральный комитет этого общества состоит наполовину из рабочих—членов нашего Центрального комитета). На этом митинге говорили только рабочие. Что результат его был значительным, об этом Вы можете судить из того, что «Times» в двух номерах подряд занимался этим митингом в своих передовицах.

Что касается моей работы, то я теперь по 12 часов в день переписываю ее начисто. Я думаю в марте отвезти рукопись первого тома в Гамбург и повидаться при этом с Вами.

Кувырканыя преемника Юстуса фон-Мезера¹ меня очень позабыли. Что за жалкое зрелище представляет собой талантливый человек, который ищет и находит удовлетворение в подобных пустяках!

Что касается Бюргера, то это конечно, человек благих намерений, но он слаб. Немного более года прошло с тех пор, как на публичном митинге в Кельне он заявлял (об этом было напечатано в кельнских газетах), что Шульце-Делич окончательно «разрешил» социальный вопрос и что только его (Бюргера) *личная дружба ко мне* завлекла его на ложный путь коммунизма! Мог ли я после таких *публичных заявлений* не считать его «ренегатом»?

Искренне преданный Вам

К. Маркс.

289.

Маркс — Зигфриду Мейеру

в Берлин.

[Лондон,] 24 января 1866 г.

Дорогой друг!

Одновременно с членскими билетами для Вас я послал подробное письмо г. Фогту. Я думал, что, использовав два различных адреса, я поступил очень удачно. Единственная ошибка, которую я, кажется, допустил, заключается в том, что на адресе Фогта я вместо № 16 поставил № 6.

Поэтому я очень просил бы Вас навести справки на почте, и о результатах сообщить мне. После того как я Вам писал, у меня

¹ Микель.

образовался новый карбункул на таком месте, которое очень болит при сидении, так что после ежедневной переписки начисто моей рукописи для издателя я чувствую себя совершенно обессиленным.

Ваш *К. М.*

290.

Женни Маркс — Зигфриду Мейеру
в Берлин.

[Лондон, начало февраля 1866 г.]
1, Villas Modena, Maitland Park.

Милостивый государь!

Мой муж уже неделю лежит в постели, — он опять заболел своей прежней опасной и мучительной болезнью. Это новое заболевание тем более тягостно для него, что ему снова приходится прервать только что начатую переписку своей книги. Он очень сожалеет, что Вы не получили его подробного письма, — сейчас он писать не в состоянии. Он опасается, что письмо перехвачено, иначе оно давно уже вернулось бы обратно. Адрес был написан совершенно правильно, и я сама отнесла его на почту вместе с другими письмами и газетами, которые все дошли. Что касается М[анифеста]¹, то мой муж хочет, чтобы Манифест, как исторический документ, был напечатан в том виде, в каком он появился впервые; опечатки настолько очевидны, что каждый сможет их исправить. Учредительный манифест Интернационала он пошлет Вам при первой возможности.

Вместе с тем он просит Вас, если Вы уехали из Берлина, сообщить нам Ваш новый адрес для дальнейшей переписки. Не может ли и г. Фогт указать другой адрес? Его теперешний адрес кажется нам не вполне надежным. Когда Вы будете опять писать, адресуйте, пожалуйста, А. Вильяме, Эскв. и т. д.

Мой муж просит передать Вам сердечный привет.

Ваша *Женни Маркс.*

291.

Маркс — Фридриху Лесснеру
в Лондоне.

[Лондон,] 14 февраля 1866 г.

Дорогой Лесснер!

Из прилагаемого письма Фрейлиграта ты увидишь, в чем дело. Сделай, что можешь.

Привет.

Твой *К. М.*

Письмо Фрейлиграта я не могу найти. Эта женщина сообщит тебе подробности о положении Ульмера. Его жена умерла, и у него нет денег на похороны. Нужно, чтобы наше общество немедленно что-либо предприняло. Деньги нужно послать Фрейлиграту.

¹ Имеется в виду «Коммунистический манифест».

292.

Женни Маркс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

[Лондон,] 26 февраля 1866 г.
1, Modena Villas, Maitland Park.

Милостивый государь!

Вот уже месяц, как мой бедный муж снова слег из-за своей старой, очень мучительной и опасной болезни, и мне незачем говорить Вам, сколько тяжелых, мучительных тревог пришлось пережить всем нам в эти дни. В начале января он как раз начал окончательно подготавливать свою книгу к печати, переписка подвигалась вперед удивительно быстро, и рукопись значительно выросла. Карл был в прекрасном настроении и был счастлив, что успел сделать уже так много. Но внезапно появился карбункул, а вскоре за ним два другие. Последний был особенно скверный и упорный, притом на таком неудобном месте, что мешал ему при ходьбе и при всяком движении. Сегодня утром показалось уже больше крови, а вместе с тем наступило некоторое общее облегчение. Третьего дня мы начали лечение мышьяком, от которого Карл ожидает хороших результатов.

Новая задержка с окончанием книги прямо ужасна для него, и по ночам он все время бредит отдельными главами, мысль о которых не покидает его. Сегодня утром я принесла ему Ваше письмо, чтобы он прочел его в постели. Он очень обрадовался Вашей дружеской записке и поручил мне немедленно сердечно поблагодарить Вас от его имени. Вдобавок ко всему, его присутствие в настоящий момент особенно необходимо как при обсуждении вопроса о предстоящем конгрессе Международного товарищества, так и при обсуждении вопроса о направлении и редактировании новой еженедельной рабочей газеты, которая здесь сейчас выходит под названием «Commonwealth» и которая является представительницей как вновь организованной рабочей партии со всеми кооперативными обществами, так и Международного товарищества. Связанные со всем этим волнения, конечно, сильно влияют на общее состояние его здоровья. Будем надеяться, что весной он поправится настолько, что сможет посетить своих друзей в Германии. Он так радовался этому свиданию.

Карл просит передать Вам сердечный привет, я же, хотя и незнакома с Вами лично, свидетельствую Вам свое уважение.

Преданная Вам

Женни Маркс.

293.

Маркс — своей дочери Женни

в Лондон.

Маргейт, 16 марта 1866 г.
5, Lansell's Place.

Дорогое мое дитя!

Я приехал сюда вчера вечером без четверти восемь. Следуя твоим указаниям, я оставил багаж на хранение, а сам отправился

в омнибусе в небольшую гостиницу под названием «Королевский герб». Заказав ромштекс и придя в довольно слабо освещенную столовую, я перепугался (ты ведь знаешь мой робкий нрав) при виде худощавого, долговязого, чопорного субъекта, представлявшего собой нечто среднее между пастором и коммивояжером, который одиноко и неподвижно восседал у камина. Судя по его пустым и неподвижным глазам, я решил, что он слепой. В этом убеждении поддерживало меня еще и то, что у него на коленях лежало что-то длинное, узкое и белое, вроде шарфа, с правильно расположенными дырками. Я вообразил, что слепой держит бумагу, нарочно так изрезанную, чтобы собирать в нее подаяния с посетителей гостиницы. Когда мне принесли ужин, слепец зашевелился, преспокойно разулся и стал греть свои огромные ноги у огня. Из-за этого приятного зрелища, из-за его предполагаемой слепоты, а также из-за моего ромштекса, который в натуральном виде наверняка являлся частью больной коровы, я провел не особенно приятно первый вечер в Маргейте. Зато моя спальня была удобна, постель опрятна и мягка, а сон крепок.

Когда я утром сидел за завтраком, вошел вчерашний незнакомец. Оказалось, что он глухой, а не слепой. То, что меня особенно смущало, — а именно что-то белое у него на коленях, — оказалось носовым платком необычайного вида, с черными горошками на сероватом фоне; их-то я по ошибке и принял за дырки. Так как человек этот меня все же смущал, я быстро расплатился и, проплутав некоторое время, набрел на нынешнюю мою квартиру, расположенную у самого моря. Она состоит из довольно большой гостиной и спальни — все за 10 шиллингов в неделю. Договариваясь об условиях, я выговорил, что когда приедешь ты, спальня тебе будет предоставлена *бесплатно*.

Прежде всего я принял теплую морскую ванну. Это было восхитительно. Восхитителен здесь также и воздух, — удивительный воздух!

Пансионы здесь почти пусты, и, насколько я понял со слов библиотекаря, они вряд ли подготовлены к приему гостей. Что касается столовой, то найти порядочную нелегко, но со временем и это препятствие будет преодолено.

А теперь — передай от меня всем сердечный привет. До свиданья!

Твой *Маер*.

Сегодня я уже гулял пять часов.

294.

Маркс — своей дочери Лауре

в Лондон¹.Маргейт, 20 марта 1866 г.
5, Lansell's Place.Мой милый Какаду!²

Итак, на самом деле хорошие вести. Я предпочитаю ффрау Гракх матери всех Гракхов. Очень рад, что поселился в частном доме, а не в пансионе или отеле, где к тебе неизбежно пристают с местной политикой, семейными скандалами и соседскими сплетнями. И все-таки я не могу петь, как мельник из Ди: «Мне ни до кого нет дела и никому нет дела до меня», потому что есть моя хозяйка, которая глуха, как пень, и ее дочь, страдающая хронической хрипотой. Но они очень славные люди, внимательные и не назойливые.

Сам я превратился в бродячую трость (*wandernder Spazierstock*), большую часть дня гуляю, дышу свежим воздухом, ложусь в десять часов спать, ничего не читаю, еще меньше пишу и погружаюсь в то душ-вное состояние небытия, которое буддизм рассматривает как вершину человеческого блаженства. И все же в четверг я не буду тем писанным красавцем, каким в своих мечтах ожидает меня увидеть достопочтенный *Vu-Vue*. Зубная боль с правой стороны еще не совсем прошла, и правый глаз все еще воспален. Хотя это и не очень заметно, но глаз приобрел дурную привычку проливать слезы по собственному почину, нисколько не считаясь с чувствами своего хозяина. Если бы не это, я бы уже сфотографировался, так как здесь можно получить 12 визитных карточек за 3½ шиллинга и 48 карточек за 10 шиллингов. Я буду очень благодарен «Mümelchen», если она сходит к г. Холлу и попросит его сделать цинковый раствор для моего глаза (он ведь знает его состав); надеюсь, что к моему возвращению в Лондон это будет готово.

Воспаленный глаз мешает мне ночью спать. В остальном чувствую себя лучше.

Стоит только немного отойти от берега и пройтись по окрестностям, как всюду натыкаешься на большие досчатые заборы, которые мучительно напоминают тебе о цивилизации, заборы с надписью— «Эпизоотия рогатого скота». Все они заклеены правительственным постановлением, плодом того бешеного натиска, который произвела

¹ Перевод сделан с текста, опубликованного в «Neue Zeit» Jg. 25, за 1907 г., В. 1, стр. 75.

² Прозвище Лауры Маркс.

на правительство скотопромышленная знать, лорды и члены палаты общин, при открытии парламента.

О царь Висвамित्रа, каким же
Ты истым быком оказался,
Когда ради только коровы
И каялся ты, и сражался!

Но если благородный король Висвамित्रа, как настоящий индус, истязал себя, чтобы спасти корову Сабалу, то английское дворянство, по обычаю современных мучеников, предпочитает устраивать кровопускание народу, чтобы вознаградить себя за болезни своих коров. Ящур его возьми!

В воскресенье я решил пойти пешком в Кентербери. К несчастью, я принял это важное решение только после того, как в течение двух часов исходил вдоль и поперек всю пристань и т. д. Так что когда я отправился в резиденцию архиепископа, я уже израсходовал слишком много физической силы, а отсюда до Кентербери 16 миль. Из Кентербери я поехал обратно в Маргейт по железной дороге, но я все же слишком устал и не мог спать всю ночь. Спина и ноги не болели, но подошвы оказались неженками. О Кентербери тебе, конечно, известно все — во всяком случае больше того, чем могу похвалиться я — из твоего Ивса (Eves), надежного источника знания всех английских Ев (никак не могу толковать с тобой без каламбуров. Но подумай: у Теккерей выходит еще хуже, он рифмует Eves [вечера] и Ewes [овцы] (по английскому произношению: Ивз и Юс).

К счастью, я слишком устал, и было уже слишком поздно, чтобы осматривать знаменитую церковь. Кентербери — старый, безобразный средневековый город, который ничего не выиграл от больших современных английских казарм на одном конце его и от некрасивой, унылой железнодорожной станции на другом. В нем нет и следа той поэзии, которую находишь в любом таком же старинном городе на континенте. Важное расхаживание по улицам солдат и офицеров напомнило мне до известной степени «отечество». В гостинице, где мне подали жалкие ломти холодной говядины, я узнал о последнем скандале. Говорят, что капитан Лемершан в воскресенье ночью был пойман полицией за таким занятием: он стучался поочередно во все двери виднейших граждан. За это невинное времяпрепровождение он будет привлечен к суду; этот ужасный капитан должен будет склониться перед величием городского головы. Вот и весь мой запас «кентерберийских новостей».

А теперь, Какаду, кланяйся от меня Элли. Я ей напишу в ближайшее время, письмо ее меня очень обрадовало. Mümchen¹ я тоже при случае напишу.

Этот проклятый негодяй Лафарг мучает меня своим прудонизмом. Он, должно быть, до тех пор не успокоится, пока я не проломлю его креольского черепа.

Желаю Вам всем всего лучшего

Ваш *Master*.

Успел ли Орсини получить мое письмо?

295.

Энгельс — своему брату Герману

в Бармен.

Манчестер, 22 марта 1866 г.

Дорогой Герман!

Ваш акт находится у юриста. К сожалению, я сегодня не застал его дома и не могу тебе сказать, послал ли он его в Ливерпуль, а также насколько продвинулась его переписка. Но на-днях я еще раз пойду к нему и потороплю его.

Сегодня я пишу тебе по поводу контокоррентного счета, который ты мне прислал. Так как записи в книгах за второе полугодие 1864 г. сделаны у вас совершенно иначе, чем здесь, то я должен был для просмотра счета выбрать более свободный день. Мне пришлось просмотреть всю эту дрянь с самого начала, и в конце концов я привел счет в порядок. Отдельные статьи совпадают, за исключением римесс, поставленных на мой счет у Ф. Э[нгельса] и К^о согласно вашему письму от 20 июля 1864 г. Эти статьи должны по-этому числиться и на моем счету у Ф. Э[нгельса] и К^о. Статьи эти следующие:

		Римессы через Апольду . . .	2:2.2 ф. ст.
1864, июня 30	}	» » Мюнхен . . .	1.2— » »
		» » Рислингген . . .	8.19.6 » »
1864, июля 4—3		» » Лондон, всего	287.3.3 » »

Я нахожу, что по вашим контокоррентным счетам я прямо терплю убыток при перечислении сальдо на эти счета. За 18 месяцев, по точным подсчетам, разница составила 1.14.9 ф. ст., и поэтому

¹ Жена Мариса.

в будущем я позволю себе посылать вам выписку из контокоррентного счета каждые 6 месяцев, так как я, конечно, должен признавать расчеты по контокоррентам здешней фирмы. Для своего удобства я всегда веду ваш счет особо.

Будь добр, пришли мне *поскорее* выписку из моего счета у Ф. Э[нгельс] и К^о, чтобы я мог заключить свои частные записи. Выписка должна охватить время с середины 1864 г., так как с этого времени, насколько я помню, я не получал от тебя никаких выписок из этого счета. (Если ты не подводил итогов до середины 1864 г., то пришли с *начала 1864 г.*)

С прошлого сентября дела опять пошли лучше; с тех пор мы загружены даже чрезмерно и ставим новые машины Д. Т. Цены тоже поднялись, и за второе полугодие 1865 г. мы заработали так много, что я покрыл свои расходы с июня 1864 г. и у меня еще немного осталось; за первый год моего участия в качестве компаньона мы не заработали ни гроша, — даже и без списываний на приобретение машин. Теперь дела должны пойти у нас очень хорошо, но если цена хлопка, вследствие усиленного предложения, упадет ниже 18 пенса за средний Орлеанский, то мы опять все потеряем. Однако я не думаю, что так будет, — я полагаю, что хороший американский хлопок в общем будет держаться, примерно, на уровне 19 п., хотя цена суратского хлопка, конечно, может очень сильно упасть. Вообще я думаю, что мы получим хлопка не больше, чем нам нужно, и вплоть до осени цены будут оставаться на уровне около 19 п. за средний Орлеанский. Осенью, возможно, снова начнется спекуляция и взвинтит цены.

Матери я напишу на этих днях при первой возможности; ее письмо я получил в прошлый понедельник и был рад узнать, что ей опять стало лучше. Передай сердечный привет ей и всем сестрам и братьям от твоего

Фридриха.

Кстати, как тебе известно, капитал, записанный здесь на меня, уже 30 июня 1864 г. составлял несколько больше 13 000 ф. ст., а так как я не обязан держать в деле больше 12 000 ф. ст., вам нет надобности вносить суммы в качестве обеспечения производимых через нас закупок; некоторые платежи вы можете даже покрыть ремиссами, особенно ввиду того, что в конце июня снова наступит срок уплаты процентов на сумму около 300 ф. ст. Если хочешь, я могу за ваш счет произвести платежи Функе; около 1 500 ф. ст. ты можешь, таким образом, получить до 30 июня или сейчас. Только не трассируйте на нас, — Готфрид против этого; он думает, что ввиду одина-

ковости фирм это может быть истолковано как мошеннические вексельные сделки.

Антон уже получил 4 — 5 патентов. Это делается у него в одну минуту, — в газетах то-и-дело читаешь, что ему выдан патент.

296.

Энгельс — своему брату Герману
в Бармен.

Манчестер, 6 апреля 1866 г.

Дорогой Герман!

Большое спасибо за твой контокоррентный счет от 27 марта, который, кажется, в общем сведен правильно. Трудно только проверить проценты, когда они не вычислены по отдельным статьям и «счет процентов» приходится принимать на веру. Но согласно твоим подсчетам 31 декабря 1865 г. ты перевел от фирмы Э[рмен] и Э[нгельс] в Б[армене] на мое имя 2 112.21.8 талеров, между тем как согласно контокоррентному счету Э[рмен] и Э[нгельс] в Б[армене] тот же самый перевод составляет 316.18.2 *ф. ст.*, что по курсу 6/20 составляет 2 169.1.8 *талеров*. Мне это непонятно.

Несколько неприятно то, что вы заканчиваете баланс 31 декабря, а мы 30 июня. Поэтому я буду посылать вам контокоррентный счет только один раз — 31 декабря; он, таким образом, никогда в точности не совпадет с вашим, но в конце концов это неважно.

Чтобы наши бухгалтерские записи были в порядке, я прошу все *деловые расчеты* Э[рмена] и Э[нгельса] заносить в книгу Э[рмен] и Э[нгельс] в Б[армене], а все личные расчеты — в книгу Ф[ридрих] Э[нгельс] и К^о.

Сведения об агенте Брауне я дал непосредственно Ф. Беллингу. Фирма Карт писала нам по другому поводу.

Я не советую тебе заказывать ваши швейные нити, как правило, через нас. Г[отфрид] Э[рмен] все время будет стараться подсунуть вам свою пряжу из Пендлбурга, а это, конечно, не всегда будет в ваших интересах. Кроме того, как только операции начнут расширяться, он сейчас же потребует 2% комиссионных. Но если вы можете употреблять его пряжу (почему бы и нет, раз мы ее употребляем?), тогда, конечно, лучше всего обращаться к нам. Сегодня я посылаю по почте пробу № 16; этого сорта у него на складе лежит 120 кш. 10 фунтов [. . .]¹; он взял бы за эту пряжу 2 шил. 1½ пенса,

¹ Одно слово в оригинале неразборчиво.

а может быть, и меньше. Ту же самую пряжу вы можете получить и у маклера Ф. А. Шмидта. Зато тонкие номера и початки, в которых Г. Эрмен] абсолютно не заинтересован, мы можем вам всегда доставлять.

Что стоит гохгеймер? Это главное. И сколько его можно достать? Вместо 3 бутылок тебе следовало бы сразу послать 3 дюжины.

Относительно пони я наведу справки. Но на хороших, сильных лошадях здесь сейчас большой спрос, и они стоят дорого, а покупки по случаю — сразу хорошую пару — придется долго дожидаться.

Вы там тоже, конечно, не верите в войну? Скверная была бы история, если бы до этого дошло, и не скоро бы все это кончилось. Недавно, когда распространились слухи о войне, я видел сон, будто я очутился где-то на Мозеле среди огромной армии. Это было что-то вроде добровольческого ополчения; вокруг деловито сновали всевозможные люди, и время от времени кто-нибудь из них кричал: «Мы окружены врагами!» Тогда все обращались в бегство. Наконец я попал в ставку, и оказалось, что командующими войсками были там Петер и Готфрид Эрмены, а Антон был начальником генерального штаба. Я задал ему ряд вопросов, но получал такие странные ответы, что в конце концов спросил его, есть ли у него карты той местности, где он находится. В ответ на это, посмотрев на меня с видом превосходства, он сказал: «Карты? Мы отлично обходимся здесь и без них». Когда я хотел ему растолковать, что без карт у него ничего не выйдет и он даже людей своих не сможет расквартировать и т. д., он отвечал: «Если это абсолютно необходимо, у нас есть и карты», и с торжествующим видом вытащил из кармана карту совсем другой местности, где-то за Аахеном и Мاستрихтом. Все это не глупая шутка с моей стороны, а это буквально так было.

Передай сердечный привет маме, которой я напишу на этих днях, а также сестрам и братьям.

Твой Фридрих.

297.

Марке — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Маргейт, 6 апреля 1866 г.
5, Lansell's Place.

Дорогой друг!

Послезавтра я возвращаюсь отсюда в Лондон. Мой врач отправил меня в этот приморский город, где я и в самом деле *очень поправился*.

Итак, опять более двух месяцев — февраль, март и половина апреля — целиком потеряны для меня, и окончание моей книги снова отодвигается. Это меня чертовски бесит!

Я был болен карбункулами, не фурункулами. На этот раз положение было опасное. Во всяком случае, Вы правы, что «диетические» прегрешения играют второстепенную роль. Я слишком привык к ночной работе: днем читаю, а ночью пишу. Если к этому прибавить всевозможные заботы, личные и общественные, и — пока я серьезно занят работой — пренебрежение регулярным питанием, движением и т. п., то все это не может не портить крови.

10 талеров от г. М[енке] для Интернационала вместе с Вашим письмом я получил. У меня здесь нет адресов моих французских друзей в Париже. Но если г. М[енке] обратится к моему другу *К. Каубу* (33, Rue des trois Couronnes du Temple), то последний может познакомить его с В. Шили (немцем), а также с Толеном, Фрибуром и другими парижскими членами комитета.

Известия из Германии мало утешительны. Пруссию толкает к войне Россия (и Бонапарт), Австрию — Бонапарт (она идет на это неохотно, лишь из-за необходимости самообороны). Поймут ли, наконец, наши филистеры, что без революции, которая устранил Габсбургов и Гогенцоллернов (о мелких навозных жуках излишне говорить), дело в конце концов должно привести опять к тридцатилетней войне и новому разделению Германии?

Движение со стороны Италии могло бы поддержать Пруссию. Но если взять Австрию и Пруссию самих по себе, то последняя наверное была бы в худшем положении, несмотря на все прусское хвастовство Дюппелем. Во всяком случае, Бенедек лучший генерал, чем принц Фридрих-Карл. Австрия могла бы, пожалуй, одна собственными силами принудить Пруссию к миру, но не наоборот. Всякий успех Пруссии явился бы поощрением для вмешательства Бонапарта.

Очень возможно, что в то время как я пишу Вам эти строки, Бисмарк опять, как улитка, спрятал свои рога. Но это лишь отсрочило бы на некоторое время конфликт. Такая отсрочка, по моему мнению, вероятна.

Бонапарту эта смута в Германии чрезвычайно на-руку. Его положение совсем подорвано. А война дала бы ему отсрочку.

Напишите мне поскорее и специально о немецких делах.

Ваш *К. М.*

298.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 23 августа 1866 г.

Мой дорогой друг!

Вы имеете полное право сердиться на меня за мое долгое молчание в ответ на Ваши частые дружеские письма.

Но Вы должны извинить меня, так как я нахожусь сейчас в совершенно исключительном положении.

Вследствие моей долгой болезни в моем экономическом положении наступил кризис. Я наделал долгов, которые давят меня, как кошмар, и делают неспособным ни к чему, кроме работы, поглощающей меня целиком. Если мне не удастся занять по крайней мере 1 000 талеров, хотя бы из 5%, то я, право, не вижу выхода. И, несмотря на многочисленные благожелательные письма, которые я получаю из Германии, я не знаю, к кому мне обратиться. Я могу принять помощь лишь от личных друзей, но не официальную. Вы понимаете, что при подобных условиях тяжело браться за перо.

Мне не удалось еще восстановить свои старые денежные связи с Америкой. Там все так заняты местным движением, что всякая трата на европейскую корреспонденцию рассматривается как излишние расходы [*faux frais de production*]. Я бы мог делу помочь, если бы сам переселился туда. Но я считаю своим долгом оставаться в Европе и закончить свою многолетнюю работу.

Что касается самой этой работы, то я не думаю, что мне удастся отвезти рукопись первого тома (всего будет три тома) в Гамбург до октября. Только очень немного часов в день я могу работать продуктивно без того, чтобы это не отражалось тотчас же на моем здоровье, а ради семьи я должен соблюдать, хоть и против воли, границы, предписываемые гигиеной, до тех пор, пока не поправлюсь совершенно. Кроме того, работа прерывается часто под влиянием всяких внешних помех.

Хотя я посвящаю много времени подготовительным работам к Женевскому конгрессу, но поехать на него я не смогу, да и не хочу, потому что такой долгий перерыв в моей работе невозможен. То, что я дам этой своей работой, я считаю гораздо более важным для рабочего класса, чем все, что я мог бы сделать лично на каком бы то ни было конгрессе.

Международное положение в Европе я считая временным. Что

касается специально Германии, то надо брать вещи каковы они есть, т. е. отстаивать дело революции в такой форме, которая соответствует изменившимся обстоятельствам. Что касается Пруссии, то теперь важнее чем когда бы то ни было следить за ее отношениями с Россией и разоблачать их.

Всецело преданный Вам

К. Маркс.

299.

Энгельс — своему брату Эмилю

в Энгельсгрехен.

Манчестер, 23 августа 1866 г.

Дорогой Эмиль!

Я пишу наспех и прошу только, чтобы документ Функе, как только он будет подписан, ты переслал не мне, а нотариусам Холлу и Джениону в Манчестере.

Дело в том, что завтра я уезжаю в Германию.

Передай всем привет. После свадьбы Марии Бланк я рассчитываю приехать в Энгельсгрехен.

Твой Фридрих.

300.

Маркс — Иоганну-Филиппу Беккеру

в Женеву.

[Лондон,] 31 августа 1866 г.

Дорогой Беккер!

Абсолютно необходимо, чтобы председателем конгресса был Юнг:

1) Потому, что он говорит на трех языках — английском, французском и немецком.

2) Юнг является *действительным представителем* Центрального совета, между тем как Оджер (который к тому же знает только свой родной язык) *не* был избран Центральным советом. Мы выбрали четырех делегатов с Юнгом во главе; Оджер должен был ехать лишь в том случае, если бы ему самому удалось достать денег (конечно, под наше поручительство). Для Товарищества он *ничего* не сделал.

3) Кример и Оджер затеяли чрезвычайно подлую интригу, чтобы в последний момент помешать отъезду Юнга и Эккарюса.

4) *Оджер* хочет быть избранным *председателем конгресса*, чтобы импонировать этим англичанам и вопреки *воле огромного*

большинства Совета добиться того, чтобы его выбрали председателем Центрального совета на следующий год.

5) И Кример, и Оджер *предали* нас в Лиге реформы, где они против нашей воли вступили на путь *компромиссов с буржуазией*.

6) Г-н Кример *морально* совершенно *опустился*. Он рассчитывает только на то, чтобы получить «*платный*» пост и не работать. Поэтому его *ни при каких обстоятельствах не следует* избирать на конгрессе *генеральным секретарем* (это единственная платная должность). Нужно выбрать *Фокса* под тем предлогом, — впрочем вполне основательным, — что генеральный секретарь должен владеть *несколькими языками*.

7) *Председатель Генерального совета* должен избираться *и не на конгрессе, а здесь, в Лондоне*, поскольку это фигура, имеющая *только местное значение*.

8) При выборе *председателя конгресса* ты должен тут же заявить, что председательствовать на *международном конгрессе* может только человек, говорящий на нескольких языках, хотя бы уже для того, чтобы сберечь время и т. д.

9) Сообщи об этом Дюпле.

10) Хорошо было бы, если бы ты до начала конгресса попросил Эккариуса перевести на немецкий язык инструкции, которые я написал от имени Центрального комитета для лондонских делегатов.

Привет, жму руку.

Твой *Карл Маркс*.

301.

Маркс — своей дочери Женни

[Лондон,] 5 сентября 1866 г.

Возлюбленный мой мэтр ± ∞ ∓!

Низко до земли преклоняюсь перед Вашим величием, какую бы роль Вы ни сообразовали взять на себя — бесконечно малых или бесконечно больших.

Ваши письма нас привели в восторг, и мы хохотали буквально до упаду при чтении прелестного описания неожиданного взрыва, который вызвала девица на выставке.

Меня не мало удручает некий потомок гориллы¹, который с трудом переносит разлуку с бархатной мышкой, всецело завладевшей его мыслями. Если бы он знал ее так же хорошо, как я, он бы еще

¹ П. Лафарг.

больше уподобился Калипсо, которая не могла утешиться после отплытия Улисса. Но вместе с тем, если ее и можно назвать Калипсо, то он уж во всяком случае не Улисс. Скорее — влюбленный Феллах. Впрочем, он заслуживает и похвалы: с часу дня до 9 вечера он просидел над переводом инструкций, которые мне пришлось набросать для делегатов на Женевском конгрессе. Не менее усердно работал он и в качестве портного над неким гимнастическим приспособлением, предназначенным для вас. Наконец, он выказывает большое внимание к научной болтовне, которой я его угощаю, хотя мы с ним мысленно уносимся далеко от того места, где происходит это умственное развлечение.

Третьего дня приходили Лормье и с ними Негритенок. Под тем предлогом, что он хочет показать ему какой-то гимнастический трюк, старый Лормье сказал ему, конечно, деликатно и «*по секрету*», что необходимо прекратить фонтан плевков, непрерывно летящий в камин, когда он курит. По возвращении из кухни, где было сделано это таинственное сообщение, у нашего бедного Негритенка вид был подавленный, и он вел себя «*паинькой*». По правде сказать, я люблю мальчика, но в то же время несколько ревниво отношусь к его захватническим стремлениям по отношению к моему старому «*личному секретарю*».

Не забудь написать мне *немедленно*, сколько тебе приходится платить *в неделю*.

Проклятая погода! Я все же надеюсь, что она еще исправится. Адрес Mümelchen «Mrs Goodbun, Rose and Crown. Dover». До свиданья, мое милое дитя. Крепко целую тебя и бессмертного Какаду.

Твой $\frac{0}{\infty}$

Маме не пиши, так как она, вероятно, в пятницу утром переедет из Дувра в другое место.

302.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 9 октября¹ 1866 г.
1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой друг!

Я надеюсь, что не должен заключить из Вашего долгого молчания, что мое последнее письмо чем-нибудь обидело Вас. Его смысл был как раз обратный. Каждый человек, находясь в отчаянном

¹ В оригинале ошибочно: «ноября».

положении, чувствует иногда потребность высказаться откровенно. Но он делает это только по отношению к тем людям, которые пользуются его особым, исключительным доверием. Уверяю Вас, что мои житейские дела угнетают меня гораздо больше потому, что они мешают окончанию моей работы, чем по каким бы то ни было личным или семейным причинам. Я бы мог завтра же поправить свои дела, если бы взялся за какое-нибудь практическое дело вместо того, чтобы заниматься своей работой. Я надеюсь также, что Вас мало стесняет то обстоятельство, что *Вы* лично не можете помочь беде. Это было бы уже совсем неосновательной причиной.

А теперь перейду к некоторым вопросам общего характера. Я очень опасался за первый конгресс в Женеве. Но вопреки моему ожиданию он прошел в целом хорошо. Влияние его во Франции, Англии и Америке превзошло все ожидания. Я не мог и не хотел поехать на конгресс, но написал программу лондонских делегатов. Я ограничил ее намеренно такими пунктами, на которых рабочим можно непосредственно согласиться и действовать совместно и которые дают потребностям классовой борьбы и организации рабочих в класс непосредственный материал и толчок к их развитию. У господ парижан головы набиты пустейшими прудонистскими фразами. Они болтают о науке, а сами ничего не знают. Они презрительно относятся ко всякому *революционному*, т. е. вытекающему из самой классовой борьбы, действию, ко всякому концентрированному общественному движению, т. е. такому, которое может быть проведено также и *политическими средствами* (как, например, *законодательное сокращение рабочего дня*).

Под *предлогом* свободы и антигуверnementализма, или индивидуализма, враждебного всяким авторитетам, эти господа, — которые 16 лет преспокойно выносили и выносят самый позорный деспотизм! — проповедуют на деле лишь прудонистски идеализированное обыкновенное буржуазное хозяйство! Прудон принес громадный вред. Сначала его мнимая критика и его мнимая противоположность утопистам (сам он представляет собой мелкобуржуазного утописта, тогда как в утопиях таких людей, как Фурье, Оуэн и др., есть предвосхищение и фантастическое изображение нового мира) захватила и подкупила «блестящую молодежь», студентов, потом рабочих, особенно парижских, которые, будучи заняты производством предметов роскоши, «зело» (*sehr*) тяготеют, сами того не сознавая, к старому хламу. Невежественные, тщеславные, претенциозные, болтливые, напыщенные, они чуть было не испортили все дело, явившись на конгресс в таком большом количестве,

которое совершенно не соответствовало числу их членов. В отчете, не называя их прямо, я им дам по рукам.

Большую радость доставил мне происходивший одновременно американский рабочий конгресс в Балтиморе. Лозунгом служила там организация для борьбы против капитала, и, удивительное дело, большинство выработанных мною для Женевы требований было точно так же выдвинуто там благодаря верному инстинкту рабочих.

Здесьнее движение за реформу¹, которое вызвал к жизни наш Центральный совет (в чем не малая доля и моего участия), приняло теперь огромные размеры и стало непреодолимым. Я все время держался за кулисами и не вмешиваюсь больше в это дело, поскольку оно идет на лад.

Ваш *К. Маркс.*

Кстати. «*Workman*» — это филистерская газета, не имеющая с нами ничего общего. «*Commonwealth*» принадлежит нашим, но теперь занимается (отчасти из-за экономических, отчасти из-за политических причин) только вопросами реформы.

Недавно я читал *д-ра Т. Муален «Leçons de Médecine Physiologique»* [«Лекции по физиологической медицине»], появившиеся в Париже в 1865 г.; там много фантазии и слишком много «построений», но все же дана критика старой терапии. Я хотел бы, чтобы Вы прочли эту книгу и сообщили мне обстоятельно свой взгляд на нее. Рекомендую Вам также *Тremo — «De l'origine de tous les êtres etc.»* [«О происхождении всех существ и т. д.»]. Хотя эта книга и написана неряшливо, полна геологических ошибок и слаба в литературно-исторической критике, она все-таки представляет собой в общем шаг вперед по сравнению с Дарвином.

303.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, суббота, 13 октября 1866 г.

Дорогой друг!

Так как я хочу Вам ответить немедленно, а Ваше письмо пришло как раз перед отходом почты (а завтра, в воскресенье, письма не отправляются отсюда), то я в нескольких словах хочу изложить квинтэссенцию моего перехваченного письма. (Это похищение писем, конечно, неприятно, потому что я совершенно не намерен посвящать

¹ За реформу избирательного права в английский парламент.

г. Бисмарка в мои *личные дела*. Если же он хочет знать мои взгляды на *свою* политику, то он может обратиться прямо ко мне, и я, конечно, буду уж говорить без обиняков.)

Мои материальные условия, вследствие моей продолжительной болезни и крупных издержек, которых она потребовала, так ухудшились, что мне в *ближайшем* будущем предстоит финансовый кризис, а это, помимо непосредственного влияния на меня и мою семью, нанесло бы мне удар и в политическом отношении, так как здесь, в Лондоне, приходится поддерживать известный *декорум*. Узнать от Вас я хотел следующее: не знаете ли Вы кого-нибудь или нескольких, немногих лиц (потому что этого *ни в коем случае* не надо *разглашать*), которые могли бы дать мне взаймы по меньшей мере на два года около 1 000 талеров из 5 или 6%. Я плачу теперь 20 — 50% за мелкие суммы, которые я занимаю, но при всем том я не могу отсрочить дольше требований моих кредиторов, и мне предстоит поэтому полный крах.

Со времени моего предпоследнего письма к Вам у меня были постоянные рецидивы моей болезни, и вследствие этого я мог работать в области теории лишь урывками (практическая работа для Международного товарищества идет своим чередом, и она велика, так как на деле мне приходится руководить всей организацией). В будущем месяце я пошлю Мейснеру первые листы и затем буду посылать дальнейшие, а с последними поеду в Гамбург сам. При этом я непременно заеду к Вам.

Мне постоянно приходится прерывать работу вследствие болезни и необходимости заработка для семьи. Это обстоятельство принуждает меня выпустить сначала один *первый том*, а не оба вместе, как я рассчитывал сначала. Всего будет теперь, вероятно, три тома.

Вся работа распадается на следующие части:

Книга I) Процесс производства капитала.

Книга II) Процесс обращения капитала.

Книга III) Формы и виды всего процесса в целом.

Книга IV) К истории теории.

Первый том включает в себя две первые книги.

Я думаю, что третья книга составит второй том, четвертая — третий.

Я счел необходимым в первой книге снова начать сначала, т. е. резюмировать мою, изданную Дункером, работу в *одной* главе о товаре и деньгах. Я счел это необходимым не только в интересах цельности изложения, но и потому, что даже умные головы не

совсем верно поняли предмет. Очевидно, первоначальное изложение было недостаточно ясно, в особенности *анализ товара*.

Лассаль, например, в своем «*Kapital und Arbeit*» [«Труд и капитал»], где он якобы дает «квинт-эссенцию идей», развитых мною, совершает крупные ошибки, что с ним, впрочем, постоянно случается при его весьма бесцеремонных плагиатах моих работ. Комично, как он списывает у меня даже литературно-исторические «промахи», так как я иногда цитирую по памяти, не справляясь с подлинником. Я еще не решил окончательно, не надо ли в предисловии коснуться в нескольких словах плагиатов Лассаля. Бесстыдное выступление против меня его подражателей оправдывало бы это во всяком случае.

Лондонский совет английских трэд-юнионов (его секретарь — наш президент Оджер) обсуждает в настоящее время вопрос о том, объявить ли ему себя Британской секцией Международного товарищества. Если он это сделает, то руководство рабочим классом перейдет здесь, в некотором смысле, к нам, и мы в состоянии будем сильно толкать движение вперед.

Привет.

Ваш *К. Маркс*.

304.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

[Лондон,] 25 октября 1866 г.

Дорогой друг!

Пишу лишь несколько строк:

- 1) чтобы *поблагодарить* Вас за Ваши хлопоты;
- 2) чтобы известить о получении как этого, так и предыдущих писем;

3) Вы совершенно неверно представляете себе мои отношения с *Энгельсом*. Это мой интимнейший друг. От него у меня нет никаких тайн. Не будь его, я давно уже был бы вынужден взяться за какое-нибудь прибыльное дело. Поэтому я *ни в коем* случае не хочу, чтобы кто бы то ни было третей ходатайствовал перед ним обо мне. Его помощь *не может*, конечно, выходить за известные границы.

4) Доктор Якоби, как мне писали рабочие, сделался вполне почтенным буржуа, и поэтому никоим образом не следует утруждать его моими личными делами.

Я подумаю, что мне предпринять. Вы, я вижу, испробовали все, что было в Ваших силах, и поэтому я прошу Вас теперь считать *это* дело поконченным.

Я *не* сотрудничаю в «Commonwealth».

Ваш *К. М.*

Микелю и К^о придется долго ждать, прежде чем они сделаются прусскими министрами.

1867 год.

305.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

[Лондон,] 18 февраля 1867 г.

Дорогой Кугельман!

Не можете ли Вы попытаться добиться того, чтобы прилагаемый ответ появился в «*Zeitung für Norddeutschland*», а если она откажется поместить его, то в какой-нибудь другой ганноверской газете? Это важно для меня потому, что через несколько недель я действительно собираюсь поехать в Германию. Вся заметка отдает Штибером.

На-днях я пошлю Вам официальный отчет о Женевском конгрессе. Отчет этот печатается в *нескольких номерах* одной здешней газеты по-английски и по-французски. «*Commonwealth*» всецело погрязла в вопросах движения за реформу. Редакция ее находится в очень плохих руках. Но пока мы по некоторым причинам представляем делу итти своим чередом, хотя и могли бы вмешаться в качестве акционеров.

У нашего Товарищества были в последнее время различные столкновения с господином Бонапартом. На-днях напишу подробнее. Напишите мне, пожалуйста, что с Либкнехтом и где он?

Ваш *К. М.*

[Приложение] ¹.

Прошу уважаемую редакцию «*Zeitung für Norddeutschland*» не отказаться поместить нижеследующее опровержение.

С глубоким уважением

Карл Маркс.

В редакцию «*Zeitung für Norddeutschland*»:

Мне кажется, что попавшая, вероятно по недосмотру, в № 5522 Вашей газеты заметка о том, что «живущий в Лондоне доктор Маркс...

¹ Копия опровержения Маркса на заметку «*Zeitung für Norddeutschland*», написанная рукою Кугельмана. Опровержение появилось в «*Zeitung für Norddeutschland*» 21 февраля 1867 г.

намеревается, повидимому, объехать континент с целью пропаганды в пользу этого дела («очередного восстания» в Польше)», — есть не что иное, как неизвестно с какой «целью» состряпанная полицейская фальшивка.

Карл Маркс.

Лондон, 18 февраля 1867 г.

306.

Маркс — Иоганну-Филиппу Беккеру
в Женеву.

Ганновер, 17 апреля 1867 г.

Дорогой друг!

В прошлую среду я выехал на пароходе из Лондона и в бурю и непогоду добрался в пятницу пополудни до Гамбурга, чтобы передать там г. Мейснеру рукопись первого тома. К печатанию приступили уже в начале этой недели, так что первый том появится в конце мая. Вся работа выйдет в трех томах. Заглавие ее таково: «*Капитал. Критика политической экономии*».

Первый том включает в себя *первую книгу*: «*Процесс производства капитала*». Это, бесспорно, самый страшный снаряд, который когда-либо был пущен в голову буржуа (включая и земельных собственников). Теперь важно оповестить через прессу, т. е. через те газеты, которые вам доступны, о том, что он скоро появится.

Попробуй послать следующий номер «*Vorbote*» в Гамбург, на имя *Отто Мейснера*, который может быть полезен также и для распространения твоей газеты.

Я должен кончать (*позднее напишу подробнее*), потому что д-р Кугельман, который просит передать тебе сердечный привет, желает посвятить меня во все прелести Ганновера.

Весь твой *К. Маркс.*

307.

Маркс — Зигфриду Мейеру
в Нью-Йорк.

Ганновер, 30 апреля 1867 г.

Дорогой друг!

Вы, вероятно, очень плохого мнения об мне и будете еще худшего, если узнаете, что Ваши письма не только доставляли мне *большую радость*, но и были для меня *настоящим утешением* на протяжении того очень мучительного периода, когда они приходили ко мне. Сознание, что я привлек к нашей партии ценного человека, стоящего на высоте ее принципов, вознаграждало

меня даже за самое худшее. К тому же Ваши письма были полны самых дружеских личных чувств по отношению ко мне, а Вы понимаете, что, ведя жесточайшую борьбу со всем (официальным) миром, я меньше всего могу недооценивать это.

Итак, почему же я Вам не отвечал? Потому что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать *каждый* момент, когда я был работоспособен, чтобы закончить мое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми «практическими» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине *непрактичным*, если бы подход (*kreipiert wäre*), не закончив своей книги, хотя бы только в рукописи.

Первый том работы появится через несколько недель в издании *Отто Мейснера* в Гамбурге. Заглавие: «*Капитал. Критика политической экономии*». Для того чтобы отвезти рукопись, я поехал в Германию, где на обратном пути в Лондон я остановился на несколько дней у одного друга в Ганновере.

Том I охватывает «*Процесс производства капитала*». Кроме общего теоретического изложения я даю — на основании еще не использованных *официальных* источников — весьма подробное описание положения английского сельскохозяйственного и промышленного пролетариата *за последние 20 лет*, а также и положение в *Ирландии*. Вы, конечно, понимаете, что все это служит для меня лишь в качестве *argumentum ad hominem* [«апелляции к человеку»]. Я надеюсь, что ровно через год вся работа будет напечатана. *Во II томе* дается продолжение и окончание теории, а *том III излагает историю политической экономии с середины XVII столетия*.

Что касается «*Международного товарищества рабочих*», то в Англии, Франции, Швейцарии и Бельгии оно стало крупной силой. Образуйте побольше филиалов его в Америке. Членские взносы составляют 1 пенс (около 1 зильбергроша) в год. Впрочем, каждая община дает столько, сколько она может дать. Конгресс состоится в этом году в Лозанне, 3 сентября. Каждая община может послать одного представителя. Напишите мне об этом, а также о Вашей жизни в Америке и об общем положении вещей. Ваше молчание я буду считать доказательством того, что Вы еще не дали мне отпущения грехов.

С сердечным приветом

Ваш *Карл Маркс*.

308.

Маркс — Людвигу Бюхнеру

в Дармштадт.

Ганновер, 1 мая 1867 г.

(адрес: д-р Кугельман).

Милостивый государь!

Если я позволяю себе, несмотря на то, что я с Вами лично совершенно не знаком, обратиться к Вам по личному делу, имеющему вместе с тем и отношение к науке, то это объясняется тем доверием, которое я питаю к Вам, как к учёному и как к политическому деятелю.

Я приехал в Германию, чтобы вручить моему издателю г. Отто Мейснеру в Гамбурге первый том моего сочинения «Капитал. Критика политической экономии». Я должен пробить здесь еще несколько дней, чтобы выяснить, возможно ли так быстро напечатать книгу, как проектирует Мейснер, т. е. достаточно ли квалифицированы для этого корректора.

Причина, почему я обращаюсь лично к Вам, следующая: я хотел бы, чтобы после издания книги в Германии она была издана на французском языке в Париже. Сам я туда поехать не могу — во всяком случае это не безопасно для меня, — так как я дважды был выслан из Франции: сначала при Луи-Филиппе, затем при Луи Бонапарте (президенте); к тому же, живя в изгнании в Лондоне, я постоянно нападал на г-на Луи. Следовательно я не могу поехать сам лично искать переводчика. Мне известно, что Ваше сочинение «Kraft und Stoff» [«Сила и материя»] вышло по-французски, и поэтому я полагаю, что Вы можете — прямо или через кого-нибудь — связать меня с подходящим лицом. Так как я должен за лето подгоствить к печати второй том, а за зиму третий, заключительный, — то у меня нет времени взяться самому за обработку книги для французского издания.

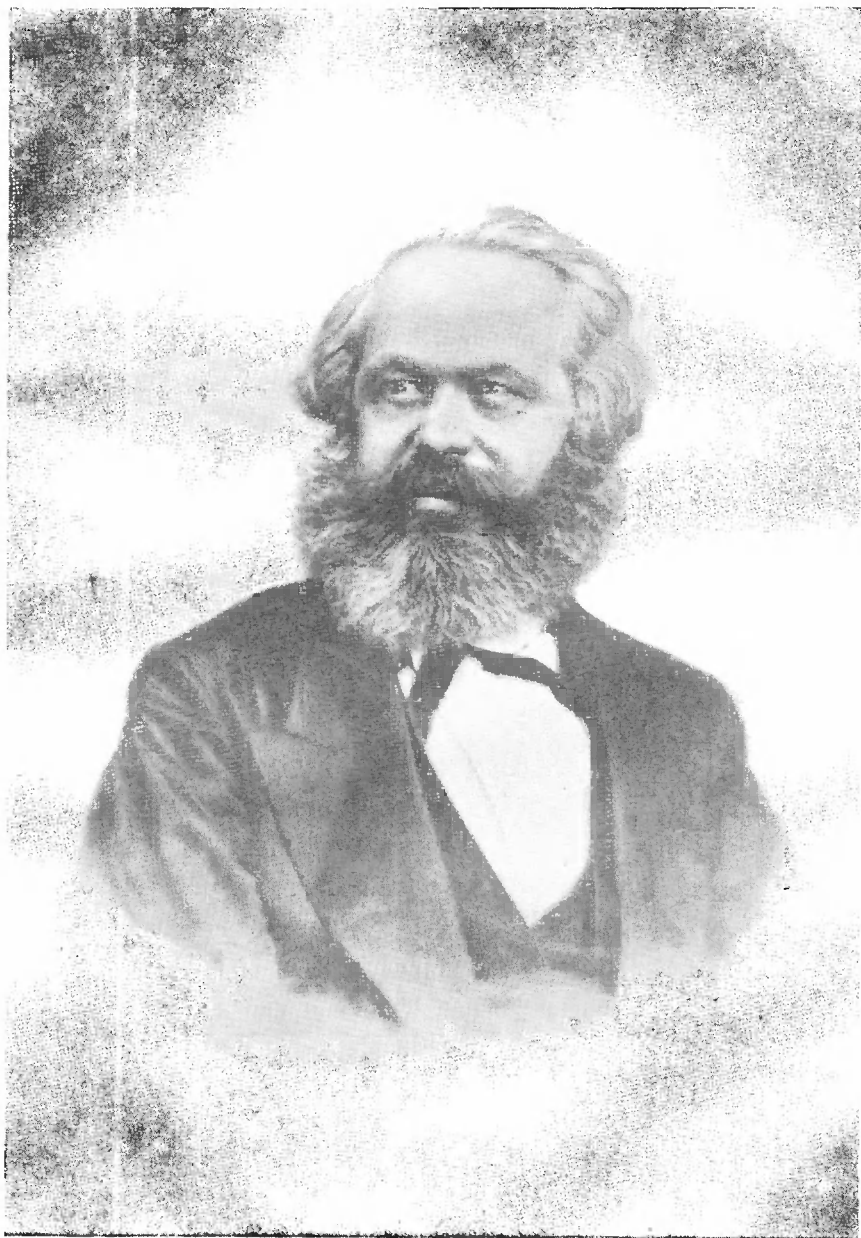
Я считаю чрезвычайно важным освободить французов от тех ложных воззрений, во власти которых они находятся благодаря Прудону с его идеализацией мелкой буржуазии. На недавно состоявшемся конгрессе в Женеве, а также при тех сношениях, которые я, как член Генерального совета Международного товарищества рабочих, поддерживаю с Парижской секцией, мне постоянно приходится сталкиваться с отвратительнейшими последствиями прудонизма.

Так как я не знаю, как долго я еще останусь здесь, то я буду Вам очень благодарен, если Вы ответите поскорее. Если я, со своей стороны, могу быть Вам чем-нибудь полезен в Лондоне, то я сделаю это с величайшим удовольствием.

Преданный Вам

Карл Маркс.

КАРЛ МАРКС (1867 г.)

309.

Марке — своей дочери Женни
в Лондон.

Ганновер, 5 мая 1867 г.

Дорогое дитя мое!

Письмо твое доставило мне величайшее удовольствие. Стиль его поистине величествен. Надеюсь застать тебя бодрой и свежей, как майская роза.

Прилагаемая фотография должна была быть послана ко дню твоего рождения, но не была готова. Вторая фотография — г-жи Тенге (кстати, это тетка девочек Бер, о которых нам столько рассказывал Эдгар). Впрочем в действительности она далеко не так красива, как на снимке. Зато это подлинно благородная натура, с особенной мягкостью, искренностью и простотой характера. В ней нет ни капли «лжеобразования». Она превосходно говорит по-английски, по-французски и по-итальянски (она итальянского происхождения), и хотя она прекрасная музыкантша, но не досаждаёт никому пересудами об искусстве, — наоборот, ненавидит их. Она атеистка и питает склонность к социализму, хотя довольно мало осведомлена на этот счет. Больше всего ее отличает непосредственная доброта и отсутствие каких бы то ни было претензий. Я уверен, что вы с ней в самом скором времени стали бы близкими друзьями. Г-жа Кугельман тоже премила маленькая женщина.

Сегодня, в день моего рождения, я получил на просмотр первый лист. Боюсь, что книга выйдет слишком большой. Из-за пасхальной недели до 29 апреля печатать не начинали. Мейснер был страшно зол из-за этой задержки. Однако это время даром не пропало. Почти во всех немецких газетах были помещены заметки о выходе книги. У Кугельмана очень много связей, и все они были пущены в ход.

День твоего рождения мы здесь торжественно отпраздновали.

Если не считать буржуазии, адвокатов и т. п., то в Ганновере царит фанатическая ненависть к пруссакам, которая меня очень забавляет.

Мне было очень приятно услышать о твоём польском сюрпризе. Подобные вещи не имеют рыночной ценности, но зато они представляют ценность историческую.

Промедлением с войной мы обязаны исключительно кабинету Дерби. Пока он останется во главе английского правительства, Россия не даст сигнала к началу войны, — кстати, вот фраза в истинно коллетовском стиле.

В точности указать день моего возвращения не могу. Я еще поджидаю писем из разных мест. Отсюда я вернусь прямо в Лондон через Гамбург (где я еще раз повидаюсь с моим издателем).

Вскоре по приезде сюда я написал Либкнехту. Он ответил, что для его жены нет спасения, близится катастрофа. Она шлет вам всем привет. Ваши письма ее очень подбодрили.

Фотографию Гегеля придется поискать. В Ганновере ее достать нельзя. Что до его «Философии истории», то я постараюсь найти ее в Лондоне.

Я того мнения, что Какаду давным-давно могла бы написать мне несколько строк, но я извиняю ее ввиду ее занятий верховой ездой.

А теперь прощай, моя милая «Джу». Желаю всем всего хорошего.

Твой *Old One* [старик].

Прилагаю несколько строк для Тусси.

310.

Марке — своей дочери Лауре

в Лондон¹.

Ганновер, 13 мая 1867 г.

Мой хорошенький, миленький Какаду!

Большое спасибо за твое письмо и письмо почтенного Quo-Quo².

Ты жалуешься, что я не подавал признаков жизни, но если ты снова обдумаешь вопрос, ты вспомнишь, что я, в общем, подавал еженедельные сигналы. Кроме того, ты знаешь, что у меня не очень «демонстративный» характер, я предпочитаю замыкаться, я ленив писать письма, тяжеловесен, — иначе говоря, по выражению Quo-Quo, робкий мужчина.

Послезавтра я покину Ганновер и, вероятно, выеду из Гамбурга в Лондон первым пароходом. Но не жди, что я назову тебе день и час. У меня еще кое-какие дела с издателем; во всяком случае это последняя неделя, которую я проведу на континенте.

Я очень рад, что моей фотографии оказан такой хороший прием. Изображение при всех обстоятельствах доставляет меньше беспокойства, чем оригинал. Что касается г-жи Тенге, то я удивляюсь твоему

¹ Перевод сделан с текста, опубликованного в «Neue Zeit» Jg. 25, за 1907 г., В. I, стр. 75.

² Прозвище младшей дочери Маркса — Элеоноры.

вопросу о том, красива ли она? Я послал Женни ее фотографию, спрятавши ее под своей. Как могла она пропасть? Но отвечаю на твой вопрос: ей тридцать три года, она мать пятерых детей, скорее интересна, чем красива, и несомненно не профессиональный остряк. Но она выдающаяся женщина. Что касается «флирта», то нужно быть отважным человеком, чтобы рискнуть флиртовать с нею. «Восхищение» — я признаю, а с ее стороны имеется, пожалуй, скорее переоценка твоего смиренного и «скромного» отца. Тебе известно, что если никто и не становится пророком на своей собственной навозной куче (выражаясь символически), то всякий может быть зато легко переоценен посторонними, которые «если не истолковывают, то приписывают»¹ и в каждом феллахе находят то, что решили в нем найти. Она уехала из Ганновера в прошлый четверг.

Неделю тому назад погода была еще холодная и дождливая. Теперь появилось во всем своем блеске солнце. В общем погода была такая же плохая и непостоянная, как обычно в Лондоне. Только воздух более разреженный, а это — великое дело.

Эти жители континента живут удобнее, чем мы по ту сторону Северного моря. На 2 тысячи талеров (300 фунтов) здесь можно жить комфортабельно. Например, тут есть различные сады (вроде *Stemogne Gardens*, но для «приличных» людей и где встречается всякого рода публика), они обставлены с гораздо большим вкусом, чем любой сад в Лондоне, по вечерам в них играет хорошая музыка и т. д., и за 2 талера (6 шиллингов) можно получить абонемент на весь год для себя и всей семьи. Это только один пример той дешевой жизни, которую устроили себе здесь филистеры. Молодежь развлекается непринужденно и, сравнительно, почти без затрат. Конечно, во всем этом есть один большой недостаток — атмосфера насыщена скукой. Жизненный уровень здесь далеко не высок. Это участь пигмеев, и не приходится высоко подыматься, чтобы чувствовать себя Гулливером среди лилипутов.

Сегодня утром получены довольно «возбужденные» письма из Берлина. Кажется, боятся столкновения рабочих с вооруженной силой. На этот раз я многого не жду, но что-то назревает. Рабочий класс в крупных центрах начинает держаться более решительно и угрожающе. В одно прекрасное утро здесь запляшут на славу.

А теперь, моя милая маленькая птичка Какаду, секретарь, стряпуха, наездница и поэтесса, — до свидания. Кланяйся от меня

¹ По-немецки игра слов: «legen sie nicht aus, so legen sie doch unter».

München, «Quo-Quo» и «Que-Que»¹ и последнему по счету, но не по важности, — «нашему общему другу». Addio.

Твой отец *Old Nick* [Чорт]

Прилагаю Гегеля от Кугельмана для г. Лафарга.

311.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 10 июня 1867 г.

Дорогой друг!

Загадывая с этим письмом, я навлекаю на себя более или менее «обоснованное» подозрение в том, что я «дурной человек». Как смягчающее вину обстоятельство я могу привести только то, что всего несколько дней как я «живу» в Лондоне. После поездки в Германию я был в Манчестере у Энгельса. Но Вы и Ваша милая жена знаете меня теперь, конечно, достаточно, чтобы считать нормальной для меня эту неаккуратность в переписке. Однако мысленно я каждый день был с Вами. Мое пребывание в Ганновере я считаю одним из лучших и самых отрадных оазисов в жизненной пустыне.

В Гамбурге у меня не было никаких приключений, кроме того, что пришлось познакомиться, несмотря на все принятые меры предосторожности, с г. Вильгельмом Марром. По своему личному складу — это перекроенный на христианский лад Лассаль, но, конечно, более мелкого калибра. Во время моего недолгого пребывания в Гамбурге там играл как раз г. Ниман. Но я был слишком избалован обществом в Ганновере, чтобы находить удовольствие в театральном представлении в менее хорошей компании. Так я и не попал на Нимана.

Кстати. Мейснер согласен издать Вашу медицинскую брошюру. Вам надо только переслать ему рукопись и сослаться на меня. Более подробно относительно условий Вам следует затем самому договориться с ним.

Переезд из Гамбурга в Лондон прошел, в общем, благополучно, только первый день была несколько суровая погода. За несколько часов до Лондона одна немецкая барышня, которая еще раньше обратила на себя мое внимание своей военной выправкой, обращается ко мне. Она хотела бы, оказывается, отправиться в тот же вечер из Лондона в *Weston supra Mare*, но у нее очень много багажа и она не

¹ Прозвище старшей дочери Маркса — Женни.

знает, как ей быть. Дело осложнялось тем, что в Англии по субботам трудно найти носильщика. Я попросил указать мне вокзал, на котором барышне надо сойти в Лондоне. Ее друзья написали ей адрес на визитной карточке, именно Северо-западный вокзал. Мимо этого вокзала мне также предстояло ехать. Тогда я предложил барышне, как настоящий рыцарь, помочь ей сойти на этом вокзале. Мое предложение было принято. Но затем, подумав, я сообразил, что Weston supra Mage находится на юго-западе, а вокзал, мимо которого мне надо было ехать и который был указан барышне, находится на северо-западе. Я обратился за разъяснениями к капитану. Действительно, оказа́лось, что ей надо сойти не в той части Лондона, куда я ехал, а совсем в противоположной. Но раз уже я предложил свои услуги, пришлось делать «хорошую мину при плохой игре». В 2 часа пополудни мы приехали. Я высаживаю «странствующую донну» на ее станции и там узнаю, что ее поезд идет лишь в 8 часов вечера. Таким образом, я попался, пришлось убить с барышней 6 часов; мы гуляли в Гайд-Парке, заходили поесть мороженое и т. п. Выяснилось, что ее зовут Елизавета фон-Путткамер и что она племянница Бисмарка, у которого она только что провела в Берлине несколько недель. Она знала множество военных: оказалось, что наше «храброе воинство» насчитывает в своей среде не мало «доблестных гвардейцев» из этой семейки. Она оказалась веселой и образованной девушкой, но аристократкой и верноподданной до мозга костей. Она была не мало удивлена, когда узнала, что попала в «красные» руки. Но я утешил ее тем, что наше свидание обойдется без «кровопролития», и усадил ее здоровой и невредимой в поезд. Подумайте, какую пищу дало бы это Блинду и другим вульгарным демократам: тайные сношения Маркса с Бисмарком!

Я отправил сегодня 14-й корректурный лист. Большинство их я получил у Энгельса, который чрезвычайно доволен этим сочинением и, за исключением 2-го и 3-го листа, находит, что оно написано *очень* удобопонятным языком. Его отзыв меня успокоил, потому что мои сочинения мне всегда очень не нравятся в печати, особенно при первом взгляде на них.

Посылаю Вашей милой жене, которой я прошу, кроме того, передать мою особую благодарность за ее дружеское и любезное гостеприимство, пока только фотографию моей второй дочери, Лауры, так как другие фотографии разобраны и их приходится снова заказать. Энгельс тоже заказал для Вас свою фотографию и фотографию Вольфа. Присланное Вами доставило ему большое удовольствие.

Мое глубочайшее почтение Madämchen¹. Элеонора в школе, а то написала бы ей.

А теперь, до свиданья!

Ваш *Карл Маркс*.

312.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 13 июля 1867 г.

Дорогой друг!

Спасибо за Гегеля и Madämchen.

Отвечу Вам кратко на все пункты.

Энгельс в настоящее время в Дании и приедет к Вам в этом месяце на один день, чтобы навестить Вас. *Относительно Энгельса*: помните, Вы говорили мне, что Менке (или как там зовут этого человека из Вашего *статистического* бюро в Ганновере) отзывался с большой похвалой о моей вышедшей у Дункера работе. А я *перевернула* дело и сказал Энгельсу, что Менке говорил *мне* с большой похвалой о «Положении рабочего класса в Англии» Энгельса. *Цель этой спасительной лжи* (а я пустил в ход для той же цели различного рода выдумки) состоит в том, чтобы *побудить* Энгельса написать и издать II том, охватывающий период от 1845 г. до настоящего времени. Я *добился* уже того, что он обещал мне засесть за это. Итак, если *случайно* речь зайдет о статистике, *то не говорите*сь.

Вопрос о поездке моей жены остается пока открытым, потому что неожиданно помешало новое обстоятельство — предполагаемый отъезд моих трех дочерей в Бордо, к отцу Лафарга.

В *Париж* я не советую Вам ехать. Невозможно изучить что-либо в этом Вавилоне вещей и среди этого людского водоворота, если не прожить там по крайней мере 6 недель, а это *очень дорого*.

Всего в моей книге около 50 листов. Вы видите, как я ошибся относительно ее размеров. Дня два тому назад я отправил в Лейпциг приложение под заглавием: «*Форма стоимости, приложение к главе I, 1*». Вы знаете автора этого проекта²; я приношу ему свою благодарность за эту идею. Извините меня за то, что я прерываю на этом письмо: только что получены новые корректурные листы.

Сердечный привет Вашей жене и Madämchen.

Ваш *К. Маркс*.

¹ Прозвище дочери Кугельмана, Френцхен.

² Кугельман.

В следующем письме я пришлю *членские билеты* для г-жи Кугельман и г-жи Тенге. Одна дама, г-жа Ло, избрана в члены нашего Центрального совета.

Элеонора просит поблагодарить Вас за марки. Фотографии пришлем позже.

313.

Маркс — Фердинанду Фрейлиграту

в Лондоне.

/Черновик./

[Лондон,] 20 июля 1867 г.

Дорогой Фрейлиграт!

Я не читаю немецкой беллетристической дряни, однако, помимо моей воли, друзья из Германии время от времени присылают мне выдержки, в которых говорится лично обо мне. Так, вчера я получил все (*sic!*) относящиеся ко мне места из сочинения некоего Раша под заглавием: «Zwölf Streiter der Revolution» [«Двенадцать борцов за революцию»]. Прошу тебя разъяснить мне следующее место:

«Между Ф[рейлигратом] и Марксом прекратились всякие отношения; *один совершенно непростительный поступок Маркса*, о котором я здесь говорить не намерен, нанес им последний удар. Этот поступок мог себе позволить только человек с таким злобным характером, как у Маркса. Однажды, когда я, возмущенный этим, попросил Ф[рейлиграта] сообщить мне подробности, он, щадя Маркса, уклонился от объяснений».

Твой К. М.

314.

Маркс — лондонскому книготорговцу

[Лондон,] 14 августа 1867 г.
1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Милостивый государь!

Пришлите мне пожалуйста:

Оба отчета *о голоде в Ориссе*.

«The Hours of Labour Regulation Act [«Закон о регулировании рабочего времени»], как только он будет напечатан, и

«The Artisans' and Labourer's dwelling Bill» [«Закон о жилищах ремесленников и рабочих»].

С почтением

Карл Маркс.

315.

Марке — Огюсту Верморелю

в Париж.

Лондон, 27 августа 1867 г.
1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Гражданин!

В Вашей газете¹, которую я уважаю за ее направление, за мужество, благие намерения и талант, меня удивляют две вещи:

1) Вы делаете Вашу газету эхом *русских измышлений* (а также и греческих, так как греки — игрушки в руках русских) о так называемой Критской революции. Я имею честь послать Вам *извлечения из английских газет* относительно подлинного положения вещей на Кандии.

2) Вы воспроизводите утки (*русского* происхождения) о том, что Северная Америка возьмет на себя будто бы инициативу борьбы с турками. Вам следовало бы знать, что президент Соединенных Штатов не имеет права объявлять войну. Это право принадлежит только Сенату. Если президент Джонсон, — это *грязное орудие рабовладельцев* (хотя Вы настолько наивны, что изображаете его вторым Вашингтоном), — старается снискать себе некоторую популярность, запутывая международные отношения и делая за границей хвастливые заявления, то ведь янки не дети и не французы. Уже одного того, что *инициатива* всех этих попыток исходит от него, достаточно, чтобы лишить их всякого серьезного значения.

Извините, что я беру на себя смелость писать Вам эти строки, но мы преследуем с Вами одну и ту же цель — освобождение пролетариата, а следовательно имеем право быть откровенными друг с другом.

Прошу Вас *не опубликовывать* этого письма. Я пишу его Вам по-дружески, частным образом.

Привет и братство.

Карл Маркс.

Член Генерального совета
Международного товарищества рабочих.

Я изумлен также Вашими приветствиями по адресу Лиги мира. Ведь это же (я имею в виду конгресс мира) — трусость в действии. Пусть они протестуют в Берлине и Париже, а если они слишком трусливы для этого, то пусть не обманывают публику двусмысленной и бесплодной болтовней.

¹ «*Courier Français*».

316.

Маркс — Зигфриду Мейеру

в Нью-Йорк.

Лондон, 27 августа 1867 г.

1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Мейер!

Прилагаю выдержку из предисловия к первому тому моей работы, который выйдет на будущей неделе. Постарайтесь по возможности поместить ее в немецко-американских, а там, где это окажется возможным, и в англо-американских газетах. Газеты, в которых она будет напечатана, присылайте мне, пожалуйста, в *одном экземпляре*, так как это важно для моего издателя.

По поводу Вебера. Отец его — дурак, баденский эмигрант, часовщик. Молодой Вебер, обществом которого Вы там наслаждаетесь, — прохвост. Гатцфельд избрала его для того, чтобы он убил убийцу Лассалья. Он взял деньги и в поисках своей жертвы доехал, кажется, до Аугсбурга, а затем у него душа ушла в пятки, и, забрав гатцфельдовские деньги (он старался путем угроз выжать у старухи еще), он удрал из Германии в Америку.

Его достойный отец и брат, которые живут здесь, заявляли в местном коммунистическом обществе (немецком), что я *донес* на этого доблестного молодого человека *немецкой полиции*. Этим объясняли они его отступление и то, что он надул графиню Гатцфельд. Я пошел в общество, разоблачил этого прохвоста, и Вебер младший был с треском выкинут оттуда.

Теперь Вы знаете, в чем тут дело.

Привет.

Ваш К. Маркс.

317.

Женни Маркс — Иоганну-Филиппу Беккеру

в Женеву.

Лондон, 5 октября 1867 г.

1, Modena Villas, Maitland Park.

Дорогой г. Беккер!

Надеюсь, Вы получили мое письмо. Вы вероятно удивлены, что второе письмо следует непосредственно за первым.

Моему мужу хотелось бы получить адрес Бакунина, и я уверена, что Вы легко можете достать его в Женеве, может быть через Герцена. Мой муж хочет послать ему свою книгу и написать по ряду вопросов.

Сердечный привет Вам от всех нас, в особенности от Вашей

Женни Маркс.

318.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 11 октября 1867 г.

Дорогой Кугельман!

Прежде всего большое спасибо за оба Ваших письма. Вы доставите мне большое удовольствие, если *будете писать как можно чаще*. Но Вы не должны рассчитывать на *строгую взаимность*, потому что у меня и так едва хватает времени на обширную и разностороннюю переписку, которую мне приходится вести.

Прежде чем я начну говорить о своей книге, — несколько слов предварительно или кое о чем предварительном.

Я боюсь, что *Боркгейм*, сам того не желая, готовится сыграть со мною злую шутку. Он печатает свою «Речь в Женеве»¹ на четырех языках: французском, немецком, английском и русском. Кроме того, он снабдил ее причудливым и безвкусно переполненным цитатами предисловием. Между нами — и в интересах партии — я должен сказать Вам всю правду. Боркгейм — дельный человек, и даже остроумный. Но когда он берет в руки перо, — увы! — у него нет ни такта, ни вкуса. К тому же у него нет необходимого образования. Он похож на дикаря, который думает, что украшает свое лицо, татуируя его всевозможными кричащими красками. Банальности и комичные фразы попадают у него на каждом шагу. Почти каждая фраза невольно наряжается у него в дурацкий колпак. Если бы он не был так безгранично тщеславен, я мог бы не допустить появления этого издания и объяснить ему, что, к счастью для него, в Женеве его *не поняли*, а поняли только некоторые остроты из его речи. С другой стороны, я обязан ему за его помощь в деле Фогта и считаю его своим личным другом. В его речи есть некоторые фразы, в которых он излагает мои взгляды прямо в юмористическом виде. Для моих врагов (Фогт в «*Neue Züricher Zeitung*» намекнул уже, что в сущности я — тайный автор этой речи) будет чрезвычайно выгодно, вместо того, чтобы критиковать мою книгу, сделать меня ответственным за г-на *Боркгейма*, за его глупости и за его личные выходки. Если что-нибудь подобное произойдет, Вам необходимо будет через Варнебольда и др. поместить в доступных Вам газетах коротенькие статейки, раскрыть в них эту тактику и, не обижая нигде Боркгейма, сказать все-таки прямо, что только с недобросовестной целью или при абсолютно некритическом подходе можно отождествлять столь различные вещи. Та странная и

¹ Речь на Международном конгрессе мира в Женеве, в сентябре 1867 г.

путаная форма, в которой наши взгляды преломляются в голове Боркгейма (когда он не говорит, а пишет), дает, конечно, вульгарной прессе весьма желанный повод для нападения и может даже послужить ей средством для того, чтобы причинить косвенный вред моей книге.

Если же газеты промолчат о произведении Боркгейма, — я на это едва ли смею надеяться, так как он тщательно рассылает свое детище всем редакциям, — то не нарушайте *никоим образом этого торжественного молчания*.

Если бы Боркгейм не был моим личным другом, я бы открыто дезавуировал его. Вы понимаете мое *ложное положение* и вместе с тем мою досаду. Когда предлагаешь публике тщательно обработанное сочинение (может быть, никогда ни одна работа подобного рода не писалась при более трудных обстоятельствах), чтобы поднять партию на возможно более высокую ступень и чтобы способом изложения обезоружить даже пошлость, и когда в это самое время протискивается в непосредственное соседство какой-нибудь сочлен по партии в пестрой куртке и в дурацком колпаке, то понятно, что летящие в него гнилые яблоки и тухлые яйца могут попасть и в твою голову!

Ваши маневры против Фогта в Женеве я считаю очень удачными. Я рад, что моя книга Вам нравится.

Что касается Ваших вопросов:

Эрнест Джонс должен был в Ирландии выступать перед *ирландцами* как представитель определенной партии и, следовательно, должен был говорить *против* крупной земельной собственности, так как крупная земельная собственность тождественна там с *собственностью Англии на Ирландию*. В агитационных речах английских политиков по поводу выборов Вы никогда не должны искать чего-либо принципиального, а только применимого для *ближайшей* цели.

Peonage — это ссуда денег в счет будущей работы. Дело обстоит тут так же, как при обыкновенном ростовщичестве. Рабочий не только всю свою жизнь остается должником кредитора, т. е. работником, принуждаемым работать на него, но эта зависимость переходит по наследству на его семью и на дальнейшее поколение, делая их фактически *собственностью* кредитора.

Окончание моего второго тома зависит главным образом от успеха первого. Этот успех необходим мне для того, чтобы найти в Англии издателя; если я не найду его, то мое материальное положение останется настолько тяжелым и тревожным, что у меня не будет ни времени, ни необходимого спокойствия для быстрого окончания работы. Это, конечно, дела такого рода, что я отнюдь не хотел бы,

чтобы о них знал господин Мейснер. Потребуется ли для выхода второго тома бóльший или меньший промежуток времени, это зависит, следовательно, от расторопности и энергии моих немецких друзей по партии. Основательной критики — будь то со стороны врагов или друзей — можно ожидать не скоро, потому что такое объемистое и в некоторых своих частях такое трудное сочинение требует времени для прочтения и усвоения. Но непосредственный успех обуславливается не основательной критикой, а, выражаясь вульгарно, шумом, барабанным боем, который и врагов вынуждает прервать молчание. В первую голову не так важно то, *что* говорят, как важно то, что *говорят*. Главное — не терять времени.

Ваше последнее письмо я переслал Энгельсу, чтобы он послал Вам необходимые указания. Он может лучше написать о моей книге, чем я сам.

Передайте Вашей милой жене мой сердечный привет. На этих днях я пошлю ей рецепт для чтения моей книги.

Ваш К. М.

Сообщайте мне из Германии обо всем, что имеет отношение к моему первому тому.

Ввиду того, что Павел Штумпф (из Майнца) написал мне письмо, в котором он называет речь Боркгейма «моей» речью, и так как у меня в настоящую минуту *нет времени* ответить ему, то напишите ему, пожалуйста, Вы; разъясните ему, в чем дело, посоветуйте ему *молчать* при появлении брошюры Боркгейма. Между нами говоря — Штумпф сам становится несносен, когда берет перо в руки!

319.

Энгельс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Манчестер, 12 октября 1867 г.

Дорогой Кугельман!

Маркс переслал мне Ваше письмо от 8-го числа. Он полагает, что я смогу лучше, чем он сам, дать нужные Вам установки, исходя из которых следует писать критику на его книгу. Чтобы сберечь труд, я взял и развил те положения, которые я считал наиболее подходящими для широкой публики, в двух готовых статьях, более или менее приемлемых для любой буржуазной газеты. Вам же эти статьи могут пригодиться, чтобы составить ряд статей и заметок еще до того, как Вы сами проработаете 50 листов. Главное заключается не в том, *что* писать и *как* писать, а в том, чтобы о книге *заговорили* и чтобы Фау-

херы, Михаэлисы, Рошеры и Рау были *вынуждены* высказаться о ней. Надо писать во всех газетах, где только возможно, — и в политических, и в прочих, — писать и длинные, и короткие заметки, главное почаще. Необходимо сделать невозможной — и притом *как можно скорее* — ту политику замалчивания, которую эти господа стремятся проводить. Один из оттисков посылайте каждый раз Марксу, чтобы и мы и Мейснер знали о том, что делается.

Либкнехт держит себя на берлинском скотном дворе¹ очень хорошо. Он последовательно голосует всегда *против*, и его первая речь была очень удачна, хотя Зевс-Кронид Симсон сейчас же преврал его. А между тем его предложение было единственно разумным.

Я надеюсь, что после моего отъезда у вас все благополучно. Здесь я снова уже два месяца торчу в конторе и трачу массу времени на паршивую коммерцию. О маленьком нападении, устроенном здесь фениями, Вы, вероятно, слышали. План был прекрасно задуман и выполнен, но вожаки, к сожалению, попались.

Сердечный привет.

Ваш Ф. Энгельс.

Маркс просит Вас сразу же помещать все статьи, а ему посылать их только *после* их появления.

320.

Маркс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

Лондон, 15 октября 1867 г.

Дорогой Кугельман!

Вы *не* должны писать Боркгейму. Да это и бесполезно, потому что объявление о его сочинении уже появилось в «Buchhändler-Vörsenblatt», и само сочинение уже вышло в издании Шабелица. Кроме того, сам Боркгейм теперь в Бордо. Письмо подобного рода от Вас вообще не могло бы иметь иного результата, кроме того, что оно *поссорило* бы Боркгейма со мной.

Что сделано, то сделано, — не беда! Вначале, благодаря тому, что я переутомился, работая ночами, я преувеличил вред этого происшествия. Да и в самом деле: *я наказан тем, чем сам был грешен!* Уж очень меня раззадорила мысль о том скандале, который наш друг вызовет среди почтенных женевских филистеров. Не предвидел я только того,

¹ В рейхстаге.

какие плоды принесет это при издании речи. Кроме того, я должен был принять в соображение, что Боркгейм при разработке своего плана *естественно* не сможет удержаться в тех благоразумных границах, которые я указывал ему в моем письме. Единственной целесообразной политикой в настоящее время является: *молчать*, пока наши враги не заговорят; как только они заговорят и захотят свалить ответственность на меня, мы будем отделяться *злыми остроумиями* насчет того, что им приходится взваливать на меня штуки Боркгейма, чтобы *уклониться* от ответа на мою книгу. Кроме того, к Боркгейму в этом случае следует отнестись *по-товарищески*, потому что в конце концов, если не считать его литературного тщеславия, он дельный и честный человек и может хорошо работать, если только его не одолевает бес писательства.

Вы, вероятно, уже получили теперь указания Энгельса. С Либкнехтом и Беккером я переписываюсь.

Под «успехом книги» я понимаю не что иное, как *быстрый сбыт* ее, который оказал бы свое действие в Англии.

«*Courrier Français*» (наиболее популярная сейчас ежедневная парижская газета) и брюссельская «*Liberté*» опубликовали французский перевод моего предисловия с хвалебным отзывом.

Какой-то Намэр из Нью-Йорка предложил себя в качестве английского переводчика. Это не выйдет.

Выступления Либкнехта в Берлине очень меня радуют. Я послал ему отсюда некоторые инструкции.

Бедный Беккер дошел до такого положения, что собирается прекратить всякую политическую и литературную деятельность. Тяжело сознавать, при подобных обстоятельствах, что не имеешь возможности помочь.

Привет Вашей милой жене и моей маленькой приятельнице, за портрет которой я еще должен поблагодарить Вас.

Ваш *Карл Маркс*.

321.

Энгельс — Зигфриду Мейеру
в Ливерпуль.

Манчестер, 18 октября 1867 г.

Дорогой Мейер!

Сегодня утром я получил Вашу телеграмму, и мне бесконечно жаль, что я не могу сегодня же вечером поехать в Ливерпуль. Мой компаньон и наш старший агент завтра уезжают, а я должен

остаться здесь, чтобы подписывать чеки и самому за всем следить. К тому же в субботу мы закрываем контору в час дня, а так как Вы сами приезжаете в Ливерпуль только сегодня около одиннадцати часов вечера, а «Россия» отходит в двенадцать часов, то Вы сами понимаете, что тут ничего не поделаешь.

Пожалуйста, напишите Ваш адрес и адрес г-жи Вейдемейер на прилагаемом листке и сдайте конверт в отеле для пересылки мне. Передайте сердечный привет от меня г-же Вейдемейер и скажите ей, что я давным-давно написал бы ей несколько строк, если бы знал ее адрес.

Надеюсь, что Вам удастся привлечь внимание немецко-американской прессы и рабочих к книге Маркса. Так как у Вас там сейчас как раз ведется агитация за 8-часовой рабочий день, то эта книга, с ее главой *о рабочем дне*, окажется очень кстати, да и вообще она будет во многом способствовать прояснению умов. Всякий шаг, который Вы сделаете в этом направлении, будет крупной заслугой в борьбе за будущее нашей партии в Америке.

Передайте горячий привет от меня также и Якоби в Нью-Йорке
Счастливого пути!

Искренне преданный Вам

Фридрих Энгельс.

322.

Энгельс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Манчестер, 8 ноября 1867 г.

Дорогой Кугельман!

Со времени моего последнего письма ни Маркс, ни я не имели от Вас вестей, а между тем, мне не верится, чтобы Вы так углубились в какое-нибудь *anteflexio uteri*, что стали совсем недоступны. К тому же я должен послать письмо Либкнехту, и Маркс советует мне направить его Вам, так как у нас нет точного адреса Либкнехта и мы не знаем, находится ли он в Берлине или в Лейпциге. Поэтому я прилагаю письмо здесь.

Немецкая пресса все еще молчит о «Капитале», а между тем чрезвычайно важно, чтобы что-нибудь произошло. Одну из посланных Вам статей я нашел в «Zukunft». Мне очень жаль, что я не знал, что она предназначена для этой газеты, — ведь там можно было бы выступить смелее. Впрочем, это неважно. Главное, чтобы о книге все время давались отзывы, а так как у Маркса тут руки связаны и он стесняется, как молодая девушка, то мы, остальные, должны

действовать за него. Итак, пожалуйста, дайте мне знать, что удалось Вам сделать до сих пор в этом направлении и какие газеты Вы еще надеетесь использовать. Мы должны в наших действиях, говоря словами нашего старого друга Иисуса Христа, быть невинны, как голуби, и мудры, как змии. Доблестные вульгарные экономисты достаточно умны, чтобы остерегаться этой книги и не говорить о ней, если их к этому не вынуждают. А мы должны *заставить* их заговорить. Если о книге одновременно появятся отзывы в 15—20 газетах, — все равно, благоприятные или неблагоприятные, в виде статей или корреспонденций, или писем в редакцию на последней странице, если о ней даже только будет упомянуто как о крупном явлении, заслуживающем внимания, — то тогда вся банда сама подымет вой и Фаухерам, Рошерам, Михаэлисам и Максам Виртам волей-неволей *придется* заговорить. Ведь это же, чорт возьми, наша обязанность — протащить эти статьи в газеты, и притом *по возможности одновременно*, особенно в европейские газеты, даже и реакционные. В реакционных газетах можно было бы указать на то, что в парламентах и на собраниях, посвященных экономическим вопросам, господа вульгарные экономисты кричат, мол, во всю глотку, а в данном случае, когда делаются *последовательные выводы* из их же собственной науки, они благосклонно отмалчиваются и т. д. Если Вы нуждаетесь в моем содействии, известите меня, для какой газеты Вам нужна статья, — я всегда готов помочь партии. В письме к Либкнехту речь идет о том же, и Вы чрезвычайно обяжете меня, если переправите его *надежным* путем.

Римская история опять оказала нам огромную услугу. Мне кажется, что благородный Бонапарт находится уже при последнем издыхании, а когда этот эпизод во Франции будет окончен, то, поскольку положение в Англии с каждым днем становится все более революционным, а Италия стоит перед необходимостью революции, конечно и в Германии царству «европейцев» придет конец. Здесь в Англии создание действительно революционной партии быстро подвигается вперед, и одновременно с этим создается все более революционная обстановка. Своим биллем о реформе Дизраэли разложил тори и сломил вигов, но при этом достиг только того, что продолжение старой канители стало невозможным. Этот билль о реформе или явится ничем (а сейчас это невозможно, так как движение слишком сильно), или вслед за ним должны последовать другие билли, идущие гораздо дальше. Представительство соответственно количеству населения и тайное голосование — таковы ближайшие выводы, которые немедленно придется сделать. А этим самым будет положен конец старому

хламу. Большой заслугой Дизраэли является то, что из ненависти к сельским дворянчикам из своей собственной партии и из ненависти к вигам он превратил здешнее движение в такой поток, который нельзя уже остановить. Вы еще подивитесь (и еще больше подивятся немецкие филистеры, которые считают Англию похороненной) тому, что здесь произойдет, как только вступит в силу новый избирательный закон. Ирландцы также составляют чрезвычайно существенный элемент брожения, а лондонские пролетарии с каждым днем все более открыто высказываются за фениев, и следовательно, — что здесь совершенно неслыханно и действительно великолепно, — они, во-первых, высказываются за насильственное и, во-вторых, за антианглийское движение.

Последовали ли Вы моему врачебному совету и стали ли ездить верхом? После моего возвращения я снова испытал на себе благотворное влияние верховой езды, и Вы сами убедитесь, как быстро исчезнут все Ваши недомогания и опасения перед напитками, если Вы будете час в день ездить верхом. Как гинеколог Вы обязаны сделать это ради науки, ибо гинекология теснейшим образом связана с ездой верхом и гинеколог должен крепко сидеть в седле во всех отношениях.

Шорлеммер искал Вас на франкфуртском конгрессе естествоиспытателей, но уверяет, что Вас там не было.

Итак, дорогой друг, напишите поскорее. Фотография Лупуса заказана и будет готова, как только выдастся хорошая погода, — ведь зимой мы здесь, к сожалению, редко видим солнечный свет. Передайте от меня привет Вашей жене, хотя я лично с ней и незнаком. Сердечный привет.

Ваш Ф. Э.

Адрес: Эрмен и Энгельс, Манчестер, для Ф. Э.

20 ноября. После того как я написал это письмо, Маркс прислал мне Ваше письмо к нему, из которого я с сожалением узнал, что в ваших краях вряд ли можно рассчитывать на дальнейшие заметки в прессе. Нельзя ли было бы через третье лицо поместить в газетах *ругательные статьи* по поводу книги, написанные с буржуазной или с реакционной точки зрения? Мне кажется, это было бы выходом из положения, за статьями же дело не станет. Далее: как обстоит дело с научными, а также с беллетристическими и полубеллетристическими журналами?

Относительно «*Rheinische Zeitung*» я пишу в Кельн на тот случай, если ничего еще не сделано. Бюхнер также должен был бы

поместить статьи в газетах. Если ему понадобятся статьи, Вы можете в крайнем случае указать на меня. Не давайте ему покоя.

Фотографий я еще не получил, но они будут доставлены на этих днях.

Еще раз с дружеским приветом

Ваш Ф. Э.

323.

Маркс — Карлу Зибелю
на остров Мадейра.

Лондон, 10 ноября 1867 г.

Дорогой Зибель! Посылаю тебе пока этот находящийся в моем личном пользовании экземпляр. Одновременно я написал Мейснеру, будь он проклят! Я ведь поручил ему отправить тебе *первый* же экземпляр, который появится в Германии. Надеюсь, что Мадейра принесет тебе пользу¹.

[...] ² Карл Маркс.

324.

Энгельс — своему брату Герману
в Бармен.

Манчестер, 28 ноября 1867 г.

Дорогой Герман!

Извини, что я так долго не отвечал на оба твои письма. Это объясняется многими причинами, а главным образом уверенностью в том, что пряжа пока не может подняться в цене, а следовательно, раз в данный момент она вам не нужна, промедление ничем вам не грозит.

Швейные нити, более тонкие номера которых мы обычно отсылаем выбеленными и покрашенными, мы страчиваем сами из тех самых початков, которые мы посылаем вам (36 — 45 Тэйлор и тонкие номера Ноульз). Початки эти мы можем отдать здесь в крутку тростильщику, и тогда швейные нити обйдутся в настоящее время

№ 36	40	50	60	70	80
19 п.	19 ¹ / ₂ п.	2 ш. 1 п.	2 ш. 7 п.	2 ш. 11 п.	3 ш. 5 п.

¹ Надпись на экземпляре I тома «Капитала».

² Два слова на фотокопии неразборчивы.

Но для двухпенсового Diamonds мы употребляем пряжу, стра-
шенную на тростильном станке, но с более слабой круткой.

В настоящее время она нам стоит:

№ 36	40	50	60	70	80
18 п.	18 ¹ / ₂ п.	20 п.	2 ш. 1 п.	2 ш. 3 п.	2 ш. 5 п.

Прилагаю образчик № 60. Весной настоящего года вы получили
кипы № 319 (фактура от 9 апреля) и потому можете судить, годен ли
вам этот более дешевый сорт или вам необходима более дорогая
пряжа с настоящими швейными нитками.

Ввиду блестящего состояния американского урожая мы все
здесь думаем, что произойдет падение цен. В Новом Орлеане товар
среднего сорта продавался по 6¹/₂ пенсов с *погрузкой на судно*.
Прядильное дело сейчас очень невыгодное занятие, и потому при
первом улучшении цена пряжи, по всей вероятности, не изменится,
даже если цена на хлопок падет. Тонкие номера будут держаться
всего крепче, а обыкновенные тонкие сученые нитки уже и сейчас
дешевле, чем в 1860 г. (16 п. против 18 п. за № 60). Указанные тебе
цены приблизительно такие же, какие держались в конце 1859 г. и в
начале 1860 г.; *более дорогой* № 60 стоял тогда на уровне 2 шил. 5 п.,
№ 40 — на 19 п., более дешевый № 60 был тогда несколько дороже.
Точных сопоставлений я сделать не могу, так как тогда мы употреб-
ляли другую пряжу.

Здесь все идет своим обычным порядком. Время от времени мы
немножко ссоримся то с Антоном, то с Готфридом, чтобы старая
любовь не остывала.

По случаю сегодняшнего дня моего рождения я поздравляю сам
себя от имени всех вас и всем вам посылаю сердечный привет. На
письмо мамы я отвечу на-днях.

Твой Фридрих.

325.

Маркс — Виктору Шили

в Париж.

Лондон, 30 ноября 1867 г.

Дорогой Шили!

Получив твое письмо, я сейчас же написал Мейснеру, чтобы он
прислал тебе один экземпляр книги для Реклю. Реклю, мне кажется,
является наиболее подходящим французским переводчиком при
условии, что ему будет помогать немец. При переводе я внесу

некоторые изменения в отдельных частях и сохранил за собой право последней редакции.

Прежде всего нужно было бы как можно скорее поместить ряд вещей из книги в «*Courier Français*». Не понимаю, зачем Гессе понадобилось привлекать какое-то третье лицо для этого. Лучше, если он сделает это сам. Я согласен, что намеченная им тема — английское фабричное законодательство — является наиболее подходящей в качестве введения. Но и здесь нельзя будет обойтись без того, чтобы не предпослать несколько слов о *теории стоимости*, так как в этом вопросе Прудон совершенно сбил всех с толку. Считают, что товар продается по своей стоимости, если он продается за то, что стоит фабриканту (*zu ihrem prix de revient*), т. е. по цене средств производства, потребленных при производстве товара + заработная плата (т. е. *цена труда*, приложенного к средствам производства). Не видят того, что *неоплаченный труд*, заключающийся в товаре, есть столь же существенный образующий стоимость элемент, как и оплаченный труд, и что этот элемент стоимости принимает теперь *форму прибыли* и т. д. Вообще не знают, что такое заработная плата. Без понимания природы стоимости изложение вопросов о рабочем дне и т. д., — словом, о фабричных законах, — не имеет под собой основы. Поэтому несколько вводных слов необходимо об этом сказать.

Мой издатель доволен распространением книги в Германии. Свора либералов и вульгарных экономистов пытается, конечно, по возможности вредить, пуская в ход свое старое испытанное средство — разговор молчания. Но на этот раз это им не удастся.

Прилагаю один экземпляр [брошюры] Либкнехта. Из объявления на обложке ты видишь, что в ближайшие недели он начнет издавать собственную еженедельную газетку. Мне поручено попросить тебя, чтобы ты сотрудничал из Парижа (его адрес: 11, Braunstrasse, г. Миллер). Я намылил ему голову по поводу его фразы о «социальном вопросе» (в добавлении) и, кроме того, обратил его внимание на то, что при полемике против Бисмарка он должен избегать не критической южно-германской точки зрения. Его самого должно было бы смутить то обстоятельство, что Яков Венедей стал его поклонником.

Несмотря на все это, Либкнехт своими смелыми выступлениями в рейхстаге принес большую пользу.

Вся моя семья посылает тебе сердечный привет.

Твой А. Вильямс.

А движение здесь идет вперед!

326.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 30 ноября 1867 г.

Дорогой Кугельман!

Причиной проволочки с ответом было просто мое нездоровье. Вот уже несколько недель, как я снова расклеился.

Прежде всего большое спасибо за Ваши заботы. Либкнехту Энгельс написал (или напишет). Либкнехт, между прочим (вместе с Гецом и др.), намеревался требовать в рейхстаге *обследования положения рабочих*. Он писал мне об этом, и по его просьбе я послал ему некоторые относящиеся к этому вопросу парламентские акты. План этот расстроился потому, что в силу принятого порядка дня не осталось на это времени. Об одной вещи Вы скорее можете написать Либкнехту, чем Энгельс или я. Именно: его прямая обязанность — обращать внимание на мою книгу на *рабочих собраниях*. Если он этого не сделает, это дело захватят в свои руки лассальянцы и сделают это неправильно.

Контцен (приват-доцент в Лейпциге, ученик и приверженец Рощера) попросил через Либкнехта один экземпляр моей книги и за это обещал подробный отзыв о ней со своей точки зрения. Книгу Мейснер ему отправил. Это было бы хорошее начало.

В Вашей заметке есть забавная опечатка: «*Taucher*» [ныряющий] вместо «*Faucher*» [Фаухер]. Фаухер — дилетант в области экономики. К числу «ученых» немецких экономистов, каковы Рощер, Рау, Моль и др., этот молодец не принадлежит. Даже то, что о нем упоминают, слишком великая честь для него. У меня он поэтому никогда не фигурирует в виде существительного, а лишь в виде глагола.

Укажите, пожалуйста, Вашей жене, что сначала легче всего читать следующие отделы моей книги: «Рабочий день», «Кооперация, разделение труда и машины», а потом уже «Первоначальное накопление». Непонятные термины Вам придется объяснять ей. Если будут другие какие-либо затруднения, то прошу располагать мной.

Во Франции (в Париже) есть хорошие виды на обстоятельную рецензию о моей книге (в «*Courier Français*», к сожалению прудонистском!) и даже на перевод ее.

Как только я буду чувствовать себя лучше, напишу больше. А пока надеюсь, что Вы будете часто писать. Это действует на меня всегда ободряюще.

Ваш К. М.

327.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

[Лондон,] 7 декабря 1867 г.

Дорогой Кугельман!

Если бы в Германии было шесть человек, подобных Вам, то противодействие филистерской массы и заговор молчания специалистов и всякого газетного сброда удалось бы уже преодолеть настолько, что началось бы, по крайней мере, серьезное обсуждение книги. Но приходится ждать! В этих словах заключается вся тайна *русской политики*.

Прилагаю письмо ко мне одного немецко-русского рабочего (кожевника)¹. Пожалуйста, верните мне это письмо обратно. Энгельс верно заметил, что философия самоучек — философия, которой занимаются сами рабочие, — сделала в лице этого кожевника крупный шаг вперед по сравнению с башмачником Яковом Бёме. И так же прав Энгельс, что кроме «немецкого рабочего» никакой другой не способен на такую умственную работу.

Боркгейм спросил меня вчера, кто написал статью в «Zukunft» (он подписчик этой газеты). Он полагает, мол, что она исходит с нашей стороны, потому что Вы прислали ему оттиск. Я ответил, что *не знаю*. Примите это во внимание! Не надо слишком раскрывать свои карты!

Сердечно благодарю Вашу милую жену за тот труд, который она затратила на переписку писем. Вы не должны так сильно эксплуатировать ее ради «прибавочного труда».

Бухер, как я уже Вам, если не ошибаюсь, рассказывал, сам предлагал мне быть *корреспондентом по экономическим вопросам королевской прусской правительственной газеты*². Из этого Вы видите, что, если бы я *хотел* пользоваться такими источниками, я *мог бы* это сделать без всякого посредничества.

С болезнью у меня все то же. Опасного ничего нет, но она выбивает из колеи.

Сердечный привет Вашей милой жене и Френцхен.

Ваш К. Маркс.

¹ Иосифа Дицгена.

² Речь идет о «Königlich Preussischer Staats-Anzeiger».

328.

Энгельс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

Манчестер, 12 декабря 1867 г.

Дорогой Кугельман!

Я очень признателен Вам за Ваше рвение, но напрасно Вы думаете, что у меня так много свободного времени. Ваше письмо от 30 ноября я получил 2 декабря, посоветовался с Марксом, так как ряд вопросов требовал обсуждения, и теперь уже послал бы Вам несколько статей, если бы в воскресенье мне не пришлось слечь из-за гриппозного заболевания горла, сопровождавшегося зубной болью, и неизбежной в таких случаях высокой температурой. К счастью, все это протекает у меня в острой, быстро проходящей форме, и потому сегодня я уже опять могу работать и немедленно засяду. Но не думайте, что так легко писать об одной и той же книге дюжину критических статей и при этом не только говорить в каждой из них что-либо новое, но и излагать их так, чтобы не было видно, что все они написаны одним автором. Тут частенько приходится призадумываться.

Я не советую писать непосредственно Микелю. *Устно* таким людям можно сказать многое такое, о чем писать рискованно. Ведь приедет он когда-нибудь опять в Ганновер.

«Die Vereinigte Staaten von Europa» — мертворожденное детище, а кроме того, редактором их состоит брат и креатура Фогта, — из этого ничего не выйдет!

Англичанин, посетивший Брандеса, — наш здешний друг Мур, который провел семь недель в Эйзенахе для изучения немецкого языка. Я не имел понятия, что он вернется через Ганновер, в противном случае я дал бы ему гисьмецо к Вам. Он пришел бы к Вам, может быть, и без письма, если бы не вообразил почему-то, что Вы живете в Гамбурге. По всей вероятности он будет переводить книгу Маркса на английский язык.

Я писал Либкнехту, что он ничего не достигнет своим южно-немецким криком (Süddeutsche Brüllerei). Лучше бы он не печатал своих речей — в печати они теряют свой эффект, так как становится слишком заметен тот *вздор*, который в них есть. Я писал ему также и относительно его странной теории отсрочки социального вопроса. Впрочем, как Вы помните, уже прошлой осенью я говорил Вам, что из ненависти к пруссакам он стал слишком *австрийцем*.

Эти краткие замечания посылаю лишь для того, чтобы Вы были в курсе дела. Статьи пришлю через несколько дней. Во всяком

случае, Вы можете предупредить подполковника ¹, что за ними последует и несколько других. Тогда у него будет работа.

С дружеским приветом

Ваш Ф. Э.

Меня только что вышвырнули из конторы, так как пора ее запирать.

329.

Энгельс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Манчестер, 13 декабря 1867 г.

Дорогой Кугельман!

«Во исполнение моего вчерашнего письма», — Вам ведь не следует забывать коммерческий стиль, — прилагаю при сем две статьи: одну, касающуюся *содержания* книги, для «*Veobachter*», другую, о самом факте выхода книги, для «*Gewerksblatt*» или «*Staatsanzeiger*».

Вы поймете трудности, которые мне пришлось преодолевать, когда я писал первую статью, если учтете, что редактором «*Veobachter*» состоит тот самый болтливый шваб *Карл Майер*, который упоминается в «Господине Фогте» и который, конечно, никогда не окажет нам добровольно никакой услуги. Вы сами знаете, конечно, что в редакции следует посылать копии этих статей, но я просил бы Вас, однако, сохранять все оригиналы — возможно, что они еще пригодятся.

Для «*Merkur*» я тоже кое-что пришлю, но я не могу еще сейчас так много работать по вечерам — это меня слишком возбуждает. Прошлую ночь, например, я почти совершенно не мог спать из-за статьи. Погода, дела и мучительный тик, который не проходит у меня с прошлого воскресенья, мешают мне ездить верхом, а без этого я никак не могу вернуться к своему нормальному состоянию.

Я не читал в «*Zukunft*» о деле Зибенмарка, мне очень редко приходится видеть эту газету.

На сегодня прощайте. Уже шесть часов вечера, пора запирать контору, и я чувствую себя усталым и голодным.

Ваш Ф. Э.

¹ Зейберт.

1868 год.

330.

Марке — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 11 января 1868 г.

Дорогой Кугельман!

Прежде всего мои лучшие новогодние пожелания Вашей милой жене, Френцхен и Вам. А затем большое спасибо за Юпитера и за ту энергию и тот интерес, с которыми Вы ведете пропаганду и водите за нос немецкую прессу. Как пел наш, к сожалению, слишком рано умерший друг Веерт:

На свете нет ничего лучше,
Как уязвлять своих врагов,
Как направлять свои остроты на пошляков.

При всем моем уважении к Вашему медицинскому авторитету я все же полагаю, что Вы недооцениваете *английских, немецких и французских* врачей, с которыми я советовался и советуюсь здесь попеременно, если Вы думаете, что они не могут отличить anthrax (карбункул) от фурункула, И в особенности здесь, в Англии — стране карбункула, который является в сущности пролетарской болезнью! А если бы даже врачи и не различили их, то их бы различил больной, который, как я, например, знаком и с тем, и с другим из этих видов чудовищ, так как субъективное ощущение очень различно, хотя, поскольку я знаю, ни одному врачу не удалось до сих пор *теоретически* точно изучить их обоих. Эта дрянь преследует меня лишь последние несколько лет. Раньше она была мне совершенно незнакома. В тот момент, как я пишу Вам это письмо, я еще не вполне поправился и все еще не работоспособен! Опять потерял много недель понапрасну!

В критике г. Дюринга прежде всего проглядывает страх! Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы достали мне книгу *Дюринга* «Gegen die Verkleinerer Carey's» [«Против недооценивающих Кэри»] и *фон-Тюнена* «Изолированное государство с точки зрения сельского

хозяйства»¹ (или что-то в этом роде), указав мне их цену. Заказы отсюда исполняются слишком медленно.

И, наконец, я вынужден просить Вас прислать мне около 12 копий моих фотографий (только en face). Около дюжины моих друзей пристают ко мне с этим.

Посылаю для г-жи Кугельман фотографию моей старшей дочери Женни и фотографию Элеоноры, которая шлет сердечный привет Френцхен.

По поводу Либкнехта: предоставьте ему некоторое время разгрызывать из себя маленького великого человека. Все устроится к лучшему в этом лучшем из миров.

Я мог бы рассказать Вам еще различного рода анекдоты из личной жизни. Но откладываю это до следующего раза, когда поза, необходимая для писания, не будет так затруднять меня.

Привет.

Ваш К. Маркс.

Один из моих здешних друзей, много занимающийся френологией, сказал вчера, посмотрев на фотографию Вашей жены: очень остроумна! Как видите, френология не такое беспочвенное искусство, каким его считал Гегель.

331.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 30 января 1868 г.

Дорогой Кугельман!

Я изрезан, искромсан и т. д., — словом, лечили меня по всем правилам искусства. Несмотря на это, нарывы появляются снова, так что, за исключением двух-трех дней, я вот уже два месяца не в состоянии что-либо делать. Прощлую субботу я в первый раз вышел, в понедельник был снова рецидив. Я надеюсь, что на этой неделе это кончится, но кто поручится мне, что не будет новых нарывов? Это очень неприятно. К тому же болезнь очень повлияла на голову. Мой друг, д-р Гумперт из Манчестера, настаивает на лечении мышьяком. Что вы думаете об этом?

Вашего Коппеля еще нет здесь.

Кертбени — немецкий венгр, настоящее имя которого, между нами, Бенкерт. Немецкие венгры любят мадьяризировать свои имена.

¹ Точное название — «Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie» [«Изолированное государство с точки зрения сельского хозяйства и политической экономики»].

Я не знаю его лично. Так как около 1860 г. у него была ссора с Фогтом, то я обратился к нему за сведениями, но не получил ничего путного. (Мой венгерский материал я получил отчасти от Семере, отчасти сам раздобытого в Лондоне.) Позднее он обратился ко мне в связи с конфликтом, который у него был с Кошутом. Сведения, которые мне удалось собрать относительно него, не возбуждают никаких подозрений в политическом смысле. Он производит впечатление много пишущего, суетливого человека. Ересь, которую он пишет о Бонапарте, можно встретить у многих в общем честных восточных варваров. Во всяком случае, присматривайтесь к нему. Я считаю также, что дипломатичнее не выказывать ему недоверия (поэтому я прилагаю для передачи ему биографические сведения обо мне, которые он просил прислать). «Тем временем» я, однако, «запрошу» и другие сведения о нем, лишь только писание, связанное с сидячим положением, не будет меня так затруднять.

Относительно плагиата Вы угадали правильно. Я написал умышленно грубо и дубовато, чтобы Гофштеттен подумал на Либкнехта и не угадал источника. Это — между нами ¹.

Вы знаете, конечно, что Энгельс и Зибель поместили статьи о моей книге в «Barmener Zeitung», «Elberfelder Zeitung», «Frankfurter Börsenzeitung» и — к огорчению Генриха Бюргерса — в «Düsseldorfer Zeitung». Зибель — это тот человек в Бармене, с которым я хотел Вас познакомиться. Но теперь он для поправки здоровья поехал на Мадейру.

В субботу на прошлой неделе «Saturday Review» — «аристократический и культурный» орган — поместил в обзоре новых немецких книг заметку о моей книге. Как видно из следующего места, я отделался сравнительно очень счастливо: «Как бы ни были зловредны, по нашему мнению, взгляды автора, нельзя все же не признать убедительность его логики, силу его красноречия и своеобразную прелесть, которую он сообщает самым сухим проблемам политической экономии». Уф!

Сердечный привет Вашей милой жене и Френцхен. Вы получите отсюда другие фотографии, так как оказалось, что хорошо выглядевшие вначале акварельные краски, которыми они были раскрашены, потом все смазались и расплылись.

Пишите мне как можно чаще. Когда бываешь болен и имеешь ряд причин для огорчений, — письма друзей очень желательны.

Привет.

Ваш К. М.

¹ Об этом подробнее см. письмо Маркса к Энгельсу от 7 декабря 1867 г. Соч. Маркса и Энгельса, том XXIII, стр. 484, изд. ИМЭ 1930 г.

[Приложение:]¹

Карл Маркс, доктор философии, родился в Трире 5 мая, 1818 г.

В 1842 — 1843 гг. сначала сотрудник, затем главный редактор «Rheinische Zeitung» (Кельн). Во время его редактирования правительство подвергло газету двойной цензуре: после цензуры собственно цензора — верховной цензуре регирунгспрезидента.

В конце концов она была закрыта по приказу правительства. Маркс покидает Германию и едет в Париж.

В 1844 г. он выпускает в Париже вместе с А. Руге «Deutsch-Französische Jahrbücher», запрещенные в Германии. Затем — «Святое семейство, критика критической критики. Против Бруно Бауэра и К^о» (Франкфурт-на-Майне, Literarische Anstalt).

Высланный Гизо по настоянию прусского правительства в декабре 1844 г.² из Франции, Маркс отправляется в Брюссель, основывает в 1846 г. Немецкое рабочее общество в Брюсселе, читает там лекции по политической экономии, состоит сотрудником французской «Réforme» (в Париже) и т. д.

1847 г. «Нищета философии. Ответ на философию нищеты Прудона». Затем — «Речь о свободе торговли» и другие памфлеты.

В 1848 г. вместе с Ф. Энгельсом — «Манифест коммунистической партии». Маркса арестуют и высылают из Бельгии, но по приглашению временного правительства он снова получает возможность жить во Франции. Покидает Францию в апреле 1848 г. и основывает в Кельне «Neue Rheinische Zeitung» (июнь 1848 г. — май 1849 г.). Маркс изгоняется из Пруссии после того, как правительство тщетно преследует его в судебном порядке. Суд присяжных дважды оправдывает его (первый раз — процесс о печати, второй — процесс за призыв к восстанию). Защитительные речи Маркса напечатаны: «Два политических процесса» (Кельн).

1849 г. Последний красный номер «Neue Rheinische Zeitung». Маркс переезжает в Париж. Высланный оттуда в сентябре 1849 г., он должен был быть интернирован в Бретани (Морбиган), отказывается от этого и, будучи выслан из Франции, переселяется в Лондон, где и живет до сих пор.

1850 г. Издаёт «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» (Гамбург).

1851 — 1852 гг. Сотрудничает в лондонской чартистской газете «The People's Paper», «Notes to the People» Эрнеста Джонса и т. д.

¹ Копия, написанная рукою Кугельмана.

² В оригинале ошибочно 1845 г.

1852 г.: «18 брюмера Луи Бонапарта». Нью-Йорк.

«Разоблачения о кельском процессе коммунистов». Базель. Ввиду того, что это издание было конфисковано на немецкой границе, в Бостоне в 1853 г. выпускается новое издание.

1853 — 1854 гг. «Памфлеты против лорда Пальмерстона».

1859 г. «К критике политической экономии». Берлин.

1860 г. «Господин Фогт».

1851 — 1860 гг. Маркс состоит постоянным сотрудником англо-американской «Tribune» (Нью-Йорк), принимает участие в «Putnam's Review» (Нью-Йорк) и в новой «Cyclopædia Americana» (Нью-Йорк).

1861 г. После амнистии приезжает в Берлин, но прусское правительство отказывает ему в восстановлении его в правах гражданства.

1865 г. Публикует по поручению Генерального совета Международного товарищества рабочих «Учредительный манифест Международного товарищества рабочих».

1867 г. «Капитал. Критика политической экономии». Том I. Гамбург.

332.

Маркс — Людвигу Кугельмапу

в Ганновер.

Лондон, 6 марта 1868 г.

Дорогой друг!

Как только Коппель исчез, состояние мое снова ухудшилось. Я не думаю, впрочем, чтобы это было благодаря его отъезду. Post a ne propter [после, а не в силу этого]. (Впрочем, он в своем роде очень милый человек. Но это такой «род» здорового человека, который «не слишком» гармонирует с моим теперешним состоянием.) Такова причина моего молчания, и вот почему я даже не подтвердил Вам получение книги Тюнена. В последнем есть что-то трогательное. Это — мекленбургский юнкер (впрочем, с немецкой вышколенностью мысли), который считает свое имение Теллов за образец сельского хозяйства вообще, а Шверин в Мекленбурге — за образец города вообще, и, исходя из этих предпосылок, с помощью наблюдения, дифференциального исчисления, практического счетоводства и т. п. конструирует самостоятельно рикардовскую теорию земельной ренты. Это и достойно уважения, и смешно в одно и то же время.

Странно смущенный тон г. Дюринга в его критике мне теперь понятен. Вообще же это пренесносный, нахальный субъект, корчащийся

из себя революционера в политической экономии. Он совершил два подвига. Во-первых, опубликовал (исходя из взглядов Кэри) «Kritische Grundlegung der Nationalökonomie» [«Критическое изложение основ политической экономии»] (около 500 стр.), а затем новую «Natürliche Dialektik» [«Естественную диалектику»], направленную против гегелевской. Моя книга в обоих отношениях поставила над ним крест. Из ненависти к Рошеру и другим он стал писать о ней. Но при этом допустил ряд ложных утверждений — отчасти умышленно, отчасти вследствие недомыслия. Он отлично знает, что мой метод исследования *не* тот, что у Гегеля, ибо я — материалист, а Гегель — идеалист. Гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики, но лишь *после* очищения ее от ее мистической формы, а это-то как раз и отличает от нее *мой* метод. Что касается Рикардо, то оскорбило г. Дюринга как раз то, что в моем анализе *нет* тех слабых пунктов сочинения Рикардо, на наличие которых указал Кэри и сотня других писателей до Кэри. Дюринг старается поэтому путем передержек взвалить на меня ошибки, свойственные Рикардо. Но это ничего. Я должен быть благодарен этому человеку и за то, что он первый из специалистов вообще заговорил о моей книге.

Во втором томе (который, вероятно, никогда не появится, если состояние моего здоровья не изменится), между прочим, будет анализирована и земельная собственность, конкуренция же — лишь постольку, поскольку этого требуют остальные темы.

Во время моего нездоровья (которое теперь, надеюсь, скоро совсем пройдет) я не мог писать, но проглотил огромную массу статистического и другого «материала», который сам по себе мог бы вызвать нездоровье у людей, обладающих желудком, недостаточно привычным к такого рода пище и к быстрому перевариванию ее!

Положение у меня сейчас очень затруднительное, потому что я не мог доставать денег посторонними заработками, а ради детей должен был поддерживать всегда известный декорум. Если бы мне не нужно было написать еще эти два проклятые тома (и, кроме того, отыскать *английского* издателя), что возможно только в Лондоне, я переехал бы в Женеву, где я мог бы жить очень хорошо на имеющиеся в моем распоряжении средства. Моя дочь № 2 выходит замуж в конце этого месяца.

Привет Френцхен.

Ваш К. М.

333.

Марке — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

Лондон, 17 марта 1868 г.

Дорогой друг!

Ваше письмо произвело на меня и неприятное, и приятное впечатление. (Как видите, я всегда движусь в диалектическом противоречии.)

Неприятное — потому, что я знаю Ваше материальное положение, и было бы нехорошо с моей стороны принимать подобные подарки *за счет Вашей семьи*. Я считаю поэтому присланные Вами 15 фунтов *займом*, который я в свое время возьму.

Приятное — не только как знак Вашей большой дружбы (а в суеете этого мира дружба — единственное, что имеет важное значение в личной жизни), но и потому, что Вы помогли мне выйти из очень затруднительного положения, в которое я попал благодаря предстоящей свадьбе. За последние четыре месяца я израсходовал столько денег — помимо траты на медикаменты и докторов — на Синие книги, анкеты, американские отчеты и т. д., что для дочери у меня на самом деле ничего не осталось.

Само собой разумеется, что вопрос о переезде из Лондона в Женеву я обдумывал не только сам и с своей семьей, но и не раз обсуждал с Энгельсом. Здесь я должен расходовать ежегодно 400 — 500 фунтов, в Женеве я мог бы жить на 200. Но, учитывая все обстоятельства, этот переезд пока *невозможен*. Только в Лондоне я могу кончить свою работу. *И только здесь* я могу надеяться извлечь из этой работы в конце концов соответственную или, по крайней мере, приличную денежную прибыль. Но для этого необходимо, чтобы я пока *остался здесь*. Да и помимо этого, если бы я уехал отсюда в такое критическое время, все рабочее движение, на которое я влияю из-за кулис, попало бы в очень дурные руки и сбилось бы с верного пути.

Судьба привязывает меня, таким образом, несмотря на все неудобства, пока к Лондону. Что касается Коппеля, то Вы несправедливы к нему. Если бы я не был нездоров, то он позабавил бы меня, а семье такое развлечение никогда не вредит.

Ни я, ни Энгельс до сих пор ничего не писали в газете Либкнехта (Энгельс послал ему теперь две статьи о моей книге). Обычный лондонский корреспондент — Эккариус. Боркгейм написал статью против Герцена и К^о.

Письмо М[ейер] меня очень обрадовало. Но он все-таки отчасти неверно понял мою теорию. Иначе он увидел бы, что *крупную*

промышленность я представляю не только источником антагонизма, но также творцом материальных и духовных условий, ведущих к разрешению этих антагонизмов, — разрешению, которое не может, конечно, произойти *благодушно-мирным путем*.

Что касается фабричного закона, — первого условия для получения рабочим классом какой-нибудь возможности развития и движения, — то я требую его *от государства* как *принудительного закона*, не только против фабрикантов, но также и против самих рабочих (стр. 542¹, в примечании 52 я указываю на противодействие женщин-работниц сокращению рабочего времени). Впрочем, если господин М[ейер] проявит такую же энергию, как Оуэн, то он сможет сломить это противодействие. Что *отдельный фабрикант* (если не говорить о его попытках влиять на законодательство) не много может сделать в этом отношении, об этом я говорю на стр. 243²: «В общем и целом это не зависит от доброй или злой воли отдельных капиталистов и т. д.», и там же примечание 114. Что, несмотря на это, и отдельный фабрикант может быть полезен своей деятельностью, это достаточно доказали такие фабриканты, как Фильден, Оуэн и др. Их главная деятельность должна, конечно, носить общественный характер. Что касается Дольфусов в Эльзасе, то это — шарлатаны, которые посредством своих контрактов умеют создавать патриархальные и чрезвычайно выгодные хозяину *крепостнические условия* труда для своих рабочих. Они были достойным образом разоблачены в парижских газетах, и как раз поэтому один из этих Дольфусов предложил недавно и провел в законодательном корпусе один из самых гнусных параграфов закона о печати, а именно, что «личная жизнь должна быть ограждена стеной».

Сердечный привет Вашей милой жене.

Ваш К. М.

Кстати: видели ли Вы, как мой личный враг Швейцер в шести номерах «Социал-Демократа» осыпает меня *похвалами* по поводу моей книги? Это должно быть тягостно для старой блудницы Гатцфельд.

334.

Маркс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

Лондон, 6 апреля 1868 г.

Дорогой Кугельман!

Молодая чета зарегистрировалась в прошлый четверг гра-

¹ Стр. 433 русского издания «Капитала», Партиздат 1932 г..

² Стр. 195 русского издания.

жданским браком (так как *церковный* обряд венчания не обязателен здесь по закону) и отправилась проводить медовый месяц во Францию. Молодые шлют Вам и г-же Гертруде сердечный привет.

Коппель заходил ко мне. К сожалению, я не мог принять его, потому что был обложен припарками. Энгельс приезжал сюда на свадьбу и вчера уехал. По его настоянию я решился проделать курс лечения мышьяком, нужно же, наконец, положить конец тому состоянию, в котором я нахожусь. Один из его друзей в Манчестере в сравнительно короткий срок совершенно вылечился благодаря такому лечению. У меня было известное предубеждение против мышьяка, вызванное спорами о его действии между французскими врачами, о чем я прочел в «Gazette Médicale».

Злобой дня является у нас ирландский вопрос. Гладстон и К^о эксплуатируют его, разумеется, только для того, чтобы снова стать у кормила правления, и прежде всего, чтобы заполучить *избирательный лозунг* (electoral cry) на ближайших выборах, основанных на household suffrage [право голоса каждого домохозяина]. *Ближайшие* последствия этого оборота дел вредны рабочей партии, вредны тем, что интриганы среди рабочих, которые стремятся попасть в будущий парламент, каковы Оджер, Поттер и др., получили теперь новый *предлог*, чтобы присоединиться к буржуазным либералам.

Впрочем, это — *наказание*, которое Англия — а следовательно и английский рабочий класс — несет за свое многовековое преступление против Ирландии. Но в конце концов это опять-таки пойдет на пользу английскому рабочему классу. А именно: *английская государственная церковь в Ирландии*, — или, как здесь принято ее называть, *ирландская церковь*, — является религиозной твердыней *английского лэндлордизма* в Ирландии и в то же время передовым укреплением государственной церкви в самой Англии (я говорю здесь о государственной церкви как *земельном собственнике*). С падением государственной церкви в Ирландии она падет и в Англии, а за ними последует (в падении) лэндлордизм — сначала в Ирландии, потом в Англии. А я давно был убежден, что социальная революция *серьезно* должна начаться с самых основ, т. е. с земельной собственности¹.

Кроме того, все это приведет к тому полезному результату, что, как только ирландская церковь сойдет со сцены, *протестантские* ирландские фермеры провинции Ульстер примкнут к католическим фермерам и их движению в трех остальных провинциях

¹ Игра слов: Grund — основа. Grundeigentum — земельная собственность.

Ирландии. До сих же пор лэндлордизм мог эксплуатировать этот религиозный антагонизм.

Третьего дня я получил письмо от Фрейлиграта (пригласительные свадебные карточки были ему, конечно, посланы). В этом письме есть следующая оригинальная фраза¹. Впрочем, пожалуй, Вам больше удовольствия доставит, если я *переищу все письмо*, что я и делаю. Только Вы должны мне *вернуть* его. Чтобы Вам было понятно все письмо, добавлю следующее: в Берлине незадолго перед выходом моей книги появилось произведение Г. Струве и Густава Раша «*Zwölf Streiter der Revolution*» [«*Двенадцать борцов за революцию*»]. В этой дрянной книжонке Фрейлиграт восхваляется как «один» из 12 апостолов, и при этом подробно доказывается, что он *никогда* не был коммунистом и лишь благодаря слишком большой снисходительности вступил в сношения с такими извергами, как Маркс, Энгельс, Вольф и пр. Ввиду того, что там опорачивалось также имя Вольфа, я попросил у Фрейлиграта письменного объяснения, так как знал, что Г. Раш (негодяй) стоит во главе берлинского комитета по сбору милостыни для Фрейлиграта. Он ответил мне очень сухо и с уклончивой филистерской хитростью. Впоследствии я послал ему свою книгу, не написав на ней, как это было до тех пор у нас с ним в обычае, своего имени. Он, видимо, понял намек.

Передайте сердечный привет от меня Вашей милой жене и Френцен. Если будет хоть какая-нибудь возможность, я обязательно приеду навестить Вас.

Ваш К. Маркс.

Кстати. Через несколько дней Вас посетит Боркгейм. Не забудьте, что, несмотря на мои товарищеские отношения с ним, я всегда соблюдаю по отношению к нему *известную сдержанность!*

В газете Либкнехта слишком много «южно-немецкой» ограниченности...²

335.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 17 апреля 1868 г.

Дорогой Кугельман!

Вы должны считать меня крупным преступником за то, что я отвечаю с таким запозданием на письмо Вашей милой жены и на Ваше

¹ Очевидно Маркс имеет в виду следующую фразу в письме Фрейлиграта: «...на Рейне многие молодые купцы и фабриканты в восторге от твоей книги. В этой среде она достигнет своей настоящей цели...»

² Одна строка в фотокопии неразборчива.

дружеское письмо. Дело в том, что старые Blutrosen [«алые розы»] — выражаясь поэтически — атаковали меня с такой тактической ловкостью, что я не мог принять положения, нужного для письма. Правда, я мог бы диктовать, но Вы же знаете, что в таких случаях всегда надеешься на следующее утро быть здоровым. Поэтому я все откладывал и сейчас пишу лишь эти несколько строчек.

Совершенно неизвестно еще, когда я попаду на несколько дней в Германию, во всяком случае не скоро. Но, конечно, я выберу такое время, когда Вы будете там.

Написав письмо Вирхову, Вы оказали мне большую услугу, хотя я сомневаюсь, чтобы у него хватило терпения и времени вникнуть в чуждую ему тему. Я знаю, что мне стоило большого труда прочесть в Манчестере его Целлюлярную патологию, главным образом благодаря его манере писать.

В следующих вышедших до сих пор номерах «Social-Demokrat» есть отзывы о моей книге: № 10 (22 января 1868), № 11 (24 января), № 12 (26 января), № 14 (31 января), № 15 (2 февраля), № 24 (23 февраля), № 25 (26 февраля), № 30 (8 марта) и еще в одном номере, которого у меня нет, но в нем помещены только выдержки.

Сердечный привет Вашей милой жене и Френцхен.

Ваш *К. Маркс*.

Мейер был здесь у меня.

336.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 24 июня 1868 г.

Дорогой друг!

Различного рода происшествия мешали мне написать Вам.

И теперь пишу лишь несколько строк.

У обеих моих дочерей, старшей и младшей, скарлатина. Я вспоминаю, что в Ганновере Вы говорили мне об одном способе лечения, который применяется, когда кризис только что проходит и начинается процесс шелушения. Не будете ли Вы так добры дать мне обстоятельные указания об этом?

Сердечный привет Вашей милой жене и Френцхен.

Ваш *К. Маркс*.

Либкнехт все больше и больше увязает в южно-немецких глупостях. Он недостаточно диалектик для того, чтобы критиковать одновременно обе стороны.

337.

Марке — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 2 июля 1868 г.

Дорогой Кугельман!

Большое спасибо за Ваше письмо. Дети поправляются, хотя выходить им еще нельзя (сегодня девятый день).

Что касается моей книги, то третьего дня я получил пять номеров «*Elberfelder Zeitung*», в которых помещена очень благосклонная критика д-ра Шнаке. (Я припоминаю это имя по 1848 г., но лично его не знаю.) В его изложении предмета очень много путаницы. С другой стороны, мне пишут из Берлина, что шут Фаухер в июньском номере своего журнала¹ потешается над моей книгой. Хорошо, что эти господа, наконец, выбалтывают свою досаду.

Поеду ли я в Германию, и когда — я еще не знаю. От карбункулов я, наконец, отделался. Энгельс наверняка приедет сюда в августе или сентябре.

Привет и лучшие пожелания г-же Кугельман и малютке.

Ваш К. М.

338.

Марке — Зигфриду Мейеру

в Нью-Йорк.

Лондон, 4 июля 1868 г.

1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой друг!

Ваше письмо от 20 мая пришло во время моего продолжительного отсутствия из Лондона. Этим объясняется то, что я долго не отвечал.

Относительно связей Либкнехта с Нью-Йорком я ничего не знаю, но напишу ему по этому поводу.

Прилагаю мандат для Зорге. Мы сносимся непосредственно с Уэли, Сильвисом и Джессупом.

¹ «*Vierteljahrsschrift für Volkswirtschaft und Kulturgeschichte*».

«Commonwealth» давным-давно перестала существовать. Еженедельные отчеты о заседаниях Центрального совета печатаются в «Beehive». Но эта газета — узкий трэд-юнионистский орган, который далек от того, чтобы представлять наши взгляды.

В немецкой прессе отзывы о моей книге — по большей части весьма благоприятные — появились пока в следующих газетах: в «Zukunft», штутгартском «Beobachter», вюртембергской «Staatszeitung», франкфуртской «Börsenzeitung», далее в «Hamburger Börsenzeitung», гамбургской «Anzeiger» и т. д., в нескольких ганноверских газетах и газетах Рейнской провинции и Вестфалии. Особенно подробные отзывы в виде серии статей были помещены в швейцарском «Social-Demokrat» (Берлин) и в «Elberfelder Zeitung». Обе эти газеты (хотя последняя является либеральной буржуазной газетой) прямо становятся на мою сторону.

Крупные буржуазные и реакционные газеты, как, например, «Kölnische [Zeitung]», «Augsburger [Zeitung]», «Neue Preussische [Zeitung]», «Vossische [Zeitung]» и т. д. упорно молчат.

В лагере официальной политической экономии появился до сих пор только реферат *д-ра Дюринга* (приват-доцента Берлинского университета, *приверженца Кэри*), напечатанный в начале этого года в «Hildburghäuser Ergänzungsblätter». (Этот реферат составлен робко, но в общем сочувственно.) В июньском номере экономического журнала, издаваемого Фаухером и Михаэлисом, также помещена статья. Но замечания Фаухера, разумеется, таковы, каких и следовало ожидать от присяжного клоуна и наемного шута немецких последователей Бастиа.

Я был бы очень рад, если бы Вы время от времени посылали мне газеты, но особенно ценно было бы для меня, если бы Вы могли собрать кое-какой антибуржуазный материал об отношениях земельной собственности и вообще о положении сельского хозяйства в Соединенных Штатах. Так как во II томе я рассматриваю *земельную ренту*, то мне нужен материал специально для полемики с теорией гармоний *Г. Кэри*.

Привет.

Ваш *К. Маркс*.

[Приложение:]

Лондон, 4 июля 1868 г.

Рекомендуем г. Зорге всем друзьям Международного товарищества рабочих и вместе с тем уполномочиваем его действовать от имени и в интересах этого Товарищества.

По распоряжению Генерального совета Международного товарищества рабочих,

Карл Маркс.
Секретарь для Германии.

339.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 11 июля 1868 г.

Дорогой друг!

Здоровье детей улучшается, хотя они все еще слабы.

Очень благодарен Вам за Вашу посылку. Фаухеру *отнюдь* не пишите. Этот *Mannequin piss* слишком уже возомнит о себе. Все, чего он добился, это того, что во втором издании — там, где речь идет о *величине стоимости*, — я дам Бастиа несколько полагающихся ему ударов. Я не сделал этого потому, что третий том будет содержать особую и обстоятельную главу о представителях «вульгарной экономии». Впрочем, согласитесь, вполне естественно, что Фаухер и братья выводят «меновую стоимость» своего собственного маранья не из *массы израсходованной рабочей силы*, но из *отсутствия этого израсходования*, а именно из «сбереженного труда». И достойный Бастиа не сам сделал это столь приятное таким господам «открытие», но, по своему обыкновению, «списал» его у своих предшественников. Его источники, конечно, неизвестны Фаухеру и К^о.

Что касается «*Zentralblatt*», то автор статьи в этом журнале делает мне наивозможно большую уступку, допуская, что если вообще придавать какой-нибудь смысл понятию стоимости, то неизбежно приходится соглашаться с моими выводами. Несчастный не видит, что если бы в моей книге вовсе не было главы о «стоимости», то анализ реальных отношений, который я даю, содержал бы в себе данные и доказательства действительных отношений стоимости. Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости покоится лишь на полнейшем невежестве как в области того предмета, о котором идет речь, так и в области научного метода. Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта *необходимость распределения* общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может

быть уничтожена *определенной формой* общественного производства; измениться может лишь *форма ее проявления*. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь *форма*, в которой эти законы проявляются. А форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует (*sich geltend macht*) в виде *частного обмена* индивидуальных продуктов труда,— эта форма и есть *меновая стоимость* этих продуктов.

Задача науки состоит именно в том, чтобы объяснить, *как* проявляется закон стоимости; следовательно, если бы захотели сразу «объяснить» все кажущиеся противоречащими закону явления, то пришлось бы дать науку *раньше* науки. В том-то и состоит как раз ошибка Рикардо, что он в своей первой главе о стоимости предполагает *данными* все возможные категории, которые еще должны быть выведены, чтобы доказать их адекватность закону стоимости.

С другой стороны, *история теории*, конечно, доказывает, как Вы верно указали, что понимание отношения стоимости было *всегда одним и тем же*, только более ясным или более туманным, сильнее опутанным иллюзиями или более научно определенным. Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является *естественным процессом*, то действительно понимающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития и, в частности, развития органа мышления. Все остальное вздор.

Вульгарный экономист не имеет ни малейшего представления о том, что действительные обиденные отношения обмена и величины стоимости не могут быть *непосредственно тождественными*. Вся соль буржуазного общества состоит как раз в том, что в нем а priori не существует никакого сознательного общественного упорядочения производства. Разумное и естественно необходимое проявляется лишь как слепо действующее среднее. А вульгарный экономист думает, что делает великое открытие, когда он разъяснению внутренней связи гордо противопоставляет тот факт, что в явлениях вещи иначе выглядят. И выходит, что он гордится тем, что пресмыкается перед видимостью, принимает видимость за конечное объяснение. К чему же тогда вообще наука?

Но за этим скрывается еще и нечто другое. Раз понята связь вещей, рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится еще до того, как они развалятся на практике. Следовательно, тут уже безусловный интерес

господствующих классов требует увековечения бессмысленной путаницы. Да и за что же, как не за это, платят сикофантам-болтунам, которые козыряют в науке тем, что в политической экономии вообще не разрешается мыслить?

Однако довольно и предовольно. Характерно во всяком случае, до чего пали эти попы буржуазии: рабочие и даже фабриканты и купцы поняли мою книгу и сумели разобраться в ней, а эти *«ученые книжники»* (!) жалуются, что я предъявляю чрезмерные требования к их рассудку.

Перепечатывать статью Швейцера я *не* советую, хотя для его газеты статья Швейцера была хороша.

Вы очень обяжете меня, прислав мне несколько номеров «Staatsanzeiger».

Адрес Шнаке Вы, наверное, можете узнать, справившись в «Elberfelder [Zeitung]».

Сердечный привет Вашей жене и Френцхен.

Ваш К. М.

Кстати. Я получил статью Дицгена о моей книге; посылаю эту статью Либкнехту.

340.

Энгельс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Йорк, 31 июля 1868 г.

Дорогой Кугельман!

Извинением за эту краткую записку служит то, что я уже несколько дней разъезжаю, провожая дорогую супругу на взморье в Bridlington [Бертлингтон] (ручаюсь, что Вы не догадаетесь, как произносится название этого места), а также и то, что я тороплюсь послать Вам прилагаемую статейку. Будет превосходно, если удастся осуществить это дело и если К[ертбени] чего-нибудь не наврал. Прилагаемая мазня выдержана, по возможности, в духе галетки¹, но кое-где ее, пожалуй, можно было еще смягчить. Маркс предлагает озаглавить ее «Немецкий социалист», что было бы не плохо, если бы не встретило возражений со стороны К[ейля]. Но этого необходимо *во что бы то ни стало* избежать, и потому я предпочитаю Ваше предложение как «более мягкое».

Маркс задержал у себя Ваше письмо, а так как сейчас к тому же уже поздно и в отеле все ложатся спать, то мне придется ответить

¹ «Die Gartenlaube».

на него на будущей неделе. Фотографию Лупуса я уже давно для Вас приготовил, — к счастью это один из старых хороших снимков. Недавно я велел отпечатать еще 24 карточки, но негатив уже настолько выцвел, что фотографии вышли очень плохими. Что касается меня, то две недели тому назад у меня лопнул маленький кровеносный сосуд на роговой оболочке левого глаза, оставив на глазном яблоке (на юго-западной стороне) красное пятнышко, которое еще не прошло и с которым я не хотел бы себя увековечивать. Поэтому Вам придется еще немного подождать.

NB. Будьте добры вставить в надлежащем месте две дополнительно написанные и помеченные А и В поправки. Желательно, чтобы К[ертбени?] не знал, кто является автором статьи, и не видел оригинала рукописи.

Итак, до следующей недели.

Ваш Ф. Э.

341.

Маркс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

Лондон, 10 августа 1868 г.

Дорогой Кугельман!

Получив Ваше письмо, я тщетно обращался в разные места. В настоящий момент невозможно раздобыть в здешних союзах денег на поддержку заграничной стачки. Некоторые данные о линденской фабрике, которые имеются в присланных в последний раз ганноверских газетах, представляют для меня большой интерес.

Моя семья сейчас на берегу моря. Это было тем более необходимо, что обе девочки очень плохо выглядели после болезни. Лаффарг, выдержавший здесь в Лондоне экзамен на звание хирурга, будет еще несколько недель оперировать в своем госпитале в качестве ассистента, а затем переберется в Париж, где ему, однако, придется опять держать французский докторский экзамен.

Я в настоящий момент занят больше личной, чем общественной экономикой. Энгельс предложил себя в качестве поручителя за меня для получения займа в 100 — 150 ф. ст. из 5%, с тем, чтобы первая половина была уплачена в январе, а вторая — в июле. Но до сих пор мне не удалось еще найти займодавца.

Я «зело» («sehr») надеюсь, что *состояние моих работ* позволит мне в конце сентября будущего года окончательно и навсегда покинуть Лондон и переселиться на континент. Как только я смогу обходиться без Британского музея, я уеду отсюда. Дороговизна

здешней жизни становится все более обременительной. Конечно, условия жизни в маленьком городке не очень-то заманчивы. Впрочем, «спокойствие есть первая обязанность граждан», а это единственный способ, чтобы успокоиться. Здесь происходят всякого рода скандалы с так называемой «Французской секцией Международного товарищества рабочих», о которых я сообщу в следующем письме.

Я теперь в одиночестве и чувствую себя странно без обычного детского шума.

Привет.

Ваш *К. Маркс*.

312.

Маркс — Георгу Эккарису и Фридриху Лесснеру¹

в Брюссель.

Лондон, 10 сентября 1868 г.

Дорогие Эккарис и Лесснер!

Прежде всего благодарю Лесснера за его длинное и интересное письмо.

Вы не должны допустить, чтобы конгресс продлился дольше этой недели. До сих пор — поскольку дело идет об Англии — не случилось еще ничего конфузного.

Если бельгийцы и французы опять будут настаивать на включении в порядок дня ряда новых вопросов, дайте им понять, что это не годится, так как:

1) немцы представлены очень слабо, ибо почти одновременно в Германии собираются их конгрессы;

2) Англия по случаю предвыборной кампании почти совсем не представлена;

3) швейцарские немцы пока вовсе не представлены, так как они только сейчас присоединились, а давно существующие секции исчерпали свои средства в женевской забастовке;

4) прения ведутся теперь только на французском языке;

5) вследствие этого необходимо избегать принятия *резолюций по общим теоретическим вопросам*, так как это вызвало бы только в дальнейшем протесты со стороны не-бельгийцев и не-французов.

Естественно, что публика больше всего интересуется вопросом о войне. Длинные декларации и напыщенные фразы в данном случае бесполезны. Резолюция, которую следует принять по этому вопросу,

¹ Перевод сделан с текста, опубликованного в книге «Deutsche Worte» Monatshefte, herausgegeben von Engelbert Pernerstorfer, 1898. стр. 212.

должна попросту гласить, что рабочий класс еще недостаточно организован, чтобы оказать решающее влияние на ход событий, но что конгресс от имени рабочего класса заявляет протест и обличает зачинщиков войны; что война между Францией и Германией есть междоусобная война, гибельная для обеих стран, гибельная и для Европы вообще. Замечание, что война может принести пользу только русскому правительству, вряд ли будет принято господами французами и бельгийцами.

Кланяйтесь другу Беккеру.

К. Маркс.

Если на сцену выплывет вопрос о взаимном кредите, то Эккариус должен попросту заявить, что рабочим Англии, Германии и Соединенных Штатов нет никакого дела до прудоновских догм и что они считают вопрос о кредите второстепенным.

Резолюции конгресса надо будет сообщить лондонским газетам по телеграфу. Итак, смотрите не оскандайтесь!

К. М.

343.

Маркс — Зигфриду Мейеру

в Нью-Йорк.

Лондон, 14 сентября 1868 г.
1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Дорогой Мейер!

Прилагаю номер «Times», содержащий IV годичный отчет Генерального совета (написанный мною) и в высшей степени интересную *передовицу* «Times» об этом документе. Впервые «Times» оставляет насмешливый тон по отношению к рабочему классу и принимает его «зело» всерьез. Распространяйте этот факт. Сообщите его Джессупу.

Я должен ответить на два Ваши письма — на первое, адресованное мне, и на второе, адресованное Эккариусу; оно было передано мне в его отсутствие (он еще не вернулся из Брюсселя).

Что касается первого письма, то это Ваша вина, что Зорге — мне совершенно неизвестный — получил мандат. Если Вы хотели дать ему рекомендацию только для определенной цели, то Вам следовало написать определеннее. Смысл Вашего письма был таков, что я решил, что Зорге Ваш и А. Фогта человек. Итак, будьте впредь

осторожнее! Кроме того, Вы тут же совершили вторую ошибку, *передав* мандат Зорге, вместо того, чтобы предварительно написать мне о недоразумении!

Промах совершен, но дело все же поправимо.

Брюссельский конгресс снова перенес Генеральный совет в Лондон. Однако его надо рассматривать теперь как *новый* Совет, который *пересматривает* все *старые* полномочия. Поэтому напишите мне, желаете ли Вы и А. Фогт получить мандаты. Напишите мне также, *каким образом* лучше всего отобрать у Зорге его полномочия или как сообщить ему, что *новый* Генеральный совет изменил полномочия. Здесь был некоторое время Дрюри. Недавно, как раз накануне Брюссельского конгресса, его *предложили* здесь в качестве уполномоченного Международного товарищества рабочих при Американском рабочем союзе и в качестве представителя на конгрессе этого союза. Мы *не согласились тогда на это*, так как предложение исходило от людей, казавшихся нам *подозрительными*. Присмотритесь сначала получше к этому человеку сами или через Ваших друзей.

Экземпляров газеты «Commonwealth» больше нет. За последние годы в Англии *не* выходят издания *агитационного характера* в нашем духе.

Моя книга еще не переведена на английский язык. Эжкарису, человек вообще очень дельный, но в то же время очень честолюбивый, *умышленно ничего не говорил о ней ни в «Commonwealth», ни в других случаях.* Он любит присваивать *себе* мои положения. На Брюссельском конгрессе Лесснер в своей речи о машинах говорил о *моей книге.* Корреспондент «Daily News» упомянул об этом. Эжкарису, который пишет отчеты о заседаниях конгресса в «Times», *обошел молчанием* этот факт. Его поведение тем более глупо, что он обязан мне не только своими знаниями, но и своим назначением на пост генерального секретаря Генерального совета. Я один поддерживал его (также и в «Commonwealth») против нападков со стороны англичан и французов. Но он на собственном опыте знает, что для меня важнее всего дело и что на личные глупости я закрываю глаза! На это он и рассчитывает.

Вашего письма я ему *не дам.*

Чем больше английских отрывков из моей книги Вы поместите в американской прессе, тем лучше.

Присылайте их мне!

Вкладываю в письмо к Вам прилагаемую карточку. Она была прислана нам одновременно с письмом, чтобы установить

с нами связь. Адрес — Г. В. Рендол, секретарь рабочего института, 3, Tremont Row, комната 52, *Бостон* С.-В.

Я уже давно растерял всех своих знакомых в Америке. Связь я поддерживаю еще только с Мейером в Сен-Луи, другом нашего И. Вейдемейера (умершего в прошлом году).

Пишите мне все, что сможете узнать об отношении железных дорог к землевладению. Вы, может быть, читали, что Всеобщий германский рабочий союз на своем конгрессе в Гамбурге в особой резолюции высказал одобрение моей книге.

Напишите Рендолу по моему поручению, как секретаря Генерального совета для Германии.

Сердечный привет А. Фогту и Вам.

Посылаю 2 номера «Times» — один для Вас, другой для Джессупа.

Ваш *К. Маркс*.

344.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондоне.

Лондон, 14 сентября 1868 г.

Дорогой Юнг!

«Times» помещает сегодня отчеты Эккариуса от 9-го и 10-го.

Излагая дебаты по вопросу о машинах, Эккариус *ухудшил* речь Лесснера, которая более правильно была передана в «Daily News». Как Вы видели из «Daily News», Лесснер цитировал мою книгу. Эту цитату Эккариус *выпустил*.

Но еще лучше. В «Daily News» было отмечено, что резолюция относительно машин и т. д. была *предложена Генеральным советом*. В «Times» г. Эккариус превращает ее в свое *личное предложение*. За это Вы должны как следует отчитать его. Надо ударить по его эгоизму, чтобы поставить его на свое место.

Ваш *К. М.*

345.

Маркс — Николаю — ону (Н. Ф. Даниэльсону)

в Петербург.

Лондон, 7 октября 1868 г.

1, Modena Villas, Maitland Park.

Милостивый государь!

В ответ на Ваше письмо могу сообщить следующее:

1) Вам не следует дожидаться второго тома, так как появление

его может задержаться еще месяцев на шесть. Я не могу подготовить его к печати до окончания и опубликования некоторых официальных обследований (enquêtes), проведенных в течение прошлого и позапрошлого годов во Франции, в Соединенных Штатах и в Англии. К тому же первый том представляет собою законченное целое.

2) Прилагаю мою фотографию.

3) Социалистической литературы в Соединенных Штатах не существует. Там есть только рабочие газеты.

4) Что касается моих сочинений, написанных на разных языках и вышедших в свет в различных местах, то я сам не имею полного собрания их. Большинство их уже нет в продаже.

Итак, не имея возможности удовлетворить Ваше желание по этому пункту, — «самая красивая девушка Франции не может дать более того, что у нее есть», — я принужден ограничиться краткой заметкой о моей литературно-политической деятельности, которой Вы, быть может, воспользуетесь для предисловия к Вашему переводу.

Д-р К. Маркс, родился в Трире (Рейнская Пруссия) в 1818 г.

1842 — 1843. Главный редактор «*Rheinische Zeitung*» в Кельне.

Эта газета насильственно закрывается прусским правительством. Маркс уезжает в Париж и издает там (1844), совместно с Арнольдом Руге, «*Deutsch-Französische Jahrbücher*». В конце 1844 г. Гизо изгоняет Маркса из Франции, вследствие чего Маркс переезжает в Брюссель. Публикует совместно с Фридрихом Энгельсом, «Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и К^о» (*Франкфурт-на-Майне 1845 г.*). (Эта книга, — так же, как и статьи Маркса в «*Deutsch-Französische Jahrbücher*», — направлена против идеологического мистицизма гегелевской и вообще спекулятивной философии.) Затем в Брюсселе были выпущены: «Нищета философии. Ответ на философию нищеты Прудона» (*Брюссель и Париж, 1847 г.*), «Речь о свободе торговли» (*Брюссель, 1847 г.*) и, наконец, в начале 1848 г., совместно с Фридрихом Энгельсом, «Манифест коммунистической партии» (*Лондон*).

Вскоре после того, как вспыхнула февральская революция, Маркс изгоняется из Бельгии, но одновременно получает приглашение от временного французского правительства вернуться во Францию и уезжает в Париж, а в апреле 1848 г. переселяется в Кельн (Германия), где издает «*Neue Rheinische Zeitung*» (с июня 1848 г. по май 1849 г.).

Там же выпущены им:

«Два политических процесса» (Кельн, 1849). (Эта брошюра со-

держит описание судебных процессов и защитительные речи Маркса. В первом из этих процессов Маркс обвинялся в оскорблении королевского прокурора, а во втором — после прусского государственного переворота (Мантейфель) — в призыве к восстанию. В обоих случаях присяжные вынесли Марксу оправдательный приговор.) В мае 1849 г. «*Neue Rheinische Zeitung*» закрывается прусским правительством, а Маркс изгоняется из пределов Пруссии. Он снова отправляется в Париж, но, будучи снова изгнан из Франции, переселяется в конце октября 1849 г. в Лондон, где живет и поныне. Здесь им были опубликованы:

«*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*» (Гамбург и Нью-Йорк, 1850 г.).

«18 брюмера Луи Бонапарта» (Нью-Йорк 1852 г.).

«Разоблачения о кельнском процессе коммунистов» (1853 г. Два издания — одно в Базеле, другое в Бостоне, САСШ).

«Памфлеты против лорда Пальмерстона (Лондон, Бирмингам и Глазго, 1853 — 1854 гг.).

«К критике политической экономии» (Берлин, 1859 г.).

«Господин Фогт» (Лондон, 1860 г.).

1851 — 1861 гг. Ряд статей на английском языке в «*New-York Tribune*», «*Putnam's Review*» и «*New-American Cyclopaedia*».

1864 г. — «Учредительный манифест Международного товарищества рабочих», озаглавленный: «Воззвание к рабочим Европы», а также устав этого общества, окончательно принятый позже (1866 г.), на Женевском конгрессе Международного товарищества рабочих. С тех пор Маркс состоит непрерывно членом Генерального совета Международного товарищества рабочих, а также секретарем для Германии.

1867 г. «Капитал» и др.

Преданный Вам

Карл Маркс.

346.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 12 октября 1868 г.

1, Modena Villas, Maitland Park.

Мой дорогой друг!

Ваше упорное молчание мне совершенно непонятно. Не подал ли я повод для этого своим последним письмом? Я надеюсь, что нет. Во всяком случае не умышленно. Я не должен объяснять и

подтверждать этого Вам, Вы и так знаете, что Вы мой ближайший друг в Германии, и я не понимаю, как это можно, чтобы друзья из-за всякой мелочи придирались друг к другу. Всего меньше у Вас права на это по отношению ко мне, потому что Вы знаете, как многим я Вам обязан. Для моей книги — не говорю уж о себе лично — Вы сделали больше, чем вся Германия, вместе взятая.

Может быть, впрочем, Вы молчите так энергично, чтобы доказать мне, что Вы не из числа тех так называемых друзей, которые молчат, когда дела плохи, и говорят, когда они идут хорошо. Но в подобной демонстрации с Вашей стороны нет никакой надобности. Если я говорю, что «дела идут хорошо», то имею в виду, во-первых, пропаганду идей моей книги и то признание, которое она встретила со стороны немецких рабочих с тех пор, как Вы мне писали последний раз. Во-вторых, я имею в виду удивительные успехи, которых достигло Международное товарищество рабочих, особенно в Англии.

Несколько дней тому назад один петербургский издатель поразил меня известием, что печатается русский перевод «Капитала». Он просил меня послать ему мою фотографию, чтобы напечатать ее на обложке, и в этой мелочи я не мог отказать «моим добрым друзьям», русским. Такова ирония судьбы: русские, с которыми я в течение 25 лет непрерывно боролся, и не только по-немецки, но и по-французски и по-английски, всегда были моими «доброжелателями». В 1843 — 1844 гг. в Париже тамошние русские аристократы носили меня на руках. Мое сочинение против Прудона (1847) и то, что издал Дункер (1859), нигде не нашли такого сбыта, как в России. И первым переводом «Капитала» на иностранный язык оказывается перевод на русский. Но этому не следует придавать большого значения. Русская аристократическая молодежь воспитывается в немецких университетах и в Париже. Она гонится всегда за самым крайним, что только дает Запад. Это чистейшее гурманство, такое же, каким занималась часть французской аристократии в XVIII столетии. «Это не для портных и сапожников», — говорил тогда Вольтер о своих просветительных идеях. Это не мешает тем же русским, поступив на государственную службу, делаться негодьями.

Как Вы увидите из прилагаемых писем, которые будьте добры прислать мне обратно, у меня сейчас много «хлопот» в Германии благодаря склоке среди вождей. На одной стороне стоит Швейцер, который производит меня в папы *in partibus infidelium* [в стане неверных] для того, чтобы я провозгласил его рабочим императором в Германии. На другой стороне — Либкнехт, который забывает, что в действительности именно Швейцер заставил его вспомнить о том,

что существует на свете пролетарское движение, отличное от мелкобуржуазного демократического движения.

Я надеюсь, что Вы и все Ваши здоровы. Надеюсь, что я не впал в немилость у Вашей милой жены. Кстати, Международная женская ассоциация — ее вождь г-жа Гёгг (читай: сумасбродка)¹ — прислала Брюссельскому конгрессу послание с запросом, могут ли и дамы присоединиться к нам. Им ответили, конечно, вежливым согласием. Так что, если Вы будете продолжать молчать, то я пошлю Вашей жене мандат корреспондента Генерального совета.

Из-за своей печени я не мало страдал от жары, но теперь пока здоров.

Привет.

Ваш *К. Маркс*.

P. S. I. Испанская революция пришла как *deus ex machina* [неожиданное вмешательство высшей силы], чтобы помешать неминуемой иначе и гибельной франко-прусской войне.

P. S. II. Вы писали мне как-то, что я получу книгу Бюхнера. Когда и каким образом?

347.

Маркс — Иоганну-Баптисту фон-Швейцеру
в Берлин.

[Чернопис.]

Лондон, 13 октября 1868 г.

Милостивый государь!

Если Вы не получили ответа на Ваше письмо от 15 сентября, то виною этому недоразумение с моей стороны. Я понял это письмо так, что Вы хотите прислать мне Ваши «проекты» для ознакомления. Я ждал их. Но затем состоялся Ваш конгресс, после чего я решил (будучи очень перегружен работой), что с ответом можно не спешить. Как секретарь Интернационала для Германии я еще до получения Вашего письма от 8 октября неоднократно призывал к миру. Мне ответили (и в доказательство прислали выдержки из «*Social-Demokrat*»), что Вы сами провоцировали войну. Я заявил, что обязан ограничиваться ролью «беспристрастного судьи» в этой дуэли.

Мне думается, что я лучше всего отплачу Вам за то доверие, которое Вы выразили мне в Ваших письмах, если выскажу Вам откровенно, без всяких дипломатических обиняков, мой взгляд на существующее положение вещей. Я предполагаю при этом, что для Вас, как и для меня, важны только интересы дела.

¹ Игра слов: Gögg — фамилия и Geck — сумасбродка.

Я безусловно признаю ум и энергию, с какими Вы действуете в рабочем движении, и никогда не скрывал этого ни от кого из моих друзей. Повсюду, где мне приходилось высказываться публично, — в Генеральном совете Международного товарищества рабочих и в здешнем Немецком коммунистическом обществе — я всегда говорил о Вас, как о человеке нашей партии, и *ни разу ни словом* не упомянул *о наших разногласиях*.

Тем не менее, такие разногласия существуют.

Прежде всего, что касается лассалевского Союза, то он был основан в эпоху реакции. Лассаль — и это остается его бессмертной заслугой — вновь пробудил рабочее движение в Германии после пятнадцатилетней спячки. Но он совершил крупные ошибки. Он слишком поддавался влиянию непосредственных условий того времени. Мелкую исходную точку — свою противоположность такому пигмею, как Шульце-Делич, — он сделал центральным пунктом своей агитации: государственная помощь в противоположность самопомощи. Таким образом, он снова выдвинул тот лозунг, который *Бюше* — глава французского *католического* социализма — выставил в 1843 г. против подлинного рабочего движения во Франции. Будучи слишком умен, чтобы считать этот лозунг чем-то большим, чем переходным средством на худой конец, Лассаль мог оправдать его только его непосредственной (якобы) осуществимостью. Для этой цели он должен был утверждать, что этот лозунг может быть осуществлен в *ближайшем* будущем. «Государство» превратилось, таким образом, в прусское государство, вследствие чего он вынужден был делать уступки прусской монархии, прусской реакции (феодалной партии) и даже клерикалам. С лозунгом Бюше о государственной помощи объединениям он соединил чартистский лозунг — лозунг всеобщего избирательного права. Он проглядел, что условия в Германии и Англии различны. Он не понял уроков второй империи в вопросе о всеобщем избирательном праве. Затем он с самого начала придал своей агитации религиозный сектантский характер, как и всякий, кто утверждает, что у него в кармане имеется всеисцеляющее средство против страданий масс. В действительности всякая секта религиозна. Далее, как и всякий учредитель секты, он отрицал какую бы то ни было связь с прежним рабочим движением *как в Германии, так и за границей*¹. Он впал в ошибку Прудона, состоявшую в том, что он не искал реальной ос-

¹ В черновице зачеркнуто далее: «спасение должно было внезапно свалиться с неба».

новы для своей агитации в действительных элементах классового движения, но хотел направить ход этого последнего по некоему определенному доктринерскому рецепту.

То, что я говорю теперь задним числом, я наперед предсказывал Лассалю, когда он в 1862 г. приехал в Лондон и приглашал меня стать вместе с ним во главе нового движения.

Вы на собственном опыте узнали, в чем противоположность между сектантским движением и классовым движением. Для секты смысл ее существования и вопрос чести состоят не в том, что у нее есть *общего* с классовым движением, а в том *особенном талисмани* (Schiboleth), который ее от этого движения *отличает*. Поэтому, когда Вы предложили созвать съезд в Гамбурге для учреждения профессиональных союзов, то Вы смогли сломить сектантское сопротивление только своей угрозой отказаться от президентства. Вы были, кроме того, вынуждены как бы раздвоиться, заявив, что Вы в одном случае действовали как глава секты, а в другом — как орган классового движения.

Роспуск Всеобщего германского рабочего союза давал Вам *исторический* повод сделать большой шаг вперед и заявить, доказать, если это требовалось, что теперь наступила новая стадия развития и момент созрел для растворения сектантского движения в классовом движении и для окончательной ликвидации всяких сектантских пережитков. А то, что было истинного у секты, то она, подобно всем прежним рабочим сектам, должна была бы внести в общее движение в качестве элемента, обогащающего это движение. Вместо этого Вы фактически потребовали от классового движения, чтобы оно подчинилось особому сектантскому движению. Ваши недруги сделали отсюда тот вывод, что Вы хотите во что бы то ни стало сохранить свое «собственное рабочее движение».

Что касается берлинского конгресса, то, прежде всего, нечего было спешить, потому что закон о коалициях еще не прошел. Вы должны были поэтому сговориться с лидерами *вне* лассальянских кругов и совместно с ними выработать план и созвать конгресс. Вместо этого Вы только предоставили им альтернативу — присоединиться к *Вам* или идти *против Вас*. Самый конгресс оказался лишь расширенным изданием гамбургского конгресса.

Что касается проекта устава, то я считаю его принципиально ошибочным, а в области профессиональных союзов у меня, я думаю, не меньше опыта, чем у любого из моих современников. Не вдаваясь в детали, замечу только, что организация, построенная на основе *централизма*, пригодна для тайных обществ и сектантских движений,

но противоречит сущности профессиональных союзов. Будь она даже возможна, — а я заявляю, что она просто-напросто невозможна, — она была бы нежелательна, особенно в Германии, где рабочий с детских лет живет в атмосфере бюрократической регламентации и верит в авторитеты, в начальство и где его нужно прежде всего *приучать к самостоятельности*.

Но Ваш план и в других отношениях непрактичен. В «Союзе» получают три независимые власти различного происхождения: 1) *комитет*, избираемый по *профессиональным* союзам; 2) *председатель* (в данном случае совершенно излишнее лицо), избираемый *всеобщим голосованием*; 3) конгресс, избираемый *местными организациями*. Таким образом, повсюду — коллизии, и это якобы должно благоприятствовать «быстроте действия»! (В уставе Международного товарищества рабочих тоже фигурирует председатель Товарищества. Но фактически его единственная функция сводится к тому, что он председательствует на заседаниях Генерального совета. По моему предложению это звание, от которого я отказался в 1866 г., было в 1867 г. совсем уничтожено и заменено председательствующим (*chairman*), который избирается для каждого еженедельного заседания Генерального совета. В *Лондонском совете трэд-юнионов* тоже имеется только председательствующий. Постоянным должностным лицом является там лишь *секретарь*, так как он ведет текущую деловую работу.) Лассаль сделал большой промах, заимствовав из французской конституции 1852 г.: «избран всеобщим голосованием». Тем более это не годится для профессионального движения! Последнее вращается главным образом вокруг денежных вопросов, и Вы вскоре убедитесь, что здесь наступает конец всякому диктаторству.

Впрочем, каковы бы ни были ошибки организации, их, может быть, удастся более или менее исправить разумной практикой. В качестве секретаря Интернационала я готов выступить посредником между Вами и нюрнбергским большинством, прямо примкнувшим к Интернационалу, — но конечно, посредником на разумной основе. То же самое я написал¹ в Лейпциг. Я не закрываю глаз на трудности Вашего положения и не забываю о том, что действия каждого из нас больше зависят от обстоятельств, чем от собственной воли.

Обещаю Вам во всяком случае быть беспристрастным — это моя обязанность. Но, с другой стороны, я не могу Вам обещать,

¹ Зачеркнуто: «Либкнехту».

что я не выступлю в печати как *частное лицо*, с открытой критикой лассальянских предрассудков, как я это сделал в свое время по отношению к прудонистским, когда сочту это абсолютно необходимым в интересах рабочего движения.

Заверяя Вас лично в моих лучших чувствах к Вам, остаюсь преданный Вам

К. М.

348.

Маркс — Герману Юнгу
в Лондоне.

[Лондон,] 19 октября 1868 г.

Дорогой Юнг!

Только, пожалуйста, без скандала, который мог бы отозваться на Интернационале. Ругайтесь, если Вы уж не в силах терпеть, но без рукопашной.

Самое лучшее было бы сделать вид, что мы возбуждаем против этих субъектов (Бессона и Ле Любе) иск за клевету, содержащуюся в их письме. Об этой штуке можно было бы уговориться с Мерриманом. Вы увидите, как станут пресмыкаться эти трусы: ведь они рискуют тем, что перед судом их будут публично допрашивать по поводу их грязной банды.

Ваш К. М.

349.

Маркс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

Лондон, 26 октября 1868 г.

Мой дорогой друг!

Так как у меня в настоящий момент, когда я получил Ваше письмо, сидит на шее гость, то пишу в ответ лишь несколько строк.

Адрес Кертбени: № 11/III (что означает III — я не знаю, может быть, этаж), Behrenstrasse.

Теперь позвольте мне сказать несколько слов. Ввиду того, что Вы и Энгельс считали это полезным, я согласился на эту рекламу в «Gartenlaube». Сам же я был настроен *решительно против*. И теперь я *настоятельно* прошу Вас *отказаться окончательно* от этой шутки! Ведь это поведет только к тому, что такого рода господ, как Кейль, а затем разные «Daheim», вообразят, что я принадлежу к той

литераторской и прочей компании великих людей, которые нуждаются в их протекции или добиваются ее.

Подобные вещи я считаю скорее вредными, чем полезными, и недостойными человека науки. Так, например, издатели *мейеровского энциклопедического словаря* уже давно писали мне и просили мою биографию. А я не только не дал ее, но и на письмо не ответил. У всякого свой вкус.

Что касается Кертбени, то это важничающий, бестолковый, назойливый литературный шалопай, и чем меньше с ним иметь дела, тем лучше.

Привет.

Ваш *К. М.*

350.

Маркс — Вильяму Джессупу

в Нью-Йорк¹.

Лондон, 28 октября 1868 г.
1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Милостивый государь!

Содержание Вашего письма г. Эккариусу от 3-го числа с. м. было сообщено им Генеральному совету Международного товарищества рабочих. Он был снова назначен нашим секретарем-корреспондентом для Америки, но в настоящее время он слишком болен, чтобы выполнять свои функции.

Генеральный совет назначил г. З. Мейера и г. Августа Фогта своими немецко-американскими корреспондентами, а г. Пельтье—своим французско-американским корреспондентом. Я рекомендую Вам этих граждан.

Так как сам Генеральный совет ежегодно избирается на всеобщем конгрессе, то само собой разумеется, что все его назначения, если они не возобновляются, имеют силу только на текущий год.

С братским приветом

Ваш *Карл Маркс.*

Вильяму Дж. Джессупу, секретарю-представителю в штате Нью-Йорк: Национальный рабочий союз, 11 Norfolkstreet, г. Нью-Йорк.

¹ Копия, написанная неизвестным почерком.

(No 1272)

INTERNATIONAL WORKING MEN'S ASSOCIATION.
MEMBERS ANNUAL SUBSCRIPTION CARD.

Sam Francisco Williams was admitted
a Member on the 28 of Feb 1865 and
paid as his annual subscription £ — s — d —

Geo Adger President of Central Council
G. W. Wheeler Hon. Treasurer.
Le Linder Corresponding Secretary for France
Karl Marx Corresponding Secretary for Germany
Ch. Fontana Corresponding Secretary for Italy
Amiel Kullorff Corresponding Secretary for Poland
H. Jung Corresponding Secretary for Switzerland
W. C. Omes Hon. General Secretary

No 1104

ASSOCIATION INTERNATIONALE DES OUVRIERS.

INTERNATIONALE ARBEITER ASSOCIATION.

ASSOCIATION INTERNATIONALE D'OUVRIERS.

Образец членского билета I Интернационала

351.

Маркс — Зигфриду Мейеру и Августу Фогту

в Нью-Йорк.

Лондон, 28 октября 1868 г.

Дорогие Мейер и Фогт!

Из прилагаемого мандата для Мейера (я приложил также и мандат для Вас) Вы видите, что Ваше желание было исполнено уже 13 октября. В «Beehive» от 10 октября напечатано о назначении Мейера. Генеральный совет решил, что немецкие корреспонденты должны переписываться со мною, Пельтье (от французов) — с Дюпоном, а Джессуп — с Эккариусом. Я сам предложил такой порядок, так как для более обширной корреспонденции у меня нет времени. Прилагаемое письмо Вы можете передать Джессупу и одновременно предъявить ему Ваш мандат.

Что касается Эккариуса, то здесь произошло некоторое недоразумение. *Я никогда* не ссорился с ним, а наоборот, *до сегодняшнего дня* защищаю его от нападков англичан и пр. Но благодаря своему чрезмерному и часто ограниченному эгоизму, объясняющемуся, может быть, условиями его жизни, *он* время от времени делает несносные глупости. В общем я не обращал на них никакого внимания, но в отдельных случаях терпение у меня лопалось. Тогда я давал ему нахлобучку, и все шло хорошо до нового инцидента. Бедняга сейчас очень болен, а он всегда использует такие моменты, чтобы каяться в своих прегрешениях. То, на что, судя по письму Фогта, намекает Либкнехт, мне совершенно неизвестно. *Я во всяком случае* никогда никому не писал ни слова *против* Эккариуса, если не считать моего письма к Мейеру, написанного в тот момент, когда я несколько погорячился, получив письма остальных наших делегатов на Брюссельском конгрессе с обвинениями по адресу Эккариуса. Возможно, что Эккариус без моего ведома написал Либкнехту в таком духе, что это вызвало соответствующее письмо Либкнехта Ф[огту]. Это было бы, однако, очень странно, потому что как раз в это время у меня произошла горячая схватка с англичанами из-за Эккариуса и я выступал в его *защиту*.

Что касается *Zorge*, то нет необходимости что-либо предпринимать. Мое письмо к Джессупу объясняет временный характер полномочий.

Членские билеты все разошлись, надо будет напечатать новые. Либкнехт слишком ударяется в южно-немецкий патриотизм. Кроме того, ему не следовало бы печатать глупостей относительно

«Государства и общества», которые являются прямой противоположностью наших взглядов.

Привет. Очень тороплюсь.

Ваш *К. Маркс*.

Между прочим, знаете ли вы Дицгена? Он теперь вернулся из Петербурга в Рейнскую область, чтобы открыть там небольшую кожевенную мастерскую. Это один из самых гениальных рабочих, каких я только знаю. Знаю по письмам — лично с ним я не знаком. Сейчас в Санкт-Петербурге выходит русский перевод моей книги. Впрочем, я, может быть, уже сообщал вам об этом?

352.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондоне.

Лондон, 14 ноября 1868 г.

Дорогой Юнг!

Перед Вашим отъездом в Брюссель я дал Вам *секретный циркуляр «Соединенных Штатов Европы»*¹ (экземпляр Степни), в котором говорится о необходимости действовать совместно с *«Международным товариществом рабочих»*. Так как Густав Фогт, — другими словами, его газета, хорохорится и выступает сейчас против нас, то верните мне, пожалуйста, *этот документ обратно, я использую его в газете Либкнехта против Г. Фогта*.

Почему в двух последних номерах «Beehive» нет ни слова о резолюциях Женевского и Брюссельского конгрессов?

Привет Вам и Вашей семье.

Ваш *К. Маркс*.

353.

Маркс — Карлу Шпейеру

в Лондоне.

Лондон, 23 ноября 1868 г.
1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill.

Г-ну К. Шпейеру, секретарю Немецкого
рабочего просветительного общества.

Уважаемый друг!

Мне сообщили, что Общество решило обратиться к немецким рабочим с посланием, темой которого должно служить «массовое

¹ Циркуляр Международной лиги мира и свободы, печатный орган которой назывался «Les états unis d'Europe» [«Соединенные Штаты Европы»]. Редактором его был Густав Фогт.

объединение немецких рабочих Южной и Северной Германии в результате берлинского конгресса от 6 сентября».

Ввиду этого я вынужден заявить о своем *выходе из Рабочего общества*.

Очевидно, что подобное послание ставит себе целью или равносильно тому, что Лондонское немецкое рабочее просветительное общество открыто становится *на сторону Швейцера* и его организации *против* организации нюрнбергского конгресса, охватывающей большую часть Южной Германии, а также различные части Северной Германии. Так как в Германии известно, что я состою членом Общества, — и я действительно являюсь одним из старейших его членов, — то, несмотря на все мои возражения, ответственность за этот шаг, возложат *на меня*.

Вы согласитесь, конечно, что я не могу взять на себя такой ответственности:

Во-первых: когда шел спор между нюрнбергской организацией, представленной Либкнехтом, Бебелем и др., и берлинской организацией в лице Швейцера, — обе стороны письменно обратились ко мне. Я ответил, что в качестве секретаря для Германии в Генеральном совете Международного товарищества рабочих я должен соблюдать *нейтралитет*. И той, и другой стороне я посоветовал — если они не могут и не желают слиться в одно целое, — отыскать пути и средства, чтобы *параллельно* мирно работать для общей цели.

Во-вторых: в ответ на письмо г. фон-Швейцера ко мне я подробно разъяснил ему, почему я не могу одобрить ни то, каким образом был созван берлинский конгресс, ни принятый на нем устав.

В-третьих: нюрнбергский конгресс *прямо* примкнул к Международному товариществу рабочих. Гамбургский же конгресс, продолжением которого был берлинский конгресс, ссылаясь на препятствия, чинимые ему прусским законодательством, примкнул лишь *косвенно*, выразив свое сочувствие нашей деятельности. Между тем, несмотря на эти препятствия, вновь организовавшийся берлинский Демократический рабочий союз, принадлежащий к нюрнбергской организации, открыто и официально примкнул к Международному товариществу рабочих.

Повторяю, что при таких обстоятельствах решение Общества не оставляет мне другого выбора, как заявить о своем выходе из него. Будьте столь добры ознакомить Общество с содержанием этого письма.

Преданный Вам

Карл Маркс.

354.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 5 декабря 1868 г.

Дорогой Кугельман!

Есть у Вас адрес Дицгена? Уж довольно давно он прислал мне отрывок рукописи о «Способности мышления», которая, несмотря на некоторую путаницу и слишком частые повторения, содержит много превосходного и — как самостоятельный продукт рабочего — даже достойного удивления. Я не ответил сразу по прочтении ее, потому что хотел знать также отзыв Энгельса. Я послал поэтому рукопись ему. Прошло довольно много времени, пока я получил ее обратно. А теперь я не могу найти письма Дицгена с его новым адресом. В последнем своем письме из Петербурга он писал, что возвратится на Рейн и устроится там. Не получили ли Вы от него адрес? Если да, пошлите мне его, пожалуйста, немедленно. Совесть (от этой штуки никогда совсем не отделаешься) мучит меня, что я так долго не отвечал Дицгену. Вы обещали мне также сообщить кое-что о нем лично.

Лекции Бюхнера о дарвинизме я получил. Вот поистине «делатель книг», вероятно потому он и называется «Бюхнером»¹. Поверхностная болтовня об истории материализма списана им, очевидно, у Ланге. Поистине удивительно, как подобный карапузик третирует, например, *Аристотеля*, естествоиспытателя не такого ранга, как Бюхнер. Очень наивно выходит также, когда он говорит о Кабанисе: «Кажется, что слышишь чуть ли не Карла Фогта». Вероятно Кабанис списал у Фогта!

Я уже давно обещал написать Вам несколько слов о Французской секции. Эта секция бездельников состоит наполовину или на две трети из альфонсов и тому подобного сброда; все они — после того, как наши люди вышли из этой секции — рыцари революционной фразы, убивающие (конечно, из «безопасного далека») императоров и королей, в особенности Луи-Наполеона. В их глазах мы, конечно, реакционеры, и они составили против нас форменный обвинительный акт и внесли его на рассмотрение Брюссельского конгресса — в закрытых заседаниях. Злоба этих жуликов была усилена тем, что их прибрал к рукам Феликс Пиа. Это — неудачник, французский мелодраматик 4-го ранга, участвовавший в революции

---

¹ Игра слов: Бюхер — по-немецки — книги.

1848 г. только как «*toast-master*» (так англичане называют людей, нанимаемых для провозглашения тостов на парадных обедах или для наблюдения за порядком тостов). Он поистине одержим манией «рычать шопотом» и разыгрывать из себя опасного заговорщика. При помощи этой банды Пиа хотел превратить *Международное товарищество рабочих* в свое охвостье. Особенно важно ему было скомпрометировать нас. И вот на открытом митинге, о котором *Французская секция* трубила и извещала стенными плакатами как о митинге *Международного товарищества рабочих*, Луи-Наполеон, он же Бадэнгэ, был *формально приговорен к смерти*, а исполнение приговора возложено, разумеется, на неизвестных парижских Брутов. Так как английская пресса не обратила никакого внимания на этот фарс, то мы также обошли бы его молчанием. Но один член этой банды, некий Везинье, литератор-шантажист, пространно изложил всю эту мерзость в бельгийской газете «*La Cigale*». Газета эта выдает себя за орган Интернационала и является своего рода «комической» газетой, подобной которой наверное нет в Европе. Собственно в ней нет ничего комичного, кроме ее серьезности. Из «*Cigale*» история попала в «*Pays, Journal de l'Empire*». Разумеется, она явилась поживой для Поля де-Кассаньяка. Тогда мы, т. е. Генеральный совет, поместили в «*Cigale*» официальную заметку в шесть строк о том, что *Ф. Пиа* не имеет *никакого* отношения к *Интернационалу*, даже не состоит его членом. *Nunc illae irae* [вот причина их гнева]. Эта война мышей и лягушек кончилась тем, что Французская секция с негодованием отделилась от нас и действует теперь самостоятельно под эгидой Пиа. В качестве подкрепления они учредили здесь в Лондоне так называемый *Немецкий агитационный союз*, состоящий из полторы дюжины членов со старым пфальцским эмигрантом, полусумасшедшим часовщиком *Вебером* во главе. Ну, теперь Вы знаете все, что можно сообщить об этом торжественном, великом и важном событии. Еще одно. Нам доставило удовлетворение то, что Бланки через одного из своих друзей, тоже в «*Cigale*», высмеял Пиа до последней степени и поставил его перед альтернативой: либо Пиа — манияк, либо полицейский агент.

От Швейцера я получил вчера вечером письмо, из которого видно, что его опять сажают в тюрьму и что взрыв гражданской войны — войны между ним и В. Либкнехтом — неминуем. Должен сказать, что в одном пункте Швейцер прав, а именно — относительно непригодности Либкнехта. Его газета на самом деле жалкая. Как может человек, которого я сам устно учил в продолжение пятнадцати лет (к чтению он всегда был ленив), печатать, например,

такие штуки, как «Gesellschaft und Staat» [«Общество и государство»], произведение, в котором «общественное» (тоже хорошенькая категория!) трактуется как нечто второстепенное, а «политическое» — как основное. Это было бы непостижимо, если бы Либкнехт не был южно-германцем и если бы он искони не смешивал меня, повидимому, со своим прежним шэфом, «благородным» *Густавом Струве*.

Лафарг и его жена уже два месяца как в Париже. Однако там не хотят признавать медицинского звания, которое он получил в Лондоне, и требуют, чтобы он снова выдержал пять «парижских» экзаменов!

Мои «экономические» (не политико-экономические) дела будут с будущего года благодаря одному договору в *удовлетворительном* состоянии.

Сердечный привет Вашей милой жене и Френцхен.

Ваш *К. Маркс*.

Принимает ли Ваша жена участие в великом немецком женском освободительном движении? Я думаю, что немецкие женщины должны начать с того, чтобы побудить своих мужей к борьбе за самоосвобождение.

355.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер¹.

Лондон, 12 декабря 1868 г.

Дорогой друг!

Я хотел написать Вам обстоятельнее, но мне помешали непредвиденные заграничные «дела». Но пусть это не удерживает Вас от того, чтобы поскорее снова взяться за перо.

Письмо Фрейнда (возвращаю его с благодарностью) очень меня заинтересовало. Давно пора, чтобы в Германии появились на сцене иные люди, не такие, как теперешние «носители» науки.

Возвращаю также портрет Дицгена. История его жизни не совсем такова, как я ее себе представлял. Но мне всегда что-то подсказывало, что он «не такой рабочий, как Эккариус». В самом деле, такого рода философское воззрение, какое он сам себе выработал,

¹ На письме штемпель: Международное товарищество рабочих. Центральный совет. Лондон.

требует известного спокойствия и возможности располагать своим временем, чего не имеют рядовые рабочие. У меня есть в Нью-Йорке два очень хороших рабочих: сапожник А. Фогт и горный инженер Зигфрид Мейер; оба они раньше были в Берлине. Третий рабочий, который мог бы читать лекции о моей книге, — *Лохнер*, столяр (простой рабочий), живет уже около 15 лет здесь, в Лондоне.

Скажите своей милой жене, что я никогда не «подозревал ее» в том, что она подчиняется генеральше *Gesk* [сумасбродке]¹. Мой вопрос был лишь шуткой. Впрочем, дамы не могут жаловаться на *Интернационал*, потому что в числе членов его *Генерального совета* есть одна дама, г-жа Ло. Но шутки в сторону. Большой шаг вперед на последнем конгрессе американского «Рабочего союза» виден, между прочим, в том, что он предоставляет женщинам-работницам полное равноправие, тогда как англичане и в еще большей степени галантные французы повинны в этом отношении в известной узости. Каждый, кто сколько-нибудь знаком с историей, знает также, что великие общественные перевороты невозможны без женского фермента. Общественный прогресс может быть точно измеряем по общественному положению прекрасного пола (дурнушек в том числе).

Что касается «договора», то у меня не могло быть и речи о том, чтобы взяться за какое-нибудь доходное дело, прежде чем не будет окончена моя книга. Иначе я давно смог бы выйти из всех затруднений. Дело просто вот в чем, — но это *между нами*: Энгельс без моего ведома, договариваясь со своим компаньоном относительно своих собственных доходов (Энгельс в июне вышел из предприятия), выговорил определенные условия в мою пользу и в пользу моей семьи. Благодаря этому я с будущего года смогу спокойно работать.

Сердечный привет.

Ваш *К. М.*

356.

Энгельс — своему брату Герману

в Бармен.

Манчестер, 18 декабря 1868 г.

Дорогой Герман!

Ф. Рис открыл дело в Митланде под фирмой Н. Дюрст Сыновья (сыновья кельнца), а оттуда переехал в Цюрих. Раньше он, кажется, служил у Дюрста, и молодой Дюрст, который тогда был здесь, отзывался о нем очень хорошо. Судя по банковским

¹ См. примечание на стр. 535.

сведениям из Гларуса, Рису можно открыть кредит в размере 10 000 франков.

Э. Бургхардт — племянник и зять Бургхардта из фирмы фон-Бургхардт, Кренельс и К^о (раньше компаньон Бургхардта, Адерса и К^о), которого ты, вероятно, знаешь. Он имел здесь дело, и уже раз, а может быть и два, объявлял себя банкротом, причем почти ничего не извлек из этого. Много лет тому назад я часто встречал его по вечерам в одном кабаке; с тех пор, как он женился, я его почти не видел и совершенно не знаю, что он делал после этого. Но зачем вам понадобился агент в Мюнхене?

Скажи маме, что от Г. Эрмена] я до сих пор не получил проекта договора — он сваливает вину на адвоката. На самом деле вопрос заключается в том, чтобы заставить меня уже теперь забрать из дела побольше денег, так как тогда я был бы в его руках. Но я не так уже наивен.

Будь добр, пришли мне мой контокоррентный счет в январе, так как я хочу расплатиться с долгами, как только окончательно рассчитаюсь с Г. Эрменом. Сообщи также, должен ли я переслать деньги *Функе* или вам.

Если бы я пошел на обострение отношений с Эрменом, рискуя тем, что мы порвали бы и мне пришлось бы начинать какое-либо другое дело, то я *мог бы* получить, примерно, 750 ф. ст. лишних. Но я вовсе не хочу в течение десяти лет быть прикованным к милой коммерции, а меньше чем на этот срок не стоит начинать новое дело.

Прилагаю кучу фотографий, из которых две пошлите в Энгельс-кирхен, а остальные распределите между собой. Мама, конечно, должна получить по одному экземпляру каждой карточки.

Сердечный привет маме, твоей жене и всем братьям и сестрам. Желаю весело провести праздники.

Сердечный привет.

Твой Фридрих.

357.

Маркс — Герману Юнгу
в Лондоне.

[Лондон,] 28 декабря 1868 г.

Дорогой Юнг!

После того как Вы ушли, я получил письмо от Бакунина, в котором он заверяет меня в своей особой дружбе.

Из его письма я вижу, что он снова обстоятельно писал *Де Пану*, чтобы заманить его в «Международный альянс». Поэтому,

во избежание могущих быть впоследствии...¹ жалоб на недостаток своевременной информации, необходимо *возможно скорее послать Де Папу копию нашей резолюции об Альянсе*. Конечно, Вы тут же должны сообщить ему, что *ввиду теперешнего положения в Швейцарии и во избежание всякой видимости раскола мы не хотим опубликовывать резолюцию*, а ограничиваемся лишь тем, что сообщаем *конфиденциально* ее содержание *центральному совету различных стран*.

Не забудьте своевременно пригласить на субботнее заседание *Элгарта*. Хорошо было бы, пожалуй, послать приглашение и *Оджеру*.

Ваш К. М.

---

¹ Здесь в рукописи выцвели чернила.

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

- Абель* (Abel), *Карл*, д-р (род. в 1837 г.) — немецкий публицист, берлинский корреспондент газеты «Daily Telegraph», приверженец К. Фогта — 355.
- Абт* (Abt) — немецкий демократ, редактор «Freiburger Kirchenzeitung», эмигрант в Женеве — 311.
- Абу* (About), *Эдмон* (1828—1885) — французский публицист и беллетрист, бонапартист; автор памфлета: «Napoléon III et la Prusse» («Наполеон III и Пруссия») (1860) — 365.
- Адольф* — см. Гризгейм, Адольф, фон.
- Александр* (Alexander), *Вильям* (1730—1783) — английский врач, автор «The history of women, from the earliest antiquity to the present time» («История женщин с древних времен до настоящего времени») (1779) — 163.
- Александр Великий* (356—323 до н. э.) — царь Македонский — 111, 188.
- Альбер* (Albert) (настоящее имя Александр Мартен) (1815—1895) — французский рабочий, участник июльской революции 1830 г. и лионского восстания 1834 г., один из вождей революционных тайных обществ, член временного правительства 1848 г. — 43.
- Альбертс* (Alberts) — секретарь прусского посольства в Лондоне в 50-х годах — 357, 358.
- Андрэ* (André), *Фелисите*, г-жа — 41.
- Анна* — см. Энгельс, Анна.
- Аннеке* (Anneke), *Фриц* (1817—1865) — бывший прусский офицер, с 1844 г. «истинный социалист», член Союза коммунистов в Кельне; участник баденского восстания; эмигрант в Америке; участник американской гражданской войны, друг Виллиха — 68, 159, 425.
- Анненков*, *Павел Васильевич* (1812—1887) — русский помещик, либеральствующий литератор; в 40-х годах был лично знаком с Марксом; встречался с

- ним в Брюсселе и в Париже — 10, 21, 38.
- Антон* — см. Эрмен, Антон.
- Антуан* (Antoine) — шурин О. Бланки — 104.
- Араго* (Arago), *Этьен* (1803—1892) — французский республиканец, один из основателей парижской газеты «Réforme» — 43.
- Ариосто* (Ariosto), *Людовико* (1474—1533) — итальянский поэт эпохи Возрождения — 195.
- Аристотель* (384—322 до н. э.) — 220, 394, 544.
- Ассинг* (Assing), *Людмила* (1821—1880) — немецкая писательница, издательница дневников Варнагена фон-Энзе (см.), находилась в дружеских отношениях с Лассалем — 347, 374, 400.
- Атвуд* (Attwood), *Томас* (1783—1856) — английский банкир, экономист, буржуазный радикал — 238.
- Ауэрсвальд* (Auerswald), *Рудольф* (1795—1866) — прусский либерал, в 1848 г. премьер-министр, министр без портфеля (1858—1862) в министерстве «новой эры» — 320.

Б.

- Байер* (Bayer), *Иосиф* (1821—1864) — участник венгерской революции 1848—1849 гг.; начальник генерального штаба Гергея; написал под псевдонимом «И. Немеди» «Die Belagerung der Festung Ofen in den Jahren 1686 und 1849» («Осада крепости Буда в 1686 и 1849 гг.») (1853) — 189.
- Бакунин*, *Михаил Александрович* (1814—1876) — 38, 184, 193, 194, 195, 330, 331, 495, 548.
- Бамбергер* (Bamberger), *Луис* — сын лондонского мелкого банкира, редактор «Deutsche Londoner Zeitung» — 66.
- Бамбергер*, *Людвиг* (1823—1899) — немецкий публицист, демократ, участник революции 1848 г., эмигрант в

- Англии и во Франции; позднее — член рейхстага, национал-либерал — 369.
- Бандя** (Bangua), **Иоганн** (1817—1868) — венгерский офицер и журналист; доверенное лицо Кошута в эмиграции и одновременно тайный агент австрийской, французской и прусской полиции; Бандя обещал Марксу издать его памфлет «Великие люди эмиграции»; получив рукопись, Б. передал ее полиции. Позднее Б. был главой полиции в Константинополе — 148, 151, 150, 162, 167, 168, 175, 176, 177, 178, 182, 323, 362.
- Барбес** (Barbès), **Арман** (1809—1870) — французский революционер, мелкобуржуазный демократ; один из руководителей восстания 1839 г.; после поражения февральской революции приговорен к пожизненному тюремному заключению, но освобожден по амнистии в 1854 г.; эмигрант в Бельгии — 93.
- Бартелими** (Barthélémy), **Эмманюэль** (ок. 1820—1855) — французский революционер, бланкист; эмигрант в Лондоне, где в 1855 г. казнен по обвинению в убийстве — 90, 91, 103, 104, 180.
- Бастиа** (Bastiat), **Фредерик** (1801—1850) — французский вульгарный экономист, проповедник гармонии интересов капитала и труда — 523, 524.
- Бастиян** (Bastian), **Адольф** (1826—1905) — немецкий этнограф — 377.
- Баттяни** (Battyanyi), **Людвиг**, граф (1803—1849) — венгерский министр-президент в конституционном министерстве 1848 г.; казнен во время реакции (в октябре 1849 г.) — 148.
- Бауэр** (Bauer), **Бруно** (1809—1882) — немецкий теолог и публицист, один из вождей младогегельянства, автор многочисленных ценных работ по истории христианства; после революции 1848 г. реакционный журналист — 3, 153, 211, 514, 532.
- Бауэр** (Bauer), **Генрих** — немецкий рабочий, сапожник, один из лидеров «Союза справедливых»; с 1848 г. член ЦК Союза коммунистов; в 1851 г. вышел из Союза — 40, 122.
- Бауэр** (Bauer), **Эдгар** (1820—1886) — брат и сотрудник Бруно Бауэра, публицист, младогегельянец; в 1859 г. редактор лондонской «Neue Zeit» — 206, 267.
- Бауэр** (Bauer) из Штольпе — врач, в 1849 г. член крайней левой Прусского национального собрания; эмигрант в Лондоне — 75.
- Бебель** (Bebel), **Август** (1840—1913) — 543.
- Бейст** (Beust), **Фридрих** (1817—1899) — бывший прусский офицер; в 1848 г. член Союза коммунистов в Кельне; в 1848—1849 гг. редактор «Neue Kölnische Zeitung»; после революции 1848 г. эмигрант в Швейцарии — 53.
- Беккер** (Becker), **Бернгард** (1826—1882) — немецкий публицист и историк, лассальянец; после смерти Лассаля и до 1865 г. председатель Всеобщего германского рабочего союза; впоследствии примкнул к эйзеннахам — 419, 428, 429, 435, 440.
- Беккер** (Becker), **Герман** («Красный Беккер») (1820—1885) — немецкий публицист, участник революции 1848—1849 гг.; член ЦК Союза коммунистов в Кельне; один из обвиняемых в Кельнском процессе коммунистов, редактор «Westdeutsche Zeitung» (1845—1850); позднее — национал-либерал, бургомистр Кельна — 72, 89, 90, 94, 114, 119, 121, 131, 154, 165, 172, 173, 318, 330, 401.
- Беккер** (Becker), **Иоганн-Филипп** (1809—1886) — немецкий революционер, по профессии шеточник; участник революционно-демократического движения в Германии в 1831—1836 гг.; участник революции 1848 г.; был одним из организаторов швейцарских секций I Интернационала; редактировал журнал «Vorboten»; написал вместе с Хр. Эсселеном (см.) «Geschichte der süd-deutschen Mai-Revolution des Jahres 1849» («История майской революции 1849 г. в Южной Германии») (1849) — 62, 67, 346, 350, 364, 377, 396, 398, 460, 462, 475, 484, 495, 500.
- Беккер** (Becker), **Макс Иосиф** — немецкий инженер, участник баденского восстания, эмигрант в Швейцарии, позднее в Америке — 109, 149, 310, 311.
- Беккер** (Becker), **Оскар** (1839—1868) — лейпцигский студент, национал-демократ; 14 июля 1861 г. покушался на жизнь прусского короля Вильгельма I — 393.
- Беккер** (Becker) — немецкий эмигрант в Лондоне — 359.
- Беккер** (Becker) — из Лейпцига — 397.
- Бекман** (Beckmann) — прусский полицейский агент в Париже, корреспондент «Kölnische Zeitung» — 357, 358.
- Беллинг** (Boelling), **Фридрих** (1816—1884) — барменский коммерсант, муж сестры Энгельса Эдвиги — 417, 471.
- Бем** (Bem), **Иосиф** (1794—1850) — польский революционный генерал, участник польского восстания 1830 г.

- и венгерской революции 1848 — 1849 гг. — 98, 189.
- Бёме** (Böhmе), *Яков* (1875—1924) — немецкий философ-идеалист; по профессии ремесленник — башмачник — 508.
- Бендер** (Bender) — немецкий книготорговец в Лондоне, издатель «Londoner Anzeiger» — 433, 460.
- Бенедек** (Benedek), *Людвиг* (1804 — 1881) — австрийский генерал, главнокомандующий австрийской армии в войне 1866 г. — 473.
- Беннигсен** (Bennigsen), *Рудольф* (1824—1902) — лидер прусских национал-либералов — 371.
- Беннигсен** — (Bennigsen) — 171.
- Бер** (Baer) — 487.
- Беркли** (Berkeley), *Джордж* (1685—1753) — английский епископ, философ, субъективный идеалист; в политической экономии — критик меркантилизма — 238.
- Берлихинген** (Berlichingen), *Гец, фон* (1480—1562) — немецкий рыцарь, участвовал в Великой крестьянской войне (1523), в решительный момент предал крестьян; герой драмы Гете того же названия — 251.
- Бермбах** (Bermbach), *Адольф* (1822—1875) — кельнский нотариус, в 1849 г. член 1-й прусской палаты, в начале 50-х годов сочувствовал коммунистам, позднее либерал — 127, 169, 313, 330.
- Бернайс** (Bernays), *Людвиг-Лазарь-Фердинанд-Целестин* (1815—1879) — немецкий демократический публицист, в 1844 г. редактор парижского «Vorwärts», в 1849 г. переехал в Америку — 6, 34.
- Бернар** (Bernard), *Симон-Франсуа* (1817—1862) — французский врач и писатель, участник революции 1848 — 1849 гг. и заговора Орсини (1857); эмигрант в Лондоне — 389, 400.
- Берне** (Börne), *Карл-Людвиг* (1786—1837) — немецкий демократический публицист, вождь «Молодой Германии»; Гейне написал против него памфлет: «Heinrich Heine über Ludwig Börne» («Генрих Гейне о Людвиге Берне») (1840) — 11.
- Бернс** (Burns), *Лиззи* (ум. в 1878 г.) — ирландка, фабричная работница, вторая жена Энгельса — 526.
- Бернштейн** (Börnstein), *Генрих* (1805—1892) — немецкий демократический публицист; редактор парижского «Vorwärts» (1844); один из лидеров немецкого легиона в Париже (1848); в 50-х годах журналист в Америке — 3, 4, 6, 40, 141.
- Бессон** (Besson), *А.* — председатель французской секции Интернационала в Лондоне, сторонник Пиа — 539.
- Бета** (Бетцих) (Beta) (Betzlich), *Генрих* (1813—1876) — немецкий писатель и журналист, мелкобуржуазный демократ; после революции 1848—1849 гг. эмигрант в Лондоне — 275, 277, 278, 279, 323.
- Бианко** (Bianco), *Ф.* — присяжный заседатель в Кельнском процессе коммунистов — 162.
- Бизли** (Beesly), *Эдуард-Спенсер* (1831—1915) — профессор древней истории в Лондонском университете, позитивист; председательствовал на учредительном собрании I Интернационала; в дальнейшем сочувствовал Интернационалу; в 60-х годах участвовал в движении за реформу избирательного права — 431.
- Бильс** (Beales), *Эдмонд* (1803—1881) — английский юрист, левый либерал, председатель «Лиги реформ» и «Национальной лиги независимости Польши» — 431, 435, 436, 453.
- Бирингер** (Bieringer), *К.* — 69.
- Бискамп** (Biskamp), *Элард* — немецкий демократический публицист; в 1848—1849 гг. — соредатор журнала «Hornisse», основатель лондонской немецкой газеты «Das Volk» (1858—1859) — 161, 267, 268, 269, 270, 286, 289, 292, 293, 302, 304, 306, 307, 308, 417, 418.
- Бисмарк** (Bismarck), *Отто-Эдуард-Леопольд* (1815—1898) — 423, 438, 439, 440, 441, 442, 447, 473, 480, 491, 506.
- Блан** (Blanc), *Луи* (1811—1882) — 43, 64, 90, 91, 92, 93, 94, 103, 104, 105, 144, 148, 186, 276, 325, 344.
- Бланк** (Blank), *Герман* — брат Карла-Эмиля Бланка — 45, 87.
- Бланк** (Blank), *Карл-Эмиль* (1817—1893) — шурин Энгельса, купец — 8, 10, 41, 42, 45, 46, 86, 255, 379, 381, 382, 417.
- Бланк** (Blank), *Мария* — дочь Карла-Эмиля Бланка — 475.
- Бланк** (Blank), *Рудольф* — сын Карла-Эмиля Бланка — 417.
- Бланк** (Blank), *Фриц* — брат Карла-Эмиля Бланка — 10.
- Бланк** (Blank), *Эмиль* — сын Карла-Эмиля Бланка — 417.
- Бланки** (Blanqui), *Огюст* (1805—1881) — 92, 93, 94, 104, 391, 395, 545.
- Бленкер** (Blenker), *Людвиг* (1812—1863) — участник баденского восстания, позднее участник гражданской войны в США — 262.
- Блинд** (Blind), *Карл* (1826—1907) — немецкий публицист, мелкобуржуаз-

- ный демократ, участник баденского восстания в 1849 г.; эмигрант в Лондоне, впоследствии — национал-либерал — 62, 170, 264, 266, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 277, 283, 286, 287, 292, 293, 294, 296, 299, 300, 301, 303, 304, 305, 306, 323, 324, 325, 329, 344, 369, 404, 423, 426, 427, 428, 438, 491.
- Блюм** (Blum), *Роберт* (1807—1848) — немецкий демократ, лидер левой Франкфуртского национального собрания, участник венского восстания 1848 г.; расстрелян австрийской контрреволюцией. Маркс упоминает о нем в 1859 г., приводя строфу популярной в 1848 г. революционной песни — 262.
- Блюхер** (Blücher), *Гейхард-Леберехт*, князь Вальштадтский (1742—1819) — прусский фельдмаршал — 40.
- Бонапарт** (Bonaparte) — см. Наполеон III.
- Бонапарт** (Bonaparte), *Пьер* (1815—1881) — двоюродный брат Наполеона III — 171.
- Борегар** (Beauregard), *Пьер-Густав* (1818—1893) — генерал в войсках конфедерации, главнокомандующий армии в Виргинии — 445, 446.
- Боркгейм** (Borkheim), *Сигизмунд-Людвиг* (1826—1885) — немецкий публицист, демократ, участник баденского восстания, эмигрант в Швейцарии и Англии, коммерсант — 310, 311, 376, 396, 405, 406, 407, 408, 496, 497, 498, 499, 500, 508, 517, 520.
- Борман** (Bormann) — советник интенданства, учинивший вместе с Фабрицем нападение на Лассала — 230.
- Борн** (Born), *Стефан* (1824—1898) — немецкий рабочий, наборщик, член Союза коммунистов; в 1848—1849 гг. организатор «Рабочего братства» в Берлине и Лейпциге; один из лидеров дрезденского восстания в 1849 г.; в швейцарской эмиграции стал демократическим публицистом — 40.
- Борнштедт** (Bornstedt), *Адальберт*, фон (1808—1851) — бывший прусский лейтенант; журналист в Париже, позднее в Брюсселе; член Брюссельского немецкого рабочего союза и Союза коммунистов; весной 1848 г. один из лидеров немецкого легиона в Париже; тайный агент прусского правительства во Франции — 34, 35, 41, 44.
- Борхардт** (Borchardt), *Луи* — немецкий врач в Манчестере, друг В. Вольфа и Энгельса — 214, 215, 308, 376, 433.
- Бозум-Дольфс** (Boschum-Dolfs) — 434.
- Брайт** (Bright), *Джон* (1811—1889) — английский фабрикант, лидер фритредеров, министр торговли в министерстве Гладстона (1868—1870) — 324, 426.
- Брандес** (Brandes) — 509.
- Брасс** (Brass), *Август* (1818—1876) — немецкий журналист, демократ; после 1848 г. жил в эмиграции, позднее — приверженец Бисмарка — 348, 417.
- Браун** (Brown) — торговый агент — 471.
- Бредт** (Bredt) *Шарлотта* (1833—1912) — жена брата Энгельса Эмиля — 274.
- Броннер** (Bronner), *Эдуард* — немецкий врач, эмигрант в Бредфорде, председатель бредфордского Шиллеровского общества — 426.
- Брун** (Bruhn), *Карл*, фон (род. в 1803 г.) — член Союза гонимых, Союза справедливых и Союза коммунистов, из которого исключен в 1850 г.; в 60-х годах лассальянец; редактор «Nordstern» в Гамбурге — 110, 428.
- Бруннов**, *Филипп Иванович*, граф (1797—1875) — русский дипломат, посол в Лондоне (1840—1874) — 204, 205.
- Брут**, *Марк-Юний* (ок. 79—42 до н. э.) — 545.
- Брунинг** (Bruiningk), баронесса, фон (ур. Ливен) (ум. в 1853 г.) — способствовала побегу Кинкеля из тюрьмы; жила в Англии — 154, 157, 160, 161, 164, 174, 181.
- Брунинг** (Bruiningk), *А.*, барон, фон — муж предыдущей — 160, 161, 164, 165, 173.
- Буазильбер** (Boisguillebert), *Пьер ле-Пезан*, де (1646—1714) — французский экономист, предшественник физиократов, родоначальник классической политической экономии во Франции — 238.
- Бунзен** (Bunsen), *Христиан-Карл*, фон (1791—1860) — прусский посол в Лондоне (1842—1854) — 82, 272, 355.
- Бурхардт** (Bourghardt), *Э.* — 548.
- Буркене** (Bourqueneu), *Франсуа-Адольф*, граф, де (1799—1869) — французский дипломат, посол в Лондоне и в Константинополе — 204.
- Бухер** (Bucher), *Лотар* (1817—1892) — немецкий демократ, эмигрант в Лондоне, лондонский корреспондент берлинской «National Zeitung», с 1864 г. сотрудник Бисмарка — 307, 362, 363, 376, 383, 402, 508.
- Бейль** (Baile), *Пьер* (1647—1706) — французский писатель и историк; философ-скептик — 222.
- Бэкон** (Bacon), *Френсис*, барон Веруламский (1561—1626) — английский философ и государственный деятель, лорд-канцлер с 1618 по 1621 г., основоположник английского материализма XVII века — 211.

- Бюжо** (Bugeaud), *Тома-Робер*, герцог Ислийский (1784—1849) — французский маршал, губернатор Алжира, крайний реакционер, орлеанист — 44.
- Бургерс** (Burgers), *Генрих* (1820—1878) — член Союза коммунистов в Кельне, соредaktor «*Neue Rheinische Zeitung*», один из обвиняемых в Кельнском процессе коммунистов; в 60-х годах прогрессист, -издатель «*Rheinische Zeitung*» в Дюссельдорфе (1867) — 4, 17, 33, 96, 119, 128, 131, 322, 371, 463, 513.
- Бухнер** (Büchner), *Людвиг* (1824—1899) — немецкий философ и естествоведник, вульгарный материалист, демократ — 486, 503, 535, 544.
- Бюше** (Buche), *Филипп* (1796 — 1865) — вначале сен-симонист, затем глава «католического (христианского) социализма» во Франции — 536.
- В.**
- Вагнер** (Wagener), *Герман* (1815—1889) — немецкий публицист, приверженец Бисмарка, редактор «*Neue Preussische Zeitung (Kreuzzeitung)*» — 440, 447.
- Вагнер** (Wagner), *Адольф* (1835—1917) — немецкий буржуазный экономист, катедер-социалист, основатель (1878) реакционной христианско-социальной партии — 404.
- Валесроде** (Walesrode), *Людвиг-Рейнгольд* (1810—1889) — немецкий демократ, журналист, издатель «*Demokratische Studien*» — 378.
- Валлау** (Wallau), *Карл* (1823—1877) — наборщик; в 1847 г. председатель Брюссельского немецкого рабочего союза, член ЦК Союза коммунистов; участник революции 1848—1849 гг. в Майнце; позднее обер-бургомистр Майнца — 40.
- Варнгаген фон - Энзе** (Varnhagen von Ense), *Карл Август* (1785 — 1858) — немецкий литератор, историк-биограф; в 40—30-х годах стоял в центре либеральных литературных кругов Берлина — 400.
- Варнебольд** (Warnebold) — адвокат в Ганновере, приверженец Бисмарка — 496.
- Вашингтон** (Washington), *Джордж* (1732 — 1799) — главнокомандующий американской армией в войне за независимость Соединенных Штатов (1776—1783) и первый президент Соединенных Штатов (1789 — 1797) — 494.
- Вебер** (Weber) — берлинский юрист, адвокат Маркса в процессе против «*National-Zeitung*» — 285, 294, 299, 332, 346, 352, 353, 354, 365, 366, 368, 374.
- Вебер** (Weber), *Вильгельм* — пфальцский часовщик, в 60-х годах жил в Америке; председатель Нью-Йоркского всеобщего рабочего союза, сын Луи Вебера — 495.
- Вебер** (Weber), *Луи* — пфальцский часовщик, эмигрант в Лондоне — 495, 545.
- Вебер** (Weber), *Луи* (младший) — немецкий рабочий в Лондоне, брат Вильгельма Вебера — 495.
- Веерт** (Weerth), *Георг* (1822—1856) — немецкий коммунист; поэт и журналист; член Союза коммунистов; редактор отдела фельетонов «*Neue Rheinische Zeitung*», близкий друг Маркса и Энгельса — 14, 52, 55, 64, 67, 68, 105, 109, 114, 116, 123, 124, 127, 129, 150, 167, 183, 203, 216, 221, 224, 235, 244, 511.
- Везинье** (Vésinier), *Пьер* (1826—1902) — французский журналист, республиканец; член Интернационала, позднее исключен из Интернационала; участник Коммуны — 459, 461, 545.
- Вейдемейер** (Weydemeuer), *Иосиф* (1818—1866) — немецкий коммунист, близкий друг Маркса и Энгельса; в 1848—1850 гг. соредaktor «*Neue Deutsche Zeitung*» во Франкфурте; в 1851 г. эмигрировал в Америку, где издавал журнал «*Revolution*» (1852 г.) и «*Stimme des Volkes*» (1860 г.); соредaktor «*Neue Zeit*» в Сен-Луи; создал в Америке несколько организаций Союза коммунистов; участвовал в гражданской войне на стороне северян — 17, 40, 55, 56, 59, 60, 62, 64, 69, 73, 74, 76, 77, 84, 85, 97, 100, 106, 108, 111, 112, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 139, 140, 143, 147, 149, 151, 153, 154, 155, 163, 171, 181, 190, 191, 196, 235, 288, 329, 339, 347, 349, 351, 422, 425, 443, 531.
- Вейдемейер** (Weydemeuer), *Луиза*, жена Иосифа Вейдемейера, сестра Отто Люнинга — 119, 425, 500.
- Вейтлинг** (Weitling), *Вильгельм* (1808 — 1871) — 116, 149, 158, 159, 330.
- Веллингтон** (Wellington), *Артур-Веллеслей* (1769—1852) — английский фельдмаршал, главнокомандующий в эпоху наполеоновских войн, крайний тори, премьер-министр (1827—1829 и 1834) — 142, 444.
- Венедей** (Venedey), *Якоб* (1805 — 1871) — немецкий демократический публицист; член умеренного левого крыла Франк-

- фуртского национального собрания — 290, 506.
- Венсар** (Vinçard), *Пьер* (1820—1882) — французский рабочий, позднее книготорговец и публицист; член Интернационала, автор ряда монографий о быте и условиях труда парижских рабочих — 455.
- Верморель** (Vermorel), *Огюст* (1841—1871) — французский революционер, публицист, в начале 60-х годов прудонист; в 1866—1867 гг. редактор газеты «Courrier Français»; участник Коммуны, убит на баррикадах — 494.
- Вермут** (Wermuth) — прусский полицейский чиновник, полицей-президент в Ганновере — 356.
- Веррес** (Werres), *Виктор* — коммерсант в Кельне; одно время примыкал к коммунистам — 50.
- Вестфален** (Westphalen), *Фердинанд*, фон (1799—1876) — сводный брат Женни фон-Вестфален; в 1850—1858 гг. прусский министр внутренних дел в реакционном кабинете Мантейфеля — 239, 316, 324, 334.
- Вестфален** (Westphalen), *Каролина*, фон, урожденная Гебель (Heubel), (ум. в 1856 г.) — мать Женни Маркс — 149.
- Вестфален** (Westphalen), *Эдгар*, фон (1819—1890) — брат Женни Маркс; в 1846 г. примыкал к коммунистам; долгое время жил в Америке — 148, 149, 487.
- Виганд** (Wigand), *Отто* (1795—1870) — лейпцигский издатель, демократ — 17.
- Видиль** (Vidil), *Жюль* — бывший французский офицер, эмигрант в Лондоне, бланкист — 91, 104.
- Видок** (Vidosq), *Франсуа* (1775—1857) — французский авантюрист и полицейский агент — 319.
- Вие** (Wiehe), *Иоганн-Фридрих* — наборщик из типографии Холлингера в Лондоне — 283, 284, 287, 294, 302, 303, 323, 324, 344, 369.
- Вико** (Vico), *Джованни-Баттиста* (1668—1774) — итальянский мыслитель, философ и историк — 399.
- Виктор-Эммануил II** (1820—1878) — король Сардинии и Пьемонта (1849—1860) и объединенной Италии (1860—1878) — 240, 372, 377.
- Виллизен** (Willisen), *Вильгельм* (1790—1879) — прусский генерал и военный писатель, участник кампаний против Наполеона и войны 1848 г. против Сардинии; автор сочинений «Итальянский поход 1848 г.» (1849), «Походы 1859 и 1860 гг.» (1868) и др. — 99, 188.
- Виллих** (Willich), *Август*, фон (1810—1878) — бывший прусский офицер; во время баденского восстания 1849 г. командовал корпусом волонтеров; в 1849—1850 гг. член ЦК реорганизованного Союза коммунистов в Лондоне; после раскола в Союзе коммунистов возглавлял вместе с Шаппером отколовшуюся часть союза, боровшуюся против Маркса; с 1853 г. в Америке; участник гражданской войны в США — 59, 61, 62, 63, 64, 68, 72, 80, 89, 90, 91, 92, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 107, 110, 119, 122, 123, 134, 147, 150, 152, 153, 154, 157, 158, 159, 160, 161, 164, 165, 166, 170, 173, 174, 175, 180, 182, 183, 187, 190, 192, 236, 237, 311, 313, 318, 329, 331, 337, 338, 339, 351, 425.
- Вильгельм I** (1797—1888) — прусский король (с 1861 г.) и германский император (1871—1888) — 164, 364, 439.
- Вильсон** (Wilson), *Джеймс* (1805—1860) — английский экономист, фритредлер; основатель еженедельника «Economist» — 238.
- Вильямс** (Williams), *А.*, псевдоним К. Маркса — 350, 454, 464.
- Вильямс** (Williams), *С.* — лондонский книготорговец — 269, 414.
- Вирт** (Wirth), *Макс* (1822—1900) — немецкий вульгарный экономист, сторонник Кэри — 502.
- Вирхов** (Virchow), *Рудольф* (1821—1902) — немецкий ученый, патолог и антрополог, член прусского ландтага, прогрессист — 521.
- Висс** (Wiss), *И.*, д-р — немецкий эмигрант в Лондоне, позднее в Америке; приверженец Кинкеля; сотрудничал в журнале Вейтлинга «Republik der Arbeiter» — 162, 329, 330.
- Вобан** (Vauban), *Себастьян* (1633—1707) — французский маршал, крупный военный инженер и писатель — 98.
- Вольтер** (Voltaire), *Франсуа-Мари-Аруэ*, де (1694—1778) — 534.
- Вольф** (Wolf), *Вильгельм* (Лупус) «маленький Вольф», он же «Казематный Вольф» (1809—1864) — немецкий коммунист, член ЦК Союза коммунистов, соредaktor «Новой Рейнской Газеты», активный участник революции 1848 г., соратник и близкий друг Маркса и Энгельса; с 1851 г. эмигрант в Англии — 40, 53, 55, 64, 67, 95, 100, 103, 106, 108, 109, 111, 114, 115, 118, 119, 121, 123, 129, 133, 135, 140, 151, 154, 170, 183, 205, 214, 215, 216, 217, 221, 230, 235, 271, 272, 291, 292, 308, 329, 370, 371, 397, 402, 408, 418, 423, 447, 491, 503, 520, 527.
- Вольф** (Wolf), *Луи-Жюс* — майор, секретарь Мадзини; участник походов

- Гарибальди (1849); представитель Лондонского итальянского рабочего общества в Генсовете Интернационала; впоследствии оказался шпионом — 448, 456.
- Вольф** (Wolff), **Фердинанд** («Красный Вольф») (1812 — ок. 1893) — немецкий демократический публицист, член Союза коммунистов; член редакции «Neue Rheinische Zeitung»; эмигрант в Англии; с середины 50-х годов разошелся с Марксом — 13, 14, 55, 68, 105, 115, 119, 127, 183, 328.
- Вольф** (Wolff), **Фридрих-Август** (1759 — 1824) — немецкий филолог и критик, приобрел всемирную известность критикой гомеровского эпоса — 399.
- Вольфганг** — см. Фрейлиграт, Вольфганг.
- Вормс** (Worms) — дочь главы фирмы «Эмануэль и сын», в которой служил Веерт с 1846 по 1852 г. — 203.
- Врангель** (Wrangel), **Фридрих-Генрих-Эрнст**, граф (1784—1877) — прусский фельдмаршал, командующий реакционными королевскими войсками в Берлине в 1848—1849 гг.; главнокомандующий объединенными австро-прусскими военными силами во время немецко-датской войны в 1864 г. — 443.
- Г.**
- Габсбурги** (Habsburg) — германская императорская и австрийская династия (1282—1918) — 473.
- Гаген** (Hagen), **Теодор** (1823—1871) — демократ в Гамбурге; участвовал в издании «Neue Rheinische Zeitung Revue» — 71, 72, 73.
- Гайн** (Hain) — немецкий рабочий, эмигрант в Лондоне, член Союза коммунистов — 108.
- Галеер** (Galeer), **Альберт** (1816—1851) — швейцарский политический деятель, до 1848 г. сторонник Фази (см.); организатор рабочих обществ взаимопомощи — 103.
- Ганзен** (Hansen) — немецкий рабочий, член Союза коммунистов — 150.
- Гарибальди** (Garibaldi), **Джузеппе** (1807—1882) — 370, 372, 377, 398, 426, 427.
- Гарни** (Harpuey), **Джордж Джулиан** (1817—1897) — вождь левого крыла чартистов; член I Интернационала; редактор «Northern Star», «Red Republican» и «Friend of the People» — 40, 45, 63, 91, 103, 113, 144, 153, 174, 220, 227, 416.
- Гарнье-Пажес** (Garnier Pagès), **Луи-Антуан** (1803—1878) — член французского временного правительства и министр финансов в 1848 г.; буржуазный республиканец — 42.
- Гарризон** (Harrison), **Фредерик** (1831—1913) — английский юрист, публицист, лидер английских повитивистов — 431.
- Гассенпflug** (Hassenpflug), **Ганс-Даниэль** (1793—1862) — реакционный министр юстиции и внутренних дел в Гессен-Касселе — 108.
- Гатцфельд** (Hatzfeldt), **Максимилиан**, граф, фон (1813—1859) — прусский дипломат, с 1849 г. прусский посланник в Париже, брат графини Софии Гатцфельд — 356.
- Гатцфельд** (Hatzfeldt), **София**, графиня (1805—1881) — друг и сторонница Лассалья — 37, 374, 388, 390, 391, 392, 418, 419, 426, 427, 428, 429, 438, 440, 446, 495, 518.
- Гатцфельд** (Hatzfeldt), **Эдмунд**, граф (род. в 1798 г.) — муж предыдущей — 36.
- Гаугвиц** (Haugwitz), **Христиан-Август-Генрих** (1752—1831) — прусский государственный деятель; будучи с 1792 г. министром и остранных дел, пытался вести политику соглашения с Наполеоном I — 275.
- Гауде** (Haude) — немецкий рабочий в Кельне, член Союза коммунистов; в лондонской эмиграции примкнул к виллих-шапперовской фракции Союза коммунистов — 105.
- Гаупт** (Haupt), **Герман-Вильгельм** (род. в 1833 г.) — член Союза коммунистов в Гамбурге; арестованный в 1851 г., выдал Центральный комитет в Кельне; позднее был прусским консулом в Бразилии — 102, 110, 314, 358.
- Гебель** (Göbel) — старшина присяжных заседателей на Кельнском процессе коммунистов — 361.
- Геберт** (Gebert) — немецкий ремесленник, член виллих-шапперовской фракции Союза коммунистов — 105.
- Гегг** (Coegg), **Аманд** (1820—1897) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, пацифист, один из лидеров Лиги мира и свободы, редактор немецкого органа этой Лиги — «Vereingigte Staaten von Europa» — 175.
- Гегг** (Coegg), **Мария** (род. в 1826 г.) — председательница Международной женской ассоциации — 535, 547.
- Гегель** (Hegel), **Георг-Вильгельм-Фридрих** (1770—1831) — 23, 146, 163, 184, 216, 222, 229, 452, 488, 490, 492, 512, 516.
- Гейзе** (Heise), **Герман** (1820—1860) — немецкий демократ, соредaktor «Hornisse» в Касселе, эмигрант в Лондоне — 154, 158, 308.

- Гейне** (Heine), *Генрих* (1797 — 1856) — 5, 6, 10, 211, 244, 278, 340.
- Гейнцен** (Heinzen), *Карл* (1809 — 1880) — немецкий мелкобуржуазный демократ, публицист, ярый враг коммунизма; участник революции 1848 г.; в 1850 г. эмигрировал в Америку, где был редактором «Pionier» — 16, 65, 67, 97, 101, 106, 110, 111, 114, 125, 140, 144, 145, 146, 151, 163, 164, 165, 173, 186, 192, 381, 460.
- Гейнцман** (Heintzman) — бывший прусский прокурор, эмигрант в Лондоне, член «Немецкого национального союза» — 397.
- Геккер** (Hecker), *Фридрих* (1811 — 1881) — немецкий демократ, один из руководителей баденского восстания 1848 — 1849 гг.; эмигрант в Америке — 262.
- Гекшер** (Heckscher), *Мартин* — врач в Манчестере, лечивший Энгельса — 308.
- Гелинг фон-Ланценауэр** (Haeling von Lanzenauer) — помещик; присяжный заседатель в Кельнском процессе коммунистов — 162.
- Гельмих** (Helmich), *Олуис*, книготорговец в Билефельде; «истинный социалист», издатель «Das Westphälische Dampfboot»; позднее эмигрант в Америке — 155, 156.
- Генри** (Henry), *Дж.* — полицейский судья в Лондоне — 285.
- Генце** (Hentze), *А.* — 123.
- Генце** (Hentze) из Гамма — немецкий демократ, сторонник Виллиха — 65, 123, 190.
- Гераклит** из Эфеса (ок. 530 — ок. 475 до н. э.) — 220, 222, 229, 245.
- Гервег** (Herwegh), *Георг* (1817—1875) — немецкий поэт, радикальный демократ; в 1848 г. стоял во главе Немецкого демократического союза в Париже; в апреле 1848 г. перешел границу во главе отряда волонтеров, но, потерпев поражение, вернулся в Париж; в 60-х годах примкнул к Лассалю — 5, 6, 33, 34, 36, 40, 44, 172, 340.
- Гергей** (Görgey), *Артур* (1818—1916) — генерал венгерской революционной армии, с конца марта 1849 г. — главнокомандующий, после капитуляции при Вилагоше интернирован в Клагенфурте — 58, 148, 175, 182, 188, 189.
- Геринг** (Haering) — 192.
- Герингер** (Göhlinger), *Карл* (род. в 1810) — бывший баденский трактирщик, член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне; содержал гостиницу, где собирались немецкие эмигранты — 191.
- Герстенберг** (Gerstenberg), *Исидор* (ум. в 1876 г.) — банкир в Лондоне; приверженец Кинкеля — 247, 320.
- Герфель** (Hoerfel), *Гуттав* (род. ок. 1809 г.) — публицист из Праги; участник революции 1848 г.; в 1850 — 1851 гг. эмигрант в Париже, полицейский агент — 310.
- Герц** (Herz) — г-жа — 237.
- Герцен**, *Александр Иванович* (1812 — 1870) — 184, 190, 193, 213, 495, 517.
- Гесс** (Hess), *Моисей* (1812 — 1875) — немецкий публицист, в 40-х годах представитель «истинного социализма», член Союза справедливых, затем Союза коммунистов; в 1849 г. председатель Немецкого рабочего общества в Париже; после революции работал в Швейцарской организации Союза коммунистов; был сторонником виллихо-шапперовской фракции Союза; в 1861 г. примкнул к Лассалю; участвовал на Брюссельском и Бавельском конгрессах I Интернационала — 5, 15, 16, 17, 33, 36, 105, 419, 435, 506.
- Гесс** (Hess) *Сибилла* — жена Моисея Гесса — 15, 16, 105.
- Гете** (Goethe), *Иоганн-Вольфганг* (1749 — 1832) — 171, 172, 251.
- Гец** (Götz), *Фердинанд* (род. в 1826 г.) — немецкий врач; буржуазный демократ, участник дрезденского восстания 1849 г.; в 60-х годах член Саксонской народной партии, член рейхстага — 507.
- Гиббс** (Gibbs) — член лондонского городского управления, в 1850 г. временно исполнявший обязанность лорд-мэра Лондона — 78.
- Гизо** (Guizot), *Франсуа-Пьер* (1787 — 1874) — французский государственный деятель и историк; идеолог крупной финансовой буржуазии, министр иностранных дел и премьер-министр (1840—1848) — 138, 145, 341, 514.
- Гилль** (Hill) — приказчик в конторе «Эрмен и Энгельс» в Манчестере — 87.
- Гинкельдей** (Hinkeldey), *Карл-Людвиг* (1805 — 1856) — берлинский полицейский-президент с 1848 г. — 314, 358, 359.
- Гипперих** (Gipperich), *Иосиф* — портовой; в 1849 — 1851 гг. один из руководителей организации Союза коммунистов в Париже, примыкавшей к фракции Виллиха; провокатор — 357, 358.
- Гири** (Hirsch), *Вильгельм* — приказчик из Гамбурга, эмигрант в Лондоне; короткое время был членом Союза коммунистов; тайный агент прусской полиции в Лондоне — 134, 147, 175.

- 181, 182, 191, 192, 314, 319, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361.
- Гладстон** (Gladstone), *Вильям-Юарт* (1809—1898) — лидер английских либералов, министр торговли (1843—1846), финансов (1852—1855 и 1859—1866) и премьер-министр (1868—1874, 1880—1886, 1892—1894) — 519.
- Гнам** (Gnam) — баденский пивовар, участник революции 1849 г., эмигрант в Англии, а затем в Америке — 125.
- Гоенцоллерн** (Hohenzollern) — с 1415 г. бранденбургско-прусская династия; с 1871 по 1918 г. императорская династия в Германии — 441, 473.
- Годи** (Hody), *Алексис-Гиюм*, барон (1807—1880) — полицей — президент в Брюсселе в 40-х годах — 7,8.
- Гойоля** (Hoyoll) — живописец — 214.
- Головин**, *Иван Гаврилович* (1816—1890) — русский дворянин, либеральный публицист, с 1841 г. жил в эмиграции; в 50-х годах жил в Америке и был связан с редакцией «New York Daily Tribune» — 184, 193.
- Гольдгейм** (Goldheim) — прусский полицейский чиновник — 191, 192, 355, 356, 357, 359, 360, 361.
- Гольдшмидт** (Goldschmidt) — 152.
- Готский герцог** — см. Эрнст II, герцог Кобург-Готский.
- Готтшед** (Gottsched), *Иоганн-Кристов* (1700—1766) — немецкий писатель и историк литературы — 237.
- Готтшальк** (Gottschalk), *Андреас* (1815—1849) — кельнский врач; с 1848 г. член Союза коммунистов; председатель Кельнского рабочего союза (1848) и позднее — глава оппозиции в этом союзе против большинства — сторонников Маркса — 38.
- Гофф** (Hoff), *Генрих* (1810—1852) — баденский радикальный издатель и публицист; позднее эмигрант в Америке — 111.
- Гобстеттен** (Hofstetten), *Иоганн-Баттист*, фон (ум. в 1887 г.) — бывший офицер, лассальянец, вместе с Швейцером основатель и редактор «Sozial-Demokrat» — 513.
- Гобстеттер** (Hofstetter), *Густав*, фон — военный писатель — 108.
- Гохштуль** (Hochstuhl) — 146, 149.
- Грабов** (Grabow), *Вильгельм* (1802—1874) — прусский либерал, несколько раз был президентом палаты депутатов, противник министерства Бисмарка — 402, 403.
- Гракхи**, *Тиберий* (163—133 до н. э.) и *Кай* (153—121 до н. э.) — 467.
- Гракх**, *Корнелия* — мать Гракхов — 467.
- Гракх** (Gracch), г-жа — квартирная хозяйка Маркса в Маргейте — 467.
- Грант** (Grant), *Уллис-Симпсон* (1822—1885) — американский унионистский генерал, главнокомандующий союзных армий (1864), президент Соединенных Штатов (1869—1877) — 424, 425, 443, 444, 445, 446.
- Гранье де-Кассаньяк** (Granier de Cassagnac), *Адольф* (1806—1880) — французский публицист, бонапартист, член крайней правой законодательного корпуса (1852—1870) — 214, 215.
- Гранье де-Кассаньяк** (Granier de Cassagnac), *Поль* (1843—1904) — сын предыдущего, французский публицист, бонапартист, редактор газеты «Pays», член палаты депутатов (с 1876 г.) — 545.
- Грей** (Gray), *Джон* (1798—1850) — английский социалист-утопист, оуэнист — 238.
- Греппо** (Greppe), *Луи* (1810—1888) — французский левый республиканец; после декабрьского переворота 1851 г. эмигрант в Бельгии, затем в Англии; с 1871 г. левый депутат Национального собрания — 92.
- Грейф** (Greif) — прусский полицейский чиновник — 178, 355, 356, 357, 358, 359, 361.
- Гризгейм** (Griesheim), *Адольф*, фон (1820—1894) — родственник Энгельса — 274.
- Грилли** (Greeley), *Орас* (1811—1872) — американский публицист, в 40-х годах был фюреристом; член республиканской партии; позднее член демократической партии; основатель и главный редактор «New York Daily Tribune» — 180.
- Грин** (Green) — 370.
- Гров** (Grove), *Вильям-Роберт* (1811—1896) — английский юрист и естествоиспытатель — 452.
- Гросс** (Gross), *Маанус* — немецкий эмигрант в Цинциннати — 164, 170.
- Гроссмит** (Grossmith) — член Генсовета I Интернационала — 431.
- Груши** (Grouchy), *Эманюэль*, маркиз (1766—1847) — французский маршал — 44.
- Грэвилль** (Granville), *Джордж-Левесон-Гоуэр*, граф (1815—1891) — английский виг, аташе британского посольства в Париже (1835—1839), позднее министр иностранных дел и министр колоний — 205.
- Грюн** (Grün), *Карл* (1817—1887) — немецкий публицист, виднейший представитель «истинного социализма»; приверженец Прудона — 12, 13, 369.

- Гуд* (Hood), *Джон-Белл* (1831—1879) — генерал в войсках конфедерации — 425, 432.
- Гумперт* (Gumpert), *Эдуард* (ум. в 1893 г.) — немецкий врач в Манчестере, друг Маркса и Энгельса — 308, 415, 433, 512.
- Гумбольдт* (Humboldt), *Александр* (1769—1859) — 347, 353.
- Гумбольдт* (Humboldt), *Вильгельм* (1767—1835) — немецкий государственный деятель и ученый в области языковедения, эстетики и философии — 363.
- Гуттен* (Hutten), *Ульрих*, фон (1488—1523) — немецкий гуманист, сторонник реформы Лютера; участвовал в рыцарском восстании (1522—1523) — 251, 252, 253, 261.
- Гуцель* (Huzel), *Якоб* — немецкий эмигрант в Америке, друг Адольфа Клуца — 173.
- Гутков* (Gutzkow), *Карл* (1811—1878) — немецкий писатель; один из вождей литературного течения «Молодая Германия» — 11.
- Гюго* (Hugo), *Виктор* (1802—1885) — 215.
- Д.**
- Дана* (Dana), *Чарльз-Андерсон* (1819—1897) — американский журналист; в 40-х годах фурьерист; до 1862 г. редактор «New-York Daily Tribune», издатель «New American Cyclopaedia»; с 1868 г. падатель нью-йоркской газеты «Sun» — 107, 112, 116, 118, 121, 132, 134, 150, 153, 154, 157, 309, 381.
- Даниэльс* (Daniels), *Роланд* (1819—1855) — врач в Кельне, друг Маркса; с 1848 г. активный член Союза коммунистов в Кельне; один из обвиняемых в Кельнском процессе коммунистов, умер от чахотки, которую получил в тюрьме — 16, 33, 63, 94, 96, 99, 121, 127, 154, 212, 224, 319.
- Даниэльс* (Daniels), *Амалия* (1820—1895) — жена Роланда Даниэльса — 128, 154, 212.
- Даниэльс* (Daniels) из Манчестера — 266.
- Даниэльс* (Daniels) — жена предыдущего — 266.
- Даниэльсон, Николай Францевич* (псевдоним Николай — он) (1844—1918) — русский экономист и публицист, народник; переводчик «Капитала» на русский язык; переписывался с Марксом и снабжал его книгами и материалами о России — 531.
- Дарвин* (Darwin), *Чарльз* (1809—1882) — 377, 450, 479.
- Дасье* (Dacier), *Андрэ* (1651—1722) — французский философ, перевел и издал с критическими примечаниями Аристотеля, Плутарха, Горация и других классиков — 394.
- Дауль* (Daul), *А.* — автор «Tagebuch eines politischen Flüchtlings während des Freiheits-Kampfes in der Rheinpfalz und Baden» («Дневник политического эмигранта во время борьбы за свободу в Пфальце и Бадене») (1849) — 67.
- Деcker* (Decker), — член Немецкого демократического союза в Париже (1848) — 40.
- Деcker* (Decker), *Карл*, фон (1784—1844) — немецкий военный писатель — 109.
- Делиус* (Delius) — знакомый Энгельса — 253.
- Де-ля-Одд* (De-la-Hodde), *Люсьен* (псевдоним Дюпре) (1808—1865) — французский журналист, тайный полицейский агент при Луи-Филиппе; после февральской революции помощник префекта полиции — 281, 357, 358.
- Дембинский* (Dembinski), *Геррих* (1791—1864) — польский генерал, участник польского восстания 1830—1831 гг. и венгерской революции 1848—1849 гг. — 58, 189.
- Демокрит* (прибл. 460—370 до н. э.) — 222.
- Демут* (Demuth), *Елена* (Ленхен) (1823—1890) — домашняя работница в доме Маркса, ставшая близким другом всей семьи — 418.
- Де Пап* (De Paere), *Сезар* (1842—1890) — бельгийский мелкобуржуазный социалист, один из руководителей бельгийских секций I Интернационала — 548, 549.
- Дерби* (Derby), граф, лорд *Стенли Эдуард-Джордж-Джозеф-Смит* (1799—1869) — английский консерватор, премьер-министр (1852, 1858—1859 и 1866—1868) — 139, 141, 142, 143, 157, 487.
- Джардин* (Jardine), *Дэвид* (1794—1860) — полицейский судья в Лондоне — 361.
- Джессуп* (Jessup), *Вильям Дж.* — первый председатель американского Национального рабочего союза; корреспондент Интернационала для штата Нью-Йорк; председатель Рабочей ассоциации (Workingmen Assembly) штата Нью-Йорк, активный участник движения за 8-часовой рабочий день (1871—1872) — 522, 529, 531, 540, 541.
- Джилпин* (Gilpin) — директор лондонского филиала Швейцарского банка — 324.
- Джонс* (Jones), *Ричард* (1790—1855) —

- английский экономист преемник Мальтуса по кафедре политической экономии в университете Хэйл-бери — 145.
- Джонс (Jones), Эрнест* (1819—1869) — лидер левого крыла чартистов, издавал газеты «Notes to the People», (1851—1852) и «People's Paper» (1852—1858), на которые Маркс имел значительное влияние; в 60-х годах участник Лиги борьбы за реформу избирательного права — 40, 103, 118, 123, 135, 144, 145, 147, 149, 153, 162, 170, 174, 190, 192, 226, 324, 325, 335, 343, 364, 389, 415, 433, 455, 497, 514.
- Джонсон (Johnson), Эндрю* (1808—1875) — губернатор штата Теннесси, член республиканской партии; с 1865 по 1869 г. президент Соединенных Штатов — 494.
- Дизраэли (Disraeli), Бенджамин, граф Виконсфильд* (1804—1881) — политический деятель и писатель, вождь английских консерваторов; министр финансов (1852, 1858, 1859 и 1866—1868) и премьер-министр (1868 и 1874—1880) — 144, 275, 502, 503.
- Диц (Dietz), Освальд* (род. в 1824 г.) — архитектор из Висбадена, в 1850 г. член ЦК Союза коммунистов, после раскола принадлежал к фракции Виллих-Шаппера; секретарь Немецкого рабочего союза в Лондоне — 331, 356, 357.
- Дицген (Dietzgen), Иосиф* (1828—1888) — немецкий философ-самоучка, материалист, коммунист, по профессии кожевник; с 1867 г. поддерживал сношения с Марксом; позднее жил в Америке — 503, 526, 542, 544, 546.
- Долффус (Dollfus), братья* — семья эльзасских фабрикантов, из которых наиболее известен Жан Д. (1800—1887), занимавшийся строительством «рабочих городков» и посредством контрактов создававший крепостнические условия труда для рабочих своей фабрики — 518.
- Дронке (Dronke), Эрнст* («Малыш») (1822—1891) — немецкий радикальный публицист; в 1844—1846 гг. «истинный социалист»; 1848—1849 гг. активный член Союза коммунистов и соредатор «Neue Rheinische Zeitung»; летом 1849 г. эмигрировал в Женеву, где работал по заданиям Союза коммунистов как сторонник Маркса; в 1851 г. переехал в Англию; в последующие годы отошел от политики и занялся коммерцией — 52, 55, 56, 59, 75, 76, 77, 103, 111, 112, 113, 122, 125, 148, 149, 150, 152, 153, 157, 164, 182, 183, 210, 235, 311, 329, 415.
- Друккер (Drucker), Луи* — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848 г., эмигрант в Лондоне, издатель немецкого юмористического еженедельника «How do you do» — 275, 278.
- Дрьюри (Drury)* — член секции I Интернационала в Нью-Йорке — 530.
- Дуглас (Douglas), Говард* (1776—1861) — английский генерал и военный писатель — 200.
- Дункер (Duncker), Франц* (1822—1888) — немецкий либеральный публицист и издатель, в 60-х годах один из основателей гирш-дункеровских профессиональных союзов; издатель берлинской «Volkszeitung» — 232, 237, 240, 243, 244, 246, 247, 250, 263, 264, 265, 267, 282, 290, 291, 292, 326, 328, 341, 342, 343, 366, 374, 386, 412, 492, 534.
- Дункер (Duncker)* — полицейский советник в Берлине — 319.
- Дэвис (Davis), Джейфферсон* (1808—1889) — плантатор, член американской демократической партии, один из лидеров сецессионистов и президент Южной конфедерации (1861—1865) — 445.
- Д'Эстер (D'Ester), Карл-Людвиг* (1811—1859) — врач в Кельне; член Союза коммунистов; в 1848 г. член крайней левой Прусского национального собрания, участник баденско-пфальцского восстания — 61.
- Дюлон (Dulon), Рудольф* (1807—1870) — пастор из Бремена, демократ, участник революции 1848 г., редактор бременской «Tageschronik» — 148, 267.
- Дюпен (Dupin) Андре-Мари-Жан-Жак* (1783—1865) — французский адвокат, орлеанист, после февральской революции президент Законодательного собрания с 1857 г. бонапартист — 136, 137.
- Дюпле (Dupleix), Франсуа* — переплетчик, председатель Французской секции Интернационала в Женеве в 1866 г., делегат на Лондонской конференции 1865 г. — 461, 462, 476.
- Дюпон (Dupont), Эжен* (1831—1881) — французский рабочий, эмигрант в Лондоне; член Генсовета Интернационала, секретарь-корреспондент для Франции; поддерживал тесную связь с Марксом и Энгельсом — 454, 455, 458, 541.
- Дюпон де-л'Ер (Dupont de l'Eure), Жак-Шарль* (1767—1855) — французский политический деятель, один из руководителей банковской кампании перед революцией 1848 г. и председатель временного правительства — 42.

Дюринг (Dühring), *Евгений* (1833—1921)—немецкий мелкобуржуазный социалист, экономист и философ, автор универсальной научной «системы», раскритикованной Энгельсом в «Анти-Дюринге» — 511, 515, 523.

Дюшатель — см. Таннекю-Дюшатель.

Е.

Евгения (де-Монтихо) (Montijo) (1826—1920) — французская императрица (1853—1870), жена Наполеона III — 181.

Ж.

Жиго (Gigot), *Филипп* (род. в 1820 г.) — бельгийский архивный чиновник; член Союза коммунистов; во время пребывания Маркса в Брюсселе был с ним тесно связан — 11, 12, 13, 14.

Жирарден (Girardin), *Дельфина* (1804—1856) — французская писательница, жена Эмиля Жирардена — 137.

Жирарден (Girardin), *Эмиль* (1806—1881) — французский публицист, редактор ряда крупных газет, в 1848 г. вел кампанию против Кавеньяка, позднее бонапартист—137, 240.

Жиске (Gisquet), *Анри-Жозеф* (1792—1866) — парижский полицейский префект (1831—1836) — 319.

Жомини (Jomini), *Анри* (1779—1869) — генерал французской, позднее — русской службы, крупный военный писатель — 99, 183.

Жорж Занд (Sand), (Аврора Дюпен-Дюдеван) (1804—1876) — 193, 194.

Жотран (Jottrand), *Люсьен-Леопольд* (1804—1877) — бельгийский адвокат и публицист, республиканец; участник революции 1830 г.; в 1847 г. председатель Демократического общества в Брюсселе — 36, 335, 341, 342.

Жуанвильский (Joinville), принц, *Франц-Фердинанд-Филипп-Луи-Мари*, принц Орлеанский (1818—1890) — третий сын короля Луи-Филиппа — 44.

З.

Зауернгеймер (Sauernheimer) — немецкий ремесленник, щеточник; участник революции 1848 г.; одно время был председателем Женевского рабочего просветительного общества — 311.

Зедт (Saedt) — прокурор в Кельнском процессе коммунистов — 166.

Зейберт (Seubert), *Фридрих-Адольф*, фон (1819—1880) — вюртембергский полковник и писатель, знакомый Л. Кугельмана; помогал Кугельману помещать в различных газетах рецензии Энгельса на «Капитал» — 510.

Зейлер (Seiler), *Себастиан* (ок. 1810—ок. 1890) — немецкий радикальный журналист, в 40-х годах был сторонником Вейтлинга; член Союза справедливых и Союза коммунистов; позднее участник американского социалистического движения — 16, 68, 106.

Зефелогг (Sefeloge), *Макс* (род. в 1821 г.) — прусский отставной унтер-офицер; 22 мая 1850 г. покусался на жизнь прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, приговорен к пожизненному заключению — 79, 81, 83, 84.

Зибель (Siebel), *Карл* (1836—1868) — рейнский поэт, родственник Энгельса; в конце 50-х годов жил в Англии, где близко сошелся с Энгельсом и Марксом, в 1860 г. возвратился в Эльберфельд — 254, 255, 256, 258, 348, 350, 351, 375, 376, 384, 385, 396, 400, 408, 429, 442, 504, 513.

Зибель (Siebel) — отец предыдущего, барменский купец — 255.

Зибель (Siebel), г-жа — мать Карла Зибеля — 256.

Зибель (Siebel), г-жа — жена Карла Зибеля — 400.

Зибенмарк (Siebenmark) — 510.

Зигель (Sigel), *Франц* (1824—1902) — участник баденского восстания 1848—1849 гг.; генерал во время гражданской войны в Америке — 188, 425.

Зикинген (Sickingen), *Франц, фон* (1481—1523) — немецкий рыцарь, который примкнул к реформации и стал во главе рыцарского восстания в 1522 г. с целью захвата церковных земель; герой трагедии Лассалса того же названия — 250, 251, 252, 253, 257, 258, 259, 260, 261, 263.

Зорге (Sorge), *Фридрих-Альберт* (1828—1906) — немецкий социалист, участник баденского восстания 1849 г.; играл видную роль в рабочем движении в США, участник Гаагского конгресса 1872 г.; в 1872—1874 гг. генеральный секретарь Интернационала — 522, 523, 529, 530, 541.

И.

Иес (Eves) — 468.

Имандт (Imandt), *Петер* — член Союза коммунистов, активный участник революционно го движения 1848—1849 гг.; эмигрант в Швейцарии, с 1852 г. — в Англии — 52, 53, 159, 161, 162, 164, 235, 311.

Иммерман (Immermann), *Карл* (1796—1840) — немецкий поэт и писатель-романтик — 172.

Иоганн (1782 — 1859) — эрцгерцог ав-

- стрийский, наместник императора Фердинанда в Вене (1848) и имперский регент (1848—1849) — 271.
- Иост* (Joest), *Карл* — сахароводчик в Кельне, присяжный в Кельнском процессе коммунистов — 162.
- Б.**
- Кабанис* (Cabanis), *Пьер-Жан* (1758—1808) — французский философ-материалист — 544.
- Кабе* (Cabet), *Этьен* (1788—1856) — французский коммунист-утопист; автор «Путешествия в Икарию» (1840) — 148.
- Кавур* (Cavour), *Камилло-Бензо*, граф (1810—1861) — глава умеренно-либеральной монархической национальной партии в Италии, премьер-министр Пьемонта (1852—1859 и 1860—1861) — 372, 377.
- Камм* (Kamm), *Фридрих* (ум. в 1867 г.) — рабочий-щеточник из Бонна, соратник Г. Кинкеля и К. Шурца во время революции 1848 г., с 1852 г. — в Америке, один из активных членов Клуба коммунистов в Нью-Йорке — 161.
- Кампгаузен* (Camphausen), *Людольф* (1803—1890) — до 1848 г. один из лидеров рейнского либерализма, в 1848 г. — министр-президент — 47, 340, 341, 342.
- Кампе* (Campe), *Юлиус* (1792—1867) — владелец издательской фирмы в Гамбурге «Гофман и Кампе», демократ — 8, 167.
- Каннинг* (Canning), *Джордж* (1770—1827) — английский торь, министр иностранных дел (1822—1827) и премьер-министр (1827) — 201.
- Канробер* (Canrobert), *Франсуа-Сертен* (1809—1895) — французский генерал, бонапартист, главнокомандующий французских войск во время Крымской войны 1854—1856 гг. — 241.
- Карп* (Karp) — сотрудник «Neue Rheinische Zeitung» — 52, 53, 111.
- Карден* (Carden), *Ричард-Волтер*, сэр (род. в 1801 г.) — английский торь, член парламента — 323.
- Карл II* (1630—1685) — английский король (1660—1685) — 238.
- Карл-Альберт* (1798—1849) — король Сардинский (1831—1849) — 188.
- Карштадт* (Karstadt) — кельнский банкир, присяжный заседатель в Кельнском процессе коммунистов — 162.
- Де-Кассаньяк* — см. Гранье де-Кассаньяк.
- Каслри* (Castlereagh), *Роберт-Стюарт*, лорд (1769—1822) — английский торь, министр по делам Ирландии (1799—1801), военный министр (1805—1809) и министр иностранных дел (1812—1822); организатор подавления ирландского восстания 1798 г. — 142, 238.
- Кауб* (Kaub), *Карл* — немецкий эмигрант в Лондоне, позднее в Париже, член Генсовета I Интернационала — 459, 473.
- Кауэл-Стенни* (Cowell Stepney), *Фредерик* (1820—1872) — английский рантье; казначей Генсовета Интернационала, делегат на Брюссельском и Базельском конгрессах — 436, 542.
- Кейль* (Keil), *Эрнст* (1816—1878) — издатель в Лейпциге, основатель еженедельника «Die Gartenlaube»; демократ, позднее национал-либерал — 526, 537.
- Келер* (Köhler), *Франц* (1805—1872) — книгоиздатель в Гамбурге — 70.
- Келльн* (Cölln), *Георг-Фридрих*, фон (1766—1820) — прусский государственный чиновник и радикальный публицист — 400.
- Кельнер* (Kellner), *Густав*, д-р — немецкий демократ, участник революции 1848 г., издатель «Hornisse», позднее эмигрировал в Америку, где издавал «Die Reform» — 190, 191, 192.
- Кендалл* (Kendall) — 108.
- Кеппен* (Koeppen), *Карл-Фридрих* (1808—1863) — преподаватель истории в средней школе в Берлине, младегелеянец, радикальный публицист и историк, друг Маркса в его студенческие годы в Берлине — 48.
- Кертбени* (Kertbeny) (собств. Бенкерт), *Клод-Мария* (1824—1882) — венгерский писатель, историк и библиограф — 512, 526, 527, 539, 540.
- Кестер* (Köster), *Генрих* (1807—1881) — немецкий филолог и педагог, друг Фрейлиграта — 231, 232, 233.
- Кетген* (Köttgen), *Густав-Адольф* (1805—1882) — барменский живописец, журналист и поэт, в 40-х годах примыкал к коммунистам; в 1846 г. один из лидеров Вуппертальского коммунистического корреспондентского комитета; в 1848—1849 гг. участник рабочего движения в Бремене — 13, 14.
- Кетле* (Quételet), *Ламбер Адольф* (1796—1874) — бельгийский математик, основатель социальной статистики — 225.
- Килинский* (Kilinsky), *Карл* — венгерский эмигрант в Лондоне — 70.
- Кинкель* (Kinkel), *Готфрид-Иоганн* (1815—1882) — немецкий публицист и поэт, приват-доцент теологии в Боннском университете; мелкобуржуазный демократ; участник баденского

- восстания 1849 г.; в лондонской эмиграции вел борьбу против Маркса; организатор «революционного займа», для пропаганды которого ездил в Америку (конец 1851 — начало 1852 г.); в 1858 г. — основатель и издатель газеты «Herzmann» в Лондоне — 94, 101, 111, 116, 119, 122, 123, 127, 128, 131, 134, 141, 148, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 158, 159, 160, 161, 162, 164, 165, 166, 170, 171, 172, 173, 174, 182, 183, 186, 190, 215, 234, 235, 236, 237, 242, 247, 262, 263, 267, 268, 269, 272, 273, 275, 278, 280, 288, 338, 376.
- Кинкель** (Kinkel), *Иоганна* (урожд. Моель) (1810—1858) — писательница, жена Готфрида Кинкеля — 215, 236, 237, 242, 278, 331.
- Киоцца** (Chioczza), *Лоренцо* — 96.
- Кисш** (Kiss), *Миклош* (род. в 1820 г.) — венгерский полковник, участник революции 1848 г.; сторонник Кошута в эмиграции — 176.
- Кларк** (Clarke), *Георг* (1820—1892) — генерал венгерской революционной армии, эмигрант в Швейцарии — 72, 189, 323, 328, 378.
- Клаузевиц** (Clausewitz), *Карл фон* (1780—1831) — прусский генерал и известный военный писатель — 99, 183.
- Клейн** (Klein), *Карл-Вильгельм* — ремесленник из Золингена; участник эльберфельдского и золингенского восстаний 1849 г. — 195, 196.
- Клейн** (Klein), *Иоганн-Якоб* — врач в Кельне, один из подсудимых в Кельнском процессе коммунистов — 443.
- Клаессен** (Claessen), *Генрих-Иосиф* (1813—1883) — рейнский либерал, доверенное лицо Кампгауэна — 341.
- Клинкс** (Klings), *Карл* — рабочий из Золингена (ножевщик), член центрального комитета Всеобщего германского рабочего союза, в марте 1864 г. назначен Лассалем «комиссаром» для Рейнской области; с 1865 г. эмигрант в Америке, член Чикагской секции I Интернационала — 419, 429.
- Клотильда Савойская** (1843—1911) — дочь Виктора Эммануила II, жена принца Наполеона-Жозефа-Шарля (см.) — 240.
- Клусс** (Cluss), *Адольф* — член Союза коммунистов в Майнце, по профессии инженер; после 1849 г. журналист в Америке; до 1854 г. активный сторонник Маркса; впоследствии чиновник адмиралтейства в Вашингтоне — 115, 116, 119, 125, 133, 135, 140, 147, 149, 151, 152, 153, 154, 160, 161, 164, 165, 166, 169, 173, 178, 182, 189, 190, 191, 192, 195, 236, 329.
- Клут** (Clouth), *Вильгельм* — типограф и экспедитор «Neue Rheinische Zeitung» — 47.
- Коббетт** (Cobbett), *Вильям* (1762—1835) — английский радикальный публицист, издатель популярного органа «Cobbett's Weekly Political Register» (1802—1835), в котором выступал в защиту интересов рабочих и радикальной мелкой буржуазии и агитировал за реформу избирательной системы — 350.
- Кобден** (Cobden), *Ричард* (1804—1865) — манчестерский фабрикант, лидер фритредеров, член парламента — 57, 58, 376.
- Кобургский герцог** — см. Эрнст II, герцог Кобург-Готский —
- Коллет** (Collet), *Чарльз-Добсон* — английский радикал, уркартист, редактор «Free Press» в Лондоне — 217, 218, 219, 270, 305, 343.
- Кольб** (Kolb), *Густав-Эдуард* (1798—1865) — редактор аугсбургской «Allgemeine Zeitung» — 278, 293.
- Комп** (Komp), *Альбрехт* — основатель Немецкого рабочего общества в Нью-Йорке (Клуб коммунистов) — 237, 320.
- Конгейм** (Cohnheim), *Макс* — немецкий демократ, участник баденского восстания, эмигрант в Женеве, затем в Лондоне — 310.
- Кондэ** (Condé) — французский княжеский род, происходящий от Вандомской линии Бурбонов — 125.
- Контцен** (Contzen), *Карл-Вильгельм-Генрих* (род. в 1835) — в 60-х годах приват-доцент политической экономии в Лейпциге — 507.
- Коппель** (Coppel), *Карл* — ганноверский банкир, знакомый Л. Кугельмана — 512, 515, 517, 519.
- Корн** (Korn) — берлинский аптекарь и химик, участник баденского восстания 1849 г., эмигрант в Женеве — 310, 311.
- Корн** (Korn), *Филипп-Август* — журналист, участник венгерской революции 1848 — 1849 гг., эмигрант в Турции, затем в Англии — 213.
- Корф** (Korff), *Герман* — бывший прусский офицер, коммерческий руководитель «Neue Rheinische Zeitung», затем эмигрант в Америке — 52, 155, 156, 157.
- Кох** (Koch), *Игнац* — бывший католический священник, демократ, участник революции 1848 — 1849 гг.; позднее эмигрант в Соединенных Штатах; сотрудник «New-Yorker Staatszeitung» — 113.
- Косцельский** (Koscielski), *Владислав* (род. в 1820 г.) — польский демократ

- эмигрант, позднее офицер турецкой службы — 194, 331.
- Кюффино** (Coffineau) — французский адвокат, автор «Les Mystères de la Bourse» («Тайны биржи») — 216.
- Косшут** (Kossuth), **Людвиг** (1802 — 1894) — вождь буржуазно-демократической революции в Венгрии 1848 — 1849 гг., глава Венгерской республики 1849 г.; в 50-х годах вступил в связь с Наполеоном — 117, 121, 148, 171, 175, 176, 177, 180, 182, 189, 191, 242, 272, 280, 282, 323, 345, 357, 390, 446, 513.
- Краузе** (Krause), **Фридрих-Август** (казнен в 1834 г.) — сапожник, отец Флери-Краузе (см.) — 357.
- Крауслер** (Krausler) — профессор, председатель заседаний в Кельнском процессе коммунистов — 162.
- Кратц** (Kratz) — 52.
- Кремье** (Cremieux), **Адольф** (1796 — 1880) — французский адвокат, член Учредительного и Законодательного собраний 1848—1851 гг.; в эпоху Второй империи умеренный республиканец, в 1870 г. — министр юстиции в правительстве Тьера — 42.
- Креспель** (Crespel) — член Генсовета I Интернационала — 461.
- Крешер-Паула** (Kröcher), фон — 242, 323.
- Кремер** (Cremer), **Вильям-Рандол** (1838 — 1908) — лидер тред-юнионов, в 1864 — 1866 гг. секретарь Генсовета Интернационала; с 1885 г. член парламента, либерал, пацифист — 448, 454, 455, 476.
- Крист** (Christ), **А.** — автор брошюры: «Ueber den gegenwärtigen Stand der Frage der Schutzzölle» («О современном состоянии вопроса о покровительственных пошлинах») (1851), против которой Вейдемейер написал упоминаемую в письме к нему Маркса брошюру: «Ueber die Stellung des Proletariats zu den jetzigen Bewegungen der Bourgeoisie» («О позиции пролетариата по отношению к современному движению буржуазии») — 102, 106.
- Кроон** (Croon), **Эмма** (род. в 1834 г.) — жена брата Энгельса Германа — 417.
- Кугельман** (Kugelman), **Гертруда** (урожд. Оппенгейм) — жена Людвиг Кугельмана — 487, 493, 511, 519, 546.
- Кугельман** (Kugelman), **Людвиг** (1830 — 1902) — ганноверский врач, участник революции 1848 г. в Дюссельдорфе; член I Интернационала, близкий друг Маркса; с 1862 до 1874 г. вел постоянную переписку с Марксом, информируя его о положении дел в Герма-
- нии и выполняя поручения I Интернационала в Германии; был делегатом Лозаннского и Гаагского конгрессов Интернационала — 411, 427, 437, 461, 462, 465, 472, 474, 477, 479, 481, 483, 484, 486, 487, 490, 492, 496, 498, 499, 501, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 515, 517, 518, 520, 521, 522, 524, 526, 527, 533, 539, 544, 546.
- Кугельман** (Kugelman), **Франциска** (Френцхен) (род. ок. 1859 г.) дочь Л. Кугельмана — 511.
- Куновский** (Kunowsky) — прусский майор, служащий военного министерства — 79.
- Курне** (Cournet), **Фредерик** (1808 — 1852) — французский морской офицер, участник революции 1848 г., эмигрант в Лондоне — 180.
- Куттер** (Kutter), **Вильгельм**, знакомый Энгельса — 254.
- Кэри** (Carey), **Генри-Чарльз** (1793 — 1879) — американский экономист, апологет капитализма, проповедник теории гармонии классовых интересов; протекционист — 145, 511, 516, 523.

Л.

- Ладендорф** (Ladendorf), **Август**, д-р (ум. ок. 1885 г.) — немецкий демократ, в 1854 г. приговорен к пяти годам тюрьмы по обвинению в государственной измене; один из основателей Немецкого рабочего союза в Швейцарии — 357.
- Ламартин** (Lamartine), **Альфоне**, де (1790—1869) — французский поэт, историк и умеренно-либеральный политический деятель; в 1848 г. министр иностранных дел — 41, 42, 43.
- Ламенне** (Lamennais), **Фелисите-Робер**, де (1782—1854) — французский аббат, порвавший с церковью; политический деятель и писатель, представитель так называемого «христианского социализма» — 148.
- Ланге** (Lange), **Фридрих-Альберт** (1828—1875) — немецкий философ-неокантианец; буржуазный демократ; автор книги: «Die Arbeiterfrage» («Рабочий вопрос») — 449, 544.
- Ландольф** (Landolphe) — французский эмигрант в Лондоне, примыкал к группе Луи Блана — 92.
- Ланнуа** (Lannoy) — 20.
- Лассаль** (Lassalle), **Фердинанд** (1825 — 1864) — 57, 63, 135, 200, 203, 207, 211, 213, 215, 220, 222, 225, 227, 228, 229, 231, 237, 239, 240, 243, 244, 246, 247, 249, 250, 256, 257, 262, 263, 271, 273, 274, 280, 282, 290, 291, 298, 304.

- 326, 328, 347, 348, 353, 354, 367, 370, 372, 373, 374, 376, 378, 379, 381, 383, 385, 388, 391, 392, 393, 394, 397, 402, 405, 406, 407, 408, 409, 418, 419, 423, 426, 427, 428, 429, 438, 439, 440, 441, 446, 447, 481, 490, 495, 536, 537, 538.
- Ласпе* (L'Aspée), *Анри*, де — полицейский чиновник, друг О. Дица (см.) — 355, 357.
- Лаундс* (Lowndes), *Вильям* (1652 — 1724) — канцлер английского казначейства, автор «А report containing an Essay for the amendment of the silver coins» («Трактат об изменении серебряных монет») (1695) — 238.
- Лафарг* (Lafargue), *Поль* (1842—1911) — 436, 469, 476, 490, 518, 519, 527, 546.
- Лафарг* (Lafargue), *Франсуа* (ок. 1806—1870) — отец Поля Лафарга — 492.
- Ла Фарина* (La Farina), *Джузеппе* (1815—1863) — сторонник Кавура; в 1848 г. — член временного правительства Сицилии и военный министр, в 1860 г. — наместник Сицилии — 377.
- Левальд* (Lehwaldt) — защитник Эйхгофа — 319.
- Левальд* (Lewald), *Фанни* (1811 — 1889) — немецкая писательница, преимущественно по женскому вопросу, жена Адольфа Штара (см.) — 242, 331.
- Левассер* (Levasseur), *Рене* (де-ля-Сарт) (1747—1834) — французский политический деятель, член Конвента, приверженец Робеспьера — 350.
- Леве* (Löwe), *Вильгельм* (1814 — 1886) (Леве из Кальбе) — немецкий демократ, член Франкфуртского национального собрания, эмигрант в Лондоне — 150, 153, 181.
- Левен* (Leven) — кельнский вино торговец, присяжный заседатель в Кельнском процессе коммунистов — 162.
- Левенталь* (Löwenthal) (Ленинг) — издатель во Франкфурте; в его издательстве вышло «Святое семейство» Маркса и Энгельса (1845) — 6, 305.
- Леверсон* (Leverson), *Монтегю* — 453.
- Леви* (Levy), *Густав* — немецкий социалист из Дюссельдорфа; в 50-х годах противник Лассалья, позднее его сторонник; активный член Всеобщего германского рабочего союза — 320, 321, 330.
- Ледрю-Роллен* (Ledru-Rollin), *Александр-Огюст* (1807—1874) — французский мелкобуржуазный демократ; в 1848 г. член временного правительства и министр внутренних дел; в начале 50-х годов эмигрант в Лондоне, один из лидеров мелкобуржуазного крыла эмиграции — 42, 43, 90, 91, 93, 103, 135, 148, 180, 181, 190, 276.
- Лейбниц* (Leibnitz), *Готфрид-Вильгельм* (1646 — 1716) — 351.
- Лейден* (Leiden), *Космо-Дамиан* (1793—1874) — кельнский вино торговец, присяжный заседатель в Кельнском процессе коммунистов — 162.
- Лелевель* (Lelewel), *Иоахим* (1786 — 1861) — польский историк; демократ, участник революции 1830 г., эмигрант в Бельгии; один из лидеров интернационального «Демократического общества» (1847—1848) — 281, 335, 341, 350.
- Ле Любе* (Le Lubez) — французский эмигрант в Лондоне, член Генсовета; в 1864 г. секретарь-корреспондент для Франции; исключен из Интернационала на Женевском конгрессе (1866) — 435, 448, 449, 453, 454, 455, 456, 461, 539.
- Леман* (Lehman) — портной — 134.
- Лемершан* (Le Merchant) — английский капитан — 468.
- Ленинг* (Löning) — см. Левенталь.
- Ленген* — см. Демут, Елена.
- Леон* (Leon), *графина* — 137.
- Леон* (Leon) — сын предыдущей — 137.
- Леру* (Leroux), *Пьер* (1798 — 1871) — французский сен-симонист, по профессии наборщик; с 1851 г. жил в Лондоне — 64, 148.
- Леске* (Leske), *Карл-Вильгельм* — книгоиздатель в Дармштадте, демократ — 5, 16, 59.
- Лесснер* (Lessner), *Фридрих* (1825 — 1910) — немецкий портной, активный участник революции 1848 г., один из обвиняемых в Кельнском процессе коммунистов; эмигрант в Лондоне; член Генсовета Интернационала и английского Федерального совета — 464, 528, 530, 531.
- Лейфл* (Leifl), *Адольф-Шарль-Эманюэль* (1804—1887) — французский генерал; в 1848—1849 гг. представитель Французской республики в Петербурге; в 1870 и 1871 гг. военный министр — 137.
- Лефор* (Lefort), *Анри* (1835—1917) — французский журналист, член I Интернационала; после конфликта с членами Парижской секции (1865) отошел от Интернационала — 448.
- Ли* (Lee), *Роберт-Эдуард* (1807—1870) — американский генерал, главнокомандующий армии южан (1861—1865) — 424, 425, 444, 445, 446.
- Либкнехт* (Liebknecht), *Вильгельм* (1826 — 1900) — 266, 268, 269, 270, 276, 278, 279, 281, 286, 289, 294, 296, 297, 300, 301, 302, 305, 306, 307, 316, 317, 344, 359, 360, 361, 414, 429, 438, 440, 446, 447, 461, 483, 488, 499, 500,

- 501, 502, 506, 509, 512, 513, 517, 520, 522, 526, 534, 538, 541, 542, 543, 545, 546.
- Либкнехт* (Liebknecht), *Эрнестина*, урожденная Ландольт (ум. в 1867 г.) — первая жена В. Либкнехта — 488.
- Ливен, Христофор Андреевич*, князь (1777 — 1838) — русский дипломат, посол в Берлине (1809—1812) и в Лондоне (1812 — 1834) — 201.
- Ливен, княгиня, Доротея* (Дарья Христофоровна) (1784 — 1857) — жена предыдущего — 160, 174.
- Лимузен* (Limousin), *Шарль* — французский рабочий, член I Интернационала, редактор «Tribune Ouvrière» — 456, 457.
- Линкенбах* (Linkenbach) — семья барменских фабрикантов, знакомых семьи Энгельса — 274.
- Линкольн* (Lincoln), *Абрагам* (1809 — 1865) — президент США (1860 — 1865) — 421, 426, 433, 444.
- Липпе* (Lippe), *Леопольд*, граф (1815 — 1889) — прусский юрист, с 1860 г. первый прокурор королевского городского суда в Берлине, позднее министр юстиции — 353.
- Ло* (Law), *Гарриэт* (1832—1897) — с 1867 г. член Генсовета Интернационала; секулярстка, в 1878 г. издательница «Secular Chronicle» — 493, 547.
- Ло* (Law) *Джон* (1671 — 1729) шотландский финансист и экономист; выдвигал теорию о возможности безграничного выпуска бумажных денег — 173.
- Локк* (Locke), *Джон* (1632 — 1704) — английский философ-сенсуалист — 238.
- Ломмель* (Lommel), *Георг* — немецкий демократ, эмигрант в Женеве, помогал Марксу при собирании материалов для книги о Фогте — 348, 351, 364, 365.
- Лонге* (Longuet), *Шарль* (1833 — 1903) — французский журналист, прудонист, делегат Лозаннского конгресса I Интернационала; член Коммуны; после падения Коммуны бежал в Лондон; по возвращении во Францию — сотрудник газеты Клемансо «La Justice» — 461.
- Лонгстрит* (Longstreet), *Джеймс* (1821—1901) — генерал в войсках конфедерации — 432.
- Лормье* (Lormier), *Мари* — знакомая семьи Маркса — 416.
- Лотцен* — см. Бредт, Шарлотта.
- Лознер* (Lochner), *Георг* — немецкий рабочий, член Союза коммунистов, эмигрант в Англии, член Генсовета I Интернационала — 123, 547.
- Луи-Наполеон* — см. Наполеон III.
- Луи-Филипп* (1773—1850) — французский король (1830 — 1848) — 34, 35, 44, 93, 124, 129, 204, 246, 333, 486.
- Луус* — см. Вольф, Вильгельм.
- Львер* (Lièvre), *Эжен* — сотрудник нью-йоркской «Volks-Tribune» — 109.
- Людмила* — см. Ассинг, Людмила.
- Людвиг XIV* (1638—1715) — король Франции (1643 — 1715) — 238, 394.
- Люнинг* (Lüning), *Отто* (1818—1868) — немецкий врач и публицист; «истинный» социалист, издатель «Westphälisches Dampfboot» (1845—1848 гг.) и «Neue Deutsche Zeitung» (1848 — 1850 гг.), позднее национал-либерал — 40, 56, 84, 85, 153.
- Люнинг, г-жа* — жена предыдущего — 74, 153.
- Лютер* (Luther), *Мартин* (1483—1546) — 248, 252.

М.

- Маас* (Maas), д-р — немецкий эмигрант в Америке — 141.
- Мадзини* (Mazzini), *Джузеппе* (1805 — 1872) — итальянский революционер-националист, глава буржуазно-демократической организации «Молодая Италия» (30-е годы); с 1849 г. эмигрант в Лондоне, глава «Европейского демократического комитета» — 91, 93, 103, 112, 130, 135, 148, 176, 180, 203, 242, 275, 370, 377.
- Майер* (Mayer), *Карл* («Швабе Майер») (1819 — 1889) — публицист, член левой Франкфуртского национального собрания и комиссар имперского регентства в Бадене в 1849 г.; редактор «Veobachter» в Штутгарте, позднее член рейхстага — 510.
- Мак-Грегор* (Mac Gregor), *Джон* (1797—1857) — шотландский буржуазный статистик и историк — 113.
- Макдональд* (Macdonald) — 390.
- Мак-Клеллан* (Mac-Clellan) *Джордж-Бреттон* (1826 — 1885) — американский, унисонистский генерал, главнокомандующий союзной армии (1861—1862), кандидат демократической партии на пост президента (1864) — 421.
- Мак-Келлох* (Mac-Culloch), *Джон-Рамзей* (1789—1864) — английский экономист, апологет капиталистического строя, вульгаризатор Рикардо — 113, 145.
- Маларме* (Malarmet) — французский социалист — 148.
- Мальтус* (Maltus), *Томас-Роберт* (1766—1834) — 145, 450.
- Мантейфель* (Manteuffel), *Отто-Геодор фон* (1805 — 1882) — прусский премьер-министр (1850—1858), реакционер — 192, 242, 533.

- Марат* (Marat) *Жан-Поль* (1743—1793) — 93.
- Мари* (Marie), *Пьер-Тома-Александр* (1797—1870) — французский буржуазный республиканец, член временного правительства 1848 г. — 42.
- Марио* (Mario), *Альберто* (1825—1883) — участник сицилийской экспедиции Гарибальди, член революционного министерства после отставки Ла Фарина (см.) — 404.
- Мария* — см. Энгельс, Мария.
- Марриот* (Marriott) (ум. в 1864 г.) — 415.
- Марриотт* (Marriott), г-жа — жена предыдущего — 415.
- Маркейм* (Markheim), *Берта* (урожд. Ловенберга, знакомая Маркса и Кугельмана — 427.
- Маркс* (Marx), *Генриетта* (урожд. Прессбург) (1787—1863) — мать Карла Маркса — 383, 389.
- Маркс* (Marx), *Генрих* (1782—1838) — отец Карла Маркса, адвокат в Трирском суде — 336.
- Маркс* (Marx), *Женни* (урожд. фон-Вестфален) (1814—1881) — жена Карла Маркса, дочь прусского государственного советника Людвиг фон-Вестфален — 16, 39, 60, 63, 107, 149, 219, 233, 316, 369, 374, 375, 376, 384, 416, 434, 462, 469, 477.
- Маркс* (Marx), *Женни* (1844—1883) — дочь Маркса, с 1873 г. жена Шарля Лонге — 86, 415, 433, 434, 465, 476, 487, 489, 512.
- Маркс* (Marx), *Карл* (1818—1883) — 15, 34, 36, 39, 40, 44, 45, 48, 63, 66, 67, 74, 77, 88, 95, 96, 97, 100, 105, 109, 110, 111, 115, 116, 119, 123, 124, 129, 130, 131, 132, 139, 149, 150, 156, 157, 158, 159, 164, 165, 166, 174, 181, 182, 188, 227, 245, 276, 282, 286, 287, 289, 290, 293, 299, 300, 301, 302, 307, 308, 309, 310, 312, 315, 317, 327, 328, 353, 358, 359, 361, 373, 401, 405, 408, 418, 423, 443, 449, 452, 454, 464, 465, 483, 491, 493, 495, 498, 499, 501, 503, 509, 514, 515, 520, 532, 533.
- Маркс* (Marx), *Лаура* (1845—1911) — дочь Маркса, с 1868 г. жена Поля Лафарга — 467, 469, 477, 488, 489, 491, 516, 518, 519, 546.
- Маркс* (Marx), *Франциска* (1851—1852) — дочь Маркса — 149.
- Маркс* (Marx), *Эдгар* («Мущ») (1847—1855) — сын Маркса — 211, 212.
- Маркс* (Marx), *Элеонора* (1856—1898) — дочь Маркса, жена Эдуарда Эвелинга, активная участница английского и международного рабочего движения — 488, 492, 493, 512.
- Марр* (Marr), *Вильгельм* (1819—1904) — немецкий публицист из Гамбурга, участник движения швейцарских ремесленников 40-х годов; в 70-х годах стал ярким антисемитом и реакционером — 438, 490.
- Марраст* (Marrast), *Арман* (1801—1852) — французский умеренный республиканец, член временного правительства 1848 г., редактор «National» — 42, 43.
- Массоль* (Massol), *Мари-Александр* (1805—1875) — французский философ и публицист; в начале 40-х годов — сен-симонист, затем прудонист, в 70-х годах — масон; сотрудник газеты «Réforme» — 163, 170.
- Мезер* (Möser), *Юстус*, фон (1720—1794) — немецкий публицист и историк, идеолог крупного крестьянства, синдик рыцарства города Оснабрюка — 463.
- Мейен* (Meuen), *Эдуард* («Тоби») (1812—1870) — немецкий демократический публицист, участник революции 1848—1849 гг., позднее национал-либерал — 105, 164, 183, 215, 270, 271, 326, 375, 390, 402, 404.
- Мейер* (Meuer), *Герман* (1821—1875) — немецкий социалист, с 1852 г. эмигрант в Америке, член северо-американской секции Интернационала, основатель в Сен-Луи немецкую секцию — 531.
- Мейер* (Meuer), *Герман-Юлиус* (род. в 1826 г.) — немецкий демократ, издатель ряда энциклопедических словарей — 540.
- Мейер* (Meuer), *Зигфрид* (1840—1872) — немецкий социалист; с 1867 г. жил в Америке; член I Интернационала, активный участник американского рабочего движения; один из основателей нью-йоркского Всеобщего немецкого рабочего союза; корреспондент «Demokratisches Wochenblatt» Либкнехта; вел переписку с Марксом — 463, 464, 484, 495, 500, 522, 529, 540, 541, 547.
- Мейер* (Meuer), *Иосиф* — портной — 134.
- Мейер* (Meuer) — служащий берлинской фирмы «Абрагам и К-о» — 298, 315, 354.
- Мейер* (Meuer), *Густав* — фабрикант в Билефельде, знакомый Кугельмана — 517, 518, 521.
- Мейербер* (Meyerbeer), *Якоб* (1791—1864) — известный оперный композитор — 52.
- Мейнерс* (Meiners), *Христоф* (1747—1810) — немецкий философ и историк культуры, автор «Geschichte des weiblichen Geschlechts» («История женщины») (1788—1880) — 163
- Мейснер* (Meissner), *Отто* — гамбургский издатель — 369, 437, 442, 480, 484,

- 485, 486, 487, 490, 498, 499, 504, 505.
- Меллине* (Mellinet), *Франсуа-Эме* (1768—1852) — наполеоновский генерал, один из вождей бельгийской революции 1830 г., почетный президент «Демократической ассоциации» в Брюсселе—350.
- Менке* (Menke), *Теодор-Генрих* — знакомый Кугельмана, интересовавшийся работами Маркса и Энгельса и помогавший деньгами немецким эмигрантам — 473, 492.
- Мерославский* (Mieroslawsky), *Людвиг* (1814—1878) — польский революционер и историк, участник польской революции 1830 г., затем эмигрант в Париже; командующий баденской революционной армией в 1849 г.; участник польского восстания 1863 г. — 67, 378.
- Мерриман* (Merrymen) — член Генсовета I Интернационала — 539.
- Метрополитанус* (Metropolitanus) — корреспондент «New York Daily Tribune» — 195.
- Меттерних* (Metternich), *Клеменс-Лотар-Венцель*, князь (1773—1859) — 110.
- Метцнер* (Metzner), *Теодор* (1830—1902) — член правления Всеобщего германского рабочего союза, по профессии сапожник — 461.
- Мехмет-Али* (Mehmet-Ali) (1769—1849) — наместник турецкого султана в Египте—205.
- Микель* (Miquel), *Иоганнес* (1828—1901) — ганноверский адвокат, в начале 50-х годов член Союза коммунистов, с 60-х годов — национал-либерал, один из основателей «Национального союза»; член рейхстага, прусский министр финансов (1890—1901) — 371, 427, 439, 440, 463, 482, 509.
- Миклошич* (Miklosich), *Франц* (1813—1891) — крупный филолог, автор капитальных трудов по изучению славянских языков, между прочим — «Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen» («Сравнительная грамматика славянских языков») (1852—1874) — 245.
- Милль* (Mill), *Джеймс* (1773—1836) — английский историк, философ и экономист, последователь Рикардо—145, 238.
- Мирбах* (Mirbach), *Отто* — прусский офицер, участник революции 1848 г., эмигрант — 158.
- Мирабо* (Mirabeau), *Оноре-Габриэль-Рикетти*, граф (1749—1791) — один из виднейших вождей крупной буржуазии эпохи Великой французской революции — 439.
- Михалис* (Michaelis), *Отто* (1826—1890) — немецкий вульгарный экономист, Фриререр — 499, 502, 523.
- Моисей* — см. Гесс, Моисей.
- Моккель* (Moskel), *Иоганна* — см. Кинкель, Иоганна.
- Моль* (Moll), *Иосиф* (1812—1849) — часовщик из Кельна, один из организаторов и руководителей Союза справедливых; член ЦК Союза коммунистов; убит во время баденского восстания 1849 г. — 40.
- Моль* (Mohl), *Мориц* (1802—1888) — немецкий экономист, член умеренной левой Франкфуртского национального собрания — 507.
- Монталамбер* (Montalambert), *Шарль*, граф (1810—1870) — французский писатель, вождь католической партии, в 1848—1849 гг. член Национального и Законодательного собраний и при Наполеоне III — член Законодательного корпуса — 139.
- Монталамбер* (Montalambert), маркиз *Марк-Рене*, де (1713—1799) — выдающийся французский военный инженер, специалист по военным укреплениям — 189.
- Монтекуколи* (Montecuccoli), *Раймунд* (1609—1681) — выдающийся австрийский полководец и военный писатель, участник 30-летней войны — 98.
- Монтескье* (Montesquieu), *Шарль-Луи*, барон де-Секонда и де (1689—1755) — французский историк и государствовед, теоретик конституционной монархии; в области экономики сторонник количественной теории денег — 238.
- Монтихо* (Montijo) — см. Евгения.
- Мора* (Maupas), *Шарлемань-Эмиль* (1818—1888) — бонапартист, активный участник декабрьского переворота, министр полиции (1851—1853) — 124, 176, 358.
- Морни* (Morny), *Шарль-Огюст-Луи-Жозеф*, де (1811—1865) — сводный брат Наполеона III, в качестве министра внутренних дел содействовал перевороту 2 декабря 1851 г.; в 1852 г. вышел в отставку, председатель Законодательного корпуса (1854—1856 и 1857—1865) — 124, 136, 137.
- Моро* (Moreau), *Жак-Виктор* (1763—1813) — выдающийся французский генерал, в 1800 г. разбил австрийцев в битве при Гогенлиндене — 188.
- Моро де-Жоннес* (Moreau de Jonnés), *Александр* (1778—1870) — французский статистик — 113.
- Муален* (Moilin), *Жюль-Антуан* (Тони) (1832—1871) — французский врач и радикальный журналист; участник

- Коммуны, расстрелян версальцами — 479.
- Музембини* — (Muzembini) — 318.
- Музурус* (Musurus), *Константин* (1807—1891) — турецкий дипломат, посол в Вене и в Лондоне (с 1851 г.) — 318.
- Мур* (Moore), *Семюэл* — английский юрист, друг Маркса и Энгельса, переводчик «Капитала» на английский язык — 509.
- Мюллер* (Müller) — председатель Лондонского немецкого рабочего просветительного общества — 334, 335.
- Мюллер* (Müller) — 433.
- Мюллер-Теллеринг* (Müller-Telling), *Эдуард*, фон — бывший прусский чиновник, журналист, венский корреспондент «Neue Rheinische Zeitung» (1848); в 1850 г. эмигрировал в Лондон, где вскоре примкнул к мелкобуржуазному крылу эмиграции; после разрыва с Марксом написал против него клеветнический памфлет (1850); позднее в Америке продолжал свои выступления против Маркса — 43, 68, 69, 71, 75, 150, 152, 173, 280, 321, 323.
- Мюнх-Беллингаузен* (Münch-Bellinghausen), фон — правительственный советник, присяжный заседатель в Кельнском процессе коммунистов — 162.
- Мюнцер* (Münzer), *Томас* (1490—1525) — вождь революционного крестьянско-плебейского движения во время Крестьянской войны в Германии — 252.
- Мюрат* (Murat), *Наполеон-Люсьен-Шарль*, принц (1803—1878) — сын Иохима Мюрата, двоюродный брат Наполеона III, претендент на сицилийский престол — 377.

Н.

- Намэр* (Nahmer) — 500.
- Наполеон I* (Napoléon I) (1769—1821) — французский император (1804—1815) — 183, 188.
- Наполеон III* (Napoléon III) (1808—1873) — французский император (1852—1870) — 57, 115, 117, 120, 136, 137, 138, 139, 140, 142, 147, 163, 170, 172, 173, 181, 185, 186, 188, 204, 211, 215, 223, 240, 241, 243, 246, 263, 272, 275, 280, 304, 342, 363, 370, 372, 377, 391, 423, 424, 446, 462, 473, 483, 486, 502, 513, 518, 515, 533, 544, 545.
- Наполеон - Жозеф - Шарль - Поль*, принц (Плон-Плон) (1822—1891) — двоюродный брат Наполеона III; насаждал в среде парижских рабочих организации типа русских зубатовских организаций — 240, 328, 347.

- Наут* (Naut), *Стефан - Адольф* — член Союза коммунистов в Кельне, ответственный издатель «Neue Rheinische Zeitung» — 56, 60, 71, 73, 75, 84, 85.
- Нибур* (Niebuhr), *Бартольд-Георг* (1776—1831) — немецкий историк — 399.
- Николай I* (1796—1855) — русский император (1825—1855) — 58, 141, 194, 197.
- Ниман* (Niemann), *Альберт* (1831—1917) — немецкий оперный певец — 490.
- Нотьюнг* (Nothjüng), *Петер* (1821—1880) — немецкий портной, член Кельнского рабочего союза, в 1851 г. эмиссар Союза коммунистов в Германии; один из обвиняемых в Кельнском процессе коммунистов; впоследствии лассальянец — 327, 356.
- Нутт* (Nutt) — лондонский книготорговец — 221, 249.
- Ньюкасл* (Newcastle), герцог, *Генри-Пелгем-Клинтон*, граф *Линкольн* (1811—1864) — английский либерал-консерватор (пиллг), министр по делам Ирландии (1846), военный министр и министр колоний (1852—1855) — 203.
- Нэпир* (Napier), сэр, *Чарльз-Джеймс* (1782—1853) — английский генерал, участник испанской войны против Наполеона; в 1840-х годах завоевал королевство Синд в Индии — 188.
- Нэпир* (Napier), сэр *Вильям-Френсис-Патрик* (1785—1860) — английский генерал и военный историк — 99, 197.

О.

- Оверстон* (Overstone), *Семюэл - Джонс*, барон (1796—1883) — английский банкир, видный представитель так называемой школы Currency Principle, автор основанного на этой теории банковского закона 1844 г. — 238.
- Овидий*, *Назон Публий* (43 до н. э.—17) — 94.
- Оджер* (Odger), *Джорджес* (1820—1877) — один из лидеров английских трэд-юнионов, по профессии сапожник, один из основателей I Интернационала, член Генсовета и его председатель (с 1864 по 1867 г.), председатель Лондонского совета трэд-юнионов; в 1871 г. исключен из Интернационала — 454, 455, 475, 476, 481, 519, 549.
- Ози* (Oszy) — бельгийский аристократ — 34, 35.
- О'Коннор* (O'Connor), *Фергюс* (1794—1855) — лидер чартистов, член парламента, издатель «Northern Star» — 123.

- Оксфорд* (Oxford), *Джозеф* — глава лондонской торговой фирмы, в которой служил Фрейлиграт — 183.
- Омальский* (d'Aumale), герцог *Анри-Эжен* (1822—1897) — четвертый сын короля Луи-Филиппа — 125.
- Омер-паша* (Omer-Pascha) (1806—1871) — главнокомандующий турецкой армии в Крымской войне — 198, 201.
- Оргес* (Orges), *Герман* (1821—1874) — немецкий публицист, редактор аугсбургской «Allgemeine Zeitung» — 306.
- Орлеаны* (Orléans) — французская королевская династия (1830—1848) — 136, 137, 139.
- Орлеанский* принц — см. Парижский, граф.
- Орсини* (Orsini), *Феличе* (1819—1858) — итальянский националист, революционер-заговорщик, в 1857 г. покушавшийся на Наполеона III; в 1858 г. казнен Наполеоном — 240, 398.
- Орсини* (Orsini), *Цезарь* — брат предыдущего, мадзинист, член Интернационала — 469.
- Оуэн* (Owen), *Роберт* (1771—1858) — 350, 478, 518.

П.

- Паллеске* (Palleske), *Эмиль* (1823—1880) — немецкий актер и писатель-драматург — 290.
- Пальмерстон* (Palmerston), *Генри-Джон-Темпль*, виконт (1784—1865) — английский виг, министр иностранных дел (1830—1841 и 1846—1852), внутренних (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865) — 45, 117, 142, 201, 202, 203, 204, 205, 215, 221, 222, 246, 257, 269, 278, 328, 342, 363, 390, 426, 515, 533.
- Пардигон* (Pardigon) — в 1850 г. один из руководителей Французского рабочего общества в Лондоне; затем сторонник Ледрю-Роллена; в 1858 г. переселился в Америку — 76.
- Парижский*, граф (принц Людовик-Филипп Орлеанский) (1838—1894) — внук Луи-Филиппа, отрекшегося в 1848 г. в его пользу от престола — 57, 333.
- Пачифико* (Pacífico), *Давид* (1784—1854) — португальский купец, британский подданный, с 1837 по 1842 г. португальский консул в Греции. В январе 1850 г. Пальмерстон послал в Грецию британскую эскадру с рядом требований, из которых важнейшим было требование уплатить Пачифико большую сумму денег за его дом, разгромленный и сожженный греками в 1847 г. — 204.
- Пелисье* (Pelissier), *Жан-Жак* (1794—1864) — французский маршал, главнокомандующий во время Крымской войны, бонапартист — 241.
- Пельтье* (Pelletier) — французский корреспондент I Интернационала в Америке — 540, 541.
- Периш* (Parish), сэр *Вудбайн* (1796—1882) — английский дипломат — 204.
- Персигни* (Persigny), *Жан-Виктор-Диален* (1808—1872) — бонапартист, участник переворота 2 декабря, министр внутренних дел Франции (1852—1854 и 1860—1863) — 124, 129.
- Перцель* (Perczel), *Мориц* (1811—1899) — генерал венгерской революционной армии в 1848—1849 гг., с 1851 г. — эмигрант в Англии — 139, 189.
- Петти* (Petty), сэр *Вильям* (1623—1687) — английский экономист и статистик, один из основателей английской классической политической экономии, основоположник теории трудовой стоимости — 238.
- Петч* (Petsch), *Альберт* — немецкий книготорговец и типограф в Лондоне — 349, 375.
- Пиа* (Puat), *Феликс* (1810—1889) — французский беллетрист и публицист, мелкобуржуазный радикал, участник революции 1848 г. и Парижской коммуны; в 1871 г. эмигрировал в Лондон — 544, 545.
- Пиль* (Peel), *Роберт* (1788—1850) — английский торп, затем либерал-консерватор, премьер-министр (1830 и 1841—1846); в 1846 г. провел билль об отмене хлебных пошлин — 142, 202, 203.
- Пинто* (Pinto), *Исаак* (1715—1787) — голландский богач, советник и финансист голландского правительства; автор ряда экономических произведений — 102.
- Пипер* (Piper), *Вильгельм* (1826—ок. 1899) — немецкий филолог и журналист, член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне; в 1850—1853 гг. был близок с Марксом — 92, 120, 121, 122, 123, 127, 128, 148, 196.
- Пиршер* (Pirscher) — 18.
- Плассман* (Plassman) — глава экспедиционной конторы в Кельне — 52.
- Плейель* (Pleyel), *Эмануэль* (род. в 1822 г.) — венгерский полковник; эмигрант — 189.
- Плон-Плон* (Plon-Plon) — прозвище принца Наполеона-Жозефа-Шарля-Поля (см.).

Плутарх (ок. 50—120) — 222.
Плюмике (Plümicke), *Иоганн-Фридрих* (ум. в 1855 г.) — прусский генерал-майор, директор объединенных артиллерийской и инженерной школ — 183.
Поза (Posa) — маркиз, придворный Филиппа II Испанского — 439.
Портер (Porter), *Джорджс-Ричардсон* (1792—1852) — английский экономист и статистик — 113.
Пост (Post), *Карл* — 56.
Поттер (Potter), *Джорджс* (1832—1893) — тред-юнионист, директор лондонской газеты «Beehive», одного из органов I Интернационала — 519.
Поэрио (Poerio), *Карло* (1808—1867) — итальянский революционер-демократ; с 1849 по 1859 г. в ссылке на каторжных работах; в 1859 г. должен был быть сослан в Южную Америку, но по дороге бежал и высадился в Англии, где ему была устроена торжественная встреча — 246.
Принц прусский — см. Вильгельм I.
Прудон (Proudhon), *Пьер-Жозеф* (1809—1865) — 11, 12, 13, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 38, 56, 64, 93, 116, 135, 163, 170, 276, 438, 478, 486, 506, 514, 532, 534, 536.
Пульски (Pulszky), *Франц* (1814—1897) — венгерский публицист и археолог; либерал, участник революции 1848—1849 гг., до 1859 г. сподвижник Кошута, эмигрант в Лондоне, сотрудник «New-York Daily Tribune» — 70, 180, 272.
Путткамер (Puttkamer), *Елизавета*, фон — племянница Бисмарка — 491.
Пфендер (Pfähnder), *Карл* (1816—1876) — немецкий рабочий; с 1845 г. жил в Лондоне; активный член Лондонского немецкого рабочего просветительного общества; член ЦК Союза коммунистов; член Генсовета I Интернационала — 77, 122, 149, 151.
Пютман (Püttmann), *Герман* (1811—1894) — рейнский поэт и издатель, «истинный социалист», эмигрировал в Австралию — 5.

Р.

Раво (Raveaux), *Франц* (1810—1851) — немецкий демократ, вождь умеренной левой Франкфуртского национального собрания и член баденского революционного правительства; позднее эмигрант — 77.
Рамбо (Ramboz) — 59.
Раникель (Ranickel), ремесленник из Бингена, участник революции 1848 г.

эмигрант в Женеве, приверженец К. Фогта — 338, 339, 365.
Распайль (Raspail), *Франсуа-Венсен* (1794—1878) — французский левый республиканец, публицист и врач, участник революции 1830 и 1848 гг., в 1849 г. выслан из Франции; во время Третьей республики — левый радикал — 181.
Рат (Rath), фон — присяжный заседатель в Кельнском процессе коммунистов — 162.
Рау (Rau), *Карл-Генрих* (1792—1870) — немецкий вульгарный экономист — 499, 507.
Раши (Rasch), *Густав* (1825—1878) — немецкий публицист, демократ, участник революции 1848 г. — 493, 520.
Ревентлов (Reventlow) — 219.
Регент — см. Вильгельм I.
Реден (Reden), *Фридрих-Вильгельм*, фон (1804—1857) — немецкий статистик — 113.
Резер (Röser), *Петер-Герхард* (1814—1865) — немецкий ремесленник, член Союза коммунистов, осужден в Кельнском процессе; позднее лассальянец — 187, 322.
Рейнах (Reinach), *Арнольд* — немецкий демократ, эмигрант в Швейцарии, директор «Швейцарского генерального банка» — 434.
Рейнгардт (Reinhardt), *Рихард* (ум. в 1898 г.) — немецкий эмигрант в Париже, секретарь Г. Гейне, друг Маркса и Энгельса — 136, 139, 167.
Рейнлендер (Rheinländer), *Георг-Фридрих* — член Союза гонимых в Париже, затем эмигрант в Лондоне — 346, 353.
Рейнольдс (Reynolds), *Джорджс-Вильям* (1814—1879) — английский журналист, радикал, участник чартистского движения, издатель (с 1850 г.) газеты «Reynold's Weekly Newspaper» — 400.
Рейтер (Reuter), *Макс* — прусский полицейский шпион — 356.
Рейф (Reiff), *Вильгельм-Иосиф* (род. в 1824 г.) — участник Кельнского процесса коммунистов, исключенный из Союза еще в 1850 г. — 323.
Рейх (Reich), *Франц-Иосиф* (род. в 1814 г.) — немецкий юрист, участник баденского восстания, эмигрант в Париже, позднее в Америке — 115.
Рейхгельм (Reichhelm) — совладелец газеты «New-Yorker-Staatszeitung» — 106.
Рейхенбах (Reichenbach), *Оскар*, граф (1815—1893) — бреславльский демократ, член Франкфуртского нацио-

- нального собрания, в эмиграции приверженец Кинкеля, кассир кинкелевского «революционного займа» — 150, 152, 174, 181.
- Реклю** (Reclus), *Эми* (1827—1904) — французский морской офицер и путешественник, географ; во время Парижской коммуны — директор Национальной библиотеки, брат и соратник известного географа, анархиста Элизе Реклю — 505.
- Ремюза** (Remusat), *Франсуа-Мари-Шарль*, граф, де (1797—1875) — французский политический деятель и писатель, министр внутренних дел в кабинете Тьера (1840); в 1852 г. выслан; с 1871 г. — министр иностранных дел в правительстве Тьера — 137, 333.
- Рендол** (Randall), *Г. В.* — 531.
- Ренуар** (Renouard) — 6.
- Рехберг** (Rechberg), *Иоганн-Бернхард*, фон (1806—1899) — австрийский консерватор; в 1859 г. министр-президент и министр иностранных дел — 262.
- Рикардо** (Ricardo), *Давид* (1772—1823) — 145, 224, 226, 238, 403, 516, 525.
- Рингс** (Rings) — член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне — 359, 360.
- Рис** (Ris) — владелец тогового предприятия в Митленде — 547, 548.
- Ришка** (Ryschka), *Мартын* — венгерский эмигрант в Лондоне — 70.
- Робеспьер** (Robespierre), *Максимилиан* (1758—1794) — 93.
- Родбертус-Ягецов** (Rodbertus-Jagetzow), *Карл-Иоганн*, фон (1805 — 1875) — крупный прусский землевладелец, экономист, сторонник «пруско-юнкерского государственного социализма» — 107, 390, 403.
- Роде** (Rode), д-р — участник немецкого студенческого движения 30-х годов, эмигрировал в Париж, оттуда в Лондон, агент французской полиции — 415.
- Розенблюм** (Rosenblum), *Эдуард* — студент-медик, демократ, участник баденского восстания — 310.
- Ронге** (Ronge), *Иоганнес* (1813—1887) — немецкий священник, основатель «немецко-католического» движения, эмигрант в Лондоне, где был тесно связан с Руге — 102, 135, 152, 162, 166, 174, 175, 213, 215.
- Ронге** (Ronge), г-жа — жена предыдущего — 215.
- Ротаккер** (Rothacker), *Вильгельм* — участник баденского восстания, эмигрант в Лондоне, с 1852 г. — в Америке — 125.
- Рошер** (Roscher), *Вильгельм* (1817 — 1894) — немецкий вульгарный экономист, представитель так называемой «исторической» школы — 390, 403, 404, 410, 499, 502, 507, 516.
- Руге** (Ruge), *Арнольд* («Арнольд Винкельрид») (1802—1880) — немецкий радикальный публицист, младогегельянец, издатель «Hallische Jahrbücher», «Deutsche-Jahrbücher» и в 1844 г. совместно с Марксом «Deutsch-Französische Jahrbücher»; в 1848 г. член Франкфуртского и Берлинского национальных собраний; один из лидеров мелкобуржуазного демократического крыла эмиграции в Лондоне; с 1866 г. сторонник Бисмарка — 16, 89, 101, 102, 107, 122, 135, 146, 152, 162, 163, 164, 165, 166, 173, 174, 180, 186, 190, 215, 221, 267, 268, 310, 321, 340, 379, 514, 532.
- Рулан** (Rouland), *Гюстав* (1816—1878) — французский государственный деятель, после декабрьского переворота — генеральный прокурор апелляционного суда в Париже; в 1859 г. — министр народного просвещения и исповеданий — 214.
- Руссель** (Russell), лорд *Джон* (1792 — 1878) — лидер английских вигов, премьер-министр (1846—1852 и 1865—1866) и министр иностранных дел (1852—1853 и 1859—1865) — 117, 132, 142.
- Рухль** (Ruhl) в 1870—72 г. член Генерального совета I Интернационала — 60.
- Рүстов** (Rüstow), *Фридрих-Вильгельм* (1821—1878) — немецкий офицер и военный писатель, республиканец, участник сицилийской экспедиции Гарибальди; друг И. Ф. Беккера и Лассалья; в 1863 г. примкнул к лассальянцам — 407.
- Рюттен** (Rütten), *Иосиф* — издатель в Франкфурте-на-Майне — 341.

С.

- Савуа** (Savoie), *Анри-Шарль-Жозеф* (1802—1869) — французский юрист, преподаватель немецкого языка, левый депутат Законодательного собрания, после декабрьского переворота 1851 г. эмигрант в Бельгии — 190.
- Сагонов**, *Николай Иванович* (1815—1862) — русский эмигрант во Франции и Швейцарии, сотрудник Парижской «Réforme» — 365.
- Сежур** (Séjour), *Жозеф-Александр*, виконт, де (1756—1805) — французский генерал и писатель, автор «Les femmes, leurs moeurs, leurs passions, leur influence et leur condition dans

- l'ordre social» («Женщины, их нравы, страсти, общественное положение и влияние») (1803) — 163.
- Семере* (Szemere), *Бартоломей* (1812—1869) — венгерский политический деятель и публицист; министр внутренних дел в революционном правительстве 1848 г.; в 1849 г. — премьер-министр, позднее эмигрант в Париже; возглавлял левое крыло венгерской эмиграции, стоявшее в оппозиции к Кошуту, в 1865 г. вернулся в Венгрию — 139, 146, 147, 148, 152, 175, 176, 177, 178, 180, 182, 272, 282, 345, 374, 513.
- Сениор* (Senior), *Вильям-Нассау* (1790—1864) — английский вульгарный экономист — 145.
- Сидмаут* (Sidmouth), *Генри-Аддингтон*, виконт (1757—1844) — английский торг, министр внутренних дел (1812—1821) — 142.
- Сильвис* (Sylvis), *Вильям* (1828—1869) — один из вождей американского рабочего движения, председатель Национального рабочего союза, сторонник присоединения его к I Интернационалу — 522.
- Симон* (Simon), *Генрих* (1805—1860) — адвокат из Бреславля, член крайней левой франкфуртского парламента, эмигрант в Швейцарии — 214.
- Симон* (Simon), *Людвиг* (1810—1872) — адвокат из Трира, член левой Франкфуртского национального собрания, эмигрант в Швейцарии — 132, 134, 322, 369.
- Симсон* (Simson), *Мартин-Эдуард* (1810—1899) — немецкий юрист, президент Франкфуртского национального собрания, позднее — президент рейхстага, национал-либерал — 499.
- Сирмай* (Szigmay) — венгерский эмигрант, сторонник Кошута — 176, 177.
- Сисмонди* (Sismondi), *Жан-Шарль-Симон*, де (1773—1842) — 238.
- Скотт* (Scott), *Вальтер* (1771—1831) — 256.
- Смит* (Smith), *Адам* (1723—1790) — 24, 238.
- Смит, Федор Иванович* (1788—1865) — русский военный историк — 189.
- Сократ* (469—399 до н. э.) — 402.
- Спектатор* — 238.
- Спиноза* (Spinoza), *Бenedикт* (1632 — 1677) — 229.
- Степни* (Stepney) — см. Кауэл-Степни.
- Стивенс* (Stevens) — английский капитан — 63.
- Стопфорд* (Stopford) *Роберт* (1768 — 1847) — английский адмирал — 205.
- Струве* (Struve), *Густав* (1805—1870) — немецкий адвокат и журналист; мелкобуржуазный демократ, участник баденского восстания 1849 г.; эмигрировал в Лондон, затем (в 1851 г.) в Америку; участник гражданской войны в США, позднее возвратился в Германию — 67, 75, 78, 97, 262, 520, 546.
- Стюарт* (Stuart), сэр *Джеймс* (1712 — 1780) — английский экономист, меркантилист — 238.
- Сулук* (Souloouque) (1787 — 1867) — с 1847 г. президент республики Гаити; с 1849 по 1859 г. император Гаити под именем Фаустина I; в 1859 г. свергнут генералом Жюффаром — 246.
- Сульт* (Soul), *Николя-Жан де-Дье* (1769—1851) — французский маршал, военный министр (1814 и 1830—1834), министр иностранных дел и премьер-министр (1839—1847) — 44, 204, 205.
- Сэй* (Say), *Жан-Батист* (1767—1832) — французский вульгарный экономист — 145, 238.

Т.

- Таннегю-Дюшатель* (Tanneguy-Duchâtel), *Шарль*, граф (1803—1867) — министр финансов и внутренних дел при Луи-Филиппе — 141.
- Таузену* (Tausenau), *Карл* (1808 — 1873) — венский журналист, демократ, один из вождей венского восстания 1848 г. и президент Демократического союза, эмигрировал в Лондон — 215.
- Теккерей* (Thackeray), *Вильям-Мейкпис* (1816—1863) — 257, 468.
- Теллеринг* — см. Мюллер-Теллеринг.
- Темме* (Temme), *Иодокус-Донатус-Губертус* (1798—1881) — демократ, член крайней левой Франкфуртского и Берлинского национальных собраний — 128, 131, 214.
- Тенге* (Tenge), г-жа — жена вестфальского помещика, подруга г-жи Кугельман — 487, 488, 493.
- Тесселер* (Tesseler), *Ф. Б.* — присяжный заседатель в Кельнском процессе коммунистов — 162.
- Тешов* (Teschow), *Густав-Адольф* (1813—1893) — бывший прусский офицер, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848 г. в Берлине, эмигрант в Лондоне и с 1858 г. в Австралии — 154, 161, 298, 329, 336, 337, 338, 339.
- Тимм* (Thimm), *Франц* — книготорговец в Манчестере — 449.
- Титц* (Tietz), *Фридрих-Вильгельм* — немецкий портной, в 1851 г. был арестован в Гамбурге по обвинению в ком-

- мунистической пропаганде; сторонник Вейтлинга — 358.
- Толан* (Tolain), *Анри-Луи* (1828—1897) — французский рабочий, прудонист, один из организаторов Парижской секции Интернационала, исключен из Интернационала во время Коммуны за переход на сторону версальцев, позднее — сенатор — 420, 473.
- Толстой, Григорий Михайлович* (1808—1871) — казанский помещик, знакомый Анненкова и Гервега; познакомился с Марксом в Париже в 1844 г. — 38.
- Тома* (Thomas), *Антуан-Леонар* (1732—1785) — французский писатель, автор «Essai sur le caractère, les moeurs et l'esprit des femmes dans les différents siècles» («Исследование о характере, нравах и уме женщин в различные века») (1772) — 163.
- Торренс* (Torrens), *Роберт* (1780—1864) — английский экономист-фритредер — 145.
- Тремо* (Trémaux), *Пьер* (род. в 1818 г.) — французский естествоиспытатель — 479.
- Тук* (Tooke), *Томас* (1774—1858) — английский экономист и статистик, сторонник теории саморегулирования банкового обращения — 113, 238.
- Тьер* (Thiers), *Луи-Адольф* (1798—1877) — французский политик и историк; премьер-министр в 1836 и в 1840 г., глава версальского правительства 1871 г. и палач Коммуны, президент Третьей республики (1871—1873) — 57, 99, 173.
- Тьерри* (Thierry), *Огюстен* (1795—1856) — французский буржуазный историк — 145.
- Тэйлор* (Taylor), *Питер-Альфред* (1819—1891) — английский радикал, председатель общества «Друзей Италии», друг Мадзини — 436.
- Тюнен* (Thünen), *Иоганн-Генрих*, фон (1783—1850) — немецкий экономист — 511, 515.
- Тюрр* (Türr), *Стефан* (1825—1908) — венгерский полковник, участник венгерской революции 1848 г. и баденского восстания 1849 г., позднее — участник сицилийской экспедиции Гарибальди — 398.
- У.**
- Уланд* (Uhland), *Людвиг* (1787—1862) — немецкий поэт и историк литературы, член Франкфуртского национального собрания — 271.
- Улендорф* (Uhlendorff) — 330.
- Ульмер* (Ulmer), *И.* — немецкий рабочий, член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне — 359, 464.
- Ульмер* (Ulmer), *г-жа* (ум. в 1866 г.) — жена предыдущего — 464.
- Унгер* (Unger), *Иосиф* (1828—1913) — австрийский либерал, профессор гражданского права — 163.
- Уотли* (Whately), *Ричард* (1787—1863) — английский архиепископ, профессор политической экономии в Друммонде и Дублине — 145.
- Уотс* (Watts), *Джон* (1818—1887) — английский социал-реформатор, последователь Оуэна — 108, 198.
- Уркарт* (Urquhart), *Давид* (1805—1877) — английский дипломат и писатель, туркофил; в 1847—1852 гг. член парламента; решительный противник руссофильской политики Пальмерстона — 203, 269, 303, 335, 342, 361, 362, 363, 364.
- Уттенгофен* (Uttenhoven), фон — прусский капитан, убит под Эльберфельдом в мае 1849 г. — 53.
- Уэд* (Wade), *Джон* (1788—1875) — английский экономист и публицист — 145.
- Уэксфилд* (Wakefield), *Эдуард-Гиббон* (1796—1862) — английский колониальный деятель и литератор — 145.
- Уэли* (Whaley), *Томас* — член I Интернационала — 522.

Ф.

- Фабриц* (Fabrice) — советник интендантства в Берлине — 230, 231.
- Фабрициус* (Fabricius), *Франц* — франкфуртский купец, демократ — 100.
- Фази* (Fazy), *Джесис* (1796—1878) — женеvский политический деятель и публицист, буржуазный радикал; с 1843 г. член Большого совета, в 1846 г. глава временного правительства кантона; с 1847 г. постоянный член Большого совета и его президент — 304, 339, 351, 369, 415, 434.
- Фарина* (Farina) — см. Ла Фарина.
- Фарини* (Farini), *Луиджи-Карло* (1812—1866) — итальянский политический деятель, сторонник Кавура; боролся с влиянием Гарибальди в национальном движении — 377.
- Фаузер* (Faucher), *Юлиус* (1820—1878) — немецкий вульгарный экономист, фритредер; с 1861 г. член прусской палаты депутатов, прогрессист — 219, 295, 318, 377, 440, 498, 499, 502, 507, 522, 523, 524.
- Фегеле* (Vögele), *Август*, наборщик из типографии Холлингера в Лондоне —

- 284, 285, 286, 294, 301, 302, 303, 305, 306, 323.
- Фезе** (Vehse), *Карл-Эдуард* (1802—1870) — немецкий историк и демократический публицист — 167.
- Фейербах** (Feuerbach), *Людвиг* (1804—1872) — 3.
- Феттер** (Vetter), *Анатолий* (1803—1882) — венгерский революционный генерал, после 1849 г. — в эмиграции — 171, 178.
- Фиклер** (Fickler), *Иосиф* (1808—1865) — немецкий демократ, в 1849 г. член баденского временного правительства, эмигрант в Лондоне и в Америке — 153, 170.
- Филипп II** (1528—1598) — король испанский (1555—1598) — 439.
- Филлипс** (Philips), *Лион* (ум. в 1866 г.) — дядя Маркса, купец в Зальт-Боммеле (Голландия) — 381, 383, 385, 389.
- Фильден** (Fielden), *Джон* (1784—1849) — английский фабрикант и политический деятель, последователь Коббета (см.) — 518.
- Финке** (Wincke), *Георг-Эрнст-Фридрих*, барон (1811—1875) — член Национального собрания (1848) и прусской палаты депутатов, умеренный либерал — 364.
- Фиште** (Fichte), *Иоганн-Готтлиб* (1762—1814) — 353.
- Фишель** (Fischel), *Эдуард* (1826—1863) — немецкий публицист, уркартист — 361, 362, 363.
- Фишер** (Fischer), *Фридрих - Теодор* (1807—1888) — профессор эстетики, гегельянец — 223.
- Фишер** (Fischer) — немецкий эмигрант в Нью-Орлеане, участник революции 1848 г., издатель нью-орлеанской «Deutsche Zeitung» — 141.
- Флери** (Краузе) (Fleury) (*Краузе*), *Карл-Фридрих-Август* (род. в 1824 г.) — немецкий коммерсант, прусский полицейский шпион в Лондоне — 323, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361.
- Флокон** (Flocson), *Фердинанд* (1800—1866) — французский радикальный публицист, редактор «Réformateur» член временного правительства 1848 г., после переворота Луи Бонапарта изгнан из Франции — 42, 43, 44, 105, 335, 341, 342.
- Фоглер** (Vogler), *С. Г.*, немецкий издатель в Брюсселе, демократ — 16, 341.
- Фоглер** (Vogler), г-жа — жена предыдущего — 16.
- Фогт** (Vogt), *Август* (ок. 1830—1883) — бельгийский коммунист, по профессии сапожник; член Всеобщего германского рабочего союза, член I Интернационала; с 1867 г. жил в Америке, где совместно с З. Мейером активно работал в Нью-йоркской секции Интернационала — 461, 463, 464, 529, 530, 531, 540, 541, 547.
- Фогт** (Vogt), *Густав* (1829—1901) — брат Карла Фогта, чиновник в Берне, позднее профессор гражданского права в Цюрихе, редактор «Neue Züricher Zeitung» и «Die Vereinigten Staaten von Europa» — 542.
- Фогт** (Vogt), *Карл* (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель, публицист и политический деятель, буржуазный демократ, член франкфуртского парламента и имперского регентства; эмигрировал в Женеву; агент Наполеона III; разоблачен Марксом в памфлете «Господин Фогт» (1860) — 134, 263, 264, 267, 268, 269, 270, 272, 274, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 286, 287, 292, 294, 296, 297, 298, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 309, 310, 312, 313, 315, 316, 317, 318, 321, 323, 324, 325, 326, 328, 329, 331, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 345, 347, 348, 350, 351, 353, 354, 367, 368, 369, 370, 374, 375, 376, 383, 384, 390, 397, 411, 423, 426, 434, 496, 497, 509, 510, 513, 515, 544.
- Фольк** (Volk) — в 1848 г. член Немечного демократического общества в Париже — 40.
- Фокс-Андрэ** (Fox-André), *Питер* (ум. в 1869 г.) — английский журналист, активный член Интернационала — 448, 453, 455, 476.
- Фонтана** (Fontana), *Джузеппе* (1840—1876) — итальянский рабочий эмигрант в Лондоне; маданист, член Генсовета Интернационала — 454.
- Фонтен** (Fontaine), *Леон* — бельгийский социалист, с января 1865 г. временный секретарь-корреспондент Интернационала для Бельгии; издатель «Tribune du peuple» в Брюсселе; делегат на Брюссельском конгрессе 1868 г. — 454, 456.
- Фотергилль** (Fothergill), *Томас* — почетный секретарь Лондонского комитета немецких эмигрантов — 78.
- Франк** (Frank), *А.* — немецкий книготорговец и издатель в Париже — 3, 341.
- Франклин** (Franklin), *Бенджамин* (1706—1790) — американский государственный деятель, физик, экономист, играл видную роль в борьбе США за освобождение, одним из первых развивал теорию трудовой стоимости — 238.
- Фребель** (Fröbel), *Юлиус* (1805 —

- 1899) — немецкий радикальный публицист, в 40-х годах совладелец издательства «Literarisches Comptoir» в Цюрихе; участник революции 1848—1849 гг. — 17, 301, 341.
- Фрейлиграт** (Freiligrath), **Вольфганг** (род. в 1847 г.) — сын Фердинанда Фрейлиграта — 128.
- Фрейлиграт** (Freiligrath), **Ида** (1816—1899) — жена Фердинанда Фрейлиграта — 117, 275.
- Фрейлиграт** (Freiligrath), **Фердинанд** (1810—1876) — немецкий поэт, в 1845 г. познакомился с Марксом; член Союза коммунистов; член редакции «Neue Rheinische Zeitung», один из обвиняемых в Кельнском процессе коммунистов; в Лондоне в конце 50-х годов примкнул к буржуазно-демократическим элементам немецкой эмиграции; в 1868 г. вернулся в Германию — 53, 55, 57, 62, 68, 69, 72, 100, 102, 105, 107, 112, 115, 116, 117, 118, 120, 122, 123, 127, 131, 133, 135, 149, 155, 170, 172, 179, 183, 220, 221, 231, 233, 234, 235, 236, 242, 248, 272, 275, 276, 279, 280, 283, 288, 295, 308, 309, 313, 316, 319, 322, 334, 348, 369, 370, 372, 376, 378, 383, 409, 414, 415, 417, 434, 464, 493, 520.
- Фрейд** (Freund), **Вильгельм-Александр** (1833—1917) — врач, приват-доцент в Бреславле, позднее в Страсбурге; знакомый Л. Кугельмана — 546.
- Фрейд** (Freund), д-р, немецкий врач в Лондоне, лечивший семью Маркса — 213.
- Фрибур** (Fribourg), **Е. - Е.** — гравер, член Парижской секции Интернационала, прудонист; после Брюссельского конгресса 1868 г. отошел от Интернационала — 455, 473.
- Фридендер** (Friedländer), **Макс** (1829—1872) — немецкий публицист, редактор венской газеты «Die Presse», двоюродный брат Лассалья — 222, 223, 248, 250, 256.
- Фридрих-Вильгельм IV** (1795—1861) — прусский король (с 1840 г.) — 38, 79, 81, 101, 403.
- Фридрих-Карл** (1828—1885) — принц прусский, главнокомандующий прусской армией в войне с Данией 1864 г. — 424, 443, 473.
- Фукидид** (460—400 до н. в.) — 392.
- Фуллартон** (Fullarton), **Джон** (1780—1849) — английский экономист, выступал против закона Р. Пиля об ограничении выпуска банкнот — 238.
- Фульд** (Fould), **Ашиль** (1800—1867) — французский банкир, бонапартист в 1849—1860 и 1861—1867 гг. министр финансов — 41, 124, 136.
- Функе** (Funke), **Роберт** — ливерпульский коммерсант — 470, 475, 548.
- Фурье** (Fourier), **Шарль** (1772—1837) — 21, 31, 390, 478.
- Фюрстенберге** (Fürstenberg), фон — присяжный заседатель в Кельнском процессе коммунистов — 162.

X.

- Харди** (Hardee), **Вильям-Джозеф** (1815—1873) — генерал в войсках конфедерации — 445.
- Хефнер** (Häfner), **Леопольд** (род. в 1820 г.) — редактор венской газеты «Constitution», эмигрант в Англии, полицейский агент — 162.
- Холл** (Holl) — 467.
- Холлингер** (Hollinger), **Фиделио** — владелец типографии в Лондоне, печатавший большинство немецких эмигрантских газет — 283, 286, 287, 293, 300, 302, 303, 304, 305, 308, 325, 344.
- Холлингер** (Hollinger), г-жа — жена предыдущего — 284.

Ц.

- Цабель** (Zabel) (1802—1875), **Фридрих** — немецкий публицист, редактор берлинской «Nationalzeitung» — 290, 317, 348, 373, 378.
- Церффи** (Пиали) (Zerffi) (Piali), **Густав** (1821—1892) — венгерский журналист, участник революции 1848 г., эмигрант в Париже, позднее в Англии; тайный агент австрийского правительства — 175.
- Циммерман** (Zimmermann) (из Шпандау) — немецкий демократ, эмигрант в Лондоне — 376, 383.
- Цицерон**, **Марк Туллий** (106—43 до н. в.) — 222.
- Цитц** (Zitz), **Франц** (1803—1877) — адвокат из Майнца, член крайней левой Франкфуртского национального собрания, участник баденско-пфальцкого восстания, эмигрант — 252.
- Цулауф** (Zulauff), **Генрих** (1810 — ок. 1890) — коммерсант из Эльберфельда; сочувствовал коммунистам; в 1849 г. эмигрировал в Америку — 33.

Ч.

- Чени** (Chesney), **Френсис-Родон** (1789—1872) — английский генерал и военный писатель — 200.

III.

- Шабелиц* (Schabelitz), *Жак*, младший (1827—1899) — издатель и книготорговец в Базеле, радикал — 60, 66, 179, 313, 337, 499.
- Шабелиц* (Schabelitz) — отец предыдущего, издатель — 61, 66.
- Шайбле* (Schaible), *Карл-Генрих* (1824—1899) — демократ, участник баденского восстания, эмигрант в Лондоне — 292, 294, 303, 306, 324, 325, 344.
- Шарнер* (Schapper), *Карл* (1813—1870) — один из основателей и руководителей Союза справедливых; член ЦК Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне; с 1850 г. вместе с Виллихом возглавил фракцию Союза коммунистов, выступавшую против Маркса; в 1856 г. вновь стал на сторону Маркса; в 1859 г. взял на себя руководство Лондонским немецким рабочим просветительным обществом; член Генсовета I Интернационала с 1865 г. — 40, 90, 91, 92, 100, 101, 103, 104, 105, 107, 110, 122, 147, 158, 187, 311, 312, 316, 317, 331, 332, 333, 335, 356.
- Шварк* (Schwark) — прусский прокурор — 355.
- Швейцер* (Schweitzer), *Иоганн-Баттист*, фон (1833—1875) — франкфуртский адвокат и писатель, один из виднейших вождей лассальянцев; с 1865 по 1871 г. председатель Всеобщего германского рабочего союза; в 1865 г. основал газету «Social-Demokrat», на которую получил субсидию от Бисмарка. После 1871 г. отошел от политической жизни — 434, 438, 440, 446, 518, 523, 526, 534, 535, 543, 545.
- Шекспир* (Shakespeare), *Вильям* (1564—1616) — 109, 258, 259, 260, 261.
- Шенайх* (Schönaich), *Христофор-Отто*, барон, фон (1725—1805) — немецкий поэт, автор эпопеи «Hermann» — 237.
- Шенберг* (Schönberg), графиня — 357.
- Шеню* (Chenu), *Адольф* (род. в 1816 г.) — участник тайных заговорщических организаций 30-х годов, впоследствии стал провокатором — 140, 281.
- Шерааль* (Cherval), *Франк-Юлиус* (настоящая фамилия Кремер) — известный еще под фамилией Ньюджент, шпион и провокатор, по профессии литограф; был руководителем одной из парижских общин Союза коммунистов, идущей за Виллихом — 289, 312, 313, 314, 317, 318, 332, 333, 346, 353, 355, 356, 357, 358, 361.
- Шерман* (Sherman), *Вильям* (1820—1891) — американский унионистский генерал — 424, 425, 432, 445, 446.
- Шертнер* (Schärttner), *Август* — участник баденского восстания, эмигрант в Лондоне, владелец гостиницы, где собирались политические эмигранты — 410, 191.
- Шерцер* (Scherzer), *Андреас* (1807—1879) — портной из Баварии, последователь Вейтлинга, редактор лондонской «Neue Zeit» и сотрудник «Volk» — 320.
- Шеффесбери* (Shaftesbury), *Антони-Эмили-Кулер*, граф (1801—1885) — английский виг, член парламента (1826—1851) — 246.
- Шиккель* (Schickel), *Иоганн* — член Союза коммунистов в Майнце; эмигрировал в Америку — 125.
- Шили* (Schily), *Виктор* (1810—1875) — адвокат из Трира, активный участник революции 1848—1849 гг. в Рейнской области; участник баденского восстания; эмигрант в Париже; член I Интернационала — 159, 311, 338, 339, 365, 375, 378, 448, 473, 505.
- Шиллер* (Schiller), *Фридрих* (1759—1805) — 252, 260, 274.
- Шиммельпфенниг фон-дер-Ойе* (Schimmelmpfenning von der Oye), *Александр* (1824—1865) — прусский офицер, участник баденского восстания, в лондонской эмиграции — приверженец Кинкеля, участник гражданской войны в США — 154, 160, 166, 174, 181, 447.
- Шлейниц* (Schleinitz), *Александр-Густав-Адольф*, фон (1807—1885) — прусский министр иностранных дел (1848, 1849—1850 и 1858—1861) — 269, 275, 390.
- Шмальгаузен* (Schmalhausen), *Вильгельм-Роберт* (ум. в 1862 г.) — адвокат областного суда в Маастрихте, муж сестры Маркса, Софии — 410.
- Шмидт* (Schmidt), *Г. А.* — маклер — 472.
- Шмидт* (Schmidt), *Франц*, из Левенберга, — немецкий мелкобуржуазный демократ, эмигрант в Америке, член Комитета по управлению кинкелевским «революционным займом» — 141.
- Шмидт* (Schmidt), *Юлиан* (1818—1886) — немецкий критик и историк литературы, национал-либерал; Лассаль написал против него брошюру «Herr Julian Schmidt, der Literarhistoriker» (1862) — 402, 403.
- Шнайде* (Sznaude), *Франц* (1790—1850) — участник польского восстания 1830 г.;

- в 1849 г. генерал революционной баденско-пфальцской армии — 446.
- Шнаке** (Schnake), *Фридрих*, д-р — рейнский журналист, в 40-х годах «истинный социалист» — 522, 526.
- Шнауффер** (Schnauffer), *Карл-Генрих* (1822—1854) — немецкий демократ и поэт; участник баденского восстания 1849 г.; с 1851 г. эмигрант в Америке — 160, 164.
- Шнейдер** (Schneider), *Карл* (Шнейдер II) — демократ, защитник в Кельнском процессе коммунистов — 312, 333, 355, 360, 361.
- Шорлеммер** (Schorlemmer), *Карл* (1834—1892) — профессор химии в Манчестере, коммунист, друг Ф. Энгельса — 503.
- Шпейер** (Speyer), *Карл* (род. в 1845 г.) — столяр, в 60-х годах секретарь Лондонского рабочего немецкого просветительного общества, позднее, с 1872 г., член Генсовета Интернационала в Америке, последний генеральный секретарь Интернационала — 542.
- Шрамм** (Schramm), *Конрад* (1822—1858) — сначала демократ, затем коммунист; участник революции 1848—1849 гг.; с 1849 г. эмигрант в Лондоне, позднее в Америке; член ЦК Союза коммунистов, коммерческий руководитель «Neue Rheinische Zeitung. Revue» (1850); после раскола Союза коммунистов остался на стороне Маркса — 68, 69, 92, 103, 154, 180, 219, 224, 227, 336, 337.
- Шрамм** (Schramm), *Рудольф* (1813—1882) — брат предыдущего, публицист, буржуазный демократ; в 1848 г. член левой Берлинского национального собрания; позднее приверженец Бисмарка — 75, 107, 224, 227, 438.
- Стандау** (Standau), *Юлиус* — участник тайных обществ 30-х и 40-х годов, эмигрант в Швейцарии и позднее в Америке; соредатор Вейдемейеровской «Stimme des Volkes» в Чикаго — 140.
- Штар** (Stahr), *Адольф-Вильгельм* (1805—1876) — немецкий писатель по истории литературы — 242, 331.
- Штейн** (Stein), *Юлиус* (род. в 1813 г.) — бреславльский демократ, журналист, редактор «Neue Oder-Zeitung» — 310.
- Штессель** (Stössel) — библиотекарь шиллеровской читальни в Манчестере — 386.
- Штеффен** (Steffen), *Вильям* — бывший офицер, коммунист, свидетель защиты в Кельнском процессе коммунистов; эмигрант в Брайтоне, позднее в Америке — 212, 217, 343.
- Штехан** (Stechan), *Готлиб-Людвиг* — немецкий ремесленник, член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне, председатель организованного по инициативе Маркса в 1852 г. Рабочего общества в Лондоне — 122, 148, 356.
- Штехер** (Stecher), *Карл* — баденский эмигрант в Женеве — 353.
- Штибель** (Stibel), *Вильгельм* — немецкий эмигрант в Лондоне — 77.
- Штибер** (Stieber), *Вильгельм* (1818—1882) — начальник прусской политической полиции, организатор Кельнского процесса коммунистов. В 1866 и 1870—1871 гг. стоял во главе контрразведки — 50, 77, 179, 191, 192, 239, 295, 312, 313, 314, 319, 332, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 369, 483.
- Штилер** (Stieler), *Адольф* (1775—1836) — немецкий картограф — 99, 109.
- Штирнер** (Stirner), *Макс* (псевдоним Иоганна-Каспара Шмидта) (1806—1856) — левогегельянский философ, теоретик индивидуалистического анархизма — 4.
- Штоффреген** (Stoffregen) — агент по продаже вин — 345.
- Штрон** (Strohn), *Вильям* — немецкий купец в Манчестере — 415.
- Штумпф** (Stumpf), *Пауль* (1827—1913) — член Союза коммунистов в Майнце, участник революции 1848 г.; член I Интернационала, социал-демократ эйзенахеи — 461, 498.
- Штутцель** (Stutzel), *Якобус* — 165.
- Шуберт** (Schuberth), *Юлиус* — издатель в Гамбурге, экспедитор «Neue Rheinische Zeitung. Revue» — 70, 71, 72, 73.
- Шульце-Делич** (Schulze-Delitsch), *Франц-Герман* (1808—1883) — немецкий буржуазный экономист, прогрессист; пропагандировал производственно-ремесленную кооперацию, пытаясь отвлечь рабочих от пролетарского революционного движения — 440, 451, 463, 536.
- Шурпер** (Schurper), *В.* — 291.
- Шурц** (Schurz), *Карл* (1829—1906) — участник баденского восстания, эмигрант в Швейцарии, затем в Америке; впоследствии американский государственный деятель, республиканец; министр внутренних дел (1877—1881) — 152, 425.
- Шустер** (Schuster), *Теодор* — купец во Франкфурте; собирал деньги для обвиняемых в Кельнском процессе; друг Вейдемейера — 77, 85, 103, 111.
- Шютц** (Schütz) — пфальцский демократ, эмигрант в Америке, приверженец Кинкеля — 153, 154.

Э.

- Эбердин* (Aberdeen), граф, *Джорджс-Гамильтон-Гордо* (1784—1860) — английский тори, затем либерал-консерватор (пилит), министр иностранных дел (1828—1830 и 1841—1846) и премьер-министр (1852—1855) — 198, 202.
- Эбнер* (Ebner), *Герман* (1805—1855) — франкфуртский журналист, друг Фрейлиграта, тайный агент австрийского правительства — 116, 127.
- Эвербек* (Ewerbeck), *Герман* (1816—1860) — немецкий врач; член Союза справедливых и Союза коммунистов, эмигрант в Париже, затем в Америке — 34, 52.
- Эдгар* — см. Вестфален, Эдгар, фон.
- Эйзен* (Eisen), *Ф. К.* — книготорговец в Кельне, один из обвиняемых в Кельнском процессе коммунистов — 71, 73.
- Эйхофф* (Eichhoff), *Вильгельм* (1833—1895) — прусский полицейский чиновник, разоблачивший в конце 50-х годов в печати шпионскую деятельность Штибера и привлеченный за это к суду; эмигрант в Лондоне, член I Интернационала, позднее редактор ряда социал-демократических газет в Германии — 295, 313, 319, 355, 356, 372, 378, 415.
- Эккарнус* (Eccarius), *Георг* (1818—1889) — портной из Тюрингии; с середины 40-х годов жил в Лондоне; член Союза коммунистов; один из основателей I Интернационала, генеральный секретарь Интернационала; в 1871 г. отказался от поста генерального секретаря Интернационала; позднее участник английского трэд-юнионистского движения — 116, 128, 133, 139, 157, 420, 453, 461, 475, 476, 517, 528, 529, 530, 531, 540, 541, 547.
- Элиза* — см. Энгельс, Элиза.
- Элисон* (Alison), *Арчибальд* (1792—1867) — английский юрист и историк — 99.
- Элснер* (Elsner), *Мориц* (1809—1894) — немецкий демократ, публицист; в 1848 г. член Прусского национального собрания; редактор «*Neue Oder-Zeitung*» — 205, 210, 213, 214, 221, 310, 418.
- Эмбер* (Imbert), *Жак* (1793—1851) — французский революционный демократ. В 1835—1848 гг. эмигрант в Бельгии, вице-президент «Демократического общества» в Брюсселе, комендант Тюильри при временном правительстве 1848 г. — 44, 341.
- Эмма* — см. Кроон, Эмма.
- Эммануил* — см. Виктор-Эммануил II.
- Энгель* (Engel), *Йоганн-Якоб* (1741—1802) — немецкий писатель и историк литературы, автор «*Fürstenspiel*» («Княжеское зеркало») (1798) — книги, содержащей правила поведения и советы государям — 185.
- Энгельс, Анна* (1825—1853) — сестра Энгельса, жена Адольфа фон-Гризгейм — 45.
- Энгельс* (Engels), *Герман* (1822—1905) — брат Ф. Энгельса, барменский фабрикант — 416, 421, 469, 471, 504, 547.
- Энгельс* (Engels), *Мария* (1824—1901) — сестра Энгельса, жена Эмиля Бланка (см.) — 7, 8, 42, 87, 417.
- Энгельс* (Engels), *Рудольф* (1831—1903) — брат Ф. Энгельса, барменский фабрикант — 417, 432.
- Энгельс* (Engels), *Фридрих* (1820—1895) — 5, 11, 16, 17, 18, 33, 34, 36, 40, 52, 55, 59, 64, 68, 72, 73, 88, 100, 106, 107, 114, 115, 117, 119, 122, 127, 133, 134, 144, 151, 153, 159, 167, 168, 169, 170, 182, 205, 216, 219, 221, 228, 230, 235, 236, 243, 244, 249, 250, 253, 269, 271, 280, 282, 308, 313, 318, 321, 322, 327, 329, 333, 334, 336, 337, 340, 341, 342, 343, 345, 347, 353, 362, 370, 371, 372, 376, 378, 379, 389, 391, 397, 402, 403, 405, 406, 407, 408, 409, 415, 426, 429, 433, 438, 440, 441, 442, 461, 481, 490, 491, 492, 498, 500, 503, 507, 508, 513, 514, 517, 519, 520, 522, 527, 532, 539, 544, 547.
- Энгельс* (Engels), *Фридрих, старший* (1796—1860) — отец Энгельса, компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» в Манчестере и в Энгельскирхене — 10, 41, 87, 124, 274, 347, 469, 470, 471.
- Энгельс* (Engels), *Элиза* (1834—1912) — сестра Энгельса, вторая жена Адольфа фон-Гризгейм — 274.
- Энгельс* (Engels), *Элиза-Франциска-Мауриция* (урожд. ван-Хаар) (van Haar) (1797—1873) — мать Энгельса — 41, 253, 274, 379, 380, 381, 382, 416, 417, 470, 505, 548.
- Энгельс* (Engels), *Эмиль* (1828—1884) — брат Энгельса, коммерции советник — 273, 380, 381, 382, 475.
- Энгельс* (Engels), — полковник, комендант города Кельна в 1848 г. — 53, 54.
- Энгландер* (Engländer), *Зигмунд* — австрийский журналист, эмигрант, тайный полицейский агент — 213, 310.
- Эпикур* (341—270 до н. э.) — 220, 222, 229.
- Эппелгарт* (Applegarth), *Роберт* (1834—1924) — плотник, лидер трэд-юнио-

- нистов, член Генсовета I Интернационала — 549.
- Эрмани* (Ermani) — издатель и книго-торговец в Лондоне — 284.
- Эрмен* (Ermen), *Антон* — брат Готфрида и Петера Эрмен — 471, 472, 505.
- Эрмен* (Ermen), *Готфрид*, компаньон фирмы «Энгельс и Эрмен» — 86, 87, 274, 380, 382, 416, 417, 470, 471, 472, 505, 548.
- Эрмен* (Ermen), *Петер* — компаньон фирмы «Энгельс и Эрмен» — 87, 472.
- Эрист II*, герцог Кобург-Готский (1818—1893) — брат принца Альберта, мужа английской королевы Виктории — 363.
- Эрхардт* (Erhardt), *И. Л.* — один из обвиняемых в Кельнском процессе коммунистов, оправданный судом — 330.
- Эсселен* (Esselen), *Христиан* (1823—1859) — немецкий писатель радикального направления, участник революционного движения 1848—1849 гг.; вместе с Иог. Ф. Беккером (см.), автор: «Geschichte der süddeutschen Mai-Revolution des Jahres 1849» («История майской революции 1849 г. в Южной Германии») (1849) — 62, 67.
- Эссер* (Esser) — прусский чиновник судебного ведомства в Трире, затем в Берлине, друг Генриха Маркса — 340.
- Эссер* (Esser), *Иоганн-Генрих* адвокат в Кельне — 361.
- Эхил* (525—456 до н. э.) — древнегреческий трагик — 397.
- Ю.**
- Юлиан Отступник* (331—363) — римский император (361—363), философ и романтик; прозван христианами «отступником» за попытку реставрации язычества — 402, 403.
- Юлиус Виндекс* (ок. 25—68 н. э.) — пропретор Северной Галлии, восставший против Нерона — 183.
- Юм* (Hume), *Давид* (1711—1776) — 238.
- Юнг* (Jung), *Георг-Готлиб* (1814—1886) — юрист, один из основателей «Rheinische Zeitung» (1842); в 1848 г. — демократ, впоследствии национал-либерал — 5, 69, 163.
- Юнг* (Jung), *Герман* (1830—1901) — швейцарский часовщик, жил в Лондоне; член Генсовета I Интернационала; секретарь-корреспондент для Швейцарии; председательствовал на нескольких конгрессах Интернационала; до 1872 г. сторонник Маркса — 431, 436, 448, 452, 453, 455, 458, 461, 475, 531, 539, 542, 548.
- Юх* (Juch), *Герман* — немецкий журналист в Лондоне, редактор «Hermann» (с 1859 г.) — 319, 355, 433.
- Я.**
- Якоби* (Jacoby), *Абрагам* (р. в 1832 г.) — врач в Кельне, член Союза коммунистов, эмигрировал в Америку — 329, 339, 481, 501.

СОДЕРЖАНИЕ.

Письма К. Маркса и Ф. Энгельса (1844 — 1868)

	Стр.
Предисловие редактора	VII
1844	
1. Маркс — Г. Бернштейну, осень	3
2. Маркс — Г. Бернштейну, осень	—
3. Маркс — Г. Бернштейну, декабрь	4
1845	
4. Маркс — Г. Гейне, 1 февраля	5
5. Маркс — Г. Гейне, 24 марта	—
6. Маркс — д-ру Левенталь, 9 мая	6
7. Энгельс — своей сестре Марии, 31 мая	7
8. Энгельс — Ю. Кампе, 14 октября	8
1846	
9. Энгельс — Э. Бланку, 3 апреля	10
10. Маркс — Г. Гейне, 5 апреля	—
11. Маркс — П. Ж. Прудону, 5 мая	11
12. Маркс, Энгельс, Ф. Жиго и Ф. Вольф — Г. А. Кетгену, 15 июня. . . .	13
13. Энгельс и Маркс — М. Гессу, 27 июля	15
14. Маркс — К. Леске, 1 августа	16
15. Маркс — П. Анненкову, 23 декабря	21
1847	
16. Маркс — Р. Даниэльсу, 7 марта	33
17. Маркс — Г. Гервегу, 27 июля	—
18. Маркс — Г. Гервегу, 8 августа	34
19. Маркс — М. Гессу, 2 сентября	36
20. Энгельс — Л. Жоттрану, 30 сентября	—
21. Маркс — Г. Гервегу, 26 октября	—
22. Маркс — П. Анненкову, 9 декабря	38
1848	
23. Жени Маркс — И. Вейдемейеру, 17 марта	40
24. Энгельс — Э. Бланку, 26 марта	41
25. Энгельс — Э. Бланку, 28 марта	42
26. Маркс и Энгельс — А. фон-Борнштедту и др., 1 апреля. . . .	44
27. Энгельс — Э. Бланку, 15 апреля	45
28. Маркс — редактору газеты «Alba», май	—
29. Энгельс — Э. Бланку, 24 мая	46
30. Энгельс — Ф. Кешпену, 1 сентября	48
31. Энгельс — в Судебно-полицейское управление Бернского кантона, 15 ноября	48

	Стр.
32. Маркс — Э. Мюллеру-Теллерингу, 5 декабря	49
33. Маркс — полицейскому советнику В. Штиберу, 29 декабря	50

1849

34. Маркс — Э. Дронке, 3 февраля	52
35. Маркс — полковнику Энгельсу, 3 марта	53
36. Маркс — полковнику Энгельсу, ок. 5 марта	54
37. Маркс — в редакцию «Frankfurter Journal», 31 мая	55
38. Маркс — И. Вейдемейеру, 1 июня	—
39. Маркс — И. Вейдемейеру, 13 июля	56
40. Маркс — Ф. Фрейлиграту, 31 июля	57
41. Маркс — И. Вейдемейеру, 1 августа	59
42. Маркс — И. Вейдемейеру, середина августа	60
43. Энгельс — Ж. Шабелицу, 24 августа	—
44. Энгельс — И. Вейдемейеру, 25 августа	62
45. Маркс — Ф. Фрейлиграту, 5 сентября	62
46. Энгельс — Дж. Гарни, 5 октября	63
47. Маркс — И. Вейдемейеру, 19 декабря	64
48. Энгельс — Ж. Шабелицу, 22 декабря	66

1850

49. Маркс — Э. Мюллеру-Теллерингу, 1 января	68
50. Маркс — Ф. Фрейлиграту, 10 января	—
51. Маркс — И. Вейдемейеру, 4 февраля	69
52. Энгельс — Комитету венгерских эмигрантов, 22 февраля	70
53. Энгельс — Ю. Шуберту, 4 марта	—
54. Энгельс — Т. Гагену, 4 марта	71
55. Энгельс — С. Науту, 4 марта	—
56. Маркс — Э. Мюллеру-Теллерингу, 12 марта	—
57. Энгельс — Ю. Шуберту, конец марта	72
58. Маркс — И. Вейдемейеру, 9 апреля	73
59. Энгельс — И. Вейдемейеру, 22 апреля	74
60. Энгельс — И. Вейдемейеру, 25 апреля	—
61. Энгельс и Маркс — Пардигону, 6 мая	76
62. Маркс — И. Вейдемейеру, 8 мая	—
63. Энгельс — Т. Шустеру, 13 мая	77
64. Энгельс — редактору газеты «Times», 24 мая	78
65. Маркс, Энгельс и А. Виллих — редактору газеты «The Sun», 14 июня	—
66. Маркс и Энгельс — редактору одной английской газеты, середина июня	80
67. Маркс — редактору «Globe», середина июня	82
68. Женни Маркс — И. Вейдемейеру, ок. 25 июля	84
69. Маркс — И. Вейдемейеру, 27 июля	85
70. Маркс — И. Вейдемейеру, 29 октября	—
71. Маркс — немецкому врачу, 30 ноября	86
72. Энгельс — Э. Бланку, 3 декабря	—

1851

73. Маркс и Энгельс — редакции «Weserzeitung», 27 января	88
74. Маркс — Г. Беккеру, ок. 1 февраля	—
75. Маркс — Г. Беккеру, 8 февраля	90
76. Маркс — Г. Беккеру, 28 февраля	—
77. Маркс — редактору газеты «Times», начало марта	92
78. Маркс — Г. Беккеру, 9 апреля	94
79. Маркс — Р. Даниэльсу, май	—
80. Энгельс — В. Вольфу, 1 мая	95
81. Энгельс — И. Вейдемейеру, 19 июня	97
82. Маркс — И. Вейдемейеру, 27 июня	100
83. Энгельс — Э. Дронке, 9 июля	103
84. Маркс — И. Вейдемейеру, 2 августа	106

	Стр.
85. Энгельс — В. Вольфу, 6 августа	108
86. Энгельс — И. Вейдемейеру, 7 августа	—
87. Маркс — И. Вейдемейеру, 11 сентября	111
88. Маркс — И. Вейдемейеру, 16 октября	112
89. Маркс — И. Вейдемейеру, 31 октября	114
90. Маркс — А. Клуссу, начало декабря	115
91. Маркс — И. Вейдемейеру, 19 декабря	—
92. Маркс — Ф. Фрейлиграту, 27 декабря	116

1852

93. Маркс — И. Вейдемейеру, 1 января	118
94. Женни Маркс — И. Вейдемейеру, ок. 10 января	119
95. Маркс — И. Вейдемейеру, 16 января	120
96. Маркс — И. Вейдемейеру, 23 января	121
97. Энгельс — И. Вейдемейеру, 23 января	123
98. Маркс — Ф. Фрейлиграту, 26 января	127
99. Маркс — И. Вейдемейеру, 30 января	128
100. Энгельс — И. Вейдемейеру, 30 января	129
101. Маркс — И. Вейдемейеру, 13 февраля	130
102. Энгельс — И. Вейдемейеру, 19 февраля	132
103. Маркс — И. Вейдемейеру, 20 февраля	133
104. Маркс — Ф. Лассалю, 23 февраля	135
105. Женни Маркс — И. Вейдемейеру, 27 февраля	139
106. Энгельс — И. Вейдемейеру, 27 февраля	140
107. Маркс — И. Вейдемейеру, 5 марта	143
108. Маркс — И. Вейдемейеру, 25 марта	147
109. Энгельс — И. Вейдемейеру, 16 апреля	149
110. Маркс — И. Вейдемейеру, 30 апреля	151
111. Маркс и Энгельс — И. Вейдемейеру, 28 мая	153
112. Энгельс — И. Вейдемейеру, 11 июня	155
113. Маркс — Г. Кинкелю, 22 июля	159
114. Маркс — Ф. А. Брокгауз, 19 августа	159
115. Маркс — А. Клуссу, 5 октября	160
116. Маркс — А. Клуссу, 8 октября	161
117. Женни Маркс — А. Клуссу, 15 октября	164
118. Маркс — барону А. фон-Брюнингу, 13 октября	165
119. Женни Маркс — А. Клуссу, 28 октября	166
120. Маркс — д-ру Э. Фезе, конец ноября	167
121. Маркс — И. Бандя, 3 декабря	168
122. Маркс — А. Клуссу, 7 декабря	169
123. Маркс — А. Клуссу, 14 декабря	173
124. Маркс — Г. Церфи, 28 декабря	175

1853

125. Маркс — А. Клуссу, 25 марта	179
126. Энгельс — И. Вейдемейеру, 12 апреля	181
127. Маркс — А. Клуссу, апрель	190
128. Маркс — А. Клуссу, апрель	—
129. Маркс — И. Вейдемейеру, 26 апреля	191
130. Маркс — А. Клуссу, июнь	192
131. Маркс — редактору «Morning Advertiser», 31 августа	193
132. Маркс — А. Клуссу, 15 сентября	195
133. Маркс — А. Клуссу, середина октября	—

1854

134. Энгельс — редактору «Daily News», 30 марта	197
135. Маркс — Ф. Лассалю, 6 апреля	200
136. Маркс — Ф. Лассалю, 1 июня	203
137. Маркс — М. Эльснеру, 20 декабря	205

1855

138. Маркс — Ф. Лассалю, 23 января	207
139. Маркс — М. Эльснеру, 17 апреля	210
140. Маркс — Ф. Лассалю, 28 июля	211
141. Маркс — А. Даниэльс, 6 сентября	212
142. Маркс — М. Эльснеру, 11 сентября	213
143. Маркс — М. Эльснеру, 8 ноября	214
144. Маркс — Ф. Лассалю, 8 ноября	215

1856

145. Энгельс — В. Штеффену, 15 апреля	217
146. Маркс — Ч. Д. Коллет, 11 августа	—
147. Маркс — Ч. Д. Коллет, 23 октября	218

1857

148. Маркс — Ч. Д. Коллет, 25 марта	219
149. Маркс — К. Шрамму, 8 декабря	—
150. Маркс — Ф. Лассалю, 21 декабря	220

1858

151. Маркс — Ф. Лассалю, 22 февраля	222
152. Маркс — Ф. Лассалю, 11 марта	225
153. Женни Маркс — Ф. Лассалю, 9 апреля	227
154. Энгельс — Р. Шрамму, 6 мая	—
155. Маркс — Ф. Лассалю, 31 мая	228
156. Маркс — Ф. Лассалю, 10 июня	229
157. Маркс — Ф. Лассалю, 12 ноября	231

1859

158. Энгельс — Ф. Фрейлиграту, 25 января	234
159. Маркс — И. Вейдемейеру, 1 февраля	235
160. Маркс — Ф. Лассалю, 2 февраля	239
161. Маркс — Ф. Лассалю, 4 февраля	240
162. Маркс — Ф. Лассалю, 23 февраля	243
163. Маркс — Ф. Лассалю, 25 февраля	—
164. Энгельс — Ф. Лассалю, 14 марта	244
165. Маркс — Ф. Лассалю, 16 марта	246
166. Маркс — Ф. Лассалю, 28 марта	247
167. Маркс — Ф. Лассалю, 4 апреля	249
168. Маркс — Ф. Лассалю, 19 апреля	250
169. Энгельс — своей матери Элизе Энгельс, 20 апреля	253
170. Маркс — Ф. Лассалю, 5 мая	256
171. Энгельс — Ф. Лассалю, 18 мая	257
172. Маркс — Ф. Лассалю, 10 июня	262
173. Маркс — Ф. Лассалю, 2 октября	263
174. Маркс — редактору газеты «Allgemeine Zeitung», 19 октября	265
175. Энгельс — г-ну Даниэльсу, 2 ноября	266
176. Маркс — Ф. Лассалю, 6 ноября	267
177. Маркс — Ф. Лассалю, 14 ноября	271
178. Маркс — Ф. Лассалю, 15 ноября	273
179. Энгельс — своему брату Эмилю, 16 ноября	—
180. Маркс — Ф. Лассалю, 22 ноября	274
181. Маркс — Ф. Фрейлиграту, 23 ноября	276
182. Маркс — Ф. Фрейлиграту, конец ноября	279

1860

183.	Маркс — Ф. Лассалю, 30 января	280
184.	Маркс — И. Лелевелю, 3 февраля	281
185.	Маркс — Ф. Дункеру, 6 февраля	282
186.	Маркс — редактору «Daily Telegraph», 6 февраля	—
187.	Маркс — Ф. Фрейлиграту, 8 февраля	283
188.	Маркс — юстицрату Веберу, 13 февраля	285
189.	Энгельс — Ф. Дункеру, 20 февраля	290
190.	Энгельс — Ф. Лассалю, 20 февраля	291
191.	Маркс — в редакцию газеты «Allgemeine Zeitung», 21 февраля	292
192.	Маркс — юстицрату Веберу, 21 февраля	294
193.	Маркс — Ф. Фрейлиграту, 23 февраля	295
194.	Маркс — Ф. Лассалю, 23 февраля	298
195.	Маркс — юстицрату Веберу, 24 февраля	299
196.	Маркс — В. Либкнехту, 27 февраля	316
197.	Маркс — К. Шапперу, 27 февраля	317
198.	Маркс — Музембини, 27 февраля	318
199.	Маркс — Ф. Фрейлиграту, 29 февраля	319
200.	Маркс — редакции «Freisütchz» и «Reform», 29 февраля	326
201.	Энгельс — Ф. Лассалю, начало марта	—
202.	Маркс — Ф. Лассалю, 3 марта	328
203.	Маркс — юстицрату Веберу, 3 марта	332
204.	Маркс — Е. Д. Коллет, 7 марта	343
205.	Маркс — Б. Семере, 13 марта	345
206.	Маркс — юстицрату Веберу, 27 марта	346
207.	Маркс — Ф. Лассалю, 9 апреля	347
208.	Маркс — Г. Ломмелю, 9 апреля	348
209.	Маркс — И. Ф. Беккеру, 9 апреля	350
210.	Маркс — юстицрату Веберу 13 апреля	352
211.	Маркс — юстицрату Веберу 21 апреля	—
212.	Маркс — Г. Рейнлендеру 24 апреля	353
213.	Маркс — Ф. Лассалю, 24 апреля	—
214.	Маркс — юстицрату Веберу, 27 апреля	354
215.	Маркс — Ф. Лассалю, 2 июня	—
216.	Маркс — И. Ф. Беккеру, 23 июня	364
217.	Маркс — юстицрату Веберу, 2 августа	365
218.	Маркс — юстицрату Веберу, 20 августа	366
219.	Энгельс — редакции «Allgemeine Militär-Zeitung», 24 августа	—
220.	Маркс — Ф. Лассалю, 7 сентября	367
221.	Маркс — Ф. Лассалю, 15 сентября	370
222.	Маркс — Ф. Лассалю, 2 октября	372
223.	Маркс — Ф. Лассалю, 23 октября	373
224.	Маркс — Ф. Лассалю, 5 ноября	374
225.	Маркс — Ф. Дункеру, 24 ноября	—

1861

226.	Маркс — К. Зибелю, 3 января	375
227.	Маркс — К. Зибелю, 3 января	376
228.	Маркс — Ф. Лассалю, 16 января	—
229.	Маркс — Ф. Лассалю, 28 января	378
230.	Маркс — Ф. Фрейлиграту, 7 февраля	—
231.	Энгельс — своей матери Элизе Энгельс, 13 февраля	379
232.	Маркс — Ф. Лассалю, 15 февраля	381
233.	Энгельс — своей матери Элизе Энгельс, 27 февраля	—
234.	Маркс — Ф. Лассалю, 7 марта	383
235.	Маркс — К. Зибелю 28 марта	384
236.	Маркс — К. Зибелю, 2 апреля	385
237.	Энгельс — дирекции Шиллеровского клуба, ок. 3 мая	386
238.	Маркс — Ф. Лассалю, 8 мая	388
239.	Маркс — Ф. Лассалю, 29 мая	391

240. Маркс — Ф. Лассалю, 11 июня	392
241. Маркс — Ф. Лассалю, 22 июля	393

1862

242. Маркс — И. Ф. Беккеру, 26 февраля	396
243. Маркс — Ф. Лассалю, 28 апреля	397
244. Энгельс — К. Зибелю, 4 июня	400
245. Маркс — Ф. Лассалю, 16 июня	402
246. Энгельс — Ф. Лассалю, 23 июля	405
247. Маркс — Ф. Лассалю, 13 августа	—
248. Маркс — Ф. Лассалю, 14 августа	406
249. Маркс — Ф. Лассалю, 20 августа	407
250. Энгельс — Ф. Лассалю, 21 августа	408
251. Маркс — В. Вольфу, 4 октября	—
252. Маркс — Ф. Лассалю, 7 ноября	—
253. Маркс — Ф. Фрейлиграду, 15 декабря	410
254. Маркс — Л. Кугельману, 28 декабря	411

1863

255. Маркс — Ф. Фрейлиграду, 23 декабря	414
---	-----

1864

256. Маркс — своей дочери, 17 мая	415
257. Энгельс — своему брату Герману, 24 мая	416
258. Маркс — Ф. Фрейлиграду, 12 июля	417
259. Жени Маркс — М. Эльснеру, август	418
260. Маркс — Софии фон-Гатцфельд, 12 сентября	—
261. Маркс — К. Клингсу, 4 октября	419
262. Энгельс — своему брату Герману, 2 ноября	421
263. Энгельс — И. Вейдемейеру, 24 ноября	422
264. Маркс — И. Вейдемейеру, 29 ноября	425
265. Маркс — Л. Кугельману, 29 ноября	427
266. Маркс — графине Софии фон-Гатцфельд, 22 декабря	428
267. Маркс — К. Зибелю, 22 декабря	429

1865

268. Маркс — Г. Юнгу, ок. 8 января	431
269. Энгельс — своему брату Рудольфу, 10 января	432
270. Маркс — своей дочери, 11 января	433
271. Маркс — И.-Б. фон Швейцеру, 16 января	434
272. Маркс — Ле Любе, 15 февраля	435
273. Маркс — Г. Юнгу, 17 февраля	436
274. Энгельс — О. Мейснеру, 22 февраля	437
275. Маркс — Л. Кугельману, 23 февраля	—
276. Энгельс — К. Зибелю, 27 февраля	442
277. Энгельс — И. Вейдемейеру, 10 марта	443
278. Маркс — Г. Юнгу, 13 марта	448
279. Энгельс — А. Ланге, 29 марта	449
280. Маркс — Г. Юнгу, 13 апреля	452
281. Маркс — Л. Фонтену, 15 апреля	454
282. Маркс — Г. Юнгу, 25 апреля	455
283. Маркс — своей дочери, 3 июля	—
284. Маркс — Л. Фонтену, 25 июля	456
285. Маркс — Г. Юнгу, 15 ноября	457
286. Маркс — Г. Юнгу, 20 ноября	458

Стр.

1866

287. Маркс — И. Ф. Беккеру, ок. 13 января	460
288. Маркс — Л. Кугельману, 15 января	462
289. Маркс — З. Мейеру, 24 января	463
290. Женни Маркс — З. Мейеру, начало февраля	464
291. Маркс — Ф. Лесснеру, 14 февраля	—
292. Женни Маркс — Л. Кугельману, 26 февраля	465
293. Маркс — своей дочери Женни, 16 марта	—
294. Маркс — своей дочери Лауре, 20 марта	467
295. Энгельс — своему брату Герману, 22 марта	469
296. Энгельс — своему брату Герману, 6 апреля	471
297. Маркс — Л. Кугельману, 6 апреля	472
298. Маркс — Л. Кугельману, 23 августа	474
299. Энгельс — своему брату Эмилию, 23 августа	475
300. Маркс — И. Ф. Беккеру, 31 августа	—
301. Маркс — своей дочери Женни, 5 сентября	476
302. Маркс — Л. Кугельману, 9 октября	477
303. Маркс — Л. Кугельману, 13 октября	479
304. Маркс — Л. Кугельману, 25 октября	481

1867

305. Маркс — Л. Кугельману, 18 февраля	483
306. Маркс — И. Ф. Беккеру, 17 апреля	484
307. Маркс — З. Мейеру, 30 апреля	—
308. Маркс — Л. Бюхнеру, 1 мая	486
309. Маркс — своей дочери Женни, 5 мая	487
310. Маркс — своей дочери Лауре, 13 мая	488
311. Маркс — Л. Кугельману, 10 июня	490
312. Маркс — Л. Кугельману, 13 июля	492
313. Маркс — Ф. Фрейлиграту, 20 июля	493
314. Маркс — лондонскому книготорговцу, 14 августа	—
315. Маркс — О. Верморелю, 27 августа	494
316. Маркс — З. Мейеру, 27 августа	495
317. Женни Маркс — И. Ф. Беккеру, 5 октября	—
318. Маркс — Л. Кугельману, 11 октября	496
319. Энгельс — Л. Кугельману, 12 октября	498
320. Маркс — Л. Кугельману, 15 октября	499
321. Энгельс — З. Мейеру, 18 октября	500
322. Энгельс — Л. Кугельману, 8 ноября	501
323. Маркс — К. Зибелю, 10 ноября	504
324. Энгельс — своему брату Герману, 28 ноября	—
325. Маркс — В. Шили, 30 ноября	505
326. Маркс — Л. Кугельману, 30 ноября	507
327. Маркс — Л. Кугельману, 7 декабря	508
328. Энгельс — Л. Кугельману, 12 декабря	509
329. Энгельс — Л. Кугельману, 13 декабря	510

1868

330. Маркс — Л. Кугельману, 11 января	511
331. Маркс — Л. Кугельману, 30 января	512
332. Маркс — Л. Кугельману, 6 марта	515
333. Маркс — Л. Кугельману, 17 марта	517
334. Маркс — Л. Кугельману, 6 апреля	518
335. Маркс — Л. Кугельману, 17 апреля	520
336. Маркс — Л. Кугельману, 24 июня	521
337. Маркс — Л. Кугельману, 2 июля	522
338. Маркс — З. Мейеру, 4 июля	—
339. Маркс — Л. Кугельману, 11 июля	524
340. Энгельс — Л. Кугельману, 31 июля	526

	Стр.
341. Маркс — Л. Кугельману, 10 августа	527
342. Маркс — Г. Энкариусу и Ф. Лесснеру, 10 сентября	528
343. Маркс — Э. Мейеру, 14 сентября	529
344. Маркс — Г. Юнгу, 14 сентября	531
345. Маркс — Николаю — ону (Н. Ф. Даниэльсону), 7 октября	—
346. Маркс — Л. Кугельману, 12 октября	533
347. Маркс — И. Б. фон-Швейцеру, 13 октября	535
348. Маркс — Г. Юнгу, 19 октября	539
349. Маркс — Л. Кугельману, 26 октября	—
350. Маркс — В. Джессупу, 28 октября	540
351. Маркс — Э. Мейеру и А. Фогту, 28 октября	541
352. Маркс — Г. Юнгу, 14 ноября	542
353. Маркс — К. Шпейеру, 23 ноября	—
354. Маркс — Л. Кугельману, 5 декабря	544
355. Маркс — Л. Кугельману, 12 декабря	546
356. Энгельс — своему брату Герману, 18 декабря	547
357. Маркс — Г. Юнгу, 28 декабря	548
Именной указатель	553

Иллюстрации.

Снимок одной из страниц письма Маркса к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г.	(между) 146—147
Портрет Энгельса (1865 г.)	» 446—447
Портрет Маркса (1867 г.)	» 486—487
Образец членского билета Интернационала	» 540—541

Под наблюдением редактора *М. Юсим*

Техред. *А. Лавров*

Сдано в производство 11/VI 1936 г.
 Партиздат № 243.

Подписано к печати 22/VII — 29/VII 1936 г.
 Заказ № 770.

Формат бумаги 68×100¹/₁₆. Авт. л. 42. Печ. л. 38. (86 400 тип. зн. в 1 бум. листе). Бум. листов 19.
 Бумага Каменской фабрики. Коленкор Щелковской фабрики.

Главлит № Б-24110.

Тираж 25 000 экз.

Фабрика книги «Красный пролетарий» Партиздата ЦК ВКП(б).

Москва, Краснопролетарская, 16.